

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

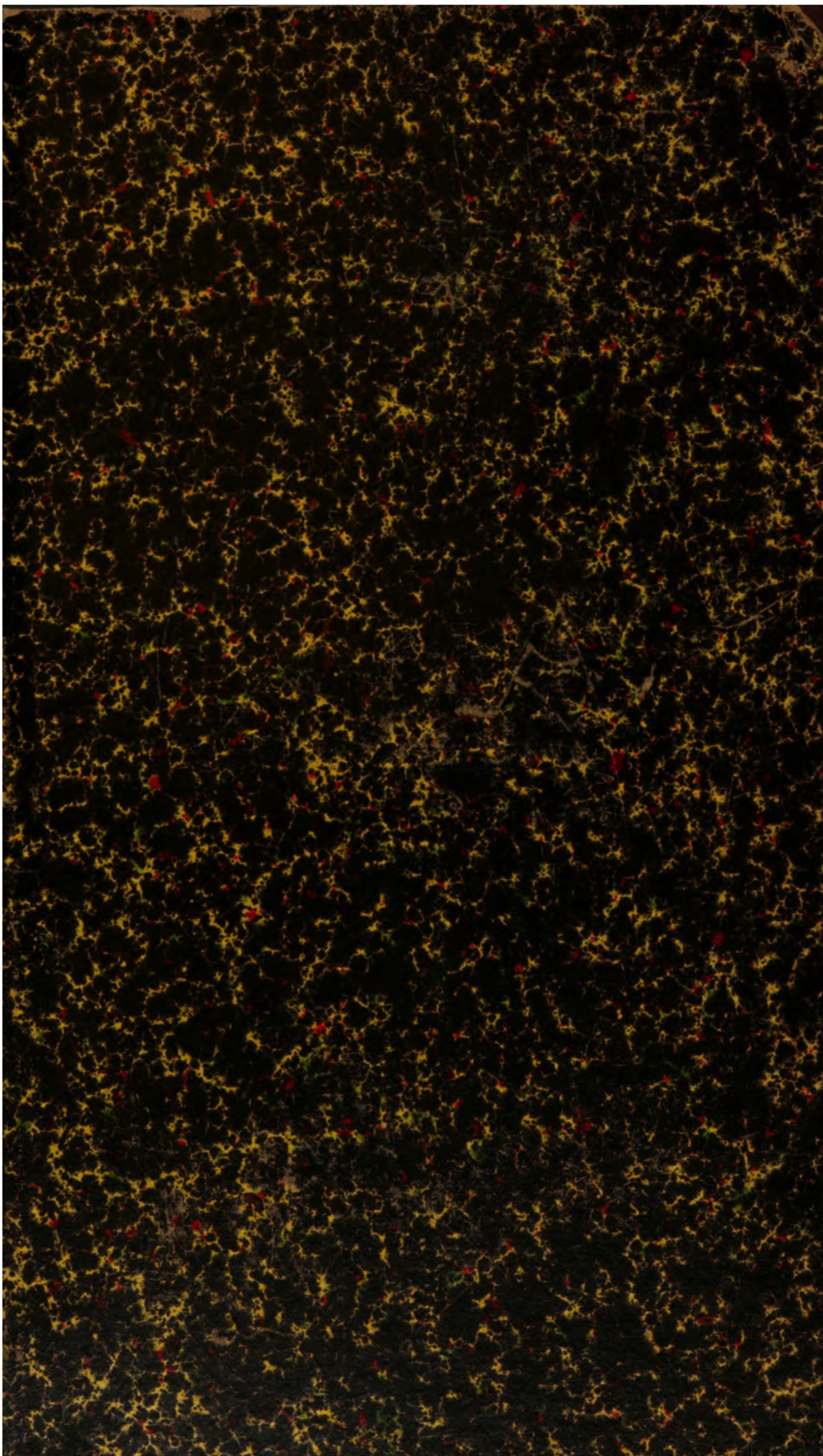
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Р. 8. 2. 36. 4 (1879)
7

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

ИЮН 1946

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ІЮЛЬ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

6
1872
7

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ИЗЪ КУЛЬКА ВЪ РОГОЖЕУ.** Романъ.
(Окончаніе) **Н. С. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.**
- II. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.** Стихотвореніе. (Изъ
Пётефи). **А. Ш.**
- III. СУДЬБЫ ИСПАНІИ.** (Ст. первая) **С. С. ШАШКОВА.**
- IV. СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.** Стихотвореніе . . — **ОВА — ОВА.**
- V. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — ВУРЯ.** (Очерки ан-
глийской провинціальной жизни). Романъ.
(Конецъ третьей части) **ДЖОРЖА ЭЛЛОТА.**
- VI. ГРУСТНАЯ НОЧЬ.** Стихотвореніе. (Изъ
Пётефи) **А. Ш.**
- VII. РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНѢ**
ВОЛИ. (Статья первая) **Д. Л. МОРДОВЦЕВА.**
- VIII. МОНОЛОГЪ.** Стихотвореніе. (Съ нѣмецкаго). **ОМУЛЕВСКАГО.**
- IX. БРИЛЛАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.** Романъ.
(Гл. XXV — XXX). **АНТОНИ ТРОЛЛОПА.**
- X. ЮРОВАЯ.** Ярмарочныя сцены. **М. НАУМОВА.**

См. на оборотѣ.

- XI. ПИРЬ НИЩИХЪ. Стихотвореніе. (Изъ Корнуэлла) О. ОХТЕНСКОЙ.
- XII. ВСЕНАРОДНОЙ ПАМЯТИ ЦАРЯ-РАБОТНИКА С. С. ШАШКОВА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XIII. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРИИ И ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ А. ЗАЛѢССКАГО.
- XIV. ЮБИЛЕЙНО-ПЕТРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА Й.

(«Петръ Великій, преобразователь Россіи». Спб. 1872. Изд. подъ редакц. А. Погосскаго. — «Великій преобразователь Россіи, царь Петръ Алексѣевичъ». Изд. І. Алферьева. Спб. 1872. — «Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго». И. Божерянова. Спб. 1872. — «Исторія медицины (въ?) Россіи въ царствованіе Петра Великаго», составленная Н. Куріяновымъ. Спб. 1872. — «Разказы о Петрѣ Великомъ», Вл. Сорокина. Изд. «Русск. книжн. торг.». Спб. 1872. — «Царь Петръ Великій. 30 мая 1672 — 30 мая 1872 гг.» Чтеніе для народа, П. Шалфѣва. Спб. 1872.)

XV. НОВЫЯ КНИГИ

Историческія бумаги, собранныя К. Н. Арсеньевымъ. Изданы академикомъ П. Пекарскимъ. Спб. 1872. — **Петровский Сборникъ**, изданный «Русскою Стариною» 30 мая 1872 г. (Отгисекъ VI книжки «Русск. Старина» 1872 к.). — **Сборникъ русскаго историческаго общества**. Томъ VIII. Спб. 1871. — **Еврейская Библіотека**. Историко-литературный сборникъ. Томъ II. Спб. 1872.

- XVI. НЕОТЛАГАЕМАЯ РЕФОРМА В. О. ПОРТУГАЛОВА.
- XVII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Приговоръ третейскаго суда по алабамскому дѣлу. — Вліяніе его на президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ. — Союзъ Грили съ демократами. — Успѣхъ президентской кандидатуры Грили. — Мистрисъ Вудгаль объявлена кандидатомъ въ президенты. — Дѣвушка-полковникъ. — Благородная дѣятельность Дугласа въ пользу уничтоженія рабства. — Смѣна всѣхъ чиновниковъ вмѣстѣ со смѣной президента. — Неудобства этой системы. — Административные грабежи и мошенничества. — Подкупы. — Бездѣйствіе общественнаго мнѣнія въ виду испорченности администраціи. — Отсутствие въ американскомъ чиновникѣ качествъ гражданина. — Необходимость коренной административной реформы въ Соединенныхъ штатахъ. — Сильное развитіе пьянства. — Дурная пища и скука, какъ причины пьянства. — Азартная игра. — Ханжество. — Спиритизмъ. — Секта ревивалей. — Пробудители. — Концертъ-монстръ въ Бостонѣ. — Джемсъ Гордонъ Беннетъ. — Его дебюты въ журналистикѣ. — Принципы его издательской дѣятель-

**ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА**

„Д Ъ Л О“

въ 1872 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1872 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія пять лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р. 50 к.
съ перес. иногородн. 8 р. 50 к.
съ доставкой въ городъ 8 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“ — (адресъ ея извѣстенъ почтамту).

Подписавшихся на журналъ «Дѣло» комолугодно и по третямъ контора редакціи просятъ не замедлить своевременной высылкой денегъ на слѣдующее полугодіе или треть, чтобы не задерживать своевременной доставки седьмой и дальнѣйшихъ книжекъ «Дѣла».

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

- Изъ кульба въ рогожку. Романъ. (Окончаніе) *Н. С. Преображенскаго.*
- Зимній вечеръ. Стихотвореніе. (Изъ Петефи) *А. Ш.*
- Судьбы Испаніи. (Ст. первая) *С. С. Шаикова.*
- Старые знакомые. Стихотвореніе —ова—ова.
- Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Конечъ третьей части). *Джорджа Эллиота.*
- Грустная ночь. Стихотвор. (Изъ Петефи). *А. Ш.*
- Русское крестьянство наканунѣ воли. (Ст. первая.) *Д. Л. Мордовцева.*
- Монологъ. Стихотвореніе. (Съ нѣмцаго). *Омулевскаго.*
- Бриллиантовое ожерелье. Романъ. (Гл. XXV—XXX). *Антони Троллопа.*
- Юровая. Ярмарочныя сцены. *М. Наумова.*
- Пиръ нищихъ. Стихотв. (Изъ Корнуэлля). *О. Охтенской.*
- Всенародная память царя-работника *С. С. Шаикова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Сравнительной методъ въ исторіи и основныя истинны. *А. Зальскаго.*
- Юбилейно-петровская литература. *Й.*
- Новыя книги
- Неотлагаемая реформа *В. О. Португалова.*
- Политическая и общественная хроника.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГИНОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЯ.

59445
№ 24465

2
P. 236.4 (1872)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 іюля, 1872 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

63 + 2

ИЗЪ КУЛЬКА ВЪ РОГОЖКУ.

ГЛАВА XXXVI.

Наталя Павловна Кубрикова и мукосѣи.

Быль такой часъ дня, когда въ домѣ генерала все при- тихло — отъ жару, можетъ быть, — и всякій копался надъ чѣмъ-нибудь въ своей комнатѣ: учитель продувалъ черниль- ницу и сметалъ перышкомъ пылъ съ какой-то книги, другъ дома теребилъ баки, запустивъ въ нихъ цѣлую горсть; Анна Ивановна считала салфетки, привидывала каждую на свѣтъ, словомъ, всякій углубился въ самого себя, не исключая Пав- ла Сергѣича, который съ часъ уже какъ оттиралъ пальцемъ пятно на панталонахъ. Быль не то, чтобы праздникъ, а такъ выдалось у всякаго пустое время, словно, вотъ передъ тѣмъ, какъ ждали кого, либо собирались куда ѣхать. Такъ въ полуденную пору бываетъ въ курятникѣ и на голубятнѣ, когда птицы, поклевавши кормъ, садятся тамъ и сямъ, не то, чтобы спать, а такъ обирать около себя, теребятъ носикомъ крылья, чистятся, вздрагиваютъ, инны дремлютъ, и самъ птицеводъ, недавно сидѣвшій, какъ отецъ семейства, среди голубей, садившихся ему и на плечи и на голову, начинаетъ дремать подъ легкое шуршанье и вздрагиванье отдыхающей птицы. Дней пять еще оставалось до Петрова дня, дня те- зоименитства его превосходительства и перваго бала, кото- рымъ открывали Кубриковы свой приѣздъ въ провинцію. Шли, разумѣется, приготовленія, но они не были замѣтны въ па-

радныхъ комнатахъ, гдѣ все и всегда, казалось, встрѣчало свѣтлый день. Въ одной изъ этихъ парадныхъ гостинныхъ сидѣла Наталья Павловна, старшая дочь генерала. Она изучила уже всѣ предметы, какіе нужно, говорила, кромѣ русскаго, еще на трехъ языкахъ, знала и *le pape Bouiface*, и *Otfride duc de Bouillone*, и *cette canaille de Catilina, qui n'a pas aimé Cicéron*, etc. etc., и потому ей уже позволено было читать все, что угодно. Въ рукахъ ея былъ теперь *Alfred de-Musset*. Но ей не нравились и не совсѣмъ понятны были его драмы изъ итальянской жизни, потому она читала неохотно, часто опускала книгу и задумывалась. Такіе писатели, какъ *Alfred de-Musset*, *George Sand*, вообще, не нравились ей; она находила ихъ нѣсколько туманными, за то въ *Дюма* и *Сю* поражали ее яркость картинъ и огонь страстей, какъ она думала; тутъ видѣла она пламенный и роскошный языкъ любви, не жалѣющей словъ и выраженій, не то, что у *Жоржъ-Занда*, гдѣ часто о многомъ надо догадываться. Воображеніе ея прониклось волшебными картинами изъ *Монте-Кристо*, *Графини Монсоро*, *Трехъ Мухометовъ*: тутъ все было ясно и увлекательно, не то, что въ *Le secrétaire intime* или въ *La ville poire*; даже самыя огненные страницы изъ *Valentine* были отравлены для *Натальи Павловны* уже тѣмъ, что другое дѣйствующее лицо, *jeune premier*, именно *Бенедикъ*—былъ ничто иное, какъ простой мужикъ. *Индіану* считала она безнравственною и этотъ блѣдный, чудно-сіяющій образъ страдающей женщины проигрывалъ въ глазахъ ея тѣмъ, что въ немъ она не видѣла достаточно религіозности. *Лукреція-же Флоріани* совершенно спутала было ея понятія: низшій классъ, въ лицѣ какой-нибудь актрисы, дочери лѣсного сторожа, вдругъ выставляется въ такомъ свѣтѣ, окружается такимъ ореоломъ... Нѣтъ, нѣтъ! не говоря уже о томъ, что эта женщина прямо топчетъ всякія добродѣтели... Гдѣ-жъ послѣ этого религія? Такъ въ *Жоржъ-Зандѣ* всегда поражали *Наталью Павловну* то безнравственность, то отсутствіе религіозности, то — что всего хуже—какое-то смѣшеніе высшаго класса съ низшимъ. Совсѣмъ не то у *Дюма*; привилегированный классъ всегда остается привилегированнымъ и мужики не покидаютъ читателя тѣмъ, что лѣзутъ не въ свой кругъ. Словія никогда не должны смѣшиваться, иначе долженъ быть хаосъ. Можно ли представить себѣ, чтобы, на примѣръ, *вняжна Мери* вклю-

билась въ какого-нибудь Сидора Кузьмича или Евсигнея Федорыча? Свои чистые идеалы Наталья Павловна составляла по Дюма. Тутъ она питала свои чувства и думы. Но сладкій ядъ любви волновалъ преимущественно ея пылкое молодое воображеніе. Она рисовала себѣ волшебныя картины нѣги и упоенія... Упоеніе, упоеніе — было конекъ ея... Забыться, замлѣть, замереть, наконецъ, въ нѣжныхъ объятіяхъ и ощущать одно только упоеніе и упоеніе... Вотъ какимъ мечтамъ предавалась она часто, сидя за книгой, и какъ-бы утомленная нѣгой созданныхъ картинъ, томно откидывалась на спинку дивана и закрывала глаза... Но *кто-же* онъ, *кто* этотъ идеалъ, который она рисовала себѣ въ эти минуты сладкой истомы и предвкушаемаго упоенія? Онъ долженъ быть, во-первыхъ, чистой крови, un homme d'aristocratie, comme il faut вполнѣ, но главное distingué. Родители его непременно богатые, ему, кромѣ того, предстоитъ огромное наслѣдство со стороны; единственный сынъ, онъ получаетъ блестящее воспитаніе, прекрасно рисуетъ, занимается музыкой, съ чувствомъ поетъ; ему предстоитъ блестящая карьера, онъ вступаетъ въ службу, получаетъ чины, ордена... Онъ принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ. На немъ всегда дорогое, самое тонкое бѣлье, всегда новыя перчатки, его глаза устремлены часто въ даль, въ нихъ блеститъ слеза, ибо онъ плыветъ, напимѣръ, на кораблѣ въ родѣ Чайльдъ-Гарольда или просто на берегу слѣдитъ за теченіемъ волнъ, проникаясь въ то-же время мыслию о жизни вообще... Но вотъ онъ на балѣ, она танцуетъ съ нимъ и онъ такъ ловко обнялъ ея талію и кружится въ быстромъ наскончаемомъ вальсѣ. Вотъ она уединилась съ нимъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью зелени, которую убрана бальная зала. Онъ тихо пожимаетъ ей руку...

— Но кто онъ, кто онъ? думаетъ иногда она.

— Гусаръ, капитанъ, полковникъ — нѣтъ, все это не то! Ея идеалъ не укладывается въ мундиръ.

По министерству иностранныхъ дѣлъ, дипломатъ, секретарь посольства... Да! это кажется лучше. Черный фракъ, звѣзда, огромныя связи...

— Нѣтъ, нѣтъ—онъ не можетъ служить по другому министерству. Да и, наконецъ, онъ будетъ просто числиться... Вѣдь вотъ папа служить гдѣ-то, а что-жь? Я когда-то у не-

го спросила, а онъ, кажется, и самъ не знаетъ хорошо, ка-кая его служба. Вотъ такъ долженъ и онъ...

— А главное, главное—онъ долженъ быть *distingué*. Онъ долженъ быть душа, прелесть, черный фракъ, бѣлый галстукъ—Боже избави, если-бы онъ надѣлъ полосатые штаны!.. Я его разлюбила-бы тотчасъ. Волосы у него черны и эти глаза, глаза... всегда устремлены вдаль. Тамъ вдали рощи, лѣса, заря гаснетъ, а онъ такъ чувствителенъ, такъ пони-маетъ природу. Мы будемъ гулять, наслаждаться воздухомъ. До позднего вечера гдѣ-нибудь въ уединеніи... А дома го-товъ самоваръ, папанъ ждетъ насъ. Мы будемъ жить все вмѣстѣ. И собачка Мими... и пале... Ахъ, этотъ учитель: онъ славный человекъ. Я его возьму. Можно будетъ смеяться, говорить, *sans* вообще. А онъ... онъ все со мной. Я цѣлую его. Онъ жметъ руку... *Mon prince!* поворю я ему... Ахъ, онъ долженъ быть непременно *le prince, le comte*... Ина-че я его не буду любить.

И засыная, она представляетъ себѣ, какъ цѣлуетъ своего *prince*... у него пушистые бакенбарды... Ахъ, я не хочу съ бородой, ни за что не хочу!

Но вотъ она на водахъ, за границей или въ Италіи: съ *нимъ* она всходитъ на Везувій, они собираютъ древности, ка-меи и эту лаву, про которую пишутъ... Пылкое воображеніе рисуетъ ей картину Рима, Неаполя и синяго Капри...

— *Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen?* шепчутъ не-волью ея губы.

Она рѣзво бѣгаетъ по лимоннымъ рощамъ, синее небо сіяетъ такъ мягко...

О, какъ она будетъ любить! Ея сердце было уже разъ ва-нято, но то былъ *mauvais genre*, просто поручикъ, положимъ гвардіи, но нѣтъ, нѣтъ! Одно уже то, что поручикъ. Кто вашъ мужъ? Поручикъ. Чѣмъ служить вашъ мужъ? Поручи-комъ. Если-бы *le comte, le prince*... А то и небогатый... И, ка-жется, безъ связей...

Но чаще всего рисуетъ она себѣ роскошный балъ и она порхаешь, порхаешь... На ней брилліантовая діадема... Брош-ка, усыпанная алмазами... вѣеръ тоже съ алмазами... Она повертываетъ свою головку то къ тому, то къ другому и ея дорогія серьги блестятъ тысячью огнями, и вся она блеститъ и сіяетъ, и щечки ея пылаютъ и искрятся румянцемъ. Она

устала. Она утомлена. Вотъ она сидитъ гдѣ-нибудь въ уголѣ. Подходить онъ.

— Вы устали? говоритъ онъ.

— Да, тихо отвѣчаетъ она.

Онъ вздыхаетъ и тихо такъ спрашиваетъ:

— Весело-ли вамъ?

Она поднимаетъ на него свои прелестные глаза.

— Вы объ этомъ спрашиваете?

— Да, говоритъ и подавляетъ вздохъ.

Онъ беретъ ее за руку, она не отнимаетъ руки.

Сидятъ.

Тутъ мало разговоровъ: тутъ все вздохи и упоеніе, упоеніе...

Вотъ она опустила глаза.

Онъ все молчитъ. Она тоже.

— Эй, Федька! гдѣ тебя льшій носить? Квасу барину.

Это на дворѣ Фома кричитъ.

Наталья Павловна вздрагиваетъ.

— Я тебѣ, шельма, двадцать разъ толковалъ... Что онъ теперь безъ квасу сидитъ? Развѣ это порядоко?

— Ахъ, mon Dieu, mon Dieu! что это за жизнь! говоритъ Наталья Павловна.—Все это такъ мелко... папа все квасъ пьетъ... Дадутъ одинъ балъ всего, много два въ лѣто. Да и это тутъ есть? Развѣ Черенасовъ одинъ порядочный человекъ, да это все другой кругъ, не нашъ... Не для кого одѣваться совѣмъ.

И она опять задумывается.

— О, какъ я могла-бы любить!

Когда Наталья Павловна остается одна съ книжкой и падаетъ на особенно патетическія страницы, то часто представляетъ себѣ, какъ сильно она могла-бы любить. Воображеніе ея сильно работаетъ на эту тему. Она видитъ передъ собой своего воображаемаго prince, видитъ его лицо и главное глаза, глаза... Она представляетъ себѣ позы, которыя-бы онъ принималъ, наприкладъ, она сидитъ, онъ на колѣняхъ, у ногъ ея—поль, разумѣется, чистый, паркетъ—вотъ онъ склонилъ голову и прильнулъ къ рукѣ ея... вотъ она сама наклонилась, вотъ... чтобы такое?—словомъ упоеніе, упоеніе безъ конца... И сама Наталья Павловна удивляется даже глубинѣ чувствъ своихъ: такъ они кажутся ей сильны...

— O, mon Dieu, mon Dieu! говорить она утомленнымъ голосомъ и провѣдить рукой по лбу.

— Однако, какъ я разгорѣлась!

И она подходитъ къ зеркалу, поправляетъ волосы, платье, оглядываетъ то одну щеку, то другую, проводитъ рукой по глазамъ, приближая ихъ близко-близко къ зеркалу, а между тѣмъ вызванный мечтами румянецъ исчезаетъ и лицо принимаетъ обычный блѣдно-розовый цвѣтъ. Вообще эти грезы воображенія не оставляли въ Натальѣ Павловнѣ никакого особеннаго слѣда, кромѣ утомленія на нѣкоторое время, да и состояли онѣ, какъ мы видѣли, изъ картинъ легкихъ и пріятныхъ, которыя Наталья Павловна по своей волѣ могла вызывать, любоваться ими, варьировать по своей прихоти и затѣмъ завѣшивая ихъ до будущаго раза. Воспитаніе она получила строгое, вполне разсудочное, какъ выражался учитель; хотя она и не училась по кубикамъ, но въ головѣ ея все словно было раздѣлено на кубики или, скорѣе, на клѣтки, въ которыхъ прочно сидѣли уже всякія добродѣтели и прежде все извѣстный *contenance* во всемъ, чтобы ничто и никогда не выступало изъ должныхъ приличій и границъ. Можно и хорошо даже иногда мечтать, задумываться, но все это чтобы не касалось дѣла: это собственно жизнь духа... Мало-ли что можно воображать себѣ, но чтобы при этомъ вернуться какъ-нибудь неловко, смять платье, или глазамъ сообщить какое-нибудь необычайное выраженіе—нѣтъ, нѣтъ! Да и, наконецъ, Наталья Павловна строго отдѣляла мечты отъ жизни и прежде всего помнила, что люди не ангелы... Вотъ потому, до каковаго-бы упоенія ни доходила она, сидя за книжкой, какія-бы роскошныя картины ни рисовала себѣ—стоило раздаться звонку въ передней, извѣщавшему о чьемъ-либо визитѣ, и лакей, докладывая о князѣ Щенятевѣ, не замѣчалъ уже никакой перемѣны въ Натальѣ Павловнѣ, хотя она сейчасъ только сама удивлялась необыкновенной глубинѣ своихъ чувствъ и волненій. Ей было уже далеко за двадцать; воспитаніе сберегло ее отъ всякихъ порывовъ и увлеченій, а положеніе пріучило во всемъ и всегда подчиняться разсудеу. То, что создавало ея воображеніе, не проникало собственно въ сердце и послѣднее сохранилось чистымъ и дѣвственнымъ. Не было такихъ случаевъ, чтобы это сердце забилося участіемъ къ кому-нибудь, состраданіемъ, вообще любовью: оно

знало только упоеніе... Притомъ, къ устраненію подобныхъ случаевъ были приняты всѣ мѣры. Все, казалось, было предусмотрено, чтобы не смущать духъ какой-нибудь новой мыслью, постороннею, такъ сказать, той жизни, какую вело семейство генерала. Всѣ фразы, какія обычно употребляются въ разныхъ системахъ воспитанія, напимѣръ, развитіе ума, сердца, религиозное чувство—все это было въ ходу; получался даже педагогическій журналъ. Впрочемъ, читалъ его только Евсигней Федорычъ. Тамъ слѣдилъ онъ, какъ развивалась система кубиковъ, какія пренія велись въ педагогическомъ обществѣ о томъ, какъ развивать, чему учить, къ чему направлять и проч. Употреблялись также слова извѣстныя: вѣра, надежда, любовь, духъ, душа; слѣплялись въ цѣлыя фразы, въ родѣ: Ахъ, любовь—это такое чувство — *L'amour qu'est que c'est que ça?* Духъ нашъ по повелѣнію Божию безсмертенъ. Генеральша, напимѣръ, часто со вздохомъ повторяла:

— Ахъ, прежде всего о душѣ! Все прахъ и тлѣнъ... Какъ мы мало заботимся о душѣ! *Sophie!* гдѣ мой платокъ?... Все тлѣнъ и прахъ... И даже... *Sophie!* кому я говорю?

Даже генераль, хотя рѣдко, а говорилъ, напимѣръ, о Богѣ при случаѣ.

— Это все такъ, это такъ... и даже самъ Богъ... Всевышній... Ну, заповѣди тамъ и все такое—что еще?

Наталья Павловна, говоря объ этихъ высокихъ предметахъ, даже поднимала глаза горѣ и умиленно глядѣла на небо или на образъ.

Когда генеральша пускалась въ размышленія о душѣ, то самъ Федоръ Ивановичъ чувствовалъ, что проникается чѣмъ-то, только не умѣетъ отдать себѣ отчета, чѣмъ именно.

Евсигней Свѣтозаровъ дѣлалъ рожу суровѣи обыкновеннаго и, потупивъ глаза, повторялъ себѣ подъ носъ:

Coelo tonantem credidimus Jovem!

Словомъ, все было ясно, опредѣленно и никто въ домѣ не испытывалъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Въ случаяхъ крайности прибѣгали въ такимъ выраженіямъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Это ужъ искони... вѣками идетъ. Объ этомъ и говорить не надо.

Или такъ:

— Если ужъ противъ этого идти, то что-жь останется? Нѣтъ, нѣтъ... Это нельзя, не должно, это именно то, что

сокрыто отъ насъ... Это всякій человѣкъ долженъ, обязанъ имѣть въ душѣ, которая безсмертна. Мы на землѣ и кто смѣетъ военуться небеснаго, которое сокрыто? Это ужъ искони и всегда...

Такия сентенціи ограждали мысль отъ всякаго поползновенія сунуться куда-нибудь въ сторону.

И вотъ стройный порядокъ, вытянутыя въ струнку сентенціи и правила, которыя, по мѣрѣ надобности, ставились во фронтъ, вытягивались по швамъ и давали залпъ по всякому поползновенію къ вольнодумству, дѣлали изъ дома генерала своего рода казармы или, пожалуй, бурсу, въ которой имѣлся свой Церберъ — Евсигней Свѣтозаровъ.

Черенасовъ, какъ мы сказали, проиель прямо на балконъ, гдѣ сидѣла Наталья Павловна.

Какъ ни былъ Черенасовъ близокъ съ домомъ Кубриковыхъ, тѣмъ не менѣе онъ всегда чувствовалъ, что между нимъ и этою аристократическою великосвѣтскою жизнью есть завѣтная черта, за которую нельзя переходить ему, простому смертному, вдобавокъ изъ духовнаго званія. Прежде, когда онъ былъ помоложе и только еще поступилъ въ комиссію, его бѣсило это чувство, возмущало его гордость, и въ домѣ генерала онъ всегда былъ сосредоточенъ и углубленъ въ себя, а къ Натальѣ Павловнѣ относился даже съ чувствомъ гадливости. „Воздушное созданіе! Куколка!“ думалось ему. „Какъ? жить только для того, чтобы порхать по цвѣтамъ, читать Дюма, сладко ѣсть, пить и спать, и въ то-же время, подобно прочимъ, разсуждать о Богѣ, объ истинѣ, о добродѣтели. Да это вошунство! Ужасно!“ Съ теченіемъ времени такой взглядъ его смягчился. Вообще, служба въ комиссіи, онъ сталъ мириться со многимъ. Ему стали понятны фразы: такъ нужно, такъ заведено, таковъ порядокъ. Потомъ, разумѣется, онъ хватился, куда дѣвались его идеалы? Но, какъ мы видѣли, было уже поздно. Мысль его пропиталась окончательно этими разными: такъ нужно, такъ заведено, таковы правила. Наталья Павловна была очень недурна собой и Черенасовъ тѣмъ охотнѣе сталъ отыскивать и

замѣчать въ ней человѣческія черты, которыхъ прежде его сознание и враждебность къ аристократизму не допускали. Между ними установился нѣкоторый родъ близости. Наталья Павловна была съ Черенасовымъ за-просто и герою нашему казалось иногда, что онъ забываетъ то разстояніе, о какомъ подсказывало ему инстинктивное чувство, похожее на враждебность ко всему, носившему на себѣ отпечатокъ аристократизма. Прежде когда-то онъ являлся проповѣдникомъ демократическихъ идей, говорилъ о народѣ, о томъ, что вся эта салонная жизнь только мишура и проч., Наталья Павловна слушала его не безъ удовольствія, причемъ больше любила смотрѣть на его черные, прекрасные глаза и блѣдное лицо, внезапно покрывавшееся румянцемъ одушевленія. Какъ только онъ прихватилъ въ себя муюсьевщины, такъ ему самому стало совѣстно говорить о народѣ и тому подобныхъ вещахъ, несвойственныхъ муюсьямъ. Прежде въ домѣ генерала говорили о Черенасовѣ, что онъ не совсѣмъ выдержанъ, много увлекается; съ муюсьевщиной все это прошло: всѣ нашли его вполне достойнымъ молодымъ человекомъ, вполне *comme il faut*, а Наталья Павловна замѣтила въ немъ даже нѣчто въ родѣ своего завѣтнаго *distingué*. Съ муюсьевщиной стала словно сглаживаться та рѣзкая черта, которая отдѣляла Черенасова отъ всего, что отзывалось аристократизмомъ, и въ головѣ нашего героя, незамѣтно для него, начались всякія соглашенія, уступки, по всѣмъ правиламъ реторики, со всякими хотя-бы, желательно, однако и проч. Наталья Павловна-же была хороша собой и потому уступки дѣлались охотнѣй и скорѣй. Тутъ въ первый разъ Черенасовъ веусиль отъ древа познанія добра и зла, и разница между тѣмъ и другимъ стала ускользать изъ его сознанія. Сладкій туманъ аристократическихъ гостинныхъ облекалъ самую муюсьевщину во что-то пріятное, легкое и на первыхъ порахъ Черенасовъ чувствовалъ только, что ему пріятно, жизнь идетъ легко. Онъ внутренно благодарилъ тогда пріятеля, посоветовавшаго ему утвердиться въ чинѣ. Тутъ въ первый разъ Черенасовъ утратилъ прежнюю рѣзкость сужденій, тутъ первый разъ поставилъ онъ вопросъ такъ, что изъ дважды два, пожалуй, можетъ выйти и не четыре, а пять. Тутъ въ первый разъ жизнь явилась для него неопредѣленнымъ уровнемъ, въ которомъ любую величину можно вставлять вмѣсто

неизвѣстнаго. Тутъ въ первый разъ заподозрилъ онъ слова нѣкоторыя: любовь, честность, справедливость и др. Муко-сѣвщина набросила сначала тонкую, чуть замѣтную, какъ кисею, какъ дымку, завѣсу на все, что сначала было такъ ясно. А это были вещи довольно серьезныя: свобода мысли, трудъ, развитіе внутреннихъ силъ—все это были теперь туманныя картины, вечернія облава, представляющіяся то львомъ, то дракономъ.

— Что это я словно не вѣрю ничему? захватилъ разъ себя Черенасовъ на особенномъ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи духа: съ какихъ это поръ? Но тутъ-же онъ поспѣшилъ замаять возникшую въ немъ мысль, сказавши, что это „хандра, пройдетъ. Долго сидѣлъ—оттого“.

А это была не хандра, а именно то, отъ чего ему пришлось отлеживаться у отца Максима. Это было то, что закрыло ему уши и глаза на прекрасныя картины дѣтства. Это было то, что потомъ истерзало его сердце, оставивъ ему однѣ муки раскаянія и сожалѣнія о прошломъ. Это было то, что развратило его мысль, убило способность любви и сочувствія. Это было то, что сгладило, сравняло, вышлифовало, ступсывало его внутренній міръ, убивъ въ немъ всякіе зародыши самостоятельной жизни, и сдѣлавъ изъ него общественнаго дѣятеля подъ видомъ мучосѣя. Это было то, что утвердило въ чинѣ и въ будущемъ указало богатую невѣсту — костромскую купчиху. Это было

Lasciate ogni speranza voi che entrate

Это было то, что заставляло его повторять и еще другой стихъ изъ Данте:

Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice!

Это было дважды-два не четыре, а пять!

Черенасовъ нравился Натальѣ Павловнѣ нѣкоторою оригинальностью, въ аристократическомъ кругу иногда не лишнею, чтобы быть замѣтнымъ въ толпѣ одинаково-отшлифованныхъ, одинаково со вкусомъ одѣтыхъ, одинаково приличныхъ и достойныхъ молодыхъ людей. Черенасовъ не имѣлъ, напри-

мѣръ, той развязности, какая бываетъ у человѣка, выросшаго среди роскошныхъ гостинныхъ; онъ не былъ разговорчивъ, какъ всѣ, онъ казался скромнымъ и даже робкимъ въ сравненіи, на примѣръ, съ блистательнымъ княземъ Щенятевымъ, который умѣлъ и раскланяться, и сѣсть, какъ слѣдуетъ, и рѣчь завести такую свободную, благородно-прямую, гдѣ все, такъ сказать, ровно и открыто, ничего недоговореннаго; у Черенасова не скоро высказывалось что-нибудь; если онъ даже соглашался, то видно было, что это наружно только, что многое остается еще подъ сомнѣніемъ, что у него не рѣшены вопросы, которые такъ ясны для Щенятева, толкующаго о прогрессѣ, о правительствѣ, о важности во всемъ и вездѣ протекціи, о связяхъ, о близкомъ родствѣ своемъ съ графомъ Тулиновымъ, о дальнемъ съ княземъ Кадаевымъ и проч. У Черенасова Наталья Павловна ничего не слыхала подобнаго. Все да, нѣтъ, можетъ быть — и затѣмъ какой-то неопредѣленно-устремленный взглядъ въ сторону, взглядъ, въ которомъ ничего не могли прочесть ея хорошенькіе черные пронизательные глаза. Иногда она ему задавала, казалось, самые ясные вопросы, на примѣръ:

— Какого вы мнѣнія о Екатеринѣ Второй?

Черенасовъ какъ-будто не совсѣмъ понималъ, что такое хотѣла сказать Наталья Павловна, устремившая на него свои черные пронизательные глаза.

— Извините, началъ онъ, — это вопросъ такой странный...

— Вотъ ужъ нисколько, перебила она. — Кто-же сомнѣвается, на примѣръ, что Петръ Великій и въ исторіи тамъ, и такъ если судить... Ну-съ, однако мы отбиваемся отъ цѣли — какого вы мнѣнія о Екатеринѣ Второй?

— Тутъ, собственно говоря, можно разсуждать двояко.

— Полноте, Черенасовъ! Что это, какъ только приходите вы изъ своей комиссіи, такъ все у васъ двояко?

Муросѣвщина, дѣйствительно, шибко учитъ все обсуждать двояко и съ теченіемъ времени, служа въ комиссіи, Черенасовъ сталъ замѣчать, что у него въ головѣ все какъ-будто двояко: замѣчаніе Натальи Павловны сконфузило его.

— Я хочу прямого отвѣта, а не двояко, продолжала она.

— Прямого? спросилъ Черенасовъ и это слово нѣсколько смутило его. „Прямого, прямого“, повторялъ онъ нѣсколько разъ про себя.

— Да, отвѣчала Наталья Павловна.—Прямого.

— Хорошаго мнѣнія, если вамъ угодно, отвѣчалъ Черенасовъ.

Отвѣтъ оказался неудовлетворительнымъ.

— Вотъ вы всегда такъ отдѣльваетесь, начала Наталья Павловна.—Отчего вы не хотите опредѣлить ясно, какъ это обыкновенно дѣлають у насъ...

— Кто дѣлаеть?

— Да вотъ мы, русскіе, вообще... У васъ что ни спросишь, вы всегда сначала какъ-будто думаете, какъ-будто не понимаете вопроса. Я-бъ спросила у васъ: есть-ли Богъ?

„Эге!“ подумалъ Черенасовъ.

— Вы-бы и тутъ, кажется, протянули-бы сначала свое гмъ, потомъ посмотрѣли-бы въ сторону...

— А вы-бы какъ?

— Разумѣется, съ живостью подхватила собесѣдница, — я сказала-бы: есть. Развѣ можно что-нибудь еще?

„Про комиссію ты-бы спросила что-нибудь у меня,“ со вздохомъ подумалъ Черенасовъ.

— Я въ этихъ случаяхъ всегда такъ: или да, или нѣтъ. Вы всегда на срединѣ.

„Двойко,“ подумалъ Черенасовъ.

— Все будто думаете. Вы, кажется, готовы сомнѣваться, столь-ли это передъ вами или нѣтъ?

Черенасовъ посмотрѣлъ на столъ.

„А, чортъ его возьми, подумалъ онъ, — дѣйствительно, кажется, готовъ сомнѣваться.“

— Что, двойко? спросила Наталья Павловна, между тѣмъ какъ Черенасовъ глядѣлъ на столъ.

— Мнѣ не приходитъ въ голову такихъ вопросовъ, сказалъ онъ. „И слава Богу! мелькнуло у него въ головѣ, а то и тутъ, пожалуй, было-бы двойко.“

— Какіе-же вамъ вопросы приходятъ въ голову?

Черенасовъ поглядѣлъ на собесѣдницу.

— А ей Богу, никакихъ! сказалъ онъ. — Вотъ по комиссіи...

— Ахъ, вы съума сойдете съ вашей комиссіей.

„Сопель ужъ,“ подумалъ Черенасовъ.

Наталья Павловна помолчала и какъ-будто задумалась.

— Вы не читаете газетъ? спросила она.

— Нѣтъ.

— Я, значитъ, угадала. Вы оригинальный человекъ.

Черенасовъ покалъ плечами.

— Да, подтвердила Наталья Павловна. — Я первый разъ встрѣчаю человека, который не задаетъ себѣ вопросовъ. Если бы я не знала, что вы иногда такъ хорошо говорите, вотъ о народѣ, что-ль...

Черенасовъ покраснѣлъ.

— Я сочла-бы васъ за идиота. Какъ жить безъ вопросовъ? Вотъ Basile, mon cousin — онъ ужь безбожникъ и все, — но у него все такъ ясно: Бога нѣтъ, святыхъ не нужно, нравительства тоже — ужасно!... Неужели и вы такъ?

— Какъ?

— Да вотъ тоже: Бога не нужно.

— Развѣ я говорилъ это?

— Да по вашимъ мыслямъ.

— А какія мои мысли?

— Ахъ, какіе-жъ вы! Вотъ ужь оригиналъ... Вѣдь вы размышляете-же, наконецъ, объ этихъ вещахъ?

— О какихъ?

— Ну, о Богѣ, напримѣръ...

Черенасову сейчасъ представилась картина въ „Искру“: „Чиновникъ комиссіи, размышляющій о Богѣ“.

— И, разумѣется, двоею, — прибавилъ онъ вслухъ и улыбулся.

— Что двоею? спросила собесѣдница.

— Нѣтъ, это я такъ, поспѣшилъ замѣть Черенасовъ, — про себя... О Богѣ-то.

Наталья Павловна помолчала.

— Ну-съ, какъ-же вы размышляете?

— О чемъ?

— Да объ этихъ вещахъ?

„О, Господи! вздохнулъ про себя Черенасовъ: — о какихъ это вещахъ и что ей нужно?“

— Никакъ не размышляю, ей Богу, никакъ, сказалъ онъ.

— Однако-же, Черенасовъ, начала, помолчавъ, Наталья Павловна: — есть, наконецъ, опредѣленные, общія, если хотите, понятія... Нѣтъ, нѣтъ, мсье Черенасовъ, такъ нельзя...

— Чего тамъ еще нельзя? думалъ Черенасовъ, ловя послѣднія слова собесѣдницы.

— Вы отходите ото всего... отъ круга, отъ людей, отъ понятій вообще...

„О, Господи! вздыхалъ Черенасовъ.—Это все должно быть о Богѣ.“

— Мы все-таки живемъ, вѣруемъ, надѣемся...

„Такъ, о Богѣ,“ вздохнулъ Черенасовъ.

— Что-жь это будетъ, если каждый изъ насъ все по своему станетъ разсуждать?

Черенасовъ молчалъ.

— Есть вещи, противъ которыхъ нельзя идти: есть вѣра, надежда, любовь...

„Что это она такое говорить?“ вдумывался Черенасовъ.

— Зачѣмъ-же мы, наконецъ, учимся? Тратимъ годы? Лучше бросить все.

— А что? подхватилъ Черенасовъ:—гораздо-бы лучше.

— Кто-жь-бы намъ тогда далъ понятіе обо всѣхъ этихъ вещахъ?

— Вотъ опять о вещахъ—о какихъ?

— Объ истинѣ...

Черенасовъ поглядѣлъ на Наталью Павловну, какъ будто хотѣлъ спросить, подобно Пилату: Что есть истина?

— О любви...

— У насъ въ комиссіи, началъ Черенасовъ.

— Что можетъ быть выше любви?

— Ежели служить въ комиссіи...

— Когда ея нѣтъ...

— Служа въ комиссіи...

— Ахъ, отстаньте вы съ вашей комиссіей!

Черенасовъ пожалъ плечами.

Наталья Павловна помолчала, потомъ перемѣнила тонъ и особенно какъ-то ласково обратилась къ Черенасову.

— Однако, мсье Черенасовъ, вы все шутите: поговоримъ серьезно!

— Ей-Богу-же не шучу, встрепенулся Черенасовъ. „Чего она хочетъ?“ подумалъ онъ съ досадою.

— Видите-ли, Сергѣй Михалычъ: я все-таки желала-бы знать, какихъ вы собственно мыслей, что у васъ въ головѣ вообще.

— Я не скрываю.

— Какъ не скрываете? Я до сихъ поръ не могу васъ познать.

„Чудно!“ мелькнуло въ головѣ Черенасова.—Что-же вамъ нужно?

— Да вотъ, если хотите, нужно мнѣнiе составить — вотъ Basile, напримѣръ—я уже заранѣе знаю, что онъ будетъ говорить, какъ начнетъ ругать правительство—вы даже правительство не ругаете...

— Зачѣмъ?

— Да нынче всѣ это... Посмотрите, на что ужъ князь Щенятевъ... Какъ онъ рѣзко осуждаетъ правительство!

— За что-жес?

— Ну, тамъ за прогрессъ, что-ли — не знаю, что у васъ тамъ — вотъ эманципация... что еще? Все-таки нужно свое мнѣнiе...

— А развѣ это его спрашиваетъ?

— Вотъ прекрасно! Какъ-же не имѣть своего мнѣнiя о такихъ вещахъ?

— Да на что оно мнѣ?

Наталья Павловна молча поглядѣла на собесѣдника.

— Нѣтъ, вы скрытный человѣкъ! сказала она.

— Чего она хочетъ? подумалъ Черенасовъ.—Не понимаю. Оба помолчали.

— Скажите мнѣ откровенно, начала особенно ласково Наталья Павловна:—есть у васъ что-нибудь задушевное, теплое, что вамъ-бы однимъ принадлежало? Ну-съ, скажите!

Черенасовъ задумался: что тутъ скажешь?

— Да вамъ чего нужно-то? спросилъ онъ.

— Ну, напримѣръ, любите-ли вы кого-нибудь, стремитесь-ли къ чему? Ну-съ?

Черенасовъ сталъ копаться въ головѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, помолчавъ:—ей-Богу, нѣтъ.

— Положа руку на сердце—а?

Черенасовъ положилъ руку на сердце и сталъ какъ будто прислушиваться. Наталья Павловна ждала съ нетерпѣнiемъ, что онъ скажетъ.

— Нѣтъ, сказалъ Черенасовъ, тряхнувъ головой:—положительно нѣтъ!

Наталья Павловна широко открыла глаза и глядѣла на Черенасова.

— А что? спросилъ онъ совершенно спокойно.

— Такъ вы никого и ничего не любите?

— Нѣтъ.

— Ужасный человѣкъ! Несчастный человѣкъ! сказала Наталья Павловна.

— То есть какъ вамъ сказать, началъ Черенасовъ:—не то чтобы совсѣмъ не люблю,

— Ахъ, это опять двойко, перебила собесѣдница.

— Дѣйствительно, чортъ возьми, двойко, подумалъ Черенасовъ:—не то люблю въ самомъ дѣлѣ, не то нѣтъ. И часто вотъ такъ. Самъ не разберешь. Она угадала.

— Итакъ, сказала какъ-то торжественно Наталья Павловна:—вы ничего не любите, ни во что не вѣрите, ни на что не надѣетесь?

— *Lasciate ogni speranza voi che entrate*, отвѣчалъ Черенасовъ:—служу въ комиссиі!

И онъ ощутилъ ту великую чуждость въ душѣ, какую созерцалъ когда-то его братъ профессоръ, читая въ пустомъ пространствѣ безконечно повторяющемся, страшное *Nihil*.

Наталья Павловна смотрѣла на Черенасова и теперь находила его всецѣмъ уже оригинальнымъ. Она до сихъ поръ думала, что всѣ должны разсуждать именно такъ, какъ она. А она любила поднимать общіе вопросы, тѣмъ болѣе, что на это была мода: содержательность, глубина и обширность воззрѣнія были конькомъ ея, она даже читала „Московскія Вѣдомости“, интересовалась политикой, понимала всѣ хитрости Наполеона III и объ Англии судила довольно вѣрно, говоря, что слишкомъ сосредоточена въ ней аристократія и что отъ этого происходитъ большое неравенство капиталовъ и имуществъ. Она даже плакала, когда *le pauvre Maximilien fut fusillé par ce brigand Хуаресъ*, и очень удивлялась, какъ *Napoléon, ce grand empereur*, допустилъ такой *affront*; она интересовалась внутренними дѣлами и стояла, наприм., за классицизмъ, говоря, что „это такъ серьезно, глубоко и, наконецъ, это древность... Нельзя-же такъ, оставить это на произволь судьбы!“ добавляла она въ общихъ выраженіяхъ. Она очень любила всякія благотворительныя общества, спектакли и ужасно ратовала противъ несправедливыхъ губернаторовъ, если слышала похождения какого-нибудь всегонскаго сатрапа, сажаящего если не на колѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ ящикъ провинив-

шихся арестантовъ. Она питала отвращеніе ко всякимъ взяткамъ и злоупотребленіямъ по службѣ, говоря, что „долгъ никогда не позволяетъ поступать нечестно“, что „общество не должно терпѣть людей, злоупотребляющихъ своимъ положеніемъ“. Она была очень религіозна, посѣщала церковь и утромъ молилась усердно Богу о томъ, чтобы онъ ей послалъ здоровье и счастье, избавилъ отъ всякихъ болѣзней и недуговъ, сохранилъ-бы также рара и тапан, а равно и всѣхъ православныхъ христіанъ. Она была, можно сказать, au courant относительно всего, такъ что когда поднимался вопросъ о духовенствѣ, то выражалась, что „ces pauvres curés, qui prient Dieu pour nous, doivent changer leur position“, и даже разъ въ оперѣ, по поводу хора жрецовъ въ Нормѣ, сказала, что она „припоминаетъ при этомъ ces bons papes de la Russie, qui manquent de nourriture“. Она не чужда была поэзіи и охотно любовалась тихою лунною ночью, сравнивая звѣзды съ божьими глазками, qui observent le monde pour que les hommes puissent dormir tranquillement; словомъ, Наталья Павловна отличалась большою содержательностью и удивлялась, почему Черенасовъ не занятъ какъ будто этими общими вопросами. Тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ она все болѣе и болѣе убѣждалась, что это человѣкъ совершенно оригинальный, человѣкъ à part. Она много думала о немъ. Сначала она думала видѣть въ немъ безбожника, другого Basil, потомъ полагала, что онъ крайній демократъ, либераль; то казалось ей, что онъ ничего не признаетъ; то думалось ей, что онъ, напротивъ, истинный христіанинъ, что онъ только юродствуетъ, притворяется, а на самомъ дѣлѣ, человѣкъ самыхъ строгихъ добродѣтелей; потомъ полагала она... потомъ рѣшительно не знала, что полагать. Разочарованный человѣкъ, Онѣгинъ, Печоринъ — нѣтъ, не подходитъ онъ подъ эту статью; отчего ему какъ будто ни до чего дѣла нѣтъ?

— Раувге Черенасовъ, заключила она, теряясь въ догадкахъ.

— Да кто-же вы, что-же вы, наконецъ? пристала она разъ къ нему въ Окуевѣ.—Я, ей-Богу, теряюсь.

— Я? переспросилъ Черенасовъ.

— Да, вы—вы именно!

— Мукосѣй, отвѣчалъ онъ и улыбнулся.

Между тѣмъ съ прїѣздомъ Кубриковыхъ Черенасовъ хоть немного, да оживился. Ему нравилось, что Наталья Павловна все хотеть добиться отъ него какого-то толку.

— Пусть, думалъ онъ:— пусть подумаетъ! Что тамъ о Наполеонѣ разсуждать! Вотъ мукосѣевъ пусть разбереть.

Каждый день онъ толкался у генерала, то разговаривая съ Натальей Павловной, то присутствуя въ засѣданіяхъ комиссіи, которыя шли теперь довольно правильно. Члены всѣ были въ порядкѣ и весьма рѣдко показывались въ клубѣ. Да, впрочемъ, и не было надобности посѣщать клубъ. Ежедневно были вечера у генерала, чуть не каждую недѣлю балы, такъ что дамскіе клубы въ Окуевѣ совсѣмъ прекратились съ прїѣздомъ Кубриковыхъ. Цезарь совсѣмъ почти поселился у Свѣтзарова. Онъ былъ отчасти любимецъ генеральши, которая вообще любила собирать около себя красивыхъ молодыхъ людей, и теперь ему оставалось только блистать въ великосвѣтскомъ кругу, что составляло завѣтную цѣль его мечтаній. Въ Петербургѣ онъ хотя и бывалъ тоже на балахъ, но не былъ замѣтенъ; теперь-же положительно блисталъ.

Между-тѣмъ изъ обычныхъ гостей генерала особенно выдѣлились двѣ личности, на которыхъ молва указывала, какъ на претендентовъ на руку Натальи Павловны. Черенасовъ предался наблюденіямъ, стараясь этимъ разсѣять хандру свою и отчасти успѣвалъ въ этомъ. Но теперь сталъ въ разговорахъ его проявляться тотъ ярый, отчасти шутовскій, отчасти злой смѣхъ, какимъ онъ смѣшилъ когда-то о. Матвея, рассказывая сцены изъ Фауста или комментируя Цезаря. На лѣто прїѣхалъ Назика изъ академіи. Это подало поводъ къ столкновеніямъ довольно забавнымъ, такъ-какъ Черенасовъ обнаружилъ блестящее знаніе Библии, но тексты приводилъ на манеръ Оболдуха, примѣняя пророчества къ вещамъ самымъ близкимъ, чего никакъ не могъ переварить Назика, полагавшій, что какъ только текстъ, такъ и надо непременно переноситься въ четвертое или пятое столѣтіе до Р. Х. Вообще же можно сказать, что Черенасовъ былъ въ раздраженномъ состояніи; бесѣды съ Натальей Павловной, ея прекрасное, дышавшее молодостью, лицо, ея лучистые глаза—пробуждали въ Черенасовѣ странное чувство, похожее на лихорадочное состояніе больного. Сомнѣваясь въ каждомъ своемъ душев-

номъ движеніи, не вѣря ни одной мысли своей, онъ не былъ влюбленъ въ Кубрикову: но ему нравилось видѣть ее, сидѣть съ ней, сомнѣваться именно при ней... Странное чувство!

ГЛАВА XXXVII.

ДВА ПРЕТЕНДЕНТА И ЧЕРЕНАСОВЪ.

Залетаевъ, гусарь временъ Бурцовыхъ, былъ права и характера самаго несложнаго уже потому, что не ощущалъ никакой особенной связи съ человѣчествомъ. Его міръ составляли гусары товарищи, манежъ, парадъ, маневры, кутежи, цыганки. Гарнисты и солдатскія пѣсни были первымъ его удовольствіемъ. Нерѣдко вечеромъ онъ отправлялся въ казармы, везъ съ собою вина, воды, всякихъ припасовъ: начинался плясъ, и солдаты душу свою готовы были тогда положить за отца командира. Въ сущности это былъ предобрый малый, будущій полковникъ или генераль въ отставкѣ и предводитель дворянства. Враждебно онъ относился только къ такъ называемымъ ученымъ и то потому, что будто-бы они не признають военнаго сословія.

— Этимъ людямъ ничто ни почемъ, говорилъ онъ.—Они отвергаютъ все.

Онъ имѣлъ способность попадать въ любой кружокъ, гдѣ была въ ходу веселая бесѣда и выпивка. Такъ въ Окуевѣ онъ скоро попалъ въ партію Цезаря и Евсигнея Федорыча Свѣтозарова. Нерѣдко онъ оставался ночевать у генерала и тогда сводные репетиціонные уроки шли до самаго утра въ комнатѣ учителя. Вообще, какъ только выдавалось свободное время, гусарь всему предпочиталъ бесѣду съ товарищемъ, вдвоемъ за бутылкой вина, а еще охотнѣй бесѣдовалъ съ своимъ слугою Федоромъ, лежа на диванѣ или совсѣмъ раздѣтый въ постелѣ, между тѣмъ какъ Федоръ стоялъ у двери, опершись о притолку. Тогда Залетаевъ былъ вполне въ своей тарелкѣ. Федоръ по развитію своему какъ-разъ подходилъ къ барину. Въ полку, да еще въ гусарскомъ, есть чему поучиться деньщику и Федоръ, можно сказать, да-

же дополнялъ собою то, чего не доставало барину. Такъ гусарь не любилъ и не привыкъ читать; Федоръ, когда баринъ почему-либо сидѣлъ дома или нездоровилось ему, приносилъ патрону какую-нибудь книжку, выбирая нарочно посмѣшнѣе, и гусарь или самъ читалъ, или заставлялъ Федора. Такъ оба они долго смѣялись надъ вышедшей тогда книжкой о Матренѣ Косопузой, какъ она француза въ полонъ брала. Тогда много выходило такихъ книжекъ для народнаго чтенія, съ заманчивыми заглавіями и размашистымъ характеромъ, въ родѣ того, что „вотъ, братцы, расскажу я вамъ сказку не сказку, а присказку, какъ мужикъ Терентій въ Москву ходилъ себя показать, людей посмотрѣть, бѣлокаменной поклониться, святителямъ помолиться, къ чудотворцамъ приложиться да уму-разуму поучиться.“ Много смѣялись тогда Федоръ съ своимъ баринкомъ на счетъ Матрены Косопузой и мужика Терентія.

Федоръ, вообще, былъ необходимъ для своего барина. Такъ гусарь не могъ уже заснуть безъ того, чтобы сначала не побесѣдовать съ Федоромъ. Бесѣды эти тянулись иной разъ далеко за полночь...

Совсѣмъ иного закала и характера былъ сосѣдъ Залетаева по деревнѣ, Сергѣй Ивановичъ Полозковъ. Это былъ чистокровный татаринъ. Смуглый, средняго роста, голову имѣлъ вдавленную въ плечи. Волосы носилъ короткіе, торчавшіе, какъ щетина. Когда самъ начиналъ рѣчь, то замѣтно надувался передъ тѣмъ,—отвѣчалъ-же не вдругъ, но взглядывалъ сначала на васъ изподлобья и, подаваясь на стулѣ впередъ или въ вашу сторону, начиналъ всегда вашими послѣдними словами. Обдуманно говорилъ вообще. Солиднаго ума былъ человѣкъ. Молодости, можно сказать, онъ не зналъ, вотъ такъ, какъ проводить ее даже самый незначительный человѣкъ. Съ раннихъ лѣтъ отецъ ввелъ его въ хозяйство и Сергѣй Ивановичъ привыкъ пребывать на гумнѣ, въ конюшнѣ, ходить непремѣнно съ кнутомъ или арапникомъ—заводъ у отца конный былъ и часто на кордѣ гоняли лошадей, и такъ выводили на показъ гостямъ или покупщикамъ. Воспитаніе Полозковъ получилъ въ какомъ-то юнкерскомъ училищѣ, гдѣ пробылъ года три, потомъ послужилъ до офицерскаго чина и вышелъ въ отставку, ибо крѣпкаго ума отъ природы былъ человѣкъ и зналъ толкъ въ лошадяхъ отмѣнно. Отецъ оста-

вилъ ему тысячъ двадцать годового дохода. Отецъ его зналъ только читать и писать, но славился какъ первый кулакъ и лошадиный заводчикъ по губерніи, и сыну умѣлъ внушить такія правильныя понятія, что тотъ съ дѣтства привыкъ всѣ свои представленія соединять съ деньгами, и твердо вѣрилъ, что все можно купить. „Журналъ коннозаводства“ былъ единственнымъ его чтеніемъ, и онъ могъ рассказать и любилъ даже пускаться въ подробности о томъ, какъ лучше чистить лошадей, какое время года способствуетъ случкѣ, какъ держать кнутъ, арапникъ, возжи.

— Вотъ, говорилъ, наприм., онъ,—я держу кнутъ—видите? (и онъ взглядывалъ изподлобья, сопровождая взглядъ своей паузой). Можно его держать и такъ (опять пауза и взглядъ изподлобья)—видите? Но... вотъ! Такъ я могу и направо и на лѣво... Надо, чтобы возжа играла въ рукѣ. Пристяжная гнется, въ корпю идетъ переваль—я передегиваю—вотъ! (опять взглядъ изподлобья и продолжительная пауза).

Когда онъ слушалъ васъ, то всегда, казалось, думалъ о другомъ: глядѣлъ часто въ сторону и тупо окидывалъ васъ своими сѣрыми, выпуклыми и оттого большими глазами.

Умъ его не былъ обширенъ, но за то именно отличался крѣпостью, солидностью. Онъ не вмѣшивался въ разговоръ, когда дѣло шло о предметахъ для него постороннихъ, не любилъ трактовать о политикѣ, о наукѣ и если кто съ нимъ заводилъ рѣчь объ этомъ, то, правда, онъ выслушивалъ терпѣливо, но потомъ непремѣнно взглядывалъ своимъ обычнымъ тупо-неподвижнымъ взглядомъ на сосѣда, какъ-бы спрашивая: зачѣмъ это все? Умъ его не расплывался въ этихъ вещахъ, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ философіи. Мальчикомъ онъ былъ топорной работы: толстыя губы, аляповатый и широкій носъ, глаза на выкатѣ, щетина на головѣ—все обличало сложеніе крѣпкое, особенно голова его въ дѣтствѣ похожа была на пивной котель и обличала натуру крѣпколобую, выносливую... Впослѣдствіи онъ немного округлился, формы стали соразмѣрнѣе, приличный, вообще, сталъ человекъ. Для аристократіи такіе люди кладъ: всякую новую мысль, новую идею они отражаютъ, не вдаваясь въ споры, въ разъясненія, а просто одною своею солидностью и тѣмъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ которымъ смотрятъ на все, выходящее изъ міра лошадей, хозяйства и своего при-

вилегированнаго положенія. Это самыя надежныя опоры отъ всякаго вторженія со стороны людей малаго калибра, которые, рассчитывая на какія-нибудь качества, стараются влѣзть въ заколдованный кругъ высшаго класса: это какъ-бы палисады, волчьи ямы, люнеты и передовые посты, за которыми князья Щенятевы и княгини Голопузовы ведутъ сповойно свою *cause*, блистаютъ брилліантами и читаютъ французскія книжки. Отличительное, почти главное качество такихъ людей состоитъ въ томъ, что въ разговорѣ ихъ вы никогда не услышите никакого отзыва о человѣкѣ, хотя-бы послѣдній былъ весьма характеристиченъ и знакомъ съ ними нѣсколько лѣтъ. О лошадяхъ, собакахъ — все расскажутъ они вамъ въ подробности, спросите о человѣкѣ—сейчасъ, бросивши на васъ взглядъ изподлобья, Сергѣй Ивановичъ, напр., сообщитъ вамъ:

— Имѣніе его въ Тараторкинѣ... Бабка была за графомъ Тулубеевымъ, такъ отъ нее, да еще ему досталось отъ тетки... Она вышла за Мурчиновича, который былъ флигель-адъютантомъ....

Что можетъ быть надежнѣй человѣка, который никогда и ничего не скажетъ о васъ, кромѣ того, что вы женаты на такой-то, тетка ваша за тѣмъ-то, а бабка умерла столько-то лѣтъ назадъ?

Это люди положенія, можно сказать. Отнимите у нихъ положеніе, они ничего не будутъ значить и тогда, можетъ быть, обнаружатся въ нихъ скольконибудь человѣческія стремленія и чувства.

Эти-то двѣ личности—гусарь и Полозковъ явились претендентами на руку Натальи Павловны. Черенасовъ волею-неволею, а сталъ нѣсколько въ ложное положеніе. Долго онъ игралъ какъ-бы первую роль въ домѣ Кубриковыхъ, теперь же отстранялся на задній планъ. Онъ слѣдилъ за появленіемъ жениховъ, видѣлъ, какъ они, не стѣняясь, садились подлѣ Кубриковой, какъ генеральша старалась оставить ихъ наединѣ, все это видѣлъ Черенасовъ и, чтобы не мѣшать тому или другому *tête-à-tête*, открывалъ засѣданіе Второго Отдѣленія Комиссіи, или игралъ на билльардѣ съ Цезаремъ. Еще не рѣшено было, кто возьметъ верхъ: гусарь или Полозковъ.

Странное состояніе переживалъ Черенасовъ. Онъ давно

уже отвыкъ отъ всякихъ душевныхъ движеній: теперь-же въ немъ, казалось, зашевелилось столько различныхъ чувствъ: тутъ были и досада, и сожалѣнiе, и что-то похожее на любовь, и возмущенная гордость, а главное досада на себя.

— Чортъ меня дергаетъ быть свидѣтелемъ всѣхъ этихъ исторiй, думалъ онъ.—За что это я казнь себѣ выдумалъ?

— Рѣжь желтаго, говорилъ ему Цезарь.

— Сидѣть-бы спокойно дома, говорилъ онъ.—Въ уголь!

— Ну въ уголь, такъ въ уголь.

— Вотъ сидятъ теперь... этотъ татаринъ... и добро-бы что нибудь путное... Тьфу! Вѣдь нѣтъ у меня къ ней никакого чувства? Вѣдь нѣтъ? Чего-жь я злюсь? Чего досадую?

— Что задумался? спросилъ Цезарь.—Желтый надъ лузой.

— Ни положенiя, ни чувства... Есть! сказалъ вслухъ Черенасовъ, сдѣлавъ желтаго.

— Ловко, замѣтилъ Цезарь.—Ну?

— Что теперь, что теперь мнѣ останется? и затѣмъ я не устранился раньше?

— Что, опять что нибудь двойко? сказалъ Цезарь.

— Это что еще? сердито спросилъ Черенасовъ.

— Наталья Павловна говорить, что ты все двойко рассуждаешь.

Черенасовъ смолчалъ.

— И оселъ лягаетъ копытомъ, подумалъ онъ.

Стали играть.

— Какъ скученъ пиръ на праздникѣ чужомъ! Довольно, сказалъ вслухъ, бросая кiй, Черенасовъ.—Не хочу больше. И вѣчно такъ попадаешься, какъ куръ во щи! сказалъ онъ про себя.—Стунай къ Свѣтозарову, обратился онъ къ Цезарю:—скажи, что сейчасъ будетъ засѣданiе. Да живѣй! Я имъ дамъ встрепку! — Вотъ грѣшная душа жарится на адскомъ огнѣ.

Черенасовъ сталъ прислушиваться.

— Все еще сидятъ.

До него долеталъ голосъ Полозкова и молодой Кубриковой.

— И къ чему, къ чему всѣ эти волненiя? Ну-жь я этихъ мукосѣевъ! Что это однода со мной?

— Члены собрались, сказалъ вошедшiй Цезарь.

— Скажи, что бишь? Скажи... Впрочемъ, я самъ пойду. Вели дать мнѣ стаканъ воды!—Мукосѣй!

И Черенасовъ сталъ подыматься на лѣстницу, которая вела въ комнату Свѣтозарова.

— И чортъ-ли мнѣ, думалъ онъ—

Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ—

вспомнилъ онъ изъ Онѣгина.

— И все-то это пустяки, подумалъ онъ тутъ-же. —Какая тутъ страсть?

Онъ замѣтилъ, что Наталья Павловна какъ будто начинаеть обѣгать его.

— Ага! подумалъ онъ:—чуешь мукосѣя? Бери, бери татарина!..

Для Натальи Павловны, дѣйствительно, такіе люди, какъ Черенасовъ, теперь не годились. Она имѣла уже нѣсколько совѣщаній съ матерью, и старалась теперь настроить себя на религиозный ладъ. Домъ, семейныя обязанности—вотъ чѣмъ старалась она теперь занять себя.

— Это болѣзнь, думалъ Черенасовъ, слушая отчетъ Свѣтозарова за послѣднюю недѣлю.—Всякая мелочь меня волнуетъ. Надо сдавить. Надо поработать надъ собой.

И онъ вздохнулъ.

— Да, надо все, все сдавить, сжаться, зарыться, въ землю уйти, сказалъ онъ самъ себѣ, припоминая Жука.

Пришедши домой, онъ предался размышленіямъ. Долго копался онъ въ головѣ, лежа на диванѣ, и, наконецъ, сказалъ:

— Да, неутѣшительно!

И опять лежалъ и все думалъ.

— И дернулъ-же чортъ... Эка проклятая штука!

И опять молчалъ.

— И вѣдь ни къ чему! ей-Богу, ни къ чему!

Повернулся на бокъ.

— Къ чему въ самомъ дѣлѣ?

Такъ онъ долго вертѣлся съ боку на бокъ, пока не заснулъ на обычныхъ мысляхъ о томъ, какъ нужно было-бы оставаться на четвертомъ этажѣ, беречь-бы свободу души и мысли, не привыкать къ соглашеніямъ, не входить туда, гдѣ тебѣ не отведено мѣста, не сближаться съ тѣми, кто всегда долженъ былъ оскорблять твою гордость, твое самолюбіе и проч. и проч.

Въ этихъ случаяхъ онъ походилъ на бѣлку въ колесѣ. Вѣчно возвращался къ одному и тому-же, что не дѣлать-бы ложнаго шага, не утверждаться-бы въ чинѣ и проч. и проч. Только скажетъ иной разъ:

— Ну, пошла разборка!

И возьметъ книгу, чтобы отвлечься.

Дня черезъ три онъ писалъ въ дневникѣ:

186... Юля... Сегодня былъ у Кубриковыхъ. Молодецъ дѣвка! Она настроила себя такъ, что, кажется, только и думаетъ о Богѣ. Глаза горѣ, губы сжаты. Она выходитъ за татарина. И изъ за чего я волновался? Должно быть нельзя совсѣмъ уничтожить въ себѣ то, что люди зовутъ любовью, сочувствіемъ что-ль, чортъ ихъ разберетъ, что они тамъ по-выдумали... Что это любовь? L'amour qu'est que c'est que ça?

— Любишь ты меня? спрашиваетъ одинъ мужикъ другого.

— Какая наша любовь-то? Нешто рюмочку водочки поднесешь?

И къ чему употреблять такія слова, какъ любовь, гдѣ просто купля и продажа, рюмочка водочки? Теперь такое благочестіе у генерала въ домѣ, словно говѣютъ всѣ. Что ни слово, то вздохъ. Евсигней Федорычъ суровъ не въ мѣру: должно быть писать оду на свадьбу. Татаринъ словно приросъ къ полу: такъ крѣпко держится, такъ солидно ходить. Обрѣлъ почву.

Юля... Однако вся эта исторія разсѣяла меня. Хожу, наблюдаю. Въ душѣ царствуютъ какое-то шутовство и смѣхъ. Чего вздыхать, наприимѣръ? Зачѣмъ обращать глаза къ небу, то и дѣло взглядывать на иконы, какъ будто говорить: Господи! укрѣпи-де!

— Оттуда, говоритъ генеральша, тыкая куда-то вверхъ пальцемъ,—надо искать помощи!

Какой, спрашивается? зачѣмъ?

Мнѣ приходитъ въ голову, что гораздо лучше ничего положительно не ощущать въ себѣ: ни любви, ни раскаянія, ни сожалѣнія, потому что все это не нужно, все ни къ чему.

Воспитаніе дурацкое вбиваетъ намъ въ голову эти вещи! По моему ужъ мукосѣвщина, такъ мукосѣвщина! Что тутъ примѣшивать Бога, любовь, вѣру и что тамъ еще? Я и слова-то позабылъ. Одно глубокое ощущеніе во мнѣ есть: это чувство великой пустоты, ненужности всего—я желалъ-бы, чтобы все обратилось снова въ Nihil.

Юля... Ничѣмъ не трогаться, не томиться, все отрицать— есть признакъ генія. Эта мелочность отношеній, кропотливая человѣческая жизнь—все это надо забыть, убить въ себѣ и наполнить душу однимъ шутствомъ и смѣхомъ! Пусть ни одна слеза не унижаетъ человѣка. Да у мукосѣя и не выдавишь слезы. Чѣмъ у мукосѣя выдавишь слезу?

Фаустъ говорить:

Великій духъ! Ты все, ты все мнѣ далъ!

Мукосѣй такъ:

Великій духъ! Ты все убилъ во мнѣ!

И тотъ, и другой должны воздать хвалу. Тамъ все—тутъ Nihil. Тамъ жизнь—тутъ покой, небытіе—прелесть! Тутъ та же комиссія! Тутъ свое, рѣдкое, отсутствіе мысли, воли, чувства, жизни! Въ комиссію-бы васъ, Наталья Павловна!

Юля... Однако я нѣсколько дней уже чувствую какое-то нервное раздраженіе и прихожу къ заключенію, что у мукосѣя нервы замѣняютъ чувства. Гдѣ другой человѣкъ чувствуетъ радость, горе, любовь, тамъ—у мукосѣя просто дѣлается извѣстное потрясеніе нервовъ, усиливающее только работу мозга. И мукосѣй живетъ только наполовину. Цѣлая половина въ немъ убита! Конечно, неутѣшительно, да что подѣлаешь? Вотъ и говоришь себѣ: иди все прахомъ! Не надо мнѣ ни любви, ни горя, ни радости... Конечно, въ сущности, надо-бы...

Ну, пошла разборка!

ГЛАВА XXXVIII.

ЦЕЗАРЬ ОСНОВЫВАЕТЪ КЛУБЪ.

Съ прїѣздомъ Кубриковыхъ Цезарь почти пересталъ бывать дома. Онъ такъ полюбилъ общественную жизнь и всякія развлеченія, что только и думалъ о томъ, какъ-бы и гдѣ провести время и повеселѣе. Будни для него не существовали; каждый день словно пахло пирогами, мясными, закусками. Едва-ли кто переживалъ на своемъ вѣку такое счастливое время, какъ Цезарь. Каждая недѣля была для него рядомъ праздниковъ. Каждое воскресенье Цезарь соображаетъ заранѣе: что пойдеть теперь! Первое дѣло, не мяснинникъ-ли кто-нибудь? Нѣтъ-ли просто какого случая въ родѣ пирога или закуски? Что предстоитъ въ среду, что въ пятницу? Даже день имѣлъ свои моменты, которые Цезарь постоянно держалъ въ головѣ: вечеромъ, думаетъ, сначала зайти можно туда-то и тамъ немного выпить, оттуда къ Семену Петровичу, и тоже выпить, прихватить потомъ у Сергѣй Ивановича, забѣжать мимоходомъ къ Иванъ Ивановичу (тоже выпить) и съ нимъ уже вмѣстѣ къ Кубриковымъ. Вечера почти всѣ уже проводились у Кубриковыхъ. Одно только неудобство чувствовалъ Цезарь въ послѣднее время: онъ нигдѣ не могъ усидѣть болѣе получаса, много часу. Ему-бы все хотѣлось ѣздить изъ дома въ домъ, чтобы былъ какой-то нескончаемый праздникъ, въ который обыкновенно дѣлаютъ визиты, въ родѣ Нового года, что-ль, чтобы этимъ визитамъ конца не было. Къ сожалѣнію, окуевскій міръ не могъ удовлетворить въ этомъ отношеніи Цезаря и послѣдній, какъ ни напрягалъ свое воображеніе, стараясь ввести какой-нибудь новый элементъ въ свои развлеченія, все-таки оканчивалъ тѣмъ, что, посѣтивши дома три, заѣзжалъ непременно къ Свѣтозарову и проводилъ у него время до самаго вечера, когда они спускались вмѣстѣ внизъ, гдѣ уже начиналась картежная игра и генераль сидѣлъ уже часъ битый за вистомъ. Къ Свѣтозарову всегда можно было заѣзжать подъ предлогомъ работъ по комиссіи.

Но ужъ видно такое счастливое время выпало для Цезаря. Напрасно самъ онъ искалъ новаго элемента: случай натол-

внулъ его на общество, для него совершенно новое и жизнь получила столько разнообразія, сколько едва-ли кто испытывалъ. Что можетъ быть лучше, какъ соединять аристократическій элементъ съ крайне демократическимъ, сродниться съ тѣмъ и другимъ, чувствовать себя какъ дома съ одной стороны въ самомъ роскошномъ салонѣ, съ другой въ кабакѣ? Не даромъ-же римляне любили запахъ харчевень, а Неронъ ходилъ ночью по улицамъ разбивать питейные дома. Такъ случай помогъ Цезарю.

Катонъ, надо сказать, оставался больше дома и всегда копался надъ чѣмъ-нибудь, чтобъ не скучать въ одиночествѣ: все будто дѣло дѣлаетъ, трубку, глядишь, выдуваетъ, сметаетъ соръ съ окна, чижей пересаживаетъ изъ клѣтки въ клѣтку. Разъ утромъ Цезарь (наканунъ было шибко выпито) предложилъ Катону пройтись въ поле освѣжиться.

— Давно уже не были въ полѣ, сказалъ онъ:—пройдемся. А то все въ городѣ, да въ городѣ...

Долго шли они молча.

— А знаешь что, Иванъ Петровичъ, сказалъ Цезарь, всегда первый начинавшій рѣчь:—единственное спасеніе отъ скуки и хандры—поле!

Катонъ поглядѣлъ кругомъ, потянулъ воздухъ съ такимъ видомъ, какъ-будто только теперь увидѣлъ, что онъ въ полѣ, и сказалъ:

— Да, въ полѣ хорошо.

Цезарь сшибалъ тросточкой головки съ репейника.

— Гляди, какъ срѣзалъ! обратился онъ къ Катону.

— Чисто, сказалъ Катонъ.

— Ну-ка, ты попробуй.

Катонъ взмахнулъ своею толстой суковатой палкой и скопиль цѣлый кустъ.

— Нѣтъ, ты одну головку, а это что! Гляди!

И Цезарь срѣзалъ, словно ножемъ, головку.

— Хорошо, похвалилъ Катонъ.

— Знаешь что, Иванъ Петровичъ, заведемъ косы и будемъ въ саду у себя по утрамъ, а? косить...

— Что-жь? Можно. Послѣ и выпить хорошо.

— Нѣтъ, чортъ возьми, все это не то! сообразилъ Цезарь.—Дѣтскіе планы! На кой чортъ намъ косить?

— Оно и правда. На вой чортъ? Да вѣдь ты такъ небось сказалъ?

— Конечно, такъ. Въ голову пришло. Иной разъ, чортъ знаетъ, что вѣдь лѣзетъ.

— Это такъ.

— Давай лучше рыбу ловить.

— Изволь.

— Да выдумай хоть ты что-нибудь. Что это все я придумываю? Не знаешь, ей-Богу, какъ время убить. Ну?

Катонъ помолчалъ и, казалось, что-то обдумывалъ.

— А вотъ что, началъ онъ съ разстановкой: — тутъ по близости есть домикъ и я, коли правду говорить, былъ. Домикъ, положимъ, кабакъ, но чисто. И на воздухъ лавочка. Есть пиво. Кто хочетъ, водка. И общество... Кандидатъ, регентъ.

— Давно-бы ты сказалъ, что-жъ ты молчалъ?

— Да я думалъ, что ты не пойдешь.

— Фу! просвисталъ Цезарь, и пріятели направились прямо къ знакомому намъ бѣлому домику.

Цезарю шибко понравилось мѣсто.

— Да тутъ рай, говорилъ онъ. — Тутъ съ утра до вечера можно быть пьянымъ, и никто не узнаетъ. Вотъ-бы гдѣ открыть засѣданія комиссіи!

Но только одного Свѣтозарова, онъ-же великій Моголь и бывший учитель латинскаго языка, получившій прозваніе Могола отъ учениковъ гимназіи—только одного Свѣтозарова успѣлъ Цезарь увлечь въ бѣлый домикъ. За свадебной суетой, начинавшейся въ домѣ, учитель имѣлъ много свободнаго времени, и потому они съ Цезаремъ частенько съ утра открывали засѣданіе на чистомъ воздухѣ у кабачка.

Тутъ они вскорѣ составили планъ путешествія на воды. Недалеко отъ Окуева, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, были какія-то грязи, куда послѣ свадьбы хотѣли отправить генерала лечиться, а учителя послать впередъ, чтобъ заготовилъ квартиру. Великій Моголь собралъ необходимыя свѣденія о городкѣ и, къ крайнему своему удовольствію, узналъ, что въ городкѣ есть древности и даже недавно откопали изображеніе орла и только нѣтъ ученаго, который-бы опредѣлилъ, къ какому столѣтію принадлежитъ орелъ. Цезарь вызвался

сопутствовать Моголу и бесѣды ихъ на эту тему были нескончаемы.

Сидятъ, напимѣрь, съ утра у бѣлаго домика и пьютъ. Солнце низко. Время идетъ къ вечеру.

— Ну, кажется, теперь пора, говорить учитель.

— Что за пора? возражаетъ Цезарь. — Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ скоро Оболдухъ подойдетъ, общество... Сиди, collega.

— Да, collega, начнетъ разслабленнымъ тономъ учитель (его видимо беспокоитъ мысль, что пора идти),—да, collega, хорошо намъ здѣсь, это вѣрно, однако...

— Что однако?

— Да собственно ничего. Но говоря строго...

— Выпьемъ, вотъ что, говоря строго.

— Выпьемъ-то выпьемъ, но тѣмъ не менѣе пора.

— Пустяки.

Учитель все сидитъ.

— Очень, даже пора.

— Вѣдь хорошо здѣсь-а? спрашиваетъ Цезарь.

— Такъ, collega, но...

Цезарь наливаетъ.

— Такъ пора, и что сказать нельзя.

Цезарь предлагаетъ учителю рюмку. Учитель беретъ двумя пальцами и, пристально глядя на Цезаря, говорить:

— Мы, collega, сидимъ съ утра. Положимъ, все это дѣло поправимое, однако, кто что ни говори и какъ тамъ ни разсуждай, домой надо.

Цезарь выпиваетъ.

Учитель, проводивъ Цезареву рюмку глазами, медленно подноситъ къ губамъ свою, дуетъ на нее, медленно выпиваетъ и ставитъ на столъ.

— Хорошо намъ здѣсь, говорить онъ,—это кто что ни говори, какъ тамъ ни разсуждай, а хорошо, — однако, все-таки, тѣмъ не менѣе и не смотря на все—пора!

И учитель съ рѣшительнымъ видомъ подымается съ мѣста.

— Это что?

И Цезарь схватываетъ Могола за фалды.

— Стыдно, collega, говорить онъ, — у тебя умъ померкъ.

— Пора, говорю.

— Умъ не долженъ померкать никогда.

— Домой надо (учитель уже сидитъ).

— Умъ долженъ быть свѣтель.

— Пять часовъ.

— Чисть!

— Чай пьютъ теперь.

— Ясенъ!

— Бѣда!

— Вотъ каковъ долженъ быть умъ. Садись.

И приплывутъ, глядишь, домой часовъ въ 12 ночи.

— Что это, Евсигней Федорычъ, вы какой-то странный, встрѣтитъ иной разъ Свѣтозарова въ передней ученица его Ольга.

— Нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, жалобно говоритъ учитель. — Я такъ... Вы не смотрите. Ей-Богу, не смотрите. Не надо. Я къ себѣ пройду.

И поберется прямо наверхъ, къ себѣ въ комнату.

Скоро профессоръ попалъ въ компанію Цезаря. Онъ было протрезвился у Оболдуха, теперь, тоже по случаю свадьбы, опять загулялъ. Съ Свѣтозаровымъ они сразу стали друзья. Тутъ пошли у нихъ цитаты, споры, Евгений Михайлычъ былъ въ восторгѣ отъ новаго знакомства. Новый триумvirатъ открывалъ то и дѣло засѣданія у кабачка. Въ домѣ генерала пошли балы все чаще и чаще, была общая суета. Къ триумvirату скоро присоединился Селезневъ, потомъ Подверховскій, за нимъ Провофьевъ, словомъ, планъ Цезаря былъ достигнутъ: комиссія открыла таки засѣданія на чистомъ воздухѣ у кабачка. Обычное общество: Кривой Глазъ, вандидать и другіе—было устранено: бѣлый домикъ обратился въ настоящій клубъ, гдѣ члены были все чиновные, благородные и сапожникамъ уже не могло быть мѣста.

ГЛАВА XXXIX.

Послѣдній балъ.

Такъ жизнь шла своимъ чередомъ, волнуя Цезаря, увлекающая Свѣтозарова, между тѣмъ какъ Черенасовъ напрасно искалъ смысла и внѣ, и внутри себя.

Въ домѣ Кубриковыхъ все готовилось къ послѣднему балу, послѣ котораго назначена была свадьба. Свадьба предполагалась скромная, безъ всякаго торжества. Съ утра генерала одѣли, Анна Ивановна осмотрѣла его, потомъ посадили его въ кабинетъ и наказали Фомѣ издать слѣдить за бариномъ. Фома завелъ табакерку съ музыкой, и Павелъ Сергѣичъ вскорѣ задремалъ въ креслѣ. Настала послѣобѣденная тишина. Наталья Павловна осталась одна въ гостиной. Она не чувствовала никакой любви къ своему объявленному жениху Полозову, и это сначала смущало ее нѣсколько; но она прибѣгла въ этомъ случаѣ, по указанію матери, къ религіи, просила помощи свыше. Она по-долгу молилась теперь и утромъ и вечеромъ, и даже такъ, ходя по комнатѣ, если удавалось свободное время, читала про себя псалмы, и это укрѣпляло ее.

— Молитва дѣлаетъ чудеса, повторяла генеральша.

И Наталья Павловна, по временамъ, дѣйствительно, замѣчала въ себѣ дѣйствіе благодати.

— Долгъ, обязанность, самоотверженіе, твердила она теперь про себя.

Она была такъ хорошо воспитана, что часто, то-есть, когда того требовали обстоятельства, фраза и даже слово дѣлались для нея источникомъ благодати. Благочестивыя мысли и изреченія теперь то и дѣло приходили ей въ голову. И она мирилась съ своимъ положеніемъ.

— Все Богъ, утѣшала ее генеральша. И Наталья Павловна глядѣла на небо или на образъ. И удивительно было дѣйствіе этихъ мыслей.

— *A force de forger*—можно измѣнить всякую мысль, говорила какъ-то генеральша и теперь слова ея оправдались на дочери. Наталья Павловна такъ хорошо усвоила себѣ это *forger*, такъ часто повторяла себѣ: все Богъ, обстоятельства сильнѣе насъ, все въ рукахъ Божіихъ, сама судьба, *Dieu nous protege*—что вполнѣ, наконецъ, увѣрилась въ томъ, что самъ Господь помогаетъ ей переломить себя и выйти за татарина. Въ карманѣ съ собой она носила теперь молитвенникъ въ бархатной обложкѣ съ золотыми застежками; ей особенно нравился псаломъ: Услышитъ тебя Господь въ день печали... Тутъ столько вѣры, столько надежды!..

Генеральша между тѣмъ думала:

— Нѣтъ, жаль, тутъ пона умнаго, чтобы поговорить съ Natalie... Впрочемъ, она сама настолько воспитана... О, она пойметъ!

А Natalie дѣйствительно, читая псалмы, соображала: двадцать тысячъ, наше положеніе таково, все придетъ само собою. О, mon Dieu, mon Dieu! вздыхала она и смотрѣла въ окно. Петербургъ, опера, балы, поѣдемъ за границу, мелькало у ней въ головѣ. Тутъ вмѣстѣ съ картинами баловъ, выѣздовъ, приемовъ, заиграли и надежды въ ея сердцѣ. Въ головѣ стало свѣтлѣе и она прямо уже стала на молитву, такъ-какъ была одна, а тишина въ домѣ способствовала религіозному настроенію. Какъ только стала она на молитву, мысли ея по привычкѣ приняли тотчасъ-же то общее направленіе, которое можно назвать „исканіемъ идеала“; она опять начала думать о долгѣ, о религіи, о рара и пашан и о необходимости повиноваться имъ, наконецъ пришла ей мысль о самоотверженіи и она остановилась на ней подольше, чтобы укрѣпить ее въ себѣ: „всякій долженъ приносить жертвы, — о да, безъ этого нельзя... въ нашъ вѣкъ... О, mon Dieu! Какъ безъ страданій! Не я первая...“

Такъ шли ея мысли. И она думала о своихъ сестрахъ, которыя также должны будутъ выйти замужъ. Она припоминала, какъ, напримѣръ, Катюшъ въ Петербургѣ вышла за сѣдого генерала и тоже плакала, но теперь живетъ и ничего; какъ Мери вышла за купца миллионера и тоже сначала, но теперь... Что-жь? Она счастлива.

Такъ долго молилась она и Господь укрѣпилъ ее.

Да, удивительно дѣйствіе молитвы! Наталья Павловна вышла изъ борьбы съ полнымъ мужествомъ и рѣшилась со всѣмъ смиреніемъ и кротостію нести крестъ, посылаемый ей судьбой и обстоятельствами.

Генеральша съ своей стороны всѣми силами поддерживала мужество дочери, старалась все замѣтить, нѣтъ-ли какихъ колебаній въ Natalie, приносила ей благочестивыя книжки въ родѣ житія святыхъ мученицъ, разъ даже предложила Евангеліе и часто въ разговорахъ своихъ указывала на Христа.

— Кто не страдалъ изъ насъ? говорила она:—самъ Богъ, самъ Христосъ несъ крестъ свой на гору... О, mon enfant! Не о здѣшней жизни надо заботиться намъ: въ будущемъ все вознаградится, сторицею воздастся... Я сама была молода...

однако вышла за твоего отца дурака, хотѣла было она сказать, но поправилась.—Однако я все дѣлала, что мнѣ говорили старшіе. И я счастлива!

Не въ одной молитвѣ прибѣгала Наталья Павловна. Можно сказать, что и природа, и воспитаніе подсказали ей еще одинъ вѣрный путь въ ея положеніи: она инстинктивно прибѣгла къ системѣ размышленій. Дѣйствительно, Наталья Павловна только не могла, подобно Черенасову, опредѣлить, что творится въ душѣ ея: въ сущности-же это была система соглашеній, укладываніе фразъ, внутренней подборъ всякихъ изреченій, измышленій, готовыхъ истинъ, словомъ мужосѣвщина. Если-бы Черенасовъ подсмотрѣлъ, что дѣлаетъ теперь Наталья Павловна, то онъ подумалъ-бы, что она или служила, или служить въ комиссіи. Тутъ-то она возблагодарила Господа за воспитаніе свое, приноровленное такъ, чтобы разумъ всегда бралъ верхъ надъ всякими внутренними побужденіями. Она заглядывала въ свою душу и видѣла, что ничего тамъ нѣтъ такого, что совратило-бы ее съ того пути, какой указываютъ ей теперь долгъ, обязанность, религія... Она видѣла, что въ душѣ у ней и не можетъ быть никакихъ сильныхъ побужденій: разсудочное воспитаніе по кубикамъ сгладило, сравняло все. За то въ головѣ ея происходила теперь работа, похожая на то, какъ она рисовала себѣ картины, читая Дюма. Только работа эта была похолоднѣе, безъ упоенія. Сердце-же не билось ничѣмъ особенно, точь-въ-точь, какъ у Черенасова—тамъ, въ этомъ сердцѣ, было тоже полное nihil: все перешло въ голову. Смущеніе, испытанное Натальей Павловной въ началѣ и заставившее ее прибѣгнуть къ молитвѣ, было ничто иное, какъ нервное раздраженіе, о которомъ и Черенасовъ говорилъ въ своемъ дневникѣ. Скоро она положила молитвенникъ на мѣсто и, еще разъ протвердивши въ головѣ: долгъ, обязанность, религія, успокоилась совершенно и, въ ожиданіи бала, усѣлась за французскую книжку.

А между тѣмъ стемнѣло и одиночныя лампы зажглись тамъ и сямъ въ гостиныхъ и залахъ, совсѣмъ готовыхъ для бала. Полнаго освѣщенія еще не было: съѣздъ долженъ былъ начаться въ 10 часовъ.

Между тѣмъ Цезарь, одѣвшись совсѣмъ по бальному, съ утра затесался къ Свѣтозарову. Такъ-какъ они дня черезъ три собирались ѣхать на грязи, то, въ ожиданіи бала, стали

увлаживать вещи, необходимыя для дороги, между дѣломъ бесѣдовали и, разумѣется, выпивали. Какъ и что у нихъ происходило — неизвѣстно, только Цезарь вдругъ почувствовалъ, что кругомъ темно, хотъ глазъ выколи, и что онъ лежитъ на диванѣ. Онъ кашлянулъ. На кашель его отозвался учитель, лежавшій, какъ оказалось, на другомъ диванѣ. Снизу доходили до нихъ звуки настраиваемаго оркестра.

— Гдѣ мы? спросилъ Цезарь.

— У меня, тутъ, отвѣчалъ учитель.

Помолчали.

— Я долженъ выпить немножко соды, началъ Цезарь. — Иначе выйдетъ скандалъ. Какъ вы себя чувствуете?

— Я тоже, видите-ли, немного пьянъ. Но это еще вопросъ, и я долженъ встать, чтобъ убѣдиться. Полагаю, впрочемъ, что не ошибаюсь.

Помолчали.

— Были мы въ этомъ проклятомъ кабакѣ или нѣтъ? спросилъ Цезарь.

— Вотъ этого ужъ не помню.

Опять помолчали.

— Вы не дѣлали фридрихъ-хераусъ?

— Нѣтъ.

— И я нѣтъ. Мы напрасно давеча не распорядились. Я всегда въ такихъ случаяхъ: палецъ въ ротъ—и пошелъ. Что, вы не пробовали подниматься?

— Нѣтъ. А вы?

— Я тоже еще лежу. Снились все такія скверныя вещи... Не можете-ли вы сообщить, какъ мы заснули?

— Я, видите-ли, старался припомнить, но рѣшительно потерялъ связь.

— Я, хотъ убей, ничего не помню. Эдакое положеніе! Хорошо-бы теперь снѣгу, да потереть лицо... Есть-ли здѣсь вода? Но предварительно надо попробовать, не выйдетъ-ли фридрихъ-хераусъ?

— Я употреблю всѣ усилія, иначе мы прогуляемъ балъ, сказалъ учитель и зажегъ свѣчку.

Комната, уставленная книгами, освѣтилась. На столѣ, покрытомъ черной клеенкой, стояли двѣ рюмки и пустой графинъ. Учитель съ лохматой головой и сѣрыми, немножко тусклыми, глазами нагнулся къ столу и началъ шарить ру-

ками, между тѣмъ какъ Цезарь не падалъ ничего, чтобы вышелъ Фридрихъ-Хераусъ.

— Что, какъ дѣла? спросилъ его подошедшій въ это время учитель и, немножко пошатываясь, началъ свѣтить Цезарю. Когда послѣднiй кончилъ, Свѣтозаровъ передалъ ему свѣчку и, сказавши: посвѣтите! сталъ въ свою очередь утроблять всѣ усиля.

Такъ они услуживали другъ другу и, наконецъ, съ помощью воды и пудры, а также огромнаго количества соды, немножко оправились.

— *Ultima manus ropenda est*, сказалъ, наконецъ, учитель и досталъ лимонъ съ двумя кусками сахару.

— Понимаю: вы хотите уничтожить этотъ букетъ.

— Древнiе употребляли для этого такъ называемыя *acidae inulae*; мы-же употребляемъ лимонъ и два куска сахару.

Затѣмъ они надѣли фраки и, готовясь идти внивъ, закурили папиросы и сѣли другъ противъ друга на кушеткахъ.

Снизу донеслись звуки вальса.

— Ага! пора, сказалъ Цезарь и прiатели отправились.

Вскорѣ и Черенасовъ явился на балъ и тотчасъ-же сѣлъ за карты. Онъ казался и вялымъ, и соннымъ, и скучнымъ. Послѣ нервныхъ припадковъ его обуяла просто одурь.

— Ну что, Черенасовъ, вы все не признаете ничего? спросила у него Наталья Павловна.

— Это вы все на счетъ вѣры? сказалъ онъ.

— Да.

— Э-эхъ! махнулъ рукой Черенасовъ. — Ка-бы-то не признавать—это все, значить, что-нибудь было-бы, а то и этого нѣтъ. Все равно.

— Вотъ то-то не вѣрить-то что значить, сказала Наталья Павловна.—Вѣра дѣлаетъ чудеса.

— Чудеса! повторилъ Черенасовъ.—Когда ваша свадьба?

— Послѣ-завтра, а потомъ мы уѣзжаемъ.

— Я тоже ѣду.

— Куда?

— Хочу лечиться на грязяхъ.

— Ахъ, вы вмѣстѣ съ папа?

— Да.

— Чѣмъ вы нездоровы?

Черенасовъ улыбнулся.

— Всѣмъ, сказалъ онъ.—Нервы!

Сыгравши пульту, онъ сталъ бродить изъ комнаты въ комнату, прислушиваясь къ разговорамъ, подходя то къ одной, то къ другой группѣ.

Въ одной изъ гостиныхъ онъ присѣлъ и закурилъ папиросу. Поодаль отъ него сидѣлъ солидный и важный господинъ съ Анною на шеѣ: онъ говорилъ такъ таинственно съ своимъ сосѣдомъ, то и дѣло нюхалъ табакъ или перетиралъ его пальцами въ табакеркѣ. Разговоръ шелъ вполголоса и часто переходилъ въ шопоть,

Рѣчь шла о какихъ-то бараньихъ рогахъ и фортеляхъ, о выжиманіи соковъ и проч.

— Мы таки его тутъ погнемъ... Онъ у насъ въ рукахъ. Я ему разъ фортель такой...

Тутъ слѣдоваль шопоть.

— Въ бараній рогъ—да!

И важный господинъ кивалъ головой при этомъ.

— Я ему по министерству такую штуку поднущу...

И опять шопоть.

— Да, Иванъ Козьмичъ. Промаха давать не слѣдуетъ. Мы изъ него совѣ-то повыжемъ, а потомъ и спустимъ съ Богомъ.

— Съ Богомъ и спустимъ, подтвердилъ онъ еще разъ. И при этомъ заворочался на стулѣ и сталъ вынимать платокъ изъ задняго кармана.

— Вы, Степанъ Петровичъ, довольно ловко тутъ, заговорилъ между тѣмъ сосѣдъ, кладя руки на колѣни.

— А какъ-же, отвѣчалъ Степанъ Петровичъ:—на то служба. Не я, такъ другой.

— Конечно, все зависитъ отъ ловкости.

— Отъ ума.

— Разумѣется.

— Я, батюшка, разъ по министерству такой фортель...

— А много у васъ фортелей этихъ было, Степанъ Петровичъ.

— На то служба. Тутъ вездѣ фортель. Въ министерствѣ все фортель. Разъ въ 49 году, когда покойный министръ задумалъ тоже устроить одинъ фортель...

— Да что это, собственно, называется фортель?

— А видите-ли...

Началось объясненіе фортеля. Опять послышались прерываемыя шопотомъ: бараній рогъ, министерство, весь до капли сокъ и проч.

Черенасовъ не могъ понять хорошо, въ чемъ дѣло, и всталъ.

„Какой однако мукосѣй! сказалъ онъ не безъ удивленія.— Вотъ-бы къ намъ въ комиссію...“

Въ слѣдующей комнатѣ Черенасовъ прошелъ мимо учителя Свѣтозарова. Тотъ, стоя, раскачивался, размахивалъ руками, какъ будто собирался прыгать, и говорилъ съ одушевленіемъ:

Вотъ мы прыгаемъ черезъ ровъ,
Въ коемъ множество кустовъ!

Это онъ объяснялъ систему садовъ инспектору одного женскаго заведенія.

„И еще мукосѣй,“ подумалъ Черенасовъ.

Онъ прошелъ мимо стола съ водкой и закуской. Тутъ два господина вели такой разговоръ между собою:

— Эки проклятыя наперстки! Что за обычай дурацкій! Ну развѣ это рюмки? Водки что-ль жалко?

— Эдакъ, подтвердилъ другой,—съ своей придется ходить.

— Да я въ другой разъ и принесу... Знаешь мою?

— Стаканчикъ-то?

— Какой стаканчикъ! Онъ рюмкой.

„Вотъ это жизнь,“ подумалъ Черенасовъ. Еще два господина попались ему на встрѣчу.

— Ну вотъ ты, положимъ, именинникъ, говорилъ одинъ:— такъ?

— Такъ, отвѣчалъ другой.

— Пью я у тебя, такъ?

— Такъ.

— Сдѣлался я пьянъ, такъ?

— Такъ.

— Ну, вотъ тото-же и есть! Выпьемъ-ко пойдемъ.

„И это ничего,“ сказалъ самъ себѣ Черенасовъ.

Еще группа. Идетъ разговоръ.

— Только подали телятину—съѣли, подали гуся—съѣли, утку—съѣли, индѣйку—съѣли и такъ далѣе, и такъ далѣе...

— Какъ это вы не обожрались!

— Съ чего? на именинахъ-то?

— Ну, и выпивка?

— Все...

„Хорошо,“ подумалъ Черенасовъ.

„А, наши! сказалъ онъ, вошедши въ другую комнату. — Ну-ко, послушаемъ! Это петербургскіе!“

И Черенасовъ сѣлъ.

Дѣйствительно, одинъ господинъ собралъ около себя кружокъ и весело и простодушно удивлялся, какъ и за что его любить начальство.

— Удивляюсь. Вотъ теперь представили къ Владиміру на шею. Положимъ въ департаментѣ у насъ есть дѣла... Но главное все-таки счастье!

— Я теперь выцарапаю изъ нихъ Анну, началъ другой:— а коли можно, съ короной прямо; потому, видите-ли, какой у нихъ порядокъ? Получи я съ короной—мнѣ прямо Владиміра, а безъ короны, я долженъ ждать два года...

Черенасову показались гадки оба господина — онъ всталъ и прошелъ въ другую комнату.

Тамъ сѣднѣвій старичекъ со звѣздой, похлопывая по табакеркѣ, высказывалъ цѣлую кучу государственныхъ теорій; около него цѣлый кружокъ стоялъ въ почтительномъ молчаніи.

Черенасовъ все это слушалъ. Языкъ старичка былъ, можно сказать, самый дипломатическій: выраженія общія, охватывающія много, но ничего собственно не даютъ, все это: съ теченіемъ времени, да въ будущемъ, да по мѣрѣ того, другого, третьяго, да такія слова, какъ: ходъ, строй, теченіе, развитіе и проч.

Долго слушалъ Черенасовъ старичка и, наконецъ, вышелъ на дворъ освѣжиться.

— Что это туманъ какой? сказалъ онъ:

— Что ты, Господь съ тобой, сказалъ на это вышедшій за нимъ Цезарь,—ночь, какъ день, смотри, какой мѣсяцъ полный! Читать можно.

— Или это у меня въ головѣ? И Черенасовъ схватился за голову.

— Можетъ въ головѣ, а на дворѣ свѣтло.

Мало по малу Черенасовъ пришелъ въ себя.

— Въ самомъ дѣлѣ, свѣтло. А сначала мнѣ показалось, хоть глазъ выколи.

— Это отъ жару. Пойдемъ.

Въ залѣ танцовали мазурку. Балъ подходилъ къ концу. Готовился ужинъ.

— Ты останешься ужинать? спросилъ Цезарь Черенасова.

— Нѣтъ. А ты?

— О, у насъ еще пойдутъ сводные репетиціонные уроки. Вѣдь послѣ завтра мы ѣдемъ.

— Я тоже на слѣдующей недѣлѣ. Да я напишу письмо попу Прокопію: пусть Свѣтозаровъ передастъ его. Прощай!

— До свиданія.

И Черенасовъ отправился домой. Онъ чувствовалъ страшную усталость; его клонило ко сну, чего давно уже съ нимъ не было. вмѣстѣ съ желаніемъ спать, ощущалось спокойствіе, нервы улеглись, ослабѣли.

— Вотъ такое состояніе—ничего! сказалъ Черенасовъ.—И чего я, въ самомъ дѣлѣ, ищущу? какого смыслу? Какихъ чудесъ? Тутъ все мукосѣи. Тутъ одно полное, безошадное nihil.

И въ скорости онъ заснулъ.

Дня черезъ два была свадьба Натальи Павловны. Молодые сейчасъ-же отъ вѣнца уѣхали изъ Окуева. Черенасовъ даже не справлялся куда. Онъ тоже собирался теперь въ дорогу. Балы и вечера въ домѣ Кубриновыхъ прекратились. Засѣданія второго отдѣленія тоже. Члены хотя и оставались, но за неимѣніемъ дѣла шатались по городу, по знакомымъ, вечеромъ собирались въ клубъ.

Вмѣсто хандры у Черенасова стала проявляться апатія, похожая на одеревененіе. Видно, что борьба и исканіе дѣла были ему не по силамъ. Онъ сталъ обращать вниманіе на здоровье, заботиться о покойномъ снѣ, вообще объ организмѣ. Долгое нравственное напряженіе, въ какомъ онъ находился, видимо ослабило его силы. Теперь ужъ онъ не злился, не смѣялся, относился ко всему ровно и покойно, холодно и безучастно. Сталъ тоже почитывать. Полюбилъ бесѣды съ о. Максимомъ, особенно за чаемъ вечеромъ. Ходилъ на рыбную ловлю съ о. Матвеемъ и дѣдомъ. Вообще, въ немъ произошла перемѣна: онъ, казалось, начиналъ прилаживаться къ жизни. О. Максимъ посоветывалъ ему выпивать по рюмѣ передъ обѣдомъ: сталъ. Послѣ сильнаго нервнаго раздраженія бываетъ, какъ извѣстно, зѣвота: Черенасовъ зѣвалъ иногда теперь по цѣлымъ часамъ.

Впрочемъ, его нельзя было назвать разочарованнымъ; онъ не драпировался ни въ какой плащъ. Это скорѣе былъ усталый человѣкъ. Онъ чувствовалъ, что собственнаго внутрен-

няго міра для него не существуетъ: создавать его казалось ему и поздно, и не изъ чего. Онъ радъ былъ, что теперь не горячился и не волновался: онъ понималъ, что тяпнулся головою объ стѣну и что стѣна оказалась крѣпче головы. Какъ только онъ понялъ это, къ нему воротился и сонъ, и аппетитъ. А то ничего этого не было. И стало казаться ему все естественнѣй и проще. Думалось ему иногда, что съ нимъ начинается опошлѣніе—да вѣдь какъ иначе? Къ чему онъ готовъ? что начнетъ? какое дѣло? Впрочемъ, въ дальнюю разборку онъ даже боялся и пускаться теперь. Онъ испыталъ эту штуку и теперь, какъ огня, боялся ея. Подожду, думалъ онъ, проживу такъ, безъ цѣли, ничѣмъ не задаваясь, можетъ быть, время и обстоятельства укажутъ что-нибудь. А станешь искать—опять впадешь въ нервное раздраженіе и станешь дѣлать глупости, въ родѣ того, какъ ревновать, напримѣръ, Наталью Павловну къ ея татарину. Теперь полечусь, а зимою уѣду въ Петербургъ. Тутъ совсѣмъ скверно.

Домъ Кубриковыхъ съ отъѣздомъ Натальи Павловны какъ-бы распался. Генеральша съ семействомъ уѣхала въ свою тамбовскую деревню, остался одинъ Павелъ Сергѣичъ, да и тотъ собирался на грази. Второе отдѣленіе отправили въ Петербургъ.

Цезарь съ учителемъ совсѣмъ приготовились къ отъѣзду. Наванунѣ они посѣтили Черенасова. Пришелъ и Катонъ. Цезарь былъ пьянъ, учитель навеселѣ. Два эти молодца дѣйствительно спились съ круга со всякими балами, клубами, застѣваніями и сводными репетиціонными уроками. Къ нимъ часто притывкался тоже гусаръ Залетаевъ, не отставалъ и профессоръ, такъ что только съ отъѣздомъ второго отдѣленія распалось нѣсколько пьяное царство, основанное Цезаремъ. Послѣдній къ концу-концовъ потерялъ всякую элегантность, бывшую когда-то конькомъ его, и самъ это чувствовалъ: онъ надѣялся, что дорога и путешествіе освѣжатъ его.

Часовъ до двухъ ночи просидѣли гости у Черенасова и разговаривали все между собою; выпили они пропасть, такъ что о. Матвей, бывший тоже на вечерѣ, диву дался, по его словамъ.

— Ну-жь этотъ махонькій, говорилъ онъ про Цезаря:—первой вижу, чтобы такъ человѣкъ пилъ—и ничего!

Черенасовъ лежалъ на диванѣ и больше молчалъ. Постоян-

ная усталось и дремота успокоивали теперь его и, главное, не давали много думать. Одна только мысль не покидала его: поправить здоровье и уѣхать скорѣе въ Петербургъ. Съ этою цѣлью онъ и думалъ отправиться на грязи. Тамъ у него былъ дядя, о. Прокопій, къ которому письмо онъ и передалъ Свѣтозарову.

ГЛАВА XL.

Путешественники.

На утро Цезарь отправился съ учителемъ. Катонъ провожалъ путешественниковъ.

— Если мы поѣдемъ, сказалъ Цезарь, садясь въ кибитку, — то непременно найдемъ орла.

— Съ нимъ и приѣдемъ, сказалъ учитель.

— Такъ вы ѣдете искать орла? спросилъ Катонъ.

— Орла, *dulcissime*, орла, отвѣчалъ учитель.

Дорогою Цезарь и Моголь любовались видами; послѣдній вносилъ въ записную книжку все, что было позамѣчательнѣй. Такъ онъ отмѣтилъ, что при выѣздѣ есть очень крутая гора, такъ что лошади съ трудомъ могутъ спускаться легкій тарантасъ; что на вершинѣ находится крестъ, поставленный, по всей вѣроятности, въ память какого-либо событія, а можетъ быть, и потому, что нѣкогда, въ самыя отдаленныя времена, была тутъ церковь, а потомъ, когда разрушилась, то поставили крестъ, какъ это въ обычаяхъ у русскаго народа. Находимъ также замѣтки такого рода:

„Климатъ, замѣчаю, благообразенъ; лѣсовъ достаточно; по утрамъ бываетъ роса. Можно полагать, что въ древнѣйшія времена мѣсто это не было заселено, но что потомъ, съ увеличеніемъ народонаселенія и распространеніемъ цивилизации, заселилось и въ настоящее время представляетъ край довольно многолюдный.“

Въ другихъ мѣстахъ:

„Торговли мало, ибо занимаются болѣе хлѣбопашествомъ. Разспрашивалъ одного мужика, какъ богатъ ихъ край и до-

статочно-ли образованъ по сравненію, напримѣръ, съ Москвой или съ другими нашими городами, отличающимися промышленностью и образованіемъ. Мужикъ, по имени Семенъ, отвѣчалъ, что у нихъ рыбы много, да больно ужь одолѣваютъ приказные. На счетъ образованія тоже сказалъ, что „кабы не приказные, то хоть куда.“ Удивительные взгляды у этого народа: у нихъ совсѣмъ другое возрѣніе на чиновника, чѣмъ какое соединяемъ съ этимъ предметомъ мы.“

Или еще:

„Хорошо-бы разсмотрѣть весь этотъ край, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда еще дикія и необработанныя пустыни населены были варварами, добывавшими себѣ пищу грубыми орудіями, о которыхъ не имѣетъ понятія наша новѣйшая цивилизація.

„Грубость нравовъ доселѣ еще поразительна. Туземцы не знакомы съ самыми обыкновенными приѣмами вѣжливости. Особенно женщины, или, какъ ихъ называютъ, бабы: ходятъ чуть не въ колпакахъ и вообще едва-ли имѣютъ казія-либо человѣческія понятія. При всемъ этомъ множество ребятишекъ бѣгаютъ по улицѣ въ однѣхъ рубашкахъ, такъ что, несмотря на все видимое богатство края, можно сказать, что все это какъ будто полноводіе: вездѣ замѣтна грязь и нечистота, ярко бросающіяся въ глаза всякому порядочному человѣку. На мѣстѣ мудраго правительства вообще необходимо позаботиться о смягченіи нравовъ, что можно сдѣлать, разумѣется, при посредствѣ дѣльныхъ и разумныхъ чиновниковъ, которые-бы и видомъ и обращеніемъ вселяли-бы къ себѣ уваженіе и довѣріе такъ называемыхъ мужиковъ, да и вообще надо-бы запретить мужикамъ трактовать посылаемыхъ къ нимъ чиновниковъ, какъ свиней,—что они обыкновенно дѣлаютъ, дозволяя себѣ нерѣдко самыя непристойныя выходки и выраженія. Не осмѣливаюсь даже сказать, какъ при мнѣ однажды называли нашего губернатора, человѣка, какъ извѣстно, въ высшей степени гуманнаго и отличающагося всѣми качествами, требуемыми нашей трудной и сложной администраціей. Особенно поразили меня названія: соленный, свѣжепросольный (исправникъ), кобылятникъ, борзой чортъ (судья), цѣпной (не помню въ кому относилось), и проч. Жалѣю, повторяю, что приличія не позволяютъ мнѣ назвать губернатора такъ, какъ его величали.

„Изъ деревьевъ болѣе попадаются осина и береза, дубъ рѣдко.

„Въ осьми верстахъ отъ города находится колодезь, въ которомъ, сколько я наблюдалъ, можно-бы открыть присутствіе минеральныхъ веществъ, разумѣется, при лучшемъ изысканіи, руководствуясь духомъ предприимчивости и стремленіемъ къ прогрессу, который въ настоящее время развивается, какъ извѣстно, довольно быстро.

„Не мало поражали мои взоры повсюду встрѣчающіеся кабаки, куда утомленные поселяне заходятъ дѣлать досугъ и отдыхать отъ своихъ трудныхъ обязанностей.

„Разспрашивая также одну бабу, по имени Авсинью, сколько у нея дѣтей. Говорить, что душъ восемь. Можно судить о богатствѣ и народонаселеніи, если въ одномъ домѣ находится восемь душъ! Сто домовъ даютъ восемьсотъ душъ, изъ коихъ каждая стоила въ свое время около ста рублей! Можно судить, говорю, о богатствѣ и населеніи края! Когда пройдутъ желѣзныя дороги и мудрое правительство соединитъ ихъ всѣ (всѣ говорю!) къ одному центру, напри- мѣръ, въ Москвѣ или Петербургу, то образованіе пойдетъ, такъ сказать, самымъ широкимъ путемъ, поелику столицы у насъ, даже со временъ Петра Великаго, служили всегда центромъ, къ которому стремилось все и стремилось именно потому, что всякая вещь стремится къ своему центру. Это и въ физикѣ даже доказано.

„Именно „*Dulce desipere est in loco.*“ Вчера мы со спутникомъ усидѣли полтора штофа, по малой мѣрѣ. Мѣстность была живописная, кабакъ на отлетѣ, вкругомъ лѣса.

„*Silvae laborantes geluque*—рѣвки, впрочемъ, не было.

„Выпивши, начали говорить. Поговоривши, легли спать. Встали рано и поѣхали дальше, при чемъ тоже выпили. Выпивши, уснули и проснулись уже на Чекрыжномъ Яру подъ Зудѣшвами. Попѣ Матвей ловилъ рыбу. Мы поглядѣли. Съ нимъ была фляга и онъ угощалъ насъ очищенной, а мы съ своей стороны предложили ему польновки. Выпивши, такимъ образомъ, съ попомъ, поѣхали дальше.“

ДНЕВНИКЪ ЦЕЗАРЯ.

„Спутникъ мой навеселѣ и все что-то пишетъ въ записную книжку. Не хочетъ-ли онъ сдѣлаться писателемъ? Вотъ-то была-бы штука. О чемъ онъ сталъ-бы писать?

„Тутъ кстати замѣтить, что роль писателя въ Россіи очень трудная. Надо ставить восклицательные знаки, точки и тому подобное. Да мало-ли что еще! А цензура? Никого нельзя выругать приличнымъ образомъ, не говоря уже о томъ, чтобы скверными словами...

„Но какъ, чувствую я, оживляетъ меня природа! Лѣса, деревья—все это, такъ сказать, даетъ пищу уму. Не даромъ мы съ учителемъ выпиваемъ по немногу. А здоровъ пить, чортъ его возьми, этотъ Евсигней Федорычъ! Да, я-бы желалъ постоянно жить среди природы. Можетъ-ли что быть лучше? Не даромъ говоритъ намъ исторія, что нѣкоторые философы удалялись нарочно въ поля и жили въ дремучихъ лѣсахъ. И что въ самомъ дѣлѣ городъ? Дома и только. По моему всякому, если только онъ чувствуетъ наклонность къ философіи, должно жить въ лѣсу, въ глуши, такъ чтобы и его не видали, и онъ-бы никого не видѣлъ. Размышленія могутъ рождаться подъ открытымъ небомъ. Когда я удалюсь въ уединеніе и исполню, такимъ образомъ, завѣтную мысль свою, я выберу непременно лѣсъ, такъ чтобы внизу была рѣка, самъ построю себѣ лодку и буду плавать, если нужно. И какъ хорошо, если, на примѣръ, наловить рыбы, тутъ-же на берегу разложить огонь и потомъ готовить ужинъ! Спокойный сонъ, на утро голова-свѣжа, а теперь этотъ проклятый кмѣль такъ и ходитъ ходенѣмъ въ тебѣ, пока его не выгонишь новой рюмкой водки! Правда, есть пріятность опохмѣлиться, особенно на чистомъ воздухѣ, въ тиши полей, какъ говорится въ стихахъ. Да, впрочемъ, чортъ ее знаетъ, что тутъ хорошо, что дурно. Опохмѣлялся я и въ комнатѣ, и даже если судить строго... Ну, будетъ философствовать! Чувствую, однимъ словомъ, что природа меня оживляетъ, а если и выпьешь лишнее, то отчего, спрашивается, и не выпить? Мысль совершенно вѣрная и даже самъ Шекспиръ, говорятъ, выпи-

валъ, да и Шиллеръ тоже... да и всѣ, собственно говоря, пьяницы... Я то чтожь послѣ этого?"

Каждую мысль Цезарь, можно сказать, ловилъ на лету и потому въ замѣткахъ его, если и нѣтъ строгаго порядка, за то разнообразіе впечатлѣній, картинность въ изложеніи, выкупаеть съ избыткомъ недостатокъ послѣдовательности. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ:

„Наблюдая нравы и природу, поистинѣ можно сказать, что дѣлаешься и чище, и лучше. Вчера, напримѣръ, видѣлъ довольно хорошую бабенку, которая мыла бѣлье у ручья. Какая простота, подумаешь! Я даже пожалѣлъ, отчего я не мужикъ. Славная вообще бабенка!“

Въ другомъ мѣстѣ по поводу рѣки:

„Что если-бы на этой рѣкѣ построить мостъ и потомъ на горѣ воздвигнуть громадный соборъ? Величественный видъ потемнилъ-бы все, что доселѣ существуетъ подобнаго въ природѣ.“

И еще:

„Богатыя стада! Нѣжны овцы и бараны пасутся на лугу. Проѣжая мимо, я чувствовалъ,

Какъ мимо горъ бѣжали облака:
Ихъ вѣтеръ раздувалъ слегка,
А снизу солнце золотомъ лучей—

„Эти стихи пришли мнѣ невольно въ голову и если-бы еще одну рифму къ „лучей“, то вышло-бы что-нибудь порядочное. Я было ужъ копался въ головѣ, да этотъ чортъ учитель сбиль. Пора, говорить, выпить. Ну и выпили. Здоровъ пить эта бестія Евсигней Федоровъ! Ужь не латынь-ли ему помогаетъ? Если-бы кто сказалъ мнѣ, что съ этою латынью можно пить по ведру въ день, ну, ей Богу-бы, нарочно сталъ учиться!

„Впрочемъ, вчера, когда этотъ чортъ учитель, наконецъ, напился и заснулъ, я, пропустивши рюмки двѣ коньяку, успѣлъ написать стихи, гдѣ изложилъ довольно удачно свои впечатлѣнія. Вотъ они:

Ѣду я на телѣгѣ: звенить колокольчикъ.
Что онъ звенить и про что? Все равно мнѣ.
Ѣду и слушаю—что мнѣ за дѣло!
Пусть онъ звенить себѣ: я-же предамся
Милымъ мечтамъ. Надо мною сіяетъ
Небо вверху; подо мною колеса

Катятся быстро: едва успѣваешь
 Глазомъ моргнуть—ужь отъѣхалъ
 Версть, глядишь, пять или шесть. Эко диво:
 Сколько ни ѣдешь, а все будто небо
 Тоже надъ тобою, что прежде, и та-же
 Будто трава, словно вовсе не ѣхалъ.

„Думаю, что хорошо. Покажу завтра учителю. Выпьемъ и прочтемъ вмѣстѣ.“

На утро, когда Цезарь прочелъ учителю стихи, то Моголь замѣтилъ, что это очень мило, но что недостаетъ чего-то, будто конца нѣтъ.

— Тутъ все, сказалъ на это Цезарь.

— Я вижу, что все, отвѣчалъ Моголь.—Но нужно, мнѣ кажется, заключить чѣмънибудь, примѣненіе эдакое къ жизни—а? Я, впрочемъ, не говорю: поэтъ знаетъ, что пишетъ. Есть нѣчто подобное и у Горація. Но, мнѣ кажется, нужно отъ себя чтонибудь—мысль эдакую?

— Какую-жь мысль? Вы помните, что говорить Писемскій въ одномъ романѣ?

— Что?

— Именно то, что поэтъ думаетъ образами, но что у него мысли нѣту.

— Не помню что-то.

— Да возьмите любое стихотвореніе Фета; тѣмъ оно и хорошо, что тамъ нѣтъ мысли. Я даже читалъ гдѣ-то, что его можно читать, какъ угодно: сначала, съ конца, съ середины.

— Это такъ, замѣтилъ учитель,—это большое искусство.

— Да, продолжалъ Цезарь.—Поэтъ по преимуществу не долженъ допускать мысли. Позвольте, я еще разъ прочту.

И Цезарь прочиталъ.

— Видите-ли, продолжалъ онъ,—тутъ чисто одни ощущенія: небо, колеса, трава—что можно еще прибавить? Да позвольте: кажется, у Фета или у Апухтина есть слѣдующее мѣсто:

Сажу на скамейкѣхъ подъ липой. Липой пахнетъ.
 Я-же сажу—

И такъ далѣе. Однимъ словомъ, предъ вами рисуется картина, какъ человѣкъ сидитъ подъ липой и вдыхаетъ въ себя ея душистый запахъ. Тамъ именно сказано:

Полною грудью вдыхаю въ себя я душистый

Воздухъ, что-ль—не помню.

— Ну да, перебилъ учитель.—Тамъ вы представляете себѣ,

какъ будто вы сами сидите подъ липою и вдыхаете въ себя запахъ.

— А тутъ, возразилъ Цезарь, развѣ вы не представляете себѣ, что сами ѣдете на телѣгѣ?

— Ну да—и звенить колокольчикъ. Это такъ.

— Именно.

Что онъ звенить и про что? Все равно мнѣ.

— Не правда-ли? И дальше:

Небо вверху, подо мною колеса.

— Это, разумѣется, подробности, замѣтилъ учитель.

— Подробности.

Катаются быстро: едва слышавъ—

— Картинно, отозвался Моголь.

Глазомъ моргнуть—ужь отъѣхалъ.

Версть глядишь пять...

— Это гипербола, разумѣется, замѣтилъ учитель.

— Ну, конечно, перебилъ Цезарь.—Можно-ли въ одно мгновение проѣхать пять верстъ? Гипербола.

Глазомъ моргнуть—ужь отъѣхалъ.

— Скоро немножко.

— Въ стихахъ, разумѣется, это незамѣтно.

— Конечно, подтвердилъ учитель.—Въ стихахъ чувство и потому личное впечатлѣніе автора. Можетъ быть, въ вашей душѣ такъ оно и проходить.

— Да. Для меня именно, какъ будто я не успѣлъ моргнуть и ужь проѣхалъ пять верстъ.

— Да, да. Это вообще позволяется.

Затѣмъ Моголь читалъ свои замѣтки Цезарю и послѣдній одобрительно кивалъ головой, говоря, что серьезное изложенеіе требуетъ именно самостоятельнаго и строго-научнаго взгляда, какой и замѣчается въ запискахъ Евсигнея Федорыча.

На другой день, когда пріятели отправились далѣе, Моголь замѣтилъ, обращаясь къ Цезарю, что и онъ отчасти не чуждъ поэзіи, хотя и не оригинальной, а переводной. Въ доказательство этого онъ предложилъ прочесть свой переводъ оды Горація:

Vides ut alta stet nive candidum
Soracte, nec jam sustineant onus

etc.

— Слушайте, сказалъ онъ,—это отчасти и къ намъ при-
мѣнимо:

И затѣмъ началъ:

Выпьемъ еще по одной! Погляди-ка
Какъ поднялася Соракта? Покрѣта
Льдомъ она вся: не подь силу лѣсамъ ужъ
Выдержать тяжесть, и рѣки,
Сжатыя холодомъ острѣмъ, давно ужъ
Остановились...

— Позвольте, перебилъ Цезарь,—вы часто, кажется, пов-
торяете слово *ужь*?

— Это ничего, отвѣчалъ учитель,—вотъ, напримѣръ, пе-
реводъ извѣстнѣйшаго нашего поэта и притомъ извѣстнѣйшей
оды Горация, не той, что начинается: „Jam jam efficas“, а
вотъ этой:

Jam satis terrae nivis atque dirae
Grandinis misit Pater et rubente
Dextera sacras jaculatus arces—

— Но это подлинникъ, перебилъ Цезарь.

— А вотъ переводъ, сказалъ учитель. — Забудьте только,
что тутъ есть особая цезура и мы ее поставимъ, и онъ на-
чалъ слѣдующей цезурой:

Уже довольно | землѣ, давно ужъ
Обремененной, | града послалъ ужъ
Отецъ, потрясшій | давно ужъ замки,
Потрясшій храмъ ужъ
Красной десницей, | коя давно ужъ

— Неужели опять *ужь*? перебилъ Цезарь.

— Еще-бы! сказалъ учитель. — Вы развѣ не знаете, какъ
переводятъ у насъ древнихъ?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу. Берутъ просто лексиконъ, потомъ
подлинникъ...

— Такъ это и мои стихи можно перевести на латинскій?

— Конечно.

— Но понятна-ли будетъ жизнь самая, духъ, такъ сказать?

— А вы что разумѣете подь именемъ духа? не безъ иро-
нїи спросилъ учитель.

Цезарь подумалъ.

— По правдѣ вамъ сказать, ничего не разумѣю, отрѣ-
залъ онъ.

— Ну такъ я вамъ скажу, началъ по-добторски учитель.—
Въ каждомъ глупомъ произведеніи есть духъ...

— Зачѣмъ непременно въ глупомъ? спросилъ Цезарь.

— А затѣмъ, чтобы мы лучше поняли, что онъ есть въ умномъ.

Затѣмъ учитель подробно началъ объяснять, что духъ не есть собственно *anima*, а есть *spiritus*, но что *spiritus* безъ *anima* не можетъ существовать, и обратно: *anima* или *animus* предполагаетъ непременно *spiritus*, самъ-же по себѣ *spiritus*...

— Да позвольте, перебилъ Цезарь,—*spiritus* не есть-ли на нашемъ языкѣ *спиртъ*?

— Да, именно такъ; *dulcissime*, отвѣчалъ обрадовавшись учитель.— Поэтому выпьемъ его по-возможности.

Пріятели выпили.

Цезарь врякнулъ.

— Во всякомъ случаѣ вашъ переводъ хорошъ, сказалъ онъ и началъ закусывать.

— А вотъ когда-нибудь я вамъ прочту мои антитезы, началъ учитель.

— Противъ кого?

— А видите-ли: въ нашемъ ученомъ мірѣ говорятъ обыкновенно, что самый лучший переводъ есть, такъ сказать, передача смысла подлинника; но я всегда былъ противъ этого.

— И я также, подтвердилъ Цезарь, не зная впрочемъ хорошенько, въ чемъ дѣло.

— Видите-ли, продолжалъ учитель: — духъ въ этомъ случаѣ—вещь второстепенная. Публика должна привыкать къ буквѣ. Пусть она сроднится съ формами, изучаетъ склоненія, спряженія... Пусть исключенія всѣ знаетъ. Да, *collega*, будетъ время, когда мы всѣ будемъ говорить по-латыни.

— Дай Боже! Но трудно.

— *Seil sine pugno vita labore dedit mortalibus*, заключилъ учитель изъ Горация.— Все остальное трынъ-трава!

— Какъ по-латыни трынъ-трава? спросилъ Цезарь.

— Много есть выраженій: трынъ-травы собственно не было у римлянъ. Это у насъ.

Въ это время они подъѣзжали уже къ городу.

ГЛАВА ХLI.

Отецъ Прокопій.

На другой день по приѣздѣ, учитель передалъ письмо отъ Черенасова попу Прокопію. Прокопій былъ маленькій вертлявый попикъ, вель обширное хозяйство и вѣчно возился на дворѣ, гдѣ было множество закутъ, курятниковъ съ низкими лазейками вмѣсто дверей, и гдѣ попъ или считалъ цыплятъ, или смотрѣлъ, не нужно-ли гдѣ приладить дощечку или гвоздь вбить, соображалъ также, скоро-ли опоросится свинья, которую ежедневно навѣщалъ по-нѣскольку разъ и которая не выпускалась по случаю беременности изъ закуты; наконецъ, обошедши всѣ углы, бралъ лопату или метлу и подметалъ дворъ, или-же толковалъ, а иногда и ругался съ жильцами, которые, выглядывая изъ оконъ надворныхъ построекъ, были свидѣтелями неугомонной дѣятельности попа.

— Ну такъ и есть, сказалъ онъ, обращаясь къ зятю своему, смотрителю мѣстнаго духовнаго училища,—что ни день, то новое. Вчера лопата пропала, нынче письмо получилъ.

Смотритель, спокойный человѣкъ, въ халатѣ, съ трубкой въ зубахъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ поглядѣлъ на попа.

— Не вѣришь? Да, сказалъ, усаживаясь, попъ,—получилъ письмо. Вотъ думаю — ужъ сколько лѣтъ не получалъ: отъ кого-бы это? Это обстоятельство не важное, но выслушай, что дальше. Былъ, надо тебѣ сказать, у меня племянникъ—такъ, завалаящій человѣкъ, на котораго и вниманія не обратишь въ другой разъ. Учился въ семинаріи и шелъ скверно. Но это-бы не штука. Слушай, что дальше. Отправился онъ въ Петербургъ. Сколько онъ тамъ жилъ и какъ—я не могу тебѣ сказать, но лѣтъ пять слуху никакого не было. Такъ я его потерялъ изъ виду и совсѣмъ, какъ говорится, потерялъ. Но все это не то: слушай, чѣмъ разыгралось дѣло. Получаю я сегодня письмо такого содержанія:

„Любезный дядюшка!“ Ба, думаю: что за родство? Читаю дальше: „Намѣреваясь посѣтить вашъ городъ“—слышишь? А былъ завалаящій человѣкъ, ну то и есть такой человѣкъ, на котораго рѣшительно вниманія-бы не обратилъ въ другой

разъ. Вотъ-те, говорю, дрянъ! „Имѣю—говорить—до васъ просьбу“. Хорошо. Какая-жь, думаю, просьба? Прикидываю такъ-сякъ — нѣтъ! Фу, думаю, какая вещь! Что-же оказывается? „Намѣреваясь посѣтить вашъ городъ“ — понимаешь? *Нашъ* городъ... Ну, то-есть ты-бы и не посмотрѣлъ на него: такъ-бы прошелъ мимо—аминь, читай!

И попъ подалъ смотрителю письмо.

— Имѣя желаніе пожить въ провинціи, началъ смотритель.

— Ишь штука какая, перебилъ попъ,—слышишь? Имѣю, говоритъ, желаніе! Не скажетъ bestія—хочу.

— Переселяюсь къ вамъ, продолжалъ смотритель.

— Переселяюсь къ вамъ, повторилъ попъ, — тонкая каналья!

— Поэтому заранѣе увѣдомляю васъ.

— Хе! куда гнетъ, вступился попъ,—сейчасъ видно откуда.

— Давно уже, милый дядюшка, какъ мы разстались съ вами...

— Еще-бы не давно! Пять лѣтъ ни слуху, ни духу! Мало-ли какія вещи дѣлались: я ужъ протопопъ. А онъ говоритъ—давно! Не поймемъ—думаетъ. Штука!

— Я думаю, сказалъ смотритель,—что онъ въ Петербургѣ нажился?

— А какъ-бы ты иначе думалъ? сказалъ попъ.—Ты самъ видишь, какая bestія. Пожить, говоритъ, въ провинціи! Чужемъ. Думаетъ и слова этого не знаемъ. Хе! Сами живемъ въ провинціи: понятно! Я этихъ господъ насквозь вижу: разъ посмотрѣлъ и все знаю.

— Вотъ онъ пишетъ о квартирѣ: желаю, говоритъ, занять порядочную квартиру, сообразно моему положенію.

— Эка притчу глаголетъ, перебилъ попъ,—будто не знаемъ!

— По возможности удобнѣй и дешевлѣ.

— Такъ, перебилъ опять попъ, злобно усмѣхаясь, — думаетъ на дураковъ каналь!

— Стало быть, онъ большое жалованье получалъ, замѣтилъ смотритель.

— Да въ Питерѣ маленькаго не дадутъ! Ты спроси, не нахваталъ-ли онъ орденовъ?

— Знакомъ, пишетъ, съ губернаторомъ, читалъ смотритель.

— Ну да это проваль его возьми, что знакомъ съ губернаторомъ! Намъ хоть онъ съ чортомъ тамъ знакомъ...

— Однако, началъ смотритель.

— Да что говорить, подхватилъ попъ.—Я не про то. Читай дальше-то.

— Архирей, говоритъ, у васъ Евтихій.

— Вотъ это дѣло; что правда, то правда, сказалъ попъ.

— Остаюсь, продолжалъ смотритель:—преданный вамъ...

— Такъ, такъ, усмѣхаясь продолжалъ попъ: — то есть я даже и не видывалъ такую бестію! Самая продувная, какую только можно себѣ представить. И вѣдь какъ пишеть? а?

— Слогъ дѣльный, замѣтилъ смотритель.

— Хе, слогъ! Тутъ, любезный, не слогъ. Ты гляди прежде всего, какъ пишеть. Ну, племянникъ, продолжалъ попъ, ударя себя по колѣнямъ, — вотъ разодолжилъ! Ай да шельма! И вѣдь какъ? По первоначалу-то я даже не понялъ. Любезный, говоритъ, дядюшка! И пошелъ, и пошелъ. Архирей вишь Евтихій. Знаемъ, что не Андронъ. Андроновъ не бываетъ.

— Чтожь, возразилъ смотритель,—Андреи есть.

— Да, то Андреи, а не Андроны. Андронами бываютъ только мужики. Да не въ томъ дѣло: ты гляди, какія балясы подпускаеть: имѣю желаніе пожить въ провинціи—и то, и се и это; чуемъ, думаю, откуда ты. То есть непонятно даже, какъ это изъ него такая бестія вышла.

— Оно это нельзя говорить, началъ смотритель,—можетъ и хорошій человѣкъ. Жилъ въ Петербургѣ: почему-же? Я даже совсѣмъ противнаго мнѣнія.

— А я-то про что-жь говорю? Пишетъ хорошо—вотъ въ чемъ штука. Найди-ко ты здѣсь, кто-бы такъ писалъ—а?

— Этого не скажу, чтобы не было. Многіе пишутъ.

— Да, многіе пишутъ, кто говоритъ! Можетъ и лучше пишутъ. Но ты возьми, какая соль: имѣю, говоритъ, желаніе. Чуешь, на что намекаетъ?

— Нѣтъ. На что-же онъ намекаетъ?

— Вотъ то-то и есть, на что намекаетъ, многозначительно сказалъ попъ. — Ну да я впрочемъ не объ этомъ. Письмо однако сверни, а то Богъ его знаетъ: можетъ это насмѣяться вздумалъ.

— Вотъ еще: насмѣяться!

— А почему знаешь? Можетъ, это шутъ гороховый какой-нибудь, а совсѣмъ не племянникъ. Развѣ не случается?

Затѣмъ попъ бережно свернулъ письмо и заложилъ его за зеркало.

— Теперь, началъ онъ, закладывая руки глубоко въ карманы,—надо разсудить, какъ его принять.

— Настасья! крикнулъ онъ дочери, женѣ смотрителя,—завари-ко намъ чайку, а мы пораскинемъ разумомъ: тутъ тоже каша заварилась. Жаль съ молодцомъ-то я не переговорилъ, что принесъ письмо-то... Буркнулъ что-то: не когда, говорить—пріѣхали—съ дороги—зайду—спѣшить видно куда. Евсигней Федорычемъ зовутъ. Лохматый такой! Посулился въ пятницу. Въ пятницу, говорить.

И попъ, положивъ руки на колѣни, охватилъ голову и шибко задумался. Смотритель тоже сталъ думать и крѣпко затыгивался.

— Умъ за разумъ зайдетъ, сказалъ попъ.

Смотритель молчалъ и только затыгивался.

— Да брось ты этотъ табачище, вскинулся попъ,—скажи что-нибудь.

Въ это время принесли самоваръ, вошла Настасья Прокофьевна и начался семейный совѣтъ о томъ, какъ принять племянника.

Совѣтъ продолжался довольно долго. Болѣе другихъ выдѣлось мнѣніе смотрителя, которому въ сущности и послѣдовали. Этотъ спокойный человѣкъ, съ свойственною ему солидностью, выразилъ ясно, по пунктамъ, что „во-первыхъ,—нужно принять“, во-вторыхъ, — что ни говори, а надо принять, а въ третьихъ,—заклучилъ онъ—все-таки принять. Затѣмъ онъ отправился въ свою комнату сочинять вирши, которые обыкновенно помѣщалъ въ концѣ каждаго № мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, и владыка Евтихій не безъ удовольствія читалъ ихъ, такъ-что однажды даже сравнилъ автора съ говорящей ослицей Валаама. На сей разъ смотритель началъ писать слѣдующее стихотвореніе:

Юношѣ, возвращающемуся въ домъ отцовъ своихъ.

Первое четверостишіе (приступъ) было таково:

Всевышній, средь щедротъ,
Безчисленныхъ своихъ,
Послалъ тебѣ въ сей годъ

Увѣрь твоихъ родныхъ.
Слѣши къ своимъ пенатамъ,
Лобзай любезный прагъ.

Далѣе у зрителя не пошло, сколько не теръ онъ себѣ лобъ, и онъ вскорѣ заснулъ, надѣясь на утріе докончить свое стихотворное упражненіе.

ГЛАВА XLII.

Начало и окончаніе водолечебнаго курса.

Между тѣмъ учитель съ Цезаремъ долго выбивали старый хмѣль, который въ дорогѣ не такъ былъ замѣтенъ, а какъ пріѣхали на мѣсто — тотчасъ-же далъ знать себя. Пили они квасъ, пили зельтерскую воду, то и дѣло мочили головы, пили, наконецъ, водку — и только дней черезъ пять показались уже въ публикѣ, въ городскомъ саду или паркѣ, гдѣ былъ вокзалъ, нѣчто въ родѣ водолечебнаго заведенія, съ цистернами и въ вокзалѣ и внѣ его, на террасахъ, гдѣ играла музыка и прохаживались больные, пользовавшіеся водами.

Пріятели наши продолжали каждый вести свои записки, изъ которыхъ видно, какъ проводили они первое время водолечебнаго курса.

Учитель между прочимъ писалъ:

Пятница, іюля 9. Былъ у попа Прокопія. Живой человекъ необыкновенно. Говорили о превосходствѣ славянскаго языка передъ русскимъ. Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что перевести библію на русскій языкъ невозможно. Да и гдѣ-жь? Попалось намъ мѣсто: „и бысть возношашеся“ — что это такое? Картина. Но „возношашеся, вознесся, взшелъ“ — кажется-бы тоже, а нѣтъ — силы таковой нѣтъ. Аромату нѣтъ. И еще: „и прейде“. Попробуйте перевести: и прешелъ, и прошелъ, и изчезъ — положимъ понятно, хорошо, а все-таки не то, что „прейде“. Возьмите „Азъ“ — развѣ это все равно, что „я“? Положимъ все равно, да сила исчезла. Азъ, азъ—я, я: нѣтъ, что не говорите, а не то. Азъ! Азъ есмь, азъ бѣхъ, азъ буду—хе! да просто прелесть. А напримѣръ „бяху“ — что за

величіе, сила, полнота—именно „os rotundum!“ Надо непременно изложить подробно ту мысль, что нѣтъ ничего выше славянскаго языка, и напрасно стараются переводить по-русски, забывая пословицу: тѣхъ-же щей, да пожиге влей. Русская пословица всегда пригодится. Такъ вчера, выпивая съ Прокопіемъ по четвертой на томъ основаніи, что безъ четырехъ угловъ домъ не строится, я хотѣлъ уже отеланяться, но попъ необыкновенно находчивъ: конь, говоритъ, о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Выпили по пятой. Не помню, какую онъ прибралъ для шестой рюмки. Для седьмой нашелъ семь печатей. Словомъ, когда мы выпили дюжину въ честь двѣнадцати апостоловъ, то я долѣе не предполагалъ уже ничего и хотѣлъ отеланяться, но Прокопій дѣльно замѣтилъ, что изъ числа 12-ти былъ одинъ предатель и потому число это не нужно оставлять, слѣдуетъ выпить по 13-й. Выпили. Затѣяли какую-то канитель. Я начиналъ пьянѣть. Я собственно рѣдко пьянѣю, но попъ что-то сталъ говорить несообразное, повторялъ славянскія слова: бяху, изыде, преjde, азъ! Я поднялся домой. Стой, говоритъ: мы выпили по 13 — надо дополнить. Будетъ, говорю. Нельзя, говоритъ. Почему? А потому, говоритъ, что это чортова дюжина. Ну, молодець Прокопій. Словомъ, разстались мы уже тогда, когда потеряли счетъ. У Прокопія должно быть шибко трещить теперь голова. Ну, да ничего, опохмѣлится.

Спутникъ мой пропалъ. Онъ чуть-ли не на счетъ клубнички... Видѣлъ я его вчера съ какою-то дѣвочкой, когда шелъ къ Прокопію...

Дневникъ Цезаря.

Суббота, іюля 10. Ну рѣдко видѣлъ я Евсигнѣя Федорыча такъ пьянымъ, какъ вчера. Пришелъ отъ своего попа, поретъ дичь совѣмъ несообразную.—Азъ—вричитъ—бяху, преjde, os rotundum! Станетъ это посреди горницы, подниметъ руки:

„И бысть—говорить—возношашеся!“

Помолчить, помолчить, самъ эдакъ на свѣчку уставится—и опять.

И бысть возношашеся!

Потомъ опять: Азъ, преиде, видѣхомъ, os rotundum!
Выпей, говорю, води!

Тутъ только опомнился. Ну да, чортъ его возьми!

Дѣла мои, слава Богу, подвигаются впередъ. Оленька (имя-то, имя-то одно!) начинаетъ сдаваться. Вчера я поцѣловалъ ее. Вспыхнула бестія. То-то, думаю, ай не любишь? Однако ничего. Надо написать ей стихи и надо непременно сдѣлать это въ трезвости. А то я было выкинулъ штуку, пропади она. Сижу эдакъ во хмѣлю и чиркою перомъ. То-же стихи захотѣлось написать. Со мной это бываетъ. Только думалъ, думалъ, да и давай валять:

Что ты, Оля, приуныла
Невесело, пельма, сидишь?

Разумѣется, сейчасъ-же изорвалъ. Нѣтъ, надо что-нибудь такое серьезное и вмѣстѣ нѣжное, на примѣръ, хоть безъ рифмы:

Слышишь-ли, Оля, ты вздохи мои?
Слушай ихъ, душенька, слушай!

Что-бы еще?

Юля 11. Вотъ что значить выпить не во-время! Вчера и хорошо было началъ:

Слушай ихъ, Оленька, слушай!

Сталъ ходить по комнатѣ и думать, чтобы докончить стихи. На столѣ водка. Выпилъ. Выпилъ еще. Закусилъ грибами. Славные такіе грибки, маленькіе, словно гвоздики. Жую. Проглотилъ и пишу:

Вотъ тебѣ, Оля, не хощь-ли, грибки:
Кушай ихъ, Оленька, кушай!

Какія, въ самомъ дѣлѣ, бываютъ иногда странныя ассоціаціи идей! Просто плюнулъ. Разумѣется, стихи послѣ этого не пошли.

Записки учителя.

На третій день послѣ вечера у отца Прокопія, учитель всталъ мрачнѣй и серьезнѣй, чѣмъ когда-либо, сознавая невольное, что вчера что-то такое было очень скверное; по-возможности отрезвившись, но чувствуя все еще нѣкоторую тяжесть въ головѣ, онъ сѣлъ за дневникъ и писалъ слѣдующее:

Консервативный порядокъ вещей, наиболѣе пріучая мысль къ труду, каждому дѣйствию человѣка сообщаетъ ту необходимую при всякомъ случаѣ солидность, которую часто теряетъ субъектъ, если не руководится извѣстными принципами непрерывнаго и всегда одинаковаго образа мыслей, направленныхъ на тотъ или другой предметъ въ данную минуту, которая, съ своей стороны, есть ничто иное, какъ невольное слѣдствіе послѣдовательныхъ и связанныхъ представленийъ, истекающихъ изъ своего начала и стремящихся прійти къ совершенному объединенію, обычно искомому въ концѣ, какъ неизбѣжномъ выводѣ изъ начала въ связи съ упомянутыми промежуточными моментами, исключаящими всякое противорѣчіе, которое-бы могло нарушить естественное и объективное, такъ сказать, теченіе совершающихся процессовъ мышленія, ищущаго опереться на множество заранѣе подготовленныхъ силой всеконцентрирующаго разума причинъ и слѣдствій.

Написавши эту штуку, учитель прочелъ ее и затѣмъ продолжалъ въ такомъ духѣ страницы три, пока, наконецъ, почувствовалъ, что совсѣмъ протрезвился и что остается только умыться хорошенько. Но выраженіе лица его все оставалось крайне серьезно и онъ положилъ себѣ за правило избѣгать по-возможности такихъ вечеровъ, какъ у Прокопія.

Дневникъ цезаря.

Изъ городского сада мы съ Оленькой пошли по улицамъ. Разсчитывая, что учителя нѣтъ дома, я хотѣлъ пригласить Оленьку къ себѣ. Подходимъ къ дому. Гляжу, окна освящены, внутри шумъ. Учитель говорилъ что-то по-латыни. Голосъ Про-

вопія: изыде, преjde, бяху! А учитель: и бысть возношашеся! И затѣмъ: азъ, изыде, преjde, бяху—и опять по-латыни. Пойдемъ, говорю, Оленька, въ гостинницу. Пошли. До самаго угла все слышали: изыде, преjde, бяху — и по-латыни. А сказывалъ вѣдь бестія этотъ Евсигней, что не станеть водиться съ Прокопіемъ.

Пріѣхаль, наконецъ, и Черенасовъ на грязи, поселился у о. Прокопія и сначала будто поправился. Но скоро съ нимъ началась изнурительная лихорадка. Упадовъ силъ чувствовался съ каждымъ днемъ. По этому поводу читаемъ въ дневникѣ Цезаря:

„Черенасовъ — тю-тю! Кажется, отправится. Говорилъ я ему: пей по-нашему водку, не послушался, вотъ теперь... А жаль.“

Евсигней Федорычъ въ то же время писалъ:

„Великій и свѣтлый умъ, краса и честь комиссіи, кажется, хочеть оставить насъ. Нынче я посѣтилъ его. Отецъ Прокопій даже не подалъ водки: такъ разстроень.“

Пророчество пріятелей сбылось: изнурительная лихорадка обратилась въ острую чахотку и Черенасовъ умеръ въ домѣ о. Прокопія, проживши на водахъ только три недѣли.

Учителя съ цезаремъ выпроводила, наконецъ, изъ города полиція.

Н. Преображенскій.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(Изъ Петѣфа.)

Радуга на небѣ не блеститъ надъ нами,
Не пестрѣетъ поле яркими цвѣтами,
Соловьи умолкли, не шумитъ ручей,
Дни весны умчались съ роскошью своей.
Лишь порою память вызоветъ уныло
Блѣдныя ихъ тѣни изъ нѣмой могилы,
Но кругомъ все пусто, снѣгъ покрылъ поля,
Нищенски печально выглядить земля.

Да, съ старухой нищей сходства въ ней не мало:
Изъ лохмотьевъ бѣлыхъ шито покрывало,
Ледъ стянулъ прорѣхи, но изъ-подъ заплатъ
Высохшіе члены иногда сѣвоятъ,—
Такъ стоитъ и дрогнетъ нищая въ морозы,
Яркой нищетою вызывая слезы...
Нѣтъ, въ такую пору счастливы только тотъ,
Кто имѣетъ уголь, кто въ семьѣ живетъ.

Всѣхъ земныхъ сокровищъ и нужнѣй, и выше
Полное согласье подъ родною крышей!
Сколько счастья въ зиму въ теплое углѣѣ,
Въ ласковой и дружно сплоченной семьѣ.
Превратится въ замокъ каждая лачуга,—
Лишь-бы трескомъ въ печкѣ заглушалась вьюга,
Каждой ласки слово здѣсь не пропадетъ,—
Въ эту пору къ сердцу путь оно найдетъ.

Въ вечерахъ-же скрыта главная отрада;
Чтобъ понять ихъ прелесть, пережить ихъ надо!

Самъ хозяинъ дома за столомъ большимъ,—
 Кумъ или пріятель возсѣдаетъ съ нимъ;
 Вьется дымъ ихъ трубокъ. Кружки вѣковыя
 Налиты венгерскимъ. Рѣчи огневныя
 Льются безконечно, какъ струи вина.
 Счета нѣтъ бутылкамъ, нѣтъ въ бутылкахъ дна.

Да къ тому-жь хозяйка, вѣрная призванью,
 Смотритъ, какъ-бы гостю оказать вниманье,
 Какъ-бы не осталась кружка безъ вина...
 Мудростью хозяйской запаслась она,
 Дорожить, какъ глазомъ, старой честью дома;
 Лѣнь ей неизвѣстна, скупость незнакома;
 Ходить, угощаетъ—просьбамъ счету нѣтъ:
 „Кумъ, прошу отвѣдать! Кушайте, сосѣды!“

Въ благодарность гости пьютъ, и уставая
 И пустыя трубки снова набивая.
 И подобно дыму мысли ихъ летить,
 Воскресаетъ снова дней минувшихъ рядъ,
 Старыя событья, старыя дѣлянья
 И живутъ, и дышать въ ихъ воспоминанья,
 Прошлое такъ длинно,—что-жь впередъ смотрѣть,
 Если имъ придется скоро умереть?

Юноша красавецъ съ дѣвушкою скромно
 Къ столику усѣлись въ уголокъ укромный.
 Что имъ до рассказовъ? Что имъ старина?
 Жизнь не за плечами,—впереди она.
 Мысли ихъ витаютъ въ будущемъ туманомъ,
 Солнце тамъ восходить на небѣ румяномъ.
 Ихъ уста смѣются—имъ не нужно словъ...
 И какое слово выразить любовь?

А въ углу за печкой дѣти-малолѣтки
 Развозились шумно, какъ цыплята въ клѣткѣ,
 Карточную крѣпость строятъ на доскахъ,
 Строятъ и сейчасъ-же превращаютъ въ прахъ...
 Жизнь ихъ въ настоящемъ: нѣтъ у нихъ угрюмой
 Памяти о прошломъ, о грядущемъ думы.
 Такъ подъ этой кровлей видишь связь людей
 Прошлыхъ, настоящихъ и грядущихъ дней.

Рядомъ кухня. Съ пѣсней тамъ идетъ работа—

То муку служанка съетъ сквозь рѣшета.
Съ улицы володца слышенъ скрипъ глухой—
То лошадокъ кучерь свель на водопой.
Гдѣ-то пирь,—цыгане музыку заводять,
Звуки контрбаса издали доходятъ
И различныхъ тоновъ гулъ неясный полнь
Прелести и мира, словно ропотъ волнь.

Снѣгъ валить. Но черной кажется дорога,
Въ непроглядномъ мракѣ смотреть ночь такъ строго,
Люди очень рѣдко покидаютъ домъ,
Если-жь кто сберется въ гости съ фонаремъ—
Мимо оконъ быстро звѣздочкой живою
Огонекъ заблещетъ и сольется съ тьмою,—
А сидящихъ дома мучаетъ вопросъ:
Кто рѣшился выйдти со двора въ морозъ?

А. Ш.

СУДЬБЫ ИСПАНИИ.

Испанія девятнадцатаго Вѣка. А. Трачевскаго. М. 1872.—Geschichte Spaniens. Von H. Baumgarten. 3 Th. L. p. z. 1871. — Histoire de l'Espagne. Par Hubbard. Paris. 1869. —

I.

Роскошная природа, естественныя богатства, счастливое приморское положеніе Пиринейскаго полуострова—все, повидимому, благопріятствовало развитію на немъ цивилизаціи. Со временъ глубокой древности этотъ благословенный уголокъ земли служилъ ареною, на которой дѣйствовали самыя образованныя и способныя народы. По берегамъ Пиринейскаго полуострова заводили свои колоніи и торговые центры англичане древняго міра—финикіяне и ихъ преемники карфагенцы; сюда приносили свою цивилизацію греки и римляне, здѣсь селились кельты и германцы, а потомъ арабы, завоевавъ полуостровъ, превратили его въ самую цвѣтущую и самую просвѣщенную страну въ тогдашней Европѣ. Въ XVI в. Испанія сдѣлалась первостепенною державою, въ предѣлахъ которой никогда не закатывалось солнце; она открыла новый свѣтъ и покорила въ немъ обширныя государства съ оригинальной и высокой цивилизаціей. Даже въ дѣлѣ общественнаго развитія и самоуправления Испанія стояла нѣкогда впереди всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Англичане не имѣли народнаго представительства до 1264 г.. Кастилія же имѣла его въ 1169 г., а Арагонія въ 1133. Древнѣйшая хартія была дана англійскому народу въ XII в., а въ Испаніи городъ Леонъ получилъ ее еще въ 1020 г. Королевская власть, въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, была совершенно ограничена. При этомъ, испанскій народъ всегда отличался завидными нравственными качествами; это искренній, честный,

храбрый и самый трезвый народъ въ мірѣ. Но всё его добродѣтели, всё его великіе историческіе подвиги, всё благоприятныя условія его развитія, все его бывшее величіе и могущество принесли гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы какъ ему самому, такъ и другимъ націямъ. Свою предприимчивость и храбрость онъ употребилъ на истребленіе высокой цивилизаціи арабовъ въ старомъ и замѣчательной цивилизаціи Перу и Мексики въ новомъ свѣтѣ; онъ ограбилъ свои колоніи и принудилъ ихъ къ отпадению; онъ разорилъ и превратилъ чуть не въ пустыню свою прекрасную страну; онъ потерялъ всё свои гражданскія вольности, проникся фанатическою враждою ко всякому проявленію разума; въ основанной имъ имперіи никогда не заходило солнце, но въ то-же время въ ней впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій не всходило солнце цивилизаціи. Испанія пала такъ низко, что ея окончательная гибель для многихъ сдѣлалась несомнѣнною. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ XVIII вѣка за Пиринеи проникло животворное вліяніе европейской цивилизаціи, началось возрожденіе Испаніи, возрожденіе народа, умъ и страсти котораго извращены тысячелѣтнимъ гнетомъ, и несмотря на это, все-таки сохранили въ себѣ достаточно силъ для обновленія. И нѣтъ сомнѣнія, что Испанія рано или поздно снова станетъ на рядъ съ передовыми націями образованнаго міра.

Каждый европейскій народъ болѣе или менѣе испытывалъ на себѣ вліяніе факторовъ, погубившихъ Испанію; но нигдѣ эти факторы не дѣйствовали такъ дружно и такъ сильно, какъ здѣсь, и поэтому ни одна европейская страна не пала такъ низко, какъ Испанія. Нигдѣ въ Европѣ природа не представляетъ такихъ условій для развитія въ людяхъ суевѣрія, какъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Сильныя грозы, землетрясенія, частыя засухи и вслѣдствіе этого голодовки, гибельныя эпидеміи, свирѣпствовавшія здѣсь съ особенною силою въ средніе вѣка—все это развивало въ народѣ тотъ духъ суевѣрія, которымъ такъ ловко воспользовалось в послѣдствіи католическое духовенство. Еще болѣе, чѣмъ природа, содѣйствовали тому-же упадку историческія обстоятельства. Жители Испаніи были сначала аріанами и впродолженіи почти цѣлаго столѣтія принуждены были съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру и независимость отъ католиковъ-франковъ, побуждаемыхъ своимъ

духовенствомъ воевать съ испанскими еретиками. Аріанское духовенство руководило этой религіозной войной, оно молилось за успѣхъ борьбы, возбуждало фанатизмъ, и не только утверждало вѣру въ свой нравственный авторитетъ, но въ то-же время пріобрѣтало матеріальныя богатства, гражданскія привилегіи и свѣтскую власть. Когда-же испанскіе владѣтели сдѣлались католиками и ревностными защитниками этого культа, то авторитетъ іерархіи получилъ рѣшительное преобладаніе какъ надъ умами народа, такъ и надъ свѣтскою властью. Въ это время мы видимъ церковные соборы, которые, можно сказать, управляютъ Испаніей; видимъ королей, которые, являясь передъ этими соборами, смиренно падаютъ ницъ; видимъ епископовъ, которые кассируютъ рѣшенія свѣтскихъ судовъ; видимъ богатое и сильное духовенство, которое ревниво стережетъ чистоту народной вѣры, проповѣдуетъ ненависть ко всякой ереси и утверждаетъ въ народѣ убѣжденіе, что короли имѣютъ право на свои престолы только подъ условіемъ вѣрности и повиновенія церкви, которая является, такимъ образомъ, абсолютною повелительницей королей и народовъ въ земной и рѣшительницею ихъ судьбы въ загробной жизни. Католицизмъ, политическая сущность котораго состоитъ въ порабощеніи народовъ церковной аристократіи, начиная съ папы, сидящаго въ Римѣ и оканчивая послѣднимъ босоногимъ монахомъ, — католицизмъ нигдѣ въ Европѣ не достигалъ такого могущества, какое онъ еще въ VII столѣтіи укрѣпилъ за собою въ Испаніи. Онъ былъ уже всемогущъ, когда въ VIII в. арабы втеченіи трехъ лѣтъ завоевали эту страну и превратили ее въ самый цвѣтущій уголокъ Европы, оттѣснивъ испанцевъ въ недоступныя мѣстности сѣверозападныхъ окраинъ полуострова. Читатель можетъ найти у Дрэпера блестящую картину цивилизаціи испанскихъ арабовъ, которые внесли въ Европу высокую матеріальную культуру, довели до совершенства разнообразныя отрасли промышленности, торговли и общества, а своими университетами, своей философійю, медицинскою наукою и чрезвычайно важными изслѣдованіями въ области естествознанія, физики и математики дали сильный толчекъ умственному развитію Европы, юношество которой отправлялось учиться въ ихъ университеты. Примѣромъ этой цивилизаціи многіе, въ томъ числѣ и Дрэперъ, доказываютъ, что магометанство благоприятно и

во всякомъ случаѣ не враждебно умственному и гражданскому развитію народовъ. Но дѣло въ томъ, что цивилизація испанскихъ арабовъ, насколько она заключала въ себѣ гуманныхъ и рациональныхъ элементовъ, стояла относительно принциповъ мусульманства въ такомъ-же точно противорѣчїи, въ какомъ находилась цивилизація эпохи возрожденія относительно католицизма. Какъ въ эту эпоху, подъ вліяніемъ рационализма, въ обществѣ распространились любовь къ знанію, чувства терпимости и антиаскетическое міросозерпаніе, такъ что въ духовенствѣ и даже на папскомъ престолѣ явились свободомыслящіе философы, точно такъ и въ магометанской Испанїи наука и разумъ подорвали мусульманскія традиции, смягчили мусульманскія чувства и парализовали дѣйствіе принциповъ корана. Какъ-бы то ни было, но арабы и все арабское возбуждали въ испанцахъ самую остервенѣлую ненависть. Коранъ и мечети были въ глазахъ католиковъ дѣломъ сатаны и трижды треклятаго апостола его, Магомета. Но не менѣе, чѣмъ кораномъ и мечетью возмущались испанцы арабской наукой, арабскими университетами, даже арабскою цвѣтущею промышленностью и чистоплотностью. Началась восьмисотлѣтняя народная борьба съ арабами, борьба за вѣру окончательно отождествленную съ испанскою національностью, борьба, полная отваги и энергіи, прославленная безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ чудесъ, руководимая духовенствомъ, подымавшая его на неизмѣримую высоту въ глазахъ народа и воспитавшая десятки поколѣній въ понятїяхъ крайняго суевѣрія и фанатизма, отмѣченныхъ всемъ пыломъ южной страсти. Эта многовѣковая борьба имѣла рѣшительное вліяніе на судьбы народа. Она приучила послѣдній къ авантюризму и надолго утвердила въ Испанїи преобладаніе полукочевого пастушескаго быта надъ земледѣліемъ, развитіе котораго было невозможно при военныхъ обстоятельствахъ. Милліоны нищихъ и суевѣрныхъ испанцевъ шагъ за шагомъ завоевывали свою родную почву и, истребляя арабскую цивилизацію, превращали въ пустыню страну, возведенную невѣрными на высокую степень благосостоянія. Вырубались роскошные арабскіе сады, разрушались величественныя зданія, памятники искусства и науки, уничтожались водопроводы, сожигались на кострахъ нечестивыя арабскія книги, и когда, наконецъ, въ исходѣ XV столѣтія испанцы осадили послѣднее убѣжище арабовъ,

Гранаду, то этотъ городъ былъ раемъ сравнительно съ остальной Испаніей, которую православныя католики превратили въ жалкую, варварскую страну, усѣянную развалинами и пепелищами. Бѣдность и неразлучныя съ нею болѣзни еще болѣе усилили презрѣніе къ миру, проповѣдуемое католичествомъ и вѣру въ духовенство, хлопотавшее объ истинномъ, неземномъ счастьи своего народа и приведшее послѣдній подъ своимъ знаменемъ къ рѣшительной побѣдѣ надъ магометанскою луной. Нищій и погрузившійся въ варварство народъ началъ считать себя спасителемъ и единственнымъ защитникомъ вѣры, благочестивѣйшей націей, новымъ Израилемъ. Истребленіе невѣрныхъ сдѣлалось задачей, на достиженіе которой духовенство обратило всѣ силы народа, а религіозная нетерпимость — національною страстью, подъ вліяніемъ которой испанцы превращались въ какихъ-то демоновъ-истребителей и заливали міръ человѣческою кровью. Евреи, которые подъ владычествомъ мавровъ оказывали блестящіе успѣхи не только въ торговлѣ и промышленности, но и въ наукахъ, были первою жертвою народнаго фанатизма. Ихъ жестоко преслѣдовали и истребляли тысячами еще до окончательной побѣды надъ арабами. Ихъ крестили въ католичество огнемъ и мечомъ, и потомъ сожигали на кострахъ за возвращеніе въ іудейство. Наконецъ, когда арабское владычество совсѣмъ пало, духовенство потребовало совершеннаго истребленія или изгнанія всей еврейской расы, распространяя недѣльныя обвиненія на нее, даже изобрѣтала чудеса въ подтвержденіе своей проповѣди и въ то-же время простирая свои жадныя руки къ конфискуемымъ еврейскимъ богатствамъ. Всѣ необращенные въ христіанство іудеи были изгнаны съ воспрещеніемъ уносить съ собою золото и серебро. Множество ихъ погибло отъ голода, болѣзней, отъ ярости католиковъ, множество захвачено пиратами и обращено въ рабство, 80,000 убѣжало въ Португалію, полагаясь на миролюбивыя обѣщанія тамошняго короля; но испанское духовенство выслало въ Португалію такихъ надежныхъ проповѣдниковъ, что они довели до яраго фанатизма даже мирныхъ португальцевъ, и всѣ первенцы евреевъ до четырнадцатилѣтняго возраста были отданы христіанамъ, а остальные изгнаны, но многіе изъ нихъ перехвачены дорогой, обращены въ рабство или крещены силою. По случаю такой побѣды, весь полуостровъ гремѣлъ благочестивымъ ликованіемъ. Но православнымъ остава-

лось еще много дѣла. Въ Испаніи еще жили мориски, которыхъ тоже крестили огнемъ, зорко наблюдали за ихъ правовѣріемъ, сожигали за малѣйшее дѣйствительное или мнимое отступленіе отъ него и, наконецъ, довели несчастныхъ до отчаяннаго возстанія, усмиреннаго съ неимоверными жестокостями. Но и этого было мало. Духовенство требовало совершеннаго истребленія ихъ, доказывая, что всѣ бѣдствія Испаніи посылаются на нее свыше за то, что она терпитъ невѣрныхъ на своей землѣ. Знаменитый доминиканецъ Блэда проповѣдывалъ, что необходимо перерѣзать всѣхъ морисковъ, такъ-какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ и кто нѣтъ. Епископъ Валенсіи въ своей запискѣ, поданной Филиппу III-му, требовалъ изгнанія мавровъ на томъ основаніи, *что они промышленныя, экономныя и воздержныя испанцевъ*, которые живутъ въ крайней бѣдности, между-тѣмъ какъ невѣрные, благодаря своему трудолюбію и искусству, пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Въ 1609 г. участь ихъ была рѣшена, и до 1,000,000 этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, обогатившихъ и питавшихъ Испанію, подверглись ужасному гоненію, преслѣдовались, какъ вредныя животныя и изгнались въ Африку, погибая сотнями тысячъ.

Изгнаніе мавровъ и евреевъ, обогатившее духовенство, совершенно раззорило страну, лишивъ ее производительныхъ капиталовъ и миллионовъ работниковъ. Испанцы втеченіи постоянной девяти-сотлѣтней войны отстали отъ всякой промышленности, даже отъ земледѣлія. Масса народа превратилась въ кочевыхъ земледѣльцевъ или странствующихъ пролетаріевъ, жившихъ разбоями, грабежомъ, контрабандою. Духовенство, проповѣдывавшее презрѣніе къ благамъ міра сего, развивавшее въ народѣ отвращеніе къ труду и въ то-же время захватывавшее въ свои руки большую часть національнаго богатства, — духовенство выше всего ставило тотъ трудъ, который посвященъ распространенію и охранѣ католицизма. Испанія превратилась буквально въ одну „воинствующую“ церковь; каждый испанецъ считалъ обязанностью и высшею цѣлью жизни сражаться за вѣру съ крестомъ или съ мечомъ въ рукѣ, а нерѣдко съ тѣмъ и съ другимъ вмѣстѣ; каждый испанецъ былъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ быть, или монахомъ, или солдатомъ, или дворлиномъ; каждому испанцу не сидѣлось спокойно на одномъ мѣстѣ и развитая въ немъ исто-

рическими обстоятельствомъ страсть влекла его къ странствіямъ и необыкновеннымъ приключеніямъ. Всѣмъ этимъ бродячимъ элементамъ дало исходъ открытіе новаго свѣта. На покореніе вновь открытыхъ земель смотрѣли прежде всего, какъ на распространеніе въ нихъ христіанства; съ этою цѣлью Изабелла снаряжала Колумба, съ этою цѣлью папа, какъ верховный владыка вселенной, раздѣлилъ новый міръ между испанцами и португальцами. Руководимые фанатизмомъ и жаждою стяжанія, которой нельзя было удовлетворить въ своемъ обнищавшемъ отечествѣ, самые способные и энергическіе испанцы стремились въ Америку — обращать въ католицизмъ и грабить язычниковъ. Въ религіозной пропагандѣ состояла вся нравственная задача націи, а въ грабежѣ заключался главный источникъ дохода какъ для государства и духовенства, такъ и для частныхъ лицъ. Своими жестокостями въ Америкѣ испанцы превзошли монголовъ, вандаловъ, гунновъ и сравнялись съ самыми кровожадными дикарями. На многихъ островахъ они истребили жителей всѣхъ до послѣдняго. На о-вахъ, расположенныхъ между Юкатаномъ, Флоридой и устьями Ориноко они въ продолженіи пятнадцати лѣтъ уничтожили, говорятъ, 1,000,000 людей. При Колумбѣ на Антильскихъ о-вахъ, пригласивъ къ себѣ въ гости туземную королеву, испанцы напали на ея свиту, привязали индѣйцевъ къ столбамъ и сожгли всѣхъ ихъ живыми, а королеву повѣсили. При осадѣ Мехики испанцы по самому умѣренному расчету убили 100,000 человекъ, въ долинѣ Отувба 20,000, на Доминго, истребивъ всѣхъ работниковъ, годныхъ для рудниковъ, они привезли съ Лукайскихъ о-въ 40,000 ч., которые вслѣдъ за тѣмъ и умерли отъ жестокаго обращенія съ ними. По переписи 1508 г. на Кубанѣ было 60,000 индѣйцевъ, а въ 1517 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 14,000. Полагаютъ, что испанцы истребили въ Америкѣ до 15,000,000 индѣйцевъ. Духовенство, воспитавшее въ испанцахъ кровожадныя страсти и фанатическую нетерпимость, стояло во главѣ этого истребленія, побуждая завоевателей распространять христіанство посредствомъ меча и преслѣдовать инородцевъ, отступавшихъ отъ религіи, въ которую они были обращены насильно. Индѣйцы не считались даже людьми и, обращаемые въ рабство, третировались, какъ вьючныя животныя. Но когда эти животныя стали вымирать отъ тягостей неволи и гро-

зѣли вымереть всѣ до послѣдняго, то духовенство рекомендовало замѣнить ихъ неграми, и по его инициативѣ въ Америкѣ утвердилось рабство негровъ. Новый свѣтъ былъ источникомъ громадныхъ доходовъ для Испаніи, доходовъ извлекаемыхъ съ такимъ-же варварствомъ, какимъ отличалось и распространеніе католицизма. Управленіе Америкой было въ полномъ смыслѣ системою грабежа. Толпы испанскихъ чиновниковъ, какъ стаи хищныхъ птицъ, налетали на эту обширную страну, и насытившись вдоволь ея жизненными соками, покидали ее навсегда. Государство давило жителей невыносимыми повинностями, изолировало колоніи отъ всего образованнаго міра и раззорительною системою монополій убивало всякое промышленное развитіе. Награбленное въ Америкѣ золото не обогащало даже и Испаніи; оно шло на безпутную роскошь двора и аристократіи, оно тратилось на войска и религіозныя войны, оно поддерживало нѣсколько времени то наружное, мишурное величіе, которое давало странѣ право считать себя первою державою въ мірѣ и воспитывать ту ложную національную гордость, тотъ псевдопатріотизмъ, которые до послѣдняго времени удерживали испанцевъ отъ благодѣтельнаго общенія съ цивилизованными народами.

Истребивъ цивилизацію мавровъ, перуанцевъ и мексиканцевъ, раззоривъ свое отечество, поработивъ Америку, испанцы превратились въ фанатическихъ разбойниковъ, мечтавшихъ только объ управленіи міромъ и объ искорененіи повсюду ереси. Духовенство царствовало и надъ народомъ, и надъ королями. Проповѣдѣя о грѣховности богатствъ, оно неутомимо избавляло отъ нихъ свою паству и кончило тѣмъ, что завладѣло большею и лучшею половиною всей испанской земли, а доходы церкви равнялись доходамъ государства. Оно потворствовало воспитанной въ ками народной лѣности, искореняло любовь къ производительному труду, плодило нищихъ и, поддерживая копѣчную благотворительность, являлось въ глазахъ народа благодѣтелемъ, заботившимся не только объ его душѣ, но и о тѣлѣ. Сотни тысячъ монастырей, церквей и часовень, кресты и иконы на каждомъ шагу, эффектныя религіозныя процессіи, подложныя чудеса, подложныя мощи, безчисленное множество монаховъ обоого пола— все было устремлено на поддержаніе въ народѣ фанатизма и той обрядовой набожности, которая, считая спасительными одни

только внѣшніе подвиги формальнаго благочестія, вовсе не знаютъ ничего объ истинной нравственности. Систематически развивъ въ народѣ рабское повиновеніе авторитету, воспитавъ въ немъ фанатическую жестокость и гибельный духъ нетерпимости, испанское духовенство въ лицѣ Лойолы положило основаніе іезуитизму, этой ужасной системѣ, освящавшей всякую безнравственность. Желая увѣковѣчить цѣпи, наложенныя на народъ, духовенство захватило въ свои руки все народное образованіе и начало пользоваться имъ, какъ средствомъ для нравственнаго порабощенія. Умственное движеніе эпохъ возрожденія и реформациі чрезвычайно мало повліяло на испанцевъ, коснѣвшихъ въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ, и только послужило поводомъ къ кровавому террору святой инквизиціи. Въ Европѣ возрождались вѣра, освобождался разумъ, развивалась наука, совершенствовалась общественная жизнь, а Испанія расходовала свои силы на фанатическую борьбу съ новыми идеями какъ у себя дома, такъ и за границей. Священный трибуналъ инквизиціи зорко слѣдилъ за мнѣніями и неумолимо преслѣдовалъ всѣхъ, кто отступалъ хотя на іоту отъ того, чему его учили католическіе попы. Еретичи, ученые вѣдуны и вѣдьмы, мужчины и женщины, міряне и духовные, взрослые и дѣти состояли подъ этимъ ужаснымъ надзоромъ. Шпіонство и предательство, явно поощряемые и щедро оплачиваемые духовенствомъ, становились всеобщими. Сожженіе еретиковъ сдѣлалось „актомъ вѣры“ (auto-da-fe), религиозной церемоніей, народнымъ зрѣлищемъ, столь-же любимымъ, какъ и бой быковъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при своихъ бракосочетаніяхъ, испанскіе короли не находили ничего лучше, какъ угощать народъ и своихъ приближенныхъ, иногда даже своихъ невѣстъ, созерцаніемъ этого кроваваго священнодѣйствія. „Все, что рассказываютъ о народахъ, приносящихъ людей въ жертву своимъ богамъ, далеко отъ этихъ казней, сопровождаемыхъ религиозными церемоніями. Поютъ, служатъ мессу, и убиваютъ людей. Азіятецъ, прибывшій въ Мадридъ въ день подобной казни, не могъ-бы догадаться, что это такое—народное-ли увеселеніе, религиозный-ли праздникъ, жертвоприношеніе-ли или просто бойня; ауто-да-фе было всѣмъ этимъ вмѣстѣ“ (Voltaire). Количество жертвъ было громадно. Въ одной только европейской Испаніи, кромѣ принадлежавшихъ ей аме-

риканскихъ и европейскихъ земель, съ 1481 по 1781 г. было сожжено 31,920 еретиковъ, 16,759 сожжены въ изображеніяхъ, 291,450 человекъ приговорено къ наказаніямъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ смертная казнь. Это вычисленіе весьма умѣренно. Утверждаютъ, напр., что одинъ только знаменитый Торквемада сожегъ 10,000 и приговорилъ къ различнымъ наказаніямъ 400,000 человекъ. Въ Ціудадъ-Реаль въ 1484 г. было сожжено 13 февраля 750 человекъ, 2 апрѣля 800, 7 мая 750, 16 августа 27, 12 декабря 950, всего въ годъ 3377 человекъ. Протестантизмъ и всякая свободная мысль были совершенно искоренены. Народъ, развращаемый шпіонствомъ и зрѣлищемъ варварскихъ казней, и вынуждаемый страхомъ инквизиціи скрывать свои дѣйствительныя мысли подъ личиною формальной набожности, началъ ханжить и лицемерить. Инквизиція убила въ Испаніи не только науку, но даже искусство и окончательно склонила испанскій умъ подъ иго своихъ традицій. Инквизиція, кромѣ того, въ значительной степени разорила страну и обогатила духовенство посредствомъ конфискацій имущества, которымъ подверглось большинство осужденныхъ.

Католическая іерархія, поработивъ народную мысль, воспитавъ въ націи чувство пассивнаго смиренія, совершенно извратила въ ней высокое чувство патріотизма, пріучивъ его удовлетворяться славою завоеваній и истребленія ереси. Распложая шпіонство и недовѣрчивость, внося раздоръ и въ общество, и въ семейство, вооружая вѣрующихъ такъ противъ думающихъ иначе, возбуждая бунты и пользуясь ими для своихъ выгодъ, развивая чувства нетерпимости, которыя отъ церковныхъ предметовъ переносились и на мірскіе — католицизмъ заглушилъ въ народѣ всякое сознаніе общественной солидарности, усилилъ рознь сословій и ту исконную раздѣльность провинцій, которая, существуя до нашихъ дней, дѣлаетъ неизбѣжнымъ въ будущемъ федеральное устройство Испаніи. Эта рознь и пассивность народа помогли утвердиться произволу свѣтскаго господства. Когда въ Испаніи воцарились Габсбурги, въ лицѣ Карла V, страна сохранила еще не мало остатковъ старинной свободы и въ городахъ возникло сильное демократическое движеніе. Общины Кастилии признали власть Карла V только на слѣдующихъ условіяхъ: „Король безъ согласія кортесовъ не можетъ ни жениться, ни вводить въ ко-

ролевство иностранныхъ войскъ; всѣ налоги должны регулироваться таксами, по которымъ они взимались при смерти Изабеллы; всѣ новыя должности, учрежденныя съ тѣхъ поръ, должны быть уничтожены; каждый городъ долженъ имѣть въ собраніяхъ кортесовъ одного депутата отъ духовенства, одного отъ дворянства и одного отъ городского населенія, избираемыхъ каждый своимъ сословіемъ. Корона не можетъ ни руководить назначеніемъ этихъ депутатовъ, ни вліять на него. Никакой членъ кортесовъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, не имѣетъ права принимать отъ короля пенсіи или должности ни для себя лично, ни для кого-бы то ни было изъ членовъ своего семейства. Кортесы собираются, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года — даже въ томъ случаѣ, если ихъ не созываетъ король — для изслѣдованія, соблюдаются-ли законы и для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Судьи должны получать достаточное содержаніе и не имѣть никакой прибыли отъ постановляемыхъ ими приговоровъ или денежныхъ штрафовъ. Всѣ привилегіи, полученныя дворянствомъ въ ущербъ городскому сословію, должны быть уничтожены; управленіе городами и общинами никогда не должно быть ввѣряемо дворянину; имущества дворянства должны подлежать общественнымъ налогамъ наравнѣ съ имуществами третьяго сословія. Необходимо нарядить слѣдствіе надъ поведеніемъ лицъ, управлявшихъ коронными имѣніями съ восшествіемъ на престолъ Фердинанда, и если король втеченіи тридцати дней не назначитъ слѣдователей, то кортесы сами назначатъ ихъ..... Наконецъ, король долженъ обѣщать и дать торжественную клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать всѣ эти условія и отнюдь не будетъ искать случая обойти или нарушить ихъ. Движеніе городовъ началось при такихъ условіяхъ, лучше которыхъ и желать было нельзя. У Карла не было ни достаточнаго войска, ни денегъ, и онъ готовъ былъ сдѣлать какія угодно уступки. Но дворянство, закоснѣвшее въ своихъ феодальныхъ попятіяхъ, враждовало съ городами и устремившись въ объятія Карла, сдѣлалось его союзникомъ. Города тоже ссорились между собою и каждый изъ нихъ, сражаясь съ правительственными войсками за одного себя, не только не поддерживалъ общаго дѣла, но даже вредилъ ему. Что-же касается всецѣльнаго духовенства, то оно пользовалась этими междуусобицами,

чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ и поочередно эксплуатируя то правительство, то города, въ сущности помогало только себѣ, хотя и содѣйствовало успѣху абсолютизма. Въ Толедо, напр., героиня Пашеко произвела возстаніе на деньги духовенства, а когда по его разсчетамъ нужно было повернуть дѣло въ пользу правительства, то то-же самое духовенство пустило въ народъ слухъ, что Пашеко колдунья; народъ возсталъ и отворилъ осаждающимъ городскія ворота. Карль побѣдилъ. Онъ, казнивъ аррагонскаго хустицу, въ лицѣ его уничтожилъ старинный независимый судъ; онъ сокрушилъ старинные кортесы, „коммунеросы“ (общины) Кастиліи и „германію“ (братство) Валенсіи. Но утвердивъ свою власть на развалинахъ свободы, Карль сдѣлался не свѣтсыимъ деспотомъ, а верховнымъ защитникомъ католической церкви во всемъ мірѣ, поработанные-же испанцы удовлетворяли свое самолюбіе тѣмъ, что они составляютъ „священную монархію, безъ которой тотчасъ погибъ-бы корабль св. Петра.“ Религія была главнымъ, почти исключительнымъ мотивомъ всего, что дѣлалъ Карль и во время мира, и во время войны. Онъ обѣщаль папѣ употребить всѣ свои усилія, „чтобы уничтожить вовсе лютерскую секту или мирными средствами, или силою, а въ случаѣ необходимости, съ помощью другихъ государей.“ „Я“ — говоритъ онъ въ вормскомъ эдиктѣ — „готовъ былъ-бы пожертвовать моими царствами, моею властью, моими богатствами, моимъ тѣломъ, моею душой и моею жизнію, чтобы только положить предѣлъ нечестію Лютера.“ Въ Испаніи онъ не только покровительствовалъ, но даже поджигалъ ярость инквизиціи, предписывая наказывать еретиковъ „съ громомъ и силою, которыхъ требуетъ великость преступленія, и *судить ихъ безъ соблюденія обычныхъ юридическихъ формальностей*“ (Laurent, Etudes, IX, 63). Терроръ, отъ котораго давно уже страдала Испанія, Карль водворилъ въ Нидерландахъ, запретивъ здѣсь „читать и хранить еретическія книги, проповѣдывать, поддерживать публично или тайно лютеранское ученіе, учреждать сходки или собранія, дѣлать позорныя иконы или изображенія преблаженной Дѣвы и святыхъ“. За всѣ эти преступленія слѣдовала смертная казнь посредствомъ огня или меча для мужчинъ и закопанія живыми въ землю для женщинъ; въ довершеніе варварства, головы казненныхъ велѣно, ради примѣра и напоминанія, выставлять на

вопьяхъ"... Не подвергавшимся смертной казни распространителямъ лютеранскихъ книгъ, Карлъ велѣлъ „выжигать на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ знакъ креста посильнѣе, чтобы его нельзя было уничтожить; имъ должно выкалывать одинъ глазъ или отрубать палець, по усмотрѣнію судьи“. Въ 1546 г. въ Нидерландахъ было умерщвлено, по одному свидѣтельству, 30,000 протестантовъ, а въ 1562 г. — 36,000. Гроцій говоритъ, что въ продолженіи карловскаго царствованія погибло больше 100,000 бельгійскихъ лютеранъ. Истошавшій всѣ силы своей имперіи на религиозныя войны съ еретиками и магометанами, Карлъ, умирая, сознавалъ, что онъ далеко не выполнилъ своей миссіи и окончаніе ея завѣщевалъ сыну. „Повелѣваю моему сыну“—говоритъ онъ — „въ качествѣ отца и въ силу того повиновенія, какое онъ обязанъ оказывать мнѣ, со всевозможною заботливостью преслѣдовать и наказывать еретиковъ съ суровостью, какой заслуживаетъ ихъ преступленіе, не обращая вниманія ни на мольбы, ни на званіе, ни на положеніе виновныхъ. Съ этою цѣлью необходимо покровительствовать всюду святому учрежденію инквизиціи... Этимъ онъ удостоится благословенія, которое Господь Богъ ниспошлетъ его царствованію“.

Самые рьяные изъ клерикаловъ были недовольны даже Карломъ. „Послабленія императора“—говоритъ Рейнальди — „придали силы ереси, между тѣмъ какъ казни Лютера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ спасла-бы мириады душъ“. Но въ сорокалѣтнее царствованіе его сына, Филиппа II, сбылись всѣ желанія духовенства. Филиппъ держался правилъ, что „лучше вовсе не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками“, и готовъ былъ истребить всѣхъ своихъ подданныхъ, если-бы они обратились въ ересь. Ради этого святого дѣла, Филиппъ жертвовалъ всѣмъ, даже собственнымъ самолюбіемъ. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія духовенства, а духовенство въ этихъ требованіяхъ заходило слишкомъ далеко. Вотъ, напр., что писалъ королю хересскій пустынникъ, монахъ Лоренцо. „Умоляю, ваше величество, не имѣть никакого сожалѣнія къ еретикамъ, этимъ жесточайшимъ врагамъ Иисуса Христа. Святѣйшій царь Давидъ не имѣлъ никакой жалости къ врагамъ божіимъ; онъ избивалъ ихъ всѣхъ, не падая ни мужчинъ, ни женщинъ. Моисей въ одну ночь перерѣзалъ 3,000 человекъ изъ народа израильскаго.

Ангель въ одну ночь умертвилъ 60,000 враговъ божіихъ. И все-таки они, поступаая такъ, не были жестокими; они только не жалѣли тѣхъ, которые не почитали Бога. Ваше величество—царь, какъ Давидъ, вождь народа божія, какъ Моисей, ангель божій, ибо писаніе такъ называетъ королей, враги-же Бога живого—это тѣ еретики, тѣ богохульники, тѣ святотатцы, тѣ идолопоклонники, тѣ кровожадные звѣри, которые не преминутъ разрушить святилище божіе въ Нидерландахъ, если во время не предупредить столь гибельнаго и плачевнаго бѣдствія“. Святой мужъ былъ, впрочемъ, не очень требователенъ, онъ просилъ только 2,000 еретическихъ головъ, считая этого достаточнымъ для искоренія ереси. Но Филиппъ былъ государь щедрый... Истребивъ послѣдніе слѣды ереси въ Испаніи, общественное мнѣніе которой поддерживало его въ этомъ святомъ дѣлѣ, Филиппъ устремился на Нидерланды. Сущность его политики здѣсь отлично выражается слѣдующими словами герцога Альбы: „лучше имѣть разрушенное царство, сохранивъ его Богу и королю посредствомъ войны, чѣмъ имѣть его въ цѣлости въ угоду дьяволу и его послѣдователямъ, еретикамъ“. Кровожадный Альба казнилъ въ одномъ только Брюсселѣ больше 18,000 человекъ, а число протестантовъ, истребленныхъ въ другихъ провинціяхъ, простиралось до 100,000. Желаніе Филиппа исполнилось, онъ не сталъ царствовать надъ еретиками, Нидерланды отложились, а Испанія, погубившая въ этой безсмысленной войнѣ цвѣтъ своей арміи, нажила долгъ въ 800,000,000 піастровъ. При такой фанатической и совершенно искренней ревности къ вѣрѣ, Филиппъ былъ типомъ современныхъ ему испанцевъ, въ конецъ развращенныхъ католичествомъ. Преданность церкви и наружное благочестіе совершенно мирились въ немъ съ жестокостью, безсердечіемъ, вѣроломствомъ и необузданнымъ сладострастіемъ. Но развратъ былъ еще меньшимъ изъ его пороковъ. Филиппъ, подозрительный, подобно всѣмъ тиранамъ, поручилъ своему секретарю Перецу убить друга и совѣтника своего брата, Эсковеда. Эсковедо погибъ. Духовникъ короля разрѣшилъ его отъ грѣха. Филиппъ облагодѣтельствовалъ Переца, но потомъ изъ ревности предалъ его суду за убійство Эсковеда. Перець имѣлъ документы, доказывавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ самого короля; но король требовалъ ихъ выдачи. Перець уступилъ. Изможден-

ный одиннадцатилѣтнимъ заключеніемъ, онъ былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ. Онъ убѣжалъ въ Аррагонію, но здѣсь его схватила инквизиція, по просьбѣ Филиппа; онъ бѣжалъ въ Наварру, Англію, Францію, но его всюду преслѣдовали убійцы. Все это было въ порядкѣ вещей и вполне гармонировало съ общекатолическою и особенно съ испанскою моралью. Тотъ-же государь вмѣстѣ съ папою Піемъ V, причтеннымъ къ лику святыхъ, замыслили другое, возмутительное убійство. Папа писалъ Филиппу: „Нашъ возлюбленный сынъ Ридольфи, съ помощью божіей, передаетъ вашему величеству о нѣкоторыхъ вещахъ, не мало касающихся чести Бога всемогущаго и пользы христіанства... Отъ всей глубины своего сердца мы молимъ Искупителя, да пошлетъ Онъ, по своему милосердію, успѣхъ тому, что предполагается совершить ради Его славы и чести“. Ридольфи объявилъ, что папа предлагаетъ *убить англійскую королеву Елисавету*. Въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ начались обсужденія, *убивать-ли* ее или сначала только *завладѣть* ею; когда-же рѣшили, что лучше *убить*, то возникъ вопросъ, какъ убить и т. д. И ни одного голоса не было подано противъ этого безумнаго плана! Кардиналы и епископы, засѣдавшіе въ совѣтѣ, съ радостью ухватились за этотъ заговоръ. Герцогъ Альба возражалъ только относительно трудностей выполнения, но король настаивалъ, доказывая, что „это дѣло божіе, что самъ Богъ будетъ покровительствовать этому святому *предпріятію*“, и что его, Филиппа, ничто не можетъ отклонить отъ выполнения этого плана. (Laurent, id., 92).

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ своемъ характерѣ, страстяхъ, убѣжденіяхъ Филиппъ былъ продуктомъ и типомъ католической Испаніи. Его любили и обожали даже за его тиранію. И какъ-же было не любить и не обожать такого короля испанцамъ, изъ которыхъ каждый былъ Филиппомъ въ миниатюрѣ? Могла-ли не рукоплескать варварствамъ этого короля та масса, даже женщины и дѣти которой съ яростью бросали еретиковъ въ пламя; та масса, которая была убѣждена, что похвально убивать каждаго отступника, и хотя немного сомнѣвалась, можетъ-ли сынъ или дочь убить своихъ еретиковъ - родителей, но ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что за ересь можно убивать своихъ дѣтей, братьевъ, сестеръ! Народъ обожалъ

Филиппа и поклонялся ему, „считая, по свидѣтельству одного современника, его повелѣнія до такой степени священными, что ихъ невозможно было-бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога“.

Послѣднимъ и самымъ важнымъ предпріятіемъ Филиппа II было снаряженіе знаменитой армады, имѣвшей цѣлью искорененіе ереси въ Англіи. Неудача этого предпріятія и слѣдовавшее затѣмъ изгнаніе морисковъ были началомъ быстрого паденія Испаніи. Съ 1598 по 1700 г. на испанскомъ престолѣ возсѣдали Филиппы III и IV и Карлъ II, самые неспособные изъ испанскихъ королей. Силы націи, доведенныя до крайняго напряженія при первыхъ двухъ Габсбургахъ, при послѣднихъ трехъ совершенно упали и страна погрузилась въ апатію. Народъ былъ въ конецъ разоренъ. Правительство удерживало всѣ норманскія, гогенштауфенскія и арабскія подати съ *алькабалой* во главѣ, доходившей до 14% съ цѣны товара при каждой его продажѣ; оно вымогало подарки, поддѣлывало монету, силою захватывало золото, привозимое изъ Америки, отнимало металлическія деньги и взамѣнъ ихъ выдавало ничего не стоящія бумаги, закладывало иностранцамъ имущества и доходы съ провинцій, отнимало у своихъ кредиторовъ залого и понижало проценты, издавало стѣснительные торговые законы, до того внезапно повышало налоги на первыя жизненныя потребности, что, на примѣръ, соль поднималась въ цѣнѣ съ 30 до 300 реаловъ; наконецъ, ни чиновники, ни солдаты не получали жалованья и жили грабежемъ, да взятками. Промышленность пала. Иностранцы разучились строить корабли и принуждены были прекратить не только торговлю по берегамъ, но даже рыбный промыселъ, потому что и на моряхъ, и на берегахъ Испаніи хозяйничали не только англійскіе и голландскіе, но даже африканскіе пираты. Около тысячи городовъ и мѣстечекъ совершенно обезлюдѣли. Народонаселеніе Мадрида втеченіи XVII вѣка съ 400,000 уменьшилось до 200,000 чел. Въ Севильѣ число ткацкихъ станковъ съ 16,000 упало до 300. Въ Толедо въ пятнадцать лѣтъ число шерстяныхъ мануфактуръ съ 50 съ лишнимъ уменьшилось до 13. Производство перчатокъ, которымъ славилась Испанія во всей Европѣ, вовсе прекратилось. Эстремадура превратилась въ пустыню; Валенсія, Каталонія, роскошная Андалузія утратили всякое торговое и

промышленное значеніе. „Безъ иностранцевъ, жаловались испанцы, — мы не можемъ одѣться: у насъ нѣтъ ни полотна, ни сукна; безъ нихъ мы не можемъ писать: у насъ нѣтъ бумаги“. Въ окрестностяхъ Мадрида и въ самой столицѣ царили голодъ, голодная смерть, ужасные разбои и убійства изъ-за куска хлѣба. Въ 1664 г. президентъ Кастиліи, въ сопровожденіи палача и военной команды, принужденъ былъ объѣзжать окрестныя деревни, заставляя жителей вести на столичные рынки послѣдніе запасы хлѣба. Сборщики податей отнимали весь домашній скарбъ, даже снимали и продавали кровли съ домовъ. Жители разбѣгались и къ концу XVII вѣка болѣе $\frac{2}{3}$ домовъ пришли въ совершенное запустѣніе. Бѣдность простиралась до того, что не хватало денегъ даже на столъ короля, а столичная полиція съ голоду занималась грабежемъ. Всюду возникли многочисленныя шайки разбойниковъ, служація язвою страны до послѣдняго времени. Сотни тысячъ нищихъ не имѣли другого пропитанія, кромѣ монастырскихъ подачекъ. Испанія потеряла почти всѣ свои важныя владѣнія въ Европѣ, погрузилась въ апатію и анархію, а власть лишилась всякой силы и не знала никакихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ правленію дѣлъ, кромѣ молитвъ. Даже кортесы занимались только тѣмъ, что возносили жалобныя просьбы къ иконамъ св. Яго и св. Терезіи, да вели пренія о томъ, кто изъ этихъ святыхъ способенѣе помочь горю! Были и попытки освободиться изъ-подъ ига; въ 1640 г. возстали Каталонія и Португалія, за ними послѣдовали Неаполь, Сицилія, Аррагонія, Андалузія, Валенсія, Наварра. Для Испаніи эти мятежи приносили одинъ только вредъ: иностранныя земли отпадали отъ нея, а испанскіе мятежи, только усиливали анархію и всѣ перазлучныя съ нею бѣдствія.

Въ то время, какъ въ Европѣ начинался уже вѣкъ разума и владычество духовенства постепенно падало, Испанія не только оставалась въ своемъ прежнемъ невѣжествѣ, но подъ вліяніемъ сейчасъ упомянутыхъ бѣдствій становилась еще невѣжественнѣе и суевѣрнѣе, чѣмъ прежде. По мѣрѣ того, какъ падало правительство, усиливалось значеніе духовенства, которое съ безсердечною наглостью пользовалось бѣдственными временами отечества для накопленія богатствъ и упроченія своей тираниіи. Хищничество духовенства доходило до того, что въ 1626 г. про-

тивъ него нашлись вынужденнымъ протестовать даже правобѣрные кортесы. Въ 1690 г. въ Испаніи при 7½ милліоновъ жителей приходилось на 9,000 мужскихъ монастырей, 168,000 духовенства и въ томъ числѣ 90,000 монаховъ. Къ половинѣ XVIII в. церковь получала 360,000,000 ежегоднаго дохода, — столько-же, сколько и государство. Все управленіе страной находилось въ рукахъ епископовъ и генераловъ религіозныхъ орденновъ, и лучшіе политики Испаніи говорили о государственныхъ финансахъ: „это дѣло богослововъ; они точно знаютъ состояніе монархіи“. Всѣ образованные люди занимались или войной, или теологіей, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Испанская письменность состояла преимущественно изъ сочиненій противъ ереси, панегириковъ инквизиціи, легендъ о чудесахъ, житій святыхъ, исторіи монастырей и соборовъ. Самые геніальные писатели губили свои таланты, рабски склоня свои выи подъ губительнымъ ярмомъ католицизма. Лопе-де-Вега былъ попомъ, служилъ въ инквизиціи и сожигалъ еретиковъ. Морето, одинъ изъ величайшихъ драматурговъ Испаніи, былъ монахомъ. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV и поэтомъ инквизиціи. Знаменитый комикъ Вильявизиоза служилъ въ инквизиціи и былъ до того проникнутъ любовью къ этому учрежденію, что завѣщалъ всѣмъ своимъ родственникамъ и потомкамъ служить въ немъ, хотя-бы и на самыхъ незначительныхъ должностяхъ! Десятки другихъ, не менѣе извѣстныхъ поэтовъ, историковъ, ученыхъ были или попами, или монахами, или состояли при св. инквизиціи. Такимъ образомъ, и наука, и искусства, и литература все было направлено къ поддержанію католицизма. Народное образованіе находилось въ рукахъ духовенства и заключалось въ одной католической схоластикѣ. Всѣ науки преподавались на самомъ варварскомъ латинскомъ нарѣчій и по средневѣковымъ руководствамъ, въ которыхъ не допускалось никакихъ измѣненій. Университеты приготовляли только теологовъ, шарлатановъ-медиковъ, да продажныхъ чиновниковъ. Торресъ, учившійся въ саламанкскомъ университетѣ въ началѣ XVIII в., говоритъ, что только послѣ пятнадцатого ученія въ немъ онъ впервые услышалъ о существованіи математическихъ наукъ. Этотъ-же университетъ въ 1771 г. отвергъ еретическую систему Ньютона; въ то-же самое время въ Испаніи отрицали открытое Гарвеемъ кровообращеніе; вовсе не было кафедръ государствен-

наго права, физики, анатоміи и ботаники, не было порядочныхъ географическихъ картъ, не было ни одного аптекаря, который съумѣлъ-бы приготовить самое простое лекарство, напр., глауберову соль; не было ни инженеровъ, ни искусныхъ рудокоповъ, ни судостроителей, и вражда ко всякому нововведенію простиралась до того, что когда въ 1760 г. было предложено очистить улицы Мадрида отъ нечистотъ, то это возбудило общій протестъ, поддерживаемый даже учеными докторами, доказывавшими, что „такъ какъ воздухъ тонокъ и пронзителенъ, то очень можетъ быть, что дурныя испаренія, отягчая атмосферу, лишаютъ ее нѣкоторыхъ вредныхъ свойствъ“.

Окончательная гибель Испаніи была неизбѣжна, если-бы духовенству удалось совершенно и на долго изолировать ее отъ всякаго вліянія образованной Европы. Но это было невозможно.

II.

Въ 1700 г. послѣдній отпрыскъ Габсбурговъ, Карль II сошелъ въ могилу и въ лицѣ внука Людовика XIV, Филиппа V, на испанскій престолъ вступили Бурбоны. Управление Испаніей, за совершеннымъ недостаткомъ способныхъ туземцевъ, перешло въ руки иностранцевъ, преимущественно французовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Страна замѣтно ожила и поправилась. Достаточная молодежь начала ѣздить учиться въ Европу. Въ литературѣ явилось нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, подвергавшихъ рациональной критикѣ положеніе страны и пропагандировавшихъ европейское знаніе. Появились даже сатиры на монаховъ. Поправилась промышленность, а финансы были доведены до такого блестящаго состоянія, что доходы превышали расходы. Духовенство подвергнуто налогамъ, подъ видомъ займовъ. Королевская власть начала борьбу съ инквизиціей и съ Римомъ. И все это было только подготовленіемъ къ блестящему царствованію Карла III (1759—1788 г.),— подготовленіемъ, выдвинувшимъ на сцену нѣсколько первоклассныхъ государственныхъ дѣятелей. Во главѣ ихъ стоитъ графъ Аранда, кровный аристократъ, другъ Вольтера, поклонникъ энциклопедистовъ, представитель и средоточіе новыхъ идей въ Испа-

ній. Болѣе умѣренный, но и болѣе практическій Кампоманесъ, крестьянинъ по происхожденію, честный патріотъ, былъ не только правителемъ государства, но и первокласснымъ, всестороннимъ публицистомъ и замѣчательнымъ ученымъ, возбуждавшимъ всюду любовь къ изученію отечества. Онъ не былъ кабинетнымъ чиновникомъ, а разѣжалъ по странѣ, изучая жизнь, нравы, понятія и потребности народа, и возбуждая самодѣятельность его посредствомъ основанныхъ имъ экономическихъ обществъ. Графъ Фрридабланка хотя и не былъ такимъ либераломъ, какъ два предыдущіе, но какъ первостепенный дипломатъ, какъ министръ во вкусѣ Ришелье, а главное, какъ заклятый врагъ клерикаловъ, онъ способенъ былъ оказать важныя услуги Испаніи, и, дѣйствительно, оказалъ ихъ. Лучшимъ-же плодомъ происходившаго тогда въ испанскомъ обществѣ умственного движенія безспорно былъ Ховельяносъ, неподкупный чиновникъ, честнѣйшій патріотъ, замѣчательный поэтъ, археологъ, политико-экономъ, юристъ, историкъ, инженеръ. Это былъ всеобщій возбудитель, универсальный труженикъ въ родѣ нашего Ломоносова, но далеко превосходившій послѣдняго и прокладывавшій новыя пути во всѣхъ отрасляхъ своей многосторонней дѣятельности. Онъ старался освободить школу изъ-подъ власти духовенства и, указывая въ невѣжествѣ народа коренное зло Испаніи, доказывалъ, что главная забота правительства, желающаго блага странѣ, должна состоять во всеобщемъ просвѣщеніи народной массы.

Окруженный подобными сотрудниками, образованный и энергичный Карлъ III въ продолженіи всего своего царствованія неутомимо боролся противъ основной язвы, губившей Испанію, — католической тиранніи. Онъ ограничилъ могущество духовенства и подвергъ послѣднее налогамъ; онъ обуздалъ инквизицію и выгналъ іезуитовъ, онъ обратилъ главное вниманіе своего правительства на образованіе, основывалъ школы и академіи, направлялъ ихъ въ духъ вѣка, протѣживалъ ученыхъ и литераторамъ. При немъ оживающа промышленность, легче вздохнули рабочіе классы, развились и улучшились пути сообщенія, оживилась торговля и средства народа до того поправились, что, несмотря на возвышеніе налоговъ, они собирались легко, а государственная казна была полна. Въ колоніяхъ были также сдѣланы важныя улучшенія, введена свобода торговли, и вслѣдствіи этого въ

Испаніи ввозъ иностранныхъ произведеній утроился, вывозъ туземныхъ упатерился, ввозъ-же изъ Америки увеличился въ десять разъ. Гоненія за ересь прекратились, пытки были отиѣнены, религіозные мотивы устранены изъ внѣшней политики, и поставивъ Испанію снова на степень первостепенной державы, Карлъ вовсе устранилъ ее отъ внѣшательства нѣ дѣла вѣры и въ добавокъ ко всему заключилъ союзъ съ турками. Не перечисляя другихъ не менѣе важныхъ реформъ и улучшеній, скажемъ только, что Испанія совершенно преобразилась во всѣхъ отношеніяхъ и, повидимому, пошла по той же дорогѣ, по которой шла Франція при послѣднихъ Бурбонахъ.

Но горе было въ томъ, что все это движеніе захватывало только малочисленный верхній классъ общества и не проникало въ глубь народной массы, которая по-прежнему оставалась въ невѣжествѣ, суевѣрно преклонялась передъ авторитетомъ каждаго попа и монаха, не возбуждалась къ самостоятельности и только, по своей исконной привычкѣ къ повиновенію, слушалась узды, находившейся въ искусныхъ и энергическихъ рукахъ. Даже при Карлѣ можно уже было видѣть, чего слѣдуетъ ожидать отъ этой массы въ томъ случаѣ, когда измѣнится къ худшему личный составъ правительства. Черезъ годъ послѣ изгнанія іезуитовъ, напр., въ одинъ торжественный день Карлъ выходитъ на балконъ своего дворца, готовый дать народу все, чего онъ ни попроситъ. И граждане Мадрида почти единогласно начали умолять его, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ Испанію, дозволивъ вернуться въ нее братьямъ святого іезуитскаго ордена!.. Слѣпо вѣрившая своимъ духовнымъ руководителямъ, масса была готова помогать имъ въ ниспроверженіи всѣхъ еретическихъ реформъ и въ восстановленіи церковныхъ привилегій, ограниченныхъ правительствомъ Карла, удалившимъ отъ управления государствомъ поповъ и прелатовъ и замѣнившимъ ихъ свѣтской аристократіей. •

Въ концѣ 1788 г. Карлъ III умеръ и воцарился Карлъ IV, человекъ невѣжественный, ограниченный и безсердечный, равнодушный къ религіи и въ то же время лицемѣрный почитатель ея. Дородный силачъ, ловкій охотникъ, хорошій кучеръ, онъ не обладалъ никакими другими талантами и находился подъ башмакомъ жены, итальянки, Маріи Луизы. Она успѣла привязать недалекаго

короля не только къ себѣ, но даже къ своему любовнику Годю. Въ день коронаціи Карль явился къ народу со всей семьей, обнимая одною рукою шею Годю. Не видитъ его день—и, уже самъ не свой отъ скуки, спрашиваетъ: „гдѣ-же мой Мануйлинъка?“. Старая, подурившая, беззубая королева была очень ревнива къ мужу, не по любви, а изъ желанія властвовать надъ нимъ; она употребляла всѣ усилія, чтобы устранить Карла отъ встрѣчь съ женщинами, которыя могли-бы увлечь этого сорокалѣтняго толстяка. Она выслала изъ Мадрида всѣхъ сколько-нибудь подозрительныхъ красавиць. Еще болѣе ревнива она была къ Годю, которому было воспрещено всякое общество, особенно женское, и онъ былъ постоянно окруженъ шпионами королевы. Быстро повышая Годю, королевская чета сдѣлала его грандомъ, маркизомъ, герцогомъ, первымъ богачемъ, первымъ вельможей Испаніи, правителемъ государства. Этотъ пустой и развратный гвардеецъ былъ до того невѣжественъ, что, уже будучи нѣкоторое время министромъ, впервые узналъ, что Россія и Пруссія не одно и то-же, и называлъ ганзейскіе города (*villas hanseaticas*) *азіатскими островами* (*islas asiaticas!*). Но онъ обладалъ здоровьемъ, красивымъ тѣломъ, и, благодаря этому, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ былъ фактическимъ королемъ и губителемъ Испаніи. При дворѣ началось господство самыхъ грязныхъ интригъ. Испанцы скандализировались открытою связью королевы съ Годиемъ. Пасквили проникали даже въ покои короля. Столица наполнилась шпионами. Начались аресты и административныя ссылки. „Недовѣріе — писалъ русскій посланникъ (Испанія Девятнадцатаго Вѣка, А. Трачевскаго) господствуетъ среди всякаго рода лицъ, принадлежащихъ ко двору. Уже не существуетъ большихъ собраній, и всякій старается избѣгать двора изъ опасенія навлечь на себя немилость по простому подозрѣнію“. Всѣ порядочные люди были удалены. Годю хозяйничалъ въ государствѣ * и опустошалъ казну. Уже осенью 1790 г. оказалось, что въ казначействѣ не достаетъ 7,000,000 реаловъ, назначенныхъ на уплату рабочимъ въ гаваняхъ, но взятыхъ королевой „на свои нужды“, т. е. для Годю. Въ то время въ сосѣдней Франціи началась революція, а въ Испаніи ожесточенное гоненіе „вредныхъ идей“, выдуманныхъ французскими еретиками. Всѣ ученныя и литературныя об-

щества были уничтожены; въ университетахъ запрещено преподаваніе философіи, при чемъ министръ, распорядившійся этимъ, замѣтилъ, что его величество не нуждается въ философахъ; офицерамъ запрещалось „говорить о нынѣшнемъ положеніи Франціи“, газетамъ предписывалось „ничего не печатать о французскихъ дѣлахъ“, инквизиція усилила свою полицейскую и цензурную дѣятельность; даже испанскимъ посланникамъ запрещалось имѣть запрещенныя французскія книги; изъ Мадрида высланы всѣ лица, немѣвшія „опредѣленныхъ занятій“ и приняты „пристойныя мѣры, чтобы выслать пристойнымъ образомъ всѣхъ французовъ, „безстыдныхъ вралей и болтуновъ“; проживающіе въ Испаніи иностранцы обязаны были присягнуть королю и католической церкви, отказаться отъ своихъ званій, титуловъ и отъ всѣхъ сношеній съ своимъ отечествомъ, подѣ страхомъ каторжной работы, тюрьмы и конфискаціи имущества. Всѣ эти безумства сначала возбуждали въ обществѣ нѣкоторый ропотъ, и указы, наклеенные на улицахъ столицы, „наглый, по своей природѣ, мадридскій народъ“ нерѣдко „одни мерзостями гадилъ, а другіе разрывалъ“, по словамъ нашего посланника. Но духовенство не дремало; оно во всѣ свои рты проповѣдывало, что французскіе революціонеры—враги Бога и разбойники, что они грабятъ церкви, ругаются надъ вѣрой, истребляютъ духовенство и, недовольствуясь гибелью Франціи, устремляютъ свои преступныя взоры на хранительницу и защитницу вѣры — Испанію. Общественное мнѣніе было фанатазировано, а Годой, переходя въ иностранныхъ дѣлахъ отъ одной нелѣпости къ другой, хлопоталъ о защитѣ „праваго дѣла“, боялся конвента, хотѣлъ вступить съ нимъ въ нейтральный союзъ, въ то-же время интриговалъ противъ него и довелъ французовъ до того, что они рѣшили объявить войну Испаніи. Это событіе и вѣсть о казни Людовика XVI подняли на ноги весь Пиринейскій полуостровъ. Народъ гонитъ и избиваетъ французовъ, какъ въ древности онъ гналъ и избивалъ евреевъ или морисковъ; провинціи волнуются, предлагаютъ деньги и солдатъ для войны съ мятежной шайкой революціонеровъ; одни жертвуютъ на войну милліоны реаловъ, другіе — своихъ дѣтей, третьи — приданое женъ, нѣкоторые — послѣдніе свои башмаки; въ столицу то и дѣло вступаютъ отряды вооруженныхъ волонтеровъ; на защиту святого дѣла вооружаются монахи, бѣглецы,

вернувшіеся добровольно изъ своихъ убѣжищъ, разбойники, а контрабандисты Сіерры-Морены выставляютъ отрядъ въ 300 человекъ. Король съ гнѣвомъ клянется наказать Францію; чувствительная королева утопаетъ въ слезахъ, а трусливый Годой храбро извѣщаетъ иностранные дворы, что доведенная имъ до ничтожества Испанія жестоко покараетъ мятежныхъ французовъ. Началась бессмысленная, позорная война, оконченная въ 1795 г. миромъ, за который Годой получилъ титулъ *князя мира*, земли, приносящія 1,000,000 ежегоднаго дохода, лейбъ-стражу, превосходившую своимъ блескомъ королевскую гвардію. Теперь онъ вознесся на вершину своего могущества, повелѣвалъ даже королевой, раздавалъ должности родственникамъ своихъ безчисленныхъ любовницъ, безумно расточалъ послѣдніе остатки казны и вмѣстѣ съ дворомъ кутилъ на-пропалую. Едва окончивъ войну съ Франціей, онъ вступилъ въ войну съ Англіей, рѣшившись отнять у нея первенство на морѣ! Испанскій флотъ былъ уничтоженъ при первой встрѣчѣ съ англичанами, которые немедленно же убили всю испанскую торговлю и совершенно разстроили испанскіе финансы.

Положеніе страны было ужасное, и всѣ реформы предшествовавшаго царствованія какъ будто никогда не существовали. Безумныя войны, расточительность двора, казнокрадство и обѣднѣніе народа производили то, что съ воцаренія Карла—Годой дефицитъ ежегодно простирался до 150,000,000 реаловъ, вслѣдствіе войны съ Франціей онъ увеличился на 1.269,000,000, а въ 1797 г. къ нему прибавилось еще 800,000,000. Ни соблазнительныя лотереи, ни принудительные займы, ничто не могло поправить дѣлъ. Страна нищенствовала, а дворъ поглощалъ болѣе $\frac{1}{6}$ всѣхъ доходовъ. Чиновники не получали жалованья, солдаты голодали и ходили чуть не нагіе, а вельможи имѣли царское содержаніе. Годой занималъ десятки прибыльныхъ должностей и получалъ больше, чѣмъ всѣ судьи Испаніи, взятыя вмѣстѣ. Производительность страны была парализирована. Только третья часть сельской и городской земли находилась въ свободномъ владѣніи; остальные двѣ трети принадлежали духовенству и дворянству, которые въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были единственными землевладѣльцами, а крестьяне—ихъ поденщиками. Эти двѣ трети земли, принадлежавшія привилегированнымъ сословіямъ,

не приносили и половины того дохода, какой давала остальная, свободная треть. Промышленности не было почти никакой и большую часть товаров Испанія получала изъ-за границы, на деньги, выжатая изъ своихъ колоній. Провинціи жили совершенно изолированно одна отъ другой, и протяженіе всѣхъ дорогъ не превышало 3,000 километровъ. Дороги были усѣяны ворами и разбойниками, которые взимали дань почти съ каждаго проезжающаго. Дурное состояніе внутреннихъ сообщений доходило до того, что, напр., въ Картагенѣ, по случаю голода, фунтъ дурного хлѣба стоилъ 30 франковъ, а въ Ламанчѣ, всего въ 30 французскихъ миляхъ отъ Картагены, продавался въ изобиліи отличный хлѣбъ по 10 сантимовъ за фунтъ. Почты ходили дважды въ недѣлю изъ Мадрида только въ Кадисъ, Барселону и Ирунъ. На границахъ многочисленныхъ провинцій и при въѣздѣ въ города путешественники и товары переписывались и уплачивали тяжкіе налоги. Провинціи были населены чрезвычайно неравномѣрно и имѣли различныя мѣры, вѣсы, монету, говорили разными нарѣчіями и чуждались другъ друга. Онѣ управлялись военными диктаторами, подъ названіемъ генераль-капитановъ. Уголовное законодательство представляло изъ себя чудовищную смѣсь средневѣковыхъ законовъ съ новѣйшими постановленіями; безчисленное множество специальныхъ судовъ, и притомъ такихъ, какъ инквизиція, совершенно устраняло равенство людей передъ закономъ, а взяточничество и произволъ убивали даже всякое представленіе о правосудіи. Всеобщій гнетъ, давившій всякое проявленіе мысли, доходилъ до чудовищнаго регламентирования промышленности. Правительство выдумало раздѣлить дѣятельность колоній и метрополій на специальности; такъ, напр., извѣстныя отрасли горнаго дѣла были дозволены въ колоніяхъ, но запрещены въ Испаніи и наоборотъ. Корпоративныя цеховыя стѣсненія убивали собою развитіе ремесль. Армія набиралась посредствомъ вербовки, а флотъ пополнялся матросами, насильно захватываемыми гдѣ ни попало. Народное образованіе со временъ Карла III совершенно пало. Подъ вліяніемъ реакціи, университеты снова получили свой прежній средневѣковый характеръ, и съ ихъ кафедръ бездарные профессора, на языкѣ варварской латыни, по-прежнему преподавали древнюю премудрость. Физика, астрономія, естественныя науки

были въ полномъ пренебреженіи, но за то процвѣтали въ полномъ блескѣ своемъ теологія, римское право римская казуистика и искусство схоластическаго словопренія. Студенты вели средневѣковую бродячую жизнь. Въ мантияхъ, съ гитарами и шпагами, они бродили по странѣ, задавали серенады, питались милостыней или кормились въ монастыряхъ. Грамотный крестьянинъ былъ величайшею рѣдкостью, а умѣвшая читать женщина навлекала на себя подозрѣніе въ безнравственности. Инквизиція, подслушивая и подглядывая каждое движеніе совѣсти и мысли, совершенно подавила литературу. Кромѣ богословскихъ книгъ ничего не печаталось и на всю страну существовало только четыре ничтожныя газетикки, выходившія дважды въ недѣлю; одна изъ нихъ издавалась въ Мадридѣ. Театръ былъ въ совершенномъ упадкѣ и спектаклю рѣшительно предпочитался бой быковъ, а король, чтобы не скучать и не быть одному въ театрѣ, разсылалъ по улицамъ своихъ лакеевъ, чтобы приглашать прохожихъ даромъ. За то религиознымъ церемоніямъ не было и счету. Цѣлая половина дней въ году принадлежала праздникамъ. Между-тѣмъ, какъ въ странахъ менѣе фанатическихъ особенною популярностью пользуются радостные, свѣтлые праздники, напр., Пасха и Рождество, въ мрачной, изувѣрной Испаніи наиболѣе выдвигаются впередъ такія мрачныя праздненства, какъ, напр., страстная недѣля съ своими потрясающими процессіями и церемоніями, внушающими религиозный ужасъ. На перекресткахъ улицъ, на площадяхъ и въ переулкахъ всюду были устроены ниши со статуями и иконами святыхъ; по ночамъ передъ ними теплились свѣчи и лампы, и это было единственное уличное освѣщеніе. Противъ засухи, голода, наводненія, скотскихъ падежей и всѣхъ болѣзней боролось одно лишь духовенство своими заклинаніями и тому подобными средствами. Больные обращались не къ лекарямъ, а къ амулетамъ и реликвіямъ. Доходы церкви превосходили доходы государства. Обнищавшая страна кормила 150,000 монаховъ, монахинь и поповъ; на каждую тысячу жителей приходилось 11 духовныхъ. Скопляя громадныя богатства, поддерживая и развивая нищенство, оковывая умъ, пропагандируя аскетизмъ и смиреніе, духовенство въ то-же время развивало въ народѣ всевозможные пороки. Оно систематически развращало женщинъ, портило мальчиковъ, плодило незаконныхъ дѣтей и смотрѣло сквозь

пальцы на то, какъ религіозныя процессіи и торжества сплошь и рядомъ обаячивались оргіями. Монастыри, какъ и въ средніе вѣка, были притонами разврата и тунеядства. Поддерживая фанатизмъ, лицемеріе и пустосвятство, духовенство воспользовалось событіями въ сосѣдней Франціи, чтобы усилить вражду испанцевъ ко всякой прогрессивной идеѣ и поддерживало въ нихъ тотъ ложный патріотизмъ, въ силу котораго правотворная, но нищая, невѣжественная, безоружная Испанія считала себя богоизбранною націей и готова была выйти на бой со всей Европой, въ надеждѣ на одну только общаему патерами сверхестественную помощь. Наконецъ, благодаря тому-же духовенству главнымъ образомъ, мы видимъ непомерное развитіе той роскоши, которая существуетъ какъ-будто для того только, чтобы рѣзче обрисовался контрастъ между нею и нищетою страны, вопіющею бѣдностью народа, нечистотою городовъ, грязью закулисной домашней жизни и строгостью проповѣдуемаго всюду аскетизма. Это не комфортабельная роскошь англійскаго лорда, а роскошь на показъ, удовлетворяющая пустому самолюбію, ослѣпляющая бѣдную массу и повергающая ее въ прахъ передъ такимъ грандіознымъ величіемъ. Народъ бѣденъ, нищъ, но католическіе храмы и монастыри великолѣпны, а изъ духовенства даже люди самыхъ строгихъ правилъ живутъ роскошнѣе иныхъ королей. Кардиналъ Химинесъ, напр., носилъ на тѣлѣ власницу и рясу нищенствующаго монаха, но прикрывалъ ихъ великолѣпнымъ костюмомъ своего званія; онъ питался зеленью и корепьями, спалъ на голыхъ доскахъ, и въ то-же время жилъ въ самой роскошной обстановкѣ, достойной любого государя. Поражая народъ такимъ великолѣпіемъ, духовенство и воспитанные имъ высшіе классы внушали ему не меньшее благоговѣніе своей неприступностью, гордостью и повелительностью. Что у народа, развѣсившагося иначе, возбудило-бы одно только недовольство и раздраженіе, въ Испаніи повергало его въ прахъ и онъ съ умиленіемъ лобзалъ ноги своихъ старѣйшинъ.

Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ описываемаго времени присоединилось еще сильное броженіе въ колоніяхъ, готовыхъ отдѣлиться отъ Испаніи и тѣмъ лишить ее послѣдняго источника богатствъ.

Главною цѣлью колониальной политики было извлеченіе золота

и серебра, которыхъ одно только правительство получило изъ Америки съ 1492 г. до 30 миллиардовъ франковъ. Завоевавъ необозримую роскошную страну, ограбивъ жителей, разрушивъ туземную цивилизацію, истребивъ миллионы индѣйцевъ и водворивъ рабство негровъ, испанцы опочили отъ трудовъ, и колоніи погрузились въ сонную, апатичную жизнь, нарушаемую только по временамъ жестокими притѣсненіями правителей, да взрывами анархическихъ мятежей. Торговля и промышленность колоній были регулированы такъ, чтобы держать ихъ въ постоянномъ безсиліи и постоянной зависимости отъ метрополіи. Въ дѣлѣ управленія испанское правительство стремилось не къ тому, чтобы слить разнообразныя элементы народонаселенія, но чтобы разъединить ихъ и, разъединивъ, обезсилить. Каждому сословію, каждой расѣ, каждому учрежденію оно создавало противовѣсъ въ другихъ сословіяхъ, расахъ и учрежденіяхъ. Поддерживая маюраты и дворянство, оно иѣшало развитію свободнаго земледѣльческаго сословія; оно вооружало духовенство противъ городскихъ совѣтовъ; назначая чиновниками исключительно туземцевъ Испаніи, оно ставило ихъ во враждебныя отношенія къ испанцамъ Америки, а этихъ послѣднихъ къ инородцамъ. Но вреднѣе всего было то нравственное иго католицизма, которое давило Америку еще больше, чѣмъ Испанію, и послѣдствія котораго существуютъ до сихъ поръ. Ради краткости, мы остановимся здѣсь только на судьбахъ Парагвая, исторія котораго вполне выясняетъ всю гибельность католическаго деспотизма даже зъ самой мягкой его формѣ. Миссіонеры осуществили въ Парагваѣ свой идеаль „свободнаго“ католическаго государства. Обративъ туземцевъ въ христіанство, привязавъ ихъ къ вѣрѣ посредствомъ театральнаго эффектнаго богослуженія, увеличивъ число жителей своихъ колоній посредствомъ военныхъ набѣговъ на индѣйскія племена и захватовъ туземцевъ въ плѣнъ цѣлыми толпами, отцы іезуиты заставили ихъ работать, и, устроивъ имъ безбѣдную достаточную жизнь, превратили ихъ въ довольныхъ судьбою животныхъ, беспрекословно трудившихся по приказамъ и программамъ начальства. Вся жизнь колоній была напередъ росписана по частямъ и мельчайшимъ подробностямъ. Утромъ жители шли въ церковь, подъ надзоромъ своихъ опекуновъ; потомъ отправлялись на работы, распредѣляемыя миссіо-

нерами, которые однихъ заставляли плотничать, другихъ ковать, третьихъ воздѣлывать землю. Инспекторы неотлучно слѣдили за работами, направляли ихъ, наказывали лѣнливыхъ, поощряли послушныхъ. Миссіонеры раздавали индѣйцамъ земельные участки, выдавали имъ сѣмена для посѣва, принимали сжатый хлѣбъ въ общественные магазины и распоряжались послѣдними. За малѣйшія отступленія отъ приказаній, за лѣность, пьянство, развратъ, за каждый церковный грѣхъ, за самое невинное проявленіе личной гордости или умственной самодѣятельности индѣйцевъ наказывали тѣлесно, или, по выраженію самихъ миссіонеровъ, „давали имъ предвкушать сладость мученичества“. Посредствомъ исповѣди іезуиты знали всю подноготную семейной жизни и сдѣлали то, что каждый индѣецъ шпионилъ на каждого. Дѣтей воспитывали на общественный счетъ, пользуясь образованіемъ для порабощенія ума „благому и сладкому игу“ католичества. Въ колоніи было запрещено вѣзжать даже испанцамъ, кромѣ губернатора и епископа, да и за послѣдними на каждомъ шагѣ слѣдили шпионы. Войско получало оружіе только на время похода, по окончаніи котораго оно отбиралось и складывалось въ арсеналы, а офицеры, возгордившіеся своими побѣдами, получали урокъ смиренномудрія посредствомъ тѣлесныхъ наказаній. Послѣ изгнанія іезуитовъ, возбудившаго неудовольствіе и волненіе, какъ въ Парагвай, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Америки, Парагвай очутился въ самомъ плачевномъ состояніи. Туземцы, отвыкшіе отъ всякой самостоятельности, и невѣжественные до того, что не знали даже употребленія денегъ, погрузились въ неисходную бѣдность, вымирали отъ голода и эпидемій и даже въ обыкновенное время больные составляли пятую часть народонаселенія. Когда силою обстоятельствъ Парагвай очутился независимымъ, то имъ тотчасъ-же завладѣлъ докторъ Франсіа и восстановилъ въ немъ прежнюю іезуитскую систему всесторонней опеки, водворилъ такой военный деспотизмъ, на который съ ужасомъ смотрѣла даже южная Америка. Чтобы дать понятіе о результатахъ системы, царствовавшей въ Парагвай болѣе ста лѣтъ, припомнимъ, что недавно владычествующій въ немъ Лопецъ, затѣявъ безумную войну съ Бразиліей, Уругваемъ и Аргентинской республикой, встрѣтилъ въ своихъ подданныхъ одно безусловное повиновеніе. Онъ разстрѣливалъ генераловъ за ихъ

военныя неудачи; въ 1865 г. за неуспѣшный походъ онъ разстрѣлялъ десятого изъ солдатъ и половину офицеровъ. Состоявшая при немъ комиссія изъ трехъ поповъ просто неистовствовала въ странѣ, захватывая и казня всѣхъ подозрительныхъ ей лицъ, не только парагвайцевъ, но даже иностранцевъ и дипломатическихъ агентовъ. 1,900 женщинъ изъ лучшихъ фамилій были закованы въ цѣпи и сосланы на сельскія работы. „За весьма немногими исключеніями, говоритъ одинъ писатель, — Лопецъ погубилъ лучшую и самую почтенную часть парагвайскаго народонаселенія; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ; такой-же участи подвергались иностранные купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человекъ“.

Въ Перу, Мехикѣ и другихъ испанскихъ колоніяхъ господствовала система управленія, подобная парагвайской, и принесла подобныя-же, хотя и не столь гибельныя плоды. Впрочемъ, при Карлѣ III, какъ мы уже говорили, испанское правительство, изгнавъ іезуитовъ, допустивъ свободу торговли и сношенія съ иностранцами и произведя нѣсколько другихъ реформъ въ своихъ колоніяхъ, пробудило въ нихъ не только промышленную, но и умственную жизнь. Колоніи начали принимать европейскій видъ, въ нихъ возникало образованное городское сословіе, открывались новыя учебныя заведенія, начались насмѣшки надъ схоластической испанскою ученостью, развивался скептицизмъ, чувствовалось вліяніе французскихъ энциклопедистовъ. А съ тѣхъ поръ, „какъ колоніи подверглись сильному вліянію заграничныхъ событій — освобожденія сѣверной Америки и французской революціи, — событій, начавшихъ собою новыи политическій вѣкъ, — идея независимости уже не могла быть подавлена. Съ этихъ поръ вице-короли не переставали доносить о неспокойномъ состояніи головъ и сердець, о подстрекательствѣ чужеземцевъ, о пропагандѣ республиканскихъ идей. Теперь инквизиціи было повсюду много работы; американцы читали, писали и перепечатывали грубымъ, деревяннымъ шрифтомъ запрещенныя французскія книги; умственные и политическіе интересы питались этими запрещенными плодами. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ тою быстрою зрѣlostью, которая составляетъ особенность всѣхъ колонистовъ, образовалась восторженная молодежь, павшая потомъ первою жертвою въ передо-

вхъ битвахъ революціи“ (Gergvinus). Когда-же съ воцареніемъ Карла—Годоя правительство начало закрывать школы, преслѣдовать всякое свободное проявленіе мысли, выражать мнѣніе, что креоловъ не слѣдуетъ учить ничему, кромѣ библіи, запретило заграничныя путешествія и обрушило на креоловъ всю ярость инквизиціи; когда колоніи сдѣлались какою-то богадѣльнею для самыхъ безправственныхъ чиновниковъ, покупавшихъ свои мѣста у ненавистнаго Годоя, когда судъ превратился снова въ торговлю законами, а администрація въ грабѣжь, — то революціонный духъ разлился по всѣмъ колоніямъ и онѣ нетерпѣливо ждали только первой возможности къ отдѣленію, неизбѣжность котораго уже предвидѣли и наиболѣе прозорливые люди въ самой Испаніи. Но нецѣлостность испанской системы отзывается въ нихъ до настоящаго времени. Въ нихъ царствуетъ не наука, а доктрины католическаго духовенства; подъ формой республики владычествуетъ анархія; благодаря слабости земледѣльческаго сословія, рабству, сословной розни и многочисленности непроезвительнаго бродячаго народонаселенія, въ родѣ испанскихъ разбойниковъ или нашихъ старинныхъ казаковъ, способные и богатые авантюристы то и дѣло вербуютъ себѣ здѣсь многочисленныя шайки, низвергаютъ правительство, грабятъ казначейство, разстрѣливаютъ своихъ противниковъ и деспотствуютъ до тѣхъ поръ, пока не погибаютъ сами отъ такого-же переворота.

Революціонное движеніе не ограничивалось однѣми колоніями: оно было замѣтно и въ самой Испаніи. Либеральная и просвѣтительная эпоха Карла III, при всей поверхностности своего вліянія, все-таки оставила замѣтные слѣды въ испанскомъ обществѣ, а европейскія событія еще болѣе возбуждали умы, правительство-же какъ-будто нарочно вело себя такъ, чтобы расшатать окончательно зданіе государства. Произвольный и безтолковый временщикъ возмущалъ даже духовенство и дворянство, вооружалъ противъ себя всѣ партіи и водворялъ начатки той постоянной анархіи, отъ которой Испанія страдаетъ до послѣдняго времени. Еще во время войны съ Франціей былъ открытъ заговоръ, въ составъ котораго входили не только вельможи, но даже монахи и самъ генераль-инквизиторъ. Цѣлью заговорщиковъ было сверженіе Годоя, созваніе кортесовъ и миръ съ Франціей. Высшіе слои общества болѣе и болѣе возмущались упадкомъ

страны; исчезалъ даже пресловутый испанскій патриотизмъ; на нашествіе французовъ начинали смотрѣть, какъ на единственное средство къ обновленію; чаще и чаще раздавались голоса, что „пора явиться французамъ и прогнать господъ, которые не умѣютъ управлять; пусть придутъ они, мы примемъ ихъ съ радостью“. Дѣло дошло до того, что высшее правительственное учрежденіе — кастильскій совѣтъ началъ смѣло и рѣзко выражать свой ропотъ на положеніе дѣлъ. На одно замѣчаніе Карла, составленное, конечно, Годоемъ, онъ отвѣчалъ: „совѣтъ очень хорошо знаетъ, чье презрѣнное перо написало или продиктовало такой указъ, злоупотребляя священнымъ именемъ вашего величества. Онъ съ скорбію предвидитъ достойное проклятiя паденіе трона. Возстаньте-же, в. в., отъ глубокой летаргiи, въ которую вы уже такъ давно погрузились! Пора уже вамъ свергнуть съ себя опутавшее васъ иго ничтожныхъ развратниковъ“. Въ этихъ протестахъ вельможъ и революціоннаго броженія высшаго общества замѣтно уже начало всей послѣдующей семидесятилѣтней борьбы за власть революціонныхъ антрепренеровъ въ родѣ какихъ-нибудь Нарваеца или Прима. Совѣтъ, вельможи, прелаты возмущались главнымъ образомъ тѣмъ, что управленіе принадлежит не имъ, исконнымъ властителямъ народа, а ничтожному выскочкѣ, эскъ-любовнику королевы. Но во всякомъ случаѣ въ это время были уже сѣмена и того прогрессивнаго движенія, которое, проявляясь и постепенно усиливаясь, преобразовывало Испанію. Въ это время воспитывалось поколѣніе, создавшее конституцію 1812 г., — воспитывалось подъ вліяніемъ французскихъ идей, а отчасти и собственной литературы, давшей обществу нѣсколько замѣчательныхъ произведеній. Такова была, напр., сатира „Хлѣба и быковъ!“, смѣло нападавшая на низкое духовенство, ничтожное образованіе, судопроизводство, администрацію. Таковы были стихотворенія молодого поэта Квинтана и многія сочиненія неутомимаго старика Ховельяноса, открывшаго въ Астурiи замѣчательный политехническій институтъ. Либеральное движеніе напугало правительство; дворъ струсиль, и Годой началъ либеральничать; въ министерство былъ призванъ Ховельяносъ. Но когда на попытки послѣдняго ему отвѣчали интригами и покушеніями на жизнь, то онъ съ отвращеніемъ удалился изъ этого омута. Подъ руководствомъ Годоя, страной стали управ-

лять новые министры, — Урквиго и образец всевозможных пороковъ, Кабальеро. А въ довершеніе всѣхъ бѣдствій въ Испаніи свирѣпствовали моровая язва, голодъ и землетрасенія. Эпидемія была такъ опустошительна, что принуждены были закрыть университеты. Мѣра пшеницы отъ 40 реаловъ дошла до 400. Годой же изобрѣталъ постоянно заговоры и, выставляя себя спасителемъ трона, болѣе и болѣе упрочивалъ свое положеніе; въ провинціяхъ развѣзжали французскіе агитаторы, Наполеонъ открыто заявлялъ, что онъ скоро ударитъ на Испанію своими „молніями“. Карлъ разсорился съ своимъ сыномъ и благонамѣренныя испанцы держали сторону послѣдняго; французская армія вступила въ страну; король приготовился бѣжать въ Америку, но былъ удержанъ возставшимъ народомъ, Годой сверженъ, арестованъ, жилища его родственниковъ и чиновниковъ опустошены чернью; его собственныя имущества, на сумму 2.000,000,000 реаловъ, конфискованы. Въ довершеніе всей этой суматохи, въ Испаніи явилось три короля: отецъ Карлъ и сынъ Фердинандъ, оспаривавшіе другъ у друга право на корону, да еще Іосифъ Бонапартъ, утвердившійся въ Мадридѣ съ помощью французскихъ штыковъ и пушекъ. Карла и Фердинанда вмѣстѣ съ Годоемъ Наполеонъ безъ всякихъ церемоній увезъ во Францію. Карлъ уступилъ всѣ свои права императору, „какъ единственному государю, который способенъ при теперешнихъ условіяхъ возстановить порядокъ“.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

На паркетѣ въ залахъ модныхъ
Вамъ, довольные судьбой,

Не слыжать молюбы людской,
Не видать слезы голодныхъ.

Вотъ идутъ они толпой;
—Какъ знакомы мнѣ ихъ лица:

Это—горя вереница,
Битва жизни съ нищетой.

Все здѣсь есть: и стонъ, и слезы,
И смиреніе раба,

И отчаянныя молюба;
Только сила нѣтъ для угрозы.

Жизнь желѣзною рукой
Задавила въ нихъ тѣ силы,

И теперь однѣ могилы
Вѣчный имъ дадутъ покой.

—ОБЪ—ОБЪ.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЪ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА XXVII.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, знаменитый философъ, имѣетъ способность возвышать достоинство каждаго мелочнаго явленія, освѣщая его свѣтомъ науки. Такъ, на примѣръ, онъ ставитъ зажженую свѣчку передъ изцарапаннымъ зеркаломъ или передъ обломкомъ истертаго стального ножа, и начинаетъ показывать вамъ, какъ всѣ эти царапины превращаются въ свѣтлые концентрическіе круги около яркой точки, образующей родъ маленькаго солнца. Вы ясно видите, что царапины идутъ въ разныя стороны, что только свѣчка причиной этого красиваго оптическаго соединенія лучей.

Въ жизни человѣческой повторяется почти точно такое-же явленіе, только царапины замѣняются тамъ происшествіями, а свѣча — эгоизмомъ какой-нибудь личности, которая дѣлается центромъ концентрическихъ круговъ, образующихся вокругъ нея дѣйствіями другихъ личностей. Примѣромъ тому можетъ служить Розамунда Винци. Она находилась подъ особеннымъ покровительствомъ судьбы, которая одарила ее замѣчательно привлекательной наружностью, и какъ-бы нарочно подготовила бо-

лѣзнь Фреда и промахъ Вренча для того, чтобы сблизить ее какъ можно скорѣе съ Лейдгатомъ. Розамунда могла-бы совершенно измѣнить это распоряженіе благодѣтельной судьбы, если-бы она, по требованію родителей, удалилась въ Стоп-Кортъ или куда-нибудь подальше, когда Лейдгатъ нашелъ необходимыми эти мѣры предосторожности. Но она этого не сдѣлала. Миссъ Морганъ съ меньшими дѣтьми, въ первое-же утро, какъ только обнаружилась у Фреда горячка, была отправлена въ ближайшую ферму, а Розамунда на отрѣзъ отказалась покинуть папа и мама.

Бѣдная мама, дѣйствительно, заслуживала состраданія, и м-ръ Винци, сильно привязанный къ своей женѣ, гораздо болѣе тревожился за нее, чѣмъ за Фреда; если-бы не мужъ, она не знала бы покоя; прежняя ея веселость совершенно исчезла; забывая о своемъ туалетѣ, которымъ всегда такъ тщательно занималась, она напоминала теперь больную насѣдку съ мутными глазами и взерошенными перьями; ее ничто болѣе не радовало и не утѣшало. Когда Фредъ бредилъ, у нея разрывалось сердце при мысли, что онъ переходитъ въ другой міръ. Послѣ сцены съ м-ромъ Вренчемъ она притихла и только со слезами на глазахъ умоляла Лейдгата спасти ея мальчика. Однажды, выходя изъ спальни больного, она кротко положила свою руку на плечо доктора и жалобно произнесла.

— М-ръ Лейдгатъ! онъ былъ всегда ко мнѣ ласковъ, грубаго слова матери не сказалъ!

Точно она хотѣла этими словами убѣдить, что Фредъ страдаетъ не въ наказаніе за прежніе проступки. Всѣ тончайшія фибры ея материнскаго сердца были затронуты настоящимъ горемъ, и молодой докторъ, въ голосѣ котораго она слышала нѣжное участіе къ себѣ, сдѣлался ей почти такъ-же дорогъ, какъ и ея милый первенецъ, любимый ею горячо еще до рожденія его на свѣтъ.

— Я, кажется, смѣло могу рассчитывать на хорошій исходъ, м-съ Винци, обыкновенно говорилъ Лейдгатъ,—а теперь пойдете внизъ,—вамъ надобно что-нибудь скушать.

И онъ велъ ее въ гостиную, гдѣ уже сидѣла Розамунда, а на столѣ стояли чай или бульонъ, сюрпризомъ приготовленные ею для матери. Все это устраивалось по предварительному со-

глашенію между Лейдгатомъ и Розамундой. Передъ тѣмъ какъ идти въ комнату больного, они видѣлись, и Розамунда спрашивала, что нужно было сдѣлать; смѣтливость и ловкость, съ которыми она исполняла всѣ наставленія медика, были удивительны и потому немудрено, если Лейдгатъ находилъ, что его переговоры съ прелестной дѣвушкой много содѣйствуютъ успѣшному ходу его леченія; особенно интересными для Лейдгата сдѣлались эти переговоры въ то время, когда прошелъ кризисъ болѣзни и онъ сталъ тверже вѣрить въ выздоровленіе своего пациента.

Въ минуту опасности Лейдгатъ посоветовалъ пригласить доктора Спрэга (который охотнѣе-бы согласился остаться нейтральнымъ въ дѣлѣ, касавшемся Вренча); но послѣ двухъ консилиумовъ леченіе было предоставлено одному Лейдгату, который послѣ этого, конечно, удвоилъ свое усердіе. Онъ пріѣзжалъ къ Винци утромъ и вечеромъ, и его посѣщенія доставляли все болѣе и болѣе удовольствія обѣимъ женщинамъ, по мѣрѣ того, какъ Фредъ поправлялся и чувствовалъ уже только слабость; для м-съ же Винци наступилъ истинный праздникъ, когда она получила, наконецъ, возможность любоваться на нѣжившагося въ постѣли своего милаго Фреда и видѣть, что онъ сознательно принимаетъ ея попеченія о немъ.

Отецъ и мать душевно радовались и тому, что старикъ Фэтерстонъ постоянно справлялся, чрезъ Лейдгата, о состояніи здоровья Фреда, которому поручилъ передать отъ его имени, что онъ проситъ Фреда поскорѣе выздоравливать, такъ какъ онъ, Питеръ Фэтерстонъ, не можетъ обойтись безъ него и очень скучаетъ по немъ. Старикъ въ это время слегъ въ постель. М-съ Винци передавала сыну всѣ эти подробности, а онъ, повернувшись къ ней свою красивую голову, на которой уже не вились густые, бѣлокурые волосы, обстриженные теперь подъ гребенку, пристально всматривался въ нее свои большими глазами, и жадно ждалъ какой-нибудь вѣсточки отъ Мэри, любопытствуя узнать, какъ она приняла его болѣзнь. Онъ не произносилъ ни слова; но любовь обладаетъ „рѣдкою способностію слушать глазами“, и потому мать угадывала сердцемъ желаніе Фреда и готова была на всевозможныя жертвы, лишь-бы доставить ему это удовольствіе.

— Только-бы мнѣ довелось увидѣть моего милаго мальчика

опять здоровымъ, приговаривала она, глядя съ нѣжностію на Фреда.—Кто знаетъ? Можетъ быть, онъ сдѣлается владѣтелемъ Стон-Корта? Тогда пусть женится на той, которую полюбить.

— А если та не пойдетъ за меня, матушка, возражалъ Фредъ, и слезы навертывались у него на глазахъ. Болѣзнь сдѣлала его совершеннымъ ребенкомъ.

— Скушай ложечку желе, душа моя, прерывала его м-съ Винци, въ тайнѣ убѣжденная, что никакая дѣвушка не можетъ отказать ея сыну.

Въ отсутствіи мужа, м-съ Винци не отходила отъ постели больного ни на минуту; такимъ образомъ, Розамунда, противъ обыкновенія, оставалась большую часть дня одна. Лейдгаты, конечно, никогда не старался продлить свиданіе съ нею, тѣмъ не менѣе, отрывочные, но частые разговоры между ними произвели нѣкотораго рода интимность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а интимность, въ свою очередь, породила неловкость. Напримѣръ, во время разговора имъ приходилось смотрѣть въ глаза другъ другу; но случалось такъ, что взгляды ихъ дѣлались выразительнѣе, чѣмъ нужно; тогда Лейдгату становилось очень неловко; онъ считалъ необходимымъ опускать глаза или смотрѣть въ сторону; однако и это плохо помогало; на слѣдующій день Розамунда также опустила глаза, а когда ихъ взгляды нечаянно встрѣтились, они оба сконфузились. Лейдгаты чувствовалъ, что наука не вручить его изъ бѣды, а кокетничать ему не хотѣлось, и потому онъ очень обрадовался, когда карантинъ для знакомыхъ въ домѣ Винци кончился и ему уже не такъ часто представлялись случаи видѣться съ Розамундой наединѣ.

Но эта взаимная неловкость отношеній, гдѣ та и другая сторона сознаетъ, что между ними есть что-то такое, особенное, установившись однажды, не можетъ сразу исчезнуть; говорите о погодѣ, о чемъ хотите,—вамъ все будетъ казаться, что вы хитрите и ваши отношенія до тѣхъ поръ не сдѣлаются естественными, пока вы откровенно не сознаетесь, что между вами существуетъ симпатія, хотя въ ней нѣтъ еще ничего серьезнаго и глубокаго. Этимъ-то путемъ Розамунда и Лейдгаты достигли пріятной простоты въ обращеніи и ихъ бесѣды оживились. Гости

пріѣзжали и уѣзжали какъ прежде, въ гостиной раздавалась музыка и известное всѣмъ гостепріимство м-ра Винци пошло своимъ старымъ порядкомъ. Лейдгаты при всякомъ удобномъ случаѣ бесѣдовалъ съ Розамундой, нерѣдко засиживался у нихъ въ домѣ, слушая ея игру или пѣніе, и громко называлъ себя ея невольникомъ, думая въ то-же время, что взять его въ плѣнъ ей не удастся. Отсутствие возможности устроиться, какъ слѣдуетъ женатому человѣку, служило Лейдгату достаточной гарантіей противъ опасности, а между тѣмъ такая игра въ любовь доставляла ему удовольствіе и не мѣшала серьезнымъ занятіямъ. Розамундѣ-же никогда въ жизни не было такъ весело, какъ теперь; она была убѣждена, что въ нее влюбленъ одинъ изъ самыхъ завидныхъ жениховъ. Она не сумѣла отличить простаго ухаживающаго отъ настоящей любви; ей казалось, что она плыветъ на всѣхъ парусахъ прямо къ цѣли и воображенію ея уже представлялся хорошенкій домикъ въ Ловиенъ-Гэтъ, который, какъ она надѣялась, будетъ вскорѣ отдаваться въ наймы. Она заранѣе рѣшила, что тотчасъ послѣ свадьбы ловко выпроводитъ отъ себя всѣхъ тѣхъ посѣтителей, которые ей надоѣдали въ домѣ отца. Въ ея мечтахъ уже рисовалась будущая гостиная въ любимомъ домикѣ, убранныя самой разнообразной мебелью.

Главнымъ-же предметомъ ея мечтаній былъ все-таки самъ Лейдгаты; онъ, въ ея глазахъ, казался почти совершенствомъ, и если-бы молодой докторъ смыслилъ въ музыкѣ немного болѣе чувствительнаго слона, да имѣлъ способность вникать во всѣ тонкости ея изящнаго туалета, то она едва-ли бы нашла въ немъ какой нибудь недостатокъ. Какая разница между нимъ и юнымъ Плаймделемъ или м-ромъ Кайюсомъ Ларчеромъ! Эти люди понятія не имѣли о французскомъ языкѣ; ни о чемъ говорить не умѣли, кромѣ какъ объ окраскѣ матерій и оцѣнкѣ товаровъ, т. е. о такихъ предметахъ, которыхъ они сами стыдились. Они принадлежали къ мидльмарчскому джентри, важничали своими хлѣстиками съ серебряными набалдашниками и галстуками, но были очень неразвязны и сильно конфузились, отпустивъ какую-нибудь остроуту. Фредъ—и тотъ былъ гораздо выше ихъ по развитію; онъ имѣлъ, по крайнѣй мѣрѣ, выговоръ и манеры человѣка, воспитаннаго въ университетѣ. Между тѣмъ, какъ Лейдгаты, котораго можно было заслушаться, такъ хорошо

онъ говорилъ,—былъ необыкновенно вѣжливъ со всеми и держалъ себя съ чувствомъ собственного достоинства; платье сидѣло на немъ всегда чрезвычайно ловко, манеры были свободны. Розамунда съ особенной гордостью слѣдила за Лейдгатомъ, когда тотъ входилъ въ комнату и приближался къ ней съ своей изящной улыбкой на губахъ, и ощущала тогда приятное сознание, что всѣ завидуютъ ей. Если-бы Лейдгатъ могъ догадаться, какія чувства волнуютъ, при его появленіи, эту прелестную грудь, онъ былъ-бы очень польщенъ этимъ, также какъ и всякій-бы другой на его мѣстѣ. Онъ считалъ самымъ очаровательнымъ свойствомъ въ женщинѣ, когда она сознаетъ превосходство надъ собой мужчины, не умѣя, впрочемъ, дать себѣ яснаго отчета, въ чемъ именно заключается это превосходство.

Розамунда не принадлежала къ числу тѣхъ наивныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ можно поймать врасплохъ, которыхъ подчиняются первому впечатлѣнію, забывая о приличіи. Пожелайте не воображайте, чтобы она когда нибудь проговорила, даже въ разговорѣ съ мамой, о своихъ мечтахъ на счетъ хорошенькаго домика съ изящной мебелью и новаго круга знакомства. Напротивъ, она премило выразила-бы удивленіе и даже неодобреніе, если-бы въ ея присутствіи другая молодая леди высказала такое преждевременное, нескромное желаніе; мало того—она даже не вѣрила, чтобы могла существовать такая болтливая дѣвушка. Розамунда занималась только изящными искусствами:—музыкой, танцами, рисованьемъ; она прекрасно писала ноты, держала альбомы для стиховъ и вообще представляла типъ тѣхъ очаровательныхъ блондинокъ, которыя въ ту эпоху служили идеаломъ для каждаго мужчины съ вѣжнымъ сердцемъ. Но прошу васъ не думать о ней ничего дурного; она была далеко не интригантка, скряжничать вовсе не умѣла и если думала о деньгахъ, то потому только, что считала ихъ необходимыми для жизни, добыванье-же ихъ предоставляла другимъ. Лгать она не привыкла и если говорила иногда не то, что думала, то единственно изъ желанія угодить кому нибудь. Словомъ, природа расточила все свое искусство при созданіи этой любимой воспитанницы м-съ Лемонъ,—такой воспитанницы, которая по общему отзыву—исключая Фреда—слыла за соединеніе красоты, ума и любезности.

Лейдгате находилъ все болѣе и болѣе удовольствія въ свиданіяхъ съ Розамундой. Между ними не было уже никакой принужденности; они страстно и выразительно переглядывались и ихъ пустые, повидимому, разговоры, которые могли, пожалуй, показаться даже пошлыми третьему лицу, для нихъ были полны значенія. При всемъ томъ они никогда не старались устроить для себя такіа бесѣды, гдѣ третій человѣкъ оказывался-бы лишнимъ. Короче сказать, они оба кокетничали и Лейдгате успокоивалъ себя тѣмъ, что серьезнаго изъ этого ничего не выйдетъ.

— Если я любилъ и умѣлъ оставаться въ предѣлахъ благоразумія, разсуждалъ онъ, то ужъ, конечно, счѣтѣ такъ волочатся, чтобы не потерять головы. Въ Мидльмарчѣ мужчинамъ всѣ такія скучныя, кромѣ и-ра Фербротера; коммерческія обороты и карты жена не интересуютъ: въ чемъ-же мнѣ искать развлеченій?

Бюльстроды вѣрѣдко приглашали его къ себѣ, но тамъ дѣвушка едва только сошла со школьной скамейки, а наивное соединеніе благочестія и свѣтскости въ и-съ Бюльстродѣ, твердившей о суетѣ міра сего и о пламенномъ своемъ желаніи имѣть сервизъ изъ граненаго хрусталя, ей толки о жалкихъ нищихъ въ лохмотьяхъ и о цѣвѣ лучшаго дамѣ,— все это не могло служить противовѣсомъ скучному и вѣчно серьезному характеру ея мужа. То-ли дѣло домъ Винци! Онъ, со всѣми своими недостатками, былъ все-таки пріятнѣйшій домъ въ городѣ; къ тому-же въ немъ разцвѣтала Розамунда, прелестная, какъ полураспустившійся роза, олицетвореніе тѣхъ совершенствъ, которыми составляютъ наслажденіе для мужчинъ.

Лейдгате своимъ счастливымъ указываньемъ за миссъ Винци нажилъ себѣ болѣе враговъ между ея поклонниками, чѣмъ своимъ медицинскими познаніями и счастливою практикой—между мѣстными врачами. Однажды вечеромъ онъ явился въ гостиную Винци очень поздно; тамъ уже находилось много гостей; лица постарше сидѣли за карточными столами, а и-ръ Нэдъ Плайдэль (одинъ изъ выгоднѣйшихъ жениховъ Мидльмарча, но чловѣкъ далеко не передовой по своему уму) сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ съ Розамундой. Онъ привезъ съ собой одинъ изъ тѣхъ кипсэковъ въ изящнѣйшемъ переплетѣ, которые въ то вре-

мя были въ большой модѣ, и не помнилъ себя отъ восторга, что вмѣстѣ съ нею можетъ разсматривать гравюры, на которыхъ были изображены вѣчно улыбающіеся леди и джентльмэны. Онъ указывалъ Розамундѣ разные комическіе стихи, говоря, что они превосходны и совѣтовалъ ей прочесть какія-то сентиментальныя исторіи, увѣряя, что онѣ чрезвычайно интересны. Розамунда снисходительно его слушала, а онъ былъ очень доволенъ, что такое образцовое изданіе по части искусствъ и литературы служить звеномъ сближенія между нимъ и прекрасной молодой дѣвушкой. Считая себя если не красивымъ, то вполнѣ приличнымъ мужчиной въ такомъ омутѣ, какъ Мидльмарчъ, м-ръ Нэдъ страдалъ отъ одного недостатка, который не могъ ускользнуть отъ внимательнаго наблюдателя, а именно, его подбородокъ былъ такого свойства, что онъ постоянно исчезалъ въ огромномъ атласномъ галстукѣ, какіе тогда носили, и это обстоятельство очень его затрудняло.

— Я нахожу, что высокорожденная м-съ S. очень похожа на васъ, сказалъ м-ръ Нэдъ. Онъ раскрылъ то мѣсто книги, гдѣ находился этотъ очаровательный портретъ и томно посмотрѣлъ на него.

— У нея спина слишкомъ широка; кажется, будто эта госпожа сняла съ себя портретъ только для того, чтобы выставить свою спину, произнесла Розамунда, впрочемъ, безъ всякаго намѣренія сказать что-нибудь злое и думая въ это время: „ахъ, какія красныя руки у Плаймдэля! Отчего это Лейдгать такъ долго не ѣдетъ?“ — За тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, она продолжала болтать съ своимъ кавалеромъ.

— Я не говорю, чтобы она была такая-же красавица, какъ вы, началъ снова м-ръ Нэдъ, осмѣлясь поднять глаза отъ портрета и перенести ихъ на Розамунду.

— А вы, какъ видно, ловко умѣете льстить, возразила Розамунда, убѣжденная въ эту минуту, что ей придется вторично отказать въ своей рукѣ юному джентльмэну.

Наконецъ, Лейдгать пріѣхалъ. Прежде чѣмъ онъ добрался до уголка, гдѣ сидѣла Розамунда, високъъ былъ закрытъ, а когда онъ, съ короткостію человѣка близко знакомаго, сѣлъ рядомъ съ нею, нижняя челюсть м-ра Плаймдэля упала за галстукъ, какъ падаетъ ртуть въ барометръ на точку замерзанія. Роза-

мунда радовалась не только присутствію Лейдгата, но и эффекту, который онъ производилъ: она любила возбуждать ревность.

— Какой вы сегодня поздній гость, сказала она, протягивая доктору руку;—мама почти потеряла надежду видѣть васъ сегодня. Какъ вы нашли Фреда?

— Какъ всегда, поправляется, хотя и медленно. Я ему совѣтую прокатиться—въ Стоп-Кортъ, напримѣръ. Но ваша матушка представляетъ какія-то затрудненія для этой поѣздки.

— Бѣдный мальчикъ! произнесла Розамунда, премило надувъ губки.—Вы не узнаете Фреда, такъ онъ перемѣнился, продолжала она, обращаясь къ другому своему поклоннику.—Мы смотрѣли на м-ра Лейдгата, какъ на нашего ангела-хранителя, во время болѣзни брата.

М-ръ Нэдъ нервически засмѣялся, между тѣмъ какъ Лейдгата потянулъ къ себѣ кипсакъ, развернулъ его и, презрительно вздернувъ подбородокъ, тихо, но насмѣшливо захохоталъ.

— Чему вы смѣетесь такъ неуважительно? спросила Розамунда съ видомъ вротваго равнодушія.

— Я не могу разрѣшить, что здѣсь глупѣе—гравюры или текстъ, отвѣчалъ Лейдгата, быстро перелистывая книгу и сразу понявъ ея содержаніе. (Розамунда нашла, что онъ имѣетъ полное право щеголять своими бѣлыми, большими руками). Посмотрите хоть на этого жениха, выходящаго изъ церкви, продолжалъ Лейдгата,—ну, гдѣ можно встрѣтить такую сахарную куклу? Я полагаю, что даже тупѣйшій изъ лавочниковъ такъ глупо не улыбается, а между тѣмъ я готовъ поручиться, что въ этой исторіи онъ описанъ, какъ первый джентльменъ своего края.

— Ахъ, какіе вы строгіе, я васъ боюсь! воскликнула Розамунда, очень прилично сдерживая свой смѣхъ. Несчастный Плаймдэль, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ восхищавшійся именно этой гравюрой, возмущился теперь до глубины души.

— Многія знаменитыя лица участвуютъ въ изданіи этого кипсака, проговорилъ онъ оскорбленнымъ, но робкимъ голосомъ.—Я въ первый разъ въ жизни слышу, чтобы эту книгу называли глупой.

— Кончится тѣмъ, что я съ вами поссорюсь и прозову васъ вандаломъ, сказала Розамунда, смотря съ улыбкой на Лейдгата.—Я подозреваю, что вы понятія не имѣете о леди Блессингтонъ и леди Е. Л.

Хотя Розамунда сама имѣла склонность къ такого рода авторамъ, однако она никогда не компрометировала себя въпрямьніемъ своего восторга къ нимъ. У нея было какое-то чутье, при помощи котораго она, по легкому намеку Лейдгата, угадывала, что извѣстно и что нѣтъ.

— Но сэръ Вальтеръ-Скоттъ, напримѣръ, я надѣюсь, что м-ръ Лейдгатъ знаетъ его, проговорилъ юный Плаймдэль, ободренный тѣмъ, что нашелъ точку опоры.

— О, я не занимаюсь больше литературой, сказалъ Лейдгатъ, закрывая книгу и отталкивая ее отъ себя. — Я столько перечиталъ въ мои юныя лѣта, что мнѣ хватить этого на всю мою жизнь. Я бывало заучивалъ цѣлыя поэмы Скотта наизусть.

— Желала-бы я знать, когда вы перестали читать? спросила Розамунда; — я могла-бы быть увѣренной, что я знаю что-нибудь такое, чего вы не знаете.

— М-ръ Лейдгатъ можетъ сказать, что этого и не стоило знать, замѣтилъ м-ръ Недъ, съ намѣреніемъ волнуть доктора.

— Напротивъ, возразилъ Лейдгатъ, не выказывая никакого неудовольствія и многозначительно улыбаясь Розамундѣ; — потому только, что объ этомъ я услышалъ-бы отъ миссъ Винци, я сказалъ-бы, что это не мѣшаетъ знать.

Плаймдэль вслѣдъ за тѣмъ отошелъ къ столу, гдѣ играли въ вистъ и мысленно рѣшилъ, что онъ въ первый разъ еще имѣетъ несчастіе встрѣтить такого самоувѣреннаго и непріятнаго господина, какъ Лейдгатъ.

— Какъ вы мало сдержанны! замѣтила Розамунда, внутренно очень довольная исходомъ разговора. — Развѣ вы не видите, что онъ обидѣлся?

— Кто? м-ръ Плаймдэль? Развѣ это его книга? Очень жаль. Я совсѣмъ этого не ожидалъ.

— На васъ сбываются ваши слова, сказанныя въ первое посѣщеніе нашего дома: что вы медвѣдь и что птицы должны сдѣлать васъ ручнымъ.

— Правда. Передъ мной теперь прекрасная птичка; пусть она меня учитъ, чему хочетъ. Кажется, я ее очень охотно слушаю.

Розамундѣ показалось, что она и Лейдгатъ, съ этой минуты,

какъ-будто помолвлены. Что имъ слѣдовало-бы давно быть женихомъ и невѣстой—эта идея крѣпко засѣла у нея въ головѣ, а человекъ, какъ мы знаемъ, постоянно стремится къ осуществленію своей идеи, особенно, когда всѣ нужные матеріалы къ тому находятся подъ рукой. Правда, Лейдгать твердо держался идеи вынужденнаго для него при настоящихъ обстоятельствахъ безбрачія; но въ сущности это была не идея, а отрицательное свойство характера, которое могло измѣниться вслѣдствіе обстоятельствъ; обстоятельства-же были во власти Розамунды, которая зорко и неутомимо слѣдило своими голубыми глазами за всѣмъ, что происходило вокругъ нея, между-тѣмъ, какъ Лейдгать блуждалъ во мракѣ и таялъ бессознательно, какъ леденцовая рыбка.

Вернувшись въ этотъ вечеръ домой, онъ осмотрѣлъ свои стѣпки, чтобы видѣть, какъ происходитъ тамъ осадка разныхъ химическихъ составовъ и затѣмъ, съ обычной точностію, записалъ въ книгу свои дневныя медицинскія замѣтки. Его мечты, въ настоящую минуту, вовсе не касались Розамунды, а относились къ его любимому предмету—отысканію нервичной ткани; кромѣ того его сильно начинала интересовать глухая, но быстро разгарающаяся неприязнь къ нему мѣстныхъ врачей, которая должна была вспыхнуть при открытіи Бюльстродамъ больницы на совершенно новыхъ началахъ.

Лейдгать успокоивалъ себя тѣмъ, что если онъ не успѣлъ еще завоевать себѣ довѣріе нѣкоторыхъ пациентовъ доктора Пикока, то взамѣнъ этого упрочилъ свою репутацію во мнѣніи многихъ другихъ гражданъ, которые прежде не были пациентами доктора Пикока. Его предположенія оправдались нѣсколько дней спустя. Ему посчастливилось встрѣтиться съ Розамундой на дорогѣ въ Ловикъ и сойдти съ лошади, чтобы оберечь ее отъ стада, которое гнали мимо ихъ. Въ эту минуту къ нему подскакалъ верховой лакей съ приглашеніемъ пожаловать въ довольно значительный домъ, гдѣ Пикокъ никогда не лечилъ. Лакей былъ посланъ сэромъ Джемсомъ Читамомъ, а домъ, куда его приглашали, назывался Ловикъ-Маноръ.

ГЛАВА XXVIII.

М-ръ и м-съ Казобонъ, возвратясь изъ своего путешествія, прибыли въ Ловигъ-Маноръ въ серединѣ января. Снѣгъ легкими хлопьями падалъ на землю, когда они подѣхали къ крыльцу дома. На слѣдующее утро Доротея, перейдя изъ уборной въ столъ извѣстный намъ зелено-голубой будуаръ, увидѣла, что черные стволы липъ длинной аллеи передъ домомъ окружены снѣжной пеленой и что ихъ могучія вѣтви, покрытыя инеемъ, рѣзко выдѣляются на сѣромъ, сумрачномъ небѣ. Эта безконечная снѣжная равнина и низко висѣвшія облака представляли весьма безотрадную картину; самая мебель комнаты, куда вошла Доротея, будто полиняла и обветшала послѣ того, какъ она ее видѣла въ послѣдній разъ. Олень на стѣнномъ коврѣ казался какимъ-то привидѣніемъ на грязно-зелено-голубомъ фонѣ; даже книги въ библиотекѣ глядѣли какими-то окаменѣlostями, а не книгами; только яркій огонь въ каминѣ, гдѣ пылали сухіе дубовые сучья, напоминалъ о жизни и страсти, олицетвореніемъ которыхъ явилась фигура Доротеи, вошедшей въ комнату съ красными футлярами въ рукахъ. Въ нихъ лежали камни, купленные для Целии.

Молодая женщина, въ свѣжемъ утреннемъ туалетѣ, дышала жизнію и здоровьемъ; ея великолѣпные волосы, изящно свернутые узломъ, каріе глаза, горѣвшіе, какъ звѣзды, пунцовыя губы и бѣлая шея, сливавшаяся съ пухомъ ея сѣро-голубой шубки— все вмѣстѣ представляло очаровательную картину. Положивъ футляры съ камнями на столъ въ глубокомъ альковѣ окна, Доротея бессознательно накрыла ихъ руками и, взглянувъ въ окно, глубоко задумалась.

М-ръ Казобонъ, который поднялся очень рано, жалуюсь на сильное біеніе сердца, давалъ въ библиотекѣ аудіенцію своему викарному священнику, м-ру Тьюкеру. Целия, въ качествѣ сестры, должна была вскорѣ навѣстить молодыхъ, а Доротеѣ съ мужемъ предстояло втеченіи нѣсколькихъ недѣль дѣлать визиты и принимать посѣтителей; словомъ, впереди Доротею ожидала прежняя, будничная, праздная жизнь, похожая болѣе на сонъ, чѣмъ на

дѣйствительность. Куда дѣвались ея мечты о важности супружескихъ обязанностей? Онѣ какъ-будто поблѣкли вмѣстѣ съ мебелью и замерли вмѣстѣ съ окружающей природой. Гдѣ тотъ свѣтлый путь, по которому она надѣялась слѣдовать объ руку съ мужемъ? Онъ сдѣлался недоступенъ. Ея надежды на упительный мѣръ душевнаго спокойствія были потрясены въ самомъ основаніи и омрачены тяжкимъ предчувствіемъ. Когда-же наступятъ, наконецъ, дни дѣятельности для нея, какъ для жены, готовой на всякое самоотверженіе, чтобы поддержать твердость мужа? Нѣтъ, эти дни никогда не настанутъ, по-крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она объ нихъ мечтала! Но, кто знаетъ? Можетъ быть, ей предстоитъ исполненіе какихъ-нибудь новыхъ обязанностей, которыя оживятъ ее и дадутъ иное направленіе ея супружеской любви?

Снова посмотрѣла она въ окно: свѣтъ покрылъ всю землю и густой туманъ стоялъ въ воздухѣ. Еще сильнѣе почувствовала она теперь, что надъ нею тяготѣлъ подавляющій гнетъ свѣтскаго общества, которое требуетъ, чтобы женщины доставляли все, не спрашивая отъ нея ничего взаимнаго; тяготѣніе той среды, жива въ которой приходится сдерживать свои порывы—стать въ гармонію съ дѣятельностію прочихъ людей, потому-что на эти порывы смотреть, какъ на болѣзненную фантазію;—той среды, гдѣ все сжато въ узкія рамки условныхъ приличій. Весь характеръ ея домашней жизни, съ тѣхъ поръ, какъ она прекратила свои дѣтскія классныя занятія и несносныя упражненія на фортепіано, могъ быть опредѣленъ двумя фразами—ея вопросомъ: „что мнѣ дѣлать?“ и отвѣтомъ мужа: „все что угодно, душа моя“. Бракъ, который долженъ былъ открыть ей путь къ серьезнымъ занятіямъ, не избавилъ ее отъ подавляющей свободы ничего не дѣлать—этой привилегіи женщинъ достаточныхъ; бракъ даже не скрасилъ ея праздную жизнь нѣжными ласками мужа. Вся ея цвѣтущая, пылкая молодость должна быть проведена въ нравственной темницѣ, среди грустной мѣстности, въ угрюмомъ, старинномъ домѣ съ полинялой мебелью, съ привидѣніемъ оленя на стѣнѣ и съ рядами полоковъ, уставленныхъ книгами, которыхъ никто теперь не читалъ.

Въ первую минуту, когда Доротея взглянула въ окно, она почувствовала тяжесть на сердцѣ; но затѣмъ, когда въ ея го-

ловѣ проснулись воспоминанія прошлаго, она отошла отъ окна и стала ходить по комнатѣ. Ей вспомнились мечты и надежды, съ которыми она, три мѣсяца тому назадъ, переступила порогъ этого будуара; ей показалось, что она възываетъ ихъ теперь изъ могилы. Ей показалось, что всѣ эти помыслы и надежды какъ-бы застыли, что самая ея религіозность стала теперь похожа на крикъ въ безпріютной пустынѣ, на борьбу съ кошмаромъ во время сна. Вездѣ и во всемъ вокругъ нея замѣчалось теперь полное отсутствіе жизненности. Она обвела глазами всю эту мертвенную обстановку комнаты и остановилась на миниатюрномъ портретѣ тетки м-ра Казобона, Джуліи, приходившейся бабушкой Вилю, которая, какъ она знала, была очень несчастлива въ своемъ замужествѣ. Передъ Доротеей какъ-бы ожилъ образъ молодой женщины съ тонкими чертами и съ особеннымъ, неувимымъ выраженіемъ упорства въ лицѣ. Родные-ли считали ея бракъ несчастнымъ, или она сама убѣдилась въ своей ошибкѣ и глотала горькія слезы въ тиши ночной? Доротея много испытала съ тѣхъ поръ, когда она въ первый разъ взглянула на этотъ портретъ и теперь чувствовала, что между оригиналомъ и ею есть что-то общее. Всмотриваясь въ изображеніе женщины, понявшей, что такое супружеское горе, Доротеѣ вдругъ показалось, что черты этого изображенія оживляются, губы и подбородокъ дѣлаются шире, все лицо принимаетъ мужской складъ, глаза блестятъ и смотрятъ на нее пристально. Доротея покраснѣла отъ удовольствія, невольно улыбнулась и, отвернувшись отъ портрета, опустилась на стулъ, глядя въ даль и, точно разговаривая съ кѣмъ-то; мало-по-малу улыбка исчезла съ ея губъ и она воскликнула:

— Какъ жестоки ваши слова! Зачѣмъ вы мнѣ это сказали? Ужасно!..

Она быстро вскочила съ мѣста и побѣжала изъ комнаты по коридору, съ neodолжимымъ желаніемъ увидѣть мужа и спросить, не можетъ-ли она сдѣлать что-нибудь для него? М-ръ Тюкеръ, вѣроятно, уже ушелъ и Казобонъ сидитъ одинъ въ библиотекѣ. Доротеѣ казалось, что ея сомнѣнія разсѣются въ одну минуту, если мужъ выкажетъ радость при ея появленіи.

Подойдя къ темной дубовой лѣстницѣ, ведущей въ сѣни, она увидѣла бѣжавшую вверхъ Целію, а сзади ея м-ра Брука, ко-

гордый здоровался съ м-ромъ Казобонемъ. Доротея приняла сестру въ свои объятія, а та вскрикнула: „Додо“! и бросилась ее цѣловать. Обѣ онѣ поплакали украдкой, затѣмъ Доротея сбѣжала внизъ, чтобы поздороваться съ дядей.

— Мнѣ не нужно тебя спрашивать, душа моя, какъ ты живаешь, сказала м-ръ Брукъ, цѣлуя племянницу въ лобъ; — я вижу, тебѣ въ Римѣ хорошо жилось... Счастье... фрезки... антики... и все такое... Очень радъ, что вы вернулись. Воображаю, какіе вы теперь оба знатоки въ искусствахъ. А? Только Казобонъ что-то блѣденъ; я ужъ говорилъ ему объ этомъ... Блѣденъ онъ что-то, понимаешь?.. Видно, онъ ужъ слишкомъ заработался тамъ. Въ былыя времена и со мной тоже случилось: — м-ръ Брукъ держалъ Доротею за руку и смотрѣлъ на Казобона: — я описывалъ мѣстности, развалины, храмы, думалъ составить полезное руководство, но вскорѣ убѣдился, что это можетъ завести меня слишкомъ далеко и что изъ этого ничего не выйдетъ. Вотъ и съ вашимъ трудомъ можетъ случиться тоже самое, понимаете?

Доротея тревожно посмотрѣла на своего мужа и подумала, что, вѣроятно, въ немъ есть какая-нибудь рѣзкая перемена, если люди, давно не видавшіе его, толкуютъ о блѣдности и нездоровьи.

— Ты, душа моя, не безпокойся, продолжалъ м-ръ Брукъ, замѣтивъ выраженіе лица Доротеи; — давай мужу побольше хорошей говядины и баранины, и онъ тотчасъ-же поправится. Ему слѣдовало быть блѣднымъ, когда съ него писали Фому Аквитанскаго, понимаешь? Вѣдь вы насъ увѣдомляли объ этомъ. Фома Аквитанскій писалъ ужъ черезъ-чуръ замысловато, врядъ-ли кто его и читаетъ.

— Онъ, дѣйствительно, авторъ, недоступный для поверхностныхъ умовъ, возразилъ съ достоинствомъ м-ръ Казобонъ на такое неумѣстное замѣчаніе.

— Дядя, вы прикажете подать кофе въ вашу комнату? спросила Доротея, поспѣшивъ прервать этотъ разговоръ.

— Да, мой другъ, а ты ступай въ Цели; она сообщитъ тебѣ важную новость, понимаешь? Предоставляю ей рассказать все самой.

Зелено-голубой будуаръ принялъ совершенно другой характеръ,

когда Целія, въ такой-же шубкѣ, какъ и сестра, усѣлась возлѣ каминна и принялась съ видимымъ удовольствіемъ разсматривать камни, разговаривая совсѣмъ о другихъ предметахъ.

— А что, пріятно съѣздить въ Римъ тотчасъ послѣ свадьбы? спросила Целія, причемъ щеки ея по обыкновенію вспыхнули. Доротея давно уже знала привычку сестры краснѣть при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Ничего нѣтъ пріятнаго... то-есть, тебѣ, душа моя, это не понравилось-бы, отвѣчала очень спокойно Доротея. (Никому въ мірѣ не рѣшилась-бы она повѣдать, что она думала о своемъ брачномъ путешествіи въ Римъ).

— М-съ Кадваладеръ говоритъ, что это ужасная глупость пускаться въ дальнее путешествіе тотчасъ послѣ свадьбы; она увѣряетъ, будто можно до-смерти надѣсть другъ другу, а ссориться съ комфортомъ неубодно, потому-что не дома. Вотъ леди Читамъ, та ѣздила въ Бать.

Пока Целія говорила, на ея лицѣ то вспыхивалъ, то пропадалъ румянецъ.

Какъ посланникъ рѣзвый сердца,
Онъ выдаетъ тайну его любви.

Другими словами, Целія на этотъ разъ краснѣла болѣе обыкновеннаго.

— Целія! не случилось-ли чего? спросила Доротея, съ выраженіемъ особенной нѣжности. — Нѣтъ-ли у тебя, въ самомъ дѣлѣ, какойнибудь новости, которую-бы ты желала сообщить мнѣ?

— Это все потому случилось, что ты уѣхала, Додо. Сэру Джемсу не съ кѣмъ было разговаривать, кромѣ меня, отвѣчала Целія, лукаво поглядывая на сестру.

— А! понимаю! Исполнилось то, на что я надѣялась и на что рассчитывала, произнесла Доротея, взявъ лицо Целіи обѣими руками и всматриваясь въ него съ невольной тревогой. Вопросъ о бракѣ сестры казался ей въ эту минуту гораздо серьезнѣе, чѣмъ прежде.

— Это случилось только три дня тому назадъ, сказала Целія.—Леди Читамъ такъ добра ко мнѣ.

— А ты очень счастлива?

— Очень! Мы еще не сейчасъ женимся; нужно многое при-

готовить. Притомъ мнѣ самой не хочется спѣшить свадьбой. Такъ весело быть невѣстой! Вѣнчаніе-же соединитъ насъ на всю жизнь.

— Лучшей партіи тебѣ и желать нельзя, Кисанька. Сэръ Джемсъ добрый, честный человѣкъ, замѣтила Доротей съ жаромъ.

— Онъ, Додо, все продолжаетъ строить котѣджи. Онъ тебѣ объ нихъ все самъ расскажетъ, когда пріѣдетъ. Ты будешь рада его увидѣть?

— Еще-бы! Какъ ты можешь объ этомъ спрашивать!

— Я очень боялась, чтобы ты не сдѣлалась слишкомъ ученой, заключила Целія, считавшая, повидимому, ученость м-ра Казобона чѣмъ-то въ родѣ плесени, которая должна была непременно распространиться на всѣхъ тѣхъ, кто находится съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ.

ГЛАВА XXIX.

Однажды утромъ, нѣсколько недѣль спустя по пріѣздѣ въ Ловикъ, Доротей... Но почему-жъ все одна Доротей? Развѣ насъ долженъ интересовать только ея взглядъ на супружество? Я положительно протестую противъ общей нашей привычки обращать преимущественное вниманіе на однихъ молодыхъ героевъ и героинь романа, которые до конца книги остаются столь-же цвѣтушими, какъ и въ началѣ, не смотря на перенесенные ими удары судьбы. Но вѣдь настанетъ-же время, что и они поблекнутъ и отцвѣтутъ. По моему, м-ръ Казобонъ, вѣчно-моргавшіе глаза и бѣлыя бородавки котораго возбуждали такое отвращеніе въ Целіи;—м-ръ Казобонъ, не одаренный гибкостью мускуловъ и лишенный граціи, чѣмъ такъ оскорблялось изящное чувство сэра Джемса—имѣетъ точно такое-же право на наше вниманіе, какъ и его жена. Въ его женитбѣ не было ничего исключительнаго. Онъ соблюлъ освященный общественнымъ закономъ обрядъ, требующій, между прочимъ, поднесеній новобрачнымъ гирляндъ и букетовъ. Задумавъ разстаться съ холостой жизнью, Казобонъ

разсудилъ, что каждый человекъ, съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, долженъ выбирать себѣ цвѣтущую молодостью и красотой жену; чѣмъ моложе будетъ избранная имъ леди, тѣмъ лучше, потому-что ее легче въ такомъ случаѣ воспитать и подчинить себѣ. Она должна быть непременно равнаго съ нимъ происхожденія, должна отличаться религіозными правилами, различными добродѣтелями и способностію понимать вещи, какъ слѣдуетъ. Выбравъ себѣ такую жену, м-ръ Казобонъ намѣревался какъ можно лучше обезпечить ее и ничего не щадить для ея счастья; взаимно того, онъ надѣялся вкусить черезъ нее семейныя радости, а главное, имѣть отъ нея дѣтей — живую копию самого себя. Поэты ХVI столѣтія находили послѣднее условіе необходимымъ для полного счастья мужчины. Конечно, съ тѣхъ поръ времена перемѣнились и ни одинъ изъ насъ не посѣтуетъ на м-ра Казобона, если онъ не оставитъ копии съ самого себя, тѣмъ не менѣе, онъ, съ своей стороны, считалъ долгомъ выполнить свое назначеніе и чувствуя, что года идутъ, что жизнь теряетъ для него прежнюю прелесть, и что онъ все болѣе и болѣе чувствуетъ свое одиночество, онъ рѣшился не терять времени и вкусить семейныя радости, пока не прошла для нихъ пора.

Встрѣтивъ Доротею, онъ вообразилъ, что нашелъ то, чего искалъ; что такая жена избавитъ его отъ необходимости нанимать секретаря, — должность, которую при немъ никто еще не занималъ, такъ-какъ м-ръ Казобонъ пуше всего на свѣтѣ боялся обнаружить слабныя стороны своего ума предъ постороннимъ человекомъ. Но теперь Провидѣніе, по своему милосердію, послало ему именно такую жену, въ какой онъ нуждался. Скромная молодая леди, не честолюбивая, смышленая оцѣнить его достоинства, конечно, будетъ вѣрить въ непогрѣшимость ума своего мужа. Неизвѣстно, былъ-ли увѣренъ м-ръ Казобонъ въ томъ, что Провидѣніе, предназначивъ его въ супруги миссъ Брукъ, заботилось также и объ ея благѣ, а общество не имѣло права предложить ему вопроса: такъ-ли безпристрастно онъ взвѣсилъ свои собственныя качества, необходимыя для счастья прекрасной молодой дѣвушки, какъ онъ взвѣсилъ ея достоинства, думая о своемъ счастьи. Притомъ нельзя требовать, чтобы человекъ отвѣчалъ какъ за свой выборъ жены, такъ и за ея вы-

боръ мужа, или, наконецъ, чтобы онъ заранѣе старался изукра- сить себя всѣми прелестными свойствами, съ цѣлю передать ихъ своему потомству. Когда Доротея приняла предложеніе м-ра Казобона отъ искренняго сердца, то онъ нашель это очень есте- ственнымъ и началъ твердо вѣрить, что онъ положилъ основаніе своему счастью.

Смолоду м-ръ Казобонъ не зналъ этого чувства. Надо быть большимъ энтузіастомъ, чтобы умѣть наслаждаться жизнью при недостаткѣ физическихъ силъ; Казобонъ-же никогда не пользо- вался крѣпкимъ здоровьемъ, а энтузіастомъ не могъ быть по своей натурѣ. Его слабый организмъ не былъ способенъ и къ страстнымъ порывамъ. Но при всемъ томъ Казобонъ отличался большимъ самообладаніемъ и дѣйствовалъ съ рѣшительностію, когда вопросъ касался его чести. Вообще, онъ старался быть безукоризненнымъ въ своихъ поступкахъ, по крайней мѣрѣ, на- столько, насколько требуетъ законъ; онъ стремился къ тому, чтобы общественное мнѣніе признавало его непогрѣшимымъ; онъ велъ такую жизнь, что имѣлъ полное право считать, что до- стигъ этой цѣли; трудность достиженія подобной-же непогрѣши- мости въ трудѣ почти цѣлой его жизни, въ „Ключѣ къ мифо- логіи,“ — камнемъ лежала на его душѣ. Приемъ въ публикѣ его „памфлетовъ“ или „Pageга“, какъ онъ ихъ называлъ, посред- ствомъ которыхъ онъ желалъ вывѣдать ея мнѣніе о своемъ тру- дѣ, помѣщая въ нихъ небольшіе изъ него отрывки, далеко не оправдали его ожиданій. Онъ подозрѣвалъ, что архидіаконъ совсѣмъ ихъ не читалъ; сильно сомнѣвался, заглянули-ли въ нихъ передовые люди изъ сословія ученыхъ и, наконецъ, при- шель къ горькому убѣжденію, что его старый знакомый Карпъ былъ авторомъ оскорбительной для него рецензіи, которую м-ръ Казобонъ хранилъ подъ замкомъ въ одномъ изъ ящиковъ сво- его письменнаго стола, а также въ самомъ потайномъ уголкѣ своей памяти. Трудно было ему переносить столь тяжелыя впе- чатлѣнія, поэтому не мудрено, что имъ овладѣла мрачная ме- ланхолія, — естественное послѣдствіе неумѣренныхъ притязаній. Даже его религиозныя убѣжденія отчасти поколебались вслѣдъ за поколебавшейся вѣрой въ свое творчество. Что до меня ка- сается, то я отъ души жалѣю м-ра Казобона. Не сладка доля челоувѣка, получившаго высшее образованіе и лишеннаго возмож-

ности наслаждаться плодами его; — имѣть передъ глазами великое зрѣлище жизни человѣчества и постоянно находиться подъ гнетомъ своего слабого, ничѣмъ неудовлетвореннаго я; не знать, что такое живая мысль, пылъ страсти, энергическая дѣятельность; оставаться вѣчно сухимъ ученымъ безъ вдохновенія, честолюбивымъ и въ то-же время робкимъ — такая доля, можно сказать, невыносима. Полученіе мѣста декана или даже епископа едва-ли измѣнило-бы нравственное настроеніе м-ра Казобона.

Къ этому нравственному состоянію, которое установилось у него уже четверть столѣтія назадъ и превратило его въ педанта, м-ръ Казобонъ вздумалъ присоединить любовь къ прекрасной молодой женщинѣ. Но, какъ мы знаемъ уже, м-ръ Казобонъ, еще въ качествѣ жениха, пришелъ къ тому заключенію, что ожидаемое имъ впереди счастье далеко не вполне осуществится для него, и старая привычка къ одинокой жизни потянула было его назадъ. Чѣмъ глубже онъ вникалъ въ характеръ своей супружеской домашней жизни, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости примириться съ нею въ томъ видѣ, какъ она есть и не требовать отъ нея ничего лишняго. Казалось, что сама судьба предназначила, чтобы его супружескія отношенія, подобно его священническимъ обязанностямъ и авторскимъ трудамъ, превратились въ одинъ наружный обрядъ, и Эдуардъ Казобонъ далъ себѣ слово безукоризненно выполнять его. Допущеніе Доротей къ участию въ его трудахъ сдѣлалось для него впоследствии такъ тягостно, что онъ порывался не разъ измѣнить такой порядокъ, но не рѣшался это исполнить, видя ея настойчивость въ желаніи быть ему полезной. Съ первыхъ-же дней по пріѣздѣ въ Ловикъ, Доротей условилась съ мужемъ, что она будетъ приходить рано утромъ въ бібліотеку читать ему вслухъ или переписывать, что онъ прикажетъ. М-ръ Казобонъ былъ сильно занятъ въ послѣднее время составленіемъ новой брошюры, заключавшей въ себѣ чью-то монографію, съ указаніями на древнія египетскія таинства. Брошюра эта имѣла назначеніемъ обнаружить и исправить нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія на этотъ счетъ ученаго Уэрбѣртона. Эта небольшая брошюра, ничтожная по сравненію съ огромнымъ его „Блючомъ“, при кропотливости Казобона, заняла очень много времени и стоила ему большихъ усилій. Въ особенности много онъ потрудил-

ся надъ предисловіемъ, посвященнымъ, какъ надо было полагать, исключительно коварному пріятелю Карпу, что можно было, впрочемъ, заключить только изъ того, что здѣсь рѣчь шла о рыбѣ карпѣ.

Составленіе этой монографіи заняло все время м-ра Казобона и онъ почти не выходилъ изъ библіотеки.

Однажды утромъ Доротейя пришла къ нему туда, вскорѣ послѣ того, какъ онъ окончилъ тамъ безъ нея свой завтракъ. Целія въ это время гостила во второй разъ въ Ловикѣ, незадолго передъ своей свадьбой и сидѣла въ гостиной въ ожиданіи сэра Джемса.

Доротейя такъ привыкла узнавать расположеніе духа своего мужа по выраженію его лица, что войдя въ комнату, тотчасъ догадалась, что онъ дуется на нее. Она молча подошла къ своему письменному столу.

— Доротейя, вотъ письмо къ вамъ; оно было вложено въ конвертъ, адресованный на мое имя, произнесъ м-ръ Казобонъ тѣмъ сухимъ тономъ, который обыкновенно слышался въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о предметѣ для него неприятномъ.

Письмо было написано на двухъ страницахъ; она быстро взглянула на подпись.

— Отъ Владислава! воскликнула она весело. — О чемъ онъ можетъ писать ко мнѣ? Къ вамъ, прибавила она, взглянувъ на мужа, — другое дѣло; я даже угадываю, что онъ къ вамъ пишетъ.

— Прочтите, если угодно, сказалъ м-ръ Казобонъ, съ строгимъ видомъ, указывая на письмо концомъ пера и не глядя на жену. — Но я долженъ васъ предупредить, что я отклоню предложеніе Вили пріѣхать погостить къ намъ. Надѣюсь, что съ моей стороны извинительно желать, хоть не надолго, полной свободы послѣ той разсѣянной жизни, которую мы по необходимости вели въ послѣднее время. Мнѣ особенно неприятны тѣ гости, излишняя живость которыхъ утомляетъ меня.

Между Доротеей и ея мужемъ не было ни одного столкновенія послѣ маленькаго супружескаго взрыва въ Римѣ, который оставилъ въ ней такое сильное впечатлѣніе, что она съ тѣхъ поръ старалась укрощать въ себѣ всѣ порывы раздраженія, лишь-бы только не давать повода къ повторенію бывшей сцены.

Но сдѣланное сердитымъ тономъ предупрежденіе, чтобы она не ждала къ себѣ гостей, которые не нравились ему; этотъ несправедливый и эгоистическій упрекъ въ нарушеніи его свободы—слишкомъ глубоко уязвилъ Доротеею и она не въ состояніи была сохранить хладнокровіе. Она могла-бы перенести терпѣливо такую выходку со стороны Мильтона, если-бы только онъ былъ способенъ на что-нибудь подобное; но Казобонъ въ эту минуту показался ей непростительно недальновиднымъ и возмутительно несправедливымъ. Она не чувствовала къ нему ни малѣйшаго состраданія; въ взволнованномъ голосѣ ея послышались такіа ноты, что м-ръ Казобонъ невольно вздрогнулъ и, поднявъ голову, встрѣтилъ ея блестящій отъ гнѣва взглядъ.

— Зачѣмъ вы приписываете мнѣ такіа желанія, которыя вамъ непріятны? Вы говорите со мной, какъ съ своимъ врагомъ! Погодите, по крайней мѣрѣ, пока я въ самомъ дѣлѣ привыкну отдѣлять свои желанія отъ вашихъ!

— Доротея, вы слишкомъ торопливы на заключенія, отвѣчала раздраженно м-ръ Казобонъ. „Рѣшительно, эта женщина еще недостаточно созрѣла для того, чтобы занимать важный постъ жены; ее нужно приучить къ покорности“, мелькнуло въ головѣ его.

— Я нахожу, что вы сами были слишкомъ торопливы, сдѣлавъ ложныя заключенія о моихъ чувствахъ, возразила Доротея въ томъ-же тонѣ. Буря еще не улеглась въ ея душѣ и она считала неблагороднымъ со стороны мужа, что онъ не извиняется передъ нею.

— Я васъ попрошу не касаться болѣе этого предмета, Доротея; у меня нѣтъ ни времени, ни силъ вступать въ такого рода пренія.

Съ этими словами м-ръ Казобонъ обмакнулъ перо въ чернила и сдѣлалъ видъ, что хочетъ продолжать писать. Но его рука до того дрожала, что онъ не могъ вывести ни одной правильной буквы.

Доротея оставила оба письма не читанными на столѣ мужа и съ сдержаннымъ негодованіемъ сѣла на свое обычное мѣсто. Она никакъ не могла понять тайной причины, заставившей ея мужа разсердиться по поводу писемъ, и сознавала только одно—что она оскорблена. Она преспокойно принялась за работу; рука ея

нисколько не дрожала, когда она съ особеннымъ тщаніемъ стала выписывать латинскія цитаты, заданныя ей наканунѣ мужемъ и такъ увлеклась работой, что яснѣе, чѣмъ когда-нибудь понимала теперь смыслъ латинскихъ фразъ.

Полчаса прошли, такимъ образомъ, въ совершенномъ спокойствіи; Доротея не поднимала головы отъ своей работы, какъ вдругъ раздался громкій стукъ отъ упавшей книги. Она быстро обернулась и увидѣла, что м-ръ Казобонъ уцѣпился руками за перила лѣстницы, приставленной къ шкафу съ книгами, съ признаками страданія на лицѣ. Доротея вскочила съ мѣста и въ одно мгновеніе очутилась подлѣ мужа, который видимо задыхался. Вспрыгнувъ на стулъ, она подхватила его подъ руку и съ замирающимъ отъ волненія голосомъ, нѣжно спросила:

— Другъ мой, можете-ли вы опереться на меня?

Прошло двѣ-три минуты ужаснаго молчанія, показавшіяся Доротеѣ вѣчностью. М-ръ Казобонъ стоялъ неподвижно, жадно ловя ртомъ воздухъ. Спустившись съ трудомъ съ лѣстницы, онъ упалъ навзничъ въ широкое, покойное кресло, которое Доротея успѣла подкатить къ шкафу и лишился чувствъ. Доротея позвонила изо всѣхъ силъ и съ помощью нѣсколькихъ человѣкъ, сбѣжавшихся на звонокъ, перенесла мужа на диванъ. М-ръ Казобонъ мало-по-малу началъ приходить въ себя; въ это время въ комнату вошелъ сэръ Джемсъ, только-что пріѣхавшій и узнавшій въ передней отъ дворецкаго, что съ м-ромъ Казобономъ сдѣлался припадокъ въ библіотекѣ.

— Боже мой! этого давно надо было ожидать, подумалъ добрый сэръ Джемсъ.

Онъ спросилъ дворецкаго, послали-ли за докторомъ; тотъ отвѣчалъ, что, сколько ему извѣстно, хозяинъ до сихъ поръ никогда не лечился, но что теперь, по его мнѣнію, не мѣшало-бы послать за докторомъ.

При входѣ сэра Джемса, м-ръ Казобонъ узналъ его и приветствовалъ глазами и слабой улыбкой. Доротея, послѣ первой минуты испуга, бросилась на колѣни подлѣ дивана и горько заплакала. Увидавъ гостя, она вскочила на ноги и просила послать верховаго за какимъ-нибудь докторомъ.

— Пошлите за Лейдгатомъ, сказалъ сэръ Джемсъ, — онъ теперь постоянно лечитъ матушку и она находитъ, что онъ чрез-

вычайно искусень. Послѣ смерти отца она положительно не вѣрила ни одному изъ докторовъ.

Доротей обратилась къ мужу и тотъ кивнулъ ей головой въ знакъ согласія. Такимъ образомъ, за Лейдгатомъ былъ отправленъ грумъ сэра Джемса Читама, знавшій его въ лицо, и Лейдгата явился необыкновенно скоро, такъ-какъ грумъ встрѣтилъ его на ловикской дорогѣ въ то время, когда онъ велъ подъ уздцы лошадей, а подъ руку миссъ Винци.

Целія, сидя въ гостиной, ничего не подозрѣвала, пока не пришелъ къ ней сэръ Джемсъ съ извѣстіемъ о случившемся.

— Судя по словамъ Доротей, говорилъ сэръ Джемсъ, — это не настоящій припадокъ, а что-то въ этомъ родѣ.

— Бѣдная, милая Додо! вѣдь это ужасно! воскликнула Целія, настолько огорченная, насколько позволяло ей собственное счастье. Она всплеснула своими маленькими ручками, а сэръ Джемсъ захватилъ ихъ въ свои большія, широкія руки, какъ захватываетъ чашка цвѣтка неразвернувшіеся лепестки. — Какъ некстати занемогъ м-ръ Базобонъ! По правдѣ сказать, я его никогда не любила; мнѣ даже кажется, что онъ не умѣетъ цѣнить Доротей. А ему слѣдовало-бы носить ее на рукахъ, онъ не долженъ забывать, что никакая другая женщина не выбрала-бы его себѣ въ мужа. Не правда-ли?

— Я всегда находилъ, что ваша сестра приноситъ огромную жертву, выходя за него, замѣтилъ сэръ Джемсъ.

— Да, но вѣдь Додо дѣлала всегда все по своему, не такъ, какъ другіе и никогда не перемѣнится.

— Ваша сестра благородное созданье, сказалъ честный и добрый сэръ Джемсъ, находившійся еще подъ впечатлѣніемъ той минуты, когда онъ увидѣлъ Доротей на колѣняхъ передъ мужемъ, поддерживавшую рукой его голову, съ выраженіемъ глубокаго отчаянія на лицѣ. Онъ не зналъ, сколько раскаянія заключалось въ этой скорби.

— Правда, подтвердила Целія, думая въ то-же время: „хорошо рассказывать это сэру Джемсу, а попробовалъ-бы онъ самъ пожить съ Додо!“ — Какъ вы думаете, продолжала она, — идти мнѣ къ ней? Могу-ли я ей помочь чѣмъ-нибудь?

— Я думаю, что вамъ слѣдуетъ туда сходить, пока не при-

ѣхалъ еще Лейдгать, отвѣчалъ сэръ Джемсъ.—Только не оставайтесь тамъ долго.

Когда Целія ушла, онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, вспоминая, что онъ испыталъ при помолвкѣ Доротей, и въ немъ снова закипѣла досада на м-ра Брука, за его равнодушіе къ судьбѣ племянницы... „Если-бы онъ, Кадвалдеръ, или кто-бы тамъ ни былъ, отнеслись къ этому дѣлу такъ, какъ я въ то время, разсуждалъ самъ съ собою сэръ Джемсъ, — то свадьба не состоялась-бы. Со стороны дяди непростительно допустить неопытную молодую дѣвушку распоряжаться собой по собственному произволу и не употребить никакихъ средствъ, чтобы спасти ее“.

Что касается самого себя, то сэръ Джемсъ давно ужъ пересталъ горевать, что Доротей не досталась ему: сердце его вполне удовлетворилось помолвкой съ Целіей. Онъ былъ настоящій рыцарь по природѣ (древніе рыцари, какъ намъ извѣстно, считали идеаломъ славы безуборизненное служеніе женщинѣ); его отвергнутая любовь не превратилась въ непріязненное чувство, напротивъ, онъ сохранилъ въ прежней свѣжести свои воспоминанія о Доротей. Онъ остался ея другомъ и братомъ, и великодушно оправдывалъ ея образъ дѣйствій.

ГЛАВА XXX.

У м-ра Казобона повторился припадокъ, но съ меньшей силой, чѣмъ въ первый разъ, такъ что спустя нѣсколько дней, онъ сталъ приходить въ свое обычное состояніе. Однако Лейдгать, повидимому, считалъ его болѣзнь заслуживающею особеннаго вниманія; онъ не только выслушивалъ его посредствомъ стетоскопа (способъ, не признававшійся еще необходимою въ медицинской практикѣ того времени), но даже сидѣлъ по цѣлымъ днямъ около больного, слѣдя за нимъ. На вопросъ м-ра Казобона—что за причина его болѣзни? онъ отвѣчалъ, что все зло кроется въ привычкѣ, свойственной всѣмъ ученымъ, а именно, въ излишнемъ напряженіи умственныхъ силъ и въ однообразіи труда..

— Единственное средство противъ вашей болѣзни, говорилъ онъ,—поменьше работать и побольше развлекаться.

М-ръ Брукъ, присутствовавшій однажды при такомъ разговорѣ, увѣрялъ, что м-ръ Казобонъ долженъ заниматься ужениемъ рыбы, какъ Кадваладеръ, и завести себѣ токарный станокъ, чтобы точить игрушки, ножки къ столамъ и разныя другія мелкія вещи.

— Короче сказать, вы совѣтуете мнѣ впасть прежде времени въ дѣтство, замѣтилъ бѣдный м-ръ Казобонъ съ горечью.—Такого рода занятія, продолжалъ онъ, смотря на Лейдгата,—служили-бы для меня точно такимъ-же развлеченіемъ, какъ трепанье пазлы для преступниковъ исправительнаго дома.

— Признаюсь, сказалъ улыбаясь Лейдгатъ, — предписывать больному развлеченія все равно, что совѣтывать ему стараться быть всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Мнѣ слѣдовало-бы лучше посовѣтывать вамъ не очень много трудиться и кротко переносить, когда другимъ вздумается васъ развлекать.

— Да, да, виѣшался м-ръ Брукъ,—велите-ка Доротеѣ играть съ вами въ трикъ-тракъ по вечерамъ, или хоть въ воланъ... По моему, нѣтъ лучше игры, какъ воланъ... Въ мое время онъ былъ въ большой модѣ. Можетъ быть, это будетъ трудно для вашихъ глазъ, Казобонъ? Въ такомъ случаѣ почаще отдыхайте. Или займитесь какой-нибудь легкой наукой—конхологіей ¹⁾, на примѣръ... Я полагаю, что это должно быть очень легкая наука... Или, наконецъ, заставьте Доротею читать вамъ вслухъ легкія вещи—Смолетта „Roderick Random,“ или „Humphrey Clinker“... правда, они немножко скромнаго содержанія... но она вѣдь теперь замужемъ, можетъ все читать, понимаете? Я помню, какъ я бывало хохоталъ до упаду надъ этими книгами! Тамъ есть преуморительная сцена съ панталонами почталыона... Да, у теперешнихъ авторовъ уже нѣтъ такого юмору! Я перечиталъ всю эту литературу, но для васъ вѣдь она будетъ новостью.

— Это такая-же питательная пища, какъ репейникъ вмѣсто хлѣба, готовъ былъ отвѣтить м-ръ Казобонъ, но изъ уваженія къ дядѣ своей жены промолчалъ и, наклонивъ голову въ знакъ

¹⁾ Наука о раковинахъ.

согласія, замѣтилъ нѣсколько минутъ спустя, что такого рода книги могутъ удовлетворить только извѣстнаго рода умы.

— Видите-ли что, сказалъ проникательный судья Лейдгату, когда они оба вышли изъ комнаты больного, — Казобонъ въ послѣднее время слишкомъ усидчиво работалъ, и для него большое лишеніе, что вы запретили ему исключительно заниматься своимъ сочиненіемъ. Онъ пишетъ что-то чрезвычайно ученое... по части розысканія древностей, понимаете? Я не могъ-бы слѣдовать его примѣру... я былъ всегда непостояненъ въ занятіяхъ. Но вѣдь священники—дѣло другое, они болѣе стѣснены, чѣмъ мы... Не мѣшало-бы, если-бы Казобона сдѣлали теперь епископомъ... онъ написалъ отличный памфлетъ за Пиля... Это мѣсто заставило-бы его вести болѣе подвижную жизнь, чаще являться въ публикѣ... онъ отъ этой перемѣны пополнѣлъ-бы даже, я думаю. Совѣтую вамъ переговорить объ этомъ съ м-съ Казобонъ; она преловкая на всѣ эти дѣла, моя племянница... Скажите, что ея мужу необходимы развлеченія, удовольствія... Наведите ее на эту мысль...

Лейдгаты и безъ совѣта м-ра Врука имѣлъ намѣреніе переговорить съ Доротеей. Ея не было въ комнатѣ въ то время, когда дядя предлагалъ м-ру Казобону придуманные имъ способы разнообразить жизнь въ Ловикѣ; но кромѣ этого раза, она постоянно находилась при больномъ во время посѣщенія его докторомъ. Въ ея непритворно озабоченномъ лицѣ и взволнованномъ голосѣ, когда она говорила о болѣзни мужа, Лейдгаты угадывалъ какую-то драму и, весьма натурально, желалъ разгадать ее. Онъ былъ убѣжденъ, что обязанъ высказать ей всю правду на счетъ исхода болѣзни м-ра Казобона и не только по этому одному, но его вообще чрезвычайно интересовало предстоявшее конфиденціальное объясненіе съ Доротеей. Врачи, зарѣдкими исключеніями, большіе охотники до психическихъ наблюденій; они иногда такъ увлекаются ими, что дѣлаютъ ошибочныя предсказанія о состояніи больного, нерѣдко разбиваемыя въ прахъ дѣйствительностію. Въ былыя времена Лейдгаты часто подтрунивалъ надъ подобной слабостію врачей и далъ себѣ слово не впадать никогда въ тѣ-же ошибки. Узнавъ, что м-съ Казобонъ ушла гулять, онъ собрался уѣхать домой, какъ вдругъ обѣ сестры явились, разрумяненныя отъ свѣжаго мартовскаго

воздуха. Когда Лейдгаты попросилъ Доротеею поговорить съ нимъ наединѣ, она отворила дверь въ библіотеку, какъ въ ближайшую комнату, занятая единственно мыслию о томъ, что она отъ него услышитъ. Со времени болѣзни мужа она не входила въ эту комнату, ставни которой, по небрежности прислуги, не раскрывались и свѣтъ проникалъ только чрезъ верхнія части рамъ.

— Вы извините, если мы останемся съ вами въ полумракѣ, сказала Доротеея, остановясь посреди комнаты.— Съ тѣхъ-поръ, какъ вы запретили моему мужу читать, библіотека не отпиралась; но я надѣюсь, что м-ръ Казобонъ вскорѣ по прежнему станетъ заниматься здѣсь. Онъ видимо поправляется.

— Да, онъ поправляется гораздо быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ; по моему, онъ теперь почти совсѣмъ здоровъ.

— Не грозитъ-ли ему опасность снова занемочь? спросила Доротеея, чуткій слухъ который уловилъ въ голосѣ Лейдгата особенный оттѣнокъ.

— Характеръ такого рода болѣзней опредѣлить чрезвычайно трудно, отвѣчалъ Лейдгаты;—единственное условіе спасенія, на которое я рассчитываю, заключается въ томъ, чтобы предохранить м-ра Казобона отъ всякихъ нервныхъ потрясеній.

— Бога ради, говорите яснѣе! произнесла Доротеея умоляющимъ голосомъ.—Для меня невыносима мысль, что вы что-то скрываете меня; а не зная всего, я не въ состояніи буду дѣйствовать какъ слѣдуетъ.

Слова эти вырвались у нея какъ вопль души, потрясенной недавнимъ горемъ.

— Сядьте, пожалуйста, продолжала она, опускаясь въ ближайшее кресло и срывая съ головы шляпку, а съ рукъ перчатки; въ ту минуту, когда рѣшался вопросъ о судьбѣ ея мужа, не время было думать о соблюденіи свѣтскихъ приличій.

— Ваше требованіе совершенно согласно съ моимъ личнымъ убѣжденіемъ на этотъ счетъ; но на каждомъ врачѣ лежитъ обязанность ограждать до послѣдней возможности спокойствіе людей, близкихъ больному. Я обращаю ваше вниманіе на то обстоятельство, что болѣзнь м-ра Казобона такого рода, что вѣрный исходъ ея опредѣлить чрезвычайно трудно. Очень можетъ быть, что онъ проживетъ пятнадцать лѣтъ и даже болѣе, находясь

въ томъ полуболѣзненномъ состояніи, въ какомъ онъ находится теперь...

Доротей странно поблѣдѣла, и когда Лейдгать остановился, произнесла чуть слышно:

— Вы хотите сказать, если мы сбережемъ его?..

— Да, если вы устраните отъ него всевозможныя нравственныя потрясенія и не допустите его до усиленныхъ занятій.

— Для него будетъ истинное несчастье, если вы не разрешите ему продолжать его сочиненіе, сказала Доротей, зная заранее, какъ это подѣйствуетъ на ея мужа.

— Я самъ это понимаю, и однако вамъ слѣдуетъ употребить все мѣры, чтобы сокращать и разнообразить его занятія. При благопріятныхъ условіяхъ, болѣзнь сердца, которая, какъ я полагаю, явилась послѣдствіемъ послѣдняго припадка, не грозитъ мгновенной смертью; но, съ другой стороны, это такого рода недугъ, при которомъ смерть иногда внезапно поражаетъ больного. Поэтому не слѣдуетъ пренебрегать никакими мѣрами, которыя могутъ предотвратить опасность.

Они оба замолчали на нѣсколько минутъ. Доротей сидѣла неподвижно, какъ мраморная; между тѣмъ, никогда голова ея не работала такъ сильно, какъ въ это время; ея воображеніе рисовало цѣлый рядъ сценъ.

— Помогите мнѣ, пожалуйста, произнесла она, наконецъ, тѣмъ же тихимъ голосомъ, какъ и прежде:— научите, что мнѣ дѣлать?

— Какото вы мнѣнія о небольшомъ заграничномъ путешествіи? Вы, вѣжета, были недавно въ Римѣ?

Доротей невольно вздрогнула отъ нахлынувшихъ на нее при этомъ вопросѣ воспоминаній, и полная увѣренности, что такое средство всего менѣе можетъ принести пользы ея мужу, съ живостію воскликнула:

— О, нѣтъ! путешествіе не годится! Оно даже повредитъ ему,—и слезы хлынули у нея ручьемъ.—Ему не можетъ быть полезно то, что ему не нравится.

— Мнѣ жаль, что я поневолѣ васъ огорчилъ, сказала Лейдгать, глубоко тронутый слезами Доротей. Онъ не могъ надѣяться, какъ она рѣшилась выдти за Вазобона; онъ въ первый разъ въ жизни встрѣтилъ такую женщину, какъ Доротей.

— Хорошо, что вы отъ меня ничего не скрыли, проговорила она;—благодарю васъ, что вы мнѣ сказали всю правду.

— Считаю нужнымъ предупредить васъ, чтобы вы ничего не передавали мужу о нашемъ разговорѣ, замѣтилъ Лейдгать.—Ему слѣдуетъ знать только двѣ вещи: что онъ не долженъ утомлять себя работой и обязанъ соблюдать извѣстныя правила гигиены. Пугать его, какишъ-бы то ни было образомъ, весьма опасно.

Лейдгать поднялся съ своего мѣста; Доротей машинально послѣдовала его примѣру и въ то-же время отстегнула застѣжку своего плаща и бросила его въ сторону, точно онъ душилъ ее. Докторъ поклонился ей и готовъ ужъ былъ выйти изъ комнаты, но, услышавъ громкое рыданіе, вырвавшееся у Доротей, остановился.

— Послушайте, сказала она,—вы умный человѣкъ, въ вашихъ рукахъ жизнь и смерть человѣка... Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? Вѣдь онъ всю жизнь свою трудился для одной цѣли... онъ только и думалъ объ одномъ... а я думаю только...

Прошли годы, а Лейдгать все еще помнилъ впечатлѣніе, произведенное на него голосомъ Доротей, въ эту минуту; но онъ ничего не могъ ей сказать кромѣ того, что завтра утромъ прійдетъ провѣдать м-ра Казобона.

Когда онъ уѣхалъ, Доротей наплакалась въ волю и слезы облегчили ея стѣсненное сердце; но, вспомнивъ, что ей не слѣдуетъ выказывать передъ мужемъ своего горя, она отерла глаза и, осмотрѣвшись кругомъ, подумала, что не мѣшало-бы приказать слугѣ прибрать библіотеку, на случай, если-бы м-ру Казобону вздумалось сюда придти. На письменномъ столѣ мужа лежали нераспечатанныя письма, полученныя въ то утро, когда онъ сдѣлался боленъ и въ томъ числѣ два письма Владислава: одно распечатанное, другое нераспечатанное на ея имя. Видъ этихъ писемъ произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе отъ мысли, что ея вспыльчивость вызвала припадокъ мужа; ей не хотѣлось брать ихъ со стола па томъ основаніи, что она успѣетъ ихъ прочесть и послѣ; но тутъ-же сообразила, что ихъ слѣдуетъ убрать съ глазъ мужа, такъ-какъ главной причиной его волненія было одно изъ нихъ. Она пробѣжала глазами письмо Виля, адресованное на имя м-ра Казобона, для того, чтобы видѣть, нужно или нѣтъ ему отвѣчать, чтобы отклонить его посѣщеніе, столь непріятное ей мужу.

Виль писалъ изъ Рима. Онъ начиналъ съ того, что онъ слишкомъ глубоко чувствуетъ благодаренія къ нему м-ра Казобона и потому считаетъ дерзостію благодарить его словами, изъ чего слѣдовало, что если-бы онъ оказался неблагодарнымъ къ такому великодушному другу, то заслуживалъ-бы названіе тупоумнаго негодая. За тѣмъ Виль говорилъ, что онъ убѣдился въ своихъ недостаткахъ, на которые м-ръ Казобонъ нерѣдко ему указывалъ, и находилъ необходимымъ, для своего исправленія, поближе познакомиться съ нуждой, отъ которой онъ былъ до сихъ поръ избавленъ щедростію своего родственника. Онъ крѣпко надѣялся употребить въ пользу воспитаніе, полученное имъ по милости м-ра Казобона и имѣть возможность обойтись безъ денежныхъ вспомоствованій, на которыя другіе, быть можетъ, имѣютъ болѣе права, чѣмъ онъ. Далѣе онъ писалъ, что намѣревается вернуться въ Англію, чтобы попробовать счастья, подобно многимъ молодымъ людямъ, у которыхъ вмѣсто всякаго капитала здоровыя руки и дѣльная голова. „Пріятель мой, Науманъ, писалъ онъ, поручилъ мнѣ привезти съ собой картину „Диспутъ,“ заказанную вами, которую, если вы и м-съ Казобонъ позволите, я лично доставлю въ Ловикъ. Но если мое посѣщеніе окажется лишнимъ, то прошу васъ прислать мнѣ отвѣтъ втеченіи двухъ недѣль, въ Парижъ, *poste restante*.“ Въ заключеніе Виль писалъ, что прилагаетъ небольшое письмо къ м-съ Казобонъ, содержащее въ себѣ продолженіе преній объ искусствѣ, начатыхъ ими въ Римѣ.

Распечатавъ второе письмо, Доротея убѣдилась, что оно наполнено шутивными предостереженіями противъ ея фанатическихъ увлеченій нѣкоторыми предметами, и совѣтомъ относиться къ нимъ болѣе спокойно, словомъ, оно представляло веселую юношескую болтовню, которую теперь было совѣмъ не время читать. Доротея немедленно стала обдумывать, какъ ей поступить съ первымъ письмомъ. „Можетъ быть еще не поздно, рассуждала она, предупредить Виля, чтобы онъ не ѣздилъ въ Ловикъ.“ Кончилось тѣмъ, что Доротея передала письмо дядѣ, который еще не уѣхалъ и попросила его дать знать Вилю о болѣзни м-ра Казобона и о томъ, что состояніе его здоровья не позволяетъ имъ принимать посѣтителей.

Едва-ли можно было найти въ сосѣдствѣ чловѣка, который-бы

любилъ такъ переписываться, какъ м-ръ Брукъ; его затрудняли только короткія письма и потому въ настоящемъ случаѣ онъ распространился на четырехъ страницахъ большого формата, да сверхъ того, исписалъ кругомъ всѣ поля. На просьбу Доротей онъ отвѣчалъ коротко:

— Изволь, мой другъ, я напишу. Этотъ Владиславъ... пружинный молодой человекъ, я увѣренъ, что онъ пойдетъ далеко... И славно писать... сейчасъ видно, что знаетъ толкъ во всемъ, понимаешь? Я ему непременно все передамъ о Казобонѣ.

Кончикъ пера м-ра Брука должно быть обладалъ свойствомъ разумной машины, потому что изъ него изливались добродушія сентенціи, прежде чѣмъ мозгъ самого м-ра Брука успѣвалъ переварить ихъ. Такъ, напримѣръ, этотъ кончикъ пера выражалъ иногда соболѣзнованіе о какомъ нибудь горѣ, предлагалъ средства противъ какой нибудь болѣзни; все это, послѣ прочтенія написаннаго м-ромъ Брукомъ, оказывалось именно тѣмъ, что онъ хотѣлъ сказать и часто производило такіе результаты, на которые онъ никогда не рассчитывалъ. Теперь его перо выразило искреннее сожалѣніе, что Владиславъ не можетъ попасть въ настоящее время въ ихъ края, чрезъ что м-ръ Брукъ лишень удовольствія познакомиться съ нимъ поближе и вѣстѣ съ нимъ пересмотрѣть заброшенныя картины италіанской школы. Это перо почувствовало такой живой интересъ къ молодому человеку, вступающему въ жизнь съ запасомъ новыхъ идей, что на концѣ второй страницы оно убѣдило м-ра Брука пригласить Владислава—такъ-какъ его не могли принять въ Ловинѣ—пріѣхать въ Типтонъ-Грэнжъ. Почему-жъ нѣтъ? Для нихъ обоихъ найдется много дѣла; теперь наступилъ періодъ необыкновеннаго броженія умовъ, политическій горизонтъ расширяется,—короче сказать, перо м-ра Брука воспроизвело малелькій спичъ, незадолго передъ тѣмъ напечатанный въ плохенькой газетѣ: „Мидльмарчскій Піонеръ“.

Пока м-ръ Брукъ печаталъ письмо, его самолюбіе раздувалось до страшныхъ размѣровъ отъ налива разныхъ туманныхъ проектовъ, толпившихся въ его головѣ: явится молодой человекъ, способный облекать идеи въ живое слово, думалъ онъ: газета „Піонеръ“ начнетъ поупатся на расхватъ, предлагая путь для новаго кандидата; извѣстные документы можно будетъ употребить

съ пользою — кто знаетъ, что изъ этого произойдетъ? Сверхъ того, такъ-какъ свадьба Целіи должна совершиться очень скоро, то не мѣшаетъ заручиться, хоть на время, молодымъ, веселымъ собесѣдникомъ, чтобы не скучать за обѣдомъ.

М-ръ Брукъ уѣхалъ изъ Ловика домой, не сказавъ Доротеѣ о содержаніи своего письма, на томъ основаніи, что она находилась при мужѣ; притомъ, по мнѣнію его, это дѣло не могло имѣть никакой важности въ ея глазахъ.

ГЛАВА XXXI.

Въ тотъ-же вечеръ Лейдгать, разговаривая съ миссъ Винци о м-съ Казобонъ, съ нѣкоторымъ увлеченіемъ распространился о томъ глубокомъ чувствѣ, которое она выказала къ своему мужу — этому скучному педанту, годившемуся ей въ отцы.

— Это правда, она очень предана своему мужу, отвѣтила Розамунда, съ намѣреніемъ употребивъ это слово, такъ-какъ Лейдгать считалъ преданность лучшимъ украшеніемъ женщины, но въ то-же время она подумала, что ничего нѣтъ особенно грустнаго быть хозяйкой въ Ловикъ-Манорѣ, когда владѣлецъ его долженъ скоро умереть.

— Вѣдь она хороша? Неправда-ли? прибавила въ слухъ Розамунда.

— Да, конечно, хороша; но мнѣ было не до ея красоты, сказалъ Лейдгать.

— Правда, это не относится къ вашей профессіи, замѣтила Розамунда, улыбнувшись и выказавъ свои ямки на щекахъ. — Однако, какъ ваша практика увеличивается! Недавно, я слышала, васъ приглашали къ м-съ Читамъ, а теперь къ Казобонамъ.

— Да, отвѣчалъ Лейдгать принужденнымъ тономъ; — по правдѣ сказать, я не такъ охотно лечу этихъ господъ, какъ бѣдныхъ. Види болѣзней, большею частію, одни и тѣже, а возни пропасть, да еще почтительно выслушивай разный вздоръ.

— Развѣ въ Мидльмарчѣ не то-же самое? По крайней мѣрѣ, въ богатыхъ домахъ вы ходите по свѣтлымъ, просторнымъ корридорамъ и чувствуете вездѣ запахъ розъ.

— Совершенно вѣрно, *mademoiselle de Montmorenci*, тихо «Дѣло», № 7.

произнесъ Лейдгаты, опуская голову къ столу и слегка приподнявая пальцемъ тонкій багистовый платокъ, высунувшійся изъ ридикуля Розамунды, какъ-бы съ намѣреніемъ понюхать запахъ ея духовъ; въ то-же время онъ глядѣлъ на нее съ улыбкой.—

Но такое пріятное порханье вокругъ мидльмарчской розы не могло продолжаться безконечно; въ маленькомъ городкѣ нѣтъ никакой возможности безнаказанно проводить съ кѣмънибудь время съ глазу на глазъ; въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно встрѣчаются разныя затрудненія, помѣхи, непріятности, толки и сплетни. Миссъ Винци и безъ того обращала на себя исключительное вниманіе не только своихъ поклонниковъ, но и всего общества, а тутъ какъ нарочно она осталась одна на виду у всѣхъ, потому что ея мать, послѣ нѣкоторой борьбы, рѣшилась уѣхать съ Фредомъ погостить въ Стон-Кортъ. У м-съ Винци была двойная цѣль: во-первыхъ, чтобы угодить старику Фэтерстону, а во-вторыхъ, чтобы поближе наблюдать за Мэри Гартъ, которая, по мѣрѣ выздоровленія Фреда, теряла въ ея глазахъ свою цѣну, какъ будущая неvěстка.

Тетка Бюльстродъ участвовала свои посѣщенія въ Ловикъ-Гетъ, подъ предлогомъ необходимости провѣдывать Розамунду. М-съ Бюльстродъ питала нѣжныя чувства къ своему брату, отцу племянницы, и хотя находила, что онъ могъ-бы сдѣлать лучшую партію, однако была всегда хорошо расположена къ его дѣтямъ. Въ настоящее время, м-съ Бюльстродъ состояла въ самой тѣсной дружбѣ съ м-съ Плаймдэль; у обѣихъ леди было одинаковое влеченіе къ шелковымъ платьямъ, вышитымъ юбкамъ, фарфоровнымъ издѣліямъ и къ духовнымъ лицамъ; онѣ сообщали другъ-другу разнообразныя новости о здоровьѣ и хозяйствѣ; нѣкоторые пункты превосходства со стороны м-съ Бюльстродъ, а именно, болѣе серьезный и рѣшительный характеръ, умѣнье цѣнить умъ и таланты и обладаніе загороднымъ домомъ,—служили иногда поводомъ къ спорамъ между ними, но эти споры не портили ихъ отношеній. Словомъ, это были двѣ благонамѣренныя женщины, дѣйствовавшія всегда на обумъ.

Пріѣхавъ однажды съ утреннимъ визитомъ къ м-съ Плаймдэль, м-съ Бюльстродъ проговорила, что она не можетъ долго у нея оставаться, потому что должна провѣдать *бѣдную* Розамунду.

— Отчего вы называете ее *бѣдной*? спросила м-съ Плайм-

дѣль, — плутоватая, кругло-глазая, маленькая леди, напоминавшая ручного сокола.

— Ахъ она такая хорошенькая, а выросла въ такой суетной жизни. Мать, вы знаете, всегда была легкомысленна, вотъ почему я такъ тревожусь за дѣтей.

— Однако, Гарриэтъ, если вы хотите знать мое мнѣніе, возразила торжественнымъ тономъ м-съ Плаймдэль, — то я вамъ скажу, что въ городѣ говорятъ, будто вы и м-ръ Вьюлстродъ должны быть въ восторгѣ отъ того, что случилось. Вы все сдѣлали, чтобы пустить въ ходъ Лейдгата.

— Селина, что вы хотите этимъ сказать? спросила съ неподдѣльнымъ изумленіемъ м-съ Вьюлстродъ.

— Да то, что я очень рада за Нэда, отвѣтила м-съ Плаймдэль. — Конечно, у него больше средствъ, чѣмъ у другихъ, чтобы содержать прилично такую жену... Но я-бы желала для него совсѣмъ другой партіи... Вы знаете, матери такъ естественно беспокоиться за сына... а нынѣшняя молодежь, испытавъ неудачу въ любви, очень часто увлекается дурными примѣрами... По правдѣ сказать, я не даромъ была всегда противъ пришлецовъ въ нашемъ городѣ.

— Я васъ не понимаю, Селина! возразила м-съ Вьюлстродъ принимая, въ свою очередь, торжественный тонъ. — Мой мужъ самъ былъ здѣсь одно время пришлецомъ... Авраамъ и Моисей были пришлецами въ своей странѣ... Въ самомъ писаніи сказано, что мы должны быть привѣтливы къ чужеземцамъ. А въ особенности, прибавила она помолчавъ, — когда они безукоризненнаго поведенія!

— Я говорила совсѣмъ не въ религіозномъ смыслѣ, Гарриэтъ, я говорила какъ мать.

— Селина, я увѣрена, что вы никогда не слыхали, чтобы я была противъ свадьбы вашего сына съ моею племянницей.

— О! я знаю, всему причиной гордость миссъ Винци, а не чтонибудь другое, замѣтила м-съ Плаймдэль, не очень довѣрившая Гарриэтъ въ этомъ вопросе. — Она считаетъ всѣхъ молодыхъ людей въ Мидльмарчѣ недостойными ея руки. Я сама слышала, какъ ея мать сказала что-то въ этомъ родѣ. По моему, это далеко не христіанское чувство! Но теперь, какъ говорить, она нашла человѣка такого-же гордаго, какъ сама.

— Не хотите-ли вы сказать, что между Розамундой и м-ромъ Лейдгатомъ что-нибудь есть? спросила м-съ Бюльстродъ, сильно смущенная тѣмъ, что ея пріятельница знала болѣе, чѣмъ она.

— Можетъ-ли быть, чтобы вы ничего не слыхали, Гарриэтъ! воскликнула м-съ Шлаймдэль.

— Ничего нѣтъ мудренаго! я выѣзжаю такъ мало, сплетней терпѣть не могу, притомъ мнѣ никто ничего не рассказываетъ. У васъ бываютъ такіе люди, которыхъ я никогда не встрѣчаю... у васъ кругъ знакомства совсѣмъ другой, чѣмъ у меня.

— Положимъ, что такъ, Гарриэтъ,—но вѣдь тутъ дѣло идетъ о вашей родной племянницѣ и о любимцѣ м-ра Бюльстрода,—впрочемъ, онъ и вашъ любимецъ. Одно время я даже думала, что вы прочтете его въ женихи для вашей Кэтъ, когда она подрастетъ.

— Никогда не повѣрю, чтобы тутъ было что-нибудь серьезное, замѣтила м-съ Бюльстродъ;—братъ навѣрное сказалъ-бы мнѣ.

— Конечно, у каждого свой взглядъ на вещи; но по-моему, стоитъ только взглянуть на миссъ Винци и на Лейдгата, когда они вмѣстѣ, чтобы сказать, что это женихъ и невѣста. Мое дѣло, впрочемъ, сторона. Показать вамъ новый узоръ для митенокъ?

Прямо отсюда м-съ Бюльстродъ, съ отягченной разными мыслями головой, поѣхала къ племянницѣ. Хотя она была и очень нарядно одѣта, но изящный костюмъ Розамунды, только-что вернувшейся съ прогулки, былъ еще наряднѣе, и это обстоятельство возбудило въ ней легкую досаду. М-съ Бюльстродъ представляла второе, только сокращенное изданіе своего брата и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла контрастъ съ блѣднымъ, тихо произносившимъ слова своимъ мужемъ. У нея былъ добрый, честный взглядъ и она не любила обиняковъ въ разговорѣ.

— Ты, какъ я вижу, одна, душа моя, произнесла тетка, входя съ Розамундой въ гостиную и осматриваясь важно кругомъ.

Розамунда тотчасъ догадалась, что теткѣ нужно сообщить ей что-то особенное. Онѣ сѣли рядомъ, очень близко другъ къ другу. Мармотка внутри шляпки Розамунды была такъ прелестна, что возбуждала невольное желаніе сдѣлать точно такую-же и для Кэтъ. Разговаривая съ племянницей, м-съ Бюльстродъ

не могла отвести своихъ, еще красивыхъ, глазъ отъ этой мармотки.

— Я сейчасъ слышала объ тебѣ такую вещь, которая меня чрезвычайно удивила, Розамунда, произнесла она, помолчавъ съ минуту.

— А что такое, тетушка?

Глаза Розамунды въ это время блуждали по широкому, вышитому воротничку тетки.

— Я вѣрить этому не хочу... Можетъ-ли быть, чтобы тебя помолвили и я ничего не знала? Чтобы твой отецъ мнѣ этого не сказалъ!

Тутъ м-съ Бюльстродъ пристально посмотрѣла въ глаза племянницѣ; Розамунда вспыхнула до ушей и отвѣтила:

— Я, тетушка, не помолвлена...

— Почему-жъ всё объ этомъ говорятъ? Въ городѣ только о томъ и толкуютъ!

— Я полагаю, что городскіе толки ровно ничего не значать, возразила Розамунда, внутренно очень довольная.

— О, душа моя! надобно держать себя осторожно. Общественнымъ мнѣніемъ пренебрегать не слѣдуетъ. Вспомни, что тебѣ ужъ идетъ двадцать второй годъ, а состоянія у тебя нѣтъ. Твой отецъ, я убѣждена, не будетъ имѣть возможности свопить для тебя что-нибудь. Конечно, м-ръ Лейдгать—человѣкъ очень развитой и умный... я понимаю, что можно увлечься этимъ... я сама люблю разговаривать съ такими мужчинами... твой дядя считаетъ его очень полезнымъ человѣкомъ... но ты должна знать, что профессія врача не можетъ доставить ему большихъ средствъ. Притомъ, намъ слѣдуетъ заботиться не объ одной только земной жизни, а между врачами рѣдко можно встрѣтить человѣка религіознаго; они всё слишкомъ надѣются на свой умъ. Да, наконецъ, душа моя, ты не такъ воспитана, чтобы выйти за бѣднаго человѣка.

— М-ръ Лейдгать не бѣденъ, тетушка. Онъ имѣетъ знакомства въ высшемъ кругу.

— Онъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ бѣденъ!

— Онъ называетъ себя бѣднымъ по сравненію съ людьми своего круга, которые привыкли жить на широкую ногу.

— Милая моя Розамунда! Ужь тебѣ-то не слѣдуетъ разсчитывать жить на широкую ногу.

Розамунда опустила глаза и стала играть своимъ ридикюлемъ. Она не была вспыльчива, не умѣла отвѣчать рѣзко, но и не любила, чтобы вмѣшивались въ ея дѣла.

— Такъ значитъ—это правда? спросила м-съ Бюльстродъ, серьезно взглянувъ на племянницу.—Ты значитъ думаешь о ж-рѣ Лейдгатѣ? Вы между собой все уладили, а отцу ничего не сказали? Розамунда, другъ мой, будь откровенна, скажи, неужели Лейдгатъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

Положеніе Розамунды было въ высшей степени щекотливо; вполне увѣренная въ чувствахъ Лейдгата къ себѣ и въ его намѣреніи предложить ей руку, она сильно досадовала, что не имѣетъ еще права отвѣтить на вопросъ тети: *да!* Ея гордость была задѣта, но умѣнье владѣть собой выручило ее.

— Извините меня, тетушка, сказала она,—я бы не желала говорить объ этомъ предметѣ.

— Я убѣждена, душа моя, что ты не ввѣришь свою судьбу чужому, у котораго нѣтъ опредѣленнаго положенія. Подумай, вѣдь у тебя ужь было два отличныхъ жениха и ты имъ отказала! Одинъ изъ нихъ до сихъ поръ еще въ твоихъ рукахъ и ждетъ только твоего согласія. Я знаю одну замѣчательную красавицу, которая попала, Богъ знаетъ, за кого, оттого только, что была черезъ-чуръ разборчива. По моему, м-ръ Нэдъ Плаймдэдъ отличный молодой человѣкъ — многіе находятъ даже, что онъ недуренъ собой; онъ единственный сынъ, а отецъ его ведетъ обширную торговлю—это лучше, чѣмъ всякая профессія. Конечно, бракъ не долженъ быть главной цѣлью нашей жизни; прежде всего мы обязаны искать царства небеснаго... во всякомъ случаѣ молодой дѣвушкѣ не слѣдуетъ давать волю своему сердцу.

— Какъ-бы то ни было, а я своего сердца м-ру Нэду Плаймдэду не отдамъ. Я ужь разъ отказала ему. Если я кого-нибудь полюблю, то полюблю на всю жизнь, отвѣчала Розамунда, воображая себя въ эту минуту героиней романа и премило играя эту роль.

— Теперь для меня все ясно, душа моя, произнесла м-съ Бюльстродъ меланхолическимъ голосомъ, вставая съ мѣста, чтобы

уйти. — Ты позволила себѣ увлечься человекомъ, который тебя не любитъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, тетушка, порывисто возразила Розамунда.

— Слѣдовательно, ты увѣрена, что м-ръ Лейдгаты питаетъ къ тебѣ серьезное расположеніе?

Щеки Розамунды, какъ на зло, пылали во время этого разговора. Она была задѣта за живое, но сочла за лучшее молчать; вскорѣ тетка уѣхала, убѣжденная, что она не ошиблась въ своихъ преположеніяхъ.

Когда дѣло касалось не важныхъ предметовъ или свѣтскихъ вопросовъ, м-ръ Бюльстродъ поступалъ обыкновенно такъ, какъ ему приказывала жена, а она, не объяснивъ причины, требовала, чтобы мужъ, при первомъ удобномъ случаѣ, въ разговорѣ съ Лейдгатомъ, постарался вывѣдать, имѣеть-ли тотъ намѣреніе жениться въ скоромъ времени. Отвѣтъ Лейдгата былъ вполнѣ отрицательный. М-ръ Бюльстродъ, подвергнутый строгому допросу, объяснилъ женѣ, что Лейдгаты говорилъ съ нимъ тономъ человека, неимѣющаго ни къ кому привязанности на столько сильной, чтобы исходомъ ея могъ быть бракъ. М-съ Бюльстродъ почувствовала тогда, что на ней лежитъ серьезная обязанность, и потому она вскорѣ добилась разговора наединѣ съ Лейдгатомъ. Заведя съ нимъ рѣчь о здоровьи Фреда Винци и выразивъ искреннее соболѣзнованіе, что у ея брата такое большое семейство, она незамѣтно перешла къ вопросу о томъ, съ какими опасностями для молодежи сопряжено вступленіе ихъ въ свѣтъ.

— Молодые люди, говорила она, — очень часто кутать и обманываютъ ожиданія родителей, не вознаграждая своимъ поведеніемъ тѣ расходы, которые были употреблены на ихъ воспитаніе, а дѣвушки нерѣдко попадаютъ въ такую обстановку, которая можетъ повредить ихъ будущности.

— Особенно, продолжала м-съ Бюльстродъ, — если такая дѣвушка обладаетъ привлекательной наружностью, а родители ея живутъ открыто. Случается, что какой-нибудь джентльменъ начинаетъ за ней ухаживать; ради личнаго удовольствія, онъ овладѣваетъ ея вниманіемъ при каждой встрѣчѣ въ обществѣ, и тѣмъ преграждаетъ путь искателямъ ея руки. Я нахожу, м-ръ Лейдгаты, что такіе люди берутъ на себя тяжкую отвѣтственность, становясь препятствіемъ къ устройству судьбы женщины.

При этомъ м-съ Бюльстродъ пристально посмотрѣла на доктора, съ видимымъ намѣреніемъ дать ему понять, что ея слова должны быть приняты какъ предостереженіе, или даже какъ упрекъ.

— Все это правда, отвѣчалъ Лейдгаты, смѣло смотря на нее;—но, съ другой стороны, мужчина долженъ быть большимъ фатомъ, если вообразить, что онъ не можетъ обратить особеннаго вниманія на дѣвушку, безъ того, чтобы она въ него не влюбилась, или, чтобы другіе не стали объ этомъ толковать на всѣхъ перекресткахъ.

— О, м-ръ Лейдгаты! вы очень хорошо знаете цѣну вашимъ достоинствамъ; вы знаете также, что никто изъ нашихъ молодыхъ людей не можетъ тягаться съ вами; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если ваши частыя посѣщенія одного дома служатъ *противоборствомъ* къ устройству судьбы молодой дѣвушки и жѣнають принять предложенія, которыя могли-бы быть сдѣланы ей кѣмъ-нибудь изъ ея многочисленныхъ поклонниковъ.

Лейдгаты былъ менѣе польщенъ сравненіемъ съ милдмарцскими Орландами, чѣмъ раздосадованъ намеками м-съ Бюльстродъ. Она-же, въ свою очередь, сознавала, что произвела своимъ разговоромъ такое впечатлѣніе, какое было нужно и сверхъ того, употребивъ изысканное слово: *противоборство*, она прилично заслонила имъ цѣлую массу подробностей, и безъ того, впрочемъ, слишкомъ очевидныхъ.

Лейдгаты надулся, откинулъ одной рукой назадъ волосы, другой порылся безъ всякой нужды въ карманѣ жилета и затѣмъ натнулся, маня къ себѣ маленькаго чернаго пуделя, видимо уклонявшагося отъ его ласкъ. Встать и уйти казалось ему неприличнымъ, потому что онъ только-что отпилъ чай. Къ счастью, м-съ Бюльстродъ, вполне убѣжденная, что онъ понялъ смыслъ ея словъ, пережѣнила разговоръ.

На слѣдующій день м-ръ Фэрбротеръ, прощаясь съ Лейдгаты на улицѣ, сказалъ:

— Надѣюсь, что мы встрѣтимся нынче вечеромъ у Винци?

— Нѣтъ, отвѣчалъ коротко Лейдгаты, — я тамъ не буду; у меня дѣла много. Я намѣренъ совсѣмъ прекратить посѣщенія здѣшнихъ вечеровъ.

— Какъ? возразилъ викарій, — вы было ужъ совсѣмъ поща-

лись въ сѣти, а теперь вдругъ вздумали уши себѣ заткнуть! Впрочемъ, если вы не намѣрены поддаться обольщеніямъ сирены, то хорошо дѣлаете, принимая заранѣе мѣры предосторожности.

Нѣсколько дней назадъ Лейдгать не обратилъ-бы никакого вниманія на эти слова и счелъ-бы ихъ за обыкновенную шутку викарія; но теперь они были яснымъ намекомъ и служили убѣдительнымъ доказательствомъ того, что онъ велъ себя очень глупо, давъ поводъ обществу толковать по-своему его поведеніе.

— Розамунда тутъ ни причемъ, думалъ Лейдгать; -- она смотритъ на наши отношенія такъ-же легко, какъ и я; у нея удивительный тактъ и чутье въ манерѣ держать себя; но она окружена праздностью и сплетнями. Однако слѣдуетъ положить конецъ этимъ слухамъ.

Итакъ Лейдгать рѣшился не бывать у Винци иначе, какъ по дѣлу и выдержалъ свое обѣщаніе.

Для Розамунды лишеніе его общества было большимъ несчастіемъ. Неловкое положеніе, въ которое ее поставили вопросы тетки, дѣлалось все хуже и хуже, и, наконецъ, по прошествіи десяти дней, втеченіе которыхъ она не видала Лейдгата, ея овладѣлъ ужасъ при мысли, какой страшный пробѣлъ образуется въ ея жизни, если судьба, какъ губкой, сотретъ всѣ ея радостныя надежды. Свѣтъ снова превратится для нея въ печальную пустыню, изъ которой, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, по мановенію жезла волшебника, образовался цвѣтущій садъ. Она чувствовала, что вступаетъ въ первый періодъ разочарованія въ любви; что ни одинъ мужчина не сдѣлается уже героемъ тѣхъ прелестныхъ воздушныхъ замковъ, въ которыхъ она прожила эти шесть мѣсяцевъ. Бѣдная Розамунда потеряла аппетитъ и приняла видъ покинутой Аріадны, т. е. не настоящей, а театральной Аріадны, брошенной на дорогѣ съ полными сундуками нарядовъ, но безъ экипажа.

Въ романахъ и драмахъ несчастныя жертвы любви оканчиваютъ обыкновенно свою жизнь самымъ трагическимъ образомъ, за что читатели и зрители превозносятъ ихъ. Но Розамундѣ и въ голову не приходило рѣшиться на какую-нибудь отчаянную мѣру; она заплетала съ прежнимъ стараніемъ свои великолѣпные волосы и держалась гордо и спойно. Она утѣшалась мыслию, что тетушка Бюльстродъ была отчасти причиной, почему Лейд-

гать прекратилъ свои посѣщенія; это все-таки было легче, чѣмъ знать, что онъ внезапно охладѣлъ къ ней. Каждому изъ насъ десять дней кажутся весьма короткимъ срокомъ; но для правдой, элегантной леди, терзаемой разочарованіями, сомнѣніями и тревожными предположеніями, эти десять дней могутъ показаться вѣчностью.

На одиннадцатый день, когда Лейдгаты уѣзжалъ изъ Сток-Корта, м-съ Винци попросила его передать ей мужу, что въ здоровьѣ м-ра Фетерстона замѣтна сильная перемена, и что она проситъ его пріѣхать въ Сток-Кортъ въ тотъ-же день. Лейдгаты могъ очень удобно передать это порученіе лично въ складъ товаровъ, или оставить записку въ домѣ; но онъ ни того, ни другого не сдѣлалъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что онъ не находилъ особенныхъ препятствій къ тому, чтобы явиться въ домъ въ такой часъ, когда м-ра Винци не было тамъ, и порученіе матери передать самой миссъ Винци. Каждый человѣкъ, по разнымъ причинамъ, можетъ уклоняться отъ посѣщеній какого-нибудь общества: но едва-ли даже мудрецъ останется доволенъ, узнавъ, что его отсутствіе осталось незамѣченнымъ. Лейдгату показалось заманчивымъ вспомнить прежнее, пошутить съ Розамундой насчетъ своего воздержанія отъ разсѣянной жизни и твердаго намѣренія наложить на себя долгій постъ—т. е. отказаться отъ наслажденія слушать ея пѣніе. Надо сознаться, что на него сдѣлалъ сильное вліяніе намеки м-съ Бьюлестродъ о томъ, что онъ преграждаетъ дорогу другимъ.

Когда Лейдгаты вошелъ въ комнату, миссъ Винци была одна и такъ сильно покраснѣла, что онъ самъ смутился, и вмѣсто того, чтобы заговорить въ шутовомъ тонѣ, холодно изложилъ ей причину своего посѣщенія, прося ее передать отцу данное ему порученіе. Послѣднія слова онъ произнесъ почти официально. Розамунда въ первую минуту искренно обрадовалась появленію Лейдгата; но, оскорбленная его манерой обращенія, она поблѣднѣла и молча кивнула ему головой, не выпуская изъ рукъ какую-то ничтожную работу крючкомъ, которая позволяла ей не поднимать глазъ выше подбородка Лейдгата. Въ каждомъ неудачномъ дѣлѣ по началу легко судить о концѣ. Лейдгаты посидѣлъ минуты съ двѣ, повертѣлъ хлестикомъ и, не сказавъ больше ни слова, всталъ. Въ эту минуту Розамунда, у которой нервы

были раздражены, вслѣдствіе внутренней борьбы оскорбленнаго самолюбія съ усміемъ не выдать себя, вадрогнула, выронила изъ рукъ работу и машинально также встала. Лейдгать нагнулся, чтобы поднять упавшую работу, и когда выпрямился, то лицо его едва не коснулось хорошенькой головки на тонкой, лебединой шеѣ, граціознымъ изгибомъ которой онъ такъ часто любовался. Взглянувъ на Розамунду, онъ замѣтилъ во всѣхъ ея чертахъ нервное содроганіе; это было для него такъ ново и неожиданно, что онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. Въ это мгновеніе въ миссѣ Винци было столько естественности, какъ въ дѣвочкѣ лѣтъ пяти. Она чувствовала, что ее душатъ слезы и не дѣлала уже никакого усилія, чтобы удерживать ихъ.

Эти выправительные голубые глаза, подернутые слезами, произвели переломъ въ чувствахъ Лейдгата: въ сердцѣ его вдругъ загорѣлась страсть. Читатель не долженъ забывать, что этотъ честолюбивый человѣкъ, увлекшійся внезапно при видѣ плачущей красавицы, имѣлъ горячее сердце и страстную натуру.

— Что съ вами? Вы огорчены? Бога ради, скажите...

Слова эти были произнесены отрывисто, безъ связи, но звукъ голоса придалъ имъ нѣжное, умоляющее выраженіе. Съ Розамундой до сихъ поръ еще никто не говорилъ такимъ тономъ; она, можетъ быть, и не обратила вниманія на слова, она слышала только голосъ — и слезы градомъ покатались по ея щекамъ. Молчаніе ея служило самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ; Лейдгать понялъ, что эта дѣвушка отдастся ему беззавѣтно и, забывъ все на свѣтѣ, заключилъ ее въ свои объятія и нѣжно, почти отечески (онъ всегда былъ ласковъ съ слабыми и больными), раздѣловалъ ее въ оба глаза. Конечно, это былъ нѣсколько странный, но за то кратчайшій путь къ примиренію. Розамунда не разсердилась, она только откинулась назадъ, и покраснѣла отъ счастья. Лейдгать сѣлъ рядомъ съ нею и заговорилъ съ жаромъ. Розамундѣ пришлось излить передъ нимъ всѣ свои чувства, а онъ искренно и страстно сталъ благодарить ее за расположеніе къ нему. Полчаса спустя, Лейдгать уѣхалъ изъ дома Винци женихомъ; но невѣста не была душа души его, а просто дѣвушка, которой онъ предложилъ свою руку. Вечеромъ того-же дня, Лейдгать пріѣхалъ опять, съ цѣлью переговорить съ м-ромъ Винци, который только-что вернулся изъ Стон-

Корта, и питалъ полную увѣренность, что въ самомъ скоромъ времени онъ получитъ вѣсть, что м-ръ Фэтерстонъ дѣлаетъ свои предсмертныя распоряженія. Приятныя для его слуха слова — „предсмертныя распоряженія“ — приходились очень кстати и привели въ самое пріятное расположеніе духа и безъ того всегда веселаго по вечерамъ мэра. Къ тому-жь слова эти не означали ещё, что м-ръ Фэтерстонъ умеръ; слѣдовательно, м-ръ Винци могъ попрежнему самодовольно пощелкивать пальцами по табакеркѣ и отпускать шуточки, не розыгрывая официальной роли огорченнаго родственника; а м-ръ Винци ненавидѣлъ всякую торжественность и афектацію. Впрочемъ, кого пугаютъ слова — духовное завѣщаніе, и кто огорчается, получая право на владѣніе имѣніемъ? Въ этотъ вечеръ м-ръ Винци былъ какъ-то особенно расположенъ относиться шутливо къ каждому вопросу, и, между прочимъ, замѣтилъ, что Фредъ обладаетъ фамильнымъ тѣлосложеніемъ и скорехонько поправится совсѣмъ. Когда Лейдгаты попросилъ у него согласія на свой бракъ съ Розамундой, онъ далъ его безъ всякаго затрудненія и тутъ-же замѣтилъ, что не мѣшало-бы почаще устроиваться свадьбамъ между молодыми людьми и молодыми дѣвушками. Конечно, въ этомъ случаѣ немаловажную роль играла мысль о возможности лишній разъ хлебнуть пуншику.

ГЛАВА XXXII.

Торжествующая увѣренность мэра, основанная на настоятельномъ требованіи м-ра Фэтерстона, чтобы Фредъ и его мать неотлучно находились при немъ, могла назваться слабымъ волненіемъ въ сравненіи съ бурными чувствами, бушевавшими въ груди кровныхъ родственниковъ старика. Весьма естественно, что эти господа начали громко твердить о семейныхъ узакъ, связывавшихъ ихъ съ больнымъ, и стали являться толпами къ нему въ домъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ слегъ въ постель. Иначе и быть не могло, потому что когда „бѣдный Питеръ“ сидѣлъ въ своемъ покойномъ креслѣ въ гостиной съ рѣзными стѣнами, то, являясь къ нему на глаза, эти близкіе родственники испытывали участь кухонныхъ таракановъ, которыхъ по-

варь обдавалъ кипяткомъ: несмотря однако-жъ на то, они все-таки лѣзли къ очагу Фэтерстона, привлекаемые туда не корн-столубіемъ, а бѣдностію. Братецъ Соломонъ и сестрица Джэнъ были между ними самые богатые; они находили, что „бѣдный Питеръ“ принимаетъ ихъ совершенно по родственному, безъ малѣйшихъ признаковъ церемоніи и они считали это вѣрнымъ признакомъ того, что милый братецъ, при написаніи духовнаго завѣщанія, обратитъ вниманіе на ихъ преимущества передъ прочими, какъ на людей богатыхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не выгонялъ изъ дому, тогда какъ брата Іону, сестрицу Марту и другихъ голяковъ онъ, по своей неопостижимой эксцентричности, держалъ всегда вдали отъ себя. Соломонъ и Джэнъ хорошо знали поговорку брата Питера, что денежка — дорогое яичко, требующее теплаго гнѣзда.

Но братецъ Іона и сестрица Марта, равно какъ и прочіе несчастные изгнанники смотрѣли совсѣмъ иначе на этотъ вопросъ. Этимъ обиженнымъ судьбою людямъ казалось, что если Питеръ ничего для нихъ не сдѣлалъ при жизни, то, вѣроятно, онъ ихъ вспомнить при смерти. Іона увѣрялъ, что есть люди, которые любятъ своими завѣщаніями дѣлать сюрпризы; Марта-же возражала на это, что ничего не будетъ удивительнаго, если братецъ оставитъ большую часть своихъ денегъ тѣмъ, кто ихъ меньше всѣхъ добивается. Во всякомъ случаѣ, кровные родные должны стоять на первомъ планѣ и зорко слѣдить за тѣми, кого строго даже нельзя и назвать родными. Мало-ли бывало темныхъ поддѣлокъ духовныхъ завѣщаній, нельзя-же допускать незаконнаго пользованія наслѣдствомъ; наконецъ, эти дальніе родственники могутъ утащить что-нибудь, а бѣдный Питеръ будетъ лежать въ это время безпомощный! Нѣтъ, нужно непремѣнно охранять его! Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Соломонъ и Дрэнъ были одного мнѣнія съ Мартой и Іоной, а толпа племянниковъ, племянницъ, братцевъ и кузеновъ еще съ большей утонченностію придумывали, чего можно было ожидать отъ человѣка, способнаго, по капризу, отказать свое имѣніе на сторону; поэтому всѣ они, чувствуя, что на нихъ лежитъ въ нѣкоторомъ родѣ великая обязанность сохранить фамиліный интересъ, считали себя въ полномъ правѣ посѣщать какъ можно чаще Сток-Бортъ. Сестрица Марта, иначе и-съ Брэнчъ, страдавшая отдыш-

вой и жившая довольно далеко, не имѣла силъ сама совершать эти поѣздки; за то сынъ ея, въ качествѣ родного племянника бѣднаго Питера, могъ съ пользою служить ея представителемъ и наблюдать, чтобы дѣдушка Иона не совершилъ какого-нибудь злоупотребленія въ свою пользу. Вообще вся порода Фэтерстоновъ твердо держалась правила, что каждый долженъ зорко надзирать за другимъ, помня ежеминутно, что всемогущій Творецъ надзираетъ за нимъ самимъ.

Вотъ почему всѣ эти кровные родственники, одинъ вслѣдъ за другимъ, появлялись въ Сток-Бортъ и исчезали оттуда, а на Мэри Гартъ лежала неприятная обязанность передавать ихъ порученія м-ру Фэтерстону, который не хотѣлъ видѣть никого изъ этихъ господъ и отправлялъ ее всегда внизъ съ еще болѣе неприятнымъ порученіемъ — сказать имъ, чтобы они убирались. Какъ распорядительница по части хозяйства, Мэри, по старинному провинціальному обычаю, считала необходимымъ приглашать ихъ отдохнуть и закусить. Она даже заранѣе посоветовалась съ м-съ Винци, какой провизіей ей запастись для того, чтобы устраивать небольшія угощенія внизу, пока м-ръ Фэтерстонъ лежитъ въ постели.

— О, душа моя! восклицала м-съ Винци, — не слѣдуетъ скучиться, когда въ домѣ опасно больной, послѣ котораго должно остаться богатое наслѣдство. Богъ видитъ, я имъ не пожалѣю послѣдняго окурка; сохраните только что по лучше для погребенія. Нужно, чтобы у васъ постоянно была въ запасѣ фаршированная телятина и хорошій початый сыръ; вы должны быть готовы принимать всѣхъ въ послѣдніе дни больного, заключила щедрая м-съ Винци, попрежнему веселая и попрежнему наряженная въ яркіе цвѣта.

Но нѣкоторые посѣтители появились и не исчезли, даже послѣ угощенія ихъ телятиной и ветчиной. Братецъ Иона, наприимѣръ (такіе неприятные люди бывають во всѣхъ семействахъ, даже въ самыхъ аристократическихъ; они по-горло въ долгахъ, а между тѣмъ надуты до невозможности), — братецъ Иона, говоря и, разорившись, началъ поддерживать себя ремесломъ; онъ изъ скромности умалчивалъ объ этомъ, хотя добывать деньги такимъ способомъ было гораздо лучше, чѣмъ тратить ихъ на биржѣ или на скачкахъ; а такъ-какъ ремесло его позволяло ему отлу-

чатся изъ дому, когда угодно, то онъ былъ очень доволенъ. когда находилъ теплый уголь и могъ наѣдаться вдоволь. Въ Стоп-Кортъ онъ выбралъ себѣ уголь въ кухнѣ, частію потому, что онъ нашелъ его удобнымъ, а частію потому, что ему не хотѣлось быть вмѣстѣ съ Соломономъ, къ которому онъ питалъ братскія, непріязненные чувства. Сидя въ отличномъ, мягкомъ креслѣ, разодѣвшись въ свое лучшее платье и чувствуя самое пріятное настроеніе духа, Іона расположился очень комфортабельно въ своемъ углу, сознавая, что онъ играетъ здѣсь первую роль и представляя себѣ, что теперь воскресенье и что онъ находится въ трактирѣ „Зеленый человекъ“. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ощущеній онъ объявилъ Мэри Гартъ, что онъ не выйдетъ за порогъ дома брата Питера, пока бѣднжка еще дышетъ. Самыми несносными членами семействъ бывають обыкновенно или остряки, или идіоты. Іона считался острякомъ въ породѣ Фэтерстоновъ; онъ подшучивалъ надъ женской прислугой, забѣгавшей въ кухню, но въ то-же время зорко слѣдилъ своими холодными глазами за Мэри, находившейся у него въ сильномъ подозрѣніи.

Мэри, пожалуй, примирилась-бы съ одной парой глазъ, за ней слѣдившей, если-бы по несчастію тутъ не было другой пары глазъ молодого Крэнча, явившагося въ качествѣ представителя своей матери и вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ шпиона за дядюшкой Іоной; этотъ юноша считалъ также своей обязанностію стоять или сидѣть преимущественно въ кухнѣ, подъ предлогомъ служить собесѣдникомъ дядѣ. Молодой Крэнчъ былъ ни уменъ, ни глушь, но за то косилъ такъ немилосердно глазами, что по нимъ никакъ нельзя было догадаться, что онъ чувствуетъ. При входѣ Мэри Гартъ въ кухню, м-ръ Іона Фэтерстонъ начиналъ преслѣдовать ее своими подозрительными взглядами, а Крэнчъ тотчасъ-же поворачивалъ въ ея сторону голову, какъ-бы приглашая ее полюбоваться на свои косые глаза. Этого положенія бѣдная Мэри не могла равнодушно переносить; иногда она злилась, а иногда готова была расхохотаться. Разъ какъ-то ей пришло въ голову представить передъ Фредомъ происходяція въ кухнѣ сцены; тому очень захотѣлось немедленно взглянуть на дѣйствующиѣхъ лицъ, и онъ, подъ какимъ-то предлогомъ, зашелъ въ кухню. Но, увидавъ фізіономіи родственниковъ, онъ опростетью

кинулся въ ближайшую дверь, которая вела въ молочную и тамъ, въ пустой, высокой комнатѣ, среди крѣпкихъ съ молокомъ, разразился такимъ припадкомъ смѣха, который ясно былъ услышанъ въ кухнѣ. Затѣмъ онъ выбѣжалъ въ боковую дверь. М-ръ Іона, до этихъ поръ еще ни разу не встрѣчавшій Фреда, не пропустилъ удобнаго случая, чтобы по своему не потѣшиться надъ тшедушной его фигурой, длинными ногами и худенькимъ лицомъ съ тонкими, деликатными чертами.

— А что, Томъ, въдь *ты* не носишь такихъ франтовскихъ панталонъ, да у тебя и ноги-то далеко не такія тонкія и длинныя, какъ у него, замѣтилъ Іона племяннику, подмигивая въ сторону Фреда и явно давая замѣтить, что онъ подразумевает многое въ этихъ двухъ фразахъ. Томъ посмотрѣлъ себѣ на ноги и оставилъ неразрѣшеннымъ вопросъ — что онъ предпочитаетъ: моральныя-ли свои преимущества, или длинные ноги Фреда, облеченныя въ изящныя панталоны.

Въ гостиной съ рѣзными стѣнами постоянно присутствовали другіе соглядатаи изъ кровныхъ родственниковъ, жаждавшіе приглашенія наверхъ. Многіе изъ нихъ приходили, завтракали и уходили; но братецъ Соломонъ и леди, называвшая себя втеченіи 25 лѣтъ Джэнь Фэтерстонъ, а въ настоящее время м-съ Уоль, считали за лучшее сидѣть тутъ ежедневно по-нѣскольку часовъ сряду, ничѣмъ другимъ не занимаясь, кромѣ наблюденія за лукавой Мэри Гартъ (которая до того была хитра, что не было возможности уловить ее ни въ чемъ), и кромѣ выдѣлыванья, время отъ времени, гримасъ, съ явнымъ желаніемъ показать, что онѣ готовы расплакаться въ три ручья отъ невозможности пробраться въ комнату м-ра Фэтерстона. Антипатія больного старика къ членамъ своей семьи возрастала по мѣрѣ того, какъ онъ слабѣлъ, слѣдовательно, не могъ уже потѣшаться надъ ними, говоря имъ колкости. Не имѣя силъ ужалить ближняго, онъ, казалось, сосредоточилъ весь ядъ на днѣ своей души. Не довѣряя отвѣту брата, переданному имъ устами Мэри Гартъ, оба милые родственника появились на порогъ спальни „бѣднаго Питера“, одѣтые съ ногъ до головы въ черное. М-съ Уоль держала въ рукѣ полусложенный носовой платокъ; лица у обоихъ были самыя погребальныя. Въ эту минуту румяная м-съ Винци въ чепцѣ съ розовыми, развѣвающимися лентами, подавала ле-

карство больному, а бѣлокурый Фрэдъ, короткіе волоса котораго вились, — самый вѣрный признакъ игрока и кутяны, — сидѣлъ тутъ-же, спокойно раскачиваясь въ большомъ креслѣ.

Не успѣлъ старикъ Фэтёрстонъ увидать передъ собой эти двѣ погребальныя фигуры, появившіяся въ его комнату, несмотря на его запрещеніе, какъ бѣшенство придало ему такія силы, которыхъ до сихъ поръ не могли возбудить никакія лекарства. Онъ сидѣлъ на постели, обложенный со всѣхъ сторонъ подушками, а его палка съ золотымъ набалдашникомъ неизмѣнно лежала подлѣ него. Больной схватилъ палку въ руки и сталъ размахивать ею во всѣ стороны, какъ-бы отгоняя отъ себя страшные призраки, при чемъ оралъ во все горло, какимъ-то хриплымъ, не-человѣческимъ голосомъ:

— Вонъ, вонъ, м-съ Уоль! вонъ отсюда, Соломонъ!

— О, братецъ Питѣръ! начала-было м-съ Уоль, но Соломонъ зажалъ ей ротъ рукою. Это былъ широкоскулый старикъ, лѣтъ подъ 70, съ маленькими, бѣгающими глазками; онъ не только былъ кротче характеромъ брата Питѣра, но даже считалъ себя гораздо умнѣе его; дѣйствительно, его трудно было обмануть, потому-что онъ глубоко презиралъ все человѣчество и считалъ людей всѣхъ безъ изыатія — плутами и обманщиками.

— Братецъ Питѣръ, заговорилъ онъ вкрадчивымъ, хотя отчасти и официальнымъ тономъ, — я долженъ непремѣнно переговорить съ вами объ одной пустоши и о копи съ марганцемъ. Всемогущій Творецъ знаетъ мои мысли...

— Онъ знаетъ то, чего я не желаю знать, перебилъ его Питѣръ, опуская палку, какъ-бы отъ утомленія, но при этомъ онъ взялъ ее за другой конецъ съ такимъ угрожающимъ жестомъ, точно готовился вступить въ рукопашный бой и ударить набалдашникомъ палки по плѣшивой головѣ Соломона, на которую онъ устремилъ пристальный взглядъ.

— Есть вещи, братецъ, о которыхъ вамъ необходимо переговорить со мной, иначе вы сами-же станете жалѣть впоследствии, продолжалъ Соломонъ, не дѣлая однако ни одного шага впередъ.— Я могъ-бы сидѣть подлѣ васъ по ночамъ, вмѣстѣ съ Джэнъ, которая съ радостью на это готова, тогда вы выбрали бы любое время и потолковали-бы со мной...

— Да, я самъ съумѣю выбрать себѣ время, — а васъ не прошу хлопотать обо мнѣ, снова перебилъ его Питѣръ.

— Но вы вѣдь не можете опредѣлить времени, когда вы скончаетесь, братецъ, затынула своимъ гнусливымъ голосомъ м-съ Уоль, — быть можетъ, вы лишитесь употребленія языка, вамъ будетъ непріятно, что вокругъ васъ все постороннія лица, вы пожелаете видѣть меня и моихъ дѣтей...

Тутъ она всхлинула, какъ-бы растроганная мыслию о томъ, какъ тяжело будетъ братцу кончаться въ отсутствіи ея и ея дѣтей. Мы обыкновенно умиляемся, заговоривъ о себѣ.

— Никогда я не пожелаю васъ видѣть, отвѣчалъ упрямый старикъ, — я ни объ одномъ изъ васъ не вспомню. Мое духовное завѣщаніе давно уже сдѣлано, — слышите? — сдѣлано.

Съ этими словами онъ повернулъ голову къ м-съ Винци и проглотилъ ложку лекарства.

— Не мѣшало-бы кой-кому постыдиться занимать мѣсто, которое по праву принадлежитъ другимъ, проворчала м-съ Уоль, обращая свои узенькіе глазки на м-съ Винци.

— О, сестра, возразилъ Соломонъ съ насмѣшливымъ смиреніемъ, — мы для этого недостаточно нарядны, красивы и умны; мы, люди маленькіе, гдѣ намъ тянуться за людьми свѣтскими...

Вспыльчивый Фредъ не могъ болѣе выдержать. Онъ вскочилъ съ мѣста и, взглянувъ на м-ра Фѣтерстона, спросилъ:

— Прикажете матушкѣ и мнѣ выйдти изъ комнаты, сэръ, и оставить васъ однихъ съ вашими друзьями?

— Садись на мѣсто, крикнулъ Фѣтерстонъ, — сиди тамъ, гдѣ сидѣлъ. Прощайте, Соломонъ, продолжалъ онъ, слясь приподнять палку, которая при этомъ выпала у него изъ рукъ отъ тяжести набалдашника. — Прощайте и вы, м-съ Уоль, прошу васъ больше ко мнѣ не приходить.

— Какъ вамъ угодно, братецъ, а я все-таки останусь внизу, возразилъ Соломонъ. — Я исполню *свой долгъ*, а затѣмъ посмотримъ, что пошлетъ Всемогущій Творецъ.

— Да, посмотримъ, какъ родовыя имѣнія пойдутъ на стору, подхватила м-съ Уоль, — и гдѣ найдутся такіе обстоятельныя молодые люди, которые будутъ ими владѣть. Отъ души жалѣю людей необстоятельныхъ, а еще болѣе ихъ матерей. Прощайте, братецъ Питѣръ!

— Братецъ, вспомните, что я послѣ васъ старшій въ родѣ; что я составилъ себѣ состояніе точно также, какъ и вы; я приобрѣлъ уже землю на имя Фэтерстона, заговорилъ опять Соломонъ, сильно разсчитывая на дѣйствіе своихъ полѣднихъ словъ. — А теперь—прощайте!

Братъ и сестра поспѣшно удалились, когда увидѣли, что старикъ Фэтерстонъ началъ дергать во всѣ стороны свой парикъ и, закрывъ глаза, скорчилъ ртомъ свою обычную гримасу. По всему было замѣтно, что онъ готовится играть роль глухо-нѣмого. Не смотря на неудачу этой попытки, Соломонъ съ сестрицей продолжали ежедневно являться въ Стон-Кортъ и садились внизу, на извѣстномъ сторожевомъ пунктѣ. Тутъ они вели между собой разговоръ вполголоса, причемъ такъ незамѣтно шевелили губами, что посторонній зритель могъ-бы принять ихъ за автоматовъ. Соломонъ и Джэнъ остерегались говорить громко, изъ боязни, какъ-бы братецъ Іона не подслушалъ ихъ черезъ стѣну.

Но дни ихъ дежурства въ гостиной съ рѣзными стѣнами разнообразились иногда присутствіемъ другихъ гостей, пріѣзжавшихъ или изъ далека, или изъ ближайшихъ деревень. Такъ-какъ Питъръ Фэтерстонъ не сходилъ уже теперь сверху, то было очень удобно разсуждать на свободѣ объ его имѣніи и дѣлахъ. Нѣкоторые сельскіе и мидльмарчскіе обыватели вполнѣ соглашались съ взглядами ближайшихъ родственниковъ больного и сочувствовали ихъ интересамъ, негодуя на семью Винци; дамы даже проливали слезы, разговаривая съ м-съ Уоль, причемъ вспоминали, что и онѣ бывали обмануты въ своихъ расчетахъ на состояніе какого-нибудь неблагодарнаго старика джентльмена, которому, по ихъ убѣжденію, слѣдовало-бы совсѣмъ иначе распорядиться своимъ имуществомъ. Подобнаго рода разговоры быстро умолкали, какъ умоляетъ органъ, когда мѣхи перестаютъ дѣйствовать, при входѣ Мэри Гартъ въ гостиную; глаза всѣхъ присутствующихъ внезапно обращались тогда на эту несомнѣнную наслѣдницу завѣтныхъ желѣзныхъ сундуковъ.

Молодые-же неженатые мужчины, состоявшіе въ родствѣ съ Фэтерстонами или только близко знакомые съ ними, смотрѣли съ нѣкотораго рода восторгомъ на молодую дѣвушку, которая умѣла держать себя съ такимъ тактомъ и могла, не смотря на окружавшія ее пренятствія, сдѣлаться завидной невѣстой. Вотъ по-

чему отъ этихъ посѣтителей Мэри слышала постоянныя любезности и пользовалась съ ихъ стороны необыкновенной предупредительностію.

Особенное вниманіе ей оказывалъ м-ръ Борترونъ Тренбель, видный собою холостякъ, богатый капиталистъ, занимавшійся покупкой и продажей земель и телятъ,—личность, пользовавшаяся большою популярностію, такъ-какъ имя м-ра Тренбеля безпрестанно встрѣчалось на объявленіяхъ, разсылаемыхъ по всему околотку. Словомъ, это былъ человѣкъ, который имѣлъ право сожалѣть тѣхъ, кто не зналъ его лично. Онъ приходился троюроднымъ братомъ Питеру Фэтерстону; старикъ обращался съ нимъ гораздо благосклоннѣе, чѣмъ съ прочими родными, потому-что онъ былъ нуженъ ему по дѣламъ; даже въ программѣ церемоньяла погребенія онъ назначилъ м-ра Тренбеля однимъ изъ носильщиковъ своего гроба. М-ра Тренбеля нельзя было назвать человѣкомъ корыстолюбивымъ; но, обладая чувствомъ глубокаго сознанія собственнаго достоинства, онъ не любилъ, чтобы ему, въ какомъ-бы-то ни было дѣлѣ становились поперегъ дороги; и если-бы Питеру Фэтерстону пришла счастливая мысль наградить его, Тренбеля, порядочнымъ наслѣдствомъ, то онъ ничуть не удивился-бы, а только сказалъ-бы, что онъ, Тренбель, ничего не искалъ и не добивался у старика; напротивъ, самъ, втеченіи 20 лѣтъ, давалъ ему полезныя совѣты, пріобрѣтенныя долгою опытностію. Восхищаясь собой, м-ръ Тренбель умѣлъ въ то-же время цѣнить вообще все замѣчательное. Выражался онъ всегда необыкновенно изысканно, и если нечаянно употреблялъ простонародное слово, то немедленно поправлялся, что было вовсе не лишнее, такъ-какъ онъ говорилъ необычайно громко. Во всей его фигурѣ проявлялась величавость; говорилъ онъ, большею частью стоя или расхаживая по комнатѣ, причемъ обдергивалъ свой жилетъ съ видомъ человѣка, увѣреннаго въ себѣ и въ своихъ мнѣніяхъ, или отряхивалъ оборки своего жабо указательнымъ пальцемъ, а при заключеніи рѣчи принимался усердно играть печатами, висѣвшими на его часовой цѣпочкѣ. Подчасъ въ голосѣ его слышались ноты раздраженія; но это случалось только тогда, когда предстояла необходимость опровергнуть чье-нибудь неточное или несправедливое мнѣніе. Ничего нѣтъ мудренаго, если человѣкъ начитанный и опытный выйдетъ иногда изъ себя при

спорахъ съ людьми, стоящими ниже его по развитію. Онъ зналъ, что вся семья Фэтерстоновъ состоитъ изъ людей недалнихъ по уму; но, какъ человѣкъ свѣтскій и общественный дѣятель, онъ находилъ это вещь очень обыкновенной и благоволилъ даже заходить иногда въ кухню, чтобы побесѣдовать съ м-ромъ Ионной и съ юннмъ Крэнчемъ, на котораго онъ производилъ сильное впечатлѣніе (такъ, покрайней мѣрѣ, воображалъ м-ръ Тренбель), возбуждая различные передовые вопросы на счетъ мѣстечка Чальки-Флять, гдѣ жили Крэнчи. Если-бы кому-нибудь случилось замѣтить м-ру Бортону Тренбелю, что онъ, въ качествѣ капиталиста, обязанъ знать суть каждой вещи, то онъ-бы самодовольно улыбнулся и молча отряхнулъ-бы свое жабо, давая уразумѣть тѣмъ, что онъ почти достигъ этой премудрости. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ почтенный, нестыдившійся своего промысла и чувствовавшій, что если-бы даже, „знаменитый Пиль, нынѣ сэръ Робертъ“, былъ ему представленъ, то и тотъ призналъ-бы его значеніе.

— Если-бы вы соблаговолили предложить мнѣ ломтикъ ветчины и стаканъ элю, миссъ Гартъ, я не отказался-бы, произнесъ онъ, входя въ гостиную въ половинѣ двѣнадцатаго, послѣ свиданія со старикомъ Фэтерстономъ, въ спальню котораго онъ имѣлъ исключительный доступъ, и становясь спиной къ огню, между м-съ Уоль и Соломономъ.— Не безпокойтесь, пожалуйста, сами, продолжалъ онъ,— позвольте я позвоню.

— Благодарю васъ, не надо, отвѣчала Мэри,— я сама пойду, у меня есть тамъ дѣло.

— А вы, м-ръ Тренбель, пользуетесь, какъ видно, особенными милостями, замѣтила м-съ Уоль, когда Мэри вышла.

— Вы хотите сказать, что меня принимаетъ старикъ? возразилъ капиталистъ, равнодушно играя своими печатами. — А-а! видите-ли, онъ всегда оказывалъ мнѣ большое довѣріе.

При этомъ Тренбель сжалъ губы и особенно выразительно нахмурилъ брови.

— А можно-ли кой-кому спросить, о чемъ братецъ съ вами разговаривалъ? мягкимъ, вкрадчивымъ тономъ произнесъ Соломонъ, явно желавшій намекнуть, что ему лично, какъ человѣку богатому, нѣтъ надобности этимъ интересоваться.

— О, конечно! каждый можетъ меня спрашивать, восклик-

нуль м-ръ Тренбель, громкимъ, веселымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдко-насмѣшливымъ голосомъ.—Я позволяю каждому предлагать мнѣ вопросы. Каждый имѣетъ право дѣлать свои замѣчанія въ формѣ вопроса, продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе возвышая тонъ.—Это постоянное правило хорошихъ ораторовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не предвидятъ возможности отвѣчать. Мы называемъ это — образностию рѣчи, или, точнѣе сказать, рѣчью высшей формы.

Краснорѣчивый капиталистъ улыбнулся самъ своему остроумію.

— Меня не огорчитъ извѣстіе, что братецъ *васъ* не забылъ, м-ръ Тренбель, сказалъ Соломонъ. — Я никогда не былъ противъ людей *достойныхъ*. Меня только возмущаютъ люди *не достойные*.

— А-а, вотъ видите-ли что, отвѣчалъ м-ръ Тренбель съ особеннымъ удареніемъ въ голосѣ,—нельзя опровергнуть того, что и недостойныхъ людей нерѣдко назначаютъ наслѣдниками и даже полными наслѣдниками всего состоянія. Такого рода распоряженія часто встрѣчаются въ духовныхъ завѣщаніяхъ.

При этомъ м-ръ Тренбель оттопырилъ губы и слегка нахмурилъ брови.

— Вы хотите, вѣроятно, сказать, м-ръ Тренбель, что братецъ передалъ свое имѣніе не въ родѣ, и что вамъ это извѣстно, проговорила м-съ Уоль, для которой, въ ея безнадежномъ положеніи, было нелегко произнести такую длинную фразу.

— Каждый человѣкъ имѣетъ право отдать свою землю на богоугодныя заведенія, равно какъ завѣщать ее кому-бы то ни было, замѣтилъ Соломонъ сестрѣ въ видѣ отвѣта, такъ-какъ Тренбель молчалъ.

— Какъ? Всю землю Блу-Котъ? воскликнула м-съ Уоль. — О! м-ръ Тренбель, неужели это правда? Вѣдь это будетъ оскорбленіемъ Всемогущаго Творца, надѣлившаго брата богатствомъ!..

Пока м-съ Уоль разглагольствовала, м-ръ Бортронъ Тренбель ходилъ по комнатѣ между каминомъ и окномъ, барабанилъ пальцемъ по своей палкѣ и разглаживая бакенбарды и височки на головѣ. Вдругъ онъ повернулъ къ рабочему столу Мэри Гартъ, раскрылъ книгу, лежавшую на немъ, и прочиталъ вслухъ загла-

віе такимъ громогласнымъ голосомъ, точно продавалъ книгу съ аукціона присутствующей публикѣ.

— „Anne of Geirstein (онъ произнесъ Джейрстейнъ) или Дѣва Тумана, читалъ онъ,—сочиненіе автора „Уаверлей“. Затѣмъ, повернувъ страницу, онъ звучно продолжалъ: — „Прошло уже почти четыре столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ происшествія, описанныя въ нижеслѣдующихъ главахъ, случились на континентѣ“.

Онъ выговорилъ послѣднее слово, сдѣлавъ сильное удареніе на буквѣ *и*, по привычкѣ всѣхъ людей вульгарнаго происхожденія, и въ то-же время воображая, что его чтеніе должно было сильно подѣйствовать на слушателей.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ лакей съ подносомъ, на которомъ стояла закуска, по милости чего и-ръ Тренбель имѣлъ возможность увернуться отъ отвѣта на вопросъ м-съ Уоль, между-тѣмъ, какъ сама м-съ Уоль и братъ ея, пристально слѣдя за каждымъ его движеніемъ, вѣроятно, думали въ это время, что люди начитанные, къ сожалѣнію, не умѣютъ вести серьезнаго разговора. А дѣло-то въ томъ, что м-ръ Тренбель не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о содержаніи духовнаго завѣщанія старика Фѣтерстона; признаться-же публично въ этомъ ему казалось такъ-же позорно, какъ быть уличеннымъ въ государственной измѣнѣ.

— Я съѣмъ только ломтикъ ветчины и выпью стаканъ элю, произнесъ онъ успокоительнымъ тономъ, подходя къ подносу. — Какъ человѣкъ дѣловой, я нигдѣ не отказываюсь отъ закуски. Отличная ветчина! рассуждалъ онъ, проглотивъ два, три куска съ ужасающей быстротой. — Пари держу, что подобной ветчины не отыщешь во всѣхъ трехъ королевствахъ. Этотъ окорокъ лучше всѣхъ окороковъ Фрешитъ-Гола, а я могу похвастать, что я знатокъ по этой части.

— Нѣкоторымъ не нравится, если въ ветчину кладутъ много сахара, замѣтила м-съ Уоль. — Но мой бѣдный братецъ всегда требуетъ, чтобы сахару клали побольше.

— У всякаго свой вкусъ, возразилъ м-ръ Тренбель. — Каждый воленъ дѣйствовать, какъ хочетъ. Но, помилуй Богъ, какой ароматъ! Я право, не прочь-бы былъ купить себѣ нѣсколько такихъ окороковъ. Для истаго джентльмена—тутъ годось м-ра

Тренбеля принялъ особенно выразительный тонъ, — не послѣднее удовольствіе имѣть у себя на столѣ подобную ветчину.

Съ этими словами онъ докончилъ свою порцію, оставилъ отъ себя тарелку, осушилъ стаканъ элю и, пододвинувъ немного впередъ свой стулъ, любовно поглядѣлъ на свои ноги и одобрительно погладилъ ихъ. Манеры, тонъ и всѣ движенія м-ра Тренбеля явно обличали въ немъ коренного сѣвернаго жителя.

— А у васъ тутъ преинтересная книга лежитъ, миссъ Гартъ, сказалъ онъ, когда Мэри вернулась въ гостиную. — Это сочиненіе автора „Уаверлей“, т. е. Вальтеръ-Скотта. Я самъ приобрѣлъ себѣ одинъ изъ его романовъ — очень хорошенькую вещь, замѣчательное произведеніе, подъ заглавіемъ: „Айвенто“. Говорятъ, что ни одинъ писатель не въ состояніи перегнать его въ быстротѣ, съ которой онъ пишетъ свои романы. Право такъ. Я только-что прочелъ теперь начало „Анны Джерстейнъ“. Очень хорошо начинается. А вы, какъ я вижу, охотница до чтенія, продолжалъ онъ. — Подписались, вѣроятно, въ нашей мидльмарчской библіотекѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Мэри. — Эту книгу мнѣ принесъ м-ръ Фредъ Винци.

— Я самъ большой библіоманъ, провозгласилъ м-ръ Тренбель. — У меня не менѣе 200 томовъ въ телячьемъ переплетѣ, и льщу себя надеждой, что выборъ книгъ отличный. У меня есть и картины Мурильо, Рубенса, Теньера, Тиціана, Ваньика и другихъ. Очень буду счастливъ служить вамъ тѣми авторами, которыхъ вы пожелаете прочесть, миссъ Гартъ, заключилъ онъ, расшаркиваясь.

— Очень благодарна, возразила Мэри, спѣша выйти изъ комнаты, — но у меня очень мало времени для чтенія.

— Я увѣренъ, что братецъ не забылъ ее въ своемъ завѣщаніи, сказалъ вполголоса Соломонъ, кивая головой по направленію къ Мэри, когда та ушла и затворила за собой дверь.

— Его первая жена была ему совсѣмъ не пара, замѣтила м-съ Уоль. — Она ничего не принесла ему въ приданое; а вѣдь эта молодая особа не болѣе какъ племянница ея... очень горда... братецъ постоянно съ ней ссорился.

— А по моему мнѣнію, эта дѣвушка съ большимъ смысломъ, произнесъ м-ръ Тренбель. Онъ выпилъ еще элю и, поднявшись

со стула, началъ съ важностью обдергивать свой жилетъ. — Я наблюдалъ за ней, когда она наливала лекарство въ рюмку. Она все дѣлаетъ съ толкомъ, сэръ. А это важная вещь въ женщинѣ, и еще болѣе важная для нашего друга, лежащаго тамъ, наверху, для нашего бѣднаго больного. Человѣкъ, жизнь котораго небезполезна, долженъ всегда выбирать себѣ въ жены женщину, которая-бы умѣла ходить за больными; такъ, по крайней мѣрѣ, поступлю я, когда женюсь; моя долготѣнная опытность служить хорошимъ ручательствомъ, что я не ошибусь въ своемъ выборѣ. Есть, конечно, мужчины, которымъ необходимо жениться для того, чтобы поправить свое положеніе; но я въ этомъ покажѣсть не нуждаюсь и надѣюсь, что никто не опровергнетъ истинны такого факта. А затѣмъ, м-съ Уоль, позвольте пожелать вамъ дѣбраго утра. Соломонъ, прощайте. Искренно желаю, чтобы мы встрѣтились снова, при менѣе печальной обстановкѣ.

Когда м-ръ Тренбель удалился, сдѣлавъ очень изящный поклонъ, Соломонъ нагнулся немного впередъ и шепотомъ замѣтилъ сестрѣ:

— Джэнь, будьте увѣрены, что братецъ оставилъ этой дѣвчонкѣ порядочный кушъ.

— Судя по нѣкоторымъ словамъ м-ра Тренбеля—въ этомъ и сомнѣваться нельзя, отвѣтила Джэнь, и потомъ, помолчавъ, прибавила:—Онъ такъ выражался объ ней, какъ будто мои дочери не сужѣли-бы точно также дать больному капли.

— Всѣ эти капиталисты часто вздоръ городятъ, сказалъ Соломонъ.—Тѣмъ не менѣе Тренбель успѣлъ таки набить хорошо свой карманъ.

ГЛАВА XXXIII.

Въ эту ночь, послѣ 12 часовъ, Мэри Гартъ явилась по обыкновенію на дежурство въ спальню м-ра Фѣтерстона съ тѣмъ, чтобы просидѣть тамъ одной нѣсколько часовъ сраду. Молодая дѣвушка нерѣдко сама напрашивалась на эту обязанность, несмотря на то, что старикъ сильно капризничалъ, когда ему приходилось пользоваться услугами Мэри. Но ей какъ-то особенно

правилось сидѣть молча среди ночной тишины и полусвѣта. Тихо мерцавшій огонь въ каминѣ представлялъ ей картину жизни человѣка спокойнаго, неволнуемаго безумными страстями, нелѣпными прихотями, стремленіями къ суетнымъ наслажденіямъ, словомъ, удаленнаго отъ всѣхъ будничныхъ дразгъ, которыя ежедневно раздражали ее. Мэри очень любила мечтать и находила большое удовольствіе сидѣть одна въ полусвѣтѣ, со сложенными на колѣняхъ руками. Убѣдившись уже давно, что обстоятельства ея жизни складываются далеко не такъ, какъ-бы ей хотѣлось, она съумѣла примириться съ своей судьбой и никогда не роптала на нее. На жизнь вообще она стала смотрѣть, какъ на комедію, въ которой, впрочемъ, она твердо рѣшилась никогда не играть униженной или фальшивой роли. Изъ Мэри могъ-бы выйдти циникъ, если-бы у нея не было родителей, которыхъ она уважала и если-бы ея сердце не имѣло способности исполняться благодарностію за все хорошее, что ей давала жизнь, не требуя отъ нея ничего лишняго.

Въ эту ночь она размышляла по обыкновенію о сценахъ, происходившихъ днемъ; легкая усмѣшка играла на ея губахъ при воспоминаніи о странныхъ выходкахъ перебивавшихъ въ домѣ гостей. Всѣ они казались ей такъ смѣшны своими иллюзіями. Всѣ они, думала Мэри, не замѣчаютъ на себѣ дурацкаго колпака; каждый изъ нихъ воображаетъ, что видитъ насквозь всѣхъ прочихъ, а что его собственные мысли непроницаемы для другихъ. Но иллюзіи нѣкоторыхъ не имѣли ничего смѣшнаго въ ея глазахъ; такъ, напримѣръ, она была внутренно убѣждена, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій надъ характеромъ м-ра Фэтерстона, что, несмотря на предпочтеніе, оказываемое имъ семьѣ Винци, онъ точно также надуетъ ихъ, какъ и тѣхъ родственниковъ, которыхъ держать вдали отъ себя. Мэри сильно возмущалась тѣмъ безпокойствомъ, которое обнаруживала м-съ Винци каждый разъ, когда ей случалось быть наединѣ съ нею; а между тѣмъ Мэри не могла равнодушно подумать о томъ, какъ пораженъ будетъ Фредъ, если окажется вполнѣдствіи, что дядя оставилъ его не при чемъ. Она не щадила Фреда и подтрунивала надъ нимъ въ глаза, но за-глаза она близко принимала къ сердцу всѣ его безразсудства.

Мэри не даромъ любила размышлять. Каждая сильная, моло-

дая натура, неподчиненная чувствамъ, находить удовольствіе въ изученіи другихъ людей и самой себя; Мэри-же при этомъ от- носилась по всему съ большимъ юморомъ.

Видъ лежащаго передъ нею больного старика не въ состояніи былъ настроить ее на торжественный ладъ или пробудить въ ней какія-нибудь нѣжныя чувства къ нему. Да и можно-ли было питать такія чувства къ дряхлому старику, жизнь кото- раго въ столкновеніяхъ съ Мэри представляла лишь рядъ не- выносимыхъ причудъ и капризовъ? Мэри видѣла только одну непріятную сторону характера м-ра Фэтерстона; онъ никогда не былъ къ ней ласковъ, а она старалась лишь о томъ, чтобы быть ему полезной. Чувствовать-же сердечное участіе къ суще- ству, вѣчно брюзгливому, способны однѣ избранныя души, а Мэри не принадлежала къ ихъ числу. Она никогда не отвѣчала на его брань, усердно ухаживала за нимъ, но дальше этого ужъ не шла. О душѣ своей м-ръ Фэтерстонъ ни мало не заботился и даже отказался принять священника, м-ра Тьюкэра.

Въ эту ночь больной ни разу не огрызнулся на Мэри и съ вечера, часа два сряду, лежалъ необыкновенно тихо; но вдругъ Мэри услышала, что о жестяной ящикъ, постоянно находив- шійся при немъ въ постели, звякнула связка съ ключами. Вслѣдъ затѣмъ, часа въ три ночи, онъ произнесъ весьма яв- ственно:

— Мисси, подойдите сюда.

Мэри повиновалась. Она увидѣла, что старикъ самъ выта- щилъ жестяной ящикъ изъ подъ одѣяла — тогда какъ прежде это дѣлала всегда она — и вложилъ уже ключъ въ замочную скважину. Отворивъ ящикъ, м-ръ Фэтерстонъ вынулъ изъ него другой ключъ и вперивъ въ молодую дѣвушку пристальный, острый взглядъ, тихо спросилъ ее:

— Много-ли ихъ у насъ въ домѣ?

— Вы говорите о вашихъ родственникахъ, сэръ? сказала Мэри, привыкшая къ своеобразной рѣчи старика.

Онъ медленно кивнулъ головой и Мэри продолжала:

— М-ръ Фэтерстонъ и молодой Крэнчъ ночуютъ здѣсь.

— А! понимаю; эти пьявки не отваливаются, а прочіе, вѣ- роятно, являются каждый день — и Соломонъ, и Джэнь со всѣми

домочадцами? Приходятъ, конечно, подглядывать, усчитывать, распоряжаться у меня?

— Они не всё бывають каждый день, — м-ръ Соломонъ и м-съ Уоль—тѣ ходять ежедневно, а прочіе—время отъ времени.

Старикъ слушалъ Мэри молча, дѣлая гримасы, и потомъ зашѣтилъ:

— Дураки они всё. Слушайте, мисси; теперь три часа утра. Я въ полномъ сознаниі, какъ человекъ совершенно здоровый. Я могу съ точностію опредѣлить мое состояніе, указать, гдѣ помѣщены мои деньги, словомъ, все. У меня все готово, чтобы измѣнить мои распоряженія; я до послѣдней минуты моей жизни буду дѣлать то, что хочу. Слушайте, мисси! Я въ здоровомъ умѣ и твердой памяти!

— Что-жъ дальше, сэръ? произнесла очень спокойно Мэри.

Старикъ понизилъ голосъ и, нагнувшись немного къ Мэри, многозначительно произнесъ:

— Я сдѣлалъ два духовныя завѣщанія и намѣренъ сжечь одно изъ нихъ. Теперь дѣлайте, что я вамъ скажу. Вотъ ключъ отъ моего желѣзнаго ящика, который стоитъ въ кладовой. Отодвиньте мѣдную дощечку, что на крышкѣ,—она устроена, какъ задвижка, — вложите ключъ въ замочную скважину и отприте замокъ. Смотрите, дѣлайте такъ, какъ я вамъ говорю... Изъ ящика выньте бумагу, которая лежитъ сверху; на ней крупными буквами напечатано: послѣдняя моя воля и духовное завѣщаніе.

— Нѣтъ, сэръ, возразила съ твердостію Мэри, — я не могу этого сдѣлать.

— Не можете этого сдѣлать? А я вамъ говорю, что вы должны! прервалъ старикъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Я не имѣю права дотронуться до вашего желѣзнаго ящика и до вашего духовнаго завѣщанія. Я обязана отказаться исполнить то, что можетъ бросить на меня тѣнь подозрѣнія.

— Повторяю вамъ, что я въ здоровомъ умѣ! Развѣ я не имѣю права сдѣлать передъ смертью то, что хочу? Я съ умысломъ написалъ два духовныя завѣщанія. Возьмите ключъ, говорю вамъ!

— Нѣтъ, сэръ, я не возьму, еще рѣшительнѣе возразила Мэри. Въ душѣ ея закипѣло отвращеніе къ больному.

— Помните, что время уходитъ.

— Что-жь дѣлать, сэръ. Я все-таки не допущу, чтобы вы въ послѣднія минуты своей жизни положили пятно на всю мою будущность. Повторяю — я не дотронусь ни до вашего ящика, ни до вашего завѣщанія.

Съ этимъ словомъ она отодвинулась отъ постели.

Старикъ умолокъ и, продѣвъ палецъ сквозь ручку ключа, задумался на мгновеніе; затѣмъ онъ сталъ торопливо вытаскивать костлявой лѣвой рукой все, что заключалось въ жестяномъ маленькомъ ящикѣ, стоявшемъ передъ нимъ.

— Мисси, заговорилъ онъ снова, задыхаясь, — подойдите сюда... берите—вотъ банковые билеты, золото...—это все ваше, исполните только то, что я вамъ говорю...

Онъ съ страшнымъ усиліемъ протянулъ къ Мэри руку съ ключемъ; но она отступила назадъ.

— Я не дотронусь ни до вашего ключа, ни до вашихъ денегъ, сэръ, сказала она. — Бога ради, не принуждайте меня! Если вы будете настаивать, я позову вашего брата.

Рука старика упала въ изнеможеніи и Мэри первый разъ въ жизни увидѣла, что Питеръ Фэтерстонъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Сэръ, спрячьте ваши деньги, прошу васъ, произнесла она, какъ можно ласковѣе, и отошла къ камину, желая показать ему тѣмъ, что продолжать разговоръ будетъ бесполезно. Спустя нѣсколько минутъ больной оправился и заговорилъ прерывисто:

— Ну, послушайте... позовите хоть его... этого мальчишку... Фрэда Винца...

При этомъ имени сердце Мэри сильно забилося; въ ея голосѣ, какъ молнія, пронеслась мысль — что можетъ произойти, если другое завѣщаніе будетъ уничтожено?

— Я позову его, отвѣтила она, если вмѣстѣ съ нимъ вы позволите пригласить м-ра Іону и другихъ.

— Никого больше! я вамъ говорю! Мнѣ нуженъ онъ одинъ. Я такъ хочу.

— погодите, сэръ, пока совсѣмъ разсвѣтетъ, когда всѣ въ домѣ встанутъ, а не то, позвольте я позову Симмонса; онъ сбѣгаетъ за нотаріусомъ. Черезъ два часа онъ будетъ здѣсь.

— Нотаріусъ? Затѣмъ мнѣ нотаріусъ? Никто не долженъ знать... Слышите?... никто! я такъ хочу...

— Позвольте мнѣ все-таки кого-нибудь позвать, сэръ, про-изнесла Мэри убѣдительнымъ тономъ. Ей вдругъ сдѣлалось страшно оставаться глазъ-на-глазъ съ старикомъ, который на-ходился въ какомъ-то неестественномъ раздраженіи, говорилъ безъ умолку и ни разу не кашлянулъ. При этомъ она опасалась долѣе противорѣчить ему, чтобы не усилить волненія.

— Отвѣжитесь, я вамъ говорю... Берите деньги... другого такого случая не будетъ... вѣдь тутъ почти двѣсти фунтовъ стерлинговъ, а въ ящикѣ еще есть... никто не знаетъ, сколько тамъ было... Берите, говорю вамъ, слушайте меня...

Стоя у камина, Мэри видѣла, какъ красное пламя освѣщало старика, окруженнаго подушками, съ ключомъ въ протянутой рукѣ и съ разсыпанными на одѣялѣ деньгами. Образъ этого упрямаго человѣка, требовавшаго до послѣдней минуты жизни слѣпного повиновенія своей волѣ, запечатлѣлся навсегда въ ея памяти. Но, возмущенная предложеннымъ ей способомъ воспользо-ваться деньгами, она вооружилась твердостью и смѣло прого-ворила:

— Нечего больше объ этомъ толковать, сэръ; я васъ не по-слушаю; спрячьте ваши деньги, я до нихъ не дотронусь. Тре-буйте отъ меня, что угодно для вашего спокойствія—я все сдѣ-лаю, но до ключей вашихъ и до денегъ—не дотронусь!

— Что мнѣ угодно!... Что мнѣ угодно!... повторилъ старикъ охрипнувшимъ отъ бѣшенства голосомъ. Онъ задыхался, точно подъ влияніемъ кошмара и едва шевелилъ коснѣющимъ язы-комъ. — Мнѣ одно угодно... чтобы вы подошли сюда... ближе... ближе...

Мэри, зная натуру старика, нерѣшительно приближалась къ нему. Онъ выронилъ ключи изъ рукъ и началъ хвататься за палеку. Всѣ мускулы его лица до такой степени исказились отъ напряженія, что онъ въ эту минуту походилъ на разсвирѣпѣв-шую, дряхлую гіену. Мэри остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели.

— Примите лекарство, сказала оно кротко, — и постарайтесь успокоиться. Можетъ быть, вы заснете, а утромъ, когда разсвѣ-тетъ, вы сдѣлаете все, что хотите.

Вольной поднялъ палеку, съ намѣреніемъ пустить ее въ Мэри; но обезсилѣвшая рука измѣвила ему и палка покатила на

поль, скользнувъ по ножкѣ постели. Мэри не подняла ее и вернулась на свое мѣсто, къ камину. Переждавъ нѣсколько времени, она стала давать лекарство больному, неподвижно лежавшему теперь отъ утомленія. Стало свѣтать. Огонь въ каминѣ медленно потухалъ и, сквозь щель темныхъ шерстяныхъ занавѣсокъ, въ комнату проникъ блѣдный утренній свѣтъ. Подложивъ дровъ въ каминъ и завернувшись плотнѣе въ шаль, Мэри съ легкой дрожью въ тѣлѣ опустилась на стулъ, въ надеждѣ, что м-ръ Фэтерстонъ заснетъ. Она рѣшилась не подходить болѣе къ нему, чтобы не раздражать его. Послѣ сцены съ палкой старикъ не произнесъ ни слова; ключи онъ спряталъ, а лѣвую руку положилъ на деньги. Видя, что онъ лежитъ неподвижно, Мэри подумала, что онъ заснулъ.

Сухія дрова вдругъ вспыхнули и освѣтили всѣ углы комнаты. Мэри взглянула на кровать — старикъ лежалъ по-прежнему спокойно, свернувъ голову нѣсколько на бокъ. Мэри тихо поднялась съ мѣста и на ципочкахъ подошла къ нему. Въ первую минуту ее поразила странная неподвижность лица больного; но вслѣдъ затѣмъ черты его, подъ вліяніемъ отразившагося на нихъ пламени, оживились. Съ сильно бьющимся сердцемъ, Мэри начала трогать его, прислушиваться къ его дыханію, все еще не довѣряя себѣ; наконецъ, она бросилась къ окну, осторожно подняла занавѣси и штору, а когда дневной свѣтъ озарилъ комнату, она опрометью кинулась къ звонку и изо всѣхъ силъ дернула шнурокъ. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія: Питеръ Фэтерстонъ лежалъ мертвый, сжавъ въ правой рукѣ ключи, а лѣвую оставивъ на груди банковыхъ билетовъ и золота.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГРУСТНАЯ НОЧЬ.

(Изъ Петѣфи.)

И ночь и мракъ. Я тщетно жажду сна.
Заботой грудь по прежнему полна.
Я думаю, что станется со мною,
Что станется съ родимой стороной,
И бѣдный умъ, несладившій съ судьбою,
Томишь любовь къ отчизнѣ дорогой.

Бѣднякъ поэтъ, таковъ всегда твой рокъ:
Подъ грохотъ волнъ несется твой челнокъ
И если ты случайно сладншь съ ними,
То и тогда приставшаго къ землѣ
Смутить вопросъ: что сдѣлалось съ другими—
Съ плывущими на старомъ кораблѣ?

О мой отецъ, на горькій плодъ наукъ
Заставилъ ты смѣнить мой старый плугъ,—
И, живую, плѣнительную фею
Узнавъ изъ книгъ, я такъ-же въ свой чередъ,
Какъ всѣ, до звѣздъ вознесся вслѣдъ за нею,
Чтобъ вновь упасть съ заоблачныхъ высотъ.

Отъ книги свѣтъ страшнѣй лучей дневныхъ:
Тускнетъ взоръ при яркомъ блескѣ ихъ,—
При свѣтѣ-жъ книгъ ты видишь все яснѣе,
Далекое считаетъ близкимъ глазъ,—
А намъ всегда дороже и милѣе
Все, что вдали находится отъ насъ.

Зачѣмъ-же я учился столько лѣтъ?
Въ простой избѣ, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ,
Въ часы ночей угрюмыхъ, безконечныхъ,
Безсонницей не мучился-бы я
И въ тишинѣ напѣвы снова безпечныхъ,
Какъ пѣсни птицъ, баюкали-бъ меня.

Ходиль-бы я за плугомъ по полямъ
Иль, какъ пастухъ, бродиль-бы по степямъ:
Онъ въ сторонѣ отъ дремлющаго стада
Прилежъ въ траву подъ тѣнь кустовъ густыхъ
И звукъ рожка считаетъ онъ отрадой,
А не пустой забавой для другихъ.

Въ воскресный день смѣнивши свой нарядъ,
Встрѣчаетъ онъ подруги нѣжный взглядъ:
Она добра, свѣжа, трудолюбива,
Она, какъ май, несетъ ему привѣтъ,
Объятія и ласки,—и, счастливый,
Онъ думаетъ, что счастливъ цѣлый свѣтъ!

А. Ш.

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЪ ВОЛИ.

Съ небольшимъ десять лѣтъ прошло послѣ того знаменательнаго историческаго дня, когда вся Россія въ одинъ голосъ могла повторить извѣстный евангельскій текстъ: „нынѣ отпускаши раба твоего, владыко“; но событія, подготовившія этотъ день и отошедшія въ область исторіи, еще долго будутъ напрашиваться на наше вниманіе и требовать критической оцѣнки. Отживающія поколѣнія, которыя могли еще во всей полнотѣ и чистотѣ сохранить воспоминаніе объ этой, предшествовавшей „отпущенію“, эпохѣ, отчасти сожальють о ней, какъ обыкновенно старыя люди сожальють о всякомъ прошломъ, отушевывая и окрашивая въ привлекательныя цвѣта его темныя тѣни и рѣзущія шереховатости, отчасти-же забываютъ самое содержаніе, которымъ наполнено было это, оплакиваемое ими, невозвратимое прошлое. Поколѣнія среднія, занятыя работою настоящаго и всецѣло отданныя этой работѣ, упорно отворачиваются отъ прошлаго, зная, что отъ грѣховъ его и послѣдствій этихъ грѣховъ и безъ того трудно отдѣлаться, и что эти грѣхи прошлаго настоящую ихъ работу дѣлають весьма трудною, не рѣдко непосильною и не рѣдко неблагоприятною. Юныя, подрастающія поколѣнія пока еще вовсе не хотятъ знать и не знаютъ прошлаго, или игнорируя его, или осуждая огуломъ, во всѣхъ подробностяхъ, и мало интересуются имъ.

Только историку-публицисту остается дорогимъ это невозвратное прошлое, и дорого оно не тѣмъ, чѣмъ дорого отживающимъ поколѣніямъ, какъ слабое отраженіе ихъ прошлой, пережитой жизни, а тѣмъ, что оцѣнка его, сопоставленная съ оцѣнкой настоящаго времени, является мѣриломъ, анализомъ и критикой

этого послѣдняго, математически вѣрнымъ масштабомъ какъ по отношенію къ пройденному нами пространству, такъ и по отношенію къ тѣмъ стадіямъ, которыя еще остается пройти. На обязанности историка лежитъ нравственный долгъ — спасти остатки этого прошлаго отъ забвенія, вызвать его на страницы исторіи если не изъ слабѣющей памяти отживающихъ поколѣній, — памяти, которая, какъ всякая людская память, очень не прочна и во всякомъ случаѣ не исторически документальна, — то изъ архивовъ, которые все болѣе и болѣе расхищаются и уничтожаются отъ времени, подвальной сырости, небреженія, пыли и мышей. Передъ нами лежатъ теперь цѣлыя груды архивныхъ дѣлъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, которыя намъ удалось спасти отъ уничтоженія, и изъ этихъ архивныхъ связей мы извлекаемъ богатые и неоцѣненные матеріалы для внутренней, бытовой исторіи нашего народа за время предшествовавшее его „отпущенію,“ живые памятники его страданій, борьбы съ непобѣдимой силою исторической необходимости и безсильныхъ порывовъ сбросить съ себя наложенныя на него историческою неправдою тяжелыя путы, пока они сами не упали съ его ногъ, разбитыя силою роковыхъ словъ: „19 февраля.“ Эта внутренняя исторія русскаго народа и должна быть увѣковѣчена, какъ увѣковѣчилъ онъ себя тысячелѣтнимъ историческимъ существованіемъ, чтобы впослѣдствіи самъ-же онъ могъ оглянуться на это недоброе прошлое и вполне сознательно благословлять свое настоящее, если оно того будетъ стоить.

Вотъ эти-то послѣдніе годы крѣпостного быта русскаго народа, его борьбы съ неблагопріятными историческими обстоятельствами и его стремленія къ „отпущенію раба“ и составятъ предметъ нашего настоящаго изслѣдованія на основаніи историческихъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ разныхъ архивовъ Поволжья.

Мы приступаемъ къ этому изслѣдованію съ тѣмъ глубокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ, что представляемые нами, иногда потрясающія и возмутительныя, картины и сцены этого недалекаго прошлаго будутъ читаться тѣмъ съ болѣе отраднымъ чувствомъ спокойнаго довольства и полнаго всепрощенія, какъ дѣйствовавшимъ тогда людямъ, такъ и этому прошлому, что ни люди эти, ни это прошлое никогда уже болѣе не воскреснутъ.

Цѣли и основанія, которыми мы руководствовались въ составленіи предлагаемыхъ нынѣ историческихъ очерковъ—это возможно-полная и вѣрная, чуждая всякаго пристрастія картина тѣхъ сторонъ нашей прошлой, отошедшей отъ насъ на извѣстное разстояніе жизни, о которыхъ въ свое время или умалчивали или освѣщали ихъ ложнымъ свѣтомъ. Теперь сторонамъ этимъ уже нечего бояться ни историческаго освѣщенія, ни исторической правды, какъ нечего стыдиться русскому народу за своихъ предковъ-славянъ потому лишь, что предки эти, какъ, напримѣръ, древляне—жили „своимъ образомъ звѣринымъ, живуще скотски, убиваху другъ друга, ядуше все нечисто, умышлаху у воды дѣвицы,“ или-какъ радимичи, вятичи и сѣверяне—жили „въ лѣсахъ, якоже и всякій звѣрь, срамословія въ нихъ передъ родители, и племена не стыдятся, и молятся подъ овиномъ.“ Задача современнаго историка является уже въ томъ, чтобы вывести на свѣтъ божій тѣни умершихъ, облики прежняго русскаго народа, пока еще не ушло время, пока эти облики еще не вполне стерлись отъ давности, да вывести такъ, чтобы эти тѣни и облики встали передъ нами живыми, дѣйствующими силами, чтобы, при чтеніи очерковъ прожитой жизни, тѣни мертвецовъ выходили изъ гробовъ въ тѣхъ самыхъ костюмахъ, въ которыхъ они жили и дѣйствовали, чтобы говорили они сами за себя и тѣмъ языкомъ, какимъ они говорили при жизни;—чтобы намъ понятными и близкими становились ихъ историческія горести и неудачи;—чтобы и тѣ, на которыхъ русскій народъ имѣлъ въ свое время право плакаться, также говорили сами за себя и тѣмъ языкомъ, какимъ они объяснялись при жизни;—чтобы ослзательны были для насъ тѣ извороты суда и администраціи, съ помощью которыхъ не рѣдко обвинялся правый и защищался виновный;—чтобы читателямъ въ очію представлялась эта даже бумага, грубая, сѣрая, на которой писались крестьянскія просьбы, полицейскія обвиненія, судебныя приговоры и проч., и проч.

Перечитавъ десятки и сотни тысячъ листовъ изъ архивныхъ дѣлъ описываемой нами эпохи, мы живо воспроизвели въ своемъ воображеніи картину прошлой жизни, и намъ остается только желать, чтобы въ настоящихъ очеркахъ отразилось хотя слабое подобіе представляющейся намъ картины прошлаго, съ колори-

томъ того времени, съ понятіями и взглядами людей, тогда жившихъ и дѣйствовавшихъ.

Вотъ почему въ нашихъ очеркахъ народъ выступаетъ съ его собственнымъ языкомъ, какимъ онъ жаловался на свое тяжелое положеніе, дѣлалъ показанія, просилъ о пощадѣ, о защитѣ, о вольности. Вотъ почему помѣщики, ихъ управляющіе, конторщики, затѣмъ официальные представители сословій и власти — предводители дворянства, капитанъ-исправники, полиція, судъ, высшая администрація — все это является съ полными атрибутами своего званія и говоритъ языкомъ своего времени, языкомъ защиты, обвиненія, суда. Мы ничего не прикрашиваемъ, ничего не прибавляемъ и не убавляемъ. Мы безпристрастно ставимъ передъ судомъ исторіи и правую и лѣвую сторону, и не боимся обвиненія насъ въ односторонности, въ предвѣренности, руководствуясь тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, что если нѣкоторыя изъ личностей того времени и являются не симпатичными, нерѣдко даже отвратительными, то живущимъ нынѣ и читающимъ эти строки потомкамъ ихъ нечего краснѣть за поступки своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые нисколько не виноваты передъ исторіей, не виноваты уже тѣмъ, что имѣли несчастье жить не въ наше время и не научились думать такъ, какъ насъ научило думать наше время.

Предлагаемые очерки выводятъ на сцену народъ наканунѣ его воли. Это цѣлый романъ, тяжелый, давящій, какъ груды архивныхъ бумагъ, въ которыхъ погребено наше прошлое. Тутъ есть и сумасшедшіе, и мономаны извѣстныхъ идей — жалкіе продукты неестественныхъ отношеній людей между собою. Тутъ вообще есть все, что пережилъ русскій народъ наканунѣ своей исторической свободы.

Начинаемъ съ послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I.

I.

Въ августѣ 1824 года, во время путешествія Александра Павловича по Россіи и при проѣздѣ его черезъ Пензу, однимъ крестьяниномъ была подана ему просьба, въ которой тотъ, отъ имени своей деревни, жаловался на помѣщика.

Вотъ эта просьба:

Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь! Ваше императорское величество, воззрите на сіе бѣдственное положеніе! Въ 1824 году, августа 29 дня, саратовской губерніи, кузнецкаго округа, деревни Нижней Елюзани, г. титулярнаго совѣтника Емельяна Иванова сына Малова крестьяне, именно—Иванъ Анофріевъ, Никита Лаврентьевъ, Петръ Григорьевъ, Григорій Александровъ, Самуиль Ивановъ, Іосифъ Михайловъ, со всего общаго согласія единодушно учиня сей выборъ и дали изъ среды нашего-же общества крестьянамъ Ивану Никитину и Михайлѣ Александрову, въ томъ, ваше императорское величество, что мы, извѣстясь о прибытіи государя императора въ губернской городъ Пензу, и для чего ѣхать вамъ въ оной и прискавъ способнаго человѣка для написанія на означеннаго титулярнаго совѣтника Малова прошенія, съ объясненіемъ извѣстныхъ вамъ дурныхъ его съ нами со всѣми поступковъ, способствовавшихъ къ раззоренію нашему, какъ-то изнуря на собственной своей работѣ всю недѣлю изъ дня въ день, развѣ изрѣдка случается даетъ на себя одну только субботу, женивши человѣка возьметъ жену къ себѣ въ сожитіе, и что съ нами, ваше императорское величество, со многими учинено: и малолѣтнихъ дѣвушекъ усиленно растлѣваетъ, какъ то извѣстно вамъ, что у Никиты Лаврентьева дочь 12-тилѣтнюю взялъ и, много разъ за ней гоняясь, матери ея руку переломилъ, и тому, ваше императорское величество, подобныя случаи—крестьянкамъ обрѣзываетъ косы за несогласіе ихъ къ сожитію съ нимъ... и въ работники отдаетъ, и являли благочинному Никитѣ Андрееву, и продалъ онъ домъ нашего крестьянина Тимофея Петрова, и женъ нашихъ стрижетъ, а мужевъ привязываетъ и обнажаетъ за сопротивление, въ чемъ вашего императорскаго величества вѣрно-поданнѣйшій рабъ вашъ Михайла Александровъ“.

Въ такой незатѣйливой формѣ излилъ передъ государемъ Михайло Александровъ свое крестьянское горе.

Просьба была принята императоромъ, и въ концѣ октября этого-же года статсъ-секретарь Муравьевъ, прѣпроводивъ ее на рассмотрѣніе управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ объ этомъ саратовскому губернатору Панчулидзеву— „для свѣденія и вразумленія просителей“, если это окажется

нужнымъ. Съ своей стороны управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, препроводивъ сказанную просьбу къ Панчулидзеву, просилъ его доставить въ министерство надлежащія по ней свѣденія и свое мнѣнiе, а между тѣмъ, въ случаѣ справедливости принесенной жалобы, оказать просителямъ защиту и покровительство.

Получивъ и то, и другое требованiе, Панчулидзевъ немедленно сообщилъ объ этомъ кузнецкому предводителю дворянства, Николаю Радищеву, и просилъ его „тотчасъ-же развѣдать подъ рукою, акуратнымъ образомъ — точно-ли и какія именно просителямъ дѣлаются жестокости отъ ихъ помѣщика“. Тоже самое потребовалъ онъ и отъ „капитанъ-исправника“, — помѣщика Павла Колюпанова. Предводитель отвѣчалъ, что Маловъ, поповичъ по происхожденiю, лѣтъ тринадцать тому назадъ купилъ себѣ крестьянъ въ Нижней Елюзани и поселился тамъ съ своимъ семействомъ, что сначала въ немъ ничего не было замѣтно предосудительнаго, а съ недавняго времени „сдѣлался онъ склоненъ къ пьянству и оно обратилось въ ежедневную привычку“, что „будучи въ пьянствѣ, онъ часто производитъ драки“, что „главная причина негодованiя крестьянъ на помѣщика Малова и принесенной ими на него на высочайшее имя жалобы происходитъ отъ того, что, пьяный, онъ чрезвычайно распутенъ и для удовлетворенiя желанiй своихъ съ женщинами употребляетъ всякаго рода насилiе, и при сопротивленiи иногда сильными побоями и угнетенiями старается принудить къ исполненiю развратныхъ своихъ требованiй“ и проч. Колюпановъ тоже отвѣчалъ, что въ Маловѣ давно „замѣчена была большая склонность къ пьянству, которая отъ времени увеличилась до того, что рѣдкiй день проходилъ, въ который-бы онъ не былъ пьянъ“, что „въ семъ положенiи крестьянъ своихъ иногда бьетъ безъ всякой причины“, но что главный источникъ негодованiя на него крестьянъ, это то, что, какъ объяснялъ и Радищевъ, Маловъ, „будучи чрезвычайно пьянъ, желаетъ употребить съ женщинами всякаго рода насилiе“.

Такъ-какъ подобное явленiе было не единичнымъ въ то время и такъ-какъ крестьяне цѣлыми селенiями бѣгали отъ помѣщиковъ, не вынося ихъ тяжелаго давленiя, и постоянно, съ рискомъ на жизнь и смерть, посылали своихъ ходаковъ, тайно

отъ помѣщиковъ, или въ Петербургъ къ государю, или къ нѣкоторымъ губернаторамъ, о которыхъ собственно доходила до нихъ молва, какъ о „мужицкихъ начальникахъ и заступникахъ“,—то Панчулидзевъ немедленно предложилъ губернскому правленію проинвестировать о Маловѣ „строжайшее изслѣдованіе“ для передачи на разсмотрѣніе судебного мѣста; а вмѣстѣ съ тѣмъ, „дабы протестители не могли долѣе быть угнетаемы помѣщикомъ ихъ, — то нынѣ же поручить вѣденію кузнецкой дворянской опеки съ тѣмъ, чтобы всякая власть помѣщика надъ ними пресѣчена была силою законовъ“. Въ то-же время, сообщая Ланскому обо всемъ, что имъ было узнано и предпринято по дѣлу Малова, онъ добавлялъ: „за всѣмъ тѣмъ, имѣя во всегдашнемъ вниманіи моемъ высочайшія его императорскаго величества повелѣнія (о наблюденіи за тѣмъ, чтобы помѣщики не притѣсняли крестьянъ, а крестьяне имъ повиновались), которыя для непремѣннаго по нимъ во всѣхъ частяхъ исполненія разосланы мною въ свое время ко всѣмъ предводителямъ дворянства и земской полиціи, я долго поставилъ возобновить оныя въ памяти ихъ съ тѣмъ, чтобы неусыпнымъ освѣдомленіемъ въ уѣздахъ о дѣйствіяхъ помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами исполняли высочайшую волю государя императора и объ открывшемся увѣдомляли-бы меня каждый разъ безъ малѣйшаго промедленія, подѣ опасеніемъ за противное тому неминуемаго и строжайшаго взыскація по законамъ“.

Дѣйствительно, подобнаго рода предписанія для „возобновленія въ памяти“ кого слѣдуетъ обязанности наблюдать за взаимными отношеніями помѣщиковъ и крестьянъ немедленно были разосланы по всей губерніи.

Въ то время, когда это происходило, нѣкоторымъ изъ крестьянъ Малова удалось пробраться въ Саратовъ, и они подали новую просьбу, уже на имя Панчулидзева, въ которой жаловались на новыя притѣсненія своего помѣщика, „живущаго не у дѣлъ титулярнаго совѣтника“, какъ они называли Малова. Въ этой просьбѣ они ссылались на то, что уже подали подобную явочную государю въ прошломъ году, „когда второй корпусъ воинскихъ силъ для смотра государя императора былъ въ губернскомъ городѣ Пензѣ“, что въ этой просьбѣ они жаловались, какъ Маловъ обращается съ ними „сурво“, отнимая у

нихъ всѣ дни въ недѣлѣ, заставляя ихъ возить дрова, за 70 верстѣ, въ Пензу, „гдѣ жила его жена Настасья Павловна и зять ихъ изъ церковнаго сана, — не знаемъ, какого достоинства, — Александръ Ивановичъ Губаревскій“, что Маловъ „отнимаетъ у мужей ихъ женъ для беззаконія“, что у матери той двѣнадцатилѣтней дочери Никиты Лаврентьева, Прасковьи, съ которою онъ усиленно беззаконіе учинилъ, „полѣномъ перешибъ руку“ и т. д. Крестьяне упоминали, что государь принялъ ихъ просьбу, что по ней затребованы свѣденія отъ начальства. „Но, прибавляютъ они, — какъ мы извѣстились, г. исправникъ сдѣлалъ отношеніе въ угодность г. Малову; что „недавно пріѣзжалъ къ нимъ въ деревню вновь избранный отъ дворянства исправникъ Траупель съ лекаремъ, и собравъ понятыхъ стороннихъ людей и живущихъ въ той деревнѣ отъ мордвовъ новокрещенъ, ясапныхъ крестьянъ Нижней Елюзани, кромѣ постороннихъ разнаго званія людей, а вмѣстѣ съ ними и тутошнихъ татаръ, дѣлали помянутой дѣвкѣ, посредствомъ повивальныхъ бабокъ, свидѣтельство, и дойдено, что, дѣйствительно, та дѣвка, Прасковья, была по лѣтамъ своимъ цѣломудренна и растлѣна насильственно имъ, Маловымъ“, что понятые „новокрещены“, а въ особенности татаре „въ повальномъ обыску, уповаемъ, также поведеніе его не одобрили, но тѣ-ли слова ихъ значутся въ показаніяхъ—мы въ невѣденіи“, что при слѣдствіи они хотѣли показать и другія преступленія Малова, но что у нихъ были отняты всякія къ тому мѣры.

„А нынѣ, заключаютъ свою скорбную жалобу крестьяне, — имѣемъ счастье объявить вашему превосходительству, что онъ (Маловъ) съ дѣвкой своею Настасьею Назаровою, купленною съ малолѣтства, живетъ блудно, и прижили двухъ дѣтей, которая сама можетъ удостовѣрить, а жена его, Малова, помянутая Настасья Павловна, живущая въ городѣ Пензѣ, пріѣхала въ деревню Нижнюю Елюзань, дознала беззаконіе мужа своего и призвала ту дѣвку въ людскую избу за то беззаконіе и, по вопросу съ мужемъ ея, отрѣзала ей волосы, а послѣ, раздѣвъ ее, придя въ азартъ, зажгла пукъ лучины и около естества опалила волосы, о чемъ та дѣвка изъясляла сосѣдамъ ясапнымъ крестьянамъ. За всѣмъ тѣмъ г. Маловъ поступаетъ съ нами безчеловѣчно, не даетъ дней, чтобы всегда на него работали, а самъ

нерѣдко обращается въ нетрезвомъ видѣ, да намѣревается насъ продать въ постороннія руки. По таковымъ обстоятельствамъ, ваше превосходительство, всепокорнѣйше просимъ сіе наше прошеніе принять и по новому въ семь донесенію благоволите учинить обслѣдованіе о всемъ описанномъ, и дабы далѣе не могли мы быть стѣсняемы, отъ владѣнія г. Малова насъ отобрать и отдать въ опекунство, кому благоугодно, минуя господъ князя Михаила Никитича Чегодаева и исправника Траупеля, которые намѣреваются насъ къ себѣ присвоить, съ господами-же нашими повелѣть, кому надлежитъ, поступить по законамъ, на что и имѣемъ ожидать милостивѣйшей вашего превосходительства резолюціи“¹⁾).

Между тѣмъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, надъ дѣйствіями Малова уже назначено было формальное разслѣдованіе. Панчулидзевъ сообщилъ предводителю Радищеву и исправнику Траупелю о производствѣ совмѣстнаго слѣдствія съ тѣмъ, что если жалобы крестьянъ окажутся справедливыми, то мѣстное дворянство должно составить постановленіе о назначеніи опеки къ имѣнію обвиняемаго помѣщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ земскому суду дано было знать о необходимости принятія мѣръ, чтобы Маловъ не могъ больше дѣлать своимъ крестьянамъ обидъ и притѣсненій.

Постановленіе „кузнецкаго дворянства“ послѣдовало скоро. Оно состояло въ слѣдующемъ: такъ какъ изъ слѣдствія оказалось, „что онъ, Маловъ, преданъ пьянству, во время коего бываетъ буйнъ, а о жестокостяхъ его яснаго доказательства нѣтъ, исключая показанія его-же крестьянъ и другихъ недостаточныхъ свидѣтелей; онъ-же, Маловъ, показываешь въ своемъ объясненіи, что наказывалъ крестьянъ своихъ за поступки, коихъ нельзя было упустить безъ взысканія, а неповиновеніе крестьянъ усмотрѣть можно и изъ доставленной въ земскій судъ просьбы ихъ, въ коей даже оказываются нежеланія повиноваться и другому помѣщику своему, о коемъ слышали, что Маловъ ихъ ему продалъ, то слѣдовало-бы для удержанія буйства, происходящаго отъ нетрезваго положенія, отдать имѣ-

¹⁾ Это краснорѣчивое прошеніе писалъ какой-то семинаристъ, „ученикъ вѣснаго отдѣленія“ Петръ Архангельскій.

ніе въ опеку; но Маловъ въ томъ-же объясненіи своемъ показалъ, что имѣніе свое съ людьми и крестьянами все безъ остатка продалъ бывшему саратовскому губернскому предводителю дворянства, надворному совѣтнику и кавалеру князю Чегодаеву, по законному условію, которое покупщикъ, князь Чегодаевъ, собранію дворянства представилъ, а по словамъ условія покупщику должно вступить во владѣніе съ перваго апрѣля текущаго года, то-есть черезъ двѣнадцать дней, почему дворянство и полагаетъ учреждать опеку сему имѣнію на столь короткое время ненужнымъ, кромѣ какъ развѣ нужно будетъ преградить ему, Малову, бесполезную по нетрезвости его растрату имъ денегъ, которыя онъ условился получить съ князя Чегодаева за то имѣніе свое, ибо онъ, Маловъ, имѣетъ жену и трехъ сыновей, изъ коихъ двое несовершеннолѣтніе, требующіе содержанія отъ него же, и таковое прегражденіе будетъ уже относиться, — какъ онъ, Маловъ, есть личный дворянинъ, — до вѣденія сиротскаго суда“.

Въ этой подъяческой казуистикѣ ясно просвѣчиваетъ одна цѣльная мысль — это желаніе обвинить крестьянъ въ неповиновеніи, въ бунтѣ. Имъ ставится въ вину то, что они осмѣлились жаловаться на дворянина, хотя-бы онъ былъ даже личный — жалоба возбуждалась не противъ личности, а противъ идеи, противъ помѣщика, — и это поняли кузнецкіе дворяне, когда сошлись для оцѣнки дѣйствій помѣщика. Показаніямъ крестьянъ не даютъ вѣры потому, что они исходятъ отъ крестьянъ-же; показанія другихъ лицъ, сосѣдей, также не принимаются, и свидѣтели эти называются „недостаточными“. Наконецъ, крестьяне являются бунтовщиками и потому, что въ жалобѣ своей изъявляютъ нежеланіе повиноваться и будущему своему помѣщику, князю Чегодаеву.

Желаніемъ обвинить крестьянъ, въ свою очередь, задался и судъ, въ который перенесено было ихъ дѣло. Послали чиновниковъ вводить князя Чегодаева во владѣніе новымъ имѣніемъ. Чиновники „оградились“ понятными и сторонними людьми. Крестьяне, которые имѣли основанія не довѣрять чиновникамъ, отказались „вступить во владѣніе за покупщика“, говоря властямъ, кругомъ ихъ обвинявшимъ, что „за князя не пойдутъ и повиноваться ему не будутъ“. Крестьянъ и старосту арестовали.

Начались допросы на судѣ. Крестьяне стояли на своемъ, что Маловъ, какъ попovichъ, не имѣетъ права владѣть ими, не имѣетъ права и продавать ихъ, что Маловъ жестокъ и пьянъ, что они ждутъ отъ царя рѣшенія своей участи, что приказаній ни земскаго, ни уѣзднаго суда „не уважаютъ“ и т. д. Чиновники доносятъ, что крестьяне дѣйствуютъ такъ по чьему-либо подговору, — „по внушенію кого-либо неблагонамѣреннаго быть вольными“ — обыкновенная обвинительная формула того времени: хотятъ воли, значить, есть подстрекатели, подговорщики, бунтовщики. Чиновники тоже стоятъ на своемъ, особенно, когда дѣло дошло до губернатора и до государя — стоятъ на упорномъ рѣшеніи обвинить крестьянъ. „Для вразумленія ихъ въ такомъ невѣжествѣ“ сочиняется „увѣщательная“ записка. Для увѣщанія призывается священникъ. Цѣлыхъ два дня онъ и чиновники увѣщаютъ „невѣждъ“ — и все напрасно. Имъ доказываютъ, что Маловъ, хотя и личный дворянинъ, но, на основаніи 22 статьи „жалованной благородному дворянству грамоты“, имѣетъ право продать ихъ, подарить, „словомъ, распорядиться благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ своимъ воленъ, какъ разсудить“, что вольными имъ быть, „какъ они мнятъ“, никакъ невозможно, ибо, по силѣ той-же жалованной грамоты, „лишить дворянина благопріобрѣтенной собственности, кромѣ какъ за долги и другіе интересныя съ него иски, нельзя даже и тогда, *если-бы онъ и жестокое имѣлъ съ ними обращеніе* и если-бы даже былъ за то обвиненъ, то и тогда свободы предоставлено имъ не будетъ“, что опекунъ, котораго просятъ себѣ крестьяне, за продажей имѣнія новому владѣльцу, „болѣе не нуженъ“, ибо, съ переходомъ къ новому помѣщику, они „отъ жестокостей Малова освободились, а тѣмъ и мѣры, принимаемыя правительствомъ къ отвращенію оныхъ, содѣлались въ дѣлѣ семъ не подобными“, что „само благородное кузнецкое дворянство, уважая продажу Маловымъ имѣнія, почло тѣмъ самую лучшую *развязку встрѣтившейся непріятности*“, что отмѣнить это постановленіе дворянства судъ „не могъ и надобности не имѣлъ и не имѣетъ“, и что, наконецъ, за выказанное крестьянами неповиновеніе помѣщику, „по силѣ воинскаго артикула, надлежитъ послать къ нимъ въ жительство, для приведенія ихъ въ должную покорность, воинскія команды, а виновнымъ, какъ сущимъ

злодѣямъ, чинить наказаніе“. Крестьяне „не вняли“ и этимъ устрашеніямъ — передъ ними стоялъ призракъ новыхъ жестокостей нѣлаго поповича болѣе грозный, чѣмъ даже воинскія команды.

Тогда судъ приступилъ къ мотивированію приговора надъ непокорными. Между прочими мотивами ставилось въ вину крестьянамъ то, что, несмотря „на двудневное увѣщаніе священника“, несмотря на представленные имъ „истинные резоны“ о необходимости повиновенія и неизбѣжности строгой отвѣтственности за ослушаніе, „они остались непокорными и упрямствующими“, что постоянно и „единодушно“ твердили — „за князя Чегодаева не пойдѣмъ и повиноваться ему не будемъ“, что подобная „закоснѣлость“ ихъ „слѣдуетъ отъ мысли, вѣроятно, внушенной имъ кѣмъ-либо неблагонамѣреннымъ и невѣдущимъ высочайшихъ указовъ“, что „таковая ихъ непокорность изъявляетъ самое буйство“, что безъ помѣщика они остаются „своевольны“, а между тѣмъ власти должны „требовать отъ нихъ работъ новому помѣщику“, что всего опаснѣе въ этомъ случаѣ возможность „послѣдованія на то другихъ“, т. е. что примѣромъ ихъ заразятся другіе крестьяне, и что важнѣе „особенно сей пунктъ“ — опасность общей заразы, и т. д.

Въ такомъ же духѣ писалъ съ своей стороны и Панчулидзевъ управляющему министерствомъ, Блудову. Онъ выставлялъ главную въ данномъ фактѣ опасность — заразительный примѣръ для другихъ крестьянъ. Крестьянскіе ходоки недаромъ ходили по городамъ и прислушивались къ толкамъ: въ малѣйшемъ намекѣ имъ чуялась воля, и если они находили „способнаго человѣка“, который брался написать для нихъ просьбу, то они готовы были не только на принесеніе ему послѣднихъ грошей, но не задумались-бы дать вырѣзывать ремни изъ своихъ мужичкиныхъ, широкихъ спинъ. „Ссылать такъ ссылать, стрѣлять такъ стрѣлять въ насъ, а мы отъ своего не отступимъ“, говорили ваулинскіе крестьяне Рославцу, когда имъ только показалось, что они правы въ своемъ требованіи. Панчулидзевъ видѣлъ не разъ этихъ ходоковъ; много ихъ сидѣло по острогамъ за то только, что они были ходоки отъ міра; много ихъ ушло въ Сибирь; а все воля манила къ себѣ крестьянъ и ходоки опять пробирались въ города, гдѣ-бы они только могли найти листъ бумаги,

да пишушую руку. Но въ данномъ случаѣ Панчулидзевъ не рѣшался приступать къ „рѣшительнымъ мѣрамъ“. Онъ только писалъ Блудову, что до принятія этихъ мѣръ онъ приказалъ „истолковать“ невинующимся крестьянамъ „вновь полученный“ указъ сената „съ изображеніемъ“ высочайше утвержденного положенія комитета министровъ по дѣлу объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ гвардіи капитана Скворцова, „которымъ представлено помѣщикамъ право закладывать или продавать принадлежащія имъ имѣнія и тогда, если-бы оныя, за жестокое обращеніе ихъ съ дворовыми людьми и крестьянами, отданы были въ опеку“.

Блудовъ не замедлилъ одобрить распоряженія Панчулидзева. Онъ поручалъ ему все дѣло представить въ сенатъ, а „жестокіе съ крестьянами поступки“ Малова передать на опредѣленіе судебнаго мѣста.

Въ концѣ этого года вышло опредѣленіе сената: имѣніе Малова поступало въ вѣденіе сиротскаго суда. Что случилось съ Маловымъ, къ чему присудилъ его судъ, какая участь постигла его крестьянъ, что было затѣмъ съ другими жертвами его жестокости—архивныя дѣла, имѣющіяся у насъ подъ руками, ничего не говорятъ; другія-же дѣла, изъ которыхъ можно-бы было извлечь эти свѣденія, уничтожены временемъ.

II.

Одновременно съ этимъ возникаютъ волненія между крестьянами другихъ мѣстностей. Волненія эти робкія, нерѣшительныя, являющіяся въ видѣ попытокъ объ отысканіи вольности, о возможности побѣга куда глаза глядятъ, о возможности переселенія, облегченія барщины. Робкія волненія эти замѣчаются въ аткарскомъ округѣ, въ селѣ Березовкѣ, въ деревнѣ Провудиной, и въ царичинскомъ округѣ въ слободѣ Мечетной, между крестьянами оберъ-егермейстера Нарышкина, помѣщицы Будищевой, генералъ-майорши Запольской.

Нарышкинскіе крестьяне, подобно крестьянамъ Малова, тоже подають просьбу государю Александру Павловичу, въ которой хотя не жалуются на жестокости помѣщика, а только на при-

тѣсненія, и ищутъ воли, закрѣпленія въ казну. Цѣлое село обращается къ государю съ слѣдующей просьбой, сочиненной ихъ собственнымъ разумомъ, написанной ихъ собственными, непривычными руками, языкомъ, исполненнымъ дѣтской наивности:

„Имѣя надежду на власть высокомонаршаго благоволенія снять себя надлежащее удовлетвореніе, такъ какъ служба помянутому помѣщику нашему въ крестьянствѣ, который заложилъ насъ казнѣ вашего императорскаго величества, а нынѣ-жъ, за невыкупомъ помянутымъ господиномъ нашимъ, завладѣлъ нами неизвѣстно почему майоръ Сергѣй Львовичъ Слѣпцовъ, съ какого времени и притѣсняетъ насъ всегдашнюю излишнюю господскою работою и непремѣнно помышляетъ имѣть насъ у себя въ крестьянствѣ; мы-же, какъ не убоясь лица всеавгустѣйшаго монарха, находимся нынѣ просить вашего императорскаго величества: вы есть единъ защитникъ правовѣрныхъ! Благоволите всеавгустѣйше сдѣлать защиту всеподданныѣйшимъ. Мы не принадлежа уже нынѣ помянутому майору Сергѣю Львовичу Слѣпцову и не хотя болѣе во услуженіи быть у него, за оставленіемъ насъ господиномъ нашимъ *обързъ-серъ-мейстеромъ* Нарышкинымъ. въ казнѣ вашего императорскаго величества, чему себя и предаемъ“.

Просьба эта, по принятому порядку, была препровождена, при письмѣ статсъ-секретаря Муравьева, къ губернатору Панчулидзеву, съ тѣмъ, чтобы онъ по содержанію этой просьбы доставилъ ближайшія свѣденія и заключеніе для доклада государю. Панчулидзевъ, съ своей стороны, затребовавъ эти свѣденія отъ мѣстнаго предводителя дворянства и капитанъ-исправника. Первый изъ нихъ, помѣщикъ Коптевъ, сообщилъ, что Слѣпцовъ купилъ упоминаемое въ жалобѣ имѣніе у Нарышкина и владѣетъ имъ по праву. Что-же касается до изнуренія крестьянъ работою и другихъ притѣсненій, то Коптевъ писалъ: „объ излишней работѣ и притѣсненіяхъ, сколько я ни старался освѣдомиться, да и самъ имѣю деревню въ самомъ томъ селѣ Березовкѣ, но никакъ не могъ замѣтить, чтобы изнуряли ихъ работою или какими прочими притѣсненіями, а напротивъ того, куплены они отъ г. Нарышкина въ самомъ бѣдномъ состояніи, и, какъ мнѣ извѣстно, многимъ построены дома, розданы лошади и снабжаютъ даже и теперича хлѣбомъ; но такъ-какъ они всегда нахо-

дѣлись на оброкѣ, то ихъ принуждаютъ сельскіе начальники, чтобы они старались работать хорошеенько, для ихъ собственной пользы, и отпускали мастеровыхъ плотниковъ на себя работать недѣли по двѣ и по три, а отъ барщины для поправки ихъ очень часто освобождаютъ, а причина просьбы ихъ — полагаю, что они привыкли быть въ праздности“. Капитанъ-исправникъ Логвиновъ представилъ копию съ документовъ, по которымъ Слѣпцовъ законно владѣетъ березовскими крестьянами.

Всѣ эти свѣденія отправлены были въ Петербургъ, доложены государю графомъ Араччеевымъ и затѣмъ повелѣно было объявить крестьянамъ, „что его величество изволилъ найти просьбу ихъ не дѣльною“.

Мечетинскіе крестьяне, въ царицинскомъ округѣ, дѣйствовали иначе. Они, „подъ названіемъ изъ казачьяго званія“, стали отыскивать себѣ вольности. Дѣйствительно, слобода Мечетная была населена разнымъ сбродомъ да „наволокой“: тутъ были и выходцы изъ Украйны, прежде бывшіе казаки и посполитые люди, были тутъ и потомки донскихъ и волжскихъ казаковъ. Понятно, что они искали воли единственно лишь на основаніи преданій. Сенатъ не уважилъ ихъ исканій и закрѣпилъ ихъ за помѣщицей Александрой Алексѣевой Будищевой. Крестьяне не унимались, надѣясь отбиться отъ Будищевой: „не почитая себя зависящими, они отъ власти ея уклонились, перестали платить ей оброкъ, а по своевольствамъ, скрытно отъ нея, повывели въ другое званіе изъ своихъ семействъ женскій полъ и лишили ее собственности“. Управляющій Будищевой жаловался на это своеволие мѣстнымъ властямъ, просилъ о приведеніи крестьянъ въ повиновеніе. Въ Мечетную командированы были необходимыя чиновники. Начались усовѣщеванья, запугиванья крестьянъ. Болѣе смѣлые изъ нихъ, Гончаровы, не хотѣли подписаться подъ отобраннмъ отъ нихъ показаніемъ.

— Я васъ всѣхъ перекую! закричалъ Наттеръ, употребляя обыкновенную тогдашнюю угрозу.

Крестьяне смирились, зная по опыту, что за этой угрозой можетъ послѣдовать присылка въ Мечетную воинской команды. Но когда уѣхали власти, они опять поворотили на старое: „въ нихъ, говорить управляющій Будищевой въ жалобѣ Панчудзеву, — родилось сугубое упорство, такъ что на нѣкоторыя, по довѣрен-

ности мнѣ данной отъ имени помѣщицы, приказанія не только мужеской, но и женскій полъ оказали пренебреженіе“.

Управляющій поскакалъ въ Царицынъ. Тамъ онъ обвинялъ власти въ непринятіи мѣръ къ укрощенію мятежа, доказывалъ, что судъ „долженъ былъ заняться обязанностію своею, вникнуть въ простолоудство крестьянъ, внушить о неизбѣжномъ ихъ долгѣ — находиться во власти помѣщицы, вразумить о важности ихъ поступковъ и о строгомъ за то наказаніи, а въ случаѣ ихъ непреклонности — подвергнуть ослушниковъ подъ стражу и потомъ продолжать дѣйствіе къ прекращенію зла сего“. Управляющій требовалъ, чтобы судъ отправился въ Мечетную, что онъ долженъ „употребить тамъ внутреннюю стражу на укрощеніе неповинующихся“. Между тѣмъ судъ ничего этого не сдѣлалъ. Главныя зачинщики сумятицы, крестьяне Гончаровы, сами явились въ Царицынъ и, „шатаясь тамъ, предавались прежнему своему произволу“; а убѣжденіямъ управляющаго „они и внимать не хотѣли, а еще занимались искательствомъ насчетъ удержанія себя въ независимости“. Явились и адвокаты того времени, составители просьбъ; думали даже обратиться въ государственный совѣтъ. Гончаровыхъ арестовали. Управляющій настаивалъ на томъ, что и это не поведетъ ни къ чему, что все это дѣлается только „къ одной проформѣ“. Онъ требовалъ отъ властей „приложить всѣ старанія и строгости на усмиреніе нарушителей благочинія, отрядить для того внутреннюю стражу, подъ которую и подвергнуть бунтующихъ людей, такъ чтобы, состоя подъ приглядомъ, удержаны были отъ своевольства и побѣговъ, а въ возчувствованіе — итѣнне ихъ подвергнуть аресту, удаливъ ихъ отъ распоряженія онымъ и продолжать должныя мѣропріятія, доколѣ будутъ совершенно усмирены“.

Опасаясь, что бездѣтельность мѣстныхъ властей поставитъ всѣхъ крестьянъ на ноги (чего, впрочемъ, по ходу дѣла трудно было ожидать), будищевскій управляющій обратился къ Панчулидзеву, представивъ ему неповиновеніе крестьянъ въ раздутомъ видѣ. Панчулидзевъ строго требовалъ отъ царицынскихъ властей объясненій и усмиренія непокорныхъ. Изъ Царицына „почтеннѣйше доносили“, что бунта въ слободѣ Мечетной нѣтъ и не было, что крестьянамъ никакого „послабленія“ не дѣлано, но что они, „чувствуя настоящую справедливость, что они есть ка-

зачьяго рода происхожденія, послали для совершеннаго обо всемъ узнанія къ командирующему на кавказской линіи генералу отъ инфантеріи Ермолову повѣреннаго изъ семейства отсужденныхъ въ казаки Лукьяна Изюмскаго“, вмѣстѣ съ другимъ ходакомъ, и что до возвращенія этихъ ходаковъ и до совершеннаго отказа крестьянамъ въ ихъ исканіяхъ они повиноваться помѣщикамъ не хотятъ и не будутъ.

Кончилось тѣмъ, что мечетинскихъ вольнодумцевъ стали „тягать“, какъ они выражались, по судамъ, и они покорились.

Точно также должны были покориться и крестьяне генеральши Натальи Петровны Запольской. Запольскіе мужики также искали воли, подкрѣпляясь разными воображаемыми правами на вольность. Во главѣ ихъ стоялъ прокудинскій крестьянинъ Ивановъ. Дѣло пошло по инстанціямъ. Ивановъ, „вообразивъ себѣ, что онъ уже совершенно вольный, подбилъ прочихъ прокудинскихъ мужиковъ не повиноваться барынѣ, „пока не выйdetъ рѣшеніе“. Запольская обратилась за содѣйствіемъ къ губернатору и просила принудить крестьянъ къ покорности. Подобно тому какъ и въ большинствѣ случаевъ того времени, крестьянамъ пригрозили Сибирью, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Панчудидзевъ получилъ изъ Аткарска донесеніе, что прокудинскіе бунтовщики „въ повиновеніе введены и обязаны въ томъ подпискою“.

Не такъ легко было успокоить крестьянскія волненія, когда, около этого-же времени, прошла молва, что „государь даровалъ свободу всемъ помѣщичьимъ крестьянамъ“ и что наступила пора всеобщихъ свободныхъ переселеній. Какъ электрическая искра прошла эта молва отъ одного конца Россіи до другого, и крестьяне зашевелились не только въ большихъ селахъ, но и въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ. У народа мгновенно вспыхнула страсть отыскивать новыхъ земель, которыхъ-бы глазомъ нельзя было обнять, которыя-бы родили самъ-сто, самъ-двѣсти, гдѣ-бы рѣки изобиловали рыбой, а лѣса птицами и пушными звѣрями, гдѣ-бы не было ни господъ, ни помѣщиковъ, ни барщины, ни рекрутчины и никакихъ даже податей. Въ воображеніи массъ представились эти невѣдомыя страны, далекія рѣки съ сытовыми водами и кисельными берегами. Такою обѣтованною землею на этотъ разъ почему-то представились оренбургскія степи. Явилась по обыкновенію какад-то таинственная личность, не то царскій

посланникъ, не то царскій родичъ, который переѣзжалъ изъ селенія, въ селеніе, и составлялъ именныя реестры всѣмъ крестьянамъ, изъявлявшимъ желаніе переселит.ся въ обѣтованную землю. ¹⁾ Крестьяне тотчасъ со всѣхъ мѣстъ нарядили ходаковъ и соглядатаевъ для обозрѣнія этой невѣдомой палестины.

Таинственная личность, развѣжавшая по помѣщичьимъ вотчинамъ и объявлявшая поголовную волю, имѣла всѣ признаки официальности и власти: она имѣла на груди знакъ отличія св. Анны и составляла реестры. Оказалось, что это не былъ ни царскій посолъ, ни царскій родичъ, а какой-то искатель приключеній, по фамиліи Геенковъ, малороссіянинъ. Послѣ узнали, что Геенковъ былъ „отставной изъ бирюченской неслужащей команды унтеръ-офицеръ“, дѣйствительно, имѣвшій знакъ отличія св. Анны. Какъ-бы то ни было, волненіе, имъ произведенное, было громадное, заразительное. Составивъ реестры изъявившимъ желаніе „на вольное поселеніе“, онъ самъ ѣздилъ съ этими реестрами въ обѣтованную землю „для отысканія мѣстъ;“ но, какъ видно, поѣздка его была неудачна и, воротившись изъ таинственной экспедиціи, онъ передалъ реестры крестьянамъ графа Виктора Павловича Кочубея, въ селѣ Рыбушкѣ, недалеко отъ Саратова. Рыбушане, съ своей стороны, отрядили въ заволжскія степи соглядатаевъ, тоже малороссіяинъ, всегда отличавшихся замѣчательной страстью къ бродяжеству, къ отысканію новыхъ „вольныхъ“ земель, послѣ того какъ ихъ воля на Запорожьѣ была урѣзана. Соглядатаи были схвачены гдѣ-то около Оренбурга и подѣ стражею возвращены на мѣсто жительства, „претерпѣвъ изнуреніе“. Пропагандистъ „вольныхъ поселеній“, Геенковъ, былъ также схваченъ, заарестованъ и отданъ подѣ уголовный судъ, какъ возмутитель народа. Дѣло объ этихъ волненіяхъ шло нѣсколько лѣтъ; множество народа невинно пострадало; Геенковъ также былъ осужденъ въ концѣ 1825 года. Геенковъ, „дабы онъ впредь не могъ содѣлать дальнѣйшаго вреда и въ примѣръ другимъ“ былъ наказанъ плетью, 50-ю ударами, и сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу; на снятіе-же съ него знака отличія св. Анны послѣдовало высочайшее соизволеніе.

¹⁾ Геенковъ... усиливалъ таковыя вредныя слухи, составлялъ именныя реестры изъявившимъ желаніе „на вольное поселеніе“.

Впрочемъ, ни ссылка въ Сибирь Геенкова, ни отдача въ солдаты, ни жестокия наказанія плетью десятковъ тысячъ крестьянъ, порывавшихся тѣмъ или инымъ путемъ найти сказочную волю, не остановили этого всеобщаго стремленія къ открытію новаго крестьянскаго свѣта— „вольныхъ поселеній“. Побѣги обратились въ какую-то эпидемію, которая въ иные годы проявлялась въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, въ другіе-же свирѣпствовала повально.

III.

Обращаясь къ другой сторонѣ разсматриваемыхъ нами явленій въ исторіи русскаго народа, мы находимъ, что какъ крестьянъ не останавливали отъ побѣговъ и отъ исканій сказочной воли ни плети, ни поселеніе въ Сибири, ни каторжная работа, такъ и тѣхъ, отъ кого они бѣгали, ничто не научило оглянуться назадъ, осмотрѣться кругомъ и убѣдиться, что такое положеніе дѣлъ не нормально.

Одна изъ вольскихъ помѣщицъ, Грузинцева, семидесятилѣтняя старуха, „подвѣшивала“ такую-же семидесятилѣтнюю старуху, свою дворовую женку Дарью Грунину „въ желѣзное кольцо для люльки“ и притомъ такъ, что для подвѣшиванья этой старухи веревка продѣвалась подъ мышки, а потомъ несчастная вздергивалась къ потолку, къ самому кольцу, вбитому для вѣшанья колыбели, гдѣ и висѣла, такимъ образомъ, по нѣскольку часовъ. Это изысканное вѣшанье старухи было чисто дѣломъ мести: ей Грузинцева мстила, такимъ образомъ, за то, что старуха, будучи когда-то молодежкою, „въ бѣгахъ находилась для видѣнья самозванца Пугачова“.

Другая тамошняя помѣщица Теплова, наказывая своихъ дворовыхъ людей, имѣла обыкновеніе— „для удобнаго къ наказанію дѣйствія навидывать имъ на шею веревки“. Вообще, дѣло Тепловыхъ, найденное нами въ архивѣ, имѣетъ много любопытныхъ сторонъ, характеризующихъ то время, въ которое дѣйствіе происходило.

Въ декабрѣ 1825 года къ саратовскому губернатору поступило отъ вольскаго городничаго Струкова донесеніе, въ которомъ

между прочимъ писалось: „Сего декабря 2-го числа, во время отлучки моей для свидѣтельства виннаго городского магазейна, пришли ко мнѣ въ домъ для принесенія жалобы титулярной совѣтницы Екатерины Тепловой крѣпостные ея люди Андрей Петровъ съ женою Лукерьею и вдовою Аксиньею Степановою, на жестокое съ ними ею и мужемъ ея, титулярнымъ совѣтникомъ Тепловымъ, обращеніе, за коими, какъ домашніе мои показываютъ, прибѣжалъ въ озартномъ образѣ помянутый г. Тепловъ, началъ ихъ бить, и кричалъ неблагопристойно, отчего мое семейство перепугалось. По возвращеніи-же, на спросъ мой, тѣ люди объявили, что господа ихъ, а особливо госпожа Теплова, каждодневно мучаютъ ихъ жестокими побоями, и послѣдняя для удобнаго къ наказанію дѣйствія навидываетъ имъ на шею веревки“ и т. д. По опросу крестьянъ Тепловыхъ, оказалось, что обращеніе съ ними было, дѣйствительно, не ласковое. У вдовы Степановой голова была острижена—тоже обыкновенное наказаніе того времени. Когда отъ Тепловыхъ потребовали, чтобы они „въ ненаказываніи своихъ людей безъ вѣдома полиціи“ дали подписку, то Тепловы подписки не дали; людей тоже не захотѣли взять къ себѣ. Въ виду того, что Тепловы, и особенно Теплова, какъ женщина въ высшей степени строптивая, постоянно обращались съ крестьянами „неблагонамѣреннымъ образомъ“, не только мучили ихъ, но и клеветали на нихъ, чтобы подвергнуть то денежнымъ штрафамъ, то сѣченью плетьюми и пр.,—Струковъ просилъ губернатора нарядить слѣдствіе вообще надъ безразсудными дѣйствіями Тепловыхъ.

Наряжено было слѣдствіе, или какъ выразились власти — „тончайшее изслѣдованіе“. Это „тончайшее изслѣдованіе“ поручено было тамошнему предводителю дворянства, Бекетову; а между-тѣмъ городничему велѣно было крестьянъ Тепловыхъ отъ истязанія „всемѣрно охранять“. Обиженный этимъ Тепловъ явился въ полицію и требовалъ, чтобы ему возвратили его людей до рѣшенія дѣла. Ему сказали, что люди будутъ возвращены, но только подъ росписку и съ условіемъ, что онъ ихъ безъ вѣдома полиціи не будетъ наказывать тѣлесно. Тогда Тепловъ, „войдя въ озартность, началъ въ присутствіи изъяслять городничему грубости“.

— Вы бунтовщикъ, и здѣсь въ городѣ взбунтовали всѣхъ къ неповиновенію крестьянъ, кричалъ онъ, уходя изъ полиціи.

Струковъ снова сообщалъ объ этомъ губернатору и добавлялъ: „а что я никакого повода помѣщикамъ крестьянамъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ не давалъ, въ томъ ссылаюсь на вольское благородное дворянство“. Виѣстѣ съ тѣмъ онъ снова просилъ разслѣдованія дѣйствій Тепловыхъ, а равно и того, дѣйствительно-ли онъ бунтовщикъ.

Съ своей стороны Теплова, оскорбленная тѣмъ, что у нея отняты были ея жертвы, открыто пошла противъ всѣхъ мѣстныхъ властей. Зная, что ея необузданность въ отношеніи къ крестьянамъ извѣстна всему краю, она обратилась въ Нижній Новгородъ, гдѣ въ то время имѣлъ постоянное мѣстопробываніе нижегородскій, казанскій, симбирскій, саратовскій и пензенскій генераль-губернаторъ, главный начальникъ всего средняго поволжья. Она обвиняла всѣ мѣстныя власти чуть-ли не въ бунтѣ— обвиняла губернатора, предводителя дворянства, всю полицію и всѣ прочія присутственныя и судебныя мѣста. Въ виду такихъ серьезныхъ указаній, генераль-губернаторъ командировалъ въ саратовскую губернію особаго слѣдователя, Тавкелева. Тавкелевъ потребовалъ отъ Панчулидзева подробныхъ свѣденій обо всѣхъ дѣлахъ, какія только производились во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ отъ имени Тепловой или по ея претензіямъ, жалобамъ и проч.—Сама Теплова не удовлетворилась тѣмъ, что подняла на ноги всѣ присутственныя мѣста изъ-за того только, что ей не позволяли накидывать веревки на шеи своихъ крестьянъ: она, „за неумѣніемъ пороссійски писать“, въ необходимыхъ случаяхъ отряжала за себя дѣйствовать мужа, который, подбиваемый ею, жаловался, что Струковъ называлъ его „человѣкомъ сомнительнаго поведенія“ и что противъ жестокостей Теплова и особенно его жены у Струкова *„готовы свидѣтельствовать четыре тысячи человекъ мѣщанъ подъ присягою“*. — Такова была репутація помѣщицы, неумѣвшей „писать по россійски“! Наконецъ, когда Тепловыхъ потребовали къ слѣдствію, они прислали къ слѣдователямъ „сказку“, въ которой категорически заявили, что „для дачи отвѣтовъ явиться за нужное не почитаютъ“.

Мало того, что Теплова подняла на ноги генераль-губернатора и всѣ мѣстныя власти за то, что ей не позволяли водить

своихъ крестьянъ съ веревками на шеѣ, она дошла до сената и изобразила всю мѣстную администрацію въ видѣ бунтовщиковъ, попирающихъ законы государства. Она припомнила и сообщила сенату и другіе факты изъ своихъ отношеній къ подвластнымъ ей крѣпостнымъ, о томъ, какъ отъ нея постоянно бѣжали люди, тоже безъ сомнѣнія не вынося ея жестокостей, и о томъ, что мѣстныя власти будто-бы постоянно защищали не ее, а ея людей. Она жаловалась сенату, что еще въ 1824 г. въ одну глухую ночь, изъ ея дома бѣжало цѣлое семейство крестьянина Сѣрова, что она тогда-же „поручила“ своему мужу просить городничаго Струкова „по горячимъ слѣдамъ“ розыскать бѣглецовъ, но что Струковъ, „забывъ грамоту, высочайше дворянству дарованную“, въ оскорбительныхъ выраженіяхъ объявилъ ея мужу, что Теплова и мужъ ея обращаются съ своими людьми „тирански“, что это извѣстно ему безъ всякаго слѣдствія отъ сосѣдей и людей Тепловыхъ, которые постоянно являлись къ нему съ жалобами; что Струковъ постоянно, во всѣхъ своихъ бумагахъ, отзывается о Тепловой, что она „не спокойнаго нрава и пылкаго характера“; что, между тѣмъ, всѣ ея крестьяне положительно злодѣи, способные на все, что эти крестьяне намѣревались ея сжечь, „поставивъ горшокъ съ жаромъ подъ лавку къ самой стѣнѣ“; что они даже „родоприсхожденія“ самаго ужаснаго, именно изъ села Смородиновки, „жители коего издревле народъ буйной, что самое извѣстно вышнему начальству, что они даже противъ самого правительства въ 1817 году оказывали неповиновеніе“ и т. д. Оскорбленное помѣщицье самовластіе не остановилось и на этихъ хитросплетеніяхъ и измышленіяхъ. Теплова доказывала сенату, что „саратовскій гражданскій губернаторъ Панчулидзевъ и сынъ его, губернский предводитель, съ предсѣдателемъ уголовной палаты и съ губернскимъ прокуроромъ связаны между собою самыми близкими узами родства, изъ коихъ два первые весьма благосклонно или даже до пристрастія расположены къ г. вольскому городничему, имѣютъ съ нимъ хлѣбосолюство и, по пріѣздѣ изъ Саратова въ Вольскъ по дѣламъ службы, всегда у него, г. городничаго, останавливаются въ домѣ“ и т. д.

Вскорѣ послѣ того Панчулидзевъ умеръ, и Теплова, не добившись того, чтобъ ей дозволили водить своихъ людей, какъ

собакъ, на сверѣ, опять подпяла дѣло, думая выиграть его при новомъ губернаторѣ, князѣ Голицынѣ, извѣстномъ своими дѣйствіями по уничтоженію киргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Снова начались слѣдствія, присяги, допросы. Все это привело только къ тому, что бросило нѣсколько новыхъ лучей свѣта на тѣ темныя стороны, которыми и безъ того не бѣдна исторія крѣпостного права. Такъ разслѣдованія Тепловскаго дѣла показали, что пылая помѣщица наказывала одну свою крестьянку за то, что, „во время сливанія кваса, увидя въ погребѣ боченокъ, поставленный какимъ-то образомъ не прямо, начала ту жену бить за то немилосердно по вискамъ и щекамъ руками, а потомъ, не удовлетвораясь тѣмъ, схватила ее за горло такъ, что она захрипѣла и тутъ-же въ погребѣ упала на землю и долго на оной лежала“,—что эта-же Теплова, „пришедъ въ людскую, начала бить женку Степанову безъ всякой причины, говоря, что для чего она много дала собакъ ѣсть;“—что еще одну женщину она „била по щекамъ и таскала за волосы, а послѣ сего, схвативъ лежащій въ людской избѣ на столѣ ременный поперешникъ и накинувъ оный на шею, тащила ее въ горницу, чтобы тамъ бить плетью“; или что „госпожа Теплова чинила побои людямъ не за то, что собакъ много ѣсть давали, а за то, что не хорошо оную накормили“, или „била ладонью по щекѣ за нечистое вымытіе ветошекъ“ и т. п. Посторонніе люди показывали, что часто, въ „нечасное время на дворѣ Тепловыхъ слышенъ былъ крикъ, происходившій отъ гг. Тепловыхъ, какъ будто что-то повелѣвающій“—все это Теплова командовала своими людьми.

Понятно, что при такомъ мелкомъ домашнемъ тиранствѣ, оставленномъ и другими невыгодными условіями, побѣги барскихъ людей должны были доходить до степени общей эпидеміи. Тепловское дѣло мы взяли только на выдержку изъ множества подобныхъ дѣлъ; но изъ него можно заключить, какъ трудно было принять кому-бы то ни было на себя роль защитника притѣсняемыхъ жертвъ, когда всякая попытка защитить крѣпостного человѣка ставилась въ вину защитнику, какъ измѣна закону, какъ бунтъ, какъ возстановленіе народа противъ правительства. Вотъ почему было принято за правило, что всякаго крестьянина или двороваго человѣка, приходившаго въ законной власти жало-

ваться на жестокость помѣщика или указывавшаго даже на преступленіе господина, тотчасъ сажали подъ арестъ. Оставалось одно—или спиться съ кругу и попасть въ Сибирь на поселеніе, или бѣжать куда глаза глядятъ, и опять-таки, въ концѣ концовъ, очутиться въ острогѣ, въ Сибири или-же въ прежнихъ немилостивыхъ рукахъ господина, если этотъ послѣдній не желалъ разстаться съ своею крѣпостною собственностью, какъ съ рабочею силою, и потому не посылалъ ее ни въ солдаты, ни въ Сибирь.

Оттого архивныя дѣла уголовныхъ палатъ того времени и увѣдочныхъ судовъ почти на половину наполнены приговорами о бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ крестьянахъ, а въ концѣ приговоровъ значатся постоянно плети, розги, тобольскій приказъ о ссыльныхъ и т. п.

IV.

Разсматривая далѣе архивныя хронографы отжившаго своего время крѣпостничества, мы находимъ, что еще болѣе важное значеніе въ исторіи русскаго народа имѣютъ тѣ дѣла, гдѣ выступаютъ наружу столкновенія крестьянства съ неумѣренными притязаніями управляющихъ имѣніями въ вотчинахъ крупныхъ, гдѣ волненія охватываютъ цѣлыя мѣстности.

Въ числу подобныхъ явленій, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ волненія въ вотчинахъ князей Петра Михайловича Волконскаго и Ларіона Васильевича Васильчикова.

Въ концѣ апрѣля 1826 года, почтъ-директоръ с.-петербургскаго почтамта, г. Булгаковъ, между прочимъ, писалъ Панчулидзеву: ¹⁾ „Управляющій селомъ Архангельскимъ, принадлежащимъ князю Петру Михайловичу Волконскому, мѣщанинъ Василій Колкотинъ, донесъ мнѣ, что крестьяне того села, по наущенію нѣкоторыхъ дурныхъ людей, совершенно вышли изъ повиновенія къ нему, грозятъ ему и старостѣ закованіемъ въ кандалы и по боями, и изъ вотчины выѣхать ему не позволяютъ, и что при

¹⁾ Письмо Булгакова окаймлено траурнымъ бордюромъ, по случаю смерти государя Александра Павловича.

таковомъ безначаліи, крестьяне, обращенные на господское хлѣбопашество, не работаютъ, между тѣмъ какъ настало уже время посѣва; а оброчные не платятъ оброка.— По уваженію, что слѣдствія таковаго безпорядка, е сли только управляющій доносить поистинѣ, могутъ быть весьма вредны для имѣнія князя Петра Михайловича, я обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбою о порученіи благонадежному челоувѣку войти на мѣстѣ въ разсмотрѣніе, отчего крестьяне означенной вотчины вышли изъ повиновенія, и объ оказаніи, чрезъ кого слѣдуетъ, пособія вашему управляющему вотчиною къ приведенію въ порядокъ оной и къ пресѣченію дальнѣйшаго своевольства мужиковъ, чѣмъ вы, милостивый государь, князя Петра Михайловича особенно обязать изволите“.

На это Панчулидзевъ тотчасъ-же отвѣчалъ, что онъ немедленно предписалъ балашовскому капитанъ-исправнику отправить ся въ село Архангельское, и если крестьяне дѣйствительно оказываютъ непослушаніе, то безъ всякаго послабленія привелъ-бы ихъ въ повиновеніе. Въмѣстѣ съ этимъ онъ тутъ-же прибавлялъ въ письмѣ къ Булгакову: „Весьма странно для меня, что Колкотинъ, за неоднократными моими ему подтвержденіями, чтобы онъ по всякимъ дѣламъ, касающимся до имѣній его сіятельства, относился ко мнѣ и къ балашовскому исправнику, которому отъ меня и писано и изустно приказано имѣть въ непосредственномъ вниманіи имѣнія его сіятельства и во всякихъ нуждахъ оказывать Колкотину всевозможное вспомошествованіе, не увѣдомилъ о такомъ важномъ происшествіи ни меня, ни исправника, для принятія ближайшихъ мѣръ къ прекращенію сего безпорядка, если таковой былъ“.

Почти черезъ два мѣсяца Панчулидзевъ получилъ еще траурное письмо, уже отъ самого князя Волконскаго, въ которомъ этотъ вельможа, увѣдомляя, что ему извѣстенъ отвѣтъ Панчулидзева къ Булгакову и распоряженіе, данное капитанъ-исправнику, присовокуплялъ между прочимъ, слѣдующее: „Получая съ каждою почтою отъ управляющаго селомъ Архангельскимъ, Колкотина, донесенія, что безпорядки и неповиновеніе тамошнихъ крестьянъ все еще продолжаютъ, думаю, что г. балашевскій исправникъ, вслѣдствіе предписанія вашего, тамъ еще не успѣлъ быть. Давно вида непослушаніе тамошнихъ крестьянъ и уклоне-

ніе отъ исполненія дѣлаемыхъ имъ мною предписаній, неплатежъ оброка и разстройство, производимое ими по начавшемуся въ той вотчинѣ господскому хлѣбопашеству, крайне симъ озабочиваюсь и покорнѣйше прошу ваше превосходительство не оставить употребить содѣйствія вашего къ усмиренію крестьянъ села Архангельскаго, чѣмъ особенно меня обязать изволите“. Къ этому князь Волконскій приложилъ выписку изъ донесенія къ нему Колкотина, чтобъ изъ этой выписки Панчулидзевъ самъ могъ видѣть, „какъ далеко, по выраженію кн. Волконскаго, простирается дерзость и неповиновеніе крестьянъ“. ¹⁾

По всему видно, что вѣсти о мнимыхъ бунтахъ крестьянъ доходили до Петербурга въ преувеличенномъ видѣ и тѣмъ настраивали воображеніе на что-то ужасное. Колкотинъ видитъ вездѣ бунтовщиковъ, пугаетъ князя Волконскаго неповиновеніемъ крестьянъ, а между - тѣмъ, изъ его-же донесеній, сейчасъ нами приведенныхъ въ выноскѣ, оказывается, что какой-то мальчикъ нагрубилъ своему отцу и не хотѣлъ избрать своимъ судьей Колкотина, который, какъ выяснится ниже, былъ началомъ всего зла, какъ безразсудно давящая на крестьянъ сила, ихъ-же соками питавшаяся и обманывавшая своего барина для выгодъ своего собственнаго кармана. „Неповинующіеся мнѣ —

¹⁾ Чтобы видѣть, дѣйствительно-ли „такъ далеко простиралась“ эта „дерзость“ и это „повиновеніе крестьянъ“ князя Волконскаго, приведемъ здѣсь самыя сильныя мѣста изъ донесенія этого Колкотина: „Предписаніе вашего сіятельства хотя я крестьянамъ по нѣскольку уже кратъ читалъ самъ и даже заставлялъ другихъ, но ни на что не смотрять и не хотять слушать. На сходы ходять бунтовщики Владимір Лобановъ, Кондратій Панкратовъ, Василій Козловъ и Никита Антоновъ, всегда пьяные, даже до того напиваются, что приходятъ какъ съумасшедшіе. 8-го числа сего мѣсяца крестьянинъ Иванъ Лобановъ, чело-вѣкъ старій, почтенный, приходя просить на своего сына, бунтовщика перваго, Владиміра Лобанова, молодого почти мальчика, который, пришедъ въ контору пьяный, разругалъ матерными словами своего родного отца, а потомъ уже и меня и трехъ своихъ почтенныхъ родныхъ братьевъ, и не пошелъ подъ сужденіе ни къ отцу, ни ко мнѣ, и я уже до времени ни вашего сіятельства разрѣшенія отступился. Во всемъ ономъ буду ждать отъ вашего с—ва защиты и покровительства. И они не мнѣ не повинуются, ни вашему сіятельству, и ежели бы они васъ страшились, то-бы не то и дѣлали. Не только не платять прежнихъ недоимокъ, и новаго оброку 1825 года платять никакъ не хотять, и не потому, что были-бы бѣдные, а тѣ, кои самыя исправныя люди, а все зло отъ малаго количества бунтовщиковъ, которые не платять сами, да и другимъ за-преждаютъ.“

вамъ не повинуются!“—вотъ какія уловки пускалъ въ ходъ этотъ наемникъ, которыми въ то время были терзаемы многія помѣщичьи вотчины, лично неуправлявшіяся своими вотчинниками.

Какъ-бы то ни было, въ данномъ случаѣ дѣло еще не такъ далеко зашло, какъ полагали въ Петербургѣ, а иначе, если-бы какая опасность угрожала спокойствію населенія, Панчулидзевъ, старшій губернаторъ, не разъ управлявшійся съ дѣйствительными крестьянскими бунтами, не замедлилъ-бы дать дѣлу крутой оборотъ, какъ онъ и поступалъ тамъ, гдѣ раздраженіе крестьянъ доходило до взрыва. Поэтому, въ настоящемъ случаѣ онъ успокоилъ князя Волконскаго и выразилъ сомнѣніе на счетъ того, такъ-ли, какъ слѣдуетъ, дѣйствуетъ его довѣренный, Колкотинъ.

„Когда Колкотинъ прибылъ къ управленію ввѣреннаго ему имѣнія и явился ко мнѣ съ письмомъ вашего с-ва (писалъ Панчулидзевъ князю Волконскому), то я въ то-же самое время предписалъ балашевскому капитанъ-исправнику принять его, а съ нимъ вмѣстѣ и имѣнія вашего с-ва въ непосредственный надзоръ свой и попеченіе; Колкотину-же приказалъ во всѣхъ встрѣчающихся надобностяхъ его по имѣнію относиться ко мнѣ. Но онъ, когда открылось первое будто-бы неповиновеніе къ нему крестьянъ, не давъ знать о семъ ни мнѣ, ни исправнику, писалъ объ ономъ Константину Яковлевичу (Булгакову), и когда я вслѣдствіе сего получилъ письмо его превосходительства, то предписалъ исправнику отправиться въ имѣніе вашего с-ва и, если донесеніе Колкотина окажется справедливымъ, то тотчасъ привести крестьянъ въ должное повиновеніе. Такое предписаніе мое я отдалъ Колкотину для доставленія исправнику, и онъ тутъ-же объявилъ мнѣ, что, по водворяющемуся между крестьянами спокойствію, онъ то предписаніе мое вручить исправнику тогда, какъ встрѣтитъ въ немъ надобность. Слѣдовательно, изъ всего здѣсь описаннаго ваше с-во усмотрѣть изволите, что затѣми мѣрами, которыя были со стороны моею ему предоставлены, отъ него уже собственно зависѣло видѣть въ крестьянахъ повиновеніе; но онъ, отринувъ сіи мѣры, вновь, минуя меня и исправника, жалуется на ослушаніе и буйство одного мальчишки, тогда какъ укротить его, при помощи отца и родныхъ сего мальчишки, могъ онъ во всякое время“ и т. д.

При всемъ томъ Панчулидзевъ приказалъ капитанъ-исправнику отправиться къ мнимымъ бунтовщикамъ.

Крестьяне очень хорошо знали, что наѣзды капитанъ-исправниковъ обыкновенно предшествуютъ появленіямъ военныхъ командъ, и потому немедленно выдали тѣхъ, на кого Колкотинъ указалъ, какъ „на главныхъ виновниковъ, въ томъ неповиновеніи бывшихъ и волновавшихъ прочихъ“. Такихъ непокорныхъ оказалось пять человекъ; это и были именно тѣ жертвы, которыхъ давно намѣтилъ Колкотинъ, постоянно называя „бунтовщиками“ и пугая ихъ именемъ ничего невѣдавшаго князя Волконскаго. Бунтовщики назначены были къ отсылкѣ въ рабочій домъ, „для исправленія ихъ поведенія“. Трое другихъ — Меркуловъ, Елисеевъ и Кириловъ — согласно воли князя Волконскаго, считавшаго ихъ агитаторами, назначены были къ высылкѣ въ другія вотчины этого вельможи, именно въ Малино, рязанскія имѣнія князя Волконскаго. Впрочемъ, въ то время, когда ожидался наѣздъ капитанъ-исправника въ мнимо-бунтующее село Архангельское, Скачиха тожъ, двое самыхъ опасныхъ бунтовщиковъ, Владиміръ Лобановъ, котораго Панчулидзевъ называлъ „мальчишкой“, и Никита Антоновъ, изъ Скачихи бѣжали, и по произведеннымъ розыскамъ нигдѣ не найдены. Капитанъ-исправникъ, которымъ былъ тогда Елагинъ (Григорій Романовичъ), относительно этихъ бѣглецовъ распорядился, чтобы „о имѣніи въ явѣ ихъ блюденія“ принялъ непосредственное участіе отставной почталіонъ Кубряковъ, котораго онъ, какъ сыщика и тайнаго своего агента, и посадилъ въ Скачихѣ на случай ожидаемыхъ заговоровъ и бунтовъ со стороны крестьянъ.

Донося Панчулидзеву о результатахъ своего наѣзда въ Скачиху, Елагинъ присовокуплялъ, что онъ, „на случай предохраненія управляющаго Колкотина отъ своевольныхъ мечтаній крестьянъ и къ сильнѣйшему побужденію въ нихъ долгаго снобства и повиновенія“, (онъ) согласно воли князя Волконскаго, елесся съ командиромъ конно-артиллерійской № 3 роты, подполковникомъ Тутчевымъ, относительно „постановленія квартированіемъ въ оное село Скачиху воинской команды“. Вѣсть съ тѣмъ онъ прислалъ Панчулидзеву и подписку, отобранную имъ отъ крестьянъ Скачихи въ томъ, что они Колкотину „пожино-

ваться обязаны и всё отъ него возлагаемыя господскія работы и приказанія исполнять должны въ точности“.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней Елагинъ снова повторилъ свой наѣздъ въ Скачиху. На этотъ разъ онъ успѣлъ захватить трехъ „главныхъ бунтовщиковъ и ослушниковъ“, въ первый его наѣздъ тайно бѣжавшихъ изъ своего села, именно: „мальчишку“ Лобанова, и двухъ другихъ: Антова и Паньратова. Изъ нихъ послѣдній опредѣленъ былъ въ смиренный домъ, а первые два—къ высылкѣ въ распоряженіе главноуправляющаго надъ пятью вотчинами князя Волконскаго, майора Смольяна. Тутъ-же Елагинъ получилъ увѣдомленіе отъ командира конно-артиллерійской роты, что имъ отправленъ въ Скачиху военный отрядъ съ строевыми верховыми лошадьми, подъ командою прапорщика Шеміота 1-го, который и „долженъ тамъ находиться, по усмотрѣнію надобности того Колкотина“.

Какъ-бы то ни было, годъ этотъ прошелъ спокойно. Не понадобились поэтому ни внезапные наѣзды въ Скачиху капитанъ-исправника, ни употребленіе въ дѣло артиллерійскаго оружія. Главные бунтовщики были высланы, прочіе крестьяне, повидимому, молча работали, такъ-что даже Колкотинъ не требовалъ охраненія его отъ „своевольныхъ мечтаній“ покорнаго ему населенія. Но призракъ бунта все еще смущалъ издали князя Волконскаго.

Въ это время умеръ Панчулидзевъ. Въ Саратовъ назначили другого губернатора, князя Голицына. Князь Волконскій на первый разъ ему писалъ, что, „положивъ“ четырехъ зачинщиковъ смуть (въ томъ числѣ и „мальчишку“ Лобанова), „за возмутительные поступки, буйство и дурное поведеніе наказать примѣрнымъ образомъ“, онъ просилъ его сдѣлать распоряженіе объ отсылкѣ этихъ крестьянъ въ Сибирь.

Оказалось, что изъ этихъ четырехъ, назначенныхъ въ Сибирь, зачинщиковъ неповиновенія, Владиміръ Лобановъ, въ третій уже разъ препровождаемый подъ карауломъ въ рязанскія вотчины князя Волконскаго, въ третій разъ съ дороги бѣжалъ. Остальные три сидѣли, кто въ острогѣ, кто въ рабочемъ домѣ, и потому на высылку ихъ въ Сибирь оставалось только представить кормовыя деньги, на одежду и на обувь, что Колкотинъ немедленно и сдѣлалъ, чтобъ только скорѣе лишить ихъ всякой

возможности когда-либо воротиться на родину. Повидимому, онъ дрожаль за свою собственную жизнь, особенно когда провѣдалъ черезъ своихъ агентовъ, что самый опасный изъ его враговъ, Лобановъ, бѣжавшій изъ подъ конвоа, снова пробрался отъ рязанскихъ вотчинъ къ себѣ на родину и бродить въ окрестностяхъ Скачихи. Поэтому онъ писалъ, между прочимъ, князю Голицыну, что Лобановъ „бѣгаетъ и шатается здѣсь, близъ села, и разбойничаетъ съ своими товарищами“. Посылая съ этими вѣстями къ Голицыну нарочнаго, онъ умолялъ его поймать „бѣглеца и бунтовщика Лобанова“, переловить его товарищей и „тѣмъ разбойническую шайку уничтожить“. Думая напугать и разжалобить губернатора, онъ прибавлялъ въ своемъ письмѣ о Лобановѣ: „онъ грозитъ мнѣ лишеніемъ жизни и убійствомъ, выжженіемъ села и мельницы князя Петра Михайловича Волконскаго“.

Въ то время сборы по отправкѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь, отправляемыхъ по настоянію владѣльцевъ, были весьма не долги: помѣщикъ обыкновенно представлялъ въ губернское правленіе 4 р. 36-к., двѣ рубахи, двое портовъ, шапку, зипунъ и онучи и указывалъ на того, кого онъ желаетъ сослать, не объясняя даже вины его. Указываемое лицо сажали въ острогъ, потомъ приводили въ губернское правленіе, объявляли ему распоряженіе и сдавали съ рукъ на руки полиціи вмѣстѣ съ партіоннымъ, статейнымъ спискомъ и маршрутомъ. Въ маршрутѣ назначался день, когда переселяемый долженъ выйти въ дорогу. Четырехъ рублей тридцати шести копеекъ, двухъ рубахъ, двухъ портовъ, зипуна и онучъ должно было хватить на весь путь отъ Саратова до Тобольска, куда партія арестантовъ доходила иногда втеченіи года. Были, впрочемъ, и такіе, которые не только доходили до Тобольска, но и успѣвали бѣжать оттуда, пробраться вновь на родину и, если слишкомъ горька и неправа была обида, жестоко отмстить помѣщику, старостѣ, а иногда и всему селу. Тутъ обыкновенно пускался въ ходъ „красный пѣтухъ“, получившій въ Россіи такую громкую историческую извѣстность.

Такииъ образомъ, двое изъ товарищей Лобанова—Козловъ и Евстратовъ, недолго сидѣли въ острогѣ. Въ концѣ апрѣля 1827 года ихъ вывели изъ Саратова вмѣстѣ съ партіей арестантовъ и погнали въ Тобольскъ. Тогда начались розыски Лобанова. Поднята была на ноги полиція; требовалось во что-бы то ни

стало поймать виновнаго „въ столь важной злонамѣренности“; поимка его ставилась на строжайшую отвѣтственность мѣстныхъ властей. Само собою разумѣется, что облавою нельзя было не поймать бѣглеца, особенно когда его тянуло къ родному селу, къ знакомымъ. Скоро провѣдали, что онъ скрывается на сосѣднихъ хуторахъ помѣщика Сокольниковскаго. Говорили, что онъ собралъ шайку, съ которою ходилъ по окрестностямъ, грабилъ какъ настоящій разбойничій атаманъ и не легко отдался бы въ руки. Но скоро и онъ былъ схваченъ „съ имѣющимся при немъ пяти-четвертовымъ ножомъ“, какъ сказано въ донесеніи о поимкѣ его.

Князь Волконскій, получивъ объ этомъ извѣстіе, благодарилъ князя Голицына за его энергическія распоряженія „въ разсужденіи неповиновавшихся крестьянъ саратовской вотчины тетюшки моея“, какъ онъ выражался въ письмѣ къ Голицыну, потому-что имѣніе это принадлежало собственно теткѣ его генераль-лейтенантшѣ княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Волконской, а князь Петръ Михайловичъ былъ ея наслѣдникомъ и полнымъ распорядителемъ саратовскихъ вотчинъ.

V.

Послѣ всѣхъ этихъ поѣздовъ капитанъ-исправника и его агентовъ, послѣ ввода въ мнимо-безпокойныя имѣнія князя Волконскаго военной команды и послѣ ссылки въ Сибирь нѣкоторыхъ жертвъ, признанныхъ опасными для общественнаго спокойствія, крестьяне Волконскаго могли наконецъ думать, что ихъ оставить въ покоѣ.

Но не прошло и полгода, какъ Колкотинъ опять сталъ разсылать страшныя письма то въ Петербургъ, то въ Саратовъ о томъ, что въ имѣніи князя Волконскаго опять встанутъ крестьянскіе бунты, что снова начались заговоры, тайныя сходы крестьянъ по ночамъ, отправленіе въ Петербургъ ходяковъ и т. п. Нашелся новый заговорщикъ и коноводъ возстанія, болѣе опасный, чѣмъ юный Дюбановъ, и болѣе опытный, потому что располагалъ и достаточнымъ запасомъ образованности, и вліяніемъ на крестьянъ и опытностью.

Такимъ оказался бывшій мѣстный благочинный, священникъ Петръ Аркадакскій.

Къ чести нашего духовенства слѣдуетъ отнести, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, когда отъ произвола помѣщиковъ зависѣло перемѣщеніе и смѣна священниковъ въ такой почти степени, какъ-бы они были старостами или дворовыми людьми вотчинниковъ, когда, по волѣ вотчинника, священникъ могъ остаться безъ клочка земли, на которой-бы онъ могъ посвятить себѣ хлѣба, безъ пожни, съ которой онъ могъ-бы собрать сѣна для своего домашняго скота, когда, по одному слову вотчинника, священниковъ смѣщали съ мѣстъ,—многіе изъ нихъ не боялись становиться на сторонѣ крестьянъ, когда видѣли, что крестьяне притѣснены.

Къ нимъ ходили крестьяне за совѣтомъ, за помощью, за утѣшеніемъ. Имъ на духу передавали они все, что нерѣдко выносили въ своей жизни, боясь обнаружить это передъ свѣтскими властями изъ опасенія допросовъ, арестовъ, плетей и, конечно, исхода помѣщичьего гнѣва — ссылки въ Сибирь.

Такъ и въ данномъ случаѣ, во время гоненій, обрушившихся на крестьянъ князя Волконскаго, сторону ихъ принялъ священникъ Аркадакскій. Однако изъ страха навлечь на себя гнѣвъ такого сильнаго вельможи, какъ князь Волконскій, Аркадакскій могъ показывать свое участіе къ крестьянамъ только тайно, укрдкой, словно онъ былъ заговорщикомъ.

Какъ-бы то ни было, симпатіи Аркадакскаго недолго оставались тайною для Колкотина, и онъ повелъ противъ него цѣлый рядъ обвиненій. Величая себя громкимъ титуломъ — „генераль-лейтенантши княгини Екатерины Алексѣевны и наслѣдника ея, министра двора его императорскаго величества генераль-отъ-инфантеріи и генераль-адъютанта, князя Петра Михайловича Волконскихъ, *окредитованный* управляющій выборгскій мѣщанинъ Василій Ивановъ, сынъ Колкотинъ“ — онъ написалъ князю Голицыну цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Аркадакскаго. „Ни мало неприлично и несоотвѣтственно священническому сану и даже въ противность законовъ входить было въ мірскія и свѣтскія дѣла, какъ села Скачихи бывшему священнику и благочинному Петру Захарову сыну Аркадакскому“, писалъ онъ въ своемъ извѣтѣ, адресованномъ князю Голицыну.

Въ извѣтѣ изображалось, что Аркадакскій, еще съ 1825 года, неизвѣстно будто-бы за что, „злоствуя“ на Колкотина и „желая навести ему неудовольствіе“, постоянно старался и „нынѣ домогается всячески и подѣ разными предлогами подбить и разстроить къ волненію и буйству крестьянъ князя Волконскаго“, что, „собирая къ себѣ въ ночныя времена тайные и многократныя крестьянамъ сходны или сборища для совѣтовъ“, Аркадакскій „сочинялъ имъ и писалъ собственною своею рукою гнусныя, пасквильныя, вздорныя и даже совсѣмъ и совершенно ложныя разныхъ родовъ просьбы“, что онъ самъ писалъ и отъ своего имени выдавалъ крестьянамъ паспорта, съ которыми тѣ и доходили до Москвы, чтобы жаловаться своимъ вотчинникамъ на Колкотина и т. д. Послѣ всѣхъ обвиненій, взведенныхъ на Аркадакскаго, Колкотинъ восклицаетъ въ своемъ извѣтѣ: „Ваше сіятельство! Можеть-ли тутъ быть и обитать настоящее словойствіе и тишина между народамъ непросвѣщеннымъ и чернымъ, когда уже самъ священникъ, онъ-же и благочинный, развратить и разстроить къ волненію своими злонамѣренными замыслами народъ старался и старается всячески!“ Тутъ припоминается, что и въ прошлые годы и въ настоящемъ, Аркадакскій „успѣлъ разстроить народъ къ буйству“, что чрезъ его проски должны были „успокоить народъ“ посредствомъ „гусарской военной команды“ и т. д. Затѣмъ онъ указываетъ, что именно дѣлалъ Аркадакскій — „единственно только въ убѣжденіе и погубельную, а не что иное“, какъ выражается Колкотинъ: Аркадакскій отъ имени всего крестьянскаго общества писалъ, что полиція заодно съ Колкотинимъ, что она прикрываетъ его грѣхи, что за это прикрытіе мѣстныя власти получаютъ отъ Колкотина взятки. Колкотинъ оправдывался и защищалъ какъ себя, такъ и мѣстныя власти, говоря, что ничего этого не было, что если кто виноватъ передъ правительствомъ, такъ это его враги, которыхъ онъ и наказываетъ Сибирью. „На что поносить и чернить земскую полицію и меня своими ложными просьбами и пустыми выраженіями!“ снова восклицаетъ онъ въ своемъ доносѣ, отрицая, что онъ никогда не дарилъ земскому суду „18-ти четвертей разнаго господскаго хлѣба“, говоря, что кругомъ него вездѣ разбойники, что разбойникамъ этимъ тайно помогаютъ священникъ Аркадакскій и сосѣдній помѣщикъ Соколицкій,

у котораго на хуторахъ, за Хопромъ, разбойническій притонъ, что разбойники живутъ тамъ съ своими „полюбовницами“ и т. д.

Такимъ образомъ, опять встала гроза на крестьянъ, опять повторились экспедиціи капитанъ-исправника, земскаго суда, приводъ понятыхъ, военной команды и всѣ другіе атрибуты усмиренія бунтовщиковъ. Съ другой стороны началась месть „за обнесеніе чести“ мѣстныхъ властей, притѣсненія, придирки. Крестьяне, не считая себя ни въ чемъ виновными, раздражались, нерѣдко грубили Колкотину. Колкотинъ посылалъ то къ князю Волконскому, то къ князю Голицыну доносъ за доносомъ. Явились новые бунтовщики и подстрекатели, родственники сосланныхъ — Понкратовъ, Меркуловъ, Антоновъ, Сысоевъ и Леонъ Евстратовъ. Когда ихъ хотѣли взять, они бѣжали; потомъ снова явились и покорно исполняли барскія работы. Однако Колкотинъ требовалъ непремѣннаго ихъ арестованія; онъ уже назначилъ отдать ихъ въ рекруты, если только они не будутъ забракваны. Исправникъ, по приказанію князя Голицына, явился въ Скачиху, окруженный полицейскими служителями и понятными. Тѣ, которыхъ называли бунтовщиками, усердно исполняли господскую работу на вновь строящейся мельницѣ. Между тѣмъ Елагинъ такъ описываетъ свою неудачную попытку арестовать бунтовщиковъ: „Усмотря на господской работѣ, на мельницѣ, Понкратова и Сысоева... я велѣлъ при мнѣ находившимся двумъ приказно-служителямъ и одному солдату взять ихъ; но сверхъ чаянія моего сіи крестьяне крикомъ, при взятѣ ихъ учиненнымъ, возбудили прочихъ крестьянъ выбѣжать отъ работы, на мельницѣ производимой, съ топорами въ рукахъ, коими въ многолюдствѣ тѣ Понкратовъ и Сысоевъ насильственно отняты, и сія толпа увлекла ихъ съ собою, крича съ азартомъ, что они никакъ никому оныхъ и никого изъ среды себя не отдадутъ и сами повиноваться не будутъ, какъ между прочимъ оставя господскія работы, всѣ ушли толпою въ село Скачиху“.

Исправникъ, считая себя разбитымъ и посрамленнымъ, долженъ былъ удалиться. Въ Саратовъ поскакалъ нарочный съ донесеніемъ о новомъ бунтѣ. Требовалось вспомошествованіе воинской команды. Понятно, что на священника Арвадаскаго пало еще болѣе сильное подозрѣніе, какъ на виновника этихъ смуть. Поэтому князь Голицынъ тотчасъ-же сообщилъ архіерею о не-

благовидныхъ дѣйствіяхъ Аркадакскаго и просилъ его сдѣлать распоряженіе, „могущее въ достаточной мѣрѣ оградить спокойствіе и доброе повиновеніе крестьянъ, которые нынѣ произвели совершенное буйство“. Ириней, епископъ пензенскій и саратовскій, отвѣчалъ, что Аркадаксскій назначенъ имъ къ высылкѣ въ консисторію для поступленія съ нимъ по закону. Затѣмъ для увѣщанія неповинующихся крестьянъ онъ назначилъ соборнаго священника города Балашова, Лаврова, съ тѣмъ, чтобы онъ, „при посредствѣ земской полиціи, употребилъ въ семъ случаѣ всевозможное стараніе, дабы крестьяне, познавъ свои противозаконные поступки, обратились къ должному повиновенію“. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ крестьянъ, прежде захваченные силой въ своемъ селѣ, привезены въ Саратовъ и посажены въ рабочій домъ.

Но до отправленія въ Скачиху войска, князь Голицынъ рѣшился испытать послѣднее средство благоразумнаго усовѣщиванья, повидимому, крайне раздраженныхъ крестьянъ. Для этого онъ прибѣгнулъ къ одной личности, на которую вполне надѣялся, такъ какъ прежніе опыты мнимыхъ и дѣйствительныхъ крестьянскихъ бунтовъ доказали, что личность эта своею находчивостью нерѣдко спасала крестьянъ отъ опасности весьма серьезныхъ вспышекъ и не менѣе серьезныхъ послѣдствій какого-либо минутнаго увлеченія. Это былъ майоръ саратовскаго гарнизоннаго батальона Андреевъ. Поэтому князь Голицынъ тотчасъ написалъ въ Балашовъ, чтобы оттуда командировали въ сосѣднее съ Скачихою село Баклуши исправнѣйшаго дворянскаго засѣдателя, который, безъ всякой огласки и безъ разглашенія причины своего прибытія въ Баклуши, дождался-бы тамъ майора Андреева. Съ другой стороны Андрееву онъ объяснилъ, что въ послѣднемъ дѣлѣ болѣе всего виновата оплошность самого исправника, что онъ могъ арестовать кого хотѣлъ безъ шума, подъ благовидными причинами, „которыхъ при всякомъ случаѣ изыскать не трудно“, что, въ случаѣ напротивъ открытаго противодѣйствія крестьянъ, онъ могъ произвести арестъ при помощи достаточнаго числа постороннихъ людей, что, между тѣмъ, князь Голицынъ „не увѣренъ, чтобы возрожденный тѣмъ дѣйствіемъ Елагина, такъ сказать, минутный духъ буйства крестьянъ дошелъ до такой степени, что къ водворенію спокойствія необхо-

димо нужна военная помощь“, такъ какъ крестьяне въ самый моментъ появленія между ними Елагина, покорно работали на помѣщика, устраивая ему мельницу и въ числѣ работавшихъ были и тѣ, которыхъ Колкотинъ называлъ главными бунтовщиками и доносилъ, будто они бѣжали изъ вотчины, что, наконецъ, буйство нѣсколькихъ человѣкъ еще нельзя относить къ неповиновенію цѣлаго селенія. Поэтому князь Голицынъ, выражая полную увѣренность въ „благоразуміи, расторопности и дѣятельности“ Андреева, поручилъ ему немедленно отправиться на мѣсто происшествія, удостовѣриться въ истинѣ всего, что сообщалъ Колкотинъ относительно бунта, узнать истинную причину того, что заставило крестьянъ не покориться Елагину, и затѣмъ уже употребить всѣ средства къ водворенію повиновенія непокорныхъ, арестовавъ главныхъ возмутителей и отослать ихъ въ ближайшій городъ. „Но — прибавлялъ Голицынъ — если-бы буйство крестьянъ уже дошло до такой степени, что, за всѣми употребленными вами способами, невозможно будетъ обратить ихъ къ повиновенію, безъ помощи въ томъ съ военной стороны, въ такомъ разѣ одолжаетесь вы, не приступая къ рѣшительнымъ мѣрамъ, тотчасъ донести о томъ“.

Маіоръ Андреевъ уѣхалъ. Князь Голицынъ также выѣхалъ изъ Саратова въ другіе уѣзды, гдѣ требовалось его присутствіе. Прошло недѣли полторы, а извѣстій о положеніи дѣла, которое всѣхъ интересовало, не было. Когда князь Голицынъ былъ уже въ Кузнецкѣ, то къ нему явился маіоръ Андреевъ съ извѣстіемъ, что никакого бунта въ имѣніяхъ князя Волконскаго не было. Онъ объяснилъ, что всѣхъ крестьянъ, которые „показаны главными зачинщиками буйства,“ онъ взялъ прямо изъ схода, „поголовно имъ собраннаго“ и тотчасъ-же отправилъ въ Балашовъ, что когда онъ прибылъ въ Скачиху и собралъ поголовный сходъ, мужчинъ и женщинъ, болѣе шестисотъ человѣкъ, то „затрудненіевъ особенныхъ или опасныхъ не встрѣтилъ,“ что ходилъ въ толпѣ „совершенно одинъ“ и что поэтому рѣшительно не нашелъ, чтобы крестьяне села Скачихи были „въ сильномъ возмущеніи или буйствѣ.“ При этомъ онъ разъяснилъ и то, что Елагинъ назвалъ формальнымъ крестьянскимъ бунтомъ и требовалъ войска. Когда Елагинъ пріѣхалъ въ Скачиху, окруженный приличнымъ конвоемъ, какъ ему каза-

лось слѣдовало въѣзжать въ бунтующее селеніе, и когда, по его приказанію, схватили тѣхъ, на кого онъ указалъ, то одинъ изъ схваченныхъ „отъ незапности сей закричалъ товарищамъ: „за что меня, братцы, берутъ!“ Тогда, „на нечаянный крикъ сей всѣ плотники, бывшіе на работѣ, человекъ съ 50-ть, выбѣжали изъ мельницы, всякій съ тѣмъ инструментомъ, коимъ работалъ, и сказали „за что берутъ нечаянно?“ Есть-ли нужно кого изъ насъ или всѣхъ взять, то мы не противимся, лишь бы объявили, куда кого и за что хотятъ схватить.“ Мало того, маіоръ Андреевъ прибавлялъ, что когда Елагинъ велѣлъ оставить тѣхъ, которыхъ намѣревался арестовать, то всѣ прочіе крестьяне *„отъ робости и по позднему уже времени пошли съ работы домой.“* Таковъ былъ въ сущности бунтъ, для усмиренія котораго требовалось войско. „Сіе-то происшествіе г. исправникъ счелъ за буйство цѣлаго селенія, коего тогда не было,“ заключаетъ Андреевъ свой отчетъ о дѣйствіяхъ по усмиренію крестьянъ. Самая подписка, взятая имъ отъ мнимо-непкорнаго селенія, доказываетъ, въ какой мѣрѣ крестьяне были напуганы то войсками, то Сибирью и какъ далеки они были отъ бунта. „Мы вышеозначенные (клялись крестьяне поголовно и поименно) обязуемся быть поставленному надъ нами управителю Василю Колкотину въ совершенномъ, безропотномъ, полномъ и охотномъ нашемъ повиновеніи и исполнять въ точности безъ самомалѣйшаго упущенія и лѣности всѣ опредѣляемыя господскія работы и въ противномъ случаѣ за неисполненіе подвергаемъ себя законному општрафованію безъ всякаго съ нашей стороны противорѣчія или ожиданія помилованія, *даже и въ такомъ случаѣ, естли-бы отъ управляющаго нами, Василя Колкотина, оказана была намъ какая несправедливость, то и тогда не выходитъ изъ повиновенія“.*

Таковы въ большинствѣ случаевъ были такъ называемые крестьянскіе бунты при самомъ ихъ возникновеніи, хотя не рѣдко, при безтактности и жестокости исполнительныхъ властей, при всякомъ удобномъ случаѣ вводившихъ въ селенія военныя команды на усмиреніе волнующихся или скорѣе на мародерство, при невниманіи помѣщиковъ къ безвыходному положенію крестьянъ своихъ, при томъ равнодушіи, съ которымъ они относились къ ихъ нуждамъ, къ ихъ бѣдности, къ ихъ непосильнымъ ра-

ботамъ, при той мстительности, которую они оказывали къ крестьянамъ за маловажные иногда съ ихъ стороны проступки, при потворствѣ, наконецъ, полиціи вотчиннымъ управляющимъ, изъ которыхъ многіе, подобно Колкотину, старались выжать изъ крестьянъ послѣдніе соки,—эти минутныя крестьянскія вспышки переходили въ серьезныя волненія. Но какъ и въ настоящемъ случаѣ, крестьяне обыкновенно всегда долго крѣпились, долго выносили и непосильную работу, и непосильные поборы, розги, ссылки, и наѣзды полиціи, и безчеловѣчность управляющихъ всѣхъ націй, начиная отъ своихъ русскихъ, вышедшихъ въ полубарн дворовыхъ, и кончая нѣмцами и поляками; только ужъ когда терпѣть становилось не въ силу, крестьяне тихонько выбирали ходаковъ и посылали въ городъ, чтобъ найти „способнаго челоувѣка“ написать просьбу, посоветоваться „объ отписаніи отъ рабства,“ о воображаемой волѣ, да и тутъ большею частью дѣла кончались тѣмъ, что и ходаковъ, и „способнаго челоувѣка“ сажали въ острогъ, первыхъ за то, что уходили изъ вотчины безъ дозволенія помѣщика и безъ видовъ, а послѣдняго за адвокатство, которое тогда называлось ябедой, подстрекательствомъ крестьянъ къ неповиновенію, начинаемъ бунта.

Всѣ эти фазисы прямого и косвеннаго нагнетенія помѣщичьей власти во всѣхъ ея формахъ, начиная отъ управляющаго и кончая капитанъ-исправниковъ, пережили и крестьяне князя Волконскаго, пока не доведены были до безвыходности, до отчаянья, до формальнаго бунта.

Князь Голицынъ былъ до крайности возмущенъ, когда нѣсколько уразумѣлъ истинный смыслъ того, что до него доходило въ извращенномъ, преувеличенномъ видѣ и въ пугающихъ воображеніе формахъ. Онъ напомнилъ Елагину, что, по его словамъ, крестьяне князя Волконскаго были въ такомъ опасномъ настроеніи, такое рѣзкое оказали неповиновеніе и дерзость противъ властей, что усмирить ихъ будто-бы не было ни какой возможности кромѣ войска. Онъ поставилъ ему на видъ, что несмотря на его приказаніе, чтобъ майоръ Андреевъ былъ встрѣченъ въ сосѣднемъ съ Скачихою селѣ однимъ изъ членовъ мѣстной полиціи—Андреевъ никого тамъ не нашелъ и долженъ былъ потерять цѣлыхъ два дня въ ожиданіяхъ, что, напротивъ, между крестьянами онъ не замѣтилъ и тѣни неповино-

венія, но что главное, что замѣтилъ онъ—это „совершенное изнуреніе крестьянъ,“ что причина всѣхъ прежнихъ неудовольствій и вспышекъ—именно это изнуреніе и притѣснительныя дѣйствія Колкотина, что, наконецъ, крестьяне признались Андрееву, „что ничего не боятся болѣе, какъ разбирательства членовъ земскаго суда,“ которые кормились подачками Колкотина и шли за его столомъ.

Вотъ вслѣдствіе этого, съ такою рѣчью обратился князь Голицынъ къ Елагину, страшному для крестьянъ капитанъ-исправнику: „Усматривал, сколь благоразумное всякое дѣйствіе всегда можетъ успокоить каждаго и установить тишину и спокойствіе, какъ сіе и доказывается дѣйствіями г. маіора Андреева, я не могу довольно обратить на васъ всю строгость взыскапія и объявить вамъ все мое неудовольствіе: 1-е, за неумѣніе принять тѣхъ мѣръ, которыя могли возстановить тотъ-же порядокъ и тишину, каковыя водворены г. маіоромъ Андреевымъ, ибо это есть непосредственная ваша обязанность; 2-е, вы унизили свое званіе, дозволивъ себя крестьянамъ изъ вотчины, какъ бы сказать, выгнать, и скрыли отъ меня то, что съ вами былъ засѣдатель и 8 человекъ солдатъ и другихъ людей, что, конечно, давало гораздо болѣе видъ возмущенія; 3-е, о изнуреніи крестьянъ вами не было доносимо, и 4-е, опасеніе крестьянъ имѣть какое-либо разбирательство чрезъ членовъ балашовскаго земскаго суда довольно ясно обнаруживаетъ, въ какомъ отношеніи мѣстная полиція состоитъ къ проживающимъ въ уѣздѣ жителямъ. Поступки ваши доказываютъ упущеніе, преступленіе должности и совершенное неумѣніе дѣйствовать прилично званію вашему“ и т. д.

Само собою разумѣется, что послѣ всего этого нельзя было долѣе оставаться въ невѣденіи относительно настоящаго положенія, въ какомъ дѣйствительно находились крестьяне. Нужно было разоблачить интригу, которая, въ противномъ случаѣ, могла всѣмъ дорого обойтись, такъ какъ со всѣхъ мѣстъ приходили свѣденія, что крестьяне отягощены, что долѣе они не могутъ выносить положительно эпидемическаго душенія ихъ непосильными работами, что въ противовѣсъ этому являются эпидемическія вспышки молузабитыхъ крестьянъ, эпидемическіе побѣги, эпидемическое отыскиванье воли.

Въ данномъ случаѣ князь Голицынъ счелъ необходимымъ обратиться къ мѣстному предводителю дворянства, которымъ былъ помѣщикъ Струковъ, въ томъ убѣжденіи, что предводителю, по самому званію своему, ближе должно быть извѣстно состояніе разныхъ помѣщичьихъ вотчинъ. Когда снова изъ Скачихи вырвалось нѣсколько ходаковъ, чтобъ подать просьбу на Колкотина, князь Голицынъ велѣлъ посадить ихъ въ рабочей домъ, и сообщивъ Струкову, что такъ какъ Елагинъ не сумѣлъ выполнить возложеннаго на него, „столь маловажнаго порученія и къ совершенному униженію своего званія донесъ о какомъ-то бунтѣ, котораго иначе усмирить не полагалъ онъ возможнымъ, какъ силою оружія,“ что самъ былъ изъ Скачихи „какъ-бы сказать, возмутившимися крестьянами выгнанъ,“ что между тѣмъ, какъ оказалось „послѣ внимательнаго розысканія,“ поводы къ неудовольствію крестьянъ кроются въ крайнемъ ихъ изнуреніи, въ отягощеніи работами и „самовластіи“ Колкотина,—то и поручалъ ему немедленно и безъ всякой огласки самолично удостоверить въ истинномъ положеніи дѣлъ, чтобъ принять, наконецъ, мѣры для огражденія крестьянъ отъ давленія не только со стороны вотчиннаго начальства, но и со стороны раболѣпствующей передъ Колкотинимъ полиціи.

Но между тѣмъ, какъ оказалось, Колкотинъ, чувствуя подъ своими ногами твердую почву, былъ сильнѣе не только капитанъ-исправника, но и самого князя Голицына. Не успѣлъ Голицынъ сдѣлать послѣднее распоряженіе, какъ изъ Петербурга вновь послѣло тревожное письмо напуганнаго князя Волконскаго, явились новые возмутители, которыхъ вліяніе грозило окончательной вспышкой въ вотчинѣ. Теперь уже указывали на крестьянина Меркулова, какъ на коновода новаго возстанія. „Этотъ Меркуловъ—писалъ князь Волконскій—научавшій мирныхъ крестьянъ къ неповиновенію и оказывавшій прочіе дурныя поступки въ прошедшемъ году, удаленный въ вотчину тетушки моей, рязанской губерніи, въ михайловскомъ уѣздѣ, изъ рязанской вотчины бѣжалъ и, являсь въ село Архангельское, вновь производить по прежнему возмущенія.“ Князь Волконскій требовалъ, чтобъ Меркулова немедленно отдали въ рекруты, а если будетъ негоденъ къ военной службѣ—то сослани-бы въ Сибирь. Онъ повторительно требовалъ усмиренія крестьянъ.

И вотъ снова начинается арестованіе крестьянъ цѣлыми десятками и конвоированіе ихъ то „въ родѣ арестантовъ,“ то „не въ родѣ арестантовъ,“ въ Балашовъ, въ Саратовъ, то изъ Саратова въ Балашовъ, а изъ Балашова опять въ Саратовъ, то сажанье ихъ сначала въ одинъ острогъ, потомъ въ другой, а потомъ опять мыканье изъ города въ городъ, изъ рабочаго дома въ острогъ, и изъ острога въ другой острогъ. Захваченъ Меркуловъ съ цѣлой бандой товарищей. Напуганный княземъ Голицынымъ капитанъ-исправникъ не знаетъ, что ему дѣлать и кого слушаться — Колкотина-ли, князя-ли Голицына или еще кого третьяго.

А между тѣмъ разсвирѣпѣвшій Колкотинъ вновь изобрѣтаетъ возмутителей и поднимаетъ тревогу по полиціямъ балашовской, саратовской и сердобской. Теперь уже бунтовщикомъ и заговорщикомъ является саратовскій мѣщанинъ Поповъ. Черезъ нѣсколько времени еще открывается заговорщикъ — моршанскій мѣщанинъ Мокѣевъ. Поповъ до этого времени служилъ въ Скачихѣ „земскимъ.“ Когда Колкотинъ выѣхалъ изъ Скачихи въ Саратовъ, Поповъ, какъ показывалъ Колкотинъ, задумалъ привести въ исполненіе свой заговоръ и подобралъ подходящихъ къ этому крестьянъ. Разсчитывали произвести общее волненіе и, воспользовавшись неурядицей, выгнать изъ имѣнія Колкотина, а на его мѣсто посадить Попова. Къ заговорщикамъ присталъ и моршанскій мѣщанинъ Мокѣевъ. Дознано было, какъ казалось Колкотину, что заговорщики эти дѣлаютъ каждодневныя и ночныя въ крестьянскихъ домахъ сходки, вперя въ головы крестьянамъ то, что-де они управляющаго Колкотина, нынѣ всѣ воставши противу его, непременно отъ должности смѣнятъ, и тогда Поповъ будетъ, по желанію крестьянъ, управляющимъ, а Мокѣевъ при новой мельницѣ мельникомъ“.

М О Н О Л О Г Ъ.

(Съ нѣмецкаго.)

Прощай... прости, прекрасный міръ земной!
Съ глубокой страстью на тебѣ я снова
Покою нынѣ взглядъ угасшій мой —
Въ послѣдній разъ. Какъ грустно это слово!
Быть можетъ, свѣтъ занявшагося дня
Еще живымъ покойника застанетъ,
Привѣтливо въ лицо ему заглянетъ,—
И озаритъ торжественно меня
Своимъ лучемъ пурпуровымъ природа;
А, можетъ быть... и не дождусь восхода...

Да! ты мнѣ милъ, прекрасный міръ земной:
Въ тебѣ я зналъ единственнаго друга;
Любилъ ты больше матери родной
Меня, вѣрнѣе былъ мнѣ, чѣмъ подруга.
Ты далъ мнѣ все, что скрасило мой вѣкъ:
Живую душу, умъ живой и ясный,
Любовь къ добру, порывы мысли страстной —
Все, чѣмъ гордиться можетъ человѣкъ,—
И у меня не отнял ничего ты
Взамѣнъ такихъ даровъ, такой щедроты!

А люди?!.. Тѣ безжалостно—за то,
Что я любилъ ихъ, плакалъ ихъ слезами —
Меня-жъ терзали пыткой,—и ничто,
Казалось мнѣ, подобными часами
Ихъ такъ не забавляло, какъ мое
Растерзанное, облитое кровью,

Но вѣчной къ нимъ согрѣтое любовью
 Больное сердце!.. Страшно за нее,
 За эту пылкую любовь, порою
 Платился я... едва не жизнью всею!

Но мало было этого для нихъ:
 Чтобъ я не могъ раскинутыхъ весною
 Топтать зеленыхъ бархатовъ твоихъ
 И свѣжной ткани, посланной зпмою;
 Чтобъ не видалъ, тоскуя по веснѣ,
 Я осени поблекшаго наряда,
 И въ лѣтній вечеръ чудная прохлада
 Пылавшій лобъ не освѣжала мнѣ, —
 Меня свели подъ сумрачные своды,
 Лишили свѣта, воздуха, свободы...

Все-жъ и туда, хоть нзрѣдка, твой лучъ
 Завертывалъ бесѣдовать со мною;
 Не то, такъ тѣнь отъ набѣжавшихъ тучъ
 Грустить сходила къ узнику порою...
 И съ ними мнѣ не такъ уже страшны
 Казались эти каменные стѣны:
 «Авось, и я дождуся перемѣны!»
 Мечталось мнѣ сквозь золотые сны. —

.

Омуглевскій.

БРИЛЛИАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ГЛАВА XXV.

Житіє містера Дова.

М-ръ Томасъ Довъ пользовался такой-же извѣстностью въ клубахъ между клерками, адвокатами, а, быть можетъ, даже и между судьями, когда они, снявъ свои судейскія мантіи, обращались въ простыхъ смертныхъ,—какъ м-ръ Тертль Довъ въ средѣ ученыхъ юристовъ. Тертль Довъ такъ основательно изучилъ англійскіе законы, что не было вопроса въ области юриспруденціи, котораго онъ не разрѣшилъ-бы послѣ тщательнаго изслѣдованія. И когда онъ разъ высказывалъ свое мнѣніе, то весь англійскій юридическій міръ въ совокупности не могъ-бы убѣдить его, что онъ былъ не правъ. Когда м-ръ Довъ высказывалъ что-нибудь рѣшительно, то болѣе рѣшительнаго человѣка нельзя было найдти въ цѣломъ свѣтѣ. М-ръ Довъ упорно стоялъ за свои мнѣнія, даже и тогда, когда чувствовалъ себя неправымъ, хотя, надо сознаться, что очень рѣдко случалось уличить его въ какой-нибудь ошибкѣ. Поэтому адвокаты въ него вѣрили и онъ благоденствовалъ. М-ръ Довъ былъ тоненькій человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, болѣе всего на свѣтѣ не терпѣвшій дураковъ, вакини, впрочемъ, онъ считалъ большую часть людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло; ничего и никого не боялся онъ на землѣ, и не только на землѣ, но даже и нигдѣ, по словамъ его враговъ; онъ былъ тщеславенъ, страстно любилъ юриспруденцію, а еще больше—

власть; онъ былъ кротокъ и нѣженъ съ тѣми, кто признавалъ его авторитетъ, но тиранъ ко всѣмъ, кто пытался оспаривать его; его рѣчи дышали остроуміемъ и сарказмомъ. Если онъ брался за дѣло, то всегда относился къ нему внимательно и исполнялъ его добросовѣстно, даже и въ томъ случаѣ, если это дѣло не представляло никакого интереса для него самого; онъ по цѣлымъ недѣлямъ лишалъ себя необходимаго отдыха, если это дѣло требовало усидчиваго труда. Правило жизни м-ра Дова состояло въ томъ, чтобы никогда не быть побѣжденнымъ. Быть можетъ, опасеніе потерѣть пораженіе въ парламентѣ побудило его ограничить свою дѣятельность судомъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, но никто изъ тѣхъ, кто зналъ его, какъ грозу своихъ противниковъ и оракула юридическихъ приговоровъ, — никогда не слышалъ о его женѣ и дѣтяхъ. Все, касающееся этой стороны своей жизни м-ръ Довъ хранилъ про себя.

Въ настоящій моментъ м-ръ Довъ занимаетъ насъ единственно потому, что онъ былъ ученый юристъ, которому вполнѣ довѣрялъ м-ръ Кампердаунъ и на мнѣніе котораго хотѣлъ положиться въ дѣлѣ о брилліантовомъ ожерельѣ. Дѣло это было передано на разсмотрѣніе м-ра Дова, тотчасъ-же послѣ описанной нами сцены въ Моунт-Стритъ, когда м-ръ Кампердаунъ въ послѣдній разъ убѣждалъ Лиззи кончить дѣло миромъ. М-ръ Довъ высказалъ свое мнѣніе слѣдующими словами:

„Въ англійской юридической практикѣ встрѣчается много недоразумѣній по поводу родовыхъ наслѣдствъ. Многіе полагаютъ, что всякая бездѣлушка можетъ сдѣлаться родовымъ имѣніемъ по волѣ ея владѣльца. Это однакожъ невѣрно, хотя законъ признаетъ всякія родовыя наслѣдства...

„Брукъ говорить, что каждая лучшая вещь можетъ сдѣлаться родовымъ наслѣдствомъ, какъ, на примѣръ, самая лучшая постель, столъ, горшокъ или костюля.

„Кукъ говорить, что такія вещи могутъ сдѣлаться наслѣдствомъ по обычаю, а не по закону.

„Спольменъ, опредѣляя понятіи словъ „родовое наслѣдство“, говорить, что сюда относятся предметы, приносящіе пользу и доставляющіе выгоду, а такое опредѣленіе исключаетъ ожерелье изъ предметовъ, которые могутъ сдѣлаться родовымъ имѣніемъ. Правда, коронныя брилліанты составляютъ родовое имущество, но законъ ни слова не говорить о томъ, что частныя брилліанты переходятъ по наслѣдству тѣмъ-же порядкомъ, какъ и коронныя.

„Нѣкоторыя небольшія вещи безъ сомнѣнія могутъ рассматрп-

ваться, какъ родовое имущество, такъ, напримѣръ, мечъ, знамена и ордена.

„Завѣщатель можетъ потребовать отъ своего наслѣдника, чтобы онъ не продавалъ нѣкоторыхъ небольшихъ вещей, точно поименованныхъ въ завѣщаніи. Но его воля обязательна только для прямого его наслѣдника. Послѣдующіе-же наслѣдники могутъ распоряжаться съ этими вещами, какъ имъ угодно.

„Если мужъ отказалъ своей женѣ полотно, она получаетъ это полотно, хотя-бы изъ него была сшита и не та часть одежды, которая назначалась въ завѣщаніи.

„Жемчугъ и брилліанты, бывшіе въ употребленіи, хотя-бы только одинъ разъ при какомъ-нибудь торжествѣ, переходятъ къ вдовѣ въ исключительное владѣніе съ извѣстнымъ ограниченіемъ.

„Въ 1674 г. лордъ Финчъ объявилъ, что можетъ признать право на исключительное владѣніе только за вдовой noblemana.

„А въ 1721 г. лордъ Мекльсфильдъ призналъ право на подобное имѣніе, цѣною въ 200 фун. стерл. за м-съ Типингъ, но нельзя рѣшить, поступилъ-ли онъ такимъ образомъ, руководясь законами или предшествовавшими примѣрами, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ.

„Лордъ Талборъ завѣщалъ въ исключительную собственность женѣ золотые часы.

„Лордъ Гардвикъ пошелъ гораздо далѣе: разсматривалось дѣло м-съ Норти, онъ рѣшилъ, что она имѣетъ право на исключительное владѣніе брилліантами, которые цѣнились въ 3,000 фунт. стерл. Но, кажется, онъ ограничилъ ея право, поставивъ условіемъ, чтобы она надѣвала ихъ только при парадномъ костюмѣ.

„Теперь, я полагаю, ясно, что брилліантовое ожерелье, о которомъ вы мнѣ писали, нельзя вытребовать, какъ родовое наслѣдство. Въ послѣдній разъ о немъ упоминается, — и сколько я помню, только упоминается, — какъ о родовомъ имуществѣ въ завѣщаніи прадеда нынѣшняго баронета; если, однакожь, это тѣ самые брилліанты, о которыхъ тамъ говорится, то завѣщатель не могъ завѣщать ихъ нынѣшнему наслѣднику, такъ-какъ онъ умеръ въ 1820 году, а наслѣднику теперь нѣтъ еще и двухъ лѣтъ. Не менѣе сомнительно, что вдова можетъ владѣть ими, какъ своей исключительной собственностью. Я не знаю, можетъ-ли распоряженіе лорда Гардвика считаться авторитетнымъ. Если да, то вдова все-таки не можетъ продавать ожерелье, такъ-какъ лордъ Гардвикъ ограничилъ пользованіе брилліантами даже меньшей цѣнности, чѣмъ эти—правомъ носить ихъ только при парадномъ

костюмѣ. А съ ограниченнымъ правомъ употребленія несомнѣстимо право продажи.

„Что-же касается ея правъ на это ожерелье, какъ на подарокъ мужа, то они не имѣютъ значенія. Если ожерелье не составляетъ ея собственности по завѣщанію,—а, кажется, этого нѣтъ,—то она можетъ удержать его, какъ исключительную собственность только по праву вдовы на подобныя имущества.

„Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, я осмѣливаюсь предполагать, что брилліанты не были въ Шотландіи въ то время, когда сэръ Флоріанъ составлялъ свое завѣщаніе, и даже тогда, когда онъ умеръ. Это отчасти указываетъ намъ его намѣренія, которыя онъ имѣлъ при составленіи своего завѣщанія. Я понимаю, что онъ завѣщалъ своей женѣ всѣ мелкія вещи, находившіяся въ то время въ замкѣ Портрѣ“.

М-ръ Кампердаунъ, прочитавъ три раза это письмо, опустился на стулъ съ видомъ человѣка, повергнутаго въ отчаяніе. Онъ занимался адвокатурой цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, и всегда былъ убѣжденъ, что нобльменъ имѣетъ право свою всякую цѣнную вещь обратитъ въ родовое имущество. Ему были довѣрены на хранение акты на владѣніе большими имѣніями, вообще, онъ имѣлъ много дѣлъ съ различными наслѣдствами, и теперь вдругъ оказывается, что онъ не имѣетъ никакого понятія именно о тѣхъ правахъ собственности, на основаніи которыхъ его-же кліенты владѣютъ имѣніями. Онъ болѣе двадцати разъ говорилъ Джону Эстасу, что это ожерелье—родовое имущество, а теперь его увѣряютъ,—и кто-же?—м-ръ Довъ, что оно не только не родовое имущество, но даже по поводу его нельзя начинать никакого иска. Кампердаунъ до сихъ поръ безусловно вѣрилъ въ знанія м-ра Дова, но теперь почти готовъ былъ въ нихъ усомниться.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ м-ру Кампердауну послужило предположеніе, что Лиззи придется требовать утвержденія судомъ за собой права на ожерелье, и, такимъ образомъ, ея корыстолюбіе будетъ обнаружено передъ публикой. Кромѣ того можно помѣшать ей продать брилліанты. Кажется, м-ръ Довъ доказалъ это слишкомъ ясно. Но тогда является другой вопросъ: о наслѣдованіи имѣніемъ по завѣщанію мужа. Что сэръ Флоріанъ вовсе не предполагалъ завѣщать ей этого ожерелья — м-ръ Кампердаунъ былъ въ этомъ вполне увѣренъ. Но будетъ-ли онъ въ состояніи доказать, что съ самой свадьбы сэра Флоріана, брилліанты не были въ Шотландіи. Леди Эстасъ утверждала, —пока еще не знала, что необходимо показывать иначе,—что сэръ Флоріанъ подарилъ ей брилліанты въ Лондонѣ, когда они были тамъ проездомъ изъ Шотландіи въ Ита-

лю, и что она оттуда увезла ихъ съ собой въ Неаполь, гдѣ сэръ Флоріанъ и умеръ. Если это было такъ, то брилліанты не могли быть въ замкѣ Портрэ ранѣе, чѣмъ привезла ихъ туда Лиззи послѣ смерти своего мужа, и безъ сомнѣнія они считались частію того имущества, которе сэръ Флоріанъ обыкновенно имѣлъ при себѣ въ Лондонѣ. Что это было дѣйствительно такъ—м-ръ Кампердаунъ не имѣлъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Теперь же вдова увѣряетъ, что сэръ Флоріанъ подарилъ ей ожерелье въ Шотландіи, куда они отправились тотчасъ послѣ свадьбы, и что она сама привезла его въ Лондонъ. Сэръ Флоріанъ и Лиззи были обвѣнчаны 5 сентября, а по книгамъ ювелировъ трудно опредѣлить, были-ли брилліанты переданы сэру Флоріану 4 или 24-го сентября. Сэръ Флоріанъ и его молодая жена 24-го сентября безъ сомнѣнія были въ Лондонѣ. М-ръ Кампердаунъ проклиналъ безлечность ювелировъ. При всемъ томъ онъ однако надѣялся, что можетъ доказать, что ожерелье передано Лиззи въ Лондонѣ. Почтенный и весьма скромный человекъ, служившій въ то время у г.г. Гарнетъ и вручившій сэру Флоріану футляръ съ брилліантами, былъ увѣренъ, что баронетъ тогда уже былъ женатъ. Горничная леди, которая была съ леди Эстасъ въ Шотландіи, утверждала, что увидала ожерелье въ первый разъ только въ Лондонѣ. Къ тому же сама леди Эстасъ говорила своему кузену Франку, а тотъ передалъ Джону Эстасу, что она получила брилліанты въ Лондонѣ. Теперь ей легко утверждать, что она не помнитъ, говорила-ли кому объ этомъ, но кто же ей повѣритъ? Но во всякомъ случаѣ дѣло выходитъ дрянъ. Если леди Эстасъ или ея друзья узнаютъ мнѣніе м-ра Дова, то оно скорѣе придастъ имъ смѣлости, чѣмъ напугаетъ ихъ. Узнай только леди Эстасъ о существованіи закова объ исключительномъ владѣніи, онъ ей послужитъ непроницаемымъ щитомъ. М-ръ Кампердаунъ сознавалъ, что если еще недавно онъ могъ рассчитывать, что ни одинъ порядочный адвокатъ не возьмется защищать дѣло леди Эстасъ, то теперь, ознакомившись съ мнѣніемъ м-ра Дова, всякій адвокатъ можетъ съ полною увѣренностью братья за него. М-ра Кампердауна мучила неотвязная мысль, что леди Эстасъ распродастъ брилліанты по частямъ, а деньги промотаетъ въ какой-нибудь годъ. „Нѣтъ она не должна восторжествовать надъ нами“, писалъ онъ Джону Эстасу, сообщая о мнѣніи м-ра Дова и требуя отъ него совѣта.

Но Джонъ Эстасъ въ это время уже выѣхалъ изъ Лондона,—а на другой день самъ м-ръ Кампердаунъ уѣхалъ къ своему семейству, которое жило на маленькой дачѣ въ Доуличѣ. Но проклятое ожерелье помѣшало ему наслаждаться днями отдыха.

ГЛАВА XXVI.

Мистеръ Гоуронъ играетъ роль.

Франкъ Грейстокъ ѣздилъ въ Портрѣ очень часто,—такъ часто, что пони сдѣлался ему крайне необходимъ. Миссъ Мэкнелти принуждена была сдерживать свой языкъ и потому была въ мрачномъ расположеніи духа. Увѣренная, что леди Эстасъ оставалась по прежнему невѣстой лорда Фауна, она находила неприличными слишкомъ частые визиты молодого человѣка. М-ръ Гоуронъ былъ человѣкъ наблюдательный и могъ всегда сказать, какъ долго просиживала прекрасная хозяйка съ своимъ гостемъ на морскомъ берегу. Артуръ Геріотъ ни мало не заботился о леди Эстасъ, но зная, что его другъ былъ женихомъ Люси Морисъ, желалъ посерьезнѣй отнестись къ его частымъ свиданіямъ съ Лиззи; но, какъ всегда бываетъ съ мужчинами, не охотно вступалъ въ разговоры объ этомъ.

Разъ и одинъ только разъ оба друга обѣдали вмѣстѣ въ замкѣ, и для этого торжественнаго случая явилась необходимость нанять гигъ въ Прествикѣ. Геріотъ не имѣлъ особеннаго желанія знакомиться съ вдовушкой, а потому и представлялъ различныя уважительныя причины, въ родѣ того, что у него не было съ собой приличнаго платья; что онъ вообще очень застѣнчивъ съ женщинами; что, наконецъ, глупо платить 15-ть шиллинговъ за гигъ. Однако кончилось тѣмъ, что онъ, понуждаемый своимъ другомъ, отправился въ Портрѣ и провелъ тамъ невыносимо скучный вечеръ. Лиззи совсѣмъ не походила на себя: была молчалива, серьезна и принужденно любезна. Миссъ Мэкнелти не произнесла ни одного слова. Даже Франкъ былъ мраченъ; Артуръ Геріотъ тоже не прилагалъ старанія быть поразвязнѣе, и, такимъ образомъ, обѣдъ совсѣмъ не удался.

— Кажется, моя кузина тебѣ не очень понравилась? сказалъ Франкъ когда они ѣхали домой.

— Она очень хорошенькая женщина.

— Да, и ты ей, кажется, не особенно-то нравишься.

— Безъ сомнѣнія.

— Скажи мнѣ на милость, почему ты съ нею не разговаривалъ? Я безъ умолку ораторствовалъ съ миссъ Мэкнелти для того только, чтобы дать тебѣ возможность поговорить съ моей кузиной. Лиззи вообще разговорчива, какъ каждая молодая женщина, но сегодня вы не сказали другъ другу ни одного слова.

— Это потому, что ты всего себя посвятилъ этой миссъ Мек... какъ ея?

— Глупости, отвѣчалъ Франкъ,—мы съ Лиззи братъ и сестра; у нея нѣтъ никого близкихъ родныхъ, кромѣ меня, она всегда обращается ко мнѣ за совѣтами. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты ей понравился.

— Я никогда никому не нравлюсь и мнѣ тоже никто не нравится. Знаешь поговорку: надо съ человѣкомъ съѣсть пудъ соли, чтобы его хорошенько узнать. А мнѣ нужно съѣсть пудъ соли, съ человѣкомъ, прежде, чѣмъ я рѣшусь спросить его: какъ онъ поживаетъ. Ты ничего не могъ придумать болѣе неудачнаго, какъ затащить меня на этотъ обѣдъ.

— Но ты не всегда-же обѣдаешь дома, когда живешь въ Лондонѣ?

— Тамъ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ всегда заводятъ одинъ и тотъ-же разговоръ и потому весьма легко въ него втянуться. А сегодняшняя обстановка хороша для человѣка, котораго считаютъ въ домѣ своимъ, постороннему-же тамъ скука смертная. Я не намѣренъ говорить ничего дурнаго о леди Эстасъ. Красота ея неоспорима и я не сомнѣваюсь въ ея умѣ.

— Иногда она бываетъ очень умна, замѣтилъ Франкъ.

— Надѣюсь, что ты не слишкомъ увлекаешься ея умомъ. Тебѣ не мѣшало-бы помнить объ умѣ кое-кого другого. Такъ старый товарищъ?

Франкъ Грейстокъ на это ничего не отвѣчалъ. Но эти слова Геріота такъ-же какъ суровые взгляды миссъ Мэкнелъти, и ей вѣчное торчаніе м-ра Анди Гоурона произвели свое дѣйствіе. Франкъ сталъ рѣже бывать у вдовушки и чаще ходилъ на охоту съ своимъ другомъ. Они перебили много тетеревей, и лѣсничій клялся, что никогда прежде здѣсь не было настрѣляно столько дичи. Самъ Геріотъ убилъ одного или двухъ къ величайшему своему удовольствію, а Франкъ убивалъ ежедневно по 4 по 5-ти штукъ. Друзья очень много ходили и горный воздухъ былъ для нихъ истиннымъ наслажденіемъ. Такъ прошло двѣ недѣли и пришло время уѣзжать въ Лондонъ.

— Я думаю остаться еще денька два, сказалъ Франкъ, когда Геріотъ заговорилъ съ нимъ о своемъ отъѣздѣ. — Дѣло въ томъ, что я долженъ еще разъ повидаться съ Лиззи. Она завалена работой, а мнѣ надо переговорить съ ней по поводу одного письма, которое я получилъ сегодня утромъ. Нечего тебѣ дѣлать такое длинное лицо: письмо вовсе не о томъ, о чемъ ты думаешь.

— Я много раздумывалъ о томъ, что ты мнѣ рассказывалъ о

другой дѣвушкѣ, помнишь? Я надѣюсь, что ей не придется выносить неприятности изъ-за тебя?

— Я полагаю, что не придется, особенно изъ-за меня, отвѣчалъ Франкъ.

Въ этотъ-же вечеръ Геріотъ уѣхалъ, и на другое утро Франкъ отправился въ замокъ. Оставшись одинъ послѣ отъѣзда Геріота, онъ тотчасъ-же написалъ письмо къ Люси Моррисъ. Онъ зналъ, что его молчаніе будетъ ее беспокоить. Правда, Люси была вовсе не подозрительна, въ этомъ Франкъ былъ вполне увѣренъ. Но она говорила леди Фаунъ, что будетъ получать отъ него письма и потому онъ можетъ поставить ее въ неловкое положеніе, если не станетъ къ ней писать. Результатомъ этихъ соображеній было слѣдующее письмо его къ Люси:

«Дорогая Люси, мы пробыли здѣсь двѣ недѣли; охотились за тетеревами, гуляли по горамъ и на склонахъ холмовъ. Вы скажете, можетъ быть, что эти развлечения нисколько не мѣшаютъ писать письма къ добрымъ друзьямъ, но вы ошибаетесь: чѣмъ меньше у человѣка дѣла, тѣмъ онъ лѣнивѣе писать. Говорятъ, что лорды-канцлеры находятъ возможность чуть не ежедневно писать къ своимъ матерямъ или вообще очень близкимъ роднымъ, но люди, у которыхъ рѣшительно нѣтъ никакихъ заботъ, не могутъ безъ страха посмотрѣть на листъ почтовой бумаги. Я бы далъ вамъ обѣщаніе, что когда я сдѣлаюсь лордомъ-канцлеромъ, я стану писать вамъ каждый день, но вы знаете, что къ тому времени мы будемъ уже неразлучны.

«Все это время мнѣ безпрестанно приходилось посѣщать кузину, которая живетъ въ большомъ замкѣ, на берегу моря, въ десяти миляхъ отсюда, за горами. Она, бѣдная, замучена хлопотами, и несмотря на свое богатство—самая несчастная женщина въ свѣтѣ. Да вы и сами довольно хорошо знаете ея дѣла. Для меня было-бы несравненно удобнѣе, если-бы у нея былъ отецъ или братъ, которые занимались-бы ея дѣлами, но у нея нѣтъ ничего, и потому я не имѣю права ее оставить. Вашъ лордъ Фаунъ поступилъ съ ней самымъ сквернымъ образомъ, и, на сколько мнѣ извѣстно, точно такъ-же поступаютъ съ нею всѣ, на комъ лежитъ управленіе имѣніями Эстасовъ. Хотя съ Лиззи, какъ вамъ извѣстно, не особенно легко ладить, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится имѣть съ ней дѣло гораздо чаще, чѣмъ мнѣ хотѣлось-бы самому. Не могу сказать, чтобы было очень пріятно дѣлать на мадемуазель пони по десяти миль туда и обратно, и все по одной и той-же дорогѣ, но я почти радъ, что разстояніе не меньше, иначе мнѣ

пришлось-бы постоянно сидѣть тамъ. Я знаю, вы не долюбиваете Лиззи, но право, она достойна сожалѣнія.

„Въ пятницу я ѣду въ Лондонъ, но пробуду тамъ только одинъ или два дня, т. е. одну ночь. Я заѣду туда исключительно по дѣламъ Лиззи, и опасаясь, что принужденъ буду снова возвратиться сюда прежде, чѣмъ буду въ состояніи или приняться за работу, или отдаться моему счастью. Въ воскресенье вечеромъ я поѣду въ Бобборо. Боюсь, что въ Ричмондѣ мнѣ нельзя будетъ попасть въ субботу, а въ воскресенье леди Фаунъ едва-ли меня приметъ. Въ Бобборо и пробуду около трехъ недѣль, и если вы дадите мнѣ какія-нибудь порученія, я съ радостію ихъ исполню.

«Однако, я долженъ сказать вамъ правду, которая пусть останется между нами. Дѣло въ томъ, что при моихъ настоящихъ отношеніяхъ къ лорду Фауну, когда я вынужденъ ссориться съ нимъ изъ-за Лиззи,—едва-ли будетъ удобно леди Фаунъ принимать меня. Она прекрасная женщина, и такъ какъ она вашъ лучшій другъ, то мнѣ менѣе всего хотѣлось съ нею ссориться: но, конечно, она принимаетъ сторону своего сына, и я не знаю, можно-ли будетъ намъ при свиданіи избѣгнуть разныхъ намековъ объ этомъ предметѣ.

«Но, дорогая моя, все это, надѣюсь, не повлечетъ за собой никакихъ недоразумѣній между нами. Несомнѣнно, что мы любимъ другъ друга больше всѣхъ Фауновъ и Лиззи вмѣстѣ взятыхъ, не правда-ли? Устройте-же такъ, чтобы я получилъ нѣсколько словъ, подтверждающихъ, что это дѣйствительно такъ и всегда будетъ такъ.

«До свиданья, моя дорогая.

Вашъ навсегда Ф. Г.»

На другой день Франкъ поѣхалъ въ замокъ. Онъ получилъ письмо отъ Джона Эстаса, который увѣдомилъ его, что ѣдетъ въ Лондонъ для свиданія съ м-ромъ Кампердауномъ. Стряпчій намѣревался было отложить всѣ дальнѣйшія хлопоты по дѣлу объ ожерельѣ до ноября или даже до новаго года. Но тутъ ему пришла въ голову, что въ это время Лиззи продастъ или заложитъ ожерелье, тогда даже полиція не въ силахъ будетъ розыскать его. Подъ влияніемъ такихъ мрачныхъ предположеній, м-ръ Кампердаунъ поспѣшилъ въ Лондонъ и убѣдилъ Джона Эстаса пріѣхать туда-же изъ Юрксшира. Джону это было весьма неприятно, и онъ отъ всей души проклиналъ ожерелье. «Хоть-бы кто-нибудь догадался украсть его, да такъ, чтобы мы ужъ больше и не слышали о немъ», говорилъ онъ. Но такъ какъ ожерелье еще не было украдено, то Эстасу пришлось отправиться въ Лондонъ. М-ръ

Кампердаунъ показалъ ему письмо м-ра Дова, и убѣдилъ его, что необходимо держать втайнѣ отвѣтъ знаменитаго юриста, и постараться вывѣдать, гдѣ въ настоящее время находится ожерелье. Эстасъ взялся разузнать объ этомъ черезъ Франка. Вотъ почему онъ и написалъ къ нему письмо. Съ этимъ-то письмомъ въ карманѣ Франкъ отправился въ послѣдній разъ въ замокъ. Ожерелье и ему надоѣло до смерти, но, къ несчастью, не надоѣла та, у которой находилось ожерелье.

— Леди Эстасъ отправилась къ скаламъ, сказалъ ему слуга, когда онъ явился въ замокъ.

Грейстокъ отправился по указанію и нашель ее на обычномъ мѣстѣ.

— Я знала, что вы придете, сказала она. Она не встала, даже не подала ему руки, но совсѣмъ близко около нея было свободное мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять, не ожидая приглашенія. Въ рукахъ у нея былъ томъ Байрона: „Корсаръ, Лара и Гауръ“ — такой родъ поэзи, который, поправдѣ сказать, былъ для нея менѣе понятенъ, чѣмъ „Королева Марго“.

— Что Лебинъ уже уѣхалъ? спросила она.

Подъ Лебиномъ подразумѣвался Артуръ Геріотъ.

— Да, Лебинъ уѣхалъ. Хотя я не понимаю, почему вы называете его Лебинъ? Настоящій Лебинъ былъ дуракъ, вѣчно влюблявшійся, а Геріотъ не дуракъ и никогда еще не былъ влюбленъ.

— Все-таки онъ Лебинъ, потому что мнѣ нравится называть его этимъ именемъ. Зачѣмъ онъ вертитъ пальцами вмѣсто того, чтобы разговаривать? Имѣете вы какія-нибудь извѣстія о лордѣ Фаунѣ?

— Я получилъ письмо отъ вашего зятя!

— Что-же пишетъ Джонъ, справедливый?

— Джонъ справедливый, — это прозваніе будетъ нѣсколько удачнѣе перваго, — несмотря на свое нежеланіе, принужденъ былъ ѣхать въ Лондонъ по требованію м-ра Кампердауна.

— Или иначе — Самуила несправедливаго (м-ра Кампердауна звали Самупломъ).

— Джонъ желаетъ знать, гдѣ находится теперь это ужасное ожерелье?

Онъ остановился, но Лиззи ничего не отвѣтила.

— Надѣюсь, вы можете сказать мнѣ, гдѣ оно находится? продолжалъ онъ.

— Конечно, могу! Я даже готова-бы была отдать вамъ его на храненіе, если-бы не боялась затруднить васъ этимъ. Но я не

скажу вамъ по той причинѣ, что они мои враги,—такъ пусть-же сами его разьщутъ.

— Вамъ нѣтъ надобности дѣлать изъ этого тайну, Лиззи.

— Ожерелье здѣсь, въ замкѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сэръ Флоріанъ хранилъ его, когда подарилъ мнѣ. Гдѣ могутъ быть мои брилліанты, какъ не въ моемъ собственномъ домѣ? Что-же сказалъ м-ръ Довъ? Конечно, они заплатили ему хорошо, и онъ сказалъ имъ все, что имъ было нужно.

— Лиззи, вы слишкомъ дурно думаете о людяхъ.

— А развѣ эти люди поступаютъ со мной лучше. Развѣ они не стараются обвинить меня въ воровствѣ? Развѣ они не преслѣдуютъ меня? Развѣ этотъ наглый стряпчій не остановилъ меня среди улицы и не сталъ обвинять меня въ кражѣ при моихъ слугахъ? Развѣ они не оклеветали меня до того, что даже мой женихъ счелъ себя вправѣ обманывать меня. А теперь и вы хотите идти противъ меня. Можете-ли вы послѣ этого удивляться, что я строго отношусь къ людямъ.

— Я вовсе не иду противъ васъ.

— Да, и вы противъ меня. Вы во всемъ берете ихъ сторону, а не мою. Знаете-ли, Франкъ, я-бы, кажется, выѣхала въ лодкѣ на средину моря и бросила-бы въ воду это дрянное ожерелье, но я увѣрена, что они и оттуда его добудутъ. Если-бы камни могли сгорать, я сожгла-бы его. Но хуже всего, что и вы сдѣлались моимъ врагомъ.

И Лиззи громко зарыдала.

— Самое лучше для васъ — отдать это ожерелье на храненіе человѣку, которому довѣряете и вы, и противная сторона, до тѣхъ поръ, пока судъ не рѣшитъ, кому оно должно принадлежать.

— Я никогда его не отдамъ. Лучше скажите, что говоритъ м-ръ Довъ?

— Я не знаю, что онъ говоритъ. Одно только ясно, что это ожерелье не можетъ считаться родовымъ имуществомъ.

— Какъ-же смѣлъ м-ръ Кампердаунъ повторять, что оно родовое?

— Это было его убѣжденіе, замѣтилъ Франкъ.

— И послѣ того онъ смѣетъ считать себя опытнымъ адвокатомъ!

— И я адвокатъ, а между тѣмъ все-таки не знаю, что именно должно считаться родовымъ имуществомъ. Я полагаю также, что м-ръ Довъ выразилъ мнѣніе, что передача такого цѣннаго ожерелья могла состояться только на основаніи законнаго документа, а не на словахъ.

— А между тѣмъ, оно просто подарено мнѣ, отвѣчала Лиззи.— Кто-же можетъ объ этомъ знать, кромѣ меня, когда при передачѣ его не было никого изъ постороннихъ свидѣтелей.

— Бриллианты теперь здѣсь?

— Конечно, не въ карманѣ у меня, я не ношу ихъ всюду съ собою. Они въ замкѣ.

— И въ Лондонѣ они будутъ вмѣстѣ съ вами?

— Желала-бы я знать, допрашивалъ-ли кто-нибудь женщину такимъ образомъ! Я еще не знаю, поѣду-ли я въ Лондонъ. Съ какой стати спрашиваютъ меня объ этомъ? Что касается васъ, Франкъ, я рассказала-бы вамъ все, раскрыла-бы передъ вами всю мою душу, если-бы вы только захотѣли. Но какое право имѣетъ Джонъ Эстасъ задавать мнѣ подобныя вопросы? Если я поѣду въ Лондонъ, то, конечно, возьму бриллианты съ собою и стану надѣвать ихъ каждый разъ, какъ мнѣ придетъ охота выѣхать изъ дому. Я буду это дѣлать на зло м-ру Кампердауну и лорду Фауну. Я думаю, Франкъ, еще ни съ одной женщиной не поступали такъ дурно, какъ со мной.

Онъ самъ полагалъ, что съ ней поступаютъ очень дурно. Она такъ страстно защищала свое дѣло и такъ была мила въ своемъ негодованіи, что онъ невольно почувствовалъ что-то похожее на дѣйствительную симпатію къ ея положенію. Ему сейчасъ-же представилось, сколько вынесетъ она неприятностей при судебномъ разбирательствѣ дѣла объ ожерельѣ, и онъ отъ души пожалѣлъ ее.

— Я позабочусь о томъ, сказалъ онъ,—какъ-бы лучше устроить все для вашего спокойствія.

— Для моего спокойствія! воскликнула она.—Какъ могу я быть спокойна при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ я нахожусь. Вспомните, какъ поступилъ со мной этотъ безсовѣстный въ то время, когда уже весь свѣтъ считалъ его моимъ женихомъ. Какъ только я подумаю объ этомъ, мнѣ становится такъ горько, что я готова была-бы не только бросить въ море бриллианты, но и самой послѣдовать за ними! Мнѣ осталось одно утѣшеніе: разбить моихъ враговъ. М-ръ Кампердаунъ никогда не получитъ этихъ бриллиантовъ; если даже они докажутъ, что ожерелье не принадлежитъ мнѣ, то и тогда они его не увидятъ. Я стану щеголять въ немъ, пока они ведутъ дѣло, а тамъ — пускай они его ищутъ! О, я такъ отомщу лорду Фауну, прежде чѣмъ совсѣмъ съ нимъ покончу, что онъ увидитъ, что съ женщиной труднѣе состязаться, чѣмъ съ мужчиной. О, Франкъ, я не думаю, чтобы я была зла отъ природы, но подобныя притѣсненія и оскорбленія могутъ довести до бѣшенства.

Она взяла его руку въ свою, и сквозь слезы нѣжно смотрѣла ему въ глаза.

— Я знаю, что вы слишкомъ мало обо мнѣ думаете, хотя хорошо знаете, какъ много думаю я о васъ.

— Я не думаю о васъ, Лиззи?

— Да. Маленькое существо въ Ричмондѣ поглощаетъ всѣ ваши мысли. Оно нѣжно и кротко, это кошечка, которая будетъ смиренно спать на коврикѣ предъ каминомъ и, какъ вы думаете, никогда не станетъ царапаться. Не предполагайте, что я намѣрена ее оскорблять. Нѣтъ, она была моей хорошей подругой, прежде чѣмъ вы ее узнали. Но у мужчинъ бываютъ вкусы, совершенно непонятные для насъ. Вы болѣе всего любите то, что называете своимъ покоемъ.

— Я полагаю, мы рѣдко сознаемъ, въ чемъ именно мы нуждаемся. Мы беремъ то, что посылаютъ намъ боги.

Слова Франка были весьма опрометчивы, такъ-какъ было ясно, что въ настоящую минуту боги послали ему Лиззи и ему нужна была необыкновенная твердость воли, чтобы не воспользоваться этимъ даромъ боговъ.

Лиззи объявила, что она не хочетъ знать лорда Фауна, и рѣшила, что не выйдетъ замужъ за его свѣтлость,—даже, если-бы его свѣтлость былъ снова совершенно въ ея рукахъ. Правда, это было рѣшено въ одно мгновение, но все-таки было рѣшено. Она готова была-бы замучить несчастнаго лорда, но не въ качествѣ его жены. А что, если заставить кузена занять мѣсто, предназначавшееся лорду Фауну? Послѣ всего, что произошло между нимъ и ею, можно было попытаться вызвать его на объясненіе въ любви. Она быстро рѣшила въ умѣ, что любить его, и что, слѣдовательно, новое положеніе дѣлъ будетъ для нея гораздо лучше прежняго. Сердце ея, какъ ей казалось самой, было теперь переполнено любовью къ кузену. А какое удовольствіе наказать глупую дѣвчонку, которая не приняла ея подарка, осмѣлилась бросить ей въ лицо оскорбленіе... При томъ Франкъ бѣденъ, а она богата. Слѣдовательно, если она предложить ему жениться на себѣ, то это будетъ даже великодушно съ ея стороны, а слѣдовательно, и благородно.

Она все еще горько плакала.

— О, Франкъ! воскликнула она, наконецъ, и упала къ нему на грудь. Франкъ Грейстоукъ чувствовалъ, что попалъ въ весьма затруднительное положеніе. И не легко рѣшить, — увеличилось или уменьшилось его замѣшательство, когда онъ вдругъ увидалъ голову Анди Гоурома между скалами при входѣ въ пещеру, гдѣ они сидѣли. Голова эта съ широко-открытыми глазами, какъ будто го-

ворила: „Ай, я поймала васъ, не правда-ли?“ И она, дѣйствительно, заговорила, хотя нѣсколько другими словами: „Кузены!“ сказала она.—Между тѣмъ леди Эстасъ, сидя спиной къ этой головѣ, любовно смотрѣла въ глаза Грейстока. Наконецъ, она замѣтила, что что-то неладно, вскочила и быстро обернулась.

— Какъ смѣете вы являться сюда? закричала она головѣ.

— Кузены! снова повторила голова.

Надо было что-нибудь предпринять, чтобы выйти изъ этого неловкаго положенія.

— Что нужно этому господину? спросилъ Франкъ, пристально смотря на Анди Гоурона.

— Кузены! повторилъ снова Гоуронъ и закачалъ своей головой.

— Если вы не уберетесь сами, я принужденъ буду васъ вытолкать, закричалъ Франкъ.

— Кузены! сказалъ опять Анди, выходя изъ-за скаль и показываясь, такимъ образомъ, во весь ростъ. Анди было по меньшей мѣрѣ 50 лѣтъ, и потому едва-ли можно допустить, чтобы чело-вѣку вдвое его моложе простиительно было употребить противъ него насиліе. И притомъ онъ былъ плотный, коренастый, широко-плечій мужчина, твердый, какъ камень, однимъ словомъ, съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть—человѣкъ совсѣмъ не подходящій для безперемоннаго съ нимъ обращенія.

— Кузены! сказалъ онъ снова,—кажется, вы обращаетесь другъ съ другомъ совсѣмъ уже не по братски.

— За вашу дерзость, Анди Гоуронъ, я увольняю васъ; вы можете искать себѣ другое мѣсто, сказала леди Эстасъ.

— Для Анди Гоурона ваши слова не имѣютъ ровно никакого значенія, сказалъ онъ.—Въ замкѣ много вещей, которыя слѣдуетъ сберечь для наслѣдника. Если вы полагаете, что для васъ мои услуги стали лишнія, то я обращусь къ м-ру Кампердауну; онъ не позволитъ прогнать меня съ этого мѣста. Кузены!

— Вонъ отсюда! крикнулъ Франкъ, выступая впередъ и толкнувъ Гоурона въ грудь. М-ръ Гоуронъ еще разъ повторилъ свое неизбѣжное восклицаніе и, наконецъ, удалился.

Франкъ Грейстокъ весьма ясно сознавалъ всю неловкость своего положенія. Что касается леди Эстасъ, то для нея всего важнѣе было добиться успѣха, и этотъ перерывъ бесѣды не особенно волновалъ ее. Если она сдѣлается женой Франка — такъ что за бѣда, что ее застали съ нимъ въ пещерѣ на берегу моря. Но Франку не такъ легко было рѣшить, какъ выдти изъ своего положенія, не только по отношенію къ м-ру Гоурому, но и по отношенію къ Лиззи. Правда, онъ могъ ей сказать, что онъ уже же-

нихъ Люси Моррисъ, но въ такомъ случаѣ, почему-же онъ не говорилъ ей этого ранѣе? Не сказалъ онъ объ этомъ и теперь. Когда онъ хотѣлъ помочь Лиззи выбратъся на дорогу, она отказалась отъ его услугъ.

— Я могу одна найти дорогу, сказала она, стараясь улыбнуться сквозь слезы. — Меня только раздразила дерзость этого нахала. Ступайте домой.

И онъ ушелъ, но на прощанье не могъ не сказать ей нѣжнаго слова.

— Дорогая, дорогая Лиззи, произнесъ онъ, цѣлуя ее.

— Франкъ, вы всегда останетесь мнѣ вѣрны?

— Всегда! отвѣчалъ онъ.

— Теперь идите, сказала она.

Онъ взобрался на скалы, взявъ своего пони и поѣхалъ домой, сильно недовольный случившимися событіями и самимъ собою.

ГЛАВА XXVII.

Люси Моррисъ поступаетъ дурно.

Люси Моррисъ получила письмо и осталась имъ вполне довольна. Ей нужно было какое-нибудь удостовѣреніе въ любви жениха, и весьма немногаго достаточно было для ея успокоенія. Ей казалось почти невозможнымъ любить человѣка и въ то-же время сомнѣваться въ немъ. Она не могла-бы полюбить его или, по крайней мѣрѣ, высказать ему свою любовь, если-бы она не считала его человѣкомъ вполне хорошимъ, а думать о немъ хорошо и дурно въ одно и то-же время—для нея было рѣшительно невозможно. Ей хотѣлось получить отъ него нѣсколько словъ послѣ того, какъ она въ послѣдній разъ его видѣла и вотъ, теперь она ихъ получила. Она знала, что онъ находится у своей прекрасной кузины, которую она презирала, и въ которой, съ женскимъ инстинктомъ, почти видѣла свою соперницу, но по этому поводу у нея не явилось ни одной тревожной мысли. Онъ любилъ ее и что-бы Лиззи Эстасъ ни дѣлала, онъ будетъ любить только ее одну.

Въ этотъ-же вечеръ она написала ему въ отвѣтъ нѣжное, милое письмо, очень коротенькое, но полное любви и довѣрія. „Леди Фаунъ, между прочимъ писала она, прекраснѣйшая женщина, но что значила для нея леди Фаунъ или всѣ Фауны вмѣстѣ взятые въ сравненіи съ ея женихомъ? Если ему удобно пріѣхать въ Рич-

шондъ, такъ пусть прїѣзжаетъ, если-же онъ находитъ, что при существующихъ печальныхъ недоразумѣніяхъ между нимъ и лордомъ Фауномъ,—лучше ему не прїѣзжать, то она не будетъ на этомъ настаивать. Видѣть его—было-бы для нея величайшимъ счастьемъ. Но не большее-ли для нея счастье — знать, что онъ ее любитъ? Это одно уже дѣлаетъ ее вполне счастливой“.

Но на другой-же день ея счастье омрачилось, что, однако, нисколько не поколебало ея довѣрія къ жениху. Это было въ субботу и лордъ Фаунъ только-что возвратился въ Ричмондъ. Въ этотъ день онъ видѣлся въ Лондонѣ съ м-ромъ Грейстокомъ, и прїѣхалъ въ Фаун-Кортъ мрачный, какъ осень. Его мрачное настроеніе сообщило всѣмъ обитательницамъ Фаун-Корта. Мать и сестры лорда Фауна никогда не стѣснялись присутствіемъ Люси, разбирая по ниточкамъ Лиззи. Люси ничего не могла сказать въ защиту своей прежней подруги, которая притомъ потеряла всякое право на ея дружбу, съ тѣхъ поръ, какъ пыталась подкупить ее, такъ что всѣ онѣ въ душѣ рѣшили считать Лиззи Эстасъ—злымъ возлищемъ. Но лордъ Фаунъ всегда старался скрывать свои чувства передъ Люси. Теперь-же, къ несчастью, онъ высказался при ней прямо и притомъ больше говорилъ о Франкѣ:

— М-ръ Грейстокъ былъ въ высшей степени дерзокъ, сказалъ онъ, когда все общество сидѣло послѣ обѣда въ библиотекѣ. Леди Фаунъ сдѣлала ему знакъ и покачала головой. Люси чувствовала, что вся кровь бросилась ей въ лицо, но на этотъ разъ она смолчала. Лидія Фаунъ тихонько подъ столомъ взяла ея руку и сжала въ своей.

— Не надо забывать, что онъ ея кузень, замѣтила Августа.

— Его родство съ леди Эстасъ нисколько не можетъ оправдать его дерзкаго обращенія со мной, отвѣчалъ лордъ Фаунъ; — онъ осмѣлился въ разговорѣ со мной употреблять такія выраженія, за которыя я вызвалъ-бы его на дуэль, только...

— Фредерикъ! Ты не сдѣлаешь ничего подобнаго, воскликнула леди Фаунъ, быстро вставая съ кресла.

— О, Фредерикъ, ради Бога, не дѣлай этого! просила его Августа, обнимая его.

— Я увѣрена, что Фредерикъ и не сдѣлаетъ, замѣтила Амадія.

— Только теперь дуэли не въ модѣ, продолжалъ невозмутимый лордъ, — но ничто на свѣтѣ не заставитъ меня объясняться съ такимъ человѣкомъ, который держитъ себя совсѣмъ не по-джентльменски.

Лидія еще крѣпче сжала руку Люси, какъ-бы желая ее остано­вить.

— Онъ никакъ не можетъ простить мнѣ, продолжалъ лордъ, — своей ошибки въ дѣлѣ сааба.

— Я увѣрена, что вы ошибаетесь, лордъ Фаунъ, — я саабъ тутъ ни при чемъ.

— Миссъ Моррисъ, а позволю себѣ остаться при моемъ мнѣніи, отвѣчалъ лордъ Фаунъ.

— А я при своемъ, смѣло продолжала Люси. — Индѣйскій саабъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что м-ръ Грейстокъ могъ-бы оказать или сдѣлать относительно своей кузины.

— Люси, вы забываетесь! остановила ее леди Фаунъ.

— Люси, милая, не спорьте съ братомъ, замѣтила Августа.

— Послушайте, Люси, не обращайтесь вниманіи на его слова, прософтовала Амалія.

— Какъ я могу слушать такія обвиненія и не обращать на нихъ вниманія! воскликнула Люси. — Зачѣмъ лордъ Фаунъ выра­жаетъ ихъ при мнѣ.

Лордъ Фаунъ удостоилъ на этотъ разъ сильно прогнѣваться на гувернантку своей матери.

— Мнѣ кажется, миссъ Моррисъ, что я имѣю право высказы­вать свое мнѣніе въ домѣ матери.

— А я стану высказывать свое, настаивала Люси. — М-ръ Грей­стокъ — истинный джентльменъ. Если вы говорите, что онъ посту­пилъ не по-джентльменски, то это чистая ложь.

Услыхавъ эти ужасныя слова, лордъ Фаунъ всталъ и медленно вышелъ изъ комнаты. Августа, съ ужасомъ поднявъ руки, послѣ­довала за нимъ. Леди Фаунъ закрыла лицо руками, даже Амалія перепугалась.

— О, Люси! отчего вы не смолчали! сказала Лидія.

— Я не хочу молчать! воскликнула Люси, заливаясь слезами. — Онъ истинный джентльменъ.

Въ Фаун-Кортѣ все пришло въ смятеніе. Спусти нѣсколько ми­нутъ леди Фаунъ послѣдовала за сыномъ, а съ ней вмѣстѣ и Амалія. Бѣдная Люси была оставлена съ меньшими дѣвочками. Негодование ея было очень сильно и она не намѣрена была усту­пать. Когда Джоржина, четвертая дочь, замѣтила ей, что по пре­виду приличія, она не должна была говорить ея брату, что онъ лжетъ, она снова вспыхнула:

— Онъ говорилъ неправду, вскричала она.

— Но, Люси, никогда нельзя говорить людямъ въ глаза, что они лгутъ. Ни одна дѣвушка не должна употребить такія слова въ разговорѣ съ мужчиной.

— А все-таки онъ не долженъ былъ говорить такимъ образомъ. Онъ знаетъ, что м-ръ Грейстокъ дороже для меня всего на свѣтѣ.

— Если-бы у меня былъ женихъ, сказала Нина, — и кто-нибудь сталъ-бы говорить о немъ дурно, — я бы этого не спустила даромъ. Я не знаю, почему Фредерикъ всегда долженъ быть правъ?

— Нина, ты говоришь глупости, сказала Діана.

— Я понимаю, что Люси тяжело было его слушать и молчать, замѣтила Лидія.

— Я и не буду молчать! воскликнула Люси. — Подозрѣвать м-ра Грейстока въ такой низости, воображать, что онъ мститъ за этого дикаго индѣйца, когда онъ защищаетъ свою кузину! — но развѣ можно это спустить! Нѣтъ, тогда лучше я уѣду отъ васъ. Вы всѣ считаете м-ра Грейстока врагомъ, но для меня онъ никогда не можетъ быть врагомъ.

— Мы считаемъ своимъ врагомъ не м-ра Грейстока, а леди Эстасъ, замѣтила Сецилія, — и притомъ весьма гадкимъ врагомъ.

— Я не говорю ни слова о леди Эстасъ, сказала Люси. — Но снова повторяю, м-ръ Грейстокъ — истинный джентльменъ.

Спустя около часу послѣ этого событія леди Фаунъ послала за Люси и долго проговорила съ ней наединѣ. Лордъ Фаунъ былъ очень разсерженъ и до сихъ поръ отказывался признать себя виновнымъ въ оскорбленіи.

— Я принуждена сказать вамъ, объявила леди Фаунъ серьезнымъ тономъ, — что ничто не можетъ оправдать вашего обвиненія лорда Фауна во лжи. Безъ сомнѣнія, мнѣ очень жаль, что имя м-ра Грейстока было упомянуто въ вашемъ присутствіи, но вамъ слѣдовало перенести это терпѣливо и спокойно.

— Я не могла этого сдѣлать, леди Фаунъ.

— То-же самое говорятъ всѣ преступники, когда совершаютъ какое-нибудь тяжкое преступленіе, а все-таки ихъ за него вѣшаютъ.

— Я лучше уѣду отъ васъ, леди Фаунъ...

— Это очень неблагоприятно съ вашей стороны, моя милая. Вы знаете, что я вовсе не хочу, чтобы вы уѣзжали. Но если вы поступаете дурно, — я, конечно, вынуждена вамъ это замѣтить.

— Мнѣ лучше уѣхать. Здѣсь всѣ думаютъ дурно о м-рѣ Грейстокѣ, я-же считаю его хорошимъ человѣкомъ и не намѣрена измѣнять свое мнѣніе въ угоду другимъ. Какое право имѣлъ лордъ Фаунъ говорить о м-рѣ Грейстокѣ?

Прощаясь съ нею, леди Фаунъ сказала, чтобы она завтра рано утромъ сошла внизъ и извинилась передъ лордомъ Фауномъ. Од-

накожь Люси ничего не отвѣтила. Пусть леди Фаунъ говоритъ, что ей угодно, думала она, — а она все-таки останется при томъ убѣжденіи, что лордъ оскорбилъ ее, а не она оскорбила его свѣтлость.

Эта размова произвела большое замѣшательство въ Фаун-Кортѣ. Вечеромъ Лидія пришла въ комнату къ своему другу Люси и обѣ дѣвушки всю ночь проговорили о вчерашнемъ происшествіи. Утромъ Люси встала рано и узнала, что лордъ Фаунъ гуляетъ въ цвѣтникѣ. Ей сказали, что она можетъ найти его тамъ, если намѣрена извиниться передъ нимъ.

Она много размышляла, слѣдуетъ-ли ей извиниться передъ нимъ, и рѣшила, что допустивъ даже, что она не имѣла права обвинять лорда Фауна во лжи, она спрашивала: болѣе-ли права имѣлъ лордъ Фаунъ говорить, что м-ръ Грейстокъ поступилъ неблаго-родно? Лордъ Фаунъ первый оскорбилъ ее, и тѣмъ вызвалъ оскорбленіе и съ ея стороны. Она не вполне была убѣждена, — должна-ли она извиниться передъ лордомъ Фауномъ, но твердо сознавала, что лордъ Фаунъ обязанъ извиниться передъ ней; однако во всякомъ случаѣ, рѣшилась объясниться съ нимъ.

Войдя въ садъ, она пошла прямо къ нему и встрѣтила его въ цвѣтникѣ. Онъ по прежнему былъ мраченъ и торжественъ и, очевидно, нянчился съ своею непріятностью, однако онъ поклонился ей и спокойно остановился, когда она подошла къ нему.

— Милордъ, сказала она, — я очень сожалѣю о томъ, что произошло вчера вечеромъ между нами.

— Я тоже сожалѣю объ этомъ, миссъ Моррисъ.

— Вѣроятно, вамъ извѣстно, что я обручена съ м-ромъ Грей-стокомъ.

— Мнѣ кажется, это не имѣетъ никакого отношенія къ нашему вчерашнему разговору.

— Если вы допускаете, что м-ръ Грейстокъ для меня дороже всего на свѣтѣ, то вы, конечно, сознаетесь, что я не могу молча слушать, когда о немъ отзываются оскорбительно.

Лицо лорда Фауна омрачилось еще болѣе, но онъ не отвѣтилъ ни слова. Онъ хотѣлъ, чтобы дѣвушка, любившая его врага, съ униженіемъ умоляла его о прощеніи. Если-бы она поступила такъ, онъ даровалъ-бы ей свое прощеніе, но онъ былъ слишкомъ мелоченъ, чтобы извинить ее на другихъ условіяхъ.

— Конечно, продолжала Люси, — живя въ домѣ леди Фаунъ, я обязана относиться къ вамъ съ должнымъ уваженіемъ...

Она почти съ мольбой посмотрѣла на него и остановилась, ожидая отъ него хоть одного слова извиненія.

— Однако, вы отнеслись ко мнѣ далеко съ неуваженіемъ, сказалъ лордъ Фаунъ.

— А какъ вы отнеслись ко мнѣ, лордъ Фаунъ?

— Миссъ Моррисъ, да будетъ мнѣ дозволено въ разговорѣ съ моею матерью употреблять выраженія, которыя я нахожу для себя болѣе удобными. Поведеніе со мною м-ра Грейстока было... было... было въ высшей степени не благородно.

— М-ръ Грейстовъ истинный джентльменъ.

— Его поведеніе было весьма непростительно и въ высшей степени не благородно.

— Это—не правда! воскликнула Люси.

Лордъ Фаунъ вскопчилъ, какъ ужаленный, и пошелъ въ дому такъ скоро, какъ только позволяли ему его короткія ноги.

XXVIII.

Мистеръ Довъ въ своей конторѣ.

Объясненіе между лордомъ Фауномъ и Грейстокомъ происходило у м-ра Кампердауна въ присутствіи Джона Эстаса. Стряпчій не мало помучился передъ ихъ приходомъ: Джонъ Эстасъ снова повторилъ ему, что не желаетъ болѣе хлопотать о брилліантахъ. Тщетно старался м-ръ Кампердаунъ доказать ему, что онъ, какъ душеприказчикъ и опекунъ, долженъ стараться укрѣпить имѣніе за своимъ племянникомъ, но Эстасъ увѣрялъ, что хотя онъ сравнительно не богатый человѣкъ, но тѣмъ не менѣе онъ готовъ заплатить за ожерелье свои собственные деньги, чтобы избавиться отъ вѣчныхъ непріятностей и нескончаемыхъ ссоръ за эти брилліанты.

— Милый Джонъ, вы подумайте только—десять тысячъ фунтовъ! говорилъ м-ръ Кампердаунъ.—Вѣдь это цѣлое состояніе для младшаго сына.

— Мальчику теперь всего два года, и онъ еще сѣмъбеть составить состояніе своимъ младшимъ сыновьямъ,—конечно, если не будетъ мотомъ, въ противномъ-же случаѣ эти десять тысячъ не составятъ большой разницы.

— Но законность требованія, Джонъ.

— Эта законность можетъ обойтись намъ чересчуръ дорого.

— Не забывайте, какава она ехидна! продолжалъ стряпчій.

Разговоръ прерванъ былъ приходомъ лорда Фауна, вслѣдъ за которымъ пришелъ и Грейстокъ.

— Я долженъ заявить вамъ, господа, сказалъ Грейстокъ,—что леди Эстасъ рѣшилась твердо отстаивать свое право на обладаніе этими брилліантами и что она не возвратитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока судъ не признаетъ, что она не права.—Позвольте, м-ръ Кампердаунъ, остановилъ онъ стряпчаго, который хотѣлъ было заговорить; я считаю себя обязаннымъ высказать и свое мнѣніе: я полагаю, что она права.

— Мнѣ съ глумомъ вѣрится, что это говорите вы, сказалъ м-ръ Кампердаунъ.

— Во всякомъ случаѣ, вы измѣнили свой взглядъ на это дѣло, замѣтилъ Джонъ Эстасъ.

— Нисколько, М-ръ Кампердаунъ; вы поймете, надѣюсь, что я говорю теперь, какъ вашъ хорошій пріятель, а не какъ юристъ. А вы, Эстасъ, должны знать, что я говорю о правахъ моей кузины. Какъ ни велика цѣнность ожерелья, однакожъ я совѣтывалъ ей отдать его на храненіе кому нибудь другому, пока все не будетъ окончательно улажено. Таковъ былъ мой совѣтъ ей, точно такъ-же я думаю и теперь. Но съ нею поступили не деликатно и она съ женскою настойчивостью не хочетъ уступить ни шагу. Вы не станете отрицать, м-ръ Кампердаунъ, что вы остановили ея карету?

— Она не отвѣтила-бы ни слова, если-бы мы ей написали, оправдывался стряпчій.

— Также я долженъ сказать, что леди Эстасъ считаетъ себя въ высшей степени оскорбленной поступкомъ лорда Фауна.

— Я только просилъ ее отдать брилліанты до тѣхъ поръ, пока все дѣло о нихъ не будетъ окончательно рѣшено, отвѣчалъ лордъ Фаунъ.

— И свое требованіе, милордъ, вы сопровождали угрозой. Весьма натурально, что моя кузина сильно негодуетъ.—И, милордъ, я позволяю себѣ сказать вамъ, что я вполне раздѣляю ея чувство.

— Не зачѣмъ изъ этого поднимать ссору, остановилъ его Эстасъ.

— Ссора уже начата, возразилъ Грейстокъ.—Я пришелъ сюда для того, чтобы сказать лорду Фауну въ присутствіи вашемъ и м-ра Кампердауна что онъ обращался съ этой леди непростительно дурно.

— Я обращался съ ней съ полнымъ уваженіемъ, отвѣчалъ лордъ Фаунъ.

— Вы ничѣмъ не можете доказать этого, сказалъ Грейстокъ. — Я смотрю на дѣло такъ, а вы иначе. Пусть общество насъ рассудитъ, какое право имѣете вы брать на себя разрѣшеніе вопроса: та или другая вещь принадлежитъ-ли леди Эстасъ или кому нибудь другому.

— Если всѣ говорятъ объ этомъ предметѣ, то совершенно понятно, что и я имѣю право высказать свое мнѣніе, сказалъ лордъ Фаунъ, который все-еще раздумывалъ, что-бы такое отвѣтить на оскорбленіе, нанесенное ему Грейстокомъ, но отвѣтить такъ, чтобы не унизить своего достоинства помощника государственнаго секретаря.

— Вашъ поступокъ, сэръ, во всякомъ случаѣ неизвинителенъ, сказалъ Франкъ и, обратясь къ стряпчему, прибавилъ:— вы желаете знать, гдѣ въ настоящее время находится это брилліантовое ожерелье? Оно въ Шотландіи, въ домѣ леди Эстасъ, въ Портрѣ.

Затѣмъ онъ пожалъ руку Джону Эстасу, поклонился м-ру Кампердауну, и вышелъ изъ комнаты, прежде чѣмъ лордъ Фаунъ придумалъ слова для выраженія своего гнѣва.

— Съ этихъ поръ я не намѣренъ имѣть никакого дѣла съ этимъ господиномъ, сказалъ, наконецъ, лордъ Фаунъ. Но такъ какъ сомнительно было, захочетъ-ли самъ Грейстокъ имѣть съ нимъ дѣло, то угроза почтеннаго лорда вышла просто смѣшной.

М-ра Кампердауна все это дѣло сильно раздражало.. Онъ боялся, что ехидна, какъ онъ называлъ Лиззи, одержитъ надъ нимъ верхъ. Онъ зналъ, что у нея много долговъ, онъ считалъ ее способной вести самую расточительную жизнь: конечно, брилліанты будутъ проданы за половину своей цѣны и ехидна будетъ торжествовать. Какая польза будетъ тогда ему или наслѣднику, если судъ рѣшитъ дѣло въ его пользу. Неужели-же ничѣмъ нельзя ее наказать? Что Лиззи Эстасъ украла брилліанты, какъ жуликъ воруетъ карманные часы—на этотъ счетъ м-ръ Кампердаунъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. М-ръ Кампердаунъ зналъ, что ехидна поступила незаконно и что она дѣйствительно ехидна, и потому онъ не соглашался оставить это дѣло, но препятствія на его пути были громадны, и непріятности, которымъ онъ подвергался, невыносимы. Его жена и дочери находились еще въ Дауличѣ, а онъ—ужъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ—въ городѣ, и только потому, что ехиднѣ угодно держать эти брилліанты у себя.

М-ръ Кампердаунъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, красивый, сѣдой, здоровый, съ небольшою краснотой въ лицѣ, и съ той самоувѣренностью, проглядывавшей во всей его фигурѣ, которая свойственна людямъ обезпеченнымъ. Тѣмъ, кто зналъ его хорошо,

было известно, что онъ не легко переносилъ безпокойства. Если какое-нибудь дѣло влекло за собой для него неприятности, — на лицѣ его появлялось выраженіе утомленія, конечно, служащее признакомъ недостатка въ немъ истинной внутренней силы. Какъ много встрѣчалъ лицъ, которыя, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, дышать спокойствіемъ, самоувѣренностью, самодовольствіемъ и даже смѣлостію, но случись малѣйшее затрудненіе, и вмѣсто смѣлости на этомъ лицѣ является выраженіе слабости и безсодержательности, такъ-что въ эту минуту онъ напоминаетъ собой побитую собаку. Когда лордъ Фаунъ и Джонъ Эстасъ ушли отъ м-ра Кампердауна, онъ имѣлъ именно такой приниженный видъ.

Въ Лондонѣ было не много людей столь-же преданныхъ своему дѣлу, какъ м-ръ Кампердаунъ. Онъ былъ безукоризненно честенъ. Интересы кліентовъ считалъ онъ своими собственными интересами и горячо стоялъ за нихъ. Но, къ его горю, онъ не былъ ученымъ юристомъ, и ему нерѣдко приходилось обращаться за совѣтами къ людямъ, болѣе компетентнымъ, чѣмъ онъ. Кліенты его, какъ люди богатые, охотно платили за эти совѣты. Если, при полученіи такого совѣта, м-ру Кампердауну удавалось узнать какое-нибудь тонкое юридическое опредѣленіе, согласующееся съ его видами, ему пріятно было думать, что онъ всегда имѣетъ подъ рукой какого-нибудь Дова, который прямо рѣшитъ, правъ-ли онъ, защищая въ томъ или другомъ случаѣ интересы своихъ кліентовъ. Но теперь юридическія тонкости бѣсили его. М-ръ Довъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отвѣтилъ на его вопросы, но этотъ отвѣтъ казался ему неудовлетворительнымъ. „Ожерелье не можетъ считаться родовымъ имуществомъ!“ сказалъ самъ себѣ м-ръ Кампердаунъ, снова прочитавъ письмо м-ра Дова, и, наконецъ, взявъ съ полки книгу законовъ, чтобы провѣрить сдѣланные м-ромъ Довомъ выводы. Горшокъ, кострюля могутъ быть обращены въ родовое имущество, а ожерелье — нѣтъ! М-ръ Кампердаунъ съ трудомъ могъ вѣрить, что это дѣйствительно такъ. А потомъ еще какое-то исключительное владѣніе. До сихъ поръ ему никогда не приходилось слышать, что вдовы имѣютъ какое-то право на исключительное владѣніе, хотя онъ не мало имѣлъ дѣлъ съ различными вдовами, но между этими вдовами ни одной не было такой алчной, кровожадной ехидны, какъ эта леди Эстасъ.

— Джонъ! кликнулъ м-ръ Кампердаунъ, отворяя дверь. Джонъ былъ его сынъ и компаньонъ; онъ тотчасъ-же вошелъ въ кабинетъ отца.— Затвори дверь! Какая здѣсь была сцена! Лордъ Фаунъ и м-ръ Грейстоувъ чуть было не подрались изъ-за этой ужасной женщины.

— Верхняя палата, конечно, была побѣждена, какъ обыкновенно, замѣтилъ младшій компаньонъ.

— А потомъ этотъ Джонъ Эстасъ, который вовсе не заботится о судьбѣ наслѣдства, даже прямо говорить, что готовъ собственныя деньги заплатить за эти брилліанты, хотя доходы его ни въ какомъ случаѣ не могутъ сравниться съ ея доходами.

— Конечно, онъ этого не сдѣлаетъ, сказалъ Кампердаунъ младшій, который еще мало былъ знакомъ съ характеромъ Джона Эстаса.

— Сдѣлаетъ непремѣнно! отвѣчалъ отецъ, который, напротивъ, хорошо его зналъ. — У этой семьи характеръ упорный: что вобьютъ себѣ въ голову, того уже не выбьетъ никто. Такъ и эта женщина; она получила Портрѣ, быть можетъ, на цѣлне шестьдесятъ лѣтъ и только потому, что дѣлала глазки сэру Флоріану.

— Что было, то прошло, батюшка.

— А вотъ еще Довъ утверждаетъ, что ожерелье не можетъ считаться родовымъ имуществомъ, если оно не составляетъ коронную собственность.

— Что-бы онъ ни сказалъ, вы можете смѣло положиться на его слова.

— На этотъ разъ я не совѣмъ въ нихъ увѣренъ. Послушай, что я хочу сдѣлать. Я пойду къ нему, надо еще разъ переговорить. Мы можемъ подать просьбу въ судъ—я въ этомъ не сомнѣваюсь—и доказать, что ожерелье принадлежитъ семейству и должно переходить по завѣщанію. Но она продастъ его прежде, чѣмъ намъ удастся взять его на храненіе.

— Можетъ быть, она ужъ и продала.

— Грейстокъ говоритъ, что ожерелье въ Портрѣ; она еще не продала его, но продастъ непремѣнно.

— Она могла-бы сдѣлать то-же самое и тогда, если-бы ожерелье считалось родовымъ имуществомъ.

— Нѣтъ, Джонъ, едва-ли. Тогда мы могли-бы дѣйствовать рѣшительнѣе и зацугали-бы ее.

— Если-бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, батюшка, я бросилъ-бы это дѣло.

— Но посуди ты, бросить десять тысячъ фунтовъ—это непростительно, настаивалъ м-ръ Кампердаунъ старшій.

Окончивъ, такимъ образомъ, свой разговоръ съ сыномъ, м-ръ Кампердаунъ всталъ и медленно отправился въ Ольд-Скверъ, гдѣ Тертъль Довъ свилъ свое дѣловое гнѣздо. М-ръ Довъ большую часть своей жизни проводилъ въ этомъ своемъ, нѣсколько мрачномъ, храмѣ наукъ. Теперь было время судебныхъ ваникулъ и многіе изъ

товарищей м-ра Дова уѣхали изъ Лондона: одни возстановляли свои силы въ Альпахъ, другіе набирались бодрости, дыша морскимъ воздухомъ въ Кентѣ или Соссексѣ, третьи, быть можетъ, охотились за дичью въ Шотландіи или ловили рыбу въ Коннемарѣ. Но м-ръ Довъ былъ желѣзный человѣкъ и не нуждался въ подобныхъ ободряющихъ средствахъ. Для него было величайшимъ несчастіемъ покинуть свои юридическія книги и черныи изрѣзанный, запачканный чернилами старинный столъ, на которомъ онъ привыкъ писать. Точно также любилъ онъ свое старое кресло, сидя въ которомъ онъ наслаждался, роясь въ старыхъ книгахъ, отыскивая старыя дѣла и составляя мнѣнія, которыя онъ всегда съ жаромъ готовъ былъ отстаивать противъ всего юридическаго міра. М-ръ Кампердаунъ и Довъ давно и коротко знали другъ друга и хотя оба они обладали далеко не равными юридическими знаніями, однакожь постоянно вели между собой юридическіе споры. Одинъ читалъ много, другой—ничего. Одинъ былъ не только человѣкъ ученый, но и обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, другой-же не болѣе, какъ обыкновенный дѣловой человѣкъ съ нѣкоторой долей здраваго смысла, но оба они симпатизировали одному и тому-же, и потому считались друзьями. Оба они были люди честные, не соглашались братья за нечистыя дѣла и одинаково питали глубокое презрѣніе къ той части человѣчества, которая думала, что владѣніе какимъ-нибудь имуществомъ можетъ быть устроено и обезпечено помимо посредничества адвокатовъ. Все человѣчество, казалось имъ, состоитъ изъ милыхъ, вѣчно-смѣющихся, невнимыхъ дѣтей и юристовъ—ихъ попечителей, защитниковъ и наставниковъ.

— Да, сэръ, онъ здѣсь, сказалъ клеркъ Тертля Дова. — Онъ говорилъ, что уѣдетъ, но не уѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что отпускаетъ меня на недѣлю, но я еще самъ не знаю, оставлю-ли я его на это время. М-съ Довъ и дѣти теперь въ Ремсетъ, а онъ проводитъ здѣсь все время. Онъ ужъ такъ давно никуда не выходилъ, что когда вчера ему понадобилось идти въ Темплъ, мы не могли даже отыскать его шляпу.

Съ этими словами клеркъ открылъ дверь и пропустилъ м-ра Кампердауна въ кабинетъ своего принципала. М-ръ Довъ былъ пятью или шестью годами моложе м-ра Кампердауна, волоса его были совсѣмъ черны, тогда какъ у м-ра Кампердауна они были не только сѣды, но даже бѣлы, однакожь Кампердаунъ по виду казался моложе. М-ръ Довъ былъ высокій, худой, сутуловатый господинъ съ впалыми глазами, осунувшимися щеками и болѣзненнымъ видомъ, съ длинными, высохшими руками. М-ръ Кам-

пердаунъ носилъ синій фракъ, цвѣтной галстувъ и свѣтлый жилетъ. На м-рѣ Довѣ всѣ принадлежности туалета были чернаго цвѣта, конечно, исключая одной рубашки.

— Я опасуюсь, что вы немного извлекли изъ моей записки по вашему дѣлу, сказалъ м-ръ Довъ, угадывая цѣль визита м-ра Кампердауна.

— Я нашелъ въ ней гораздо болѣе, чѣмъ мнѣ было нужно,— могу васъ увѣрить, м-ръ Довъ.

— Вопросъ о родовыхъ имуществахъ затемненъ множествомъ недоразумѣній.

— Къ сожалѣнію, это такъ, хотя можно-бы обойтись и безъ нихъ. Куда ни повернись, на каждомъ шагу можно встрѣтить родовое имущество, и потому невольно изумляешься, когда вдругъ приходится услышать, что подобныхъ имуществъ совсѣмъ не существуетъ.

— Мнѣ кажется, я этого не говорилъ. Напротивъ, я тщательно старался доказать, что законъ признаетъ наслѣдованіе родовыхъ имуществъ.

— Но не брилліанты, замѣтилъ м-ръ Кампердаунъ.

— Едва-ли я это говорилъ.

— Кромѣ коронныхъ брилліантовъ.

— Я не думаю, чтобы я исключилъ другіе брилліанты. Брилліантъ въ орденской звѣздѣ можетъ сдѣлаться родовымъ имуществомъ, но я не думаю, чтобы брилліанты сами по себѣ могли считаться родовымъ имуществомъ.

— Отчего-же изъ орденской звѣзды, а не изъ ожерелья? замѣтилъ м-ръ Кампердаунъ.

— Потому что орденская звѣзда всегда сохраняетъ свою первоначальную форму, конечно, если не будетъ подлога. А форма ожерелья, вѣроятно, будетъ мѣняться съ каждой новой модой. Въ одномъ случаѣ оно подобно картинѣ или какой-нибудь дорогой мебели...

— Напримѣръ, горшку или костюлѣ, саркастически замѣтилъ м-ръ Кампердаунъ.

— И горшки, и костюлы также могутъ быть драгоценны, возразилъ м-ръ Довъ.— Подобныя вещи тоже могутъ считаться родовымъ имуществомъ. Законъ вообще очень предусмотрителенъ и остороженъ, м-ръ Кампердаунъ, очень часто гораздо предусмотрительнѣе и осторожнѣе тѣхъ, кто пытается его исправлять.

— Я совершенно съ вами согласенъ, м-ръ Довъ.

— Неужели было-бы хорошо, если-бы законъ своею властью утверждалъ храненіе въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ разныхъ бездѣ-

душекъ, служащихъ лишь для украшенія и для удовлетворенія тщеславія? Неужели надъ этимъ родомъ мущества владѣтель долженъ имѣть болѣе продолжительное и болѣе неограниченное право, чѣмъ даже надъ землею?

— Во всякомъ случаѣ слѣдовало-бы ограждать неприкосновенность предметовъ высокой цѣнности, съ негодованіемъ сказалъ м-ръ Кампердаунъ.

— Неприкосновенность всѣхъ имуществъ достаточно ограждаетъ, м-ръ Кампердаунъ, хотя подобныя огражденія никогда не могутъ вполнѣ достигать цѣли, какъ мы это слишкомъ хорошо знаемъ. Но система родовыхъ наслѣдствъ—если только такая система существуетъ—совсѣмъ не предназначалась для того, что вы и я подразумеваемъ подъ огражденіемъ имущества.

— А я думаю, что она именно для этого и предназначалась.

— А я не думаю. Она предназначалась для спеціальной цѣли—для сохраненія воспоминанія о рыцарствѣ. Имущества сдѣлались родовыми не въ видахъ того, чтобы будущіе владѣльцы были обезпечены большимъ богатствомъ, а для того, чтобы сынъ, внукъ или вообще какой-нибудь потомокъ могъ имѣть удовольствіе говорить: „Мой отецъ, дѣдъ или просто предокъ сидѣлъ въ этомъ креслѣ и смотрѣлъ, какъ онъ смотритъ теперь вотъ съ этого портрета, или удостоился чести носить на своей груди вотъ это самое украшеніе, которое повѣшено около зеркала“. Коронныя брилліанты, считаясь родовымъ имуществомъ, представляютъ собой собственность не лица, а принадлежность почетной службы всему государству. Законъ, который долженъ обезпечивать намъ наше имущество, нашу жизнь и свободу, и потому быть вполнѣ реальнымъ, въ этомъ случаѣ подчинился духу рыцарства и поддержалъ романтизмъ. Но, конечно, это подчиненіе идеализму сдѣлано вовсе не съ тою цѣлью, чтобы дать возможность спорящимъ наслѣдникамъ какого-нибудь богатаго человѣка — рѣшить простой, слишкомъ вульгарный вопросъ о деньгахъ, — вопросъ, который богатый покойникъ долженъ былъ-бы уладить еще до своей смерти.

М-ръ Тертъль Довъ говорилъ съ должной энергіей и говорилъ хорошо. М-ръ Кампердаунъ не осмѣливался прерывать его. Онъ сидѣлъ, облокотясь на спинку своего кресла, опустивъ голову и медленно потирая свои длинныя, тонкія руки. Вообще рѣчи м-ра Дова благотворно дѣйствовали на м-ра Кампердауна; онъ предохраняли его отъ одной изъ самыхъ худшихъ болѣзней—отъ презрѣнія къ человѣчеству.

— Значитъ, вы думаете, что намъ нельзя требовать это ожерелье въ качествѣ родового имущества? спросилъ онъ.

— Да, я такъ думаю.

— И вы увѣрены, что она можетъ имъ владѣть по праву вдовьяго исключительнаго владѣнія?

— Этотъ вопросъ весьма сложенъ; однако я рѣшусь его разоб-
брать, но сдѣлаю это только по дружбѣ моей къ вамъ.

— Мнѣ нечего повторять вамъ, что я уже много вамъ обязанъ. Мы хотимъ предложить вамъ еще вопроса два на разрѣшеніе.

— Охотно прошу... Я полагаю, что если судъ и утвердитъ за нею право владѣнія этимъ ожерельемъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ запретитъ ей продавать его.

— Она продастъ его... тайно.

— Въ такомъ случаѣ можно будетъ обвинить ее въ вразѣ, до чего она, конечно, не захочетъ довести себя, если не по честности своего характера, то уже потому, что продажу вещи такой высокой цѣнности скрыть невозможно; это обстоятельство можетъ остановить и покупателей.

— Вы знаете, она утверждаетъ, что мужъ подарилъ ей это ожерелье и ничѣмъ не ограничилъ ея пользованія имъ.

— Мнѣ хотѣлось-бы знать, при какихъ обстоятельствахъ оно подарено. Вѣроятно, въ полученіи этого подарка не дано никакой росписки и нѣтъ свидѣтелей, которые-бы удостовѣрили справедливость ея показанія. Ея покойный мужъ оставилъ завѣщаніе. Упоминаетъ-ли онъ въ немъ объ этомъ ожерельѣ?

— О, нѣтъ, ни одного слова.

— Въ такомъ случаѣ я полагаю, что она не можетъ владѣть имъ по праву исключительнаго владѣнія, иначе о немъ было-бы упомянуто въ завѣщаніи.

М-ръ Кампердаунъ хотѣлъ было продолжать разговоръ о завѣщаніи, но Тертъль Довъ остановилъ его, замѣтивъ, что не можетъ говорить о дѣлѣ, предварительно неознакомившись съ нимъ подробно.

— Конечно, конечно, сказалъ м-ръ Кампердаунъ.—Мы представимъ необходимыя бумаги. Извините, что задержалъ васъ.

— Я всегда радъ васъ видѣть, м-ръ Кампердаунъ, сказалъ Тертъль Довъ, кланяясь.

ГЛАВА XXIX.

Имѣ лучше-бы уѣхать.

Люси Морисъ чувствовала себя очень несчастною въ описанное утро воскресенья передъ завтракомъ, когда лордъ Фаунъ внезап-

но вскочилъ и пошелъ прочь къ дому. Она во второй разъ обвинила лорда Фауна во лжи. Она не вполнѣ понимала свѣтскіе обычай относительно этого предмета, но знала, что единственный проступокъ, дозволенный джентльменомъ, есть ложь. Этотъ проступокъ можетъ быть совершенъ джентльменомъ такъ-же какъ и прочими людьми, и чаще, чѣмъ всякой другой; но тѣмъ не менѣе по обычаямъ свѣта предполагается, что джентльменъ никогда не говоритъ неправды. Объ этомъ Люси имѣла нѣкоторое понятіе. Она знала, что „ложь“ слово въ высшей степени гнусное. Она и дѣвицы Фаунъ не разъ говорили о томъ, что Лиззи Эстасъ немножко лгунья, но сказать леди Эстасъ, что каждое произнесенное ею слово есть ложь, было-бы болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ самая ложь. Ввести подобное обвиненіе и въ такихъ словахъ противъ лорда Фауна значило-бы унижить себя навсегда, тѣмъ болѣе, что она хорошо знала, что лордъ Фаунъ не сказалъ никакой лжи. Онъ самъ вѣрилъ каждому слову, которое онъ произнесъ противъ Франка Грейстока. Правда, Люси считала малодушною жестокостію съ его стороны то, что онъ отзывается такъ о любимомъ ею человѣкѣ въ ея присутствіи, но это не могло быть основаніемъ къ обвиненію его во лжи. «Все-таки это была неправда», сказала она себѣ самой, наблюдая за быстро удалявшимся лордомъ Фауномъ, и стараясь думать, что теперь ей лучше позаботиться о себѣ самой. Лордъ Фаунъ, какъ большой ребенокъ, конечно, тотчасъ-же сообщитъ своей матери, что сказала ему эта злая гувернантка.

Въ залѣ она встрѣтила свою пріятельницу Лидію.

— Ахъ, Люси, что сдѣлалось съ Фредерикомъ? спросила она.

— Лордъ Фаунъ разсердился на меня до того, что, я увѣрена, не станеть завтракать со мною. Поэтому я не сойду внизъ. Не потрудитесь-ли вы сказать объ этомъ вашей мамѣ? Если ей вздумается переговорить со мною, то пусть пришлетъ сказать, и я, разумѣется, тотчасъ-же явлюсь къ ней.

— Что такое вы сдѣлали, Люси?

— Я опять сказала ему, что онъ говоритъ неправду.

— Но почему?

— Потому что... но какъ могу я объяснить—почему? Почему какой нибудь человѣкъ дѣлаетъ что-либо такое, чего ему не слѣдовало-бы дѣлать? Тутъ виновато грѣхопаденіе старика Адама, я полагаю.

— Вамъ не слѣдовало-бы обращать этого въ шутку, Люси.

— Вы и представить себѣ не можете, до какой степени это мучить меня. Разумѣется, леди Фаунъ скажетъ мнѣ, чтобы я уби-

ралась вонъ. Я вышла съ мыслью просить у него извиненія въ томъ, что я сказала въ прошлый вечеръ, но мнѣ пришлось повторить снова то-же самое.

— Зачѣмъ-же вы повторили?

— Я повторила-бы снова, если-бы онъ вздумалъ говорить мнѣ, что м-ръ Грейстокъ—не джентльменъ. По моему мнѣнію, ему не слѣдовало этого дѣлать. Конечно, я была очень виновата; я знаю это. Но я думаю, что и онъ былъ неправъ. Почему-же только я должна признаться въ своей винѣ? Я пойду на верхъ и останусь въ своей комнатѣ, пока ваша мама не пришлетъ за мною.

— А я скажу Дженъ, чтобы она принесла вамъ что-нибудь позавтракать.

— Я нисколько не думаю о завтракѣ, возразила Люси.

Лордъ Фаунъ сказалъ своей матери и леди Фаунъ была этимъ въ высшей степени разстроена. Ея сужденія и чувства были раздѣлены между несомнѣнно существовавшей, хотя и не обширною привилегіей Люси, какъ дѣвушки, имѣвшей признаннаго жениха и еще большею привилегіей лорда Фауна, какъ мужчины, какъ пэра, какъ помощника государственнаго секретаря, которая, впрочемъ, принадлежала ему преимущественно въ качествѣ главы и единственнаго мужчины въ семействѣ Фауновъ. Подобная особа, если она удостоивается явиться разъ въ недѣлю въ домъ своей матери, побуждаемая къ тому сыновнимъ долгомъ, имѣетъ право говорить все, что ей заблагоразсудится, и ей ни подъ какимъ видомъ не долженъ никто противорѣчить. Конечно, у Люси есть женихъ, но, можетъ быть, на этотъ фактъ надо смотрѣть не болѣе, какъ на противовѣсь ея ничтожества въ качествѣ гувернантки и леди Фаунъ, разумѣется, была обязана принять сторону своего сына и побранить Люси. Но что если Люси не вынесетъ покорно эти упреки и вздумаетъ оставить ихъ домъ!

— Ты, конечно, не думаешь, что она пришла къ тебѣ съ цѣлію надѣлать тебѣ новыхъ дерзостей? спросила леди Фаунъ своего сына.

— Нѣтъ, не думаю. Но ея характеръ такъ упрямъ и она такъ избалована вами,—т. е. сестрами,—что не умѣетъ сдерживать себя.

— Но ты знаешь, Фредерикъ, она золотая дѣвушка, замѣтила леди Фаунъ.

Сынъ пожалъ плечами и объявилъ, что объ этомъ ему нечего говорить болѣе. Разумѣется, онъ можетъ оставаться въ Лондонѣ до тѣхъ поръ, когда м-ру Грейстоку будетъ угодно взять свою невѣсту.

— Ты разбиваешь мое сердце, воскликнула несчастная мать.— Она, разумѣется, должна оставить нашъ домъ, если ты желаешь этого.

— Я не желаю ничего, сказалъ лордъ Фаунъ.—Но мнѣ нѣтъ охоты вѣчно подвергаться опасности выслушивать, какъ меня называютъ лжецомъ.

И онъ величественно пошелъ по коридору и спустился внизъ завтракать, мрачный, какъ громовая туча.

Послѣ завтрака Амелія пришла къ Люси и вступила съ нею въ продолжительный разговоръ.

— И такъ, Люси, вы знаете, нужно сдѣлать что-нибудь, сказала Амелія.—Вы должны повидаться съ мамою. Она не можетъ допустить, чтобы дѣло продолжалось, такимъ образомъ. Мама очень огорчена и не съѣла ни кусочка за завтракомъ.

Подъ этимъ Амелія подразумѣвала, что ея мать отказалась отъ обычной второй порціи ветчины.

— Конечно, я пойду къ ней, какъ только она пришлетъ за мною. Мнѣ очень досадно, что случились такія неприятности.

— Я не удивляюсь этому, Люси. Братъ мой тоже не въ духѣ. Подобныя споры разстраиваютъ людей. Тутъ играетъ роль то, что называється норовомъ, Люси.

— Зачѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что м-ръ Грейстокъ не джентльмень? М-ръ Грейстокъ истинный джентльмень. Я не думала сказать ничего больше.

— Но вы сказали больше, Люси.

— Когда онъ сказалъ, что Грейстокъ не джентльмень, я возразила, что это неправда. Зачѣмъ онъ сказалъ это? Ему вѣдь извѣстны наши отношенія. Они извѣстны всѣмъ и каждому. Развѣ вы нашли-бы благоразумнымъ оскорблять въ моихъ глазахъ м-ра Грейстока, когда вы знаете, что значитъ онъ для меня? Я не могу выносить этого и не хочу. Я уѣду завтра-же.

— Я думаю, Люси, что вамъ лучше-бы выразить глубокое сожалѣніе о случившемся.

— Вашему брату?

— Да.

— Тогда онъ снова станетъ оскорблять м-ра Грейстока. Я, пожалуй, попрошу у лорда Фауна извиненія, если онъ предварительно дастъ обѣщаніе никогда не говорить при мнѣ дурно о м-рѣ Грейстока.

— Я, право, не думаю, чтобы онъ согласился на такую сдѣлку, Люси.

— Я тоже полагаю, что не могу. Должно быть я очень зла; я

слишкомъ зла для того, чтобы оставаться здѣсь. Въ этомъ состоитъ вся суть.

— Боюсь, что вы слишкомъ горды, Люси.

— Я думаю, что горда. Мнѣ одно неприятно, что я огорчила леди Фаунъ.

Амелія ушла, сознавая, что ей не удалось уломать гордую дѣвушку.

Между тѣмъ лордъ Фаунъ, шагая по берегу рѣки, въ одиночествѣ, размышлялъ о положеніи своихъ дѣлъ. Несчастенъ былъ для него тотъ день, когда онъ впервые увидѣлъ леди Эстасъ. Съ первой минуты своей помолвки съ нею, его преслѣдовали разные неприятности ея обращенія съ нимъ; разные слухи о ней, переданные ему м-съ Гиттевей; угрозы м-ра Кампердауна судомъ по поводу бриллантовъ; оскорбленіе, нанесенное ему Франкомъ Грейстокомъ,—все это вмѣстѣ внушало ему, что онъ едва-ли можетъ жениться на леди Эстасъ. Тѣмъ не менѣе онъ не видѣлъ приличнаго выхода изъ затруднительнаго положенія. Онъ былъ человѣкъ довольно совѣтливый и его мучила мысль, что онъ не хорошо поступаетъ съ женщиной. Надо, впрочемъ, признаться, что его совѣтливость происходила отчасти изъ опасенія, что свѣтъ обвинитъ его, а не Лиззи, но, во всякомъ случаѣ, онъ переживалъ теперь весьма тяжелыя минуты. Наказаніе за его проступокъ началось неотомщенными оскорбленіями со стороны Грейстока, и теперь ему казалось, что поведение Люси было продолженіемъ наказанія. Свѣтъ началъ уже относиться къ нему, лорду Фауну, съ тѣмъ недостаткомъ уваженія, котораго онъ такъ боялся. Онъ чувствовалъ, что у него не хватитъ силъ на борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, обвинявшимъ его въ дурномъ поступкѣ, и страдалъ отъ своей слабости...

Онъ обѣщалъ жениться на этой вдовѣ и намѣренъ исполнить свое требованіе, т. е. отдать ожерелье. Изъ за нея онъ получилъ два сильныя оскорбленія и долженъ перенести ихъ съ достоинствомъ. И развѣ онъ не вправѣ поступить такимъ образомъ? Ничтожная обида, нанесенная ему Люси, стояла въ его умѣ на ряду съ другой сильной обидой, которую онъ получилъ отъ Грейстока. Онъ подозрѣвалъ, что даже и сестры относятся теперь къ нему съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. А между тѣмъ онъ такъ заботился о томъ, чтобы поступать согласно съ своимъ долгомъ! Таковы были его сомнѣнія; въ одномъ онъ былъ вполне увѣренъ, что Франкъ Грейстокъ—негодяй, а Люси Моррисъ самая дерзкая дѣвушка во всей Англій.

— Что ты думаешь дѣлать, Фредерикъ? спросила его мать, когда онъ вернулся.

— Въ какомъ отношеніи, мама?

— Относительно Люси Моррисъ. Я еще не видала ее. Я нашла, что лучше оставить ее на нѣкоторое время въ покоѣ, прежде чѣмъ увижусь съ ней. Я думаю, что она сойдетъ къ обѣду, какъ всегда.

— Мнѣ до нея нѣтъ никакого дѣла.

— Конечно;—но на счетъ встрѣчи съ нею? Если во время обѣда всѣ стануть молчать, это будетъ весьма неприятно, въ особенности, я полагаю, тебѣ.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь беспокоился о моемъ комфорѣ.

На самомъ дѣлѣ, если-бы съ Люси никто не сталъ говорить во время обѣда, то это произвело-бы успокоительное дѣйствіе на лорда Фауна, который счелъ-бы всеобщее молчаніе и скуку жертвой, принесенной его чести.

— Я, конечно, могу настаивать, сказала леди Фаунъ,—чтобы она извинилась, но если она откажется — что мнѣ дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Пожалуйста, мама, пусть не будетъ никакихъ извиненій.

— Что-же мнѣ дѣлать, Фредерикъ?

— Не мое дѣло говорить, что вамъ слѣдуетъ сдѣлать. Если правда, что она невѣста этого человѣка...

— Конечно, невѣста.

— То нѣтъ никакого сомнѣнія, что она хочетъ поставить себя въ совершенную независимость отъ васъ и я понимаю, что ея присутствіе здѣсь въ подобныхъ обстоятельствахъ должно быть весьма неудобно для всѣхъ насъ. Безъ сомнѣнія, она чувствуетъ свою силу.

— Право, Фредерикъ, ты не знаешь ее.

— Да, едва-ли и желаю знать ее лучше. Вы не можете предположить, что я хочу дальнѣйшаго сближенія съ молодой дѣвушкой, которая два раза назвала меня лжецомъ въ вашемъ домѣ. Подобное поведеніе, по меньшей мѣрѣ, не согласно съ обычаями и такъ какъ нельзя употребить противъ нея никакого наказанія, то слѣдуетъ только избѣгать сношеній съ нею. Я буду удовлетворенъ, если вы дадите ей понять, что я не желаю, чтобы она обращалась ко мнѣ съ разговорами.

Бѣдная леди Фаунъ начинала думать, что Люси была права, считая свой отъѣздъ единственнымъ средствомъ для умиротворенія лорда Фауна. Но куда-жъ она уѣдетъ? У нея нѣтъ своего угла;

она могла зарабатывать себѣ хлѣбъ только въ качествѣ гувернантки; но, въ ея настоящемъ положеніи, ей почти невозможно было искать себѣ другого мѣста. Притомъ леди Фаунъ дала обѣщаніе м-ру Грейстоку, что до слѣдующаго года Люси будетъ имѣть пріютъ въ Фаун-Кортѣ. Она сама и ея дочери любили Люси, которая сдѣлалась для старухи столь дорогимъ существомъ, что выгнать ее изъ ихъ семейства значило-бы то-же самое, что отрѣзать одинъ членъ его,—это было просто невозможно.

— Я думаю, мнѣ слѣдовало-бы лучше повидаться съ нею, сказала леди Фаунъ.

— Только не для меня, замѣтилъ лордъ Фаунъ.

Леди Фаунъ медленнымъ шагомъ отправилась въ комнату Люси.

— Люси, сказала она, садясь,—какой будетъ конецъ изъ всего этого?

— Если-бы вы знали, отвѣчала Люси,—какъ мнѣ тяжело, что я огорчила васъ!

— Я огорчена, моя милая; мнѣ кажется, что вспыльчивость завела васъ слишкомъ далеко.

— Я знаю, что такъ.

— Почему-же вы не сдерживаете своего нрава?

— Если-бы кто-нибудь пришелъ къ вамъ, леди Фаунъ, и сталъ-бы взводить тяжкія обвиненія противъ лорда Фауна или противъ Августы,—развѣ вы не разсердились-бы? Развѣ вы были-бы способны перенести это?

Леди Фаунъ была женщина ограниченная, но честная. Она знала, что навинулась-бы на всякаго, кто въ ея присутствіи отнесся-бы объ ея дѣтяхъ такъ оскорбительно, какъ относился лордъ Фаунъ о м-рѣ Грейстокѣ въ присутствіи Люси. Но она также привыкла думать, что лордъ Фаунъ въ Фаун-Кортѣ не могъ быть неправъ. Пришлось ей придумать какой-нибудь вѣскій аргументъ, повидимому, опровергающій доводы Люси.

— Моя милая, сказала она, — вы еще очень молоды. И хотя мнѣ и моимъ дѣвочкамъ вы такъ дороги, какъ только можетъ быть дорогъ другъ, и хотя вы можете мнѣ и имъ говорить, что вамъ угодно, но вамъ слѣдовало-бы знать, что лордъ Фаунъ составляетъ особое исключеніе.

— Хотя-бы онъ говорилъ мнѣ, что м-ръ Грейстокъ не джентльменъ?

— Насъ, конечно, огорчила-бы всякая ссора. Во всемъ этомъ виновата эта северная, коварная женщина.

— Совершенно такъ, леди Фаунъ. Я думала объ этомъ цѣ-

дый день и убѣдилась, что мнѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь, пока мѣсть вы и ваши дочери имѣете дурное мнѣніе о м-рѣ Грейстоуѣ. Я постоянно чувствую потребность сказать что-нибудь хорошее о м-рѣ Грейстоуѣ, а вы постоянно думаете о немъ что-нибудь дурное... Скажите, леди Фаунъ, если у дѣвушки есть чело-вѣкъ, котораго она любитъ и за котораго она обѣщала выйти замужъ, то не *долженъ*-ли онъ быть ея лучшимъ другомъ! Не такъ-ли, леди Фаунъ?

Старуха наклонилась и, вмѣсто отвѣта, поцѣловала Люси.

— Думать о немъ, какъ можно болѣе, заставляетъ меня не неблагодарность къ вамъ, продолжала Люси.

— Конечно, душечка.

— И такъ мнѣ необходимо оставить васъ.

— Но куда-же вы поѣдете, Люси?

— Я посоветуюсь съ м-ромъ Грейстокомъ.

— Но что-же онъ можетъ сдѣлать? Вы его поставите въ большое затрудненіе. Онъ не можетъ найти для васъ пріюта.

— Можетъ быть, меня примутъ въ домѣ декана, медленно проговорила Люси: она очевидно много думала обо всемъ этомъ.— И вотъ еще что, леди Фаунъ: я не сойду внизъ, пока лордъ Фаунъ здѣсь, я не стану безпокоить его моимъ присутствіемъ,—онъ можетъ быть увѣренъ въ этомъ. И вы можете также передать ему, что я не намѣрена извиняться; напротивъ, всегда останусь при своемъ мнѣніи, что онъ не долженъ былъ говорить мнѣ, что м-ръ Грейстоуѣ—не джентльменъ.

ГЛАВА XXX.

Тревоги мистера Грейстона.

Франкъ Грейстоуѣ въ воскресенье оставался въ Лондонѣ, а въ понедѣльникъ отправился въ Бобсборо. Его отецъ, мать и сестра знали о помолвкѣ его съ Люси и слышали также, что леди Эстасъ должна выйти замужъ за лорда Фауна. Объ ожерельѣ они слышали до сихъ поръ очень мало, а о ссорѣ между Франкомъ и лордомъ Фауномъ не слышали вовсе. Правда, въ деканствѣ подозрѣвали многое, и существовали нѣкоторыя сожалѣнія относительно обоихъ браковъ. М-съ Грейстоуѣ, мать Франка, была женщина любящая и сострадательная, но она думала, что ея сынъ Франкъ при своихъ преимуществахъ, пріятной наружности, умѣ, извѣстности, могъ же-

ниться на какой-нибудь богатой наследницѣ такъ-же легко, какъ на незначительной дѣвушкѣ, неимѣющей ни копейки за душою. Что касается до нея самой, урожденной Джэксонъ, то она могла довольствоваться весьма малымъ; но всѣ Грейстоки нуждались въ деньгахъ; это былъ ихъ семейный недостатокъ. Даже достойный деканъ, который зналъ цѣну деньгамъ и почти не выѣзжалъ изъ Бобборо, и тотъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ совершенно освободиться отъ долговъ. Франкъ былъ Грейстокъ съ ногъ до головы. Онъ былъ именно такой человѣкъ, для котораго жена съ деньгами была почти необходимымъ условіемъ существованія. А его хорошенькая кузина вдова, которая была такъ ему предана и вышла-бы за него по первому его слову, имѣеть нѣсколько тысячъ фунтовъ въ годъ! Правда, Лиззи Эстасъ далеко не идеаль хорошей женщины, но кто-же обладаетъ полнымъ совершенствомъ? Но она была очень молода и Франкъ могъ-бы еще выѣпить изъ нея все, что угодно, какъ изъ воска. Конечно, жаль бѣдненькую Люси Моррисъ, которую можно было назвать золотой дѣвушкой, и съ Грейстокомъ охотно допускала это; но, говоря откровенно, что она такое? Не болѣе какъ гувернантка. М-съ Грейстокъ объявила своей дочери, что никто въ мірѣ не уважаетъ гувернантокъ болѣе, чѣмъ она сама. Но гувернантка все-таки только гувернантка, а для человѣка въ положеніи Франка бракъ съ гувернанткой былъ-бы просто самоубійствомъ.

— Вамъ не слѣдовало-бы говорить этого теперь, мама, потому что дѣло уже рѣшено, сказала Эллинора Грейстокъ.

— Но я и не говорила этого, моя милая, мало-ли есть рѣшенныхъ вещей, которымъ не слѣдовало-бы быть рѣшенными. Ты знаешь своего брата.

— Франкъ зарабатываетъ много, мама.

— Знавала-ли ты хоть одного Грейстока, которому было-бы достаточно своего дохода?

— Кажется, нѣтъ, мама, и мой доходъ очень малъ.

— Ты—Джэксонъ; а Франкъ—Грейстокъ до мозга костей. Если-жъ женится на Люси Моррисъ, то онъ долженъ будетъ выйти изъ парламента.

Самъ деканъ былъ болѣе сдержанъ и менѣе склоненъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, чѣмъ его жена, но и онъ раздѣлялъ мнѣніе жены. Онъ ни за что въ мірѣ не намекнулъ бы сыну, что ему было-бы хорошо жениться на деньгахъ, но онъ думалъ, что сыну было-бы хорошо обратить свои искательства туда, гдѣ есть деньги. Деканъ зналъ, что Франкъ склоненъ тратить свои гиней скорѣе, чѣмъ онъ ихъ приобрѣталъ. Франкъ, правда, вышелъ въ люди

и благоденствуетъ,—но едва-ли его благоденствіе можетъ продолжаться, если онъ не женится на деньгахъ. Само собою разумѣется, что, при извѣстіи о несчастной помолвкѣ съ Люси Моррисъ, дѣло не обошлось безъ сожалѣній.

— Эту свадьбу можно-бы отложить на десять лѣтъ, по крайней-мѣрѣ, сказала м-съ Грейстокъ.

— Одно время я подумывалъ, что онъ могъ-бы жениться на своей кузинѣ, сказалъ деканъ.

— Конечно,—да и всякому это приходило въ голову, отвѣчала его жена.

Затѣмъ пріѣхалъ Франкъ. Онъ намѣревался пробыть у нихъ около мѣсяца, и къ его пріѣзду сдѣланы были большія приготовленія; но тотчасъ послѣ своего прибытія онъ объявилъ, что ему необходимо черезъ десять дней ѣхать въ Шотландію.

— Вы, конечно, слышали о Лиззи? сказалъ онъ. Они слышали, что Лиззи выходитъ замужъ за лорда Фауна, но кромѣ этого не слышали ничего. — Вы знаете объ ожерельѣ? спросилъ Франкъ. Какіе-то слухи объ этомъ проникли даже въ спокойный Бобборо. Они слышали, что происходитъ какой-то споръ между вдовою и душеприказчиками покойнаго сэра Флоріана о какихъ-то брилліантахъ.

— Лордъ Фаунъ ведетъ себя въ этомъ дѣлѣ самымъ гнуснымъ образомъ, продолжалъ Франкъ, — и я убѣжденъ, что свадьбы не будетъ.

— Не будетъ свадьбы! воскликнула м-съ Грейстокъ.

— Кто-же правъ въ дѣлѣ брилліантовъ? спросилъ деканъ.

— О, адвокатамъ будетъ много работы, прежде чѣмъ они рѣшатъ этотъ вопросъ. Брилліанты эти очень цѣнные,—говорятъ, они стоятъ десять тысячъ фунтовъ; но большая часть этой суммы пойдетъ моимъ собратьямъ по профессіи. Жаль, что я не могу участвовать въ добычѣ.

— Почему-же? спросила мать.

— Сколько я понимаю, продолжалъ Франкъ, — она имѣетъ законное право на эти брилліанты. Она говоритъ, что ея мужъ подарилъ ихъ ей, что онъ самъ надѣлъ ихъ ей на шею и сказалъ, что они составляютъ ея собственность. Что касается до того, что будто-бы они составляютъ родовое имущество, то это едва-ли возможно. Не знаю навѣрное, но мнѣ кажется, что нельзя сдѣлать брилліанты родовымъ имуществомъ. Меня удивляетъ то, какимъ образомъ могъ найти лордъ Фаунъ возраженія противъ ожерелья. Однакожь онъ нашелъ ихъ и просто-на-просто объявилъ ей, что

онъ не женится на ней, если она не откажется отъ этихъ бриллантовъ.

— Что-же говорить она?

— Она разразилась громомъ и бурей, какъ на ея мѣстѣ сдѣлала-бы всякая женщина. Она хочетъ довести лорда Фауна до полного повиновения, и затѣмъ дать ему отставку. Я думаю, что это вполне добросовѣстно съ ея стороны. Ничто въ мѣрѣ не заставитъ ее теперь выйти за него замужъ.

— Мнѣ жаль, что ты имѣешь такъ много хлопотъ, сказала м-съ Грейстоукъ. Но, на самомъ дѣлѣ, она не жалѣла. Она не говорила самой себѣ, что было-бы хорошо, если-бы ея сынъ измѣнилъ Люси Моррисъ, съ цѣлю жениться на своей богатой кузинѣ, но находила, что онъ поступитъ благоразумно, сдѣлавшись супругомъ женщины, обладающей большимъ доходомъ. „Не женись ради денегъ, но иди туда гдѣ онъ есть“. М-съ Грейстоукъ въ обыкновенномъ разговорѣ отвергла-бы мысль о бракѣ по расчету и отнеслась-бы строго къ каждому джентльмену, измѣнившему какой-нибудь молодой дѣвушкѣ. Но примѣнить общіе принципы къ своему собственному поведенію или къ своему собственному семейству—очень трудно! Притомъ Грейстоки—люди такіе особенные! Когда сынъ сказалъ ей, что онъ въ скоромъ времени снова долженъ ѣхать въ Шотландію, то она примирилась съ его отсутствіемъ. Если-бы онъ оставилъ Бобсборо для того, чтобы находиться ближе къ Люси въ Ричмондѣ, то ей-бы это очень не нравилось.

Дни проходили, но ни слова не было произнесено о бѣдной Люси. Самого Франка Грейстока это печалило, но отъ утра до вечера, изо дня въ день, онъ допускалъ, чтобы о Люси не было произнесено ни слова. Онъ зналъ, что это не въ порядкѣ вещей что подобное молчаніе въ сущности есть измѣна Люси; однакожъ онъ молчалъ. Что онъ разумѣлъ, когда, прощаясь съ Лиззи Эстасъ, увѣрялъ ее, что онъ будетъ вѣренъ ей? И что разумѣла Лиззи? Смыслъ словъ Лиззи былъ для него яснѣе, чѣмъ значеніе его собственныхъ словъ. „Тяжело жить на этомъ свѣтѣ!“ говорилъ онъ самъ себѣ въ эти дни, думая о своихъ затрудненіяхъ.

Но чрезъ недѣлю его сестра рѣшилась, наконецъ, сказать нѣсколько словъ о Люси.

— Я полагаю, что еще ничего не рѣшено на счетъ твоей свадьбы, Франкъ.

— Рѣшительно ничего. И не будетъ рѣшено... покажѣсть.

Это онъ сказалъ тономъ, который, какъ онъ самъ чувствовалъ, отзывался дурнымъ расположеніемъ духа и почти раздражитель-

ностью. Онъ сознавалъ, что брюзгливость въ этомъ случаѣ неумѣстна и жестока, не относительно его сестры, а относительно Люси. Она, повидимому, означала, что этотъ бракъ ему не по душѣ.

— Дѣло въ томъ, сказалъ онъ, — что еще ничто не можетъ быть рѣшено. Люси понимаетъ это не хуже меня. Я не нахожусь въ такомъ положеніи, чтобы жениться тотчасъ-же на дѣвушкѣ, которая не имѣетъ ничего. Люси останется у Фауновъ, по крайней мѣрѣ, еще годъ.

— Но ты думаешь повидаться съ ней?

— Конечно; впрочемъ, я не знаю, какимъ образомъ могу это сдѣлать, такъ какъ я поссорился съ лордомъ Фауномъ, а мать и сестры лорда Фауна считаютъ его земнымъ Юпитеромъ.

— Хвалю ихъ за это, замѣтила Эллинора.

— Только это мѣшаетъ мнѣ ѣхать въ Ричмондъ; самъ-же бѣдный Фаунъ — такой равнодушный Юпитеръ.

Вотъ все, что было сказано о Люси въ Бобсборо до той поры, какъ пришло письмо отъ нея къ Франку, въ которомъ она извѣщала его объ извѣстномъ происшествіи, случившемся въ Ричмондѣ. Впрочемъ, она описала ему не всѣ подробности. Она не повторила сильныхъ выраженій, употребленныхъ лордомъ Фауномъ и не высказала съ достаточной ясностью, до какой степени разсержена была она сама. „Лордъ Фаунъ былъ здѣсь, писала она, — и между нами вышли неприятели. Онъ очень сердится на васъ за леди Эстасъ и, конечно, леди Фаунъ принимаетъ его сторону. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, на чьей сторонѣ нахожусь я. Вся исторія вышла изъ-за нѣсколькихъ словъ. Это ужасно, не правда-ли? Послѣ исторіи мнѣ нельзя оставаться здѣсь. Не думайте однако, что мнѣ предписано убраться въ двадцать четыре часа. Я останусь здѣсь, пока не прищутъ себѣ пріюта. Что мнѣ дѣлать? Я тотчасъ-же постараюсь отыскать себѣ другое мѣсто, если вы найдете это удобнымъ, но думаю, что мнѣ необходимо опредѣлить, какъ долго еще я могу оставаться здѣсь. Леди Фаунъ знаетъ, что я пишу къ вамъ и жду отъ васъ совѣта, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать.“

Получивъ это письмо, Грейстокъ былъ въ сильномъ затрудненіи. Какое безуміе со стороны Люси и, однакожъ, какое милое безуміе! Кто обращаетъ вниманіе на лорда Фауна и на его жесткія слова? Конечно, лордъ Фаунъ говорилъ о немъ много нехорошаго и пѣтушился въ своемъ курятникѣ, но со стороны Люси было-бы гораздо разумнѣе не обращать вниманія на слова этого слабого и ограниченнаго человѣка. Однакожъ зло сдѣлано, и онъ долженъ принять какія-нибудь мѣры для спокойствія Люси. Если-бы Франкъ

зналъ положеніе дѣлъ въ точности, если-бы ему было извѣстно, что предложеніе оставить домъ Фауновъ сдѣлано было самою Люси и что въ настоящее время всѣ дамы въ Фаунъ-Кортѣ, — конечно, въ отсутствіе лорда Фауна, — вполне расположены помириться съ Люси, лишь-бы она пожелала мировой, — если-бы Франкъ зналъ все это, то онъ, можетъ быть, посовѣтовалъ-бы ей остаться въ Ричмондѣ. Но онъ думалъ, что леди Фаунъ настаивала на удаленіи Люси, и, конечно, Люси должна уѣхать. Онъ показалъ писмо своей сестрѣ и просилъ ея совѣта.

— Какое несчастіе! сказала Эллинора. — Желала-бы я знать, что такое сказала она лорду Фауну.

— Она, должно быть, говорила очень рѣзко.

— Вѣроятно; иначе они не попросили-бы ее оставить ихъ домъ. Это такъ непохоже на то, что я всегда слышала о леди Фаунъ.

— Люси бываетъ очень упряма, когда ей это заблагоразсудится, сказалъ Франкъ. — Что долженъ я сдѣлать для нея? Я не думаю, чтобы она могла найти другое подходящее мѣсто.

— Если она должна сдѣлаться твоею женою, то едва-ли ей слѣдуетъ идти на другое мѣсто. Если это окончательно рѣшено... сказала Эллинора и посмотрѣла въ лицо своему брату.

— Ну, такъ что-же?

— Если ты твердо рѣшился...

— Конечно, рѣшился.

— Въ такомъ случаѣ ей лучше-бы пріѣхать сюда. Нельзя-же ей искать мѣсто гувернантки, если она можетъ принять его только на нѣсколько мѣсяцевъ, до того времени, когда она выйдетъ за тебя замужъ. Конечно, нашъ домъ самое лучшее для нея убѣжище.

Наконецъ, было рѣшено, что Эллинора поговорить объ этомъ съ матерью.

Когда всѣ обстоятельства дѣла были сообщены м-съ Грейстокъ, она сильно встревожилась. Если Люси пріѣдетъ въ деканство, то она должна пріѣхать сюда не иначе, какъ объявленной невѣстой Франка. А этого ей не хотѣлось и она, послѣ долгихъ размышленій, составила планъ совершенно иначе помѣстить Люси.

— О, мама, сказала Эллинора, когда этотъ планъ былъ предложенъ на ея обсужденіе, — неужели вы не думаете, что это было-бы жестоко?

— Жестоко, моя милая? Нѣтъ, нисколько.

— Она такая грубая женщина.

— Ты думаешь такъ по словамъ Лиззи Эстасъ. Я вовсе не такого мнѣнія. Мнѣ кажется, она добрая женщина.

— Помните, мама, что адмиралъ отзывался о ней очень дурно.

— Адмиралъ, моя милая, хотѣлъ занять у нея денегъ, какъ занималъ у всѣхъ и cadaго; и когда она отказала ему, онъ наговорилъ ей много непріятныхъ словъ.

— Я не думаю, чтобы это понравилось Франку, сказала Элинора.—Планъ состоялъ въ слѣдующемъ: леди Линлитгау, которая черезъ своего зятя, покойнаго адмирала Грейстока, находилась въ свойствѣ съ фамиліей декана, заявила желаніе имѣть новую компаньонку на шесть мѣсяцевъ. Съ этой компаньонкой предполагалось обращаться, какъ съ леди, но не давать ей никакого жалованья. Путевыя издержки будутъ уплачивать за нее и на ней не будетъ лежать никакихъ обязанностей, кромѣ того, что она обязана будетъ говорить съ графиней и выслушивать ее.

— Я, право, думаю, что это какъ разъ по ней, сказала м-съ Грейстокъ. — Это не то, что быть гувернанткой. Она не будетъ получать жалованья.

— Не знаю, лучше-ли это, мама.

— Это все равно, что гостить у леди Линлитгау. Въ этомъ-то и состоитъ разница.

Элинора была увѣрена, что ея братъ не захочетъ и слышать о подобной сдѣлкѣ; но онъ выслушалъ и послѣ разныхъ возраженій почти изъявилъ свое согласіе. Не нужно навязывать этого Люси, если ей это не понравится. Слѣдуетъ дать понять леди Линлитгау, что Люси можетъ оставить ее, когда ей вздумается. Слѣдовало устроить такъ, чтобы Люси была принята въ домъ леди Линлитгау, какъ почетная гостья. Признано было лучшимъ не говорить леди Линлитгау о помолвѣ Люси, если она не будетъ дѣлать вопросовъ на этотъ счетъ, или если сама Люси не вздумаетъ сказать ей. Словомъ, Франкъ далъ свое согласіе, подъ условіемъ принятія всякихъ предосторожностей. Онъ понимаетъ, сказалъ онъ,—что тотчасъ-же помѣстить Люси въ деканствѣ было-бы неудобно, такъ-какъ въ такомъ случаѣ она должна будетъ остаться тамъ до своего замужества, на какое-бы долгое время ни была отложена свадьба.

— Она можетъ быть черезъ два года, сказалъ м-ръ Грейстокъ.

— Едва-ли пройдетъ такъ много времени, возразилъ сынъ.

Хорошо, что эти аргументы были высказаны за спиною декана. Если-бы онъ слышалъ ихъ, то разомъ-бы ихъ ниспровергъ. Деканъ непремѣнно-бы выразилъ радость при мысли имѣть Люси своей гостьей. Франкъ уступилъ доводамъ матери и стыдился, что уступилъ. Элинора и ея сестры не соглашались на планъ матери, но, наконецъ, и онѣ должны были согласиться. М-съ Грей-

стокъ тотчасъ-же написала къ леди Линлитгау, а Франкъ съ тою-же почтой написалъ къ Люси.

„Такъ-какъ дѣло должно быть отсрочено на годъ, писалъ онъ, то всѣ мы считаемъ лучшимъ, чтобы вашъ прїездъ къ намъ былъ отложенъ на нѣкоторое время. Но если вамъ не нравится планъ относительно переѣзда въ домъ леди Линлитгау, то увѣдомьте объ этомъ тотчасъ-же. Мы не будемъ просить васъ дѣлать что-нибудь для васъ неприятное“.

Онъ сильно затруднился выборомъ фразъ, когда писалъ письмо. Онъ зналъ, что слѣдовало тотчасъ-же пригласить Люси въ Бобборо.

Но могло пройти два или даже три года прежде, чѣмъ онъ имѣлъ-бы возможность жениться на Люси Моррисъ. Удобно-ли было-бы жить ей въ деканствѣ такое неопредѣленно долгое время? И при такой продолжительной отсрочкѣ хорошо-ли, чтобы всѣ и каждый знали объ ея помолвкѣ, что было-бы неизбежно, если-бы она постоянно жила въ деканствѣ? Конечно, и его отецъ имѣлъ право на нѣкоторое вниманіе.

Сверхъ того было рѣшительно необходимо, чтобы Франкъ и Лиззи Эстасъ поняли другъ друга относительно увѣренія во взаимной вѣрности, которымъ они обмѣнялись.

Между-тѣмъ, онъ получилъ отъ Кампердауновъ слѣдующее письмо:

„Послѣ того, что произошло въ нашей конторѣ въ извѣстный день, мы считаемъ долгомъ увѣдомить васъ, что мы поручили душеприкащику покойнаго сэра Флоріана Эстаса заявить искъ противъ вдовы, леди Эстасъ, относительно возвращенія брилліантовъ. Вы обяжете насъ, сообщивъ объ этомъ леди Эстасъ и давъ намъ извѣщеніе о томъ, кого она изберетъ своимъ повѣреннымъ“.

Черезъ нѣсколько дней, по полученіи этого письма, Франкъ уѣхалъ въ Шотландію.

(Продолженіе будетъ.)

ЮРОВАЯ.

(ЯРМАРОЧНЫЯ СЦЕНЫ).

Въ декабрьскій вечеръ, въ чисто-прибранной крестьянской избѣ сидѣло трое собесѣдниковъ. Двое изъ нихъ, люди довольно пожилые, имѣли степенный, солидный видъ; дышущая молодостью наружность третьяго отличалась напротивъ неугомонною подвижностью, разлитой не только въ лицѣ его, но и во всей фигурѣ. Особенно не знали покоя руки, то свивавшія на палецъ концы пояска, надѣтаго сверхъ рубахи косоворотки, или крутившіе въ жгутъ концы ея, выпущенныя поверхъ тиковыхъ шароваровъ.

На столѣ передъ ними, среди чайной посуды и тарелокъ съ пшеничными калачами, оладьями и блинами, ворчалъ, пуская густые клубы пара, объемистый самоваръ, называемый въ простонародѣ „купеческимъ“, а вставленные въ деревянные подсвѣчники салныя свѣчи, ярко освѣщала лица присутствующихъ, бросали на выбѣленные стѣны массивныя тѣни отъ сидящихъ и отъ самовара съ стоявшимъ на комфоркѣ его чайникомъ.

— Ты, Семка, былъ у Ивана-то Николаева? обратился одинъ изъ пожилыхъ собесѣдниковъ къ молодому парню, перетирая полотенцемъ выполосканные стаканы и блюда.

— Былъ! порывисто отвѣтилъ Семка, точно безотлагательно спѣшилъ куда-то, по его задерживали этимъ вопросомъ.

— Чего-жъ онъ поговорилъ съ тобой, а?..

— Говорить, что нонѣ они сами набрались ума! отвѣтилъ онъ.

— Откедова-жь это?

— Не сказываль!

— А тебѣ-бы и спросить: давно-ль, молъ, это мужики съ умомъ справляться стали; допрежь, молъ, такого и слуху не было?..

— Обчествомъ, говорить, положили!

— Умомъ-то жить? прерваль онъ.

— Ну! Нась, говорить, нонѣ на кривой кобылѣ не объѣдешъ, сами трахтъ знаемъ!..

— А-а!.. Ну, сиваго жеребца припасемъ; энтотъ порысистѣй будетъ!.. съ ироніей замѣтилъ первый.

— Петръ Матвѣичъ, ты слушай-ко, чево онъ показаль-то миѣ?.. прерваль его Семва, быстро повертывая стоявшій около него подсвѣчникъ, не замѣчая, что горячее сало каплетъ на скатерть.

— Какъ мужиковъ-то объѣзжать?

— Прутъ!..

— Пру-у утъ? удивленно протянулъ въ свою очередь Петръ Матвѣичъ.—О-о!.. Миронъ Игнатицъ, слышь, мужики-то? произнесъ онъ послѣ короткой паузы, слегка толкнувъ облокотившагося на столъ и дремавшаго подъ ворвотню самовара Мирона Игнатица.

— Взялъ прутокъ, продолжалъ между-тѣмъ Семва;— и кажетъ миѣ; вишь, говорить: одинъ-то его я и пальцемъ сломаю, а коли, говорить, метлу возьму, то и топоромъ не съ разу разрубись! Такъ и вы, говорить, порозь-то каждаго изъ насъ объѣдете, какъ кому требуется, а коли мы, говорить, таперя купно, обчествомъ, такъ попотѣ-ѣ-ѣшь уломать-то насъ! А нонѣ мы, говорить, цѣну-то на рыбу будемъ класть, мы будемъ господа-то, а не вы! Тряхнулъ энто шапкой, да и говорить болѣ не сталъ!

— Вонъ оно времена-то, а?.. и мужики заговорили! насмѣшливо сказалъ Петръ Матвѣичъ, внимательно выслушавъ рассказъ его.—Ну-да поглядимъ, какъ оно по притчѣ то выйдетъ, кто кого объѣдетъ, говорилъ онъ, снимая съ комфорника чайникъ и разливая въ стаканы настоявшійся на подобіе пива чай.—Поглядимъ, повторилъ онъ,—на долго-ль хватить мужичьяго-то ума; у мужика-то передній умъ, до перваго горя, а прихватить оно и пойдетъ охать да ахать, да затылокъ чесать... успѣ-ѣ-емъ!

— Напустить-бы на-перво на нихъ мелочь-то? замолвилъ Миронъ Игнатьичъ, дробя пальцами сахаръ на мелкіе куски.

— Зачѣмъ?

— Спѣсь-то сбивать!

— У мужика-то спѣсь, што у пса шерсть: не стриги—сама выльзеть! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Проживаться-бъ не довелось?

— Первѣе всёхъ уѣдемъ! авторитетно успокоилъ Петръ Матвѣичъ.

Наступило молчаніе, прерываемое по временамъ мѣрнымъ отдуваніемъ горячаго пара съ блюдецъ, аппетитнымъ прихлебываніемъ наливаемого на нихъ чая, да звонкимъ раскусываніемъ сахара.

— Наша-то мелочь, облокотившись на столъ, началъ Петръ Матвѣичъ, когда первый аппетитъ его былъ удовлетворенъ, — и безъ травли полѣзеть къ нимъ, а ты только молчи, будто не за рыбой ѣхалъ; мелочь-то они и отобьютъ отъ себя своей спѣсью; она и пойдетъ скупать по фунтамъ, да полу-пудкамъ у наѣзжихъ и израсходуется; на гуртовой-то скупъ рыбы у ней и капиталу не хватитъ, а ты зна-а-ай молчи, говорю, да складывай товаръ, будто въ обратный собираешься... понялъ?.. внушительно спросилъ онъ.

Миронъ Игнатьичъ, прищуривъ и безъ того узенькіе глаза, вмѣсто отвѣта, молча помялъ губами.

— Ну-ко, Семка, чего выйдетъ, тряхни-ко передней-то половицей, а? весело обратился онъ къ нему.

— Уѣдемъ!

— Затѣмъ и ѣхали... Да съ чѣмъ уѣдемъ-то, отвѣтствуй.

— Съ товаромъ! отвѣтилъ онъ, такъ-же понизивъ голосъ, какъ понижаетъ его ученикъ, незнающій урока и произносящій на вопросъ учителя первое попавшееся на умъ слово. „А-ну, дескать, не угадалъ-ли?“

— А ты полагаешь, я здѣсь его оставлю, а?

Семка замаялся, такъ-же какъ Миронъ Игнатьичъ, и быстро закрутилъ въ рукахъ оконечности посланной на столъ синей скатерти.

— Съ рыбой, говори, копченый языкъ! видимо наслаждаясь недогадливостью его, произнесъ Петръ Матвѣичъ.— Съ рыбой, да

съ самой хрушкой ¹⁾), што даромъ отдадутъ, только христа-ради возьми-и!..

— Шали-и-ишь! отозвался внезапно оживившійся Миронъ Игнатьичъ, придвигая къ нему опорожненный стаканъ. — Боль мужикъ на упоръ пойдетъ, и на деньги не купишь, не токма христа-ради возьмешь. Нѣ-ѣ-ѣтъ, не таковскіе они!

— Не куплю? и Петръ Матвѣичъ, угрюмо насупивъ брови, въ упоръ смотрѣлъ на него.

— И я не первой годъ съ ними возжаюсь, продолжалъ Миронъ Игнатьичъ, не отвѣчая прямо на вопросъ собесѣдника, — энтотъ-то мужикъ самъ безъ шила бродни шьетъ. Да-а, можетъ и купишь, поставишь на своемъ, коли всѣ деньги выгрузишь, а ужъ, штобъ онъ приполъ тѣ кланяться, возьми-де христа-ради, — нѣ-ѣ-ѣтъ!

— Придетъ, слышалъ ты это слово мое?

— Давай Господи!

— И накланяется, въ ноги накланяется! Што ты супротивъ этого можешь, а?..

— Подавай, говорю, Господи... мнѣ-то што-жь! уклончиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ, хотя мелькающая улыбка осязательно говорила, что сомнѣніе его нисколько не разсѣялось отъ доводовъ Петра Матвѣича.

— А я вотъ такъ таперича полагаю, съ разстановкою началъ Петръ Матвѣичъ, слегка покачавъ головой, — што съ темнымъ человѣкомъ объ эвоныхъ дѣлахъ слова терять, што въ полѣ вѣтеръ имать, — все единственно. А чѣмъ-бы, значитъ, бобы-то тебѣ разводить, пошоль-бы, на мой умъ, доглядѣть за Авдеемъ, правое слово!..

— Доглядимъ, не уйдетъ! обидчиво отвѣтилъ Миронъ Игнатьичъ.

— Слыхалъ я съ измальства, што у мужика разъ водопольемъ плотину сорвало; снесетъ, говорятъ, ему мельницу-то!.. Не снесе-е-етъ! Подпорка, говоритъ, есть... О-ой снесетъ, кричатъ... А онъ одно твердить: нѣ-ѣ-ѣтъ! А опосла, а-а-ахъ, да о-о-охъ, стой, лови!.. а тамъ ужъ однѣ щепы!..

¹⁾ Крушкой.

— Это въ мой огородъ, а?..

— Въ чей попадегь, сухо отвѣтилъ Петръ Матвѣичь.—Нарочито не жѣтилъ. А ты, Семка, налилъ брюхо-то, аль нѣтъ? обратился онъ къ Семену, когда Миронъ Игнатьичь, молча вставъ съ лавки, надѣлъ полушубокъ, запысался и, снявъ съ гвоздя шапку, вышелъ.

— Семка, вмѣсто отвѣта, сталъ спѣшно выхлебывать съ блюда чай.

— Не жгись, пей путемъ!.. кипятокъ-то не купленъ!.. Сбѣгай-ко ужь, говорю...

Порывисто опрокинувъ опорожненную чашку на блюдо и положивъ на донышко ея обгрызанный кусокъ сахара, Семка выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ къ двери.

— Съ узды тебя спустили, а? строго остановилъ его Петръ Матвѣичь.—Вотъ экъ-то ты во всякомъ дѣлѣ. Ты наперво выслушай, куда идти, зачѣмъ идти, да потомъ ужь показывай, какими гвоздями у тебя закоблущья-то подбиты! точилъ онъ озадаченнаго Семена, остановившагося среди комнаты.—Сбѣгай-ко, говорю, къ Ивану-то Николаеву, да скажи ему: Петръ Матвѣичь самъ, молъ, ждетъ тебя безпримѣнно. Слышь?.. да што промезъ насъ въ разговорѣ было—ни-и-ни штоба.

— Я-то съ чего? оправдывался Семень, опустивъ глаза въ полъ и крутя въ рукахъ подолъ своей рубахи.

— То-то, смо-отри! Языкъ-то у тебя на живу нитку сметанъ. Скажи, што безпримѣнно ждетъ, всякія, молъ, дѣла оставилъ, дожидается! заключилъ Петръ Матвѣевичь.

Но послѣднія слова его долетѣли до ушей Семена за порогомъ.

Оставшись одинъ, Петръ Матвѣичь раскрылъ подержанный, дорожный погребокъ, надѣлъ на глаза очки въ толстой серебряной оправѣ и, приблизивъ къ себѣ свѣчи, сталъ медленно разбирать сложенные во внутреннеи ящикѣ его росписки. Всмотрѣвшись въ этотъ моментъ въ наружность его, когда онъ весь изображалъ вниманіе и когда падавшій прямо свѣтъ ярко обливалъ открытый лобъ его, прорѣзанный морщинами, клювообразный носъ и тонкія, сухія съ блѣднымъ отливомъ губы,—нельзя было не придти къ мысли о мѣткости народныхъ выраженій: „ѣдокъ“, „жила“, „грабля“, характеризующихъ подобныя лич-

ности. На черствомъ, холодномъ лицѣ его не пролегалo ни одной мягкой черты; оно, казалось, застыло на одной первенствующей мысли, и никакое иное чувство, если-бы и рождалось оно, не могло-бы отразиться на немъ, проникнуть сквозь эту нарощую отъ времени кору. И наружность, и характеръ Петра Матвѣича были хорошо знакомы крестьянамъ и инородцамъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Каждую весну онъ оснащивалъ два павозка ¹⁾ и отправлялъ на нихъ своего шурина Мирона Игнатьевича Ивергина, служившаго у него въ качествѣ довѣреннаго, и племянника Семена по деревнямъ, лежавшимъ по Иртышу, и на обскіе рыбные промыслы. На дешевенькіе ситцы, платки, бродни и другой мелкій товаръ, необходимый въ быту крестьянъ, они вымѣнивали рыбу и „задавали“ деньги вѣчно нуждающемуся люду подь осенній и „юровой“ уловъ ея. Благодаря подобнымъ задаткамъ, вся лучшая крупная рыба оставалась всегда за Петромъ Матвѣичемъ, который, кромѣ продажи ея въ собственной лавкѣ въ г. Т..., гдѣ онъ имѣлъ свой домъ, — отправлялъ ее довольно значительными партіями ко времени ярмарки въ Ирбитъ. По первому зимнему пути Петръ Матвѣичъ самъ объѣзжалъ всѣ села и деревни, лежавшія вверхъ и внизъ по Иртышу, для сбора рыбы отъ крестьянъ, забравшихъ подь уловъ ея деньги. Должники всегда съ трепетомъ ожидали его пріѣзда. Каждый изъ нихъ зналъ, что какое-бы горе и нужда ни застигли его, — онъ не могъ рассчитывать на спусхожденіе къ нему Петра Матвѣича. „Бралъ и отдай!“ твердилъ Петръ Матвѣичъ въ отвѣтъ на мольбы, слезы и поклонны крестьянина или инородца. А вопіющая нужда все-таки вынуждала этотъ бѣдный людъ прибѣгать къ нему за деньгами и отдавать свою лучшую рыбу за цѣны, невознаграждающія даже и труда. Такъ и теперь, только-что пріѣхавъ въ село Юрьево, Петръ Матвѣичъ первую-же свободную минуту посвятилъ разбору выданныхъ ему должниками росписокъ. И какихъ только росписокъ не мелькало въ его рукахъ. „Сиводне ваграфвенинъ день, читалъ онъ одну изъ нихъ, написанную на клочкѣ толстой синей бумаги гвоздеобразными буквами, — пусталобафскій хрисанинъ и ивъфинакенъ иръмалаифвъ у мешанина патана петравешина твацать руплефѣ всялъ и аби-

¹⁾ Павозокъ — большая палубная, одномачтовая лодка.

сююзъ въфинакень ирмалаивъ руку прилошилъ“. Печать сельскаго старосты скрѣпляла подлинность росписки. Отмѣтивъ въ записной книжкѣ цифру долга, Петръ Матвѣичъ отложилъ прочитанную росписку въ сторону и взялся за новую, и приблизивъ ее къ свѣту хотѣлъ читать, но въ это время дверь распахнулась и въ комнату вошелъ пожилой крестьянинъ, въ новомъ казанскомъ полшубкѣ. Петръ Матвѣичъ поднялъ голову и, пристально посмотрѣвъ на него, снялъ очки.

— Спѣси-ивъ сталъ и не зазовешь, видать денегъ много скопиль?... съ ироніей спросилъ онъ, пока вошедшій крестился на икону, висѣвшую въ переднемъ углу.

— Мужуку-ль деньги копить! отвѣтилъ онъ.

— А кому-жь-бы и копить, какъ не мужуку, а?

— Торгующимъ!... Не сѣютъ, не жнутъ, а сама денежка копѣйку родить! — Здравствуй-ко, Петръ Матвѣичъ, заключилъ гость, пожимая протянутую руку. — Чего по мнѣ-то заскучаль, а? спросилъ онъ, садясь на лавку. — Прибѣжалъ это твой-то Семень Платоничъ, въ попыхахъ такихъ, ждетъ, говорить, безотмѣнно. Ну, дай, думаю, пойду, чего стряслось! Побаловать пріѣхаль къ намъ, а?

— Потѣшу васъ, куда васъ дѣтъ-то!

— И себя-то, поди, не забудешь утѣшить-то, а?

— Завязаль-же узелокъ на память!...

— А-а короче стала?...

— Съ вашими-то братомъ скоро и послѣднюю отшибеть, вишь грѣховъ-то, промолвилъ хозяинъ, захвативъ пачку росписокъ и показавъ гостю, — запомни-ко всё-то?

— И все на мужикахъ?

— Болѣ ихъ некому въ карманъ-то посолить... Слыхаль, и ты собираешься, и-и по-пріятельски?

— Вѣстимо, лучше пріятеля никто въ карманъ не плюнетъ!.. Только я-то-бы чѣмъ-же это повинень, а?

— Слыхаль, што мужиковъ учишь рыбы намъ дешево не про-давать?...

— Эвона какой грамотъ?

— И съ притчами, по писанію?

— Это я-то будто, учу-то ихъ?

— Все ты, ты, говорятъ, Иванъ Николаевъ!...

— А-а-ахъ онъ этотъ Иванъ Николаевъ, а? шутливо произнесъ посѣтитель. — Ну-у, попадись онъ мнѣ, старшій хрѣнъ, я ему сѣдые-то вихры завью-ю!...

— Завей-ко, завей!...

— И то-ись въ лучшемъ видѣ! и на широкомъ открытомъ лицѣ гостя, обрамленномъ сѣдою бородой, выразилась невольная иронія. Трудно было опредѣлить, выражала-ли она только насмѣшку или служила маской для прикрытія угаданной дѣйствительности. Петръ Матвѣичъ, прищуривъ глаза, пристально смотрѣлъ на него, желая проникнуть въ настоящій смыслъ его неопредѣленнаго выраженія, но Иванъ Николаичъ, не измѣняя себѣ, съ спокойною самоувѣренностью выдержалъ взглядъ его.

— А я исхо съ дуру-то и гостинецъ привезъ! произнесъ Петръ Матвѣичъ, все также пытливо продолжая смотрѣть на гостя и слегка барабана пальцами по столу.

— Ивану-то Николаеву?

— Ну... ну... сычу-то этому!

— Я-бы на твоёмъ мѣстѣ, и ковша-то воды-бъ пожалѣлъ ему, и-ей-Вогу!...

— То-то я не въ тебя... добрый!...

— Ужь, помилуй Господи, кабы всё-то въ тебя были, чего-бъ и было, отвѣтилъ гость съ тою-же неопредѣленною ироніей въ лицѣ и тонѣ.

— Не худо-ли скажешь?

— Пошто худо, хорошо-о, только заживо-бы, говорю, хоронись!

— Отъ добра-то?...

— Отъ добра! утвердительно отвѣтилъ Иванъ Николаичъ. — Вѣдь всякій добръ-то на свой аршинъ, Петръ Матвѣичъ, а не нами исхо сказано, што у мужика-то аршинъ, супротивъ купческаго вдвое длиннѣй, вотъ оно мужику-то добромъ-то за добро платить и убыточно!

— Не у всѣхъ купцовъ-то одинъ аршинъ!... Не обмѣрся!

— Обмѣръ на свой счетъ приму... Не купецъ—на чужой не прикину!...

— На чистоту будемъ разговаривать-то... што-ль? спросилъ Петръ Матвѣичъ послѣ непродолжительнаго молчанія, поправляя нагорѣвшія свѣчи.

— Вѣрѣй будетъ, а-то скрозь мутную-то воду, сколь ни смотри, все дна не увидишь! Да вѣдь твои-то разговоры я знаю,—и Иванъ Николаичъ, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на хозяина,—къ рыбеѣ подбираешься, а?... съ улыбкой спросилъ онъ,—почемъ вонѣ пудъ-то думаешь брать?...

— Глядя по улову!

— Уловы-то плохи, не рука-а!

— И юровые-то плохи-же?

— Не похвалимся!...

— А я слыхалъ, юровой-то супротивъ лонскихъ годовъ, не въ примѣръ избытошень, а-а?... правда-ль?

— Гдѣ-жь слыхалъ-то?

— По дорогѣ!

— Такъ зачѣмъ-же къ намъ-то ѣхалъ? Тамъ-бы и купилъ, гдѣ сказывали и, чать, дешево-бы отдали, и-ей-Богу! съ ироніей отвѣтилъ Иванъ Николаичъ. — Аль по насъ-то заскучалъ?

— О-о-охъ, Иванъ Николаичъ, грѣ-ѣ-шишь ты! Петръ Матвѣичъ засмѣялся неестественнымъ, натянутымъ смѣхомъ, желая прикрыть свое смущеніе.— Говори лучше по чистотѣ, слова началъ онъ—и уловы хороши, и рыбы хрушкой много, а только хочу, моль, цѣну набить, поразорить тебя!

— Не грѣши и ты, Петръ Матвѣичъ, разорять-то ужъ твое дѣло, а не мое! серьезно замѣтилъ ему Иванъ Николаичъ.

Петръ Матвѣичъ побагровѣлъ, брови его сдвинулись къ переносью, нижняя губа слегка дрогнула и, прищуривъ глаза, онъ злобно посмотрѣлъ на гостя.

— Любопытко-бы, кого это я разорилъ-то? спросилъ онъ оправившись.

— Счетъ-то, Петръ Матвѣичъ, длинень, што нить у пряжи! отвѣтилъ ему Иванъ Николаичъ, какъ-бы не замѣчая его смущенія.—Вѣдь эти всѣ росписочки-то твои,—о-о-о!... много въ нихъ грѣха?... Ты не серчай; я съ простоты говорю это! Кого грѣхъ-то вотъ попуталъ связаться съ тобой, тѣхъ ты и обегоривай, а наше дѣло, скажу тебѣ, особенное, всякому свое добро дорого, выходитъ и вылить тебѣ нечего, што рыбѣ въ сѣтяхъ!...

— Ай, да пріятель, удружи-и-ль... спасибо! Выходить, по твоему-то разговору, мнѣ вашей рыби не видать, а-а?

— За денежки сколько хошь смотри, на то и товаръ, прятать не будемъ.

— А што, Иванъ Николаичъ, къ слову спрошу я, а ну какъ въ наплеванный-то колодець испить придешь, тогда какъ, а?

— Не пью я колодешной-то, Петръ Матвѣичъ!

— Не пье-е-ешь?

— Нѣ-ѣтъ!... Иртышъ батюшка и поить, и кормить до-сыта, были-бы силы, а касательно рыбки-то, такъ надоть связать тебѣ, Петръ Матвѣичъ, што съ осетринки-то новѣ мы будемъ брать два съ полтиной съ пуда, съ нелемки-то осенней рубль сорокъ, а съ юровой-то рубль восемь, а съ мелочи...

— Кругля-жь цѣны-то, съ ироніей прервалъ его Петръ Матвѣичъ.—Кто-жь это цѣнилъ-то изъ васъ, а?...

— Съобча, а по круглѣй—счетъ ровнѣй.

— Послышу, и вы арихметику-то знаете-жь.

— По суставамъ доходимъ-то до нея!... да Богъ милуетъ, не обсчитываемся.

— А-а-а! Ну, на этотъ разъ - по суставной-то арихметикѣ и обсчитаетесь, не продать вамъ рыбу-то, Иванъ Николаичъ, по этимъ цѣнамъ; лучше въ засоль пустите! и, слегка посвиставъ, онъ всталъ и, медленно пройдясь по горницѣ, остановился противъ Ивана Николаича, сидѣвшаго, не измѣняя позы.— Брось-ка фальшивить, продолжалъ онъ, дружески потрепавъ его по плечу,—будемъ друзьями, а? услугу я тебѣ... то-ись во-о-оть будешь доволенъ!

— Я и не ссорился съ тобой. Што ты? Чего намъ дѣлать-то? А касательно фальшу, такъ вѣдь по коню и ѣздокъ, на міру-то говорятъ, Петръ Матвѣичъ...

— Много у тебя своей-то рыби, а?

— Пудовъ съ двадцать наберется!...

— Хочешь, я куплю ее по этимъ самымъ цѣнамъ на сваль ¹⁾, а?

¹⁾ Торговый терминъ: и мелкая, и крупная рыба... не разбираемая даже по родамъ покупается за одну и ту-же цѣну—обыкновеніе очень выгодное для торговцевъ.

— Одолжишь!

— И ты мнѣ одолжи, своей цѣну-то съ рыбы, а?... Скажи, што осетрину мнѣ продалъ за семь гривенъ... а нельму за полтину?

— На обманъ, значить, идти?

— На то и торговля; свой-бы карманъ былъ цѣль, а чужой-то што хоронить... у всякаго свой хозяинъ — пушшай и бережетъ его.

— Нашто-жъ это тебѣ-то убытчиться, у меня-то по энтимъ цѣнамъ покупать, а?...

— Нашто?... гм... извѣстно для оборота. Не надоть было, такъ и не просиль-бы, а я бабѣ твоей и ситцу припасъ... на любованье...

— И бабу-то не забылъ, а-а-а!...

— А тебѣ зипунъ, да шапку изъ смушки, весь заводъ заглядится на тебя, а?

— А-а-ахъ, шутъ тебя возьми! съ улыбкой произнесъ Иванъ Нивеолаичъ.— Ну-у-у, ахнуть мужики-то?...

— И-и какъ ахнуть-то?... да не одни мужики и у бабѣ-то глаза загорать, глядя на тебя...

— Старъ, другъ!...

— У стараго-то козла и рогъ крѣпокъ!

— А-а-ах-ха-ха... и-и баловникъ-же ты, видать не на еловыхъ угляхъ выкованъ! ну-у!... и энти всё милости за то, чтобъ я тебѣ по своей-же цѣнѣ и рыбу продалъ, а?...

— Штобъ ты не въ убыткѣ былъ!...

— Все это обо мнѣ радѣешь, а-а-а?... Пошли тѣ Господи за добро твое... За што-же-бы это полюбился-то я тебѣ?

— За умъ!

— О-о, да нешто у мужика есть умъ-то?

— Эге-е!... этого-то добра у иного и лопатой не выгребешь!...

— Ди-иво!... а мнѣ-то въ простотѣ полагали, што Богъ и имъ мужика обошелъ, такъ неужъ ты и въ заболъ умныхъ-то любишь, а? наивно спросилъ гость.

— Не любилъ-бы и не говорилъ!

— А на мой глупый разумъ, тебѣ-бы, Петръ Матвѣичъ, ду-

раковъ-то жаловать; право, обьегоривать-то ихъ способнѣй, коли ужъ на то разговоръ пошелъ. Ты вотъ умнѣе-то меня похвалилъ, я и загордился, и хороши, въ умѣ-то думаю, посулы твои, да совѣсть дорога; хоша и говоря-ять, што она у мужика-то черезъ край лыкомъ шита, а все не продашь ее ни за какіе дары и выходитъ, ты обчелся, на вѣтеръ похвалы-то кидалъ!...

Нижняя губа Петра Матвѣича снова дрогнула и замѣтно было, какъ онъ стиснулъ зубы.

— А-а вотъ... какъ ты нонѣ! произнесъ онъ послѣ непродолжительной паузы,—и это послѣднее твое слово?

— Послѣднее-то слово, Петръ Матвѣичъ, въ смертный часъ скажется, а вотъ штобъ ты по своей цѣнѣ нонѣ у мужиковъ рыбу-то купилъ, вотъ этому, говорю не быва-а-ать.

Петръ Матвѣичъ забарабанилъ пальцами по столу.

— О-ой, Иванъ Николаичъ, слушай лучше меня, со вздохомъ началъ онъ,—смотри-и придешь ее самъ продавать въ три дешево... и въ ноги поклонись, да опозда-а-аешь!...

— И въ ноги-то накланяюсь, а-а-а? съ наивнымъ удивленіемъ спросилъ Иванъ Николаичъ.

— Поклонись!...

— Ахъ, ѣшь ѣ мухи!... а? развелъ руками и хлопнулъ себя по бедрамъ Иванъ Николаевичъ.

— Рыба-то съ рукъ не пойдетъ, поклонись! тѣмъ-же тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ.

— А не пойдетъ и не иди!... Гнать не буду... свое брюхо есть...

— А-а, стало быть самъ съѣшь?

— И съѣмъ!... для-ча утробу не потѣшить!

— И разѣшься-же, поглядѣть-бы.

— Свое-то добро за все въ прокъ!... Што-жь не все купцамъ, да барамаъ брюхомъ фортить, пора и мужику его выростить, пора-а-а, Петръ Матвѣичъ, и мужику умомъ жить, о-охъ, пора!... Ты вотъ по своей-то цѣнѣ ее берешь, мѣръ зоришь; помни-ка лонскіе-то годы, когда мы по нашей-то глупости осетрину-то по шести, да по пяти гривенъ пудъ отдавали, почемъ ты въ городѣ-то продавалъ ее, ну-ко?...

— На то и товаръ, штобъ продавать, — и убѣтковъ-то не

мало, Иванъ Николаичъ, не мало!... Энтотъ-то товаръ по спросу.

— А-а-а, по спросу, да каковъ-бы ни былъ спросъ-то, а ты все менѣе трехъ съ половиной, да четырехъ рублевъ не продавалъ ее! И считай-ко, сколь лихвы-то бралъ, а? А гдѣ-жь они, убытки-то твои, какіе такіе? Кони у тебя свои, на харчи въ деревняхъ не тратишься... и напоютъ, и накормятъ до сыта за одну чесь... такъ гдѣ-жь они убытки-то, ну-ко?... Нѣтъ, Петръ Матвѣичъ, а мой умъ, коли ты самъ хочешь хлѣбъ ѣсть, такъ и другимъ давай, и другой, какъ ты, ѣсть хочеть? Твое-то дѣло пріѣхать, готовое взять, да ты и тутъ мѣтишь уторговать у всякаго и правдой, и неправдой, а мужичье-то дѣло и денной, и ношной работой припасти-то ее. У много на ловлѣ-то не токма на обуви, а на тѣлѣ на палецъ, на два льду наростеть! о-о!.. рыбка-то она на ѣду вкусна, а полови-ко ее, попробуй, и узнаешь, какъ мужика-то на морозѣ потъ съ кровью прошибаетъ. Такъ за што-жь намъ на чужіе-то карманы иго нести, у насъ и свои есть—глупы, глупы, а все ума-то наберется... У насъ ига-то и безъ того много... мужикъ-то всѣхъ поить, да кормить, только его-то въ проголодь держуть!... Мы тебѣ сколько лѣтъ, посчитай-ко, уваженье-то дѣлали, по семи, да восьми гривенъ пудъ—што ни есть лучшей рыбы отдавали. А теперь ты намъ уважь,—по два съ половиной купи ее. Ты вонъ, вишь, на нашу-то простоту брюшко-то выправилъ, што у доброй бабы на сносѣ, а брюхо то ростеть, говорятъ, по карману, въ карманѣ тонко, такъ и брюхо тоще, такъ теперь и намъ дай его выправить-то и любовное дѣло будетъ. А не хошь и Богъ съ тобой, другой купить, а деньги-то отъ кого ни брать—все единственно, былъ-бы карманъ, куда власть!

Сила убѣжденія, съ какимъ говорилъ Иванъ Николаевичъ, сказывалась не въ одномъ тонѣ голоса и словахъ, она отражалась и въ блескѣ большихъ сѣрыхъ глазъ, и въ яркомъ румянцѣ, разлившемся отъ внутренняго волненія на лицѣ говорившаго.

— А ужъ кланяться, продолжалъ онъ,—я не пойду къ тебѣ,—устарѣлъ, устарѣ-ѣ-ѣлъ, Петръ Матвѣичъ, и съ молоду не кланялся, а ужъ подъ старость-то не буду повыкать! заключилъ онъ, взявшись за шапку.

— Ну, Иванъ Николаичъ, давай-же тебѣ Богъ богатѣть, да жирѣть! съ злою ироніей отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, упорно молчавшій все время, пока говорилъ гость.—Не забывай, коли понадобится, неровенъ часъ!...

— Насъ-то грѣшныхъ прости, коли согрѣшили, што съ простоты-то!

— Ну, отъ простоты-то твоей, произнесъ Петръ Матвѣичъ, провожая гостя къ дверямъ и похлопывая себя по затылку,—въ кровь расчешешь!

— О-о-о!... Ну и мужики-то сказываютъ, што на энтотъ-же мѣстѣ отъ купческой-то правды у нихъ коросты растутъ! отвѣтилъ гость, улыбаясь и взявшись за скобу двери.—Ну, прости-же, коли чего приходи, потолкуемъ! говорилъ онъ, выходя за дверь.

Проводивъ гостя, Петръ Матвѣичъ въ раздумьи поправилъ нагорѣвшія свѣчи и медленно прошелся по комнатѣ. „А-а-а!... мужикъ... заѣлся... по-о-остой!“ дрожащимъ голосомъ процѣдилъ онъ сквозь зубы и, отворивъ дверь, крикнулъ: „Семка-а-а-а, Семка?“

Но утомившійся за день, Семка спалъ на палатахъ глубокимъ сномъ.

Каждую зиму передъ Николинымъ днемъ пустынная дорога въ село Юрьево или Юрьевскій Ямъ, лежащее на берегу Иртыша по березовскому тракту, оживаетъ отъ сѣзжающихся въ него на ярмарку торговцевъ и крестьянъ. Ярмарка эта, известная подъ названіемъ „Юровой“, существуетъ въ немъ съ незапамятныхъ временъ, постоянно привлекая къ себѣ тобольскихъ мѣщанъ, а иногда и купцовъ средней руки, ведущихъ обороты въ кредитъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и скромно называющихъ себя „торгующими“. Вереницами тянутся въ эти дни фургоны ихъ, запряженные парю, иной разъ и тройкою сильныхъ, сытыхъ лошадей, нагруженные тѣми незатѣйливыми товарами, какими довольствуется неизощрившее еще своихъ вкусовъ сельское населеніе. Одинаково сѣзжаются и крестьяне не

только изъ ближнихъ, но и дальнихъ отъ Юрвеа сель и деревень, разбросившихся вверхъ и внизъ по Иртышу, съ своими произведеніями и продуктами обружающей ихъ природы. Мѣшки сушеной морошки, малины, черемухи, кедровый орѣхъ, мелкіе засоленные въ кадкахъ грузди, березовики, связки сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, бочки съ брусникой и клюквой видѣются на каждомъ возу. Иной мужичокъ привезетъ на нее штукъ сорокъ бѣличьихъ и заячьихъ шкуръ, не въ рѣдкость увидѣтъ и волчьи и чернобурыя медвѣжьи. Трудолюбивое женское населеніе привозитъ на эту ярмарку тонкіе льняные холсты, немного уступающіе въ чистотѣ и прочности лысковскимъ, полотенца, узорно вышитыя по краямъ разноцвѣтною бѣлю, грубоватныя по отдѣлкѣ, но прочныя настольныя скатерти, пологи, половики и особенно рыболовныя мережи для мелкихъ сѣтей и крупныхъ неводовъ, влзанье которыхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ женскихъ промысловъ тобольскаго и березовскаго округовъ. Изъ иного воза торчатъ и поднятыя вверхъ ноги свинныхъ тушъ и объемистыя связки бѣлыхъ дородныхъ гусей. Изъ деревень, расположенныхъ въ болѣе лѣсной мѣстности, тянутся воза съ дугами, раскрашенными баканомъ, охрой и ярью, и съ различною деревянною посудой. И чего не встрѣтитъ на этихъ возахъ любопытный наблюдатель! Начиная съ корыта и кадки, и кончая узорно выточенной ложкой съ рѣзкимъ запахомъ лака. Щеголевато выглядываютъ изъ нихъ вмѣстительные жбаны подъ квасъ, расписанные цвѣтами и плодами, надъ классификаціей которыхъ призадумался-бы и опытный ботаникъ. Выточенные въ видѣ боченка, барана или пузатаго караса солонки и большія круглыя чашки для щей развозятся скупающими ихъ торговцами не только въ сосѣдніе округа, но и въ смежную томскую губернію. И на каждой чашкѣ грамотный покупатель прочтетъ замысловатую надпись, сдѣланную сусальнымъ золотомъ, въ родѣ слѣдующихъ: „сидишь за мнѣя не зевай, лошку языкомъ дасуха абирай“, „налешъ вмѣня густо не будетъ въ брюхе пусто!“ или „паефши изменя досыта памой и меня дочиста!“ и т. п. выраженія народнаго юмора.

Но главный продуктъ юровской ярмарки, привлекающій къ себѣ городскихъ торговцевъ, — рыба, богатое давленіе пустынной Оби и Иртыша, щедро вознаграждающее мѣстное населеніе за

недостатокъ другихъ промысловъ. Крупный осетръ, чалбыщъ, жирныя стерляди, нельма, муксунъ, не менѣе крупная нуга, налимы, окуни, ерши. Весь лѣтній и осенній уловы ея всецѣло идутъ на эту ярмарку и особенно прибыльный уловъ, начинающийся съ первыхъ дней рѣкостава еще по неокрѣпшему синеватому льду, который трещитъ и гнется подъ ногою ловца. Названіе этого улова „юровой“ время и привычка присвоили и самой ярмаркѣ. Производится онъ „самоловомъ“, снарядомъ самаго простаго устройства: на длинной толстой бичевѣ съ тяжелымъ камнемъ, навязаннымъ на концѣ ея, привѣртыются на коротенькихъ бичевкахъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, желѣзные крючья въ формѣ удочки. Обыкновенно съ первыми заморозками рыба и особенно крупная ложится на дно глубокихъ ямъ и слои ея, называемые на языкѣ рыболововъ „юрами“, бываютъ до того густы, что нерѣдко накопляють ямы отъ самаго дна до верхнихъ окраинъ и часто случается, что нижніе слои рыбы задыхаются отъ давленія верхнихъ. Въ эти-то ямы, наперечетъ извѣстныхъ рыбопромышленникамъ, въ продолженныя надъ ними проруби и забрасываются самоловы; встревоженная камнемъ рыба начинаетъ шевелиться и, задѣвая за острия крючья, попадаетъ на нихъ. По колебанію бичевы рыболовъ замѣчаетъ о степени улова и медленно вытягивая ее изъ воды, ссаживаетъ почти съ каждаго крючка добычу, зацѣпившуюся хвостомъ, плавниками или жабрами. Иногда втеченіи недѣли этотъ благодарный промыселъ окупаетъ годовыя потребности крестьянскаго семейства.

Дни за два до ярмарки по единственной проѣзжей улицѣ села тянется рядъ балаганныхъ остововъ, сколоченныхъ изъ тонкихъ жердей. Подобные остовы, я думаю, хорошо знакомы каждому, кому доводилось посѣщать сельскія ярмарки или „грошевыя передраги“, какъ насмѣшливо называетъ ихъ болѣе капитальное купечество, посѣщающее Нижній-Новгородъ и Ирбитъ. Это высшее торговое сословіе съ презрѣніемъ относится и къ тому небогатому люду, который раскладываетъ свой товаръ подъ сѣнью балагановъ, прикрываемыхъ отъ непогодъ грязными холстинами или циновками. Первое мѣсто на узенькихъ полкахъ, всегда занимають ситцы, гарусныя шали, ленты, полушольковые головные платки яркихъ рисунковъ и цвѣтовъ, но крайне сом-

нительной доброты. Все то, что идетъ въ бракъ въ городскихъ магазинахъ и лавкахъ, скушается торговцами, развѣзжающими по деревенскимъ ярмаркамъ за половинныя цѣны, и сбывается простодушнымъ деревенскимъ покупателямъ за товаръ высшей доброты, за цѣну вдвое превышающую его дѣйствительную стоимость. Мужскіе опояски, шапки, опушенные выхухолью, котикомъ и бѣлымъ русскимъ барашкомъ, сапоги, известные подъ названіемъ „кунгурскихъ“, войлочные валенки, замшевыя рукавицы, разшитыя разноцвѣтною шерстью и простыя кожанныя, красиво развѣшанныя на шестикахъ въ видѣ фестоновъ, привлекаютъ къ себѣ вниманіе и деревенскихъ франтовъ, и людей солиднаго возраста, оцѣнивающихъ товаръ болѣе по достоинству, чѣмъ по внѣшности. За ними слѣдуютъ сыромятныя сбруи, чересцѣдельники, украшенные мѣдными кольцами и бляхами, какими любятъ щеголять сибирскіе крестьяне, плотничные и кузнечные инструменты и рублевые дробовики и винтовки съ кремневыми замками. Парфюмерныя издѣлія гг. Мусатова и Альфонса Ралле, вмѣстѣ съ ситцами, платками, серебряными и мѣдными перстнями и такими-же серьгами заставляютъ сильно биться сердца деревенскихъ красавицъ, гуляющихъ въ день ярмарки около балагановъ, которыя также, какъ и женщины высшихъ сословій, гонятся болѣе за блестками, нежели за насущною пригодностью вещи. Если включить еще въ этотъ перечень фаянсовую и мѣдную посуду, самовары произведенія гг. Тулиновыхъ, съ драконовой или львиной головой на концѣ крана, корковые и жестяные подносы съ изображенными на нихъ рыцарскими замками или ландшафтами съ купающимися нимфами, бюсты которыхъ превышаютъ объемомъ своимъ пропорціональность прочихъ частей тѣла, затѣмъ различныя орѣхи, шепталу, всевозможныхъ формъ и вкусовъ пряники, то каждый составитъ себѣ полное понятіе о стоимости товара, о средствахъ владѣльцевъ ихъ и о потребностяхъ и вкусахъ покупателей.

Пока наѣхавшіе торговцы устрояютъ балаганы, у крестьянъ идетъ также дѣятельная работа, разгружаются возы съ навезенными продуктами, рыба сортируется по редамъ и величинѣ, и складывается въ поленицы. Въ эти-то дни до открытія ярмарки, продолжающейся всего одни сутки и свершаются торговныя сдѣлки между крестьянами и торговцами. Рассаживая по дворамъ,

торговцы присматриваются къ рыбѣ, опытнымъ глазомъ отличая икрающую отъ яловой, безошибочно опредѣляя и количество икры, какое выйдетъ изъ каждой, и время улова рыбы. По обилію того или другого рода ея устанавливаются и цѣны. Но какія цѣны! Побуждаемые нуждою и всегда дѣйствуя порознь другъ отъ друга, крестьяне по-необходимости продаютъ ее по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ самими-же покупателями. Только въ описываемое мною время крестьянинъ села Юрьево Иванъ Николаичъ Колининъ убѣдилъ своихъ однодеревенцевъ не поддаваться на уловки скупщиковъ, и установить свою цѣну на каждый родъ рыбы. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе объ этомъ на Петра Матвѣича Вѣжина, главнаго гуртоваго скупщика рыбы.

Въ простонародьи нерѣдко встрѣчаются личности подобныя Ивану Николаевичу; онѣ составляютъ то отрадное исключеніе, на которомъ отдыхаетъ умъ наблюдателя, утомленный однообразіемъ типовъ большинства. Въ нихъ, какъ въ фокусѣ,—отражаются тѣ могучія живыя силы, какія таятся въ народѣ и безслѣдно исчезаютъ, не находя въ окружающей ихъ жизни благотворнаго исхода.

Одаренный умомъ и неисчерпаемымъ юморомъ, проявившимся, несмотря на старость, въ какой-то дѣтской шутливости,—Иванъ Николаевичъ честностью отношеній къ людямъ, доходившей до мелочности,—умными дальновидными совѣтами и энергичною стойкостью за интересы своего общества приобрѣлъ себѣ уваженіе не только однодеревенцевъ, но всей волости, нѣсколько разъ избиравшей его головой. Но онъ всегда отклонялъ отъ себя эту честь подъ различными предлогами. Какъ и многія другія выдающіяся изъ народа личности не минуютъ острога, такъ не миновалъ его и Иванъ Николаевичъ. Рано сказала въ немъ эта протестующая присущая его натурѣ сила,—еще въ молодости онъ принялъ на себя ходатайство въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій волостныхъ и сельскихъ начальниковъ при сборѣ съ народа податей и денежныхъ и клѣбныхъ недоимокъ и дорогою цѣною заплатился за это. Болѣе года онъ содержался въ острогѣ и ему угрожала ссылка на поселеніе въ киргизскую степь, но общество поголовно взяло его на поруки и его оставили. Но и вынесенный имъ урокъ не охладилъ его

энергіи, а, казалось, болѣе закаляли его. Человѣкъ бѣдный, Иванъ Николаевичъ стоялъ за бѣдность, — все забитое горькою долей находило отголосокъ въ его честной, любящей душѣ и придавало ему сознательную силу въ правотѣ своихъ дѣйствій. Онъ находилъ какое-то упоеніе въ постоянной борьбѣ то съ мѣрѣдами, подтачивающими въ корнѣ народное благосостояніе, то съ волостными головами, писарями и сельскими старостами. Ни одно дѣйствіе ихъ, если только по убѣжденію его, оно шло наперекоръ общественныхъ нуждъ, не ускользало отъ его вниманія, вызывая въ немъ громкій протестъ, и беспощадно осмѣивалось имъ на волостныхъ и сельскихъ сходахъ. И боялись-же они этого правдиваго, безбоязненнаго голоса! „О-охъ, Иванъ Николаевичъ, не минуешь ты съизнова острога!“ говорили ему болѣе осторожные крестьяне, привыкшіе только уклончиво, махая руками, говорить: „не наше дѣло!“ И все-таки увлекаемые его краснорѣчіемъ, они часто, забывая свою осторожность, возвышали вслѣдъ за нимъ и свой голосъ.

Эксплуатація наѣзжающихъ торговцевъ всегда возмущала Ивана Николаевича; не разъ онъ поднималъ противъ нея свой голосъ и все безуспѣшно, но, наконецъ, ему удалось склонить однодворцевъ къ самостоятельной оцѣнкѣ своего труда и предъ началомъ ярмарки, послѣ долгой борьбы съ рождающимся сомнѣніемъ у непривыкшихъ къ самостоятельности крестьянъ, онъ достигъ своей цѣли. Общество, какъ мы видѣли, послушало его, установило свои цѣны и твердо стояло на своемъ до поры до времени.

На другой день Петръ Матвѣевичъ еще до разсвѣта послалъ Семена дать знать о своемъ пріѣздѣ всѣмъ должникамъ своимъ; осмотрѣвъ послѣ чая вынутые изъ фургона и разложенные во дворѣ тюки съ товарами, онъ вернулся въ горницу, гдѣ его дожидался ножилой крестьянинъ, одѣтый въ ветхій зипунъ и въ разнovidные бродни.

— А-а... Евсѣичъ, ну, ну, здравствуй, здравствуй, покровительственнымъ тономъ привѣтствовалъ его Петръ Матвѣевичъ, снимая съ себя лисью шубу и вѣшая ее на гвоздь у двери. — Не плакаль-ли по мнѣ, а?..

— Слезъ-то нѣту... плакать-то... баба-то выла! отвѣтилъ тотъ, кланяясь ему...

— Обо мнѣ-то? насмѣшливо спросилъ хозяинъ.— А-а, ну спасибо!..

— Поминала, шибко поминала! продолжалъ Евсѣичъ.— Дай, говорить, ему Господи ѣхать да не доѣхать!..

— О-ого-о!.. и то поминала!..

— И въ носъ, и въ ротъ тебѣ всячины насулила. Да тебѣ поди икалось? наивно спросилъ онъ.

Петръ Матвѣичъ присѣлъ къ столу и насмѣшливо смотрѣлъ на мужика.

— Нѣтъ не икалось! отвѣтилъ онъ, по обыкновенію барабани пальцами по столу.

— И то ись! а-а-ахъ, какъ честила она тебя, понадулъ ты ее крѣпко, понява-то што изъ твоео ситцу сшита, вся то ись... во-о-о! произнесъ онъ, разведя руками...

— Расползлась!

— По ниточкѣ... мало-ль слезъ-то было, да я уговорилъ, поди молъ пріѣдетъ уже можетъ на бѣдность и прикинетъ тебѣ чего ни на есть за ущербъ-то...

— За деньги сейчасъ-же, крѣпчай таго!..

— За де-е-еньги-же, а-а? удивленно спросилъ мужикъ.

— А ты полагаалъ даромъ?

— По душевному-то, оно-бы даромъ надать. Вѣдь тоже, а-а-ахъ, другъ ты мой и бабѣ-то дѣло: ночей вѣдь не спала, робила. На трудовую копѣйку-то купила его: „теперь умру, говорите, похороните въ ней“... А оно вонъ ишо при живности по ниточкѣ, а?.. Взвоешь?

— На то и товаръ, штобъ носился... вѣковѣшной-бы былъ, такъ чего-бы и было!.. и не торгуй!..

— И не носила, ни разу не надѣвывала. Такъ это, другъ, што глина отъ воды, такъ онъ отъ иглы то ползъ.

— А глаза-то гдѣ были, когда покупала?

— Вишь бабѣ-то дѣло... На совѣсть полагалась...

— И наука!.. Впередъ гляди въ оба... Въ торговомъ дѣлѣ совѣсти нѣтъ... И мы не сами дѣлаемъ, а покупаемъ!..

— Нау-у-ука!.. Будетъ помнить! Такъ ужъ за ущербъ-то не будетъ снисхожденія, а?.. Сдѣл-милость, необидь, бѣдноо дѣло-то. Слезьми баба-то обливалась, ей Богу!

— Гм... А рыба-то у тебя есть, а? спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— Не поробишь—не поѣшь, наше дѣло такое, промышлялъ!..

— Много?

— Не соврать-бы сказать-то! Пудовъ-то съ семь наберется!..

— Продаешь?..

— Хе... Чу-удной!—Неужь самому ѣсть!

— Другіе такъ вонъ сами ѣсть собираются, брюхо растить хотять.

— А-а-а, наши-же мужики? съ удивленіемъ спросилъ Евсѣичъ.

— Мужики!..

— Не-слыхиваль, другъ. Рази богатымъ-то, имъ точно брюхо-то не въ тяготу, а наше-то дѣло бѣдное, намъ съ брюхожъ-то мука... Пасеши, пасеши на него хлѣба, все мало... А-а-ахъ ты нанастъ!.. Ну и прорва! Не купишь-ли хошь рыбу-то, а?.. и хрупкая есть... Есть и осетрина, и нелемки, всякой рыбки сер-дешной даль Богъ, промышляли съ бабой-то!..

— А какъ цѣной-то за пудъ, а?

— За пудъ-то?.. Да ужъ съ тебя бы за труды-то ну и за ба-бій-то ушпербъ надоть-бы подороже?..

— Подешевле не хошь, значить?

— Подешевле-то?—на-а-акладно, другъ, дешево-то отдавать нонѣ. За подушную-то, гляди-ко, и-и-и дерутъ, дерутъ, дадутъ отдыхнуть, да снова подерутъ!..

— И больно?

— Ничаво-о!.. Подъ хвостъ-то не смотрать. Вотъ оно по-дешевле-то отдавать и убитошно, говорю!

— Ну, ну, такъ и быть ужъ будто за то, што дерутъ и бабу-то изобидѣлъ во шести гривенъ съ пятакомъ за пудъ-то осетрины дамъ...

— О-о-ой, милый ты человѣкъ! вскрикнулъ Евсѣичъ и всплеснулъ руками...

— И бабѣ ситцу отпущу!..

— Экую-то цѣну... да што ты... ай, ай-ай... ну-у... да Богъ съ тобой и съ ситцемъ!.. а-а-ахъ ты какой дешевый, а?.. Нѣтъ нонѣ...

Но въ это время распахнулась дверь и въ горницу вошелъ

сѣдой, какъ лунь, крестьянинъ. Рѣденькая борода его имѣла желтоватый отливъ. Его костюмъ былъ такъ-же убогъ, какъ и костюмъ Евсѣича.

— О-о! и Кондратій Савельичъ, къ нашему шалашу со своей копѣйкой, встрѣтилъ его Петръ Матвѣичъ, пока вошедшій крестился на передній уголъ.—Ну-ко порадууй, порадууй! произнесъ онъ, когда тотъ молча поклонился ему.

— Не избыточно радостей-то! отвѣтилъ новопришедшій дрожащимъ, разбитымъ старостью голосомъ.—Сами по нихъ тужимъ. Иванъ Вялый, да Трофимъ Кулекъ къ тебѣ идутъ, пожалуй, радуйся...

— Порожнякомъ, аль съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и ты, а?..

— Да у меня, кажись, ничего въ рукахъ-то нѣтъ, съ удивленіемъ отвѣчалъ, разведя руками Кондратій Савельичъ...

— Я не про руки, а про карманы... Карманы-то есть, а?..

— Есть... есть... у штановъ, другъ... Какъ кармановъ-то... што ты... къ юровой-то ишо новые вшилъ,—дырваты были—и вшилъ...

— А-а... ну, подавай Господи!.. Стало быть есть чего хоронить-то, коли новые понадобились, а? насмѣшливо допытывалъ его Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, хоронить-то вотъ рази одни грѣхи!.. Кондратій Савельичъ съ глубокимъ вздохомъ почесалъ затылокъ.

— Эхъ-хе-хе, такъ пошто-жъ новыя-то вшивалъ, нитки-то тра тилъ, а?.. Экое-то богатство и изъ дырвухъ-бы не вывалилось, а и выпало-бъ, такъ душѣ легче... Э-э-эхъ, старина!

Кондратій Савельичъ молча развелъ руками и всплеснулъ ими по бедрамъ, какъ-бы говоря: „толкуй вотъ, поди, и не надобились, а вшилъ!“

— Ху-у-удо! произнесъ Петръ Матвѣичъ, съ ироническимъ со жалѣніемъ, качая головой.—А я-то было и росписочку всторону отл ожилъ: Кондратій-то Савельичъ, думаю, мужикъ обстоятельный, отдастъ, а ты—а-а-а!... и сфальшилъ.

— Не держи-ко меня-то, прервалъ его Евсѣичъ. — Отпусти!

— Не привязанъ! А дверь-то и самъ, не маленькій, знаешь какъ отворять! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

Евсѣичъ замаялся и конфузливо почесалъ въ затылкѣ.

— Я къ тому болѣ, началъ онъ.— Чего то-ись бабѣ-то сказать, а?..

— Скажи, пушшай денегъ прикопить и придетъ покупать, безъ обмѣру дамъ и такого, што иглой не проткнетъ.

— А ужъ помину-то по душѣ не будетъ, вѣрно?

— Покажѣсть живъ—не будетъ, а умру — поминай, запрету не полагается!

Снова сконфуженный Евсеичъ повторилъ тотъ-же жестъ.

— Съ тобой не сговоришь! отвѣтилъ, наконецъ, онъ, покачивая головой.— Все-бы за ушшербъ-то, говорю, слѣдовало... Самъ-же ты нахваливалъ его, какъ продавалъ-то...

— Своего добра никто не обхааетъ, милый!..

— По совѣсти-то, оно-бы и того-о-о, покрайности... надулъ... такъ упоминъ-бы... не за свою душу, за родителей!..

— Ахъ ты, чудной какой!.. Развѣ запрещаю: поминай; батюшку звали Матвѣемъ, матушку Апросиньей.

— Такъ это даромъ-то?

— А ты-бъ исно за деньги хотѣлъ, а? Рыломъ не вынешь, другъ мой, попово дѣло точно — имъ за это даютъ! А коли тебѣ потребовалось поминать „усопшихъ рабовъ“, я супротивъ этого безъ запрета, дѣло твое.

— И ндравный-же ты, а-а-ахъ... не-хорошо... за родителей-бы... на нашу-то-нужу прикинуть...

— За этимъ въ родительскую субботу приди, грошикъ дамъ, а теперь не проѣдайся-ко, иди-ко съ Богомъ, неколи толковать.

— А-а-ахъ, какой ты... ну-у... жила... такъ жила и есть... и не приходится ужъ, а?..

— Не приходи, побереги обутки—вишь подошва-то хлябаеть, не равно исно потеряешь—новое горе...

— Ну-у и ругатель! отвѣтилъ Евсеичъ и, нервѣшительно переминаясь съ ноги на ногу, повернулся къ двери и только что взялся за скобу, какъ она растворилась и въ комнату вошли одинъ за другимъ два пожилые крестьянина; пропустивъ ихъ, Евсеичъ еще постоялъ въ какомъ-то раздумьѣ, наконецъ, вздохнувъ, произнесъ; „наду-у-уль, ну-у!“ и, почесавъ затылокъ, вышелъ.

Костюмы вошедшихъ, какъ и костюмы Кондратія Савельича и вышедшаго Евсеича, не доказывали зажиточности; изъ полушуб-

возъ, вся, выглядывали куски оборванной кожи и цвѣтомъ своимъ напоминали выжженную подъ посѣвомъ пашню. Видно было, что весь этотъ людъ принадлежалъ къ разряду „перекатной голи“, т. е. людей, живущихъ день за день безъ просвѣта въ настоящемъ, безъ надеждъ на что-нибудь лучшее въ будущемъ. Одного изъ вошедшихъ въ деревнѣ называли „вляймъ“ за болѣзненную апатичность, выражавшуюся и въ миниатюрномъ лицѣ, украшенномъ неправильно рассаженными кочьями волосъ взамѣнъ бороды, и въ каждомъ его движеніи и словѣ. Каріе глаза другого, съ насмѣшливымъ, плутоватымъ выраженіемъ перебѣгавшіе съ предмета на предметъ, доказывали напротивъ и умъ, и лукавую смѣтливость. Когда-то въ молодости укравши у проѣзжаго купца кулекъ съ припасами и пойманный съ поличнымъ, онъ въ насмѣшку получилъ названіе „кулекъ“, съ которымъ до того освоился, что даже позабывалъ порою свое настоящее имя; когда называли его „Трофимомъ“, онъ проходилъ мимо, не оглядываясь, но при словѣ „кулекъ“ улыбался и приподнималъ шанку. На-сколько былъ вялъ и безжизненъ Иванъ, на столько-же былъ боекъ и нервно раздражителенъ Трофимъ. Обоихъ ихъ на удивленіе всего села соединяла тѣсная дружба, точно какъ будто они взаимно уравнивали недостатки другъ друга; даже избы ихъ стояли рядомъ, раздѣляемые однимъ низенькимъ плетнемъ. Куда-бы ни шелъ Трофимъ, Иванъ слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь. Задолжавъ Петру Матвѣичу, они оба дали ему одну общую росписку.

— Слышалъ, слышалъ, што вы оба налегѣ! насмѣшливо встрѣтилъ ихъ Петръ Матвѣичъ.—Объ чемъ-же, значить, теперь разговаривать-то будемъ, а?

— Ты хозяинъ, за тобой и почи! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Я-жъ и начинай, а-а? Ну дѣться не куда, — начнемъ: деньги принесли?..

— Провинились!.. Хошъ-казни, хошъ милуй!..

— А божилъ отдать, какъ пріѣду, а?..

— Не побожиться, да не поклониться и вѣры не добыть, такое дѣло наше, Петръ Матвѣичъ, со вздохомъ отвѣтилъ ему Кулекъ.

Вялый молчалъ, прислонившись къ стѣнѣ, точно происходящій

разговоръ и не касался его, а шолъ о совершенно постороннемъ для него дѣлѣ.

— А што Божье-то имя все, — это ничево, а? покачавъ головой, отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ. — Какъ за это въ писанинѣ-то, што полагается, а?..

Кулекъ съ плутоватой усмѣшкой почесалъ въ затылкѣ:

— Мало-ль чего въ писанинѣ-то полагается, произнесъ онъ. — Вонъ въ отчей молитвѣ сказано: оставь, говоритъ, должниковъ своихъ, да нѣшто ты ихъ оставляешь, а?.. Каждый, поди, грошъ на счетъ!..

Петръ Матвѣичъ засмѣялся тѣмъ покровительственнымъ смѣхомъ, какимъ любятъ поощрять высокопоставленныя лица удачныя отвѣты лицъ, стоявшихъ на низкихъ іерархическихъ ступеняхъ, но подающихъ надежды дойти до высшихъ, хотя-бы даже эти отвѣты и затрогивали какую-нибудь сторону ихъ характера или дѣятельности.

— Ну, и соба-ака на слово-то! улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою произнесъ Кондратій Савельичъ. Даже въ лицѣ Вялаго проскользнуло что-то тоже въ родѣ улыбки.

Кулекъ молча водилъ глазами по потолку, какъ будто не про него и рѣчь шла.

— Такъ оставь, говоритъ, должниковъ-то, а-а? благодушнымъ тономъ повторилъ Петръ Матвѣичъ, когда смѣхъ его стихъ. — А когда-жъ отдачи-то ждать съ нихъ, аль объ эфтомъ не сказано?..

— Справятся, сами принесутъ!

— А-а-а!.. Ну этого жди-и-и! Однако, ни въ какой молитвѣ не сказано, штобы мужикъ справился, да самъ долгъ принесъ. Ты вонъ и божился отдать, а Кондратій Савельичъ, што ись и карманы говоритъ новые въ штаны вшилъ, а денегъ все нѣтъ, да нѣтъ!

— Не сами деньги-то дѣламъ и радъ-бы, другъ, отдать-то, да гдѣ ихъ возьмемъ, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Кондратій Савельичъ.

— И у меня-то вотъ горе! Завода-то нѣтъ, не вуютъ ихъ кузнецы! замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Сравнялъ ты себя и насъ! прервалъ его Кулекъ.

— Изъ одного мѣсива-то, а по Христу всѣ братья.

— Братья-то братья-я! и мѣсиво-то одно, да вишь не одними рубахами прикрыто: на твоёмъ-то вонъ ситецъ, а на нашемъ-то дерюга, ты и тысячами воротишь, да охъ не молвишь, а мы за копѣйку-то спину гнемъ, гнемъ,—хоша жерновомъ выправляй, а все не въ прибыль!

— Послушаю я, на разговоръ-то ты гладокъ, да на дѣлѣ-то никакъ коравъ, ты зачѣмъ комнѣ пришоль-то, а?.. Пукеты росписывать?..

— Сосчитаться!

— И считайся!.. А энти разводы-то къ арманкѣ побереги,—длинна, потреплешъ ишо языкъ-то; энти пѣсни про нужу-то вашу я каждый день слышу и наскучать. Ты вотъ скажи-ко, деньги-то принесъ-ли?

— Ужъ былъ отвѣтъ: нѣту!

— Покрайности, коротко благовѣстилъ и за то спасибо; а говоришь — сосчитаться, какъ-же считаться-то будемъ, а?

— Рыба есть — бери, тѣ-жъ деньги!

— И давно-бы такъ сказалъ... Неси!

— Почему пудъ-то возьмешь?

— Это ужъ мое дѣло, тебя оно не касающе...

— А-а-а! съ удивленіемъ произнесъ Кулекъ.

— И ахай куликъ на гагу, што много пуху. Ишо чего скажешь, ну? Цѣну-то любопытно-бы? снова спросилъ онъ. — Коль знать охота пришла — шесть гривенъ на сваль!..

— Ще-е-едро-жъ! насмѣшливо отвѣтилъ Кулекъ, искоса оглядѣвъ Петра Матвѣича, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ барабанившаго пальцами по столу.— Боязно отдавать-то тебѣ по этой цѣнѣ, продолжалъ онъ, — облопаешься!

— Не пужайся за чужое-то брюхо — свое подвязывай...

— Наше-то за-все налегкѣ: съ трудового-то хлѣба вширь не полѣзеть, стало-быть и подвязывать нечего; а ужъ за экую-то цѣну ты нашей рыбки не возьмешь, Петръ Матвѣичъ, нѣ-ѣ-ѣтъ! Нонѣ времена-то, пожалуй, что и гага на кулика поахаетъ — и пуху мало да носъ востеръ!

— Кто-жъ-бы это съ вострымъ-то носомъ нашелся запретъ-то положить мнѣ взять ее, а? весь вспыхнувъ, спросилъ Петръ Матвѣевичъ, устремивъ на него свои прищуренные, сверкающіе глаза. — Не ты-ль?

— Не знаю. Ровно мы ловили-то, никто не приѣзжалъ помогать, а обирать-то вотъ понаѣхали! твердо выдержавъ взглядъ Петра Матвѣевича, отвѣтилъ Кулекъ.

— На эвихъ-то востроносыхъ хозяевъ я тѣфу! Видѣлъ? спросилъ онъ, сплюнувъ на сторону.

— Видѣлъ.

— Это што-жъ по-твоему, а?

— Плевокъ.

— А на кого плюють, стало-быть тотъ человекъ вниманія нестоящій, понялъ? Выходить, и разговаривать мнѣ съ тобой не о чемъ!

— Не закажешь! Иной и на икону плюетъ, да опосля ей-же молится! съ ироніей замѣтилъ Кулекъ.

Но Петръ Матвѣевичъ, не обративъ вниманія на послѣднее замѣчаніе Кулька, молча всталъ съ лавки и, подойдя къ полотенцу, висѣвшему на маленькомъ зеркальцѣ, отеръ имъ лобъ и губы.

— Ты чьи деньги-то бралъ, а? снова обратился онъ къ Кульву.

— Твои...

— А помнишь, подъ чего бралъ-то?

— Подъ рыбу.

— Стало-быть общалъ вмѣсто денегъ рыбу отдать, такъ оно аль нѣтъ? И росписку, кажись, въ этомъ далъ, а? Абизуюсь отдать рыбой осеняго улова.

— Далъ.

— Кому-жъ ей надлежитъ теперь распорядовъ-то дѣлать: тебѣ аль мнѣ? Какъ ты это въ толкъ-то возьмешь, ну-ко?

— По моему толку-то, какъ ни верти, а все выходитъ, хозяева-то мы и цѣна должна быть наша, а не твоя... Ты владешь ее въ шесть гривенъ, а мы-то въ два съ половиной, да въ рупь сорокъ, да въ рупь восемь...

— О твоей-то цѣнѣ и не спрашиваютъ, будь благонадеженъ! насмѣшливо прервалъ его Петръ Матвѣевичъ.—Што-жъ ты мнѣ ее суешь-то, этакъ и всѣ-бы вы, дай только повадеу, забрали-бы деньги да опосля того и грошовую вешшь въ сто рублевъ клали... такъ бы васъ и послушали, и спросили?..

— О-о-о! што деньги-то твои взялъ, такъ и не спросять?

— Обнаковенно не спрoсятъ.

— Безъ спрoса, што-ль, такъ и возьмутъ хоша-бы ту-же рыбу?

— И возьмутъ! А ты вотъ въ разговорахъ-то не проклажал-ся-бы, а несъ-бы ее, слышишь?

— Слышу, да только нонѣ рыба-то у меня скусная да ядреная — на диво рыба! насмѣшливо началъ Кулекъ, — не по твоему брюху экая, право: найдутся и почише охотники-то! — И, повернувшись бокомъ, онъ отошелъ къ двери. — Бо-о-огать будешь, за экія-то деньги ее отбирать, съ насады-то карманы разлѣзутся, боязно за тебя-же! Пойдемъ, Вялый! произнесъ онъ, выходя за дверь и сердито хлопнувъ ею.

Петръ Матвѣвичъ молча выслушалъ заключительный монологъ Кулька, но замѣтно было, какъ губы его побѣлѣли и звукъ отъ ударовъ пальцами въ столъ сдѣлался рѣвче и отрывистѣе.

— И поплачь вотъ съ денежками-то, и вѣ-ѣрь! обратился онъ къ Кондратію Савельичу, убого поглядывавшему на него въ ожиданіи своей очереди. — Ну-у, послѣ экихъ уроковъ денежки-то вздорожа-аютъ!

— Съ чего-бъ вздорожать-то имъ, деньгамъ-то, говорю? Деньги-то не рыба, Петръ Матвѣвичъ, имъ за все ходъ, особливо у торгующихъ: и самолова не закидывай, сами въ руки плывутъ! отвѣтилъ Кондратій Савельичъ, пристально посмoтрѣвъ на Петра Матвѣича, какъ-бы желая пронизнуть въ затаенный смыслъ его словъ.

— Ну, и въ торговомъ-то дѣлѣ, Савельичъ, тоже самоловъ надоть: какъ онѣ въ руку-то задарма пойдутъ, милый, денежки-то! Иной какъ ни потрафляй, все убытокъ, а иной и ни съ чего фартить!

— У вашего-то самолова уда повострѣй: попадешь — не сорвешься!

— И фальшь бываетъ.

— Не сорве-ешься! повторилъ старикъ, — эфто таперъ, къ слову говоря, ты хошь хрушкую-то рыбу взять по шести гривенъ пудъ; сколь-же ты наживешь-то съ нея? И выходитъ: тебѣ, къ примѣру, фартуна, а намъ убыль!

— Не надоть было деньги-то брать, вотъ какой я отвѣтъ тебѣ дамъ, слышалъ?

— Нужа, другъ, э-эхъ! у мужика-то нужи што пузырь на дождевой лужѣ: одинъ лопнетъ, а ужъ два выскочатъ; и радъ-бы ига-то этого не надѣвать, ярма-то!..

— Когда ты деньги-то бралъ, такъ я, помнится, не спрашивалъ тебя, сколь ты съ нихъ наживешь, а? не отвѣчая ему, спросилъ Петръ Матвѣевичъ.

— Муживу-ль нажить, дру-у-угъ!

— Я вотъ спрашиваю: говорилъ я объ эфтомъ аль нѣтъ, какъ деньги-то давалъ тебѣ, а? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Не говорилъ... и грѣха этого напрасно не возьму.

— А сулилъ вѣдь и ты рыбу отдать, а? Сулилъ?

— Су-ли-илъ!

— И за языкъ я тебя не тянулъ, а? отдай-де мнѣ рыбу, а самъ ты кланялся, просилъ подъ нее, а?

— Хе... чу-удной ты! ротъ-то не ворота, языкъ не скоба, и потянулъ-бы иной за него, да не достанешь.

— Зачѣмъ ты мнѣ, къ примѣру, укору-то эфти всѣ разводишь, а? допытывалъ его Петръ Матвѣевичъ, не обративъ вниманія на его отвѣтъ.

— Обида!

— А-а — обида! и обиду спознали! Мнѣ-то вотъ только не обида, што мое-жъ добро заберутъ да мнѣ-жъ и укору, и гробости за энтю, а? Словно я насильно наваливалъ вамъ: возьмите, молъ, не обойдите милостью, а то, вишь, деньги-то карманы протерли, тяжело вотъ имъ лежать-то въ нихъ было,—вѣдь вы просили-то, божились-то, кланялись и посулы-то всякія сулили, а не я... Такъ о чемъ-же ишо разговаривать-то? О-обида! хе... тебѣ, мужику, обида, а што меня втрое за благодарѣтельство-то мое избидите, такъ энтю ничего, или тебѣ, молъ, за свои-то денежки и Богъ велѣлъ жуки-то нести, а? говорилъ онъ, вставъ и надѣвая на себя лисью шубу.—Неси-ко лучше, благословяся, рыбу-то безъ ссоры, заключилъ онъ, — и напредки пригожусь! и, надѣвъ шапку съ бобровымъ околышемъ, вышелъ изъ избы.

Кондратій Савельичъ молча послѣдовалъ за нимъ, не надѣвая изъ почтенія своей оборванной бараньей шапки и постепенно умаляя шагъ, незамѣтно отсталъ отъ него. Постоявъ съ минуту на улицѣ въ какой-то нерѣшительности, онъ почесалъ затылокъ

и, надѣвъ шапку, махнулъ рукой, какъ-бы отгоняя отъ себя неотвязную думу, и завернулъ за уголъ.

До ярмарки оставался одинъ день, и потому у балагановъ, куда пошелъ Петръ Матвѣевичъ, кипѣла дѣятельная работа. Всѣ спѣшили устроить ихъ, разобратъся съ товарами и разложить ихъ на опредѣленные мѣста. По дорогѣ ему постоянно попадали подъ ноги деревянные лщики изъ-подъ посуды, вороха сѣна и соломы, которыми она обладалась во избѣжаніе дома. Говоръ и смѣхъ, съ которыми спорилась работа, не утихали; порою среди нихъ проносился рѣзкій свистъ пилы или стукъ топора, которыми вбивали въ замерзшую землю шести или вгоняли въ сдѣланные въ нихъ выдолбы узкія полки подъ товары. Съ любопытствомъ заглядывалъ Петръ Матвѣевичъ въ каждый балаганъ, едва дотрогиваясь до шапки на привѣтствія торговцевъ или приказчиковъ ихъ. Торговцевъ-мелочниковъ онъ удостоивалъ ласковымъ разговоромъ, съ приказчиками подшучивалъ—съ одного внезапно, среди работы, сорвалъ шапку и, быстро отвернувшись, глядѣлъ въ сторону, стараясь показать видъ, что это и не его дѣло; другого, тихо подкравшись, толкалъ въ бокъ, желая испугать его; иного сдергивалъ за ногу съ козель и хохоталъ весело, радушно, когда сдернутый летѣлъ на полъ, а за нимъ и высокія козлы. У одного онъ незамѣтно спряталъ подъ подолъ шубы штуку ситца и когда тотъ хватился ея, онъ, выразивъ полное недоумѣніе въ лицѣ, принялся искать ее виѣсть съ нимъ, но подъ конецъ не выдержалъ и, разразившись громкимъ хохотомъ, возвратилъ ее неосторожному: „а-а-ахъ-ха-ха-а-а и заходилъ винтомъ! не отдай-ко-бы я, и была-бъ отъ Сивотія встряска!“ со смѣхомъ говорилъ онъ, отходя отъ приказчика, обрадованнаго находкой вещи.

Встрѣчаясь съ знакомыми крестьянами, Петръ Матвѣевичъ ласково здоровался съ ними и останавливался поговорить съ каждымъ, спрашивая его о семейныхъ дѣлахъ и о сборѣ податей, и объ уловѣ рыбы, и о цѣнѣ на каждый родъ ея, получая у всѣхъ въ отвѣтъ, какъ и отъ Ивана Николаевича, што рыба нонѣ въ цѣнѣ— „осетрина два съ полтиной“ и т. п. „Ну, ну, торгуйте, поправляйтесь!“ съ ироніей отвѣчалъ онъ, „а я такъ вотъ зашабашить хочу“, говорилъ онъ на предложеніе иного изъ нихъ купить, — „не хочу болѣ торговать-то ей, и при-

ѣхаль такъ только, старые счеты свести!“ Присматривался онъ и къ рыбѣ, заходя во дворы крестьянъ, гдѣ происходилъ уже обычный ярмарочный сваль. Вся навѣзшая мелочь, какъ называлъ Петръ Матвѣвичъ мелкихъ городскихъ скущиковъ рыбы, торговалась до изнеможенія, сбивая цѣны съ нея. Но крестьяне стойко выдерживали напоръ ихъ и соблазнъ отъ показываемыхъ имъ денегъ и не уступали въ цѣнѣ, и рыба, дѣйствительно, не шла съ рукъ. Съ ироніей прислушивался Петръ Матвѣвичъ къ толкамъ и торговцевъ, и крестьянъ объ интересующемъ его предметѣ, не высказывая своего мнѣнія, и изрѣдка только думалъ про себя: „Придете испо, мужики, поклоняетесь!“

Зайдя въ свой балаганъ, гдѣ работы приходили къ концу, онъ тщательно осмотрѣлъ симметрично разложенные на полкахъ ситцы и фаянсовую и мѣдную посуду, — осмотрѣлъ даже ящики изъ-подъ нихъ, сложенные въ кучу, и вынутые изъ ящиковъ при распаковкѣ загнутые и изломанные гвозди, даже разрылъ ногами выложенные при разборѣ посуды сѣно и солому, какъ-бы сомнѣваясь, не скрылось-ли что подъ ними отъ глазъ Семена и Мирона Игнатьевича, снявшего съ себя полушубокъ и раскладывавшаго товары на полки вмѣстѣ съ работникомъ Авдѣемъ, высокимъ рослымъ мужикомъ, жившимъ у Петра Матвѣича съ малолѣтства и исполнявшимъ самыя многосложныя обязанности. Лѣтомъ Авдѣй ѣздилъ на повозкахъ въ качествѣ рулевого, зимою сопровождалъ Петра Матвѣича по деревнямъ, заминая ему и кучера, и приващика, а главное, тѣлохранителя на всякій случай, какіе нерѣдко встрѣчаются съ торговцами на глухихъ сибирскихъ выселкахъ: Петръ Матвѣичъ приказалъ Семену, покончивъ съ балаганомъ, прибрать подъ прилавокъ ящики и труху, говоря: „годится на обратній, не покупать!“ и выправить на топорѣ молоткомъ гвозди, хотя многіе изъ нихъ были безъ концовъ, и самыя шляпки отъ давняго употребленія помялись и поржавѣли. Онъ отобралъ кусокъ недорогого ситцу, чайную чашку съ подписью „вдень Ангела“ и женскій гарусный платокъ и, бережно завернувъ ихъ въ бумагу, перевязалъ веревкою и вышелъ, не сказавъ своимъ помощникамъ ни слова. Вообще между Петромъ Матвѣичемъ и Миромъ Игнатьичемъ была замѣтна натянутость отношеній послѣ неосторожно высказаннаго послѣднимъ сомнѣнія въ дипломатической способности

Петра Матвѣвича объегоривать крестьянъ. Петръ Матвѣичъ въ обиденной жизни не любилъ баловать своихъ домашнихъ и людей, поставленныхъ отъ него въ зависимость, ласковымъ обращеніемъ. „У меня въ струнѣ, штобы!“ говорилъ онъ каждому, поясняя свою систему правленія. И вдругъ человекъ, по его милости ѣвшій хлѣбъ, выразилъ сомнѣніе въ умѣньи его вести свои дѣла. Какъ и всѣ люди, Петръ Матвѣичъ не скоро забывалъ удары, наносимые самому чувствительному въ сердцѣ чело-вѣка мѣсту—самолюбію.

Волостной голова Романъ Васильевичъ Ковригинъ собирался идти съ работникомъ провѣивать привезенную съ мельницы крупу. Надѣвъ старый полушубокъ, онъ подползся, когда въ избу неожиданно вошелъ Петръ Матвѣичъ.

— И не собирайся, никуда не пушу, на то и гостинцы принесъ! съ усмѣшкой привѣтствовалъ онъ растеряшагося Романа Васильевича, который, вмѣсто того, чтобы заправить истрепанные концы кушака за поясъ, въ смущеніи пряталъ ихъ вмѣстѣ съ рукавицами за пазуху. — И не слѣдовало-бы давать-то, ну да куда ни шло! говорилъ Петръ Матвѣичъ, подавая хозяину узелъ и садясь на лавку.

Черезъ четверть часа послѣ его прихода Романъ Васильевичъ въ новомъ суконномъ зипунѣ сидѣлъ за столомъ въ своей, чисто-прибранной горницѣ вмѣстѣ съ дорогимъ кумомъ; на столѣ передъ ними лежалъ на блюдѣ разрѣзанный пирогъ изъ свѣжей осетрины, а полуштофъ съ очищенной и бутылка съ этикетомъ „сладкая раманя“, окруженные блюдечками съ бѣлыми грибами, груздочками, брусникою, посыпанною сахаромъ, небольшими пряничками и кедровыми орѣхами свидѣтельствовали о всемъ радушіи хозяевъ въ угощеніи дорогого гостя.

— И баловала ты его, кума, о-о-охъ! слегка пощипывая изъ пирога осетрину, крикнулъ Петръ Матвѣичъ за перегородку, откуда доносился до нихъ звонъ чайной посуды.

— Мои-ли года баловать! отвѣтилъ торопливый старушечій голосъ. — Будеть, побаловали!

— Той-и-ись будетъ?... Нѣтъ, видать ишо крѣпко гладить его, вишь выровнялся, какой кругленькій сталъ?

— Не сглазь! Господь съ нимъ, пущай отъѣдается!...

— До отвалу-то не корми, въ мѣру потрафляй, а то въ досталь-то зажирѣеть, што проку? жирные-то пѣтухи только безъ пути ощинываются! говорилъ Петръ Матвѣичъ, посмѣиваясь надъ своей остротой.

Романъ Васильевичъ, круглый средняго роста человѣкъ, съ сѣдою окладистою бородой, обрамлившей его крѣпкія румянныя щеки, во все время разговора самодовольно улыбался, поглаживая бороду и усы. Въ лицѣ его просвѣчивало самое теплое сердечное добродушіе. Каждый-бы, взглянувъ на него, внутренно сказалъ: „этотъ человѣкъ не сдѣлаетъ никому зла“. А между тѣмъ, благодаря своему добродушію, всегда почти соединенному въ людяхъ съ безхарактерностью, онъ много дѣлалъ зла, не вѣдая, что творить его. Когда-же онъ серьезно убѣждался въ этомъ, то грустилъ и жаловался на долю и на общество, избравшее его головой.

— Ишь онъ вотъ заѣлся и мужиковъ-то своихъ распустилъ! продолжалъ между тѣмъ Петръ Матвѣичъ. — Такихъ-то грубіановъ, какъ у него, хоша-бы къ примѣру взять Кулька, не найдешь и по губерніи!

— А-а, нѣшто сгрубилъ онъ тебѣ? спросилъ Романъ Васильичъ.

— Послушаль-бы, какъ за мое-то добро напѣлъ. Эхе-е! За то, што мои-же деньги забралъ, и платить не хочеть!...

— Выправится, продасть рыбу и возьмешь, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ.— Онъ ничово мужикъ-то, хоша и бѣдный!

— Ну-ко, скажи наперво, кому они продадутъ-то еѣ?

— Мало-ль торговцевъ-то наѣхало...

— Ни пуда не купятъ у нихъ по ихнимъ-то цѣнамъ, какія они наложили. — Ты слыхаль-ли, они вонъ такію установили, а? А ты, голова, и ухомъ не ведешь, какъ будто оно не твое и дѣло, а такъ и должно?

— И-и чу-удной-же ты какой, Петръ Матвѣичъ, право, чудной! укоризненно качая головой, отвѣтилъ Романъ Васильевичъ. — Вѣдь всякій въ своемъ добрѣ воленъ!... Это-бы я полѣзъ къ тебѣ въ твое дѣло съ указомъ, чего-бъ ты сказалъ мнѣ.

— Мое дѣло — другая статья, а вотъ ты мнѣ про свое-то скажи: голова ты, аль нѣтъ?...

— Голова!

— Блюсти, што-бъ казнѣ-то не было ушшербу твое дѣло?

— Казну-то блюсти энто мое дѣло, да нѣшто ей есть отъ энтаго ущербъ?

— Собралъ ты подать-то, аль нѣтъ, ну-ко?

— Туго она нонѣ идетъ, кумъ, — а-а-ахъ, какъ туго!... Супротивъ лонскихъ-то годовъ и трети не выходили. Сбился на-родъ-то. На Юровую вся надежа!

— И обманешься! Неужь ты думалъ, у нихъ будутъ покупать, а?... Смѣ-ѣшно! Это я-бы къ примѣру ѣхалъ за триста верстъ, тратился, да и купилъ ее по этимъ цѣнамъ, а самъ ее долженъ за половинную продать, да и то, слава Богу, если купить. Такъ изъ какихъ-же прибытковъ мнѣ покупать-то ее, а? Нѣ-ѣтъ, дураки-то нонѣ въ городахъ повывелись, всѣ говорятъ въ деревни убѣгли, гдѣ ихъ непочатый уголь наваленъ! А ты вотъ сиди, да жди, соберешь ее много, подати-то; распаживай казенный-то сундукъ подъ сквозной вѣтеръ. А нѣшто начальство-то не спроситъ съ тебя, что ты смотрѣлъ на порядки-то на энти, на бунтъ-то? а-а?

— Бунтъ! съ удивленіемъ спросилъ Романъ Васильичъ. — Да гдѣ онъ, бунтъ-то, какой изъ себя, покажь-ка?

— А это по твоему не бунтъ, если я таксію самовольно установлю казнѣ въ ушшербъ, а? — Ты голова, а волостью-то вонъ Иванъ Николаевъ заправляетъ, таксіи выдумываетъ, подговариваетъ мужиковъ на дѣло, отъ котораго казнѣ ушшербъ.

— Ивана Николаева ты, Петръ Матвѣичъ, зря не путай! Онъ худу не научить, это мужикъ первый по волости.

— По плутовству-то?

— Не извышенъ онъ на энто ремесло-то, о-ошибся ты, кумъ!

— Острогъ прошелъ, да неизвышенъ, а? и Петръ Матвѣичъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Въ острогѣ-то, говорятъ, болѣе честныхъ сидить, Петръ Матвѣичъ, чѣмъ на волѣ ходить. И дураковъ-то, сказываютъ, туда малость сажаютъ, все болѣе умныхъ, такъ-то...

— А-а-а! Ну экую рѣчь въ первой и слышу; што-жь это

ты не въ острогѣ? Кажись, съ виду-то не дуракъ-бы мужикъ!

— Не линія, значить!

— Обожди-же, не скучай, съ Ивановъ-то Николаевымъ скоро попадешь на нее! Нѣ-ѣтъ, кумъ, около этихъ-то дѣловъ, што у огня,—спустя рукава, не стой,—обозжешься, тогда и помянешь меня, о-ой, помянешь! И Петръ Матвѣичъ, отвернувшись въ сторону, слегка забарабанилъ пальцами по столу и искоса наблюдалъ за Романомъ Васильевичемъ, въ лицѣ котораго при послѣднихъ словахъ его выразилось глубокое раздумье. Видно было, что гость затронулъ въ хозяинѣ еще нерождавшійся вопросъ. Какъ и большинство неграмотныхъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, Романъ Васильевичъ былъ трусъ. Онъ всего боялся. Боялся и писаря, и земскихъ властей, отъ которыхъ находился въ полной зависимости, одинаково боялся и избравшаго его общества. Общественные интересы онъ понималъ и, какъ члена той-же общины, они одинаково касались и его, но, незнакомый съ существующими законоположеніями, онъ всегда терялся въ сознаніи правоты ихъ, тѣмъ болѣе зная по опыту, что земскія власти не всегда одобрительно относились къ интересамъ крестьянъ. Слова Петра Матвѣича и вызвали въ немъ подобное сомнѣніе. „А что какъ этого не велѣно, и послѣ въ самомъ дѣлѣ меня спросать, чего я глядѣлъ?“ все мучительнѣе и мучительнѣе шевелилось въ его умѣ.—А-а-ахъ! произнесъ онъ, покачавъ головой, и, заворотивъ полу зипуна, отеръ ею крупный потъ, выступившій на лбу.

— Не жарко, братъ! съ ироніей замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ.

— Отъ думы, кумъ! Отъ жары-то я не шибко на потъ-то податливъ! А-а-ахъ! дай-то, Господи, говорю, дослужить поскорѣе. И-и-и, то ись обѣими руками хрестъ положу. И ей-Богу, отъ одной думы-то этой сколь сокрушенья! произнесъ онъ, разведя руками.—Одинъ одно говорить, другой совсѣмъ инако, а мое-то дѣло—темь!...

— Чего-жь ты надумалъ-то, а?...

— Надумалъ-то! да надумалъ-то я таперича, кумъ, скажу тебѣ, большое дѣло!

— А-а! Подавай Господи, пора!

— И то ись таѣ таперича въ своемъ умѣ полагаю, съ глу-

боко-серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ говорилъ хозяинъ, —твори Господи волю свою!

— То-о-олько-то?

— Возложишь и будешь паче всего невинителенъ!

Петръ Матвѣичъ снова забарабанилъ по столу и, сжавъ губы, слегка засвисталъ.

— Не-емного-же ты выдумалъ! съ ироніей произнесъ онъ. — А я-то съ дуру порадовался, думалъ, ты и нивѣсть што, — а оно не-е-мно-о-ого! А какъ-же ты съ Кулькомъ-то считаешь меня, а? спросилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, —миѣ время-то не терпять, а задолжалъ-то онъ миѣ вмѣстѣ съ Вяльмъ болѣ тридцати рублей, по нонѣшнимъ-то временамъ, — де-енгя! А я подь рыбу ему давалъ. Ты отбери-ко миѣ рыбу-то у него, а?

— Одумается и самъ отдастъ, обожди зорить-то!

Петръ Матвѣичъ посмотрѣлъ на него, угрюмо насунувъ брови, и, приподнявшись съ лавки, молча взялся за шапку.

— Толковать-то языкъ устанетъ. Ай голова-а! отрывисто проговорилъ онъ. —И ищи суда!

— А-а-ахъ, ты строптивый какой, ну-у!...

— Будешь строптивъ, какъ одинъ вотъ такъ-то пожуешь, да другой, а карманъ-то одинъ... Идешь, штоль?

— Не каплетъ! Прикуси, испей хопса чайку, въ кои-то вѣки заглянешь?...

— Идешь, спрашиваю, аль нѣтъ? настойчиво повторилъ Петръ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, какой ты, ну-у! а я ишо хотѣлъ было сегодня крупу провѣять, мужикъ тутъ покупаетъ ее у меня, а тутъ грѣхи одни, и-ей-Богу, грѣхи! говорилъ хозяинъ, неохотно охорашивалъ свою бѣлую мерлуцатую шапку и выходя вслѣдъ за гостемъ.

По дорогѣ Петръ Матвѣичъ завернулъ въ балаганъ и взялъ съ собою Семена. Авдѣя-же послалъ за лошадыю съ розвальнями. Дойдя до избы Кулька, стоявшей около гумень, окаймлявшихъ берегъ Иртыша, они встрѣтились съ нимъ у балитен. Увидя ихъ, Кулежъ остановился.

— Распахивай-ко ворота для дорогихъ-то гостей, съ на-

смѣшкой сказалъ Петръ Матвѣичъ, когда они подошли къ нему.

— А зачѣмъ-бы это Богъ въ дешевую-то избу дорогихъ-то гостей принесъ? спросилъ его въ свою очередь Кулекъ, загородивъ собою входъ въ калитку.

— Ты-бы изъ учтивства-то въ избу приколвилъ, не тати ¹⁾ къ тебѣ пришли! серьезно замѣтилъ ему Романъ Васильичъ, видимо входившій въ роль отъ сознанія своего достоинства.

— Не заперта, милости просимъ. Добрая-то вѣсть, сказываютъ, сама летитъ, худую-то только на ворота вѣшаютъ. Не за доброю, видать, въ гости-то называется! говорилъ Кулекъ, входя во дворъ и отворяя дверь въ избу, куда вслѣдъ за нимъ вошли голова и Петръ Матвѣичъ.

О горькой нуждѣ въ быту Кулька можно было заключить уже по обстановкѣ въ избѣ. Около покосившихся, но все-таки чисто-выбѣленныхъ стѣнъ стояли лавки, сходявшіяся у стола въ переднемъ углу. У печки висѣла люлька, въ которой стояла обернутый въ какія-то лохмотья больной ребенокъ. У узенькаго оконца, съ натянутымъ вмѣсто стекла бычачьимъ пузыремъ, едва пропускавшимъ дневной свѣтъ, сидѣла съ прялкою въ рукахъ подростка-дѣвочка, въ одной грубой пестрядиной рубахѣ, прикрывавшей ея тощее тѣло. Сидя у люльки, жена Кулька, пожилая женщина съ болѣзненно-истомленнымъ лицомъ, укачивала на рукахъ другого больного ребенка, то прижимая его къ груди, то поднимая на воздухъ, чтобъ унять его плачь и удушливый кашель. И мука, нестерпимая мука выражалась въ эти минуты на ея лицѣ. И грустная картина эта, и удушливый, спертый воздухъ, и царившій въ избѣ мракъ охватили-бы человѣка, незнакомаго съ жизнью нашего крестьянина, томительнымъ чувствомъ. Но не того закала были вошедшіе.

При входѣ головы и Петра Матвѣича дѣвушка испуганно

¹⁾ Многимъ можетъ показаться неправдоподобнымъ употребленіе въ разговорѣ крестьянъ церковно-славянскихъ словъ. Считаю нужнымъ оговорить, что въ партіи сибирскаго крестьянина они часто встрѣчаются. Трудно рѣшить, занесены-ли они въ него «начетчиками-раскольниками» или являются они остаткомъ первобытной формы языка, уцѣлѣвшей отъ позднѣйшихъ его измѣненій. Особенно часто въ употребленіи слова: тать, татьба (воровство); выя, ланита, ложе, ако, паче, блудъ, блудодѣй (развратникъ или воръ, одно и тоже) и т. п.

встала, съ недоумѣніемъ глядя на нихъ. Холодный воздухъ, охватившій люльку, возбудилъ въ ребенкѣ, лежавшемъ въ ней, кашель, кончившійся глухимъ, сильнымъ крикомъ. Успокоившійся на рукахъ матери ребенокъ, разбуженный ея торопливымъ движеніемъ, также разразился плачемъ. — „О-охъ, Господи!“ произнесла бѣдная женщина, прислонясь къ печи и снова укачивая его.

— Ганька!... крикнулъ Кулекъ дѣвушкѣ, стоявшей съ пралкою въ рукахъ, — возьми робать-то, да снеси ихъ къ Вялому въ избу! — Чѣмъ-же угощать-то тебя, Романъ Васильичъ, што не обошелъ честию, заглянулъ и въ мою клѣтъ? спросилъ онъ, когда дѣвушка, закутавъ плачущихъ дѣтей въ изорванный полшубокъ, унесла ихъ, и въ избѣ воцарилась тишина.

— Обиду вотъ на тебя, Петръ Матвѣичъ принесъ, братецъ ты мой! отвѣтилъ онъ, присѣвъ на лавку.

— Што за шесть гривенъ пудъ рыбы не отдаю, а-а-а! — эмокъ онъ на энти обиды-то!... Такъ ты это судить насъ пришелъ, а?

— А-ахъ, братецъ, и всѣ то-жъ вы!... ты вѣдь бралъ деньги-то?

— Въ отпоръ не иду! Бѣаль.

— И отдай... по заповѣди... путемъ отдай!

— И отдаю. Пушшай беретъ рыбу. Вотъ онъ тутъ сидитъ, я при немъ и говорить буду. Онъ вотъ обиду несетъ, а што самъ обижаютъ, про эфто молчить!... Я бралъ... Бралъ и росписку выдалъ вмѣстѣ съ Вялымъ, подъ рыбу бралъ, рыбой и отдаю. Такъ зачѣмъ онъ грабить-то хочеть, а? Вотъ онъ тутъ сидитъ... глазъ-на-глазъ... ты и спроси его, нѣшто по нынѣшнимъ-то цѣнамъ за шесть гривенъ пудъ-то осетрины взять не грабежъ, а!...

— Экія-то слова мо-отри въ препорцію, другъ! внушительно замѣтилъ ему Петръ Матвѣичъ,—а то за поношене чести!...

— Нѣшто у тебя есть честь-то? презрительно усмѣхнувшись, спросилъ его Кулекъ.

— Смо-о-отри, говорю, о-ой!...

— Не пужай! смотрѣть-то не на што! раздражительно отвѣтилъ онъ.—Ты о чести своей молчалъ-бы! Честь-то твоя—што у худой бабы подоль обшмыгана!...

— И въ самомъ дѣлѣ, ты, Кулекъ, поприглядѣй на слова-то будь! строго замѣтилъ ему и Романъ Васильичъ.—Слово-то слову не иначе! вылетитъ—не поймашь!

— Мое-то слово горе говоритъ, Романъ Васильичъ. Ты гляди ртовъ сколь... пять, ѣсь хотѣть, а работникъ-то на семью одинъ я. Ты подушну-то спрашивашь, вздоху не даешь... есть чего отдать, аль нѣтъ, а разорвись, да выдай! Пушшай ужь казна беретъ, ну-у божье пощенье! За што-жь ишо купцы-то наѣзжаютъ грабить насъ, а?... А коли ты честный, говоришь, обратился онъ къ Петру Матвѣичу,—ты по чести и бери... не зори... не отнимай у нишаго-то послѣдняго куса изъ рта! Вѣдь ты сы-нѣть, избыточно Богомъ-то взысканъ, а я нищъ, ни-и-ищъ! и въ голосъ Кулька зазвучали слезы.

— И болтъ... привяжи вмѣсто языка-то, устанеть въ разговорахъ-то энтихъ! сухо произнесъ Петръ Матвѣичъ, глядя куда-то въ сторону. — Ты, голова, сказки пришелъ слушать, аль за дѣломъ? съ ироніей спросилъ онъ.

Романъ Васильичъ вмѣсто отвѣта глубоко вздохнулъ. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба.

— Ну-у, онъ тѣ и привянетъ двѣ-то, три гривны отъ щедрни! внезапно утѣшилъ онъ Кулька.

— Съ какихъ это резоновъ ты взялъ? угрюмо насупившись, спросилъ его Петръ Матвѣичъ.

— На нужу-то его, што Богу-бы свѣча, кумъ, бѣдное и его дѣло-то! съ грустью въ голосѣ заступился онъ.

— Изъ чужихъ-то кармановъ ты бы гривенъ-то на свѣчи Богу не высовываль, а свой широкъ, распахни, ставъ, запрета нѣтъ!

Романъ Васильевичъ почесалъ въ затылкѣ.

— А я вотъ спрашиваю, почему ты со сказки-то платишь? снова спросилъ онъ.

— Нужа мужичье-то дѣло, другъ, а-а-ахъ, нужа великая, произнесъ, не отвѣчая на вопросъ его, Романъ Васильевичъ.

— А мы сложа руки хлѣбъ-то ѣдимъ, а?

— Извѣстно, купцу одна работа: деньги считай, да брюхо рости! язвительно виѣшался Кулекъ.

— А-а... и ты-бъ, коли завидъ беретъ на купеческое трудолюбіе, нажилъ-бы капиталъ и занялся-бы этимъ дѣломъ, аль

не въ моготу? Ты вотъ лучше, чѣмъ эти присказки-то на уши мотать, безъ грѣха-бы разсчитался со мной?

— Похвалялся самъ взять и бери! отвѣтилъ ему Кулекъ.

— Своихъ-то рукъ, стало быть, нѣтъ у тебя на отдачу-то а на то выросли, штобъ только въ заемъ брать.

— И свои есть, да не поднимутся у робять-то малыхъ кусъ урвать... ихъ энтотъ кусъ-то... и-ихъ!

— Деньги-то, помнится, ты на себя бралъ — не на робать.

— И бери! рыбу бери! я не стою! тебѣ болѣ надоть!

— Слышь? Голова, отдаетъ, такъ чего-жъ?

— Безъ препоны... бери! рѣшительно повторилъ Кулекъ.

— Возьмемъ, не затрудимъ тебя, не сумняйся! съ ироніей отвѣтилъ ему Петръ Матвѣвичъ, — а ты, коли добромъ отдаешь, покажи ее, гдѣ она!

— Не касающе меня это дѣло — ты-жъ сказалъ, што не я хозяинъ, а ты!.. А хозяинъ самъ долженъ знать, гдѣ его добро лежитъ. И отойдя къ печи, онъ сѣлъ на скамью и, опустивъ голову, обхватилъ ее руками.

Всѣ молчали.

— Это докедова-жъ будетъ, а? Голова!..

— А-а-ахъ, отступиться-бъ! произнесъ Романъ Васильичъ, махнувъ рукой. — Кулекъ, а-а, Кулекъ, ну тѣ къ Богу, ра-аз-вяжись за одинъ конецъ, можетъ, и тебѣ Богъ на твою долю пошлетъ!

— Я не хозяинъ своего добра, меня и не спрашивай! веди ихъ въ амбаръ, пусть грабятъ! обратился онъ къ женѣ, все время молча стоявшей у печи, грустно подперши рукою щеку и время отъ времени утирая передникомъ накапывающіяся на глаза слезы.

Молча взявъ изъ-за печки ключъ, она вышла изъ избы, хлопнувъ дверью. Петръ Матвѣвичъ поднялся съ лавки и пошелъ за ней, а за нимъ и Романъ Васильичъ. Выходя изъ избы, онъ взглянулъ на Кулька, сидѣвшаго въ томъ-же положеніи, и остановился, но, покачавъ головой, вздохнулъ и молча вышелъ.

На дворѣ ихъ ожидали Авдѣй и Семень. Отворивъ амбарушеу, стоящую у заборчика изъ плетня, жена Кулька прислонилась къ нему и, закрывъ лицо передникомъ, зарыдала.

Романъ Васильевичъ, стоя въ сторонѣ отъ нея, то качалъ головою, то, подѣ влияніемъ волнующей его мысли, махалъ рукой и хотѣлъ сказать что-то, но произносилъ одно только: а-а-ахъ! Но что выражало это *ахъ*, — раскаяніе-ли о своемъ вѣшательствѣ, сожалѣніе-ли къ нуждѣ Кулька или сознание собственной безпомощности — трудно было опредѣлить. Вообще трудно угадать, что думаетъ русскій мужичокъ, произнося какое-нибудь любимое имъ междометіе или почесывая въ затылкѣ. А Петръ Матвѣичъ не уставалъ тѣмъ временемъ хозяйничать; опытной рукой выбиралъ онъ зарытыхъ въ снѣгъ, набросанный въ амбарушкѣ, осетриковъ, челбышей, нелемъ. Попадали-ли ему подѣ руку крупный муксунъ, онъ бралъ и муксуна. Выйдя изъ избы и прислонясь къ косяку двери, Кулекъ молча глядѣлъ, какъ Семень и Авдѣй нагружали полы своихъ полшубковъ отборною рыбой и складывали ее въ розвальни. Лицо его горѣло, въ глазахъ выражалась бессильная злоба, а судорожное подергиванье угловъ губъ доказывало, что, несмотря на всю его сдержанность, нервы его усиленно работали.

— Не забылъ-ли чего оставить, оглянись! съ злою усмѣшкою спросилъ онъ, когда Авдѣй и Семень, съ грузомъ рыбы сѣвъ въ розвальни, отѣхали отъ воротъ и Петръ Матвѣичъ направился къ калиткѣ.

— Не упаришь, лаконически отвѣтилъ онъ.

— Пошли тебѣ Господи грабленое-то въ прокъ положить.

— Не брезгливы! намъ все въ прокъ, тѣмъ-же тономъ отвѣтилъ Петръ Матвѣичъ, выходя вслѣдъ за Романомъ Васильевичемъ въ калитку. — Захаживай, коли пристегнетъ напасть-то! крикнулъ онъ, затворяя ее за собою.

Кулекъ присѣлъ на крылечко и, опустивъ голову, заплакалъ. Грустно видѣть, когда плачетъ ребенокъ, несознающій серьезныхъ невзгодъ жизни, горе котораго такъ-же мимолетно, какъ тѣнь отъ облака, набѣжавшаго въ ясный солнечный день. Прошла минута, исчезла тѣнь и онъ еще съ невысохшими слезами на глазахъ улыбается и рѣзвится, забывъ о горѣ. Но скорбно видѣть, когда плачетъ взрослый человекъ тѣмъ тяжелымъ груднымъ плачемъ, который сильнѣе недуга подтачиваетъ силы и часто оставляетъ на всю жизнь неизгладимые слѣды въ чертахъ лица и въ характерѣ. Вотъ этимъ-то надрывнымъ плачемъ отъ

шумной Волги до пустынныхъ Оби и Енисея нерѣдко оплакиваетъ русскій мужичокъ свою горькую долю, свою безъисходную нужду!

Покончивъ съ своими должниками, Петръ Матвѣичъ съ наступленіемъ сумерекъ, когда въ селѣ стала стихать дневная дѣятельность и меньше встрѣчалось на улицахъ народа, прошелъ позади дворовъ въ волостное правленіе, гдѣ жилъ волостной писарь, Борисъ Федоровичъ Мошкинъ, около пяти лѣтъ самовольно управлявшій волостью. Человѣкъ онъ былъ угрюмый, молчаливый и ходилъ постоянно съ подвязкою на щекѣ, снимаемой имъ только въ дни пріѣзда исправника и другихъ властей. Зная его вліяніе на общественныя дѣла, каждый торговецъ, пріѣзжавшій на Юровую, считалъ долгомъ приносить ему извѣстную дань, съ которою пришелъ теперь и Петръ Матвѣичъ. Свиданіе ихъ было весьма продолжительно и, должно быть, по своимъ результатамъ пріятно для Петра Матвѣича, такъ что, возвратившись домой, онъ долго сидѣлъ и улыбался, барабани всевозможные знакомые ему мотивы и насвистывая: „я пошю, сѣю, жлада молоденька!“ Когда-же хозяйская племянница, стройная, краснощекая дѣвушка, внесла ему ужинъ, онъ, забывъ свою степенную солидность, неожиданно щипнулъ ее за одинъ изъ концевъ шейнаго платка, падавшаго на высокую грудь, заставивъ ее отъ этой любезности вскрикнуть и присѣсть. — „А-а-а, испужалась? со смѣхомъ произнесъ онъ: — А-ахъ ха-ха-а, а ты-бы молодва того... около старика-то пообихаживала, у старика-то карманъ то-о-олстъ, э-эхъ-хе-хе-е, горячая жилка.“ И онъ снова хотѣлъ повторить свою любезность, но горячая жилка, стыдливо закрывшись передникомъ, убѣжала и болѣе не возвращалась.

М. Наумовъ.

П И Р Ъ Н И Щ И Х Ъ.

(Изъ Корнуэлла.)

Да здравствуетъ нищая братья!
Откроемъ другъ другу объятя.—
Сегодня работъ у насъ нѣтъ;
Намъ будетъ отличный обѣдъ.
Лохмотья на воздухъ бросайте!
Обѣдъ-то вѣдь съ мясомъ. Гуляйте,
Шпруйте на старости лѣтъ.

А чѣмъ насъ кормили вчера-то:
Я думаю глотки, ребята,
Распухли отъ каши сухой,
Да хлѣба изъ камня съ водой.
А брань сторожей площадная—
Къ обѣду приправа лихал—
Звучала въ тюремныхъ углахъ,
Звенять и доселѣ въ ушахъ.

Друзья! запасись въ терпѣньемъ,
Чтобъ слушать, какъ бранью, презрѣньемъ
Насъ нищихъ приходскихъ казнятъ
За слово, за дѣло, за взглядъ?
Знать мало страданій калѣки
И скорби о томъ, что на вѣки,
Проклятемъ судьбы роковой,
Мы связаны съ нашей тюрьмой.

Мы развѣ у турка въ неволѣ?
Работать обязаи что ли
За уголь квартиры гнилой,
Гдѣ, ежась на койкахъ зимой,
Дрожимъ въ лихорадкѣ отъ стужи?

Чѣмъ больше терпѣнья—тѣмъ хуже.
Участьемъ нашъ братъ не согрѣтъ;
Съ пеленокъ до старческихъ лѣтъ
Угла ему теплаго нѣтъ.

Мы счастливы только порою.
Лишь только повѣтъ весною,—
На звонъ колокольный встаемъ;
Какъ черви по стѣнкѣ полземъ
Погрѣться на солнышеѣ днемъ
И спимъ безмятежно, какъ дѣти,
Не зная, что дѣется въ свѣтѣ.
Убогіе—мы въ этотъ мигъ
Не помнимъ недуговъ своихъ.

Когда-жъ разодрѣтый цвѣтами
Является май передъ нами.
Сидимъ мы на плитахъ могилъ
И смотримъ, кто сколько прожилъ.
Тутъ трудимся мы надъ подборомъ
Столѣтнихъ; подмѣтимъ и хоромъ
Кричимъ: „вотъ какъ жили—гляди!
У насъ тридцать лѣтъ впереди.“

Эхъ, день-то веселый, ребята!
Кутнемте на грошъ трудовой.
Никто не почуветь утраты,—
Безъ нашихъ грошей всѣ богаты:
Беречь ихъ—убытокъ прямой.
Оставить наслѣдство—но кто-же
Для нищихъ полѣзетъ изъ кожи,
Кто станетъ намъ кланяться, лстить,
Чтобъ нашимъ наслѣдникомъ быть?

Мы день нашъ проводимъ сонливо.
Эй, малый! достань-ко намъ пива;
Оно разожжетъ нашу кровь,
И къ жизни воспрянемъ мы вновь.
За мартъ перейдемъ незамѣтно,
Апрѣль улыбнется привѣтно;
А май, побѣдитель зимы,
Насъ вырветъ изъ нашей тюрьмы....

О. Охтенская.

ВСЕНАРОДНОЙ ПАМЯТИ ЦАРЯ—РАБОТНИКА.

Прошло уже больше мѣсяца, какъ Россія отпраздновала двухсотлѣтній юбилей рожденія своего великаго національнаго героя, и газеты до сихъ поръ приносятъ извѣстiя о торжествѣ этого дня въ самыхъ отдаленныхъ провинцiяхъ. Установленный церемонiаль былъ въ точности исполненъ даже въ ничтожнѣйшихъ уѣздныхъ городишкахъ, гдѣ, также какъ и въ столицахъ, гудѣли церковные колокола, были парады, по мѣстамъ произносились и проповѣди, въ которыхъ возвеличивалась слава петровскихъ дѣлъ. Но при всемъ этомъ юбилей не имѣлъ такого характера національнаго торжества, какъ, напр., въ Германiи юбилей Шиллера, въ Америкѣ ежегодный юбилей ея независимости, или праздновавшiйся въ нынѣшнемъ-же году трехсотлѣтній юбилей освобожденiя Нидерландовъ отъ испанскаго владычества. И прежде, чѣмъ успѣли прибрать подмостки и снять гирлянды съ бронзоваго памятника Петра, зрители разошлись по домамъ, не подумавъ ни о значенiи юбилейтора, ни о внутреннемъ смыслѣ самаго юбилея. Какая косность мысли, какое поразительное отсутствiе общественнаго такта!

Въ Петербургѣ передъ юбилеемъ нѣкій ученый мужъ прочелъ для простонародья нѣсколько публичныхъ лекцiй, въ которыхъ подробно разсматривалъ Петра съ одной точки зрѣнiя, восхваляя подвиги его православнаго благочестiя, перечисляя, какiя церкви онъ построилъ, сколько вкладовъ сдѣлалъ и т. д. Самый распространенный изъ нашихъ журналовъ издалъ къ юби-

лею заупокойный номеръ, въ которомъ разсказывается „О палатѣ, въ коей скончался Петръ I“, а двѣ другихъ статьи трактуютъ о малороссійскихъ эмигрантахъ при Петрѣ, да о кронпринцессѣ Шарлотѣ („Вѣстникъ Европы“, кн. V). Изъ другихъ литературныхъ органовъ нѣкоторые сдѣлали еще хуже, и, вмѣсто того, чтобы вспомнить о Петрѣ, начали соплетать похвалы желѣзнодорожному антрепренеру, г. Варшавскому. Много невеселыхъ мыслей возбудило въ насъ торжество петровскаго юбилея, и самое грустное впечатлѣніе произвела на насъ литература, которая не воспользовалась этимъ случаемъ для разъясненія историческаго значенія этого великаго національнаго героя. Только славянофильская „Бесѣда“ помѣстила у себя нѣсколько матеріаловъ, которые показываютъ, что нашъ простой народъ, во имя котораго отрицали петровскую реформу прежніе славянофилы, по изслѣдованіямъ нынѣшнихъ, до сихъ поръ хранить и чтить память о великомъ царѣ-работникѣ, сохраняетъ воспоминаіе о малѣйшихъ подробностяхъ его жизни, о самыхъ незначительныхъ изъ его великихъ дѣлъ, и окружаетъ его образъ такими чертами, которыя дѣлаютъ его полу-мифическимъ творцомъ молодой Россіи. Нельзя, конечно, радоваться, что къ народнымъ воспоминаніямъ о Петрѣ примѣшивается суевѣрный мифическій элементъ; но съ другой стороны нельзя не надѣяться, что настанетъ, наконецъ, время, когда нашъ народъ познакомится съ историческою личностью Петра и пойдетъ по пути, ему указанному его другомъ, его героемъ, полнѣйшимъ выразителемъ его великихъ достоинствъ и его недостатковъ.

Что славянофильская „Бесѣда“ сообщаетъ интересныя данныя для доказательства народности Петра; что редакція „Русской Старины“, которая лѣтъ десять тому назадъ относилась къ Петру въ весьма обличительномъ тонѣ, теперь высказываетъ о немъ совершенно прротивоположное мнѣніе (см. „Р. Стар.“, іюнь, стр. 845); что во множествѣ юбилейныхъ рѣчей мы не встрѣтили ни одного отголоска старинныхъ мнѣній, нападавшихъ на Петра за его мнимую несвѣрность своей народности и духу своего вѣка, — все это нисколько не удивляетъ насъ. Полутораста лѣтъ было очень достаточно, чтобы вполне убѣдиться въ благодѣлительномъ значеніи для народа петровскихъ реформъ. Такая медленность оцѣнки нашего національнаго героя даже достойна

всякаго сожалѣнія. Полтора вѣка понадобилось на то лишь, чтобы люди, болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ смыслѣ желающіе пользы своему народу, убѣдились, наконецъ, что единственное спасеніе послѣдняго и въ настоящемъ и въ будущемъ находятся на пути, указанномъ гениемъ Петра. Сколько втеченіи этихъ полутора вѣтъ было употреблено усилій, чтобы свернуть съ петровской дороги, сколько вымыслено софизмовъ, сколько написано сочиненій, чтобы доказать непригодность для народа петровскихъ идей, сколько этими софизмами увлечено честныхъ, но наивныхъ душъ, въ родѣ Хомякова, Кирѣевского и Аксакова, сколько прикрито ими реакціонныхъ интригъ, и сколько разъ, наконецъ, всевозможные реакціонеры, стараясь дать популярность себѣ, прикрывались петровскимъ знаменемъ и громко влялись въ вѣрности идеямъ преобразователя! Примѣры подобной уловки можеть наблюдать всякій, кому не помѣшаетъ скука пересмотрѣть товары, выставляемые на нашемъ литературномъ торжищѣ. Я не читаю „Московскихъ Вѣдомостей“, я давно уже не интересуюсь тѣмъ, что измышляютъ сбившіеся съ толку надзиратели полицейскаго благочинія; но могу держать пари, что въ своихъ юбилейныхъ рѣчахъ и статьяхъ Катковъ и К^о не находили словъ, достаточныхъ для должнаго прославленія Петра Великаго...

Но если теперь уже не нападаютъ на Петра съ оружіемъ Карамзина и славянофиловъ, за то, — намѣренно или ненамѣренно, — мало разъясняютъ его народное значеніе и почти вовсе не указываютъ на тѣ поучительныя уроки, которые даетъ его жизнь настоящему времени. Положимъ, что уроки дѣло щекотливое; но дѣятельность Петра до того поучительна, что изъ одного только безпристрастнаго и толковаго обзора ея историческихъ фактовъ выясняется уже самъ собой весь смыслъ его реформаціоннаго характера.

Петръ жилъ и дѣйствовалъ въ переходную эпоху, полную внутренней борьбы старыхъ и новыхъ идей, стремленій, порядковъ, потребностей. Старая Русь разлагалась и ей предстояло на выборъ, или подпасть подъ печальную участь византійской имперіи или же, сдѣлавшись европейскою страной, почерпнуть въ европейской цивилизаціи новыя силы для своего возрожденія и дальнѣйшаго развитія. Политическая самостоятельность Россіи

находилась въ опасности. Въ то время, какъ русскіе съ успѣхомъ двигались на востокъ и утверждали свое владычество на берегахъ Тихаго океана, съ сѣвера ихъ били и тѣснили шведы, съ запада поляки и нѣмцы, съ юга постоянно угрожали турки, а крымскіе татары не переставали разорять Россію и даже получали съ нея ежегодную дань. Русскіе войска находились въ самомъ первобытномъ состояніи, — безъ организаціи, безъ хорошаго оружія, безъ всякихъ познаній въ военномъ искусствѣ. Покрытая лѣсами и болотами, неизвѣстная ни хорошихъ дорогъ, ни даже достаточнаго рѣчного судоходства, съ своимъ полубродячимъ народонаселеніемъ, Россія не только не имѣла фабричной промышленности, но даже ея земледѣліе было въ такомъ состояніи, что не могло предохранять народа отъ постоянныхъ и опустошительныхъ голодовокъ. Отъ тягостныхъ податей и повинностей, отъ злоупотребленій администраціи, отъ религіозныхъ гоненій, отъ набѣговъ внѣшняго врага — народъ разбѣгался во всѣ стороны и правительство вмѣстѣ съ высшими сословіями заботилось главнымъ образомъ о томъ, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Воры и разбойники опустошали страну; войска, подъячіе, воеводы, которые не получали жалованья, а кормились отъ дѣль, разоряли ее; бѣдная, деревянная, крытая соломой и драньемъ Русь періодически опустошалась изъ края въ край страшными пожарами и принуждена была выстраиваться снова. Крѣпостное право сдѣлалось основой государства; духовенству принадлежала цѣлая треть русской земли и множество крестьянъ, а монахи были первыми купцами въ странѣ. Бѣдность страны простиралась до того, что даже Москва, казавшаяся издали великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри являлась бѣднымъ Вифлеемомъ, по выраженію одного путешественника. Торговля съ иностранцами была ничтожна, по неизвѣстности въ Россіи доступнаго кораблямъ моря, кромѣ Бѣлаго, вслѣдствіе вѣковой ненависти къ европейцамъ и того обстоятельства, что иностранные купцы всякій разъ, какъ они получали возможность торговать съ русскими, умѣли монополизировать и трудъ и капиталы. Нравственное и политическое состояніе народа было еще хуже его экономическаго положенія. Личность человѣческая была ограничена и сдвлена со всѣхъ сторонъ; въ семьѣ, въ общинѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, въ церкви, въ государствѣ она безусловно подчинялась автори-

тету старшаго, — отца, сходки стариковъ, помѣщика, воеводы, духовенства, царя. Народъ жилъ въ патриархальныхъ понятіяхъ родового быта и дѣлился на старшихъ и младшихъ. Но не было мира и порядка въ этой землѣ. Крестьяне враждовали съ помѣщиками, съ кулаками кабалителями, враждовали съ городами, съ инородцами и другъ съ другомъ, свѣтскія власти ссорились съ духовными, горожане съ посадскими, помѣщики съ сосѣдями, а спѣсивые бояре тягались и дрались между собой изъ-за царской подачки и изъ-за споровъ о родовой чести. Только царь, вѣра, да единство національности объединяли страну однообразными чувствами и стремленіями. Но національное единство нарушалось областною рознью и стремленіемъ въ мѣстной самостоятельности, остатки которой, сохранившись со временъ удѣльно-вѣчковаго періода, такъ рельефно выразились въ смутное время. Единство вѣры окончательно было разорвано въ XVII вѣкѣ религіознымъ споромъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ догматикъ и обрядовой набожности. Двоевѣріе, существовавшее искони вслѣдствіе вѣковаго смѣшенія христіанскихъ понятій съ языческими, выродилось въ расколъ, который и господствующую церковь и царя провозгласилъ антихристомъ. Въ то-же время, подъ влияніемъ религіозныхъ движеній Европы, возникли въ народѣ рационалистическія секты. Половина націи вооружилась противъ другой во имя вѣры, — пошли гоненія, казни, сожженія на кострахъ, разоренія самой трудолюбивой части націи, и суевѣрно-фанатическій, несчастный народъ видѣлъ пришествіе антихриста и ждалъ кончины міра. Правительство было бессильно и противъ вѣншихъ враговъ и противъ внутреннихъ неурядицъ. Добродушный Алексѣй, окруженный какъ непроницаемою стѣной интригующими боярами и попами, при всемъ своемъ желаніи ничего не могъ сдѣлать для народа, который всюду били, грабили, обращали въ рабство. И въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, масса какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ не сознавала всей хилости своего положенія, и гордая своею вѣрою, своимъ владычествомъ надъ чужаками, остяками и тому подобными народцами, воспитанная въ полномъ невѣжествѣ о цивилизованномъ мірѣ, считала себя первою богоизбранною націей, а своего царя земнымъ богомъ и самымъ могущественнымъ государемъ въ свѣтѣ. „Нашъ цезарь побольше вашихъ цезарей будетъ, а каждый попъ у его царскаго

величества— что вашъ папа“, говорили однажды бояре австрійскимъ посламъ. Европа считалась страню, находящеюся во власти дьявола, ея обитатели погаными еретиками, ея цивилизація навожденіемъ сатаны, ея наука злохудожною премудростью, а свободная дѣятельность разума—величайшимъ преступленіемъ. Напротивъ, народныя обычаи и суевѣрія, отческія преданія, московско-византійская доктрина были для русскихъ вѣчною истинною, которой долженъ безусловно покоряться каждый умъ. Абсолютная вѣрность старины считалась необходимымъ условіемъ существованія и благоденствія государства, потому-что „которое царство начинаетъ переставлять свои обычаи, и то царство не долго стоитъ“.

Прежніе историки, представляя себѣ Петра не человѣкомъ, а какимъ-то полубогомъ, сверхъестественнымъ геніемъ, неимѣвшимъ ничего общаго съ окружавшею его средой, изображали реформу внезапнымъ насильственнымъ переломомъ. Въ сущности же никакой внезапности тутъ не было и сближеніе съ Европой началось задолго до Петра. Русскіе давно уже въ торговыхъ и политическихъ видовъ стремились къ морю, давно уже они чувствовали необходимость преобразовать свое войско на европейскій образецъ, познакомиться съ воинскимъ, промышленнымъ, медицинскимъ, архитектурнымъ и другими искусствами Европы; давно уже они вызывали въ Россію европейскихъ офицеровъ, пушкарей, медиковъ, ремесленниковъ, музыкантовъ, актеровъ. Несмотря на строгія запрещенія, нѣкоторые начинали уже ѣздить за-границу и даже навсегда эмигрировать изъ Россіи. Необходимость европейской цивилизаціи чувствовалась многими. Сближеніе съ Европой естественно начиналось съ внѣшнихъ признаковъ. Все больше и больше являлось людей, которые начинали брить себѣ бороды и стричь по-европейски волосы, носить европейское платье, и вести европейскій образъ жизни, учиться музыкѣ и иностраннымъ языкамъ. При дворѣ заводится уже театръ, а у бояръ нѣмецкая музыка. Табакъ входитъ въ общее употребленіе, а подневольная женщина распатываетъ стѣны своего терема и рвется на свободу. Само правительство чувствуетъ необходимость преобразованій, но ограничивается робкими полумѣрами, незначительными отдѣльными уступками духу времени, которыя не будучи связаны между собой

одной радикальной реформой, приносять не столько пользы, сколько вреда и только усиливають ярость враговъ цивилизаціи. Русскіе самовольно отлучаются за-границу, и ихъ дуютъ за это кнутомъ или казнятъ смертью. За продажу или куреніе табаку, постепенно усиливающіяся, законъ грозитъ конфискаціей имущества и лишеніемъ живота. За „ношеніе платья и стриженіе волосъ по иноземному обычаю“ также не легко достается виновнымъ. Сближеніе съ Европой вызываетъ неистовый ропоть невѣжественныхъ консерваторовъ, и даже самъ царь Алексѣй, вызывая иностранцевъ на службу, въ своемъ секретномъ указѣ по этому поводу, называетъ ихъ „еретиками, б...скими дѣтшицами, и ворами“ и повелѣваетъ опредѣлять ихъ исключительно въ военную службу. Духовенство въ лицѣ патріарха Іоакима требуетъ удаленія иностранцевъ даже изъ войскъ, „потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ не единомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ не согласны, церкви, матери нашей, чужды. Какая-же помощь можетъ быть отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ? Только гнѣвъ божій наводятъ!“ Но ни проклятій фанатиковъ, ни угрозы власти не останавливали постепеннаго сближенія съ иностранцами. Во всемъ народѣ чувствовалась необходимость переменъ. Всеобщее недовольство волновало массы; бунты слѣдовали за бунтами, и все предвѣщало новый ужасный погромъ, въ родѣ разиновщины или смутнаго времени. Но масса народа только чувствовала тяжесть зла, а не знала основныхъ причинъ его, не умѣла найти выхода на лучшую дорогу. Передовые люди изъ высшаго общества сознавали необходимость реформъ въ европейскомъ смыслѣ, но не имѣли никакой опредѣленной и достаточно широкой программы, а правительство занималось полумѣрами и совершенно запутывалось въ своихъ мѣропріятіяхъ, парализируемыхъ и эксплуатируемыхъ консервативною партіей. Но и въ это время мы уже видимъ нѣсколько передовыхъ людей, которые болѣе или менѣе широко и вѣрно представляютъ себѣ истинное положеніе вещей, анализируютъ множество золъ, угнетающихъ народъ, сознають его нужды и потребности и указываютъ на единственное радикальное средство для отвращенія неизбежной гибели отечества. Этими представителями народнаго сознанія являются сербъ Юрій Крижаничъ, эмигрировавшій изъ Россіи дьякъ Григорій Котоши-

хинъ и крестьянинъ Иванъ Посошковъ. Котошихинъ рисуетъ мрачную картину русскаго общества наканунѣ преобразованія; азіятской дворъ, наполненный нелѣпою роскошью и надменный самодовольнымъ величіемъ, тупоумные бояре, которые, „устава брады въ землю,“ выслушиваютъ волю царя или подписываютъ рѣшенія своихъ дьяковъ и подъячихъ; нигуда негодное войско, невѣжественное спѣсивое барство, административный грабежъ, бѣдность страны, рабство женщины и всеобщая безнравственность—все это возмущаетъ Котошихина и приводитъ его къ сознанию необходимости коренныхъ реформъ въ европейскомъ смыслѣ. Еще подробнѣе развивалъ ту-же самую идею Крижаничъ. „Главный вредъ для общаго блага проистекаетъ изъ недостатка самопознанія, говоритъ онъ: — когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи, на самомъ дѣлѣ, таковыми.“ Чтобы подорвать этотъ нелѣпный квасной патріотизмъ, Крижаничъ сравниваетъ бѣдную, тупую и косную Россію съ богатою Европою, богатою оттого, что тамъ „разумы народа хитры,“ процвѣтаютъ науки и господствуютъ мудрые законы, какъ, напр., во Франціи. Въ Россіи-же народъ невѣжественъ, „разумы наши тупы и косны, языкъ неразвитъ для выраженія научныхъ понятій; за наше невѣжество, за наше некрасивое и неудобное платье, за нечесанные волосы и бороды, за неумѣнье изъясняться, за пьянство и неряшество, иностранцы презируютъ насъ. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: „если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то я долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ сирада.“ Всеобщее пьянство, развратъ, мужеложство ставятъ русскихъ ниже турокъ. А всеобщій деспотизмъ и опека окончательно дѣлаютъ ихъ безнравственными. Власть наша не умѣетъ вовсе быть умѣренной, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаетъ. Земля усѣяна кабаками, таможенными заставами, откупщиками, цѣловальниками, вменщиками, тайными доносчиками. Всякая свобода личности и труда стѣснены со всѣхъ сторонъ. Поэтому всѣ живутъ, дѣйствуютъ, торгуютъ секретно, со страхомъ и обманывая громадную толпу начальниковъ и палачей, хитря и подкупая власть, обдувая другъ друга, дѣлаются трусливыми, забытыми, низкими и коварными“. Главнымъ средствомъ

для излеченія всѣхъ этихъ золъ Брижаничъ считаетъ науку, знаніе и реформы въ европейскомъ духѣ. При этомъ онъ доказываетъ, что эта реформа можетъ совершиться только посредствомъ диктатуры верховной власти и сообщаетъ въ своей программѣ довольно много требованій, которыя впослѣдствіи были выполнены Петромъ. Современникъ послѣдняго, крестьянинъ Посошковъ всею душою стремится къ широкимъ и быстрымъ реформамъ, видя всеобщее нестройство, невѣжество и злоупотребленія въ духовенствѣ, дворянствѣ, разоряющемъ крестьянъ, которыхъ необходимо освободить, въ войскѣ, въ неразвитомъ купечествѣ, судахъ и администраціи. Все это вмѣстѣ съ суевѣріемъ, разбоями, пожарами и всеобщю бѣдностью несчастнаго народа грозитъ окончательною гибелью странѣ. Ей необходимы широкія и быстрыя реформы, а для выполненія ихъ неизбѣжно будетъ прибѣгнуть къ помощи террора. „Безъ страха не думаю я, чтобы можно было тотъ злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно задерживаетъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого дернія огонь не выжгутъ; такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ нужно и истреблять.“ Необходимость для Россіи реформы понимали даже иностранцы, и европейскіе дипломаты внушали русскому правительству, что она и для себя и для своего народа извлечетъ одни только выгоды отъ сближенія съ Европой. „Отъ его царскаго величества зависитъ писалъ въ 1699 г. польскій уполномоченный Карловичъ — извлечь необъятныя выгоды, достигнуть всемірной славы, завести цвѣтущую торговлю съ Голландіей, Англіей, Испаніей, Португаліей, со всѣми сѣверными, западными и южными странами Европы, а что всего важнѣе, открыть черезъ Россію торговый путь между востокомъ и западомъ, съ исключительнымъ правомъ на всѣ выгоды. Этимъ средствомъ его царское величество войдетъ въ ближайшія связи съ первыми монархами христіанскими, приобрететъ значеніе и вѣсь въ общихъ дѣлахъ Европы, учредитъ грозный флотъ и, поставивъ Россію на степень третьей морской державы, принудитъ французскаго короля отказаться отъ мечты о всемірной монархіи, чѣмъ скорѣе, нежели покореніемъ турокъ и татаръ, прославится во всемъ свѣтѣ... Московитяне выучатся на чужой счетъ военному искусству, а потомъ, не нуждаясь болѣе въ иностранныхъ офицерахъ, съ наилучшимъ успѣ-

хоть поведуть войну съ турками и татарами. Прочія выгоды лучше всего взѣсить высокій умъ его царскаго величества“.

Такимъ образомъ, ко времени Петра даже Европа начала стараться, чтобы, такъ или иначе, извлечь выгоды изъ Россіи, такъ или иначе, сдѣлать ее своею. Послѣднее возможно было сдѣлать двумя путями: или отнять у Россіи нѣкоторыя важныя ея области, что, по всей вѣроятности, и случилось-бы при Карлѣ XII, или же, втянувъ Россію на путь реформы, ввести ее въ систему европейскихъ государствъ на пользу общеевропейской торговли и для поддержки международныхъ отношеній того или другого государства. Слѣдовательно, иностранная политика ставила для Россіи дилемму: или подвергнуться неудачнымъ войнамъ, подпасть подъ вліяніе Европы и медленно реформироваться подъ этимъ вліяніемъ, какъ это дѣлается теперь съ Турціей, или же реформироваться самостоятельно и превратиться въ сильное европейское государство. Къ подобной-же дилеммѣ приводилъ и весь ходъ внутреннихъ дѣлъ. Старая Русь разлагалась на множество враждебныхъ элементовъ, противъ которыхъ начинала уже дѣйствовать новая Россія, стремившаяся къ Европѣ. Петръ своимъ гениальнымъ умомъ понялъ сущность дѣлъ, сосредоточилъ въ своей великой личности всѣ отдѣльныя прогрессивныя стремленія народа, выяснилъ его малосознанныя потребности, и спасъ Россію и отъ политическаго униженія извнѣ и отъ насильственнаго переворота внутри. Переворотъ былъ неизбеженъ, но предоставленный самому себѣ онъ, по всей вѣроятности выразился-бы въ формахъ, близкихъ къ разиновщинѣ или пугачевщинѣ, повергъ-бы страну въ окончательный хаосъ и повелъ-бы за собой ожесточенную реакцію. Масса народа возстала-бы по одному только непосредственному чувству невыносимыхъ страданій, но не понимая необходимости европейской реформы, не стала-бы вовсе дѣйствовать во имя ея. Друзья-же реформы были еще слишкомъ слабы и малочисленны, чтобы овладѣть движеніемъ и могли ожидать отъ невѣжественной массы однихъ только преслѣдованій. Петръ спасъ Россію отъ этихъ неизбежныхъ бѣдствій. Онъ сталъ во главѣ прогрессивнаго движенія и произвелъ переворотъ самъ. Онъ разрѣшилъ великую задачу, заданную народною жизнью; обладая чрезвычайно сильнымъ умомъ и непреклонною волею; онъ черпалъ свою главную силу

въ томъ народномъ движеніи, которое породило его, на которое онъ опирался и мощнымъ двигателемъ котораго онъ сдѣлался. Добролюбовъ удачно сравниваетъ отношеніе великихъ людей къ породившему ихъ народу съ тѣмъ физическимъ процессомъ, при которомъ поднимающіяся съ земли испаренія постепенно сосредоточиваются въ болѣе концентрированную массу и затѣмъ даютъ громъ, молнію и животворный дождь. Петръ и былъ именно такою грозю и такимъ дождемъ. Его, поэтому, совершенно справедливо, можно считать и сыномъ народа и отцомъ отечества.

Понадобилось много лѣтъ, чтобы въ душной атмосферѣ московскаго царства даже великій петровскій умъ могъ выработать себѣ сознательную идею реформы. Любознательность Петра была ненасытна, но около себя онъ могъ найти только такихъ учителей-цивилизаторовъ, подобныхъ которымъ можно видѣть въ настоящее время въ ханствахъ Средней Азіи, гдѣ русскіе фельдфебели дѣлаются генераль-фельдцейхмейстерами, а бѣглый русскій писарь считается ученымъ мужемъ. Только путешествіе по Европѣ, всестороннее наблюденіе надъ европейскою цивилизаціей, знакомство съ государственными дѣятелями образованныхъ странъ и съ первостепенными учеными въ родѣ Лейбница помогли Петру составить ясную и широкую программу преобразованій. Петръ вовсе не былъ теоретикомъ, но это былъ величайшій практикъ своего времени, практикъ который вникалъ вовсе и на собственномъ опытѣ знакомился со всеми проявленіями народной жизни. Онъ собственными руками строилъ корабли и плотничалъ, писалъ для газетъ и держалъ корректуры, дергалъ зубы и руководилъ войною, зналъ, какъ солить огурцы и какъ лучше дѣлать юфть, какою косою удобнѣе косить сѣно и какъ крестятъ ребенка въ крестьянской семьѣ. Вся жизнь его была непрерывнымъ трудомъ, трудомъ упорнымъ и тяжкимъ, какъ трудъ того многострадальнаго народа, на пользу котораго онъ жилъ и который до сихъ поръ въ своихъ сказаніяхъ съ восторгомъ вспоминаетъ о немъ: „вотъ такъ царь былъ; работникъ былъ, — даромъ хлѣба не ѣлъ“!... Самъ Петръ съ благородною гордостью хвастался тѣмъ, что онъ „въ потѣ лица ѣлъ хлѣбъ свой“. Врагъ роскоши и расточительности, царь-работникъ жилъ, можно сказать, только одною своею работою. Проходя постепенно всѣ воинскія должности и получая за

нихъ жалованье по обыкновенному окладу, онъ вель самый простой образъ жизни, могъ довольствоваться *дворцомъ* въ три комнаты, носилъ кафтанъ изъ грубаго сукна, могъ питаться, чѣмъ питались его крестьяне, ѣздилъ по столицѣ съ однимъ только деньщикомъ въ простой одноколѣвъ объ одну лошадь. Онъ брался съ матросами, бывалъ тысяцкимъ на мѣщанскихъ свадьбахъ, крестилъ ребятъ въ крестьянскихъ избахъ, пѣлъ на церковномъ клиросѣ и женился на простой сиротѣ крестьянкѣ. Во всей этой простотѣ, такъ приближавшей Петра къ народу, не было и тѣни лицемерія, не было никакихъ расчетовъ, чтобы понравиться массѣ. Живой, неспорченной натурѣ Петра была противна могильная обстановка московскаго двора, противенъ всякій этикетъ не только московскій, но даже европейскій. Онъ разорвалъ эти путы, вырвался на свободу, началъ жить и веселиться съ народомъ, съ живыми людьми, а не съ маріонетками, двигающимися по церемоніалу; онъ не чувствовалъ вкуса въ скучной роскоши величія, а увлекался жизнью, наслаждался ею и изучалъ ее. И народъ любилъ своего, хотя и грознаго, но общедоступнаго царя. Прежніе государи были далеки отъ массы, которую отдѣляли отъ нихъ стѣны дворца, правила этикета и интриги бояръ. Голосъ народа не доходилъ до царя, и народъ, напр., при добродушномъ Алексѣѣ, нерѣдко возставалъ противъ бояръ, служившихъ стѣною между нимъ и верховною властью. Въ народѣ всегда чувствовалась потребность тѣснаго родственнаго общенія съ царемъ. Петръ удовлетворилъ этой потребности, перейдя изъ недоступнаго дворца въ самую среду народной массы. Всѣ, не зараженные фанатическою суевѣрною ненавистью къ реформѣ или своекорыстными расчетами партіи, еще болѣе, чѣмъ простотою Петра, должны были увлекаться его самоотверженною преданностью народному благу, которому онъ жертвовалъ всѣмъ. Когда на Прутѣ ему угрожалъ турецкій плѣнъ, онъ послалъ сенаторамъ свое безсмертное письмо. „Господа Сенатъ! Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ должнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ получению провіанта пресѣчены и что я, безъ особливой божіей помощи, ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится

сие послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя-бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, было требуемо, покажѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою *достойнѣйшаго* мнѣ въ наслѣдники“. Служа единственно народному благу, Петръ во имя послѣдняго отвергъ сына, когда увидѣлъ, что законный его наслѣдникъ можетъ только повредить реформѣ. „Я за отечество и за подданныхъ моихъ писалъ онъ сыну — жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный“. И дѣйствительно, Петръ не пожалѣлъ ничего, ни своей родственной любви, ни жизни сына. Въ 1721 г. онъ постановилъ, что государь имѣетъ право назначать себѣ наслѣдникомъ кого угодно изъ дѣтей своихъ и отрѣшать его отъ престола, въ случаѣ его неспособности, а царевичъ Алексѣй былъ приговоренъ къ смерти и умеръ въ казематѣ. Что Петръ „за отечество и за подданныхъ своихъ“ жизни не жалѣлъ, это мы видимъ на каждомъ шагѣ въ его жизни. Онъ не жалѣлъ себя и въ полтавской битвѣ, когда въ своемъ приказѣ говорилъ войскамъ: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила-бы только Россія во славу и благоденствіи“... Онъ не жалѣлъ себя даже въ маловажныхъ случаяхъ, когда его великое сердце заставляло его помогать страдающимъ несчастнымъ людямъ. Въ своихъ заграничныхъ поѣздкахъ онъ познакомился съ однимъ ксендзомъ и постоянно заѣзжалъ къ нему выпить рюмку водки и побесѣдовать. Въ одно изъ этихъ посѣщеній онъ нашелъ ксендза опасно больнымъ отъ какого-то злокачественнаго нарыва. Ксендзъ объяснилъ царю, что ему совѣтуютъ найти человѣка, который-бы согласился высосать ртомъ все содержимое нарыва, что это только и можетъ исцѣлить болѣзнь. Петръ тотчасъ становится на колѣни подлѣ кровати больного и, несмотря на сопротивленіе послѣдняго, высасываетъ нарывъ! И Петръ преждевременно погубилъ свою жизнь, помогая несчастнымъ. Увидѣвъ, на Финскомъ заливѣ, вблизи Лахты, боть съ солдатами во время зимней бури, онъ бросился въ воду и началъ помогать освобожденію бота съ мѣли и спасать тонувшихъ. Отъ простуды его застарѣлая болѣзнь разыгралась и свела его въ могилу. Петръ, ненавидѣвшій

этикетъ, роскошь и надутое чванство, ненавидѣль и раболѣпіе, то раболѣпіе, которое въ древней Руси считалось національною добродѣтелью. Вводя въ русскую жизнь посредствомъ своихъ ассамблей и новыхъ обычаевъ принципъ простоты и житейскаго равенства, запретивъ подданнымъ подписываться *Ваньками, Павлушками* и тому подобными унижительными именами съ прибавленіемъ *холопъ*, запретивъ кланяться царю въ землю и снимать шапки передъ дворцомъ, Петръ объяснялъ своимъ подданнымъ: „какое-же будетъ различіе между Богомъ и царемъ, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почестъ свойственна царю“. Искренность и правдолюбіе Петра извѣстны. Коль скоро онъ самъ убѣждался или его убѣждали другіе въ ошибкѣ, онъ гласно, въ указѣ, сознавался въ ней, исправлялъ ее и объяснялъ своимъ подданнымъ какъ вредъ ошибки, такъ и значеніе ея поправки. Увѣренный въ своемъ умѣ и въ своихъ великихъ способностяхъ, онъ разгорячался отъ противорѣчія, но честный и искренній человекъ всегда могъ говорить ему правду, обличать его поступки и заставлять его сознаваться въ ошибочности своихъ распоряженій. Онъ любилъ такихъ людей и увлекался англійскими порядками, допускавшими правдивый контроль народныхъ представителей надъ королемъ. Сидя въ англійскомъ парламентѣ, Петръ говорилъ: „какъ пріятно слышать, что англичане говорятъ королю правду въ глаза. Вотъ чему надо научиться у нихъ моимъ подданнымъ!“... Петра укоряютъ за то, что онъ преслѣдовалъ консервативную оппозицію дома, старался противодѣйствовать писателямъ, порицавшимъ его въ европейской прессѣ и напротивъ покровительствовалъ людямъ, сочинявшимъ ему панегирики. Но его личность была такъ тѣсно соединена съ реформою, что нападая на одну, нельзя было не задѣвать и другой, а для самаго Петра невозможно было защищать реформу, не защищая своей личности. Противъ него говорили и писали въ Россіи одни только раскольники, попы, монахи, кликуши, юродивые, старомодные бояре, словомъ, враги реформъ, и Петръ преслѣдовалъ ихъ. За-границей противъ него писали политическіе враги Россіи или лично обиженные иностранцы, и онъ пускалъ противъ нихъ литературныхъ защитниковъ, которые доказывали невѣрность слуховъ и извѣстій, мо-

гущихъ помѣшать сближенію Европы съ Россіей и переселенію въ нее образованныхъ иностранцевъ. Когда-же отъ враждебныхъ выходовъ противъ себя и пасквилей Петръ не видѣлъ никакой политической опасности, то онъ относился къ нимъ равнодушно. Однажды Стефанъ Яворскій въ придворной церкви началъ публично обличать Петра въ проповѣди, называя его „разорителемъ закона божія“, „законопреступнымъ человѣкомъ“, „прелюбодѣмъ, бросившимъ законную жену и взявшимъ чужую“, „нарушителемъ благочестія, ностовъ и иконопочитанія, послушникомъ церкви, язычникомъ и мытаремъ“. Придворные запретили Стефану проповѣдывать, но Петръ отиѣнилъ это запрещеніе и только замѣтилъ, что Стефанъ поступилъ не по церковному уставу, который повѣлываетъ обличать сначала наединѣ, а потомъ уже, въ случаѣ несправленія, при свидѣтеляхъ. Никто также не можетъ укорять Петра въ поблажѣ и пристрастіи къ своимъ любимцамъ, между которыми не было почти ни одного честнаго человѣка. Однажды Петръ, будучи въ сенатѣ, предложилъ проектъ закона, чтобы казнить смертью каждаго вора и взяточника, который укралъ или взялъ на сумму, въ какую обходится веревка, необходимая для новѣшенія. Ягужинскій совершенно справедливо возразилъ царю, что въ такомъ случаѣ придется перевѣшать всѣхъ, начиная съ него, Ягужинскаго. Петръ сильно страдалъ отъ недостатка честныхъ дѣятелей—такъ было развращено тогда русское общество—и не менѣе затруднился отъ недостатка умныхъ сотрудниковъ. Подобно его первымъ учителямъ и генераламъ, Тиммерману, Гордону и другимъ, *команія* Петра, по выраженію его историка, состояла изъ „пестрой толпы людей не замѣчательныхъ ни талантами, ни образованіемъ, даже преданности не всегда безукоризненной, и можно ручаться, что всѣ они, за исключеніемъ двухъ-трехъ, при всякихъ другихъ обстоятельствахъ остались-бы незамѣтными для потомства“ (Устряловъ, II, 129). Петръ ревностно отыскивалъ умныхъ сотрудниковъ и находилъ немногихъ весьма талантливыхъ, но рѣшительно безчестныхъ людей, въ родѣ незамѣнимаго для него Меньшикова. Онъ держалъ ихъ за умъ, ограничивалъ ихъ склонность въ злоупотребленіямъ, но былъ не въ силахъ ни искоренить послѣднихъ, ни уничтожить злоупотребителей, потому что замѣнить ихъ было негдѣмъ. Но

при этомъ онъ не щадилъ своихъ даровитыхъ помощниковъ и всегда называлъ ихъ безчестными. „Меньшиковъ, говорилъ онъ, — въ беззаконіяхъ зачатъ, во грѣхахъ рожденъ, въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы“. Въ веселой компаніи Петръ нерѣдко стаскивалъ парнезъ съ другого необходимаго человѣка, Толстаго, и, колотя его по плѣши, приговаривалъ: „голова, голова, кабы не такъ умна ты была, давно-бъ я отрубилъ тебя велѣлъ!“

Я пишу не похвальное слово, а намѣренъ только выставить выдающіяся нравственныя свойства этого реформатора, о которомъ одна его современница довольно справедливо замѣтила, что это былъ „и очень хорошей и очень дурной человѣкъ“. Петръ былъ сыномъ своего народа, своего времени, и, получивъ отъ нихъ въ самой усиленной степени всѣ ихъ достоинства и лучшія стремленія, вмѣстѣ съ тѣмъ заразился отъ нихъ многими ихъ пороками и недостатками, которые неизбежно должны были привиться къ такой впечатлительной, жизненной натурѣ. Петръ, какъ извѣстно, при своей неустанной дѣятельности находилъ достаточно времени для самаго необузданнаго разгула, причемъ онъ такъ-же не зналъ мѣры, такъ-же отъ пустяковъ выходилъ изъ себя и бѣсновался, какъ это дѣлаетъ каждая сильная русская натура. Его собутыльникамъ приходилось иногда трепетать за свою жизнь, хотя Петръ все-таки былъ водворителемъ порядка въ этой компаніи, „успокоивъ ее словесно и ручно“, какъ самъ онъ выражался. Унаслѣдовавъ отъ старинной Россіи не только шутовъ, но и обычай шутовскихъ свадебъ, Петръ хотя и пользовался ими главнымъ образомъ, какъ средствомъ, замѣнявшимъ собою политическую сатиру, но при этомъ невозможно отвергать, что надсмѣхательство надъ человѣческой личностью доставляло ему нерѣдко большое удовольствіе. Въ его ассамблеяхъ и наипьянѣйшемъ соборѣ людей поили такъ, что нѣкоторые умирали, а беременныя женщины выкидывали. Ради шутки онъ посадилъ зимою одного боярина на ледъ голыми частями, отчего тотъ заболѣлъ и умеръ. Случалось, что за торжественнымъ обѣдомъ Петръ начиналъ потѣшаться надъ какимъ-нибудь старомоднымъ вельможей, набивая ему невиданнымъ имъ салатомъ ротъ до того, что тотъ чуть не задыхался и давился, глотая противную для него траву. Одно время съ своей компаніей Петръ забавлялся

въ домѣ одного боярина тѣмъ, что съ веселыми компаньонами разсѣкалъ пополамъ лубки ударами кнута. Если, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь посторонній, намѣренно или ненамѣренно, входилъ во дворъ, то вся компанія бросалась на него и начинала грызть, какъ собаки, одинъ разрывалъ зубами платье, другой прокусывалъ тѣло, третій выкусывалъ кусокъ мяса или вырывалъ клокъ волосъ („Русская Старина“)... Вкусъ къ подобнымъ варварскимъ наслажденіямъ былъ привитъ къ Петру древнерусскому жизнью, въ которой всѣхъ иностранцевъ болѣе всего поражала именно страсть къ этимъ удовольствіямъ, къ надсмѣхательству надъ слабою личностью, къ забавѣ надъ сумасшедшими и т. д. Къ тому-же всѣ эти „шалости“ Петръ производилъ подѣ влияніемъ „Ивашки Хмѣльницкаго“, какъ онъ выражался. Но и въ нормальномъ состояніи онъ былъ подверженъ чрезвычайно сильнымъ нервнымъ припадкамъ. Двадцатидвухъ лѣтъ у него уже тряслась голова и дѣлались сильныя конвульсіи въ фізіономіи. „Иногда, рассказываетъ Бассевичъ,— бывали у него припадки меланхоліи, когда имъ овладѣвала мрачная мысль, что хотятъ посягнуть на его жизнь. Самые приближенные къ нему люди принуждены были тогда трепетать его“, и только „милая Катинька“ могла успокоить его въ такія минуты. Признавая за Петромъ всѣ его подобныя пороки и недостатки, мы не должны однакожъ обвинять его въ жестокости правительственныхъ мѣръ его. Мало того, что эта жестокость казней и безчеловѣчность преслѣдованій были совершенно въ духѣ вѣка и народа и не считались дѣломъ нехорошимъ,— Петръ, казнившій тысячи людей, собственными руками рубившій головы, равнодушно распоряжавшійся казнями, повелѣвавшій иногда истреблять безъ остатку всѣ жилища и поселенія бунтовщиковъ, Петръ былъ все-таки менѣе жестокъ, чѣмъ нѣкоторые изъ его сотрудниковъ. „Звѣрь! писалъ онъ однажды кн. Ромадановскому, — долго-ль тебѣ людей жечь? Перестань знаться съ Ивашкой Хмѣльницкимъ. Быть изъ за него рождъ драмой!..“ Терроръ былъ неизбѣженъ при переворотѣ; это понимали и всѣ разсудительные современники Петра, въ родѣ Посошкова, утверждавшаго, что „въ народѣ злую застарѣлость зломъ нужно и истреблять“. Враги реформы были многочисленны и въ случаѣ своего успѣха водворили-бы еще не такой терроръ.

Даже слабодушный царевич Алексѣй похвалялся, что всѣ близкіе къ Петру люди будутъ сидѣть на колыяхъ. Замыслы Софьи, стрѣлецкіе бунты, безпрестанные заговоры и возмущенія въ провинціяхъ, фанатическая агитація монаховъ и раскольниковъ, покушенія на жизнь Петра — все это неизбѣжно вело за собою терроръ во имя реформы. Великій преобразователь съ своей партией быстро и неуклонно шелъ къ своей цѣли, сокрушая все, что загоразживало ему дорогу. Шведскій король и фанатикъ-монахъ, мятежный стрѣлецъ и патриархъ, разоравшій народъ губернаторъ и возмущавшій его расколоучитель, сестра, первая жена, сынъ — всѣ падали подъ его ударами. Это были достойныя всякаго сожалѣнія, но неизбѣжныя очистительныя жертвы за вѣковыя ошибки и грѣхи Россіи. И до Петра и послѣ него бывало по временамъ столько-же человѣческихъ жертвъ, казней, мученій, пытокъ, но все это творилось во имя суевѣрнаго фанатизма, во имя своекорыстныхъ расчетовъ партій или отдѣльных лицъ, а чаще всего ради того, чтобы остановить прогрессивное движеніе, исполнителемъ котораго былъ Петръ и которое онъ завѣщалъ Россіи. Ради своей идеи Петръ не жалѣлъ и себя, какъ онъ не жалѣлъ другихъ, онъ жертвовалъ ей другими и жертвовалъ собой. При своей честности, искренности и самой пламенной любви къ Россіи онъ обладалъ несокрушимой энергіей и шелъ впередъ, никогда не думая о томъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, что пора остановиться или „поставить реформамъ точку“, какъ это совѣтуетъ сдѣлать одинъ современный нашъ публицистъ. Петръ не зналъ реакціи; онъ былъ слишкомъ уменъ, искрененъ и честенъ для того, чтобы подчиниться запугиваньямъ и интригамъ ретроградовъ и во имя возбужденныхъ ими своекорыстныхъ расчетовъ остановиться на полдорогѣ или повернуть назадъ. У него было одно желаніе — „жила-бы Россія во славу и благоденствіи“, а для такихъ людей реакція невозможна. Окруженный враждебною и невѣжественною массою, имѣя дѣло съ нищимъ народомъ, который долженъ былъ употреблять на реформу свои послѣдніе гроши, не находя необходимаго числа талантливыхъ и честныхъ помощниковъ, этотъ неустанный труженикъ нерѣдко подвергался мучительнымъ сомнѣніямъ и начиналъ отчаяваться въ успѣхъ своего дѣла. Но въ эти ужасныя минуты сомнѣнія Петръ насильно давалъ совершен-

но другое направлѣніе своимъ мыслямъ,—устраивалъ шутовскую свадьбу, женилъ своего каррикатурнаго патріарха, писалъ уставъ для своего всепьянѣйшаго собора, прибѣгалъ къ Ивашкѣ Хмѣльницкому, и мрачныя думы проходили, и онъ съ прежнею энергіей принимался за работу. Неустанный труженикъ, съ рукъ котораго не сходили мозоли, онъ требовалъ отъ всѣхъ работы и ненавидѣлъ медленность „московскаго тотчасъ“. „Губернаторы наши зѣло раку послѣдуютъ“, писалъ онъ однажды, угрожая на будущее время „уже не словами, а руками со оными поступать“. Выговаривая одному своему дипломату за неполноту сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, Петръ пишетъ ему: „чего ты не допишешь на бумагѣ, то я допишу тебѣ на спинѣ“. Предписывая оберъ-президенту главнаго магистрата поспѣшить устройствомъ цеховъ и магистрата въ Петербургѣ, Петръ оканчиваетъ свое письмо угрозою: „а ежели сихъ двухъ дѣлъ не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты и товарищъ твой будете посланы въ работу каторжную“. При своей идеальной честности и безусловномъ безкорыстіи Петръ со всѣмъ пыломъ своей страстной натурн боролся съ казнокрадами, взяточниками, разорителями народа. Въ своихъ указахъ онъ вполнѣ откровенно объяснялъ народу всю гибельность угнетавшихъ его административныхъ и судебныхъ золь, и былъ неумолимымъ, смертоноснымъ критикомъ послѣднихъ. Онъ истощалъ весь запасъ своихъ средствъ, чтобы искоренить неправду. Онъ вѣшалъ губернаторовъ, казнилъ фискаловъ, подвергалъ кнуту и вырыванію поздрей вельможъ, учреждалъ фискальный надзоръ за администраціей, колотилъ своею дубинкою, поощрялъ доносы на злоупотребленія, но всѣ эти средства были недостаточны для искорененія вѣкового зла. До Петра всѣ реформы и улучшенія дѣлались потихоньку да помаленьку, наполовину и постепенно; давалась одна полуреформа, потомъ другая; онѣ не связывались другъ съ другомъ общою радикальною реформой и поэтому, не достигали своей цѣли. Петръ-же былъ радикаломъ своего времени; онъ видѣлъ необходимость кореннаго, всеобщаго преобразованія и старался двигать всѣ отрасли народной жизни своею желѣзною диктатурой. Система регламентации, господствовавшая тогда въ Европѣ, была доведена имъ до крайности. Онъ срывалъ съ подданныхъ старомодное платье, запрещалъ торговать имъ, обрѣзывалъ боро-

ды, заставлялъ ихъ заводить европейскія ассамблеи, училъ, „какъ комплименты разговаривати“, предписывалъ „не раздѣвса и не разувса, съ ногами на постели неложиться“, запрещалъ употреблять на одежду извѣстныхъ дорогія матеріи, подъ страхомъ каторги и другихъ жестокихъ наказаній за отступленіе отъ изданныхъ правилъ, постановлялъ, какъ улучшенными способами слѣдуетъ строить дома, какъ дѣлать юфть, теать холстъ, и т. д., и т. д. Это была идея всеобщей реформы посредствомъ диктаторской власти. Петръ самъ сознавалъ, что эта идея не можетъ быть выполнена цѣликомъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, но совершенно справедливо замѣчалъ, что „нашъ народъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ матери не приневолены бывають, которыя сперва досадно кажутся, но когда выучатся, потомъ благодарять, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, а уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“.

Петровский терроръ былъ ужасенъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишенъ, можетъ быть, даже вреденъ; всеобщая регламентація мало достигала цѣли и ложилась тяжелымъ бременемъ на народъ; но все это было формальными недостатками и ошибками того времени, которыя нисколько не роняють достоинства коренной идеи, служившей для нихъ основаніемъ. Борьба и терроръ были неизбѣжны, а диктатура положительно необходима. Петръ восхищался англійскими порядками и никто, вѣроятно, не будетъ отрицать, что у него достало-бы духу стать въ положеніе англійскаго короля относительно своего народа, если-бы онъ считалъ это полезнымъ для реформы. Но большинство было противъ реформы и навѣрное воспользовалось-бы самоуправленіемъ и представительствомъ для того лишь, чтобы погубить ее, повернуть назадъ и затѣмъ возстановить прежнюю московскую систему. Неограниченная власть была необходима для реформы, но Петръ пользовался ею вовсе не въ интересахъ власти, а во имя народнаго блага и ради воспитанія народа для самодѣятельной жизни. Онъ называлъ себя приставникомъ и учителемъ, который обязанъ былъ развить и воспитать своего милліонногодоваго тысячелѣтняго ребенка. Всѣ деспотическія мѣры Петра были не капризами или распоряженіями восточнаго деспота, а временными мѣрами

диктатора, которыя вызывались условіями времени и предпринимались во имя народнаго блага. Деспотизмъ и централизація въ духѣ Людовика XV были не во вкусъ Петра, который предпочиталъ Франціи Англію, Голландію, Швецію. Петръ не далъ, да и не могъ дать окончательной обработки государственнымъ порядкамъ Россіи, но онъ завѣщалъ ей либеральныя государственныя принципы. Петръ хотѣлъ, чтобы Россія была вполне цивилизованною европейскою страной, чтобы она шла на ряду съ Европой. Цѣлью внутренней политики онъ прямо ставилъ благо народа. Онъ хлопоталъ, чтобы развить въ народѣ законное чувство и ограничить произволъ законами. „Ничто такъ управленію государства нужно имѣть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всеу законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія минны чинить подъ фортецію правды“. Высказывая постоянно свое рѣшительное отвращеніе отъ принциповъ и порядковъ византійской имперіи, Петръ въ принципѣ былъ противъ всякаго произвола; онъ самъ *служилъ* отечеству, онъ требовалъ, чтобы всякая власть *служила* тому-же отечеству и повиновалась закону. Для поддержанія закона былъ учрежденъ сенатъ, который не только во время отлучекъ царя пользовался верховною властью, но всегда былъ верховнымъ административнымъ, законодательнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Сенату обязаны были повиноваться, какъ царю; указы его были равносильны царскимъ; и Петръ постоянно требовалъ отъ него, чтобы онъ былъ дѣйствительно „правительствующимъ“, самостоятельнымъ учрежденіемъ, которое-бы управляло самостоятельно, не дожидаясь указовъ царя. „Дѣлайте-же по своимъ соображеніямъ; какъ я могу указывать вамъ во всемъ“, отвѣчалъ бывало Петръ просящимъ указовъ. Конечно, такое учрежденіе, какъ петровскій сенатъ, для настоящаго времени было-бы уже устарѣлымъ и неподходящимъ; но оно какъ нельзя болѣе подходило къ условіямъ петровской эпохи, а тотъ общій государственный принципъ, который Петръ выражалъ въ этой, лучшей по своему времени, формѣ, никогда не перестанетъ быть принципомъ прогрессивнымъ и благодѣтельнымъ... Старые указы Петръ замѣнилъ Kollegіями, подчиненными сенату, въ которыхъ дѣла рѣшались не единолично ю

властью, а большинствомъ голосовъ. Въ чины, которые тогда соотвѣтствовали должностямъ, Петръ дозволилъ производить только до коллежскаго совѣтника, а выше не иначе, какъ баллотировкою въ сенатъ. Въ арміи въ оберъ-офицерскіе чины выбирали всѣ офицеры полка, а въ штабъ-офицерскіе баллотировали всѣ генералы и штабъ-офицеры дивизіи. Учреждая всюду надзоръ фискаловъ, Петръ прибѣгалъ къ этому, какъ къ единственно-возможному для него средству для обличенія и преслѣдованія злоупотребленій. Фискаль, по понятію Петра, вовсе не былъ полицейскимъ сыщикомъ, а напротивъ, честнымъ, пользующимся общимъ уваженіемъ согражданъ, „добрымъ“ человекомъ, выбраннымъ изъ мѣстныхъ жителей какого-бы то ни было чина, т. е. сословія, для наблюденія за правосудіемъ. Петръ желалъ также, чтобы все общество зорко слѣдило за дѣйствіями судовъ и администраціи и вызывалъ всѣхъ честныхъ людей обличать передъ высшею властью правительственныя злоупотребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, поставивъ въ обязанность сенату печатать и обнародовать правительственныя распоряженія и указы, онъ положилъ основаніе гласности правительственныхъ дѣйствій и знакомству народа съ внутренней политикой. Его-же собственные указы и регламенты были не только указами, но въ то-же время и публичестическими сочиненіями, въ которыхъ онъ пропагандировалъ свои государственныя идеи, разъяснялъ смыслъ и цѣль законовъ, возбуждалъ гражданскую мысль народа. Конечно, всѣ эти мѣры Петра, которыя онъ предпринималъ для воспитанія русскаго общества къ самодѣятельности не достигали цѣли; сенатъ и при немъ плохо исполнялъ свое назначеніе, а послѣ него совершенно палъ; фискалы превратились въ сикофантовъ и ложныхъ доносчиковъ и т. д. Но, при всемъ этомъ, Петръ все-таки далъ государственнымъ порядкамъ Россіи лучшую, по своему времени и по условіямъ жизни, форму, а его идеи и стремленія, вылившіяся въ эту форму, опять способны возбуждать въ насъ только одно горячее сочувствіе и должны быть однимъ параграфомъ того завѣщанія, какимъ служить для Россіи вся жизнь преобразователя. Петръ не могъ сдѣлать многого, что хотѣлъ сдѣлать и что завѣщалъ сдѣлать послѣдующимъ поколѣніямъ. Идея общественной инициативы и самоуправления еще болѣе, чѣмъ въ общихъ государственныхъ учрежденіяхъ, высказывается въ пе-

тровскихъ указахъ объ управленіи провинціями. Раздѣливъ государство на губерніи, онъ въ 1713 г. поставилъ во главѣ каждой коллегіи изъ 12 — 8 ландратовъ, избираемыхъ всѣми дворянами. Ландраты рѣшали всѣ дѣла по большинству голосовъ, а губернаторъ, имѣвшій два голоса и немогшій ничего дѣлать безъ ландратовъ, былъ у нихъ „не яко властитель, но яко президентъ“. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Петръ былъ принужденъ отмѣнить эту попытку провинціального самоуправления, хотя идея послѣдней, независимо отъ условій, временно препятствовавшихъ ей, была всегда любимой идеей Петра. Еще ревностнѣе старался Петръ пробудить и приучить къ самостоятельной жизни купечество и, вообще, городское сословіе. Онъ далъ городамъ самоуправленіе на самыхъ широкихъ, хотя и сословныхъ началахъ, на которыхъ было основано и провинціальное самоуправленіе. Еще въ 1699 ради избавленія „посадскихъ, купецкихъ, промышленныхъ и увѣздныхъ людей отъ воеводскихъ и приказныхъ обидъ, налоговъ и разоренья“, имъ было повелѣно управляться самимъ посредствомъ „выборныхъ людей въ земскихъ избахъ“. Впослѣдствіи Петръ далъ городскому сословію полнѣйшую самостоятельность и независимость отъ коронной администраціи. Все управленіе городовъ отдавалось въ руки магистратовъ, состоявшихъ изъ выборныхъ членовъ и завѣдывавшихъ финансами, общественнымъ благоустройствомъ, полиціей, тяжбыными и уголовными дѣлами и т. д. Магистратъ былъ единственною „главою и начальствомъ гражданина“, и послѣдній не подлежалъ власти „ни гражданскаго, ни военнаго начальника“. Всѣ магистраты были подчинены центральному или главному магистрату въ Петербургѣ, который, подчиняясь непосредственно сенату, долженъ былъ „вѣдать всѣхъ людей купецкихъ судовъ и сію всего російскаго купечества разсыпанную хранину паки собрать“. Главный магистратъ покровительствовалъ торговлѣ и промышленности, утверждалъ смертныя приговоры, произнесенныя городскими магистратами, разсматривалъ апелляціонныя жалобы на послѣднихъ. Послѣ Петра всѣ эти принципы самоуправления, вмѣсто того, чтобы развиваться, какъ того хотѣлъ преобразователь, были рѣшительно подавлены. Сенатъ потерялъ свое значеніе; баллотировка въ военныя и гражданскія должности была отмѣнена; городское самоуправленіе превращено въ пустую фор-

мальность, тягостную даже для самих обывателей; а губернаторъ, бывший по идеѣ Петра только „президентомъ“ выборной коллегіи, формально утвержденъ Екатериною II въ должности „хозяина губерніи“...

Всѣ внутреннія государственныя реформы Петра должны были парализоваться между прочимъ и главною язвою, „священною основою“ тогдашняго государства, крѣпостнымъ правомъ. Народъ рвался на свободу, онъ просилъ воли и лучшіе друзья его, въ родѣ Посошкова, указывали на необходимость освобожденія. Но Петръ не уничтожилъ крѣпостного права, онъ, напротивъ, воспользовался имъ для своихъ цѣлей. Весь народъ безъ исключенія долженъ былъ работать. Привлекши на эту всенародную страду прежде всего дворянство, Петръ закрѣпостилъ его государству, заставилъ цѣлую жизнь служить и работать наряду со всѣми другими людьми, а въ награду за это, въ силу утвердившихся вѣками порядковъ, предоставилъ ему владѣть крестьянами и землею. Поднимая промышленность, Петръ началъ поддерживать ее тѣмъ-же крѣпостнымъ трудомъ и приписывать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Преслѣдуя идею, что всѣ должны работать реформѣ, онъ уничтожилъ многочисленный классъ вольныхъ гулящихъ людей,—всѣ они должны были идти или въ военную службу или къ помѣщикамъ. Крѣпостное право было для Петра неизбѣжнымъ зломъ, изъ котораго онъ старался извлекать пользу и которое въ то-же время обуздывалъ. Онъ хлопоталъ о прекращеніи продажи крѣпостныхъ людей, преслѣдовалъ помѣщиковъ, разорывшихъ своихъ крестьянъ или жестокихъ къ послѣднимъ, крестьяне были избавлены отъ помѣщичьяго суда, могли освобождаться отъ рабства, поступая въ военную службу, могли вести самостоятельную торговлю, вступать въ подряды съ казною. Уничтоженіе крѣпостного права, о которомъ тогда не думали еще ни во Франціи, ни въ Германіи повергло-бы бѣдную страну еще въ большее финансовое разстройство на нѣкоторое время и создало-бы новую сильную оппозицію реформѣ въ сословіи помѣщиковъ. Петръ, будучи въ душѣ врагомъ крѣпостничества, передалъ уничтоженіе его послѣдующимъ поколѣніямъ, которыя не переставали развивать и поддерживать его почти впродолженіи полутора вѣковъ.

Крѣпостное право удерживалось Петромъ ради настоятельныхъ

финансовых потребностей. Реформа требовала столько денег, что бѣдная Россія была рѣшительно не въ состояніи дать ихъ. Въ нѣсколько лѣтъ государственные доходы были увеличены съ 3 до 10 милліоновъ. Все было обложено и переобложено налогами, начиная съ души человѣческой и кончая громомъ, въ который ложилось убитое нуждою и трудами человѣческое тѣло. Но денегъ не хватало на вольнонаемный трудъ, и вотъ милліоны русскаго народа принуждены были отбывать такіа государственныя повинности, которыя въ сотни разъ превосходили своею стоимостью всю сумму денежныхъ сборовъ. Народъ пополнялъ собою огромную армію, создавалъ цѣлые флоты, осушалъ непроходимыя болота и воздвигалъ среди нихъ обширныя города, вырубалъ и перевозилъ въ моря цѣлыя лѣса, прокладывалъ громадныя каналы и, добывая руду, рылъ горныя хребты. Отъ трудовъ, болѣзней, голода, злоупотребленій, войнъ и домашнихъ преслѣдованій народъ погибалъ сотнями тысячъ, стоналъ, и его помутившемуся уму представлялся грозный антихристъ. Народу было чрезвычайно тяжело, но тяжело было всѣмъ, кого только сильно задѣвалъ Петръ... Петръ былъ врагомъ сословныхъ привилегій и принципъ равенства мотивировалъ всѣ его мѣры относительно податей и повинностей. Оплачивать реформу и всѣ нужды государства обязаны были всѣ, хотя эта всенародная повинность регулировалась не столько органическими, опредѣленными постановленіями, сколько временными диктаторскими мѣрами преобразованія. Брали со всѣхъ, съ кого и сколько можно было взять. Нѣтъ денегъ на корабли, и Петръ прикизываетъ, чтобы владѣльцы и вотчинники духовныя съ 8,000, а свѣтскіе — съ 10,000 крестьянскихъ дворовъ выстроили по кораблю черезъ шестнадцать мѣсяцевъ, а купечество — 12 бомбардирскихъ судовъ. Ослушникамъ — конфискація, каторга, лишеніе живота. По случаю голода 1723 г. велѣно описать у всѣхъ хлѣбъ и, сдѣлавъ смѣту, сколько нужно каждому собственнику его для себя и для крестьянъ хлѣба на годъ или на полтора, остальное раздавать неимущимъ крестьянамъ въ долгъ до новаго хлѣба. Натуральныя повинности также падали на всѣхъ. Дворяне были обязаны пожизненною военною службою и только за заслуги получали чинъ. Уклоняющіеся отъ службы дворяне были даже объявлены внѣ закона: „ежели кто таковыхъ

огрaблѣть, ранлть и что у нлхъ отнлметъ, а ежелл и до смертл убелть, о таковлхъ челоблтъя не прлнлматъ, а двлжлмoe и не-двлжлмoe нмѣнлe отплслыватъ на государя безповоротнo“. Своем табелю о рангахъ Петръ нанелъ рѣшлтелънлй ударъ родовою слѣ-слл. Табелъ о рангахъ ставлла выше всего прлнцлпъ лчнлоу за-слугл государству и, не создавалъ нлкакoгo новаго сословля, прл-влелая на службу лцѣ какъ изъ высшлхъ, такъ и изъ нлзшлхъ сословлй, оцѣнлвала нхъ едлнственно по заслугамъ. Всегда и во всемъ вѣрнлй своему прлнцлпу, Петръ немлзбѣжно должелъ былъ прлвлелъ къ участлю въ общлхъ тягостяхъ и многлчисленное ду-ховенство. Священнлческлхъ, дѣяконсклхъ и дѣяческлхъ дѣтoй заблралл илл въ школы илл въ военную службу; священнлковъ, немлѣвшлхъ прлхода и опрелѣленлхъ занлтлй велѣно прелѣ-доватъ и за праздношатателство наказыватъ „даже до каторгл“. Рабочля слллы, укрьывавшлся въ стѣнахъ многлчисленнлхъ мона-стырей, прлвлелалл на себя особенное вниманле Петра, взгляды ко-тораго на монашество выражены въ одномъ изъ его указoвъ. Упо-мланувъ, что первые монахл жллл въ пустыняхъ радл подвиговъ благочестля и плталлсь трудами рукъ своихъ, Петръ продо-жастъ: „Когда-же грелческле императоры ханжлть началл, а паче нхъ женл, тогда нѣкторые плуты къ онлмъ подошлл и мона-стырл уже въ самлхъ городахъ стролть испросллл и денежною помощл требовалл; еше-же лорше, яе не трудлтся, но трудами друглхъ туне плтатлсь восхотѣлл, къ чему императоры весьма склонны явллсь и веллкую часть поглбелл самлмъ себѣ и на-роду стяжалл... Сля гангрена и у насъ зѣло было распростра-нлтъя начала подѣ защлщенлею едлновластнлковъ церковнлхъ, но еше Господъ Богъ прелжнлхъ владѣтелей (руссклхъ) такъ бла-годатл своей не ллшллъ, какъ грелческлхъ... Могутъ-лл у насъ монахл нмл свое дѣломъ исполнлть? но сего весьма клмлатъ сѣ-вернлны нашел страны не допускатъ и безъ трудовъ своихъ илл чужлхъ весьма проплтатлсь не могутъ... Нылнѣшнее жлтле мона-ховъ точлю влдѣ естъ и поносѣ отъ нновѣрцевъ, понеже больша часть тунелдцы суть и понеже корень всему злу праздноствл... Прллежатъ-лл разумѣнлю божественнаго плсанля и ученля? вслече-скл нѣтъ. А что говорлтъ молятса, то и всѣ молятса... Что-же прлбылъ обществу отъ сего? нл Богу, нл людлмъ, понеже боль-шала часть бѣгутъ (въ монастырл), дабы даромъ хлѣбъ ѣстъ“.

Запретивъ основаніе новыхъ монастырей, стѣснивъ возможность поступленія въ монашество, велѣвъ на свободныя монашескія ваканціи опредѣлять для пропитанія отставныхъ инвалидовъ, подчинивъ монастырскую жизнь чрезвычайно строгимъ уставамъ, превративъ женскіе монастыри въ богоугодныя заведенія, Петръ замышлялъ и полную секуляризацію монастырскихъ имуществъ, и хотя не успѣлъ отобрать всѣхъ ихъ, но не стѣсняясь бралъ изъ монастырей большія суммы. Съ одной только троицкой лавры было взято 229,000 р., 2,000 червонцевъ, 1,000 ефимковъ да отписано 4,412 крестьянскихъ дворовъ.

Монастыри были главными средоточіями реакціонныхъ происковъ, вредившихъ реформѣ; отсюда выходили проповѣдники, предсказатели и пасквили, вооружавшіеся противъ преобразованій и преобразователя. Поэтому Петръ запретилъ монахамъ держать въ своихъ кельяхъ чернила и перья. Но дѣлу реформы вредили не одни монахи. Все вообще духовенство не сочувствовало преобразованіямъ, возмущаясь европейскими обычаями, вѣротерпимостью, бритьемъ бородъ, нѣмецкимъ платьемъ, дозволеніемъ табаку и т. д. Чтобы ограничить эту оппозицію и привести духовенство въ болѣе нормальное отношеніе къ обществу, Петръ уничтожилъ патріаршество и для управленія церковью завелъ синодальную коллегію. И въ духовномъ регламентѣ, и во множествѣ своихъ указовъ Петръ не переставалъ хлопотать о просвѣщеніи духовенства и исправленіи его нравовъ. Онъ велѣлъ заводить во всѣхъ епархіяхъ духовныя школы, преслѣдовалъ подложныя чудеса и мощи, закрывалъ лишнія церкви, запечатывалъ часовни, входилъ съ духовными въ богословскія препирательства и не переставалъ обличать ихъ недостатки. Напр., „для укрощенія весьма жестокой епископовъ славы“ регламентъ запрещалъ водить ихъ подъ руки, пока здоровы, и кланяться имъ въ землю. Онъ велѣлъ составлять для народа руководства, въ которыхъ-бы излагалась сущность христіанской вѣры и указывалось-бы на ту постороннюю примѣсь, которая произошла отъ суевѣрія, и на тѣ обряды и обычаи, которые не относятся къ сущности христіанства. Петръ иногда даже самъ писалъ по поводу религіозныхъ вопросовъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя выдержки изъ составленнаго имъ толкованія на заповѣди. „Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ только нахожу грѣхъ лицемерія или хан-

жества, необрѣтающійся (въ нихъ) — чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей-же грѣхъ всѣ вышписанныя въ себѣ содержитъ. Противъ первой грѣхъ есть атеизмъ (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленныя; а когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ они, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая-же вѣра въ оныхъ? а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ второй: страха Божія неимущіе, понеже когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій въ нихъ обрѣстися можетъ? ...На седьмую: какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, а особливо бодраго и хорошаго, а ханжу, еще и подѣ руку принявъ, отведетъ для благословенія и пророчества и, провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ. На восьмую: не тою одною рукою, но духомъ и обѣими все крадутъ. На девятую: въ семь ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано. На десятую: сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ-бы имъ питаться, какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя“ и т. д. Обличая и реформируя консервативное духовенство, Петръ тѣмъ самымъ еще болѣе возбуждалъ его нерасположеніе, выразившееся не только въ агитаціи народа, но и въ заговорахъ. По поводу дѣла царевича Алексѣя царь говорилъ Толстому: „ой, бородачи! многому злу корень старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Толстой отвѣчалъ: „старцамъ пора обрѣзать крылья и ноубавить пуха“. „Не будутъ летать скоро, скоро“, замѣтилъ на это Петръ. Подѣ „бородачами“ Петръ разумѣлъ не однихъ раскольниковъ, но и реакціонное духовенство. Онъ хотѣлъ окончательно устранить вліяніе клерикаловъ на дѣла государства и, дѣйствительно, утвердилъ безусловное верховенство свѣтской власти. Онъ хотѣлъ, чтобы духовные не только не противодѣйствовали, а напротивъ содѣйствовали реформѣ, какъ содѣйствовалъ ей Феофанъ Прокоповичъ. Только подѣ этимъ условіемъ онъ и допуская вліяніе духовенства на школу... Что-же ка-

сается отношенія къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, то Петръ былъ рѣшительнымъ поборникомъ вѣротерпимости. „Господь далъ власть царямъ надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ“, говорилъ онъ. „Совѣсти человѣческой привеливать не желаю, но предоставляю каждому на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей, общаясь крѣпко смотрѣть, чтобы никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отпращиваніи богослуженія обезпеченъ не былъ“. О религіозныхъ же гоненіяхъ Петръ рассуждалъ такъ: „по мнѣ (сектанты) пусть вѣрують, чему хотять, и когда уже нельзя обратить ихъ отъ суевѣрія расудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Только однихъ евреевъ Петръ не соглашался допустить въ Россію, но и то вовсе не по религіознымъ побужденіямъ, а потому, что считалъ ихъ разорителями народной массы. Онъ никого никогда не преслѣдовалъ за вѣру, но все люди, какой-бы вѣры они ни были, православной или инославной, навлекали на себя гоненіе, коль-скоро, прикрываясь знаменемъ вѣры, они противодѣйствовали великому дѣлу реформы. Патріархъ и раскольничій архіерей, монахъ и старообрядческій начетчикъ терпѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь. Но со стороны раскола была болѣе дѣятельная и болѣе организованная оппозиція, поэтому и преслѣдованіе его было сильнѣе.

Поддерживая принципъ всеобщей службы государству всѣхъ сословіи, устраняя клерикальныя притязанія господствующаго духовенства, преслѣдуя фанатическую оппозицію раскольниковъ и вводя равноправность вѣроисповѣданій, Петръ, вопреки византійско-московскимъ доктринамъ, освобождалъ государство отъ клерикальной опеки, ограничивалъ вліяніе духовенства только его прямымъ назначеніемъ, поддержаніемъ и развитіемъ въ народѣ христіанской нравственности, а государству указывалъ свои самостоятельныя цѣли, которыя сводились къ одному великому принципу—благоденствію народа. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этой цѣли Петръ считалъ всегда образованіе народа, которое, по его мнѣнію, должно быть *обязательнымъ*. Но сознавая, что обязательность и всеобщность образованія невозможны для тогдашней Россіи, особенно въ многотрудную эпоху

преобразования, Петръ ограничился только тѣмъ, что **силою** заставилъ учиться все дворянское и духовное юношество. **Обязательное** обученіе было распространено и на дѣтей **посадскихъ**, но посадскіе вошли въ сенатъ съ просьбою, что дѣти ихъ **занимаются** торговлею, и иные въ дальнихъ мѣстахъ, а ихъ **при-**нуждаютъ поступать въ школы; сенатъ уволилъ дѣтей **посадскихъ** отъ обязательнаго обученія въ школахъ. Дворянство и духовенство также употребляли всевозможныя усилія, чтобы избавить своихъ недорослей отъ „несчастія“ обязательнаго обученія, но недорослей силою забирали въ школы, силою отправляли учиться за море, неучившимся запрещали жениться и т. д. Никогда въ Россіи дѣлу народнаго образованія не было посвящаемо столько энергія и хлопотъ, какъ при Петрѣ, который, заводя низшія и среднія школы, покровительствуя частнымъ учебнымъ заведеніямъ, допуская полную свободу преподаванія, отправляя цѣлыя толпы русскихъ учиться за-границу, вызывая къ себѣ европейскихъ ученыхъ, былъ чуждъ всякихъ предрасудковъ и корыстныхъ расчетовъ въ этомъ дѣлѣ. Господствовавшую до него систему народнаго просвѣщенія онъ не реформировалъ, но отвергъ окончательно, потому что она была непримирима съ свободной реальной наукой. Академіи кievская и московская славяно-греко-латинская, эти представительницы тогдашней-схоластики на русскій ладъ, были оставлены безъ вниманія, а взамѣнъ ихъ Петръ проектировалъ настоящіе европейскіе университеты въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Астрахани и академію наукъ. Такъ-какъ наука должна была прежде всего приносить непосредственную практическую пользу, то все начальное образованіе было строго-реальнымъ и профессиональнымъ. Русскій языкъ, арифметика, геометрія, навигація, землемѣріе, фортификація, кораблестроеніе, медицина, хирургія, живые языки — таковы были предметы обученія. Въ то-же самое время, по инициативѣ правительства, издавалось множество переводовъ профессиональныхъ сочиненій по математикѣ, физикѣ, механикѣ, гидравликѣ, естествознанію, анатоміи, астрономіи, географіи, сельскому хозяйству и т. д. Все это, принеся жизненную, непосредственную пользу, разрушало вѣковые предрасудки, поднимало довѣріе и любовь къ наукѣ. Сначала отъ школъ отбивались, какъ отъ каторги, а потомъ вскорѣ „многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали толъ науки

сладость, отдавали въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскія дѣти и молодежь изъ приказовъ подъячїе приходили съ охотою немалою“. Но распространенїемъ профессиональнаго образованїя Петръ не думалъ ограничивать свою просвѣтительную дѣятельность, а посредствомъ замышлявшихся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведенїй, а равно и посредствомъ издававшихся тогда переводныхъ книгъ по естествознанїю, физикѣ, астрономїи и другимъ наукамъ, онъ желалъ распространить общее реальное образованіе и положить научное міросозерцаніе въ основу русскаго развитїя. Вмѣстѣ съ этимъ онъ стремился и къ политическому воспитанїю народа. Даже духовнымъ училищамъ онъ далъ новую программу, влючивъ въ нее грамматику, географїю, исторїю, математику, логику, реторику, физику, политику по Пуффендорфу, наконецъ, богословіе. О воспитанїи въ обществѣ политическаго смысла Петръ хлопоталъ не менѣе, чѣмъ о распространенїи естественнаучныхъ знанїй. Мы уже замѣчали выше, что его указы и регламенты были вмѣстѣ съ тѣмъ и публицистическими сочиненїями. Допустивъ гласность правительственной дѣятельности, онъ подробно объяснялъ народу смыслъ и важность своихъ реформъ и дѣйствїй. Иногда, независимо отъ указовъ, онъ издавалъ еще политическія объясненїя съ той-же самой цѣлью. Таково было, напр., составленное Шафировымъ, по его приказанїю, „Разсужденїе, какія законныя причины его царское величество Петръ I къ начатїю войны противъ Карла XII имѣлъ“. Даже церковнымъ проповѣдникамъ, въ родѣ Прокоповича, поручалось пропагандировать въ церквяхъ политическія идеи реформы посредствомъ проповѣди, а чтенїе въ церквяхъ всѣхъ общихъ указовъ было обязательнымъ. Само собою понятно, что всѣ упомянутыя русскія сочиненїя превозносили реформу и реформатора до небесъ; многіе при этомъ, можетъ быть, и были лицемѣрны въ своихъ похвалахъ; но вѣдь нужно сознаться, что не было лести, которая, будучи отнесена къ Петру, не становилась-бы должною похвалою его заслугамъ и достоинствамъ; нужно сознаться, что Петръ былъ и умнѣе, и честнѣе, и прогрессивнѣе всѣхъ своихъ современниковъ, въ средѣ которыхъ не было ни одной души, которая могла-бы отрицательно относиться къ Петру во имя большей раціональности, большей честности, большей прогрессивности, чѣмъ тѣ, которыми онъ руководился въ своихъ

дѣйствіяхъ. Съ цѣлю политическаго образованія народа Петръ основалъ въ 1703 г. первую русскую газету и постоянно хлопоталъ о переводѣ на русскій языкъ лучшихъ политическихъ сочиненій того времени; такъ были переведены тогда и изданы сочиненія Баронія, „Феатронъ Историческій“ Стратемана, запрещенный при Елисаветѣ, политика Пуффендорфа, его-же „Введеніе къ исторіи замѣчательнѣйшихъ государствъ“, запрещенное при Аннѣ, и т. д. Петръ самъ руководилъ тогдашней литературой, просматривалъ переводы, сокращалъ многословную и туманную болтовню нѣмецкихъ авторовъ, держалъ корректуру и т. д. Онъ былъ цензоромъ, но его цензура не была обузданіемъ, а напротивъ поощреніемъ и возбужденіемъ. Когда переводчикъ пуффендорфовой исторіи, Бужинскій, представилъ свой переводъ Петру, то послѣдній, найдя, что переводчикъ выпустилъ неблагопріятный отзывъ Пуффендорфа о русскихъ, обратился къ Бужинскому: „глупецъ, что я приказывалъ тебѣ сдѣлать съ этой книгой?“ — „Перевести“, отвѣчалъ Бужинскій, — „Развѣ это переведено“, возразилъ царь, указывая на статью о Россіи. „Тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ и переведи книгу вездѣ, какъ она въ подлинникѣ есть“ ¹⁾. Выше мы уже говорили, что Петръ запрещалъ и преслѣдовалъ только тѣ сочиненія, которыя вредили реформѣ, да и въ этомъ отношеніи онъ былъ не всегда такъ строгъ, какъ его обыкновенно представляютъ. Когда подметныя письма и зажигательныя прокламаціи сильно умножились, то онъ въ 1725 г. постановилъ: „Кто такое письмо подниметь, тотъ-бы отнюдь не доносилъ о немъ, но, объявля постороннимъ свидѣтелямъ, жегъ на томъ мѣстѣ, гдѣ подниметь“.

¹⁾ Вотъ отзывъ Пуффендорфа по переводу Бужинскаго: „О нравѣхъ и о разумѣ народа російскаго ничто-же воспоминати имѣемъ, еже-бы съ великою ихъ славой сопряжено было, ниже бо россияне тако суть устроены и политичны, яко-же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ-же толь неискусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче-же и самыя священники толико суть грубы и всякаго ученія неучастны, яко токмо прочитывати едину и вторую божественнаго писанія главу или толкованіе евангельское умѣють—больше-же ничто-же знаютъ. Зазорны-же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровожаждущіе чловѣцы, въ вещѣхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимомъ гордостію возносятся; въ противныхъ-же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мняшіе, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ лочитаніемъ удоволитися можетъ. Ко прибыли и лихвѣ, хитростно собираемой, никій-же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется и жестокостію власти воздержатися въ повинненіи любятъ, и яко-же всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе“.

Пользуясь всеми средствами для борьбы съ старинными идеями, порядками и обычаями и для пропаганды реформы, устроив для этого ассамблеи, развивая театр, Петръ воспользовался и тѣмъ шутовствомъ, которое давно уже существовало и при дворѣ и въ русскомъ обществѣ. Шуты, шутовскія свадьбы, маскарады — все давало Петру матеріаль для пропаганды и политической сатиры. Въ то время, какъ Кантеміръ обличалъ русское общество въ своихъ стихотвореніяхъ, а Феофанъ Прокоповичъ вносилъ сатирическій элементъ даже въ духовный регламентъ, самъ Петръ устроилъ юмористическія потѣхи ради подорванія въ народѣ старинныхъ авторитетовъ. Нигдѣ юморъ Петра не проявлялся въ такихъ размѣрахъ и съ такою рѣзкостью, какъ въ учрежденіи „всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора“, о которомъ читатель можетъ найти подробныя свѣденія въ VI книгѣ „Русской старины“ 1872 г. Петръ, бывший „протодьякономъ“ этого собора, самъ писалъ его уставы, чины богослуженія, избранія князя-папы и наблюдалъ за порядкомъ, „усмиряя словесно и ручно“ подгулявшихъ и расходившихся всепьянѣйшихъ отцовъ, которые на право такого усмиренія давали особня подписки своему „пречестному отцу протодьякону“.

Такимъ образомъ, Петръ дѣлалъ все, что могъ, чтобы пробудить умственныя силы своего народа. Онъ нашелъ его въ самомъ плачевномъ состояніи, когда ни самъ народъ, ни его опекуны не видѣли, что древне-русская жизнь уже пришла къ отрицанію самой себя, что неизбежны всеобщія и скорыя перемены, что Россіи угрожаютъ и политическое подчиненіе власти, и вліяніе иностранцевъ, и ужасный внутренній переворотъ, за которымъ преемственно должны были слѣдовать не менѣе ужасныя реакціи и новые перевороты. Въ народѣ господствовало всеобщее недовольство тогдашними порядками, но народъ не зналъ тѣхъ средствъ, которыя только и могли помочь бѣдѣ. Немногочисленная прогрессивная интеллигенція страны въ лицѣ Котошихина, Крижанича и Посошкова, понимала въ чемъ корень зла и указывала на необходимость всеобщей радикальной реформы. Но эти передовые люди своего времени лишены были всякой возможности имѣть вліяніе на общество; они не могли даже печатать своихъ произведеній, да и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они дѣйствовали, они возбуждали злобу, гоненія,

безсовѣстныхъ инсинуаціи невѣждъ и реакціонныхъ интригановъ, для когорыхъ были невыгодны реформы. И всѣ они погибли; Крижаничъ былъ сосланъ въ Сибирь, Котошихинъ эмигрировалъ за-границу и умеръ въ Швеціи, а Посошковъ, хотя и пережилъ Петра, но вскорѣ-же послѣ его смерти умеръ въ петропавловской крѣпости. Много понадобилось-бы времени для торжества реформы, если-бы общественный прогрессъ продолжалъ идти своимъ прежнимъ медленнымъ ходомъ, съ постоянными уклоненіями въ сторону и съ періодическими отступленіями назадъ. Отъ этой печальной участи и отъ угрожавшаго переворота спасъ Россію Петръ. Онъ честно и умно отнесся къ потребностямъ страны и, самъ совершилъ переворотъ крутыми, но неизбѣжными для него мѣрами. Честность и многотрудная дѣятельность Петра остаются до сихъ поръ явленіемъ безпримѣрнымъ въ нашей исторіи и никогда не перестанутъ привлекать сердца къ историческому образу этого труженника и друга народа. Его тяжелыя мѣры были только временными, но его общіе принципы всегда останутся залогомъ благоденствія и развитія русскаго общества, хотя самъ Петръ, никогда не будучи теоретикомъ, не считалъ этихъ принциповъ абсолютными и неизмѣнными. Напротивъ, стремлясь къ тому только „жила-бы Россія во славу и благоденствіи“, пробуждая русскій народъ къ самодѣятельной разумной жизни и выводя его на настоящую дорогу, онъ завѣщалъ ему идти неустанно на ряду съ цивилизованными націями, измѣняться, совершенствоваться, развиваться для свободы и благоденствія...

Духъ Петра не умиралъ въ Россіи, онъ росъ, развивался, видоизмѣнялся сообразно съ ходомъ и потребностями времени, принималъ различныя формы, хотя никогда еще не имѣлъ возможности дѣйствовать съ такою силою и съ такимъ величіемъ, съ какими проявился онъ въ царѣ-преобразователѣ. Это духъ прогресса и разума, духъ знанія и истины, духъ свободы и благоденствія, духъ общечеловѣческаго развитія, духъ честной энергіи и истинной любви къ народу, духъ, передъ которымъ мы преклоняемся въ лицѣ великаго царя и къ которому только одни истинные патріоты могутъ взывать словами Платона: „возстани, Петръ, возстани!..“

С. Шашковъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОДЪ ВЪ ИСТОРИИ И ОСНОВНЫЕ ИНСТИНЕТЫ.

I.

Если человекъ, привыкшій дѣлать извѣстные выводы изъ совокупности извѣстныхъ фактовъ, займется чтеніемъ историческаго сочиненія, его невольно поразитъ та несвязность причинъ съ послѣдствіями, тѣ постоянныя противорѣчія и желаніе автора скорѣе увлечь, чѣмъ убѣдить, — желаніе никуда негодное въ точныхъ наукахъ. Всего нагляднѣе можно видѣть недостатки историческихъ сочиненій, если взять двухъ авторовъ съ различными убѣжденіями, характеризующихъ одно и то-же событіе. Къ своему удивленію читатель увидитъ, что одинъ и тотъ-же фактъ приводится ими, какъ причина двухъ совершенно противоположныхъ явленій. Такъ, напримѣръ, возьметъ-ли читатель исторію французской революціи, написанную историкомъ-демократомъ; съ первыхъ-же страницъ онъ увидитъ, что всѣ стремленія автора направлены къ тому, чтобы доказать, что этотъ переворотъ имѣлъ громадное вліяніе на возвышеніе уровня нравственности во французскомъ народѣ. Здѣсь читатель найдетъ обстоятельный разсказъ о томъ, какъ этотъ народъ, доведенный до полнаго растлѣнія, почувствовалъ себя свободнымъ, внезапно возвысился до идеальной чистоты нравовъ, до политической и соціальной зрѣлости и, оставивъ далеко за собой все прошлое, зажилъ совершенно новою жизнію. Далѣе читатель узнаетъ, что послѣдствіемъ первой революціи, этого величайшаго въ жизни народовъ переворота, была та отвага, которая

покорила всю Европу и уничтожила почти всѣ европейскія арміи; что, начиная съ Вальми и Жемаппа, французскія войска побѣждали всю соединившуюся противъ нихъ Европу потому, что были глубоко проникнуты великою мыслью обновленія міра, и что разгромъ европейскихъ государствъ былъ произведенъ для того, чтобы пронести по всему міру великіе принципы, добытые многочисленными трудами и купленные мученіями и кровью миллионѡвъ людей. Подъ вліяніемъ этой идеи историка-демократа историческіе факты получаютъ совершенно иной смыслъ и значеніе, чѣмъ у историка противоположнаго лагеря. И читатель, поставленный на точку зрѣнія автора, невольно увлекается его выводами и раздѣляетъ его взгляды.

Совсѣмъ иначе на тѣ-же самыя факты посмотритъ историкъ-легитимистъ и клерикаль. Вотъ почти слово въ слово тѣ заключенія, въ которыхъ приходятъ историки этой школы, рассматривая великій переворотъ въ судьбахъ старой Франціи. „Дикое буйство революціи не могло не заслужить блестящаго наказанія. Что-бы люди подумали о милосердіи Божіемъ, если-бы всѣ преступленія, совершенныя безнравственнымъ французскимъ народомъ, остались безнаказанными? Вѣдь этотъ народъ дошелъ до такой степени дикаго буйства, что, казнивъ лучшаго изъ монарховъ, простеръ свою святотатственную руку на святыню вѣры. Храмы живого Бога были осквернены, могилы предковъ обезславлены, и т. д. и т. д. Но мудрость Господня неисповѣдима и милосердію его нѣтъ границъ. Несмотря на дикость и буйство французовъ, Господь вложилъ въ душу великаго Наполеона намѣреніе возстановить Францію въ ея прежнемъ величій и покрыть ее славою громкихъ и неуязвимыхъ побѣдъ. Но и Наполеонъ I, какъ дитя своего безбожнаго вѣка, какъ человѣкъ, поглощенный вѣчными войнами и неимѣвшій времени подумать о величій католической церкви, долженъ былъ пасть съ высоты своего могущества и передать истерзанную и облитую кровью Францію въ руки святой реставраціи...“

Такимъ образомъ, одни и тѣ-же событія изъ-подъ пера той и другой школы историковъ являются передъ нами въ совершенно различномъ свѣтѣ. Что кажется бѣлымъ для однихъ, то представляется чернымъ для другихъ. Словомъ, мы видимъ, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ факты группирова-

ются въ картину, смыслъ которой есть субъективное настроеніе автора, его личное отношеніе къ разсматриваемой имъ эпохѣ. Мы ничего не имѣли-бы противъ этого метода и далеки отъ того, чтобы требовать отъ историка холоднаго безпристрастія и бездушнаго философскаго объективизма, когда онъ изслѣдуетъ прошлое человѣческой жизни, раскрываетъ передъ нами печальную судьбу народовъ, сошедшихъ со сцены міровой дѣятельности,—мы, наконецъ, не въ правѣ требовать, чтобы историкъ не вносилъ въ свой историческій трудъ тѣхъ или другихъ убѣжденій, не ставилъ передъ собой тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ цѣлей; напротивъ, такой методъ оказалъ-бы громадную услугу человѣческому развитію, если-бы онъ служилъ орудіемъ прогресса, пропагандой гуманныхъ идей и лучшихъ надеждъ человѣчества. Къ сожалѣнію, такая роль исторической науки рѣдко выпадала на ея долю; гораздо чаще она служитъ совершенно противоположнымъ цѣлямъ и въ рукахъ ретроградной партіи составляетъ довольно сильное противодѣйствіе прогрессивному движенію. Вотъ почему какъ въ интересахъ самой науки, такъ и ради утилитарныхъ цѣлей современнаго общественнаго положенія надо желать, чтобы исторія была поставлена на болѣе прочную и реальную основу; изъ субъективнаго и произвольнаго міровоззрѣнія перешла-бы въ сферу строгой критической оцѣнки законовъ, управляющихъ такимъ сложнымъ механизмомъ, какъ социальная жизнь народовъ.

Изъ всѣхъ методовъ, которыми слѣдовали различные историки, современные мыслители считаютъ самымъ лучшимъ тотъ методъ, который употребляется въ сравнительной анатоміи, именно проведеніе одной идеи черезъ всѣ степени цивилизаціи. Въ сравнительной анатоміи этотъ методъ привелъ къ громаднымъ результатамъ; онъ далъ возможность сгруппировать различные организмы, вывести изъ этихъ группъ морфологическіе законы и, наконецъ, создалъ теорію Дарвина, пролившую яркій свѣтъ на факты, которыхъ до него не могли объяснить. Этотъ методъ имѣетъ то преимущество передъ другими, что онъ не требуетъ предварительной подготовки основаній; основные законы выводятся прямо изъ наблюденія, и слѣдовательно, это законы дѣйствительные, а не измышленные авторскою фантазіей. Руководясь этимъ методомъ, Кювье предсказалъ существованіе

мамонта, имѣя только одну кость этого животнаго. Отчего же историкъ, если только основанія его вѣрны, не будетъ въ состояніи предсказывать тѣхъ міровыхъ событій, которыя логически должны вытекать изъ того или другого политическаго и соціальнаго порядка вещей? Читатель, конечно, пойметъ, что здѣсь говорится не о пророчествахъ и гадашяхъ, въ смыслѣ чревоущительнаго искусства, а о той силѣ знанія, которая по извѣстному ряду бытовыхъ явленій опредѣляетъ и тѣ результаты, къ которымъ неизбѣжно приходятъ человѣческія общества...

Лебокъ, одинъ изъ первыхъ предложившій этотъ методъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О началахъ цивилизаціи“, проводитъ замѣчательный законъ, который, — если только онъ будетъ вполне доказанъ, какъ можно заключить изъ массы фактовъ, его подтверждающихъ, — дастъ ключъ къ объясненіямъ многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что народы, находящіеся на одной степени цивилизаціи, къ какой-бы расѣ они ни принадлежали и какигъ-бы климатомъ, богатствомъ и большими или меньшими удобствами въ развитію цивилизаціи ни обладали, имѣютъ много общихъ привычекъ, предрасудковъ, вѣрованій, однимъ словомъ, такъ похожи другъ на друга, что ихъ можно принять за представителей одной расы, и позволительно заключить, что они перестали сообщаться другъ съ другомъ въ очень недавнее время. Нужно замѣтить, что эти общія привычки прямо указываютъ на тождественность развивающейся цивилизаціи, такъ что всѣ до сихъ поръ существовавшія убѣжденія о вліяніи отдѣльныхъ расъ на ея своеобразное развитіе прямо опровергаются этимъ закономъ. Доказательства Лебока такъ убѣдительно, что ихъ нельзя не принять. Вотъ въ видѣ образца интересный фактъ отношеній между тестемъ и зятемъ, повторяющійся почти у всѣхъ дикихъ народовъ и провѣренный Лебокомъ: „У многихъ дикихъ народовъ женщины отнюдь не позволено говорить съ своимъ тестемъ. Франклинъ ¹⁾ говоритъ, что у американскихъ индѣйцевъ далекаго Сѣвера считается крайне непреличнымъ, чтобы теща говорила или даже смотрѣла на своего зятя; если

¹⁾ Journey to the shores of Polar Sea, т. I, стр. 137.

ей понадобится сообщить ему что-нибудь, то этикетъ требуетъ, чтобы она повернулась къ нему задомъ и разговаривала съ нимъ черезъ посредство третьяго лица.

„У омаговъ ни тесть, ни теща не имѣютъ никакого сообщенія съ зятемъ; и этотъ послѣдній ни подъ какииъ предлогомъ не станетъ разговаривать съ ними, хотя-бы и не былъ съ ними въ ссорѣ; они ни въ какомъ случаѣ не произнесутъ имени друга друга при обществѣ и не заглянутъ другъ другу въ глаза. Всякій разговоръ между ними ведется черезъ посредство посторонняго лица ¹⁾).

„Гормонъ говоритъ, что у индѣйцевъ, живущихъ на востокъ отъ Скалистыхъ горъ, распространенъ тотъ-же самый обычай. Ляфито ²⁾ также приводитъ его существованіе у всѣхъ сѣвероамериканскихъ индейцевъ. Мы также находимъ его у кривовъ и дакатаговъ, а также и во Флоридѣ. Рошфоръ указываетъ на его существованіе между карибами, въ южной Америкѣ онъ встрѣчается у араукановъ.

„Въ Азіи у монголовъ и калмыковъ женщина не должна разговаривать съ своимъ тестемъ и не имѣетъ права садиться въ его присутствіи. У остяковъ ³⁾ въ Сибири замужняя женщина старается, по мѣрѣ возможности, избѣгнуть присутствія отца своего мужа, покуда у нея нѣтъ дѣтей. Мужъ въ это время не смѣетъ показаться матери своей жены. Если они случайно встрѣчаются, то мужъ обращается къ ней спиной, а она покрываетъ себѣ лицо...

„Въ Китаѣ, по Дюгалду, тесть послѣ свадьбы никогда не видитъ лица своей невѣстки и никогда не посѣщаетъ ее, и если они случайно встрѣтятся, онъ прячется ⁴⁾. Подобный обычай распространенъ въ Борнео и на островахъ Фиджи. Айеръ говоритъ, что въ Австраліи мужчина не имѣетъ права произнести имя своего тестя, своей тещи и своего зятя и т. д.

То-же самое замѣчаетъ Лебокъ и относительно брака. На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, говоритъ онъ, не существуетъ ни-

¹⁾ James expedition to the Rocky Mountains, т. I, стр. 232.

²⁾ Moers des sauvages Americains, т. I, стр. 576.

³⁾ Pallas, т. IV, стр. 71, 577. То-же самое онъ говоритъ о самоѣдахъ, стр. 99.

⁴⁾ Astley's, Collection of Voyages, т. IV, стр. 91.

какихъ правилъ, регулирующихъ отношенія мужчины къ женщинамъ. У народовъ, стоящихъ на этой ступени развитія, всѣ женщины извѣстнаго племени принадлежатъ всѣмъ мужчинамъ и исключительное владѣніе женщиною противно основнымъ правамъ первоначальнаго общества. Но частная, или скорѣе семейная собственность допускается, и военная добыча принадлежитъ тому, кто во время борьбы ее похитилъ. Слѣдовательно, и плѣнникъ, взятый во время войны, принадлежитъ исключительно взявшему его въ плѣнъ челоуѣку, или скорѣе его семейству, такъ-какъ повсюду царствуетъ семейная ассоціація. Женщина, попавшая, такимъ образомъ, въ плѣнъ, и принадлежащая семейству своего похитителя, становится наложницею всѣхъ равноправныхъ его членовъ. Такъ-какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, при подобномъ состояніи общества средства къ пропитанію чрезвычайно трудны и племя выигрываетъ въ силѣ и значеніи, если оно состоитъ изъ личностей, которыя могутъ постоять за себя, то одинъ изъ первостепенныхъ инстинктовъ сохраненія племени заставляеть истреблять громадное количество малолѣтнихъ дѣвушекъ, пока онѣ еще не могутъ добыть себѣ средства къ пропитанію. Вслѣдствіе этого истребленія женщинъ остается значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, и развивается полиандрія или многомужество. При такомъ положеніи общества ясно, что должно развиться похищеніе женщинъ чужого племени, и что это похищеніе дѣлается крайне привлекательнымъ. Такимъ образомъ развивается эндогамія или бракъ внѣ племени. Но при этой добычѣ всѣ члены семейства пользуются похищенной женщиною, и хотя это пользованіе и представляется болѣе привлекательнымъ для мужчинъ, чѣмъ полиандрія, однако естественно, что исключительность въ пользованіи должна понемногу развиться и обезпечиться противъ семейнаго пользованія. Сначала начинаются протесты противъ пользованія старшихъ членовъ семейства, и отецъ отрѣкается отъ своихъ правъ, такъ-что только братья имѣютъ право на жену брата. Но когда добровольное согласіе съ тестемъ начинаетъ вытѣснять похищеніе и отецъ уже продаетъ дочь ея жениху, то число убиваемыхъ въ малолѣтствѣ дѣвушекъ уменьшается. Женщина дѣлается выгоднымъ товаромъ, который въ свое время найдетъ вѣрный сбытъ, и всякій мужчина запасается столькими женами, сколько можетъ прокормить ихъ. Тогда исчезаетъ пользованіе

братною женою, и вмѣсто полиандріи въ семействѣ развивается полигамія. Сношенія тестя съ невѣсткою прекращаются большею частію силою. Мы видимъ во многихъ случаяхъ, какъ дѣти силою заставляютъ отца отказаться отъ своей добычи, и потому легко можемъ себѣ объяснить, откуда произошелъ обычай, регулирующий отношенія невѣстки къ тестю. Что-же касается отношеній зятя къ тестю или тещѣ, то, вслѣдствіе похищенія жены, зять дѣлается ихъ непримиримымъ врагомъ. Даже гораздо позднѣе, когда въ народѣ не осталось уже никакихъ воспоминаній о происхожденіи брака, обряды при бракосочетаніи постоянно сопровождались какими-нибудь выходками, напоминающими насиліе. Нѣтъ ни одного народа, гдѣ-бы эти явленія не повторялись съ большею или меньшею ясностью. Лебокъ приводитъ длинный рядъ фактовъ, подтверждающихъ это обыкновеніе, и желающіе ближе познакомиться съ этимъ предметомъ могутъ найти подробное его изложеніе въ главѣ о бракѣ ¹⁾.

Выводы объ однообразномъ развитіи цивилизаціи, доказываемые одинаковымъ развитіемъ семейства въ разныхъ странахъ, съ такою же очевидностью могутъ быть доказаны одинаковымъ развитіемъ всякаго общественнаго учрежденія, всякаго религіознаго міросозерцанія, однимъ словомъ, одинаковымъ развитіемъ всѣхъ проявленій человѣческой мысли. Примѣняя такой способъ изслѣдованія, легко можно объяснить многое, что до сихъ поръ считалось загадочнымъ: Однакожъ большинство ученыхъ, занимавшихся философіей исторіи, давали намъ дедуктивныя теоріи, основанныя на ихъ собственной фантазіи. Всѣ они, неисключая изъ этого числа и Огюста Конта, старались натягивать факты такъ, чтобы они подходили подъ ихъ теорію, и поэтому эти теоріи никогда не примѣняются къ дѣлу и служатъ, подобно нюрнбергскимъ игрушкамъ, монументомъ человѣческаго остроумія. Сравнительный методъ есть единственный путь, который, при современномъ состояніи знанія, можетъ довести до болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія фактовъ и до болѣе систематическаго ихъ подбора. Виѣ его до сихъ поръ возможны однѣ только иллюзіи, которыя, впрочемъ, не оказываютъ существеннаго вреда наукѣ, но отъ которыхъ нечего ожидать и какой-нибудь пользы.

¹⁾ Origines of Civilisation, стр. 75 и слѣд.

Но чтобы этотъ методъ не завелъ насъ въ область безпредметной фантазіи, подобно тому, какъ заводятъ прочіе историческіе методы, намъ необходимо, изслѣдуя какую-нибудь мысль и доводя ее до той степени цивилизаціи, на которой она рождается, быть, по мѣрѣ возможности, объективными и не навязывать нашихъ понятій и чувствъ людямъ, стоящимъ несравненно ниже насъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Когда натуралистъ занимается разрѣшеніемъ какого-нибудь научнаго вопроса, онъ безъ предвзятой идеи изучаетъ сначала факты, а потомъ уже изъ этихъ фактовъ выводитъ законы. Принимая и въ исторіи методъ сравнительный, необходимо поступать точно также; иначе всѣ доказательства будутъ столько-же голословны, и всѣ выводы столько-же сомнительны, какъ они были до сихъ поръ въ историческихъ сочиненіяхъ. Здѣсь этими аксіомами послужатъ основные инстинкты, безъ которыхъ немислимы чловѣкъ, и которые руководятъ всѣми его поступками. Эти инстинкты можно раздѣлить на три категоріи: на инстинкты, происходящіе отъ чувства самосохраненія; на социальныя или нравственныя инстинкты, и на инстинкты подражанія или цивилизованныя инстинкты. Разберемъ каждый изъ нихъ отдѣльно и постараемся доказать ихъ существованіе.

II.

Инстинктъ самосохраненія встрѣчается во всемъ животномъ царствѣ. Его такъ легко наблюдать, что никому не приходится въ голову оспаривать его существованіе. Мы каждый день видимъ, какъ животное, которому грозитъ опасность, защищается или избѣгаетъ ее. Мы видимъ, что всѣ чувства развиваются только для того, чтобы служить ему орудіемъ. Изученіе жизни животныхъ приводитъ насъ къ тому результату, что мы, видя развитіе какого-нибудь органа въ ущербъ другимъ, смѣло можемъ сказать, что упражненіе его защищало животное отъ смерти. Отсутствие его привело-бы непременно къ уничтоженію вида, потому что отъ враждебныхъ ихъ существованію обстоятельствъ погибало-бы болѣе животныхъ, чѣмъ являлось-бы новыхъ. Инстинктъ самосохраненія можно назвать основнымъ инстинктомъ,

изъ котораго вытекають всѣ прочіе. Онъ служитъ цѣлью жизни и всѣ наши поступки имъ регулируются.

Изъ инстинкта самосохраненія рождается социальный инстинктъ. Всякое животное вообще стремится къ индивидуальной жизни. Мы заключаемъ это изъ того факта, что только скудность пищи можетъ заставить животное, живущее особнякомъ отъ другихъ животныхъ того-же самаго вида, ассоціироваться съ ними для добычи средствъ къ пропитанію. Всѣмъ извѣстно, что въ зимнее время, когда пищи въ лѣсахъ мало, волки соединяются въ стада по нѣскольку штукъ и нападаютъ на животныхъ, находящихся близъ деревень. Какъ только пищи становится больше, когда растаявшій снѣгъ даетъ возможность волкамъ прискаты себѣ добычу безъ помощи товарищей, тогда эти стада распадаются и каждый индивидуумъ промышляетъ самъ по себѣ. Если пчеламъ дать слишкомъ большое изобиліе, то они разлетятся и не станутъ жить въ одномъ ульѣ, и каждая работница будетъ стараться приобрести себѣ трутня и завестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Множество фактовъ можно привести въ подтвержденіе этого мнѣнія. Но когда жизнь въ раздробъ дѣлается невозможною, когда или добыча средствъ къ пропитанію, или-же грозящая опасность отъ враждебнаго вида уменьшаетъ шансы индивидуальнаго существованія, животныя собираются въ стада и образуется община. Но для того, чтобы такая община могла существовать, необходимо, чтобы каждый ея членъ пожертвовалъ частью своей свободы для блага всѣхъ, и чтобы развились до нѣкоторой степени то чувство благорасположенія ко всѣмъ членамъ общины, безъ котораго она-бы распалась. Дарвинъ въ своемъ „Происхожденіи человѣка“ даетъ гениальныя доказательства того факта, что нравственное чувство произошло изъ общинной жизни, и что оно такъ необходимо всякому обществу, какъ чувство самосохраненія необходимо отдѣльной особи. „Слѣдующее мнѣніе, говоритъ онъ, — кажется мнѣ въ высшей степени правдоподобно—именно, что всякое животное, одаренное ясно отличающимися социальными инстинктами, приобрѣло-бъ непременно нравственное чувство или совѣсть, если бы его умственные способности развились такъ-же хорошо или почти такъ-же, какъ у человѣка. Потому что, во-первыхъ, социальный инстинктъ заставляетъ животное находить удовольствіе въ обществѣ своихъ сотоварищей,

чувствовать къ нимъ болѣе или менѣе живую симпатію и дѣлать имъ различныя услуги. Услуги эти могутъ быть опредѣленнаго и, очевидно, инстинктивнаго рода, или-же они обуславливаются желаніемъ и готовностью, какъ это бѣваетъ у высшихъ животныхъ, помочь своимъ сотоварищамъ въ какихъ-нибудь общихъ дѣлахъ. Но эти чувства и услуги ни въ какомъ случаѣ не относятся ко всѣмъ индивидуумамъ этого вида, а только къ тѣмъ, которые принадлежатъ къ одной общинѣ. Во-вторыхъ, какъ только умственныя способности высоко развились, образы прошедшихъ дѣйствій и ихъ побудительныхъ причинъ постоянно проходятъ черезъ мозгъ каждаго индивидуума. И чувство неудовольствія, которое непременно происходитъ, какъ мы впоследствии увидимъ, изъ неудовлетвореннаго инстинкта, будетъ вызываться каждый разъ, когда станетъ ясно, что живучій и постоянно чуткій социальный инстинктъ уступилъ другому, въ это время болѣе сильному инстинкту, но не такъ продолжительному по своей природѣ, и не оставляющему такихъ живыхъ впечатлѣній. Ясно, что многія инстинктивныя желанія, какъ, напримѣръ, голодъ, по своей природѣ непродолжительны, и послѣ удовлетворенія не легко и не живо припоминаются. Въ-третьихъ, послѣ того, какъ развилась способность говорить, и желанія членовъ общества могли быть опредѣленно выражены, общественное мнѣніе о томъ, какъ каждый членъ долженъ поступить для общаго блага, сдѣлалось въ значительной степени указателемъ поступковъ. Но социальные инстинкты постоянно возбуждаютъ дѣйствовать въ пользу общины, и это возбужденіе бываетъ усилено, направлено, а иногда даже отклонено общественнымъ мнѣніемъ, котораго сила основывается, какъ мы впоследствии увидимъ, на инстинктивной симпатіи. Наконецъ, привычка индивидуума играетъ очень важную роль, руководя поведеніемъ каждаго члена, потому что социальные инстинкты и побужденія, какъ и всѣ прочіе инстинкты, значительно усиливаются привычкою повиновенія волѣ и сужденіямъ общины“ ¹⁾).

Чтобы доказать приведенное нами положеніе Дарвина, необходимо объяснить, что мы подразумѣваемъ подъ общественной нравственностью. Если наши поступки стремятся къ удовлетворенію

¹⁾ Darwin, Descent of man, т. I, стр. 72.

инстинктовъ, приносящихъ выгоду исключительно намъ самимъ, то мы ихъ обыкновенно называемъ эгоистическими; если-же мы имѣемъ въ виду не только нашу пользу, но также удовольствіе или пользу другого существа, если при какомъ-нибудь обстоятельстве мы даже жертвуемъ нашими личными выгодами для того, чтобы оказать услугу другому, то этотъ поступокъ называется нравственнымъ. Чувство самосохраненія, изъ котораго прямо и непосредственно возникаютъ всѣ эгоистическіе поступки, часто рѣзко расходится съ соціальной нравственностью. Такъ, напримеръ, если одному животному приходится сдѣлать самую незначительную услугу другому, то для этого, конечно, оно должно употребить извѣстную долю труда, который вообще антипатиченъ всякому несоціальному животному. Мы никогда не увидимъ, чтобы животное, живущее особнякомъ, предостерегало представителя того-же самаго вида о грозящей ему опасности. Если случится, что, убѣгая отъ опасности, оно и подаетъ добрый примѣръ другому, слишкомъ неосторожному животному, то нельзя сказать, чтобы оно дѣлало это намѣренно, потому что если ему удастся избѣжать опасности, то оно будетъ смотрѣть съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ на гибель своего собрата. Между тѣмъ у всѣхъ животныхъ, живущихъ стадами, всегда есть караульные, главное назначеніе которыхъ предупреждать своихъ товарищей о грозящей опасности. Всѣ травоядныя животныя, находящіяся въ странѣ, гдѣ живутъ плотоядныя, имѣютъ такихъ караульныхъ. Подобная предупредительная мѣра для нихъ необходима особенно потому, что травоядныя животныя употребляютъ довольно значительное количество времени на ѣду, и во время этой ѣды на нихъ, неготовыхъ къ оборонѣ, легко могъ-бы напасть незамѣченный непріятель. Извѣстный звукъ, издаваемый сторожевымъ, предостерегаетъ животныхъ отъ опасности, и они или спасаются бѣгствомъ, какъ это дѣлаютъ козы, или-же защищаются отъ нападенія, какъ стада лошадей, въ которыхъ жеребцы окружаютъ табунъ и, отбиваясь задними ногами, заставляютъ отступать нападающихъ волковъ.

Предостереженіе отъ опасности можно считать самую низшую услугу, какую только индивидуумъ оказываетъ обществу. Вторую степень нравственности представляетъ намъ общая охота. Тутъ нужна извѣстная доля самопожертвованія, потому что въ про-

тивномъ случаѣ добыча вызвала-бы непремѣнно самую ожесточенную борьбу между охотниками, результатомъ которой было-бы распаденіе общества. Брэмъ цитируетъ Альвареца, который встрѣчалъ павіановъ, соединившихся въ большое стадо, и видѣлъ какъ они приподнимаютъ камни, чтобы за ними искать себѣ пропитанія. Если камень слишкомъ тяжелъ, такъ что его не можетъ поднять одна обезьяна, то за него берется нѣсколько штукъ обезьянъ и, сдвинувъ его съ мѣста, находятъ себѣ пищу ¹⁾. Волки, охотящіеся нѣсколько штукъ вмѣстѣ, пеликаны, ловящіе рыбу обществомъ, наконецъ, муравьи и пчелы, запасаящіеся провизіей на то время года, когда пищу можно находить только съ большимъ трудомъ и то не всегда, — представляютъ намъ примѣры достаточно развившагося соціального инстинкта. Всякое животное, живущее особнякомъ, даже если оно совершенно сыто, не допуститъ, чтобы другое животное попользовалось тою пищею, которую оно себѣ приберегло; такое самопожертвованіе, какъ уступка пищи другому, бываетъ только слѣдствіемъ общей жизни и извѣстной степени симпатіи между членами одного общества.

Наконецъ, взаимная защита и даже пожертвованіе своею жизнію для защиты одного изъ членовъ общества, встрѣчается и между животными. Брэмъ приводитъ слѣдующій примѣръ геройскаго самопожертвованія со стороны обезьянъ. Онъ говоритъ, что во время своего путешествія по Нубіи разъ на охотѣ попалось ему на встрѣчу цѣлое стадо павіановъ. Они спокойно сидѣли у подножія скалы и занимались каждый своимъ дѣломъ, отъ поры до времени поглядывая на путешественниковъ. Но съ Брэмомъ были двѣ превосходныя собаки, которыя, замѣтивъ обезьянъ, съ лаемъ бросились на нихъ. Обезьяны начали карабкаться на совершенно отвѣсную скалу и взобрались такъ скоро на высокое мѣсто, что нечего было и пытаться стрѣлять по нимъ. Однако Брэмъ пустилъ на удачу нѣсколько пуль, которыя произвели неописанный ужасъ во всей бандѣ, не ранивъ, впрочемъ, ни одной обезьяны. Неувѣранныя въ полной безопасности мѣста, на которомъ онѣ находились, обезьяны слѣзли за изгибомъ скалы опять въ долину и стали перебираться на

¹⁾ Brehm, Thierleben, I. стр. 76.

противуположную возвышенность. Въ это время Брэмъ съ своими собаками подоспѣлъ имъ на встрѣчу, и собаки, бросившись въ середину стада, напали на самокъ. Но самцы, находившіеся впереди, замѣтивъ опасность, грозившую ихъ подругамъ, возвратились назадъ и стали наступать на собакъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что тѣ до такой степени испугались, что пустились бѣжать какъ можно скорѣе, позабывъ о цѣли своего наступленія. Тогда Брэмъ вторично натравилъ собакъ, и когда онѣ приблизились къ обезьянамъ, то изъ всего стада оставались въ долигѣ только нѣсколько самокъ и одинъ полугодовой павіанъ. На него-то и накинулись собаки; онъ былъ поставленъ ими въ такое опасное положеніе, что спасеніе его казалось невозможнымъ. Но въ самый критическій моментъ, когда собаки были уже увѣрены въ своей добычѣ, одинъ изъ старыхъ самцевъ отошелъ отъ находившагося въ безопасномъ мѣстѣ стада и, напугавъ собакъ своею грозною миной, освободилъ маленькую обезьяну отъ грозившей ей опасности и триумфально, медленнымъ шагомъ провелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ находилось все стадо ¹⁾). Не напоминаетъ-ли этотъ фактъ тѣ великія добродѣтели, которыми такъ восхищается Плутархъ и которыя благонравный учитель ставитъ въ примѣръ своему ученику? А вѣдь эта высокая нравственность произошла не отъ уваженія къ принципамъ, не отъ чувства долга, а просто отъ соціальнаго инстинкта. Если классифицировать всѣхъ соціальныхъ животныхъ по степени необходимости, которую они чувствуютъ въ общинной жизни, легко можно прослѣдить степень развитія въ нихъ чувства нравственности; можно увидѣть сначала, какъ животныя, побуждаемы извѣстнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, постепенно перестаютъ жить особнякомъ; какъ всякое измѣненіе въ общихъ условіяхъ жизни заставляетъ ихъ группироваться въ большія или меньшія общества и принуждаетъ ихъ подчиняться новымъ инстинктамъ; какъ всѣ индивидуумы, которые не хотятъ подчиниться волѣ общины или самаго сильнаго ея представителя, словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ соціальныя инстинкты слабѣе развиты, находятъ въ загонѣ у прочихъ членовъ общины; и, наконецъ,

¹⁾ Тамъ-же т. I, стр. 78.

«Дѣло», № 7.

какъ въ силу естественнаго подбора, болѣе социальныя животныя имѣютъ больше шансовъ оставить потомство.

Брэмъ, говоря о мартышкахъ, рассказываетъ, что самый сильный самецъ изъ всей банды дѣлается ея предводителемъ, и что во всякой обезьяней общинѣ право силы есть единственный всѣми признаваемый законъ. Но право силы есть чисто-антисоциальный и антинравственный элементъ и если-бы оно господствовало безпредѣльно, то социальныя инстинкты были-бы окончательно уничтожены или значительно измѣнены индивидуальнымъ инстинктомъ самохраненія. Что право силы временно господствуетъ во всякой общинѣ — это фактъ, всѣми наблюдаемый и неопровержимый, но также неопровержимъ и тотъ фактъ, что протесты противъ него ежедневны. Брэмъ рассказываетъ, что нельзя встрѣтить толпы обезьянъ, которая-бы не находилась въ постоянной дракѣ. Всякій антисоциальный поступокъ вызываетъ во всей общинѣ негодованіе и поступившій такимъ образомъ, будь онъ даже предводителемъ, подвергается опасности быть сильно поколоченнымъ и даже, можетъ быть, и изувѣченнымъ, причемъ вмѣстѣ съ силою онъ теряетъ первое мѣсто въ бандѣ. При подобномъ устройствѣ необходимо развитіе нравственнаго инстинкта и только тотъ членъ общества, который вмѣстѣ съ силою соединяетъ въ себѣ и всѣхъ сильнѣе развитыя социальныя инстинкты, можетъ быть увѣренъ, что бразды правленія не ускользнутъ изъ его рукъ.

Если мы возьмемъ теперь первобытное общество людей, образцы котораго попадаютъ намъ между дикими различными странъ, то увидимъ, что ихъ нравственный инстинктъ руководствуется первоначально тѣми-же побужденіями. Цѣпь социальныхъ инстинктовъ, начинающаяся съ довольно низкихъ организмовъ, постепенно тянется до первобытнаго человѣка и нельзя сказать, что-бы переходъ этотъ представлялъ слишкомъ рѣзкій скачокъ. Известно, что въкоторыя животныя представляютъ примѣръ замѣчательнаго развитія въ ихъ нравственнаго инстинкта. Капитанъ Стенсбери нашелъ на одномъ изъ соленыхъ озеръ въ Утахѣ стараго слѣпнаго пеликана, чрезвычайно жирнаго, котораго кормили сотоварищи, потому что самъ онъ не могъ добывать себѣ пищу ¹⁾. Въ этомъ случаѣ пеликаны дѣйствуютъ гораздо

¹⁾ Descent of Man, т. I, стр. 77.

нравственнѣе, чѣмъ дикари Огненной земли, которые съѣдаютъ своихъ стариковъ. Но человѣкъ вообще сильно одаренъ социальнымъ инстинктомъ; анализируя всеобщую исторію людей, нельзя не прійти къ заключенію, что въ человѣческихъ обществахъ происходило не развитіе, а скорѣе расширеніе нравственныхъ принциповъ. Дикари въ большей части случаевъ такъ-же питаютъ чувства справедливости, такъ-же готовы на самопожертванія, какъ и европейцы. Вся разница состоитъ въ томъ, что европеецъ видитъ брата во всякомъ человѣкѣ, ему дорого счастье людей, съ которыми онъ никогда, быть можетъ, и не встрѣтится, и онъ готовъ посвятить свою жизнь на пользу тѣхъ, съ кѣмъ ему, можетъ быть, и не прійдется имѣть никакихъ сношеній. Между тѣмъ дикій считаетъ своею обязанностью защищать людей только своего племени и, разумѣется, его нельзя укорить, чтобы онъ оказалъ какую-нибудь услугу незнакомому человѣку, если онъ не видитъ въ этомъ прямой для себя выгоды.

III.

На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи въ человѣческомъ обществѣ преобладаетъ право сильного, противъ котораго являются безконечные протесты, обуславливающіе войну, такъ что въ первобытномъ состояніи непримиримая война составляетъ нормальное состояніе. Но въ культурномъ обществѣ эта война ведется уже не въ самомъ обществѣ между его членами, а между отдѣльными племенами. Ее ведутъ исключительно за добываніе пищи. На первой ступени развитія человѣкъ употребляетъ только мясную пищу. Лишь въ рѣдкихъ странахъ, изобилующихъ овощами и фруктами, онъ ими питается, но и въ такомъ случаѣ не пренебрегаетъ мясомъ. Охота представляетъ громадныя затрудненія для всякаго дикаря. Преслѣдовать звѣря ему легко только до тѣхъ поръ, пока звѣрей попадается большое количество, и пока не явится слишкомъ много охотниковъ на одномъ мѣстѣ. Какъ только встрѣтятся эти два неблагоприятныя для дикаря условія, то и пропитаніе его дѣлается скуднымъ, а средства къ существованію очень незначительны. Помочь этому злу онъ можетъ только однимъ способомъ, именно силою заставить

своихъ сосѣдей отказаться отъ охоты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится добывать себѣ пищу. Но сосѣди обыкновенно бываютъ несговорчивы. Имъ также необходимо добывать пропитаніе охотою; они тоже рады-бы не имѣть конкурентовъ въ обильномъ на дичь мѣстѣ, почему всегда готовы принять вызовъ.

Посмотримъ, каковы въ такомъ случаѣ условія жизни и силы племени и насколько они достигаются самими сильными изъ племенъ. Ведя постоянную борьбу, общество естественно должно заботиться, чтобы каждый его членъ былъ способенъ къ войнѣ. Въ силу этого слабые индивидуумы, старики и женщины становятся обузою, ослабляющею племя, и у него является сознаніе, что для общественной безопасности необходимо ихъ истреблять. Мы видимъ, какъ жители Огненной земли, въ голодное время, истребляютъ стариковъ и старухъ. То-же самое производится въ большихъ размѣрахъ народами малайскаго племени, и нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ этотъ обычай долго послѣ того, какъ необходимость въ немъ исчезла вслѣдствіе перемѣны условій жизни. Такимъ образомъ, жители острова Фиджи, хотя и не принуждены вести ежедневной войны за насущное пропитаніе, убиваютъ всякаго изъ своихъ собратьевъ, который начинаетъ стариться. ¹⁾ Спрашивается, какъ могъ продержаться подобный обычай, когда общія условія жизни измѣнились и необходимости въ немъ уже не имѣется? Объясненіе этого факта мы находимъ въ новозеландскомъ представленіи о будущей жизни, которое имѣетъ много аналогіи съ представленіемъ жителей острова Фиджи. Такъ какъ всѣ понятія дикихъ чисто конкретныя, то и загробная жизнь представляется имъ совершенно такою-же, какъ и жизнь на землѣ. Они постоянно воюютъ съ сосѣдями, и побѣда считается величайшимъ въ жизни блаженствомъ. Но чтобы побѣдить врага, нужно обладать физическою силою, нужно пользоваться хорошимъ здоровьемъ, однимъ словомъ, нужно быть вѣчно молодымъ. Человѣкъ продолжаетъ за гробомъ совершенно ту-же жизнь, которую онъ велъ на землѣ, и если онъ передъ смертію болѣлъ, то нѣтъ повода думать, чтобы, переходя въ будущую жизнь, онъ измѣнился. Если онъ умретъ, достигнувъ

¹⁾ Williams, Fiji and the Fijians.

старости и испытывая болѣзни, съ ней сопряженныя, онъ не въ состояніи будетъ пользоваться здоровьемъ и побѣдою послѣ смерти, и потому ему невозможно будетъ достигнуть счастья. ¹⁾ Не лучше-ли для него умереть исполненнымъ силъ? Тогда передъ нимъ открывается безконечная будущность благополучія, для которой можно пожертвовать нѣсколькими годами жизни. Руководствуясь этими соображеніями, его убиваютъ, при чемъ онъ не только не сопротивляется, напротивъ того, радуется. Одинъ изъ миссіонеровъ на Фиджи получилъ отъ своего друга, мѣстнаго жителя, приглашеніе присутствовать при похоронахъ его матери. Зная, какъ сынъ былъ къ ней привязанъ, миссіонеръ поспѣшилъ утѣшить его въ горѣ, и попалъ на великолѣпный пиръ. Но какъ было его удивленіе, когда между прочими себесѣдниками онъ увидѣлъ ту женщину, на похороны которой онъ былъ приглашенъ. Сначала онъ подумалъ, что произошло какое-нибудь недоразумѣніе и поспѣшилъ объясниться съ своимъ другомъ, но тотъ сказалъ, что тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія, и что послѣ обѣда онъ намѣренъ собственноручно задушить свою мать. Миссіонеръ началъ увѣщевать его, но его увѣщанія не привели ни къ чему. Тогда онъ обратился къ матери, чтобы предупредить ее о грозящей ей опасности, но, къ великому своему удивленію, узналъ, что мать знаетъ о своей участи и очень ею довольна. Она ему сказала, что только теперь она окончательно убѣдилась въ любви къ ней сына, и увѣрилась, что онъ, несмотря на удовольствіе, которое находитъ въ ея бесѣдѣ и совмѣстной работѣ, ставить ея счастье выше этого удовольствія, потому что если она умереть теперь, то послѣ смерти будетъ жить здоровой и сильной и наслаждаться благополучіемъ, чего не случилось-бы, если-бы она умерла слабой старухой. ²⁾

Кромѣ убиванія старцевъ и старухъ, которое, какъ можно судить изъ вышеприведеннаго примѣра, нисколько не мѣшаетъ уваженію къ родителямъ, у охотничьихъ народовъ сильно развито дѣтоубійство, которое также обусловливается постояннымъ военнымъ положеніемъ, и которое не считается преступленіемъ. Убиваютъ преимущественно дѣвочекъ, такъ-какъ женщинамъ вооб-

¹⁾ Ellis, Polynesian Researches.

²⁾ Lubbock, L'homme avant l'histoire, ст. 365.

еще труднѣе добывать пропитаніе, чѣмъ мужчинамъ, къ тому-же женщина обыкновенно бываетъ слабѣе мужчины. Если родятся близнецы, то родители обыкновенно оставляютъ въ живыхъ самаго сильнаго, а болѣе слабого убиваютъ, и, такимъ образомъ, содѣйствуютъ естественному подбору. Этотъ обычай и производитъ большую непропорціональность въ количествѣ мужчинъ и женщинъ въ обществахъ дикарей, и, какъ я выше объяснилъ, составляетъ главную причину эндогаміи.

Кромѣ силы отдѣльныхъ членовъ племени, для пользованія извѣстными благосостояніемъ, охотничьему обществу необходима хорошая организація. Это условіе, точно также, какъ и всѣ условія жизни, развивается по мѣрѣ надобности, и мы находимъ его въ цвѣтущемъ положеніи у дикихъ, находящихся въ постоянной борьбѣ. Такъ какъ большинство путешественниковъ смотритъ на дикихъ съ европейской точки зрѣнія и требуетъ отъ нихъ тѣхъ качествъ, которыя высоко цѣнятся въ Европѣ, и такъ какъ самыя подробныя свѣденія объ ихъ жизни мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ миссіонеровъ, предубѣжденныхъ противъ нихъ, какъ своими религіозными вѣрованіями, такъ и своими нравственнымъ кодексомъ, то находимъ въ нихъ мало похвалъ какъ характеру самыхъ дикарей, такъ и организаціи ихъ обществъ. Обыкновенно ихъ описываютъ, какъ народъ жестокой, немилосердной никакихъ понятій о нравственности и религіозности, и готовый убить человѣка и ограбить его изъ за ничего. Испанская пословица говоритъ: „недовѣрйя видѣйцу,“ и въ духѣ этой пословицы отзываются о нихъ всѣ благочестивые путешественники. Нечего кажется и доказывать, что при подобной точкѣ зрѣнія невозможны точныя изслѣдованія. Чтобы произвести точныя изслѣдованія, необходимо отрѣшиться отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и личныхъ симпатій и антипатій; надо, по мѣрѣ возможности, разсматривать изслѣдуемый предметъ вполне объективно. Если мы станемъ изслѣдовать объективно характеръ дикаря, если не забудемъ, что онъ считаетъ близкимъ для себя человѣкомъ только человѣка, принадлежащаго къ одному съ нимъ племени, то мы найдемъ, что чувство самопожертвованія весьма развито между дикарями. Кромѣ того факта, который приводитъ Дарвинъ о патагонцахъ, скорѣе готовыхъ на смерть, чѣмъ на измѣну, мы знаемъ, что дикарь, найдя пищу

въ большомъ количествѣ, чѣмъ ему необходимо, охотно дѣлится ею съ своими одноплеменниками, хотя хорошо знаетъ, что чрезъ день, чрезъ два его можегъ посѣтитъ голодъ. Въ Австраліи дикіе питаются кореньями, рыбой, собаками, черепахами, бенгуру, но въ особенности любятъ китовъ. Такъ какъ живого кита имъ изловить невозможно, то имъ достается только такое животное, которое послѣ смерти бываетъ выброшено волнами на берегъ. Когда случится такое радостное для всѣхъ жителей событіе, то, обыкновенно, счастливы, которымъ удалось найти кита, извѣщаютъ объ этой находкѣ сначала тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые находятся поблизости, а потомъ по всему острову зажигаются огни, которые извѣщаютъ всѣхъ его жителей, что случилась неожиданная счастливая находка. Тогда отъ мала до велика всѣ бѣгутъ на то мѣсто, гдѣ находится китъ, и, вымазавъ сначала свое тѣло жиромъ, начинаютъ добираться до мяса, которое ѣдятъ въ сыромъ видѣ и изжаренное на огнѣ. Пиръ продолжается до тѣхъ поръ, пока все животное не будетъ съѣдено, при чемъ, разумѣется, не обращается никакого вниманія на то, что оно гниетъ и сильно воняетъ. Австралійцы копошатся въ китѣ точно черви, и картина молодой красавицы, выползающей изъ остова гнилого кита, вовсе не привлекательна ¹⁾).

Эти факты показываютъ, что и у охотничьихъ народовъ развито то нравственное чувство, которое мы находимъ у народовъ болѣе цивилизованныхъ, и которое считается однимъ изъ главныхъ достоинствъ нашей цивилизаціи. Недостатокъ матеріаловъ, неточность свѣденій и поверхностность авторовъ, знакомящихъ насъ съ ихъ жизнію, мѣшаетъ намъ представить себѣ картину этой жизни съ тою отчетливостью, съ которою мы можемъ нарисовать картину болѣе высокихъ стадій цивилизаціи. Мы не имѣемъ образцовъ ихъ домашней жизни. Ихъ міросозерцаніе намъ очень мало извѣстно, однако, если судить по мифамъ, которые изрѣдка попадаются у путешественниковъ, то мы должны отдать справедливость первобытному человѣку и сознаться, что его еоціальное чувство стоитъ далеко не такъ низко, какъ обыкновенно думаетъ объ этомъ цивилизованный человѣкъ. Въ подобномъ состояніи общества царствуетъ еще полное равенство

¹⁾ Lubbock, L'homme avant l'histoire.

и всякій получаетъ по своимъ личнымъ заслугамъ, а не по заслугамъ предковъ, какъ это бываетъ у кочевыхъ и осѣдлыхъ народовъ. Жизнь первобытныхъ обществъ въ высшей степени монотонна, потому что какъ же иначе назвать жизнь, хотя исполненную приключеній, но направленную на постоянную борьбу съ голодной смертью. Даже крупные факты, такіа происшествія, которыя выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, не долго держатся у нихъ въ памяти; такъ, напримѣръ, они не помнятъ, когда впервые пристали къ ихъ берегамъ европейцы, хотя они тогда увидѣли въ первый разъ много вещей, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Они не имѣютъ никакого преданія и только прямое наблюденіе можетъ дать намъ о нихъ кое-какое понятіе.

Религіозныя вѣрованія народовъ, занимающихся охотою, чрезвычайно разнообразны. Такъ какъ отдѣльныя эпохи ихъ цивилизаціи не представляютъ крутого перехода отъ одного состоянія къ другому, а только могутъ быть разсматриваемы, какъ типы, къ которымъ болѣе или менѣе подходитъ цивилизація даннаго племени въ извѣстное время, то буквальное принятіе мифовъ одного народа, находящагося въ охотничьемъ періодѣ цивилизаціи, не дастъ намъ рѣшенія интереснаго вопроса о вѣрованіяхъ этихъ племенъ. Изслѣдованія мифологіи этихъ народовъ чрезвычайно затруднительны, во-первыхъ, потому, что мы мало знакомы съ ними, такъ какъ путешественники не сближались достаточно съ дикими, чтобы отъ нихъ узнать объ ихъ вѣрованіяхъ, и во-вторыхъ, оттого, что вслѣдствіе усталости отъ умственнаго труда при разговорѣ съ европейцемъ, дикій говоритъ ему всякій вздоръ, который европеецъ записываетъ съ величайшимъ стараніемъ. Множество подобныхъ ошибокъ мы встречаемъ на каждомъ шагѣ и они дѣлаются наглядными, когда мы сравнимъ описаніе вѣрованій одной и той-же страны, сдѣланное нѣсколькими путешественниками. Впрочемъ, изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно вывести только одинъ неоспоримый фактъ, что понятіе о божествѣ у первобытныхъ народовъ скорѣе похоже на наши представленія о злыхъ духахъ, чѣмъ на христіанскаго Бога. Добрымъ существомъ, чисто-нравственнымъ и готовымъ на самопожертвованіе является у нихъ человѣкъ. Разбирая мифы кочевыхъ народовъ, мы укажемъ на вѣрованія по-

линезійцевъ и ихъ взглядъ на социальное чувство; здѣсь-же замѣтимъ только, что олицетвореніе зла всегда наводитъ на мысль о всемогуществѣ человѣка и сильно поражаетъ дикаря, принужденнаго ежедневно бороться за существованіе, и видащаго, какъ ежедневно люди, уважаемые имъ, и о которыхъ онъ зналъ, что они обладаютъ всеми хорошими качествами, гибнуть въ этой борьбѣ.

Жертвоприношенія этимъ злымъ богамъ поражаютъ насъ своею жестокостью. Человѣческія жертвы случаются очень часто, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе, что антропофагія очень развита у этихъ людей. Человѣческое мясо считается высшимъ лакомствомъ, злой духъ можетъ надѣлать много вреда и тогда только покровительствуетъ, когда ему даютъ хорошую взятку; какъ-же въ такомъ случаѣ не дать ему лучшаго куска, чтобы онъ не мѣшалъ человѣку въ его предпріятіяхъ.

Нравственный инстинктъ у дикихъ проявляется только въ томъ чувствѣ привязанности, которое они питаютъ ко всякому члену своего племени. То, что мы называемъ нравственностью, такъ отличается отъ нравственности дикихъ, что между этими двумя чувствами, повидимому, почти ничего нѣтъ общаго. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы вправѣ отрицать существованіе у нихъ социальнаго чувства. Нравственность находится въ тѣсной зависимости отъ общественнаго устройства, она имъ обуславливается; слѣдовательно, странно было-бы съ нашей стороны ожидать аналогіи нашихъ взглядовъ со взглядами племенъ охотничьихъ. Совершенно достаточно констатировать существованіе социальнаго чувства, а это возможно изъ извѣстныхъ намъ фактовъ, и такимъ образомъ, ставъ на точку зрѣнія дикаго, разобратъ тѣ пункты, въ которыхъ наши понятія о нравственности похожи на его понятія.

IV.

Уже въ охотничьемъ состояніи человѣкъ начинаетъ приручать нѣкоторыхъ дикихъ животныхъ; они по преимуществу служатъ ему, какъ пособники въ охотѣ. Правда, что когда голодъ на-

чинаетъ его мучить, когда вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ добываніе пищи и для него, не только для этихъ прирученныхъ животныхъ, становится затруднительнымъ, онъ рѣшается ихъ ѣсть, но они не составляютъ его обыкновенной пищи, и онъ все-таки предпочитаетъ дичь. Но когда являются благопріятныя для разведенія звѣрей обстоятельства, и они начнутъ плодиться въ большомъ количествѣ; когда первобытный человѣкъ успѣетъ приручить травоядныхъ животныхъ, которыя объемомъ и легкостью разведенія обезпечиваютъ его пропитаніе, онъ начинаетъ оставлять охоту и становится пастухомъ. Тогда онъ перестаетъ вести постоянную войну съ сосѣдями, и держится болѣе миролюбиваго характера. Хотя и при пастушескихъ занятіяхъ племя, занимающее самыя выгодныя пастбища, должно защищаться отъ завидующихъ его благосостоянію сосѣдей, однако здѣсь война становится болѣе рѣдкимъ явленіемъ, чѣмъ она была у охотничьяго народа. Изобиліе пищи и увѣренность въ болѣе обезпеченности существованія позволяютъ племени распасться на болѣе мелкія группы и жить болѣе индивидуальной жизнью. Въ этомъ состояніи семейство, занимавшее у охотничьяго племени самое незначительное мѣсто, мало-по-малу получаетъ значеніе и дѣлается почти единственнымъ цементомъ, связывающимъ общественную жизнь. Религіозныя вѣрованія на этой ступени цивилизаціи даютъ намъ лучшее объясненіе развитія этого семейнаго учрежденія. Они дѣлаются верховною санкціей главы семейства и ограничиваются почти исключительно поклоненіемъ умершимъ. Крѣпкіе обряды охотничьяго народа малѣ-по-малу уступаютъ болѣе гуманнымъ жертвоприношеніямъ, такъ какъ и антропофагія вмѣстѣ съ войной сходитъ на второй планъ, и наконецъ, окончательно уничтожается. Приношенія въ жертву телятъ и козлятъ замѣняютъ мало-по-малу жертвоприношенія живыхъ людей, которыя случаются все рѣже и рѣже.

При переходѣ изъ охотничьяго въ пастушеское состояніе, племя распадается на отдѣльныя семейства, въ которыхъ глава или старѣйшій распоряжается безпрекословно младшими членами и власть его неоспорима. Самъ собою является вопросъ—отчего въ обществѣ, которое первоначально основано на силѣ, старшій, а слѣдовательно болѣею частію и слабѣйшій членъ, управляетъ

всѣми прочими, отчего противъ него такъ рѣдки протесты? Неужели общество людей, занимающихся скотоводствомъ, слѣдуетъ совершенно другимъ основаніямъ, чѣмъ общество охотниковъ? Тамъ мы видѣли, что сила и ловкость занимаютъ то мѣсто, которое по общему признанію и по силѣ обстоятельствъ имъ совершенно законно принадлежитъ. Но здѣсь иначе. Патриархъ далеко не всегда самое сильное и самое ловкое лицо въ общинѣ. Занятія племени немногосложны и каждый членъ можетъ обойтись безъ руководства старѣйшины, потому-что трудъ такъ легокъ и добываніе пропитанія такъ несложно, что всякій членъ можетъ пропитаться безъ большого напряженія своихъ умственныхъ и физическихъ способностей. Тутъ единственное возможное объясненіе даетъ намъ религія этихъ народовъ.

Чтобы вполне точно уяснить себѣ измѣненія, которыя создали подобное состояніе общества, намъ необходимо прослѣдить зарожденіе религіознаго чувства и посмотрѣть, какими путемъ являются первыя вѣрованія въ обществѣ. Первый вопросъ, который при этомъ представляется и занимаетъ ученыхъ съ самаго открытія Америки и ознакомленія съ дикими народами, слѣдующій: есть-ли народы, неимѣющіе никакихъ религіозныхъ вѣрованій, или-же совсѣмъ нѣтъ такихъ народовъ? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ отрицательно съ самаго начала португальцами, описавшими дикія племена Бразиліи, и утверждавшими, что эти племена не признаютъ ни Бога, ни короля, ни законовъ. Докторъ Лангъ, описывая австралійскихъ дикарей, говоритъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о божествѣ, не молятся, не дѣлаютъ жертвоприношеній; словомъ, въ религіозномъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ дикихъ животныхъ. Послѣ такого положительнаго свидѣтельства многіе авторы, пишущіе съ его словъ, признаютъ существованіе племенъ, неимѣющихъ никакой религіи, незамѣчая, что этотъ-же самый Лангъ, говоря объ ослѣ, свирѣпствующей между туземцами, утверждаетъ, что они приписываютъ вредное ея дѣйствіе вліянію будья, злого духа, который также произвелъ на землѣ потопъ. Пасторъ Ридлей, напротивъ того, утверждаетъ, что жители Австраліи, именно тѣхъ мѣстъ, которыя описываетъ Лангъ, имѣютъ вполне сформировавшіяся понятія о твореніи, о злыхъ и добрыхъ духахъ, о без-

смертіи души, однимъ словомъ, въ религіозномъ отношеніи стоятъ нисколько не ниже прочихъ дикихъ племенъ ¹⁾.

Всѣ извѣстѣйшіе авторы, писавшіе о дикихъ, какъ, напримеръ, Кранцъ, Добрицгоферъ, Шарльруа, Эллисъ, Гардые, Коллуэй, Вильсонъ, Вильямсъ,—признаютъ, что всѣ изслѣдованныя ими племена имѣютъ религіозныя вѣрованія, и всѣ эти авторы приводятъ неопровержимые факты, подтверждающіе это мнѣніе. Всѣ они признаютъ существованіе понятія о душѣ или тѣни умершаго, которая можетъ являться живымъ людямъ и причинять имъ удовольствіе или страхъ, смотря по тому, какъ она къ нимъ относится. Сэръ Джонъ Лебокъ, въ своемъ новомъ сочиненіи „О происхожденіи цивилизаціи“ ²⁾, придерживается, однако, мнѣнія, что существуютъ народы безъ всякаго понятія о божествѣ и ссылается въ этомъ случаѣ на С. Бекера, который въ статьѣ, читанной въ 1866 году предъ Лондонскимъ Этнологическимъ Обществомъ, говоритъ: „Всѣ племена, живущія къ сѣверу отъ Бѣлаго Нила... за исключеніемъ одного только племени кичевъ не вѣрують въ высшее существо и не имѣютъ никакихъ формъ богослуженія или идолопоклонства“ ³⁾. Если-бы Бекеръ говорилъ только о латукахъ, которыхъ до сихъ поръ онъ только одинъ описалъ, то въ такомъ случаѣ его авторитетъ былъ-бы неопровержимъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока новое, болѣе подробное изслѣдованіе не показало-бы, что и у этихъ народовъ есть слѣды вѣры, но многія изъ описываемыхъ имъ племенъ подробно изслѣдованы гораздо раньше его путешествія, и у диневовъ, шилуковъ и нуровъ положительно открыты слѣды религіи и жертвоприношеній.

Первыя основанія вѣры найдены въ настоящее время у всѣхъ болѣе изслѣдованныхъ народовъ. Изъ этого однако нельзя вывести заключенія, чтобы гипотеза народа безъ вѣры была невозможна. Одно мы положительно можемъ сказать, что въ настоящее время человѣчество вышло изъ этого первобытнаго состоянія. Но вѣра почти всѣхъ дикихъ племенъ такъ значительно отличается отъ вѣры цивилизованныхъ народовъ, что на первый

¹⁾ Taylor, Primitive Culture I, стр. 378.

²⁾ Lubbock, Origines of Civilisation ст. 138.

³⁾ Baker, Races of the Nile Basin въ Transat. Etn. Soc. V. ст. 231.

взглядъ европеецъ не найдетъ въ ней ничего общаго съ своею религіей, и потому будетъ отвергать самое ея существованіе.

Чтобы прослѣдить развитіе религіи въ человѣчествѣ, нужно посмотрѣть на міросозерцаніе дикаря и на то, какъ онъ объясняетъ дѣйствія силъ природы. Умосозерцаніе дикаря чисто субъективно. Если мы возьмемъ его языкъ, то въ немъ найдемъ только названія такихъ предметовъ, которые производятъ впечатлѣніе на высшія чувства. Разумѣется, что въ немъ нечего искать отвлеченныхъ понятій и въ немъ не встрѣчается даже общихъ названій. Такъ, напримѣръ, въ языкахъ индѣйцевъ сѣверной Америки встрѣчается названіе различныхъ видовъ деревьевъ, но слова „дерево“ въ нихъ совсѣмъ нѣтъ. Руководясь непосредственно опытомъ, не имѣя способности къ обобщенію, дикарь признаетъ все кажущееся за дѣйствительность. Если онъ видитъ сонъ, онъ убѣжденъ, что предметы, представившіеся ему во время сна, онъ видѣлъ въ дѣйствительности, что они въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Такимъ образомъ, если ему приснится умершій человѣкъ, на похоронахъ котораго онъ присутствовалъ, онъ убѣжденъ, что дѣйствительно видѣлъ его. Но какъ-же согласовать съ тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ, ту дѣйствительность, которую онъ очень хорошо помнитъ? Какъ совмѣстить понятіе о неподвижномъ и нѣмомъ тѣлѣ съ понятіемъ о живомъ человѣкѣ, который движется и говоритъ съ нимъ во снѣ? Тѣнь является самымъ подходящимъ объясненіемъ. Поэтому если дикарь, увидя во снѣ умершаго человѣка, и желая убѣдиться живъ-ли этотъ человѣкъ или нѣтъ, старался схватить и остановить его, но безуспѣшно, то онъ навѣрное придетъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, не живъ, а между-тѣмъ движется, слѣдовательно, онъ видѣлъ не тѣло умершаго человѣка, а что-то неуловимое, которымъ онъ овладѣть не могъ. Но что-же неуловимо въ человѣкѣ? Конечно, его тѣнь. Всякій дикарь знаетъ, что она неотступно слѣдуетъ за живымъ человѣкомъ. Дикарь на практикѣ убѣдился, что она не покидаетъ его, вѣчно его сопровождаетъ и напоминаетъ собою болѣе или менѣе его образъ. Тѣни мертвеца онъ не видѣлъ, потому-что мертвецъ обыкновенно зарытъ въ землѣ, и потому думаетъ, что эта-то тѣнь и есть жизненный принципъ, что она-то и есть душа, такъ-какъ она такъ-же неослабаема, какъ и привидѣніе. Языкъ многихъ племенъ до-

казывается, какъ нельзя лучше, что подобный процессъ мышления доводитъ дикаря до убѣжденія о безсмертіи души. Такъ, напримѣръ, тасманцы однимъ и тѣмъ-же словомъ называютъ душу и тѣнь ¹⁾. Не трудно также убѣдиться въ живучести первоначальныхъ понятій о душѣ по тѣмъ народнымъ рассказамъ и преданіямъ, по тѣмъ утратившимъ смыслъ обрядамъ, которые мы встрѣчаемъ еще у образованныхъ народовъ Европы. Оставленіе пищи умершему, похоронные обѣды и тому подобныя обряды доказываютъ, что понятія о душѣ у первобытныхъ обитателей Европы и у народовъ индоевропейскаго племени, въ періодъ ихъ дикаго состоянія, ничѣмъ не отличались отъ понятій современныхъ дикарей.

Присутствіе души въ организмѣ обуславливаетъ жизнь. Эта жизнь высказывается движеніемъ, и когда движеніе прекращается, тогда жизнь исчезаетъ: — таково всеобщее понятіе, распространенное между всѣми дикарями. Если дикарь замѣтитъ какое-либо движеніе, онъ приписываетъ его произволу движущагося предмета. Неознакомленный съ силой, неимѣя возможности возвыситься до абстрактнаго созерцанія, онъ приписываетъ свободную волю, чувства, страсти, однимъ словомъ, всѣ психическія явленія лѣсу, рѣкѣ, морю, и всему, что способно двигаться. Его поражаетъ тѣнь неодушевленныхъ предметовъ; онъ подъ дѣйствіемъ кошмара или большой горячкой видитъ, какъ за нимъ гонятся горы и камни, какъ ему угрожаетъ опасность отъ вещей неодушевленныхъ; онъ начинаетъ мало-по-малу сознавать, что и онѣ одарены такой-же самостоятельной жизнію, какъ и одушевленные существа. Анимизмъ, или объясненіе дѣйствіемъ души всякаго явленія природы, есть первая ступень цивилизаціи. Съ нее начинается человѣчество тотъ путь, который оканчивается единствомъ силъ.

Разсматривая, какимъ образомъ люди начали впервые наблюдать природу и какой методъ они употребляли при этомъ наблюденіи, мы придемъ къ заключенію, что первая ступень цивилизаціи была достигнута точно такимъ-же способомъ, какъ и всѣ прочія открытія, именно индуктивнымъ методомъ. Человѣкъ, наблюдавъ фізіологическія и патологическія явленія. и не обладая

¹⁾ Bonwick, Tasmanians, ст. 182.

силою точнаго анализа надъ этими наблюденіями, естественно приходитъ къ тѣмъ заключеніямъ, которыя непосредственно бросались ему въ глаза, и которыя онъ могъ повѣрять своими чувствами. Убѣдившись, что всѣ его движенія обуславливаются волей, увидѣвъ, что знакомый ему жертвецъ не производитъ никакихъ движеній, онъ не могъ прійти къ иному заключенію о причинѣ движеній, производимыхъ человѣкомъ при жизни, какъ только къ признанію существованія духа. Видя, какъ въ природѣ движутся инныя тѣла, какъ колыхнется море, какъ плыветъ рѣка и шумитъ лѣсъ, онъ непрѣнно подумаетъ, что и эти предметы одушевлены и одарены тѣми-же качествами, какъ и человѣкъ. Признавъ такое заключеніе доказаннымъ, онъ положитъ его въ основаніе прочихъ своихъ выводовъ и построитъ на немъ мало-по-малу цѣлую доктрину о космосѣ.

Признавъ, что въ первобытныя времена индуктивный методъ былъ употребленъ человѣкомъ при его объясненіяхъ физическихъ явленій, мы должны также разсмотрѣть и то вліяніе на объясненіе фактовъ, и тѣ ошибки въ ихъ пониманіи, которыя рождаются отъ слишкомъ неразборчиваго отношенія причины къ послѣдствіямъ. Если возьмемъ два факта, изъ которыхъ появленіе одного вызываетъ всегда появленіе другого, то первый мы называемъ причиною, а второй слѣдствіемъ, и если послѣ продолжительнаго наблюденія мы замѣтимъ, что послѣдовательность ни разу неизмѣнилась, мы говоримъ, что оба эти факта находятся въ зависимости другъ отъ друга. Это первый способъ, которымъ человѣкъ руководится при открытіи закона, но такъ какъ онъ основывается только на наблюденіи, то предсказаніе факта часто не удается. Первобытные люди не имѣютъ никакой возможности повѣрять законы инымъ способомъ, какъ наблюденіемъ и притомъ, не развивъ въ себѣ критической оцѣнки фактовъ, они часто ставятъ два совершенно самостоятельныя явленія въ зависимость причинности. Если мы разсмотримъ космогоническіе мифы дикихъ народовъ, мы увидимъ подтвержденіе этого положенія. Если мы возьмемъ мифъ творенія, какъ представляютъ его себѣ дикіе, и станемъ его проводить чрезъ всѣ степени цивилизаціи, то вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, намъ придется взять его у народа, хотя и не высоко стоящаго въ цивилизаціи, однако все-таки гораздо

болѣе развито, чѣмъ самыя дикія племена, именно у новозеландцевъ. По ихъ мнѣнію, всѣ существа, живущія въ мірѣ происходятъ отъ бракосочетанія Ранги (небо) и Папа (земли). Небо и земля вначалѣ летали обнявшись и все твореніе находилось во тьмѣ; тогда сыновья неба и земли стали совѣтоваться: слѣдуетъ-ли убить родителей, или-же раздѣлить ихъ, чтобы произвести свѣтъ. На этомъ совѣтѣ Танемогута, отецъ лѣсовъ, уговорилъ братьевъ не убивать родителей, а раздѣлить ихъ: „Пусть небо удалится отъ насъ, а земля пусть останется съ нами и пусть кормитъ насъ.“ Ронгоматанъ, отецъ воздѣланной человѣческой пищи, первый попытался раздѣлить небо и землю, но его усилія были тщетны. Напрасно старался сдѣлать это и Тангароа, отецъ рыбъ, Гумаятикитики и Туматауэнга, отецъ храбрыхъ людей. Тогда началъ медленно подниматься Танемогута, богъ и отецъ лѣсовъ. Онъ укрѣпилъ свою голову на матери земли и ногами или вѣтвями сталъ отпихивать отца — неба. Танемогута былъ такъ силенъ, что его старанія увѣнчались успѣхомъ. Тавириматеа, отецъ вѣтровъ и бури, никогда не соглашался на то, чтобы раздѣлить родителей. Онъ не захотѣлъ оставаться съ своими братьями, ушелъ къ отцу-небу и повелъ ожесточенную войну съ братьями. Его дѣти, вѣтры и ураганы, громовосныя тучи и ливни, накинудись на Танемогуту и его дѣтей. Громадныя стволы деревьевъ были опрокинуты и сдѣлались добычею насѣкомыхъ и червей. Тогда богъ вѣтровъ поднялъ громадныя массы водъ океана, такъ что Тангароа, богъ океана и всего живущаго въ немъ, испугался и убѣжалъ на дно морское. Дѣти Тангароа, Икатере, богъ рыбъ, Тутешвеги, богъ пресмыкающихся, такъ-же искали убѣжища передъ грозящей опасностью. Отецъ рыбъ убѣжалъ въ море, а отецъ пресмыкающихся считалъ болѣе надежнымъ спрятаться на землѣ и, такимъ образомъ, эти два брата навсегда раздѣлились. Тангароа, разсерженный на отца пресмыкающихся, который покинулъ его, началъ непримиримую войну съ богомъ лѣса, давшимъ убѣжище отцу пресмыкающихся. Богъ лѣса воюетъ съ нимъ, снабжая потомковъ Туматауэнга, бога людей, матеріаломъ для лодокъ, на которыхъ они отправляются на рыбную ловлю, за то богъ моря мститъ, поглощая лодки и дома людей, отрывая громадныя вѣтви деревьевъ и унося ихъ въ далекое море.

Побѣдивъ двухъ братьевъ, богъ вѣтра начинаетъ воевать съ двумя другими, съ богами воздѣланной и невоздѣланной пищи, но земля сжалилась надъ ихъ участіемъ и спрятала ихъ въ свои объятія, такъ что они не потерпѣли никакого удара. Остался одинъ человѣкъ, съ которымъ богъ вѣтра еще не пробовалъ воевать. Но и его очередь вскорѣ пришла. Война была безпощадна, но одолѣть человѣка не было никакой возможности. Онъ храбро сопротивлялся и, несмотря на то, что прочіе боги не помогали ему въ борьбѣ, несмотря на то, что богъ вѣтра приложилъ всѣ свои усилія, чтобы побѣдить человѣка, онъ все-таки остался непобѣдимымъ и послѣ долгой войны небо и буря успокоились и оставили все въ томъ-же самомъ положеніи, какъ до начала борьбы.

Когда война между богами окончилась, богъ людей задумалъ отомстить братьямъ, которые не помогли ему во время борьбы съ богомъ вѣтра. Онъ устроилъ сѣти и стрѣлы, чтобы воевать съ птицами, дѣтьми бога лѣсовъ и, подчинивъ ихъ своему могуществу, сдѣлалъ изъ нихъ себѣ пищу. Потомъ началъ ловить рыбъ, отправляясь въ лодкѣ на середину моря и, побѣдивъ бога моря, подчинилъ и его своей волѣ. Наконецъ, напалъ на боговъ воздѣланной и дико растущей пищи и сдумѣлъ вынуть ихъ изъ нѣдръ земли; одного только бога бури онъ побѣдить не могъ. Борьба между ними продолжается до сихъ поръ, и до сихъ поръ еще ураганы разрушаютъ жилище человѣка.

Земля и небо раздѣлены. Оба они плачутъ другъ по другѣ и въ теплую лѣтнюю ночь земля, вспоминая о небѣ, тяжело вздыхаетъ и ея вздохи уносятся къ небу въ видѣ теплаго лѣтняго тумана. Небо-же плачетъ по землѣ, и его слезы падаютъ на землю въ видѣ прозрачныхъ и блестящихъ капель росы¹⁾.

Если мы рассмотримъ этотъ мифъ, то увидимъ въ немъ міросозерцаніе охотничьяго народа. Въ немъ заключаются всѣ нравственныя понятія этого періода культуры; то, что мы говорили о социальномъ чувствѣ, какъ о преобладающемъ элементѣ въ нравственныхъ понятіяхъ дикихъ, ясно отражается и въ этомъ мифѣ. Въ чемъ заключалось главное преступленіе всѣхъ боговъ, которые боролись противъ неба и его союзника вѣтра? Не въ томъ, что

¹⁾ Grey, Polynesian Mythology, т. I.

«Дѣло», № 7.

они вздумали раздѣлить родителей. Нѣтъ, чувство безусловнаго подчиненія родительской волѣ не могло еще развиться; оно было еще слишкомъ ново для людей на этой ступени цивилизаціи; извѣстно, что на этой стадіи развитія дѣтоубійство чрезвычайно распространено; оно повседневно встрѣчается и не можетъ развить сильной любви дѣтей къ родителямъ. Главнымъ преступленіемъ боговъ была измѣна братьевъ человѣку. Они имѣли общаго врага, и въ войнѣ съ нимъ должны были всѣ тѣсно соединиться между собою; но они, въ то время, когда сильнѣйшій и болѣе ловкій изъ нихъ, человѣкъ, не поддавался брату и отчаянно съ нимъ боролся,—они оставались дома спокойными зрителями жестокой борьбы. Этого поступка было достаточно, чтобы уничтожить всякую солидарность между союзнымъ лагеремъ, чтобы побѣдитель могъ безъ угрызенія совѣсти мстить своимъ, слишкомъ робкимъ, союзникамъ.

Въ этомъ мифѣ видна еще другая, не менѣе характеристическая сторона дикой жизни, именно, оправданіе права сильного. Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ право силы преобладаетъ надъ чувствомъ справедливости и всякими другими чувствами до такой степени, что рѣшеніе его безапелляціонно. Побѣдитель до тѣхъ поръ непрекословно владѣетъ всѣми, кто только былъ ему подчиненъ, пока онъ въ силѣ удержать ихъ въ повиновеніи. Но какъ скоро сила его исчезаетъ, то и онъ сходитъ на второй планъ и становится въ подчиненныя отношенія къ новому побѣдителю. Въ борьбѣ за раздѣленіе неба отъ земли побѣдителемъ остался лѣсъ, но когда обстоятельства измѣнились, когда человѣкъ одинъ могъ противостоять бурѣ, когда ураганы, въ свою очередь, побѣдили гордаго побѣдителя неба, тогда человѣкъ начинаетъ первенствовать и, забывая услугу, оказанную лѣсомъ, дѣлаетъ его своимъ вассаломъ и воюетъ съ нимъ совершенно такъ-же, какъ и съ другими братьями.

Затмѣніе солнца и луны объясняется совершенно одинаково почти всѣми дикими племенами, и это объясненіе такъ наглядно, такъ субъективно, что можетъ служить лучшимъ примѣромъ объясненій законовъ природы у народовъ, живущихъ внѣ всякаго критическаго отношенія къ наблюдаемымъ явленіямъ. Чиквиты, живущіе въ южной Америкѣ, думаютъ, что затмѣніе луны происходитъ отъ того, что на нее нападаютъ большія собаки, и кусаютъ ее до

такой степени, что она теряет свой блескъ; поэтому во время затмѣнїя они поднимаютъ страшный крикъ, чтобы отогнать ихъ отъ луны собакъ. Караибы полагаютъ, что Мобая, демонъ, ненавидящїй свѣтъ, старается проглотить луну и солнце, и потому танцуютъ и кричатъ во все время затмѣнїя, чтобы испугать демона. Перувианцы объясняли затмѣнїе точно также. Тупи до сихъ поръ говорятъ во время затмѣнїя: „Ягуаръ съѣлъ солнце“. Однимъ словомъ, мифъ о съѣденїи солнца и луны встрѣчается почти у всѣхъ народовъ. У индѣйцевъ онъ принимаетъ весьма изящную форму и даетъ объясненїе того факта, что затмѣнїе продолжается очень недолгое время. Демонъ Рагу успѣлъ хитростью сѣсть между богами и хватить немного безсмертнаго напитка. Вишну, замѣтивъ эту продѣлку, рѣшилъ, что необходимо наказать виновнаго и молніей отшибъ ему голову. Съ тѣхъ поръ Рагу преслѣдуетъ солнце и луну и глотаетъ ихъ, какъ только удастся ему ихъ настигнуть, но такъ-какъ у него осталась только одна голова, то чрезъ непродолжительное время проглоченное свѣтило выходитъ цѣло и невредимо изъ его глотки и снова свѣтитъ по-прежнему.

Во всѣхъ этихъ объясненїяхъ и во многихъ другихъ мифахъ, которые можно-бы привести цѣлыми сотнями, ярво замѣтно старанїе объяснить законы природы наглядными, ежедневно встрѣчающимися фактами. Вездѣ теорїя анимизма безпрекословно торжествуетъ и вездѣ отражается та степень цивилизаціи, при которой впервые появился мифъ.

Когда народъ, приручивъ нѣкоторыя породы животныхъ, мало-по-малу бросаетъ охоту и начинаетъ заниматься скотоводствомъ, и мифологія его принимаетъ совершенно иной характеръ, она становится болѣе индивидуальной и социальное чувство, которое такъ наглядно высказывается въ мифологіи охотника, занимаетъ въ ней первенствующее мѣсто, начинаетъ постепенно уступать всеильному чувству уваженїя къ старшимъ. Подобный переходъ является необходимымъ послѣдствїемъ двухъ обстоятельствъ, которыя съ одинаковою силою и одновременно дѣйствуютъ на умъ дикаря. Во-первыхъ, имѣя гораздо болѣе свободного времени, чѣмъ охотникъ, скотоводъ можетъ отдаться созерцанїю природы. Онъ замѣтитъ правильное движенїе свѣтиль, правильное рожденїе животныхъ, своевременное появленїе полез-

ныхъ и вредныхъ растений, однимъ словомъ, ему бросятся въ глаза тѣ неизмѣнные законы природы, которые мы можемъ наблюдать безъ первоначальной подготовки, которые, такъ сказать, очевидны. Мы знаемъ, каково было объясненіе всякаго движенія, которое впервые зародилось въ человѣческомъ умѣ; при поверхностномъ наблюденіи это объясненіе, естественно, показалось несомнѣннымъ дикарю; онъ, видя, какъ солнце и луна и всѣ небесныя свѣтила движутся вокругъ него, не могъ не подумать, что они живыя существа. Убѣдившись въ этомъ и замѣтивъ ихъ полезное или вредное на природу дѣйствіе, онъ ихъ считаетъ за боговъ, интересующихся его участію и награждающихъ его или мстящихъ ему за его поступки. Если во время слишкомъ жаркаго лѣта трава посохнетъ и источники, въ которыхъ его стада находили необходимую для своего существованія воду, изсякнутъ, онъ убѣжденъ, что это богъ солнца мститъ ему за то, что онъ не принесъ ему въ жертву своихъ лучшихъ барановъ. Если буря разрушитъ его шалашь или градъ побьетъ его овецъ, то это произошло потому, что онъ былъ невнимателенъ къ старшимъ, что его родители имѣли поводъ на него жаловаться. Какимъ-же образомъ помочь горю въ этомъ прискорбномъ случаѣ, какъ умиротворить расходившуюся стихію? Онъ знаетъ, что не можетъ самолично разговаривать съ богами, знаетъ, что его моленія останутся безуспѣшными, потому-что онъ не видитъ боговъ и они его не поймутъ. Есть средство помочь злу, это средство — жертвоприношеніе, но и оно не всегда спасаетъ, такъ-какъ можетъ случиться, что злой духъ помѣшаетъ ему сдѣлать жертвоприношеніе или-же овладѣетъ тѣмъ подаркомъ, который онъ предназначаетъ для разгнѣваннаго бога. Ему необходимъ кто-нибудь, кто-бы прямо и непосредственно могъ разговориться съ этимъ богомъ, кто-бы рассказалъ ему, что бѣдный пастухъ не имѣетъ никакихъ дурныхъ намѣреній, кто-бы на совѣтъ боговъ могъ постоять за него и подать ему помощь, а въ крайнемъ случаѣ, совѣтъ, какъ отклонить гнѣвъ всемогущихъ существъ. Этотъ заступникъ человѣка, этотъ добрый гений, приносящій ему такую громадную пользу, есть никто иной, какъ его умершій отецъ. Если сынъ былъ ему послушенъ всю жизнь, если воля отца была свята для сына, то понятно, что отецъ не захочетъ оставить его въ критическую минуту, что

онъ заступится за него передъ разгнѣванными богами и отклонить грозящую ему опасность. Но если отецъ имѣетъ поводъ быть недовольнымъ поступками сына, если втеченіи жизни онъ встрѣтилъ въ немъ непослушаніе и строптивость, если его помысленія не были направлены къ тому, чтобы склонить отца въ свою пользу, тогда бѣда ему. Тогда, въ критическую минуту, отецъ останется глухъ къ его моленіямъ и злые духи одержать побѣду надъ нимъ; тогда онъ проклятъ на вѣки и неудачи станутъ преслѣдовать его во всю жизнь. Скотъ не будетъ плодиться такъ хорошо, какъ у сосѣдей, явится падежъ, болѣзни, засухи; его дѣти будутъ ему непослушны, и боги, увидя его неправые поступки, будутъ преслѣдовать его безжалостно. Проклятіе отца падаетъ не на одного сына, оно отзывается въ далекихъ поколѣніяхъ и часто потомки отвѣчаютъ за вину какого-нибудь далекаго предка.

Эти вѣрованія, распространенныя рѣшительно у всѣхъ народовъ, прошедшихъ черезъ кочевое состояніе, объясняютъ то неистижимое уваженіе, которымъ пользуется отецъ семейства, и которое никѣмъ не оспаривается, хотя подчасъ и жутко приходилось уважающему и подчиняющемуся сыну. Это уваженіе удерживало семейство и племя кочующихъ народовъ отъ распавенія въ странахъ, гдѣ изобиліе пастбищъ дало-бы возможность распасться на маленькія группы. Оно объясняетъ многіе законы, у нѣкоторыхъ народовъ существующіе даже до сихъ поръ, которые подчасъ поражаютъ своею непослѣдовательностью; оно-же даетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи. Римское право основано на этихъ понятіяхъ о патриархальной власти; феодализмъ и власть родителей въ западной Европѣ развились изъ него. Оно служитъ краеугольнымъ камнемъ политическаго перевѣса аристократіи. Первымъ послѣдствіемъ этого уваженія къ родительской власти былъ также упадокъ соціального чувства; причины этого упадка прослѣдить весьма легко. Во всякомъ обществѣ, гдѣ равенство членовъ нарушено, гдѣ не достоинство и сила, а какія-нибудь другіе абстрактныя принципы берутъ верхъ, начинается постепенное подкапываніе органическаго строла. Такъ, наприимѣръ, въ обществѣ, работающемъ для поддержанія своего существованія и для достиженія возможно высшей степени благосостоянія, всего болѣе цѣнятся сила и

трудолюбіе, и не менѣе высокое мѣсто занимаетъ симпатія ко всѣмъ членамъ общества. Всѣ дикія племена, живущія охотой, развиваются совершенно правильно. Разсматривая ихъ мифы, мы видимъ, что самое могущественное лицо этого мифа всегда является исполненнымъ самопожертвованія. Возьмемъ, наприѣръ, новозеландскій мифъ о смерти. Богатырь Мауи, побѣдивъ весь міръ, возвращается домой и объявляетъ отцу, что отправляется сражаться со смертью. „Люди не должны умирать, и я въ борьбѣ со смертью останусь побѣдителемъ“. Тогда отецъ его вспомнилъ, что когда впервые обмывалъ его, то позабылъ нѣсколько молитвъ, и изъ этого заключилъ, что послѣдняя война будетъ гибельна для сына. Однакожъ онъ не только не останавливалъ сына, а напротивъ уговаривалъ его непремѣнно вступить въ борьбу за такое великое дѣло. Мауи отправился туда, гдѣ кончается горизонтъ и гдѣ небо приходитъ въ соприкосновеніе съ землею. Птицы сопровождали его и обѣщали ему помогать въ случаѣ надобности, но онъ просилъ ихъ, чтобы онѣ ограничились молчаніемъ и спокойно смотрѣли на то, что онъ будетъ дѣлать. Когда союзники пришли на мѣсто, гдѣ горизонтъ прикасается къ землѣ, то начало уже вечерѣть и старуха смерть спала. Тутъ Мауи сказалъ птицамъ: „Я влѣзу во внутренность старухи и прошу васъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣяться до тѣхъ поръ, пока я не вылѣзу черезъ ея ротъ; тогда вы громкимъ смѣхомъ разбудите ее и она принуждена будетъ признать себя побѣжденной“. Птицы обѣщались молчать и Мауи полѣзъ внутрь старухи. Но когда онъ долѣзъ до половины, маленькая птичка тиуакауака не могла удержаться отъ смѣха, разбудила старуху и Мауи былъ умерщвленъ ¹⁾).

Въ этомъ мифѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ высоко-развитое чувство самопожертвованія, которое вообще процвѣтаетъ у всѣхъ охотничьихъ племенъ. У пастушескихъ народовъ подобный мифъ невозможенъ. Тамъ смиренномудріе и послушаніе цѣнятся выше, чѣмъ всѣ прочія достоинства. Уваженіе къ власти, строгое исполненіе обрядовъ, освященныхъ обычаемъ, преслѣдованіе всего, что только освобождаетъ человѣческій умъ отъ предрасудковъ предковъ, ставится выше, чѣмъ всѣ соци-

¹⁾ Grey, Polynesian Mythology стр. 54—58

альныя услуги. Всякаго рода обманъ, дающій благословеніе отца семейства, не только позволителецъ, но и прославляемъ, какъ величайшая добродѣтель. Даже идеальныя личности этого направленія выходятъ какъ-то валы и несимпатичны. Возьмемъ замѣчательное произведеніе Вальминки, его Рамаяну, въ которой герой силой добродѣтели побѣждаетъ всѣ козни враговъ и достигаетъ величайшаго блага—рожденія браминомъ. Главною его добродѣтелью авторъ считаетъ безусловное поклоненіе браминамъ, отреченіе отъ своей воли и личности и угожденіе во всемъ сильной и владычествующей кастѣ. Не смотря на богатство фантазій, на мастерство описаній, которыми отличается эта эпопея, мнѣ болѣе симпатиченъ герой простой новозеландской сказки, чѣмъ великій индѣйскій богатырь ¹⁾.

Слѣды пастушескаго періода видны во всякой мифологіи болѣе развитыхъ народовъ, преимущественно въ ихъ погребальныхъ обрядахъ. Уваженіе къ мертвецу, въ особенности къ мертвецу-родственнику, обще всѣмъ степенямъ цивилизаціи, но чѣмъ сильнѣе это уваженіе, чѣмъ выше мѣсто, занимаемое родственниками въ религиозныхъ обрядахъ, тѣмъ больше отражается на народѣ вліяніе его кочевой жизни. Дикари уважаютъ своихъ мертвыхъ и даже приносятъ имъ жертвоприношенія, но эти жертвоприношенія скорѣе служатъ къ тому, чтобы защитить ихъ отъ нерасположенія мертвыхъ, чѣмъ чтобы имѣть въ нихъ вѣрныхъ патроновъ. На островѣ Цейлонѣ и вообще у всѣхъ народовъ, сохранившихъ слѣды до-браминской вѣры, обоготвореніе мертвыхъ составляетъ одну изъ главныхъ частей религіи. Монголы поклоняются семейству Чингисъ-хана, самъ Чингисъ считается главою этого семейства и ему отдаются самыя высокія почести ²⁾. Въ Японіи поклоненіе мертвецамъ занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ религіи. Въ Сіамѣ жители неохотно молятся высшимъ божествамъ, потому что боятся ошибками въ молитвѣ возбудить ихъ неудовольствіе; они предпочитаютъ молиться божествамъ меньшаго разряда, къ числу которыхъ при-

¹⁾ Хотя Рамаяна принадлежитъ ко времени высокой индѣйской цивилизаціи, но въ ней отразилось то направленіе кочевой парода, которое переполняетъ индѣйскую мифологію.

²⁾ Carsten, Finnische Mithologie.

надлежать души умершихъ великихъ людей. Въ Китаѣ, классической странѣ консерватизма, моленіе предкамъ составляетъ главную религію страны. Почести, которыми пользуется китаецъ при жизни, переходятъ на его предковъ, и всякое высокое мѣсто и знакъ отличія, получаемый потомкомъ, обозначается на погребальномъ камнѣ предковъ. Вѣра въ помощь предковъ такъ велика у китайцевъ, что, въ случаѣ несчастія, они говорятъ съ извѣстнаго рода упрекомъ, что предки позабыли объ нихъ. Предкамъ китаецы приносятъ жертвы, состоящія изъ бумажныхъ изображеній того предмета, который хотятъ пожертвовать, по преимуществу изъ бумажныхъ денегъ, но такъ какъ эти жертвоприношенія достигаютъ громаднхъ размѣровъ, то все-таки обходятся чрезвычайно дорого. Въ Индіи поклоненіе предкамъ занимаетъ также довольно почтенное мѣсто въ религіозныхъ обрядахъ. Каждый индѣецъ желаетъ имѣть сына, который могъ-бы принести въ жертву его тѣни медь, рись и молоко. Жертвоприношеніе тѣнямъ предковъ даетъ счастье въ жизни и успѣхъ въ предпріятіяхъ ¹⁾.

Кочевое состояніе служитъ переходною ступенью отъ дикаго состоянія къ формированію государства. Одно изъ первыхъ условій государственнаго устройства есть признаніе авторитета; безъ этого признанія, безъ добровольнаго пожертвованія части своей свободы для общей пользы, никакая власть немислима. Но дикарь не въ состояніи добровольно пожертвовать своею свободою во имя абстрактнаго принципа, во имя какого-то порядка, польза котораго для него остается темна; ему нужна наглядная, осязаемая польза, которую сформированное государство дать ему не можетъ. Онъ уважаетъ силу, и силою его можно заставить сдѣлать все, что угодно, но не всегда-же сила бываетъ въ рукахъ власти, поэтому долговременное управленіе одного лица или одного семейства немислимо. Нужно непременно, чтобы люди привыкли сначала къ повиновенію отцу семейства, а потомъ они мало-по-малу привыкнутъ и къ уваженію начальника. Постараемся указать, какъ могъ случиться этотъ переходъ и какъ основались первыя общества, и хотя это указаніе будетъ представлять цѣль фактовъ, срединныя звенья которой теряются

¹⁾ Ману, кн. III.

во мракѣ, однакожь оно даетъ возможность составить довольно близкую къ правдѣ гипотезу.

Мы выше говорили о поклоненіи предкамъ, какъ объ одномъ изъ главныхъ обрядовъ первоначальной религіи. Но, чтобы понять, какими образомъ это поклоненіе перешло въ поклоненіе домашнимъ богамъ и черезъ нихъ къ племеннымъ богамъ, намъ необходимо обратиться къ главной теоріи первобытной цивилизаціи, къ анимизму. Выше было сказано, что дикарь считаетъ всякое движущееся тѣло за одушевленный предметъ, и что на самыхъ первыхъ ступеняхъ цивилизаціи мы встрѣчаемъ признаки вѣры во всемогущество души, и въ безконечную жизнь ея послѣ смерти тѣла. Но куда-же она дѣвается? задаетъ себѣ вопросъ дикарь, какъ только начинаетъ мыслить. Отвѣтъ на этотъ вопросъ легко разрѣшается. Если она живетъ, то послѣ похоронъ, послѣ того, какъ тѣло уложили въ гробъ, и оно сгнило въ землѣ,— она должна войти въ какой-нибудь предметъ съ тѣмъ, чтобы преслѣдовать тѣ-же цѣли, которыхъ она старалась достигнуть во время жизни. Во время своего земного существованія человекъ имѣлъ близкихъ сердцу людей, которымъ онъ желалъ добра и которыхъ благосостояніе ему было дорого; онъ имѣлъ также враговъ, нанесшихъ ему обиду, которымъ онъ желалъ отомстить. Если душа его живетъ тою-же жизнью, которою онъ жилъ на землѣ, если ее волнуютъ тѣ-же страсти, то понятно, что и она должна преслѣдовать тѣ-же цѣли, слѣдовательно, должна перейти въ какой-нибудь предметъ, который-бы попался въ руки родныхъ. Поэтому у многихъ дикихъ кладутъ какой-нибудь предметъ возлѣ мертвеца, чтобы душа его могла проникнуть туда и возвратиться къ роднымъ; этотъ предметъ родные уносятъ домой. Нѣкоторыя индѣйскія племена, напримѣръ, коли приносятъ домой душу умершаго сейчасъ-же послѣ похоронъ въ какомъ-нибудь неодушевленномъ предметѣ, иные въ рыбѣ, пойманной сейчасъ-же послѣ похоронъ; бинжавары изъ Рапура въ горшкѣ съ водой, бунжи въ горшкѣ съ землей ¹⁾. Въ Китаѣ одна изъ трехъ душъ человека переходитъ въ семейную табличку, передъ которою китаецъ молится, а вторая остается при тѣлѣ, если кто-нибудь изъ близкихъ не перенесетъ ее домой, и потому переносить ее черезъ

¹⁾ Report of Jabbutpore Ethnological Committee, Nagpore. 1868, ч. I, стр. 5.

посредство пѣтуха, котораго кладутъ возлѣ тѣла и въ котораго она переходитъ; или-же, если смерть застигнетъ человѣка слишкомъ далеко отъ мѣста пребыванія семейства, то пересылаютъ семейству платье мертвеца, въ которое прячется душа ¹⁾. Кромѣ человѣческой души есть еще въ мірѣ много добрыхъ и злыхъ духовъ, которые приносятъ пользу человѣку или дѣлаютъ ему вредъ. Такъ, на примѣръ, всѣ болѣзни происходятъ отъ того, что злые духи входятъ въ человѣка и мучаютъ его. Это понятіе, можно сказать, повсемѣстно, оно принадлежитъ къ тѣмъ вѣрованіямъ, передъ которыми преклоняются всѣ люди, за исключеніемъ самыхъ цивилизованныхъ классовъ европейскаго общества. Дикарь считаетъ, что болѣзнь есть ничто иное, какъ злой духъ, изнуряющій больного и питающійся его внутренностями, поэтому, въ большинствѣ случаевъ, чтобы успѣшно излечить болѣзнь, нужно вынуть какимъ-нибудь образомъ этого злого духа. Кодадуну и доктора въ Полинезійи обыкновенно начинаютъ сосать больную часть тѣла и продолжаютъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока не высосутъ камышка или животнаго, которымъ впередъ запаслись и держали его во рту. Католическіе священники лечатъ сумасшествіе изгнаніемъ злого духа. Монсеньоръ Ануиль, епископъ-миссіонеръ въ Китаѣ, писалъ въ 1862 году: „Повѣрите-ли? я обратилъ десять деревень. Дьяволъ въ отчаяніи. Втеченіи пятнадцати дней, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ проповѣдывать, мнѣ попалось пять или шесть человѣкъ, въ которыхъ сидѣлъ злой духъ. Наши патеры изгоняютъ дьявола святою водою и лечатъ болѣзни. Я видѣлъ чудеса. Дьяволъ мнѣ очень помогаетъ при обращеніи язычниковъ. Также, какъ во время Господа нашего, несмотря на то, что дьяволъ отецъ лжи, однако онъ не можетъ не говорить правды. Посмотрите на этого сумасшедшаго, въ страшныхъ судорогахъ кричащаго: „Зачѣмъ проповѣдуешь истинную вѣру, я не потерплю, чтобы ты лишалъ меня моихъ учениковъ“. — Какъ тебя зовутъ, говорилъ проповѣдникъ. — Послѣ нѣкотораго колебанія: „Я посланный отъ Люцифера“. — А сколько васъ всѣхъ? — „Насъ двадцать два“. Святая вода и знакъ честнаго креста освободили этого сумасшедшаго“ ²⁾.

¹⁾ Doolittle Chinese, т. I, ст. 157, 207 и 214; т. II, ст. 401.

²⁾ Gaume, L'Eau Bénite au Dix-Neuvième Siècle, 3 изд., Paris, 1866 г., ст. 353.

При распространенной, такимъ образомъ, вѣрѣ въ духъ предковъ, находящійся у человѣка подъ рукою, при вѣрѣ въ то, что этотъ духъ можетъ спасти его отъ несчастія, уваженіе къ отцу семейства, къ старшему, находящемуся въ еще болѣе близкихъ отношеніяхъ съ божествомъ, сильно возрастаетъ. Власть отца семейства, основанная на религіозномъ вѣрованіи, поддержанная авторитетомъ божества, становится еще болѣе могущественною. Духъ предка или предводителя, доставившаго самья большія выгоды семейству, дѣлается главнымъ божествомъ и его фетишъ, сопровождающій семейство во всѣхъ его странствованіяхъ, становится блюстителемъ дисциплины и побудительною причиною къ послушанію. Привычка слушаться начинаетъ переходить въ плоть и кровь племени и когда все готово, когда племя достаточно дисциплинировано и обладаетъ богатствомъ и могуществомъ, тогда народъ готовъ покориться верховной власти, которая принимаетъ на себя отцовскій авторитетъ.

Изъ народовъ, находящихся въ кочевомъ состояніи, мы встрѣчаемъ двухъ представителей совершенно различныхъ племенъ, такъ что можемъ, принявъ ихъ за образецъ, нарисовать цѣлую картину кочевой жизни, которую очень удобно пояснить примѣрами изъ исторіи другихъ народовъ, теперь живущихъ осѣдло, но своею вѣрою, главными своими обычаями и всѣмъ складомъ своей жизни явно свидѣтельствующихъ, что они долгое время находились въ кочевомъ состояніи, и что оно наложило на нихъ неизгладимую печать, которую не стерла совершенно позднѣйшая цивилизація. Эти два народа — арабы и монголы. Народы-же, которые такъ долго и такъ твердо сохраняли преданіе старины, это китайцы и индѣйцы. Китайцы замѣчательны какъ консерватизмомъ своего ума, такъ и положительною неспособностью къ отвлеченнымъ теоріямъ. Религія, или вѣриѣ, религія, господствующія въ Китаѣ, до такой степени проникнуты реализмомъ, и съ такой устойчивостью придерживаются старыхъ обрядовъ, утратившихъ всякій смыслъ, что можно ручаться, что если и были какія-нибудь въ нихъ измѣненія со времени ихъ введенія, то эти измѣненія были такъ незначительны, что по нимъ легко узнать ихъ первообразъ. Одно только ученіе Будды утратило тотъ широкій смыслъ любви и самопожертвованія, который ему придалъ его замѣчательный авторъ.

Индія не отличается такимъ консервативнымъ духомъ, какъ Китай, но она поставлена въ такое положеніе, что не можетъ измѣнить главный смыслъ своего ученія. Браминны съ давнихъ временъ эксплуатируютъ въ свою пользу всё жизненныя силы Индіи. Допустить развитіе соціальнаго чувства для нихъ такъ-же опасно, какъ провести реформу, которая-бы сравняла ихъ съ прочими кастами. Позволить что-нибудь подобное, значило-бы разрѣшить упадокъ вѣры, значило-бы отказаться отъ всего прошедшаго и изъ великой вѣры оставить только одно воспоминаніе. Но, скажутъ, что браминская вѣра претерпѣла измѣненіе, что прежде каста браминовъ не пользовалась тѣми правами, которыя она присвоила себѣ вполнѣдствіи, что послѣ побѣды, одержанной этой кастой, права прочихъ кастъ пострадали, а права браминовъ развились неожиданно до чрезвычайныхъ размѣровъ. Такъ, но рядомъ съ Пуранами у насъ есть Веды, рядомъ съ Ведами законы Ману, которые носятъ отпечатокъ пастушества, и которые прямо указываютъ на первоначальный смыслъ обрядовъ и на мѣсто, занимаемое низшею кастою, и нельзя не признать, что это мѣсто незавидное. Словомъ, взявъ этотъ матеріалъ за основаніе, намъ кажется, что мы будемъ въ состояніи нарисовать довольно вѣрную картину пастушеской жизни, переходящей въ первоначальное государство и показать, какъ потомъ этотъ богатый матеріалъ послушанія, собраный многими поколѣніями, мало-помалу былъ пущенъ въ ходъ и какъ на немъ создавались восточныя деспотіи.

А. Залѣскій.

ЮБИЛЕЙНО-ПЕТРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Петръ Великій, преобразователь Россіи. Спб. 1872 г. издано подъ редакціею А. Погосскаго.

Великій преобразователь Россіи, царь Петръ Алексѣевичъ, изданіе I. Алферьева. Спб. 1872 г.

Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго. И. Божерянова. Спб. 1872 г.

Исторія медицины (въ?) Россіи въ царствованіе Петра Великаго, составленная Николаемъ Купріяновымъ, докторомъ медицины, дѣйств. членомъ общества русскихъ врачей и пр. Спб. 1872 г.

Разназы о Петрѣ Великомъ, Вл. Сорокина. Изданіе „Русской Книжной Торговли“. Спб. 1872 г.

Царь Петръ Великій. 30-е мая 1672 г. — 30-е мая 1672 г. Чтеніе для народа, И. Шафеева. Произнесено при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1872 г.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ на Руси появился могучій геній — богатирь въ полномъ смыслѣ этого слова, слѣды котораго до сихъ поръ чувствуются въ нашей жизни и не скоро еще изгладятся. Этотъ геній родился въ обществѣ, возлюбившемъ пуше всѣхъ благъ земныхъ свою непробудную спячку и свое безпомощное азіатское невѣжество; съ юныхъ лѣтъ приходилось ему бороться съ фарисейскимъ благочестіемъ, расточавшимъ провлятія на суетную науку и на буйственный разумъ человѣческой, и съ фальшивымъ патріотизмомъ, который умилялся созерцаніемъ отечественныхъ болячекъ, посматривая свысока на все остальное человѣчество. Предъ глазами этого юноши, развитаго не по лѣтамъ, проходили попеременно сцены рабскаго униженія и наглаго безчинства; дорогіе и близкіе ему люди погибали на коняхъ и бердышахъ разсвирѣпѣвшихъ янычаръ-стрѣльцовъ; самъ онъ служить цѣлью безпощаднаго гоненія и только разныя счастливыя случайности спасаютъ его отъ преждевременной смерти, Рядомъ съ безобразіемъ и неряшествомъ отечественной дикости,

любующейся, какъ Нарцисъ самое на себя; рядомъ съ приниженіемъ личности и самоуправствомъ толпы или власти, стоящей надъ нею; рядомъ съ томительной скукой и монотонностью восточнаго быта—пытливый юноша видитъ возлѣ себя, на берегу Яузы, иной бытъ и иные нравы, пріютившіеся въ чистенькой и опрятной нѣмецкой слободкѣ. Жители этой слободки рассказываютъ ему о дальнихъ и близкихъ краяхъ, откуда судьба привела ихъ въ Москву, они показываютъ ему интересныя вещи—плоды другой культуры и высшаго умственнаго развитія. Рассказы воспламеняютъ воображеніе юноши, любопытныя вещи требуютъ ближайшаго знакомства съ ними. И вотъ изъ этихъ-то разнородныхъ вліяній, изъ этого невольнаго сопоставленія самодовольной грубой азіятчины съ скромной, но увѣренной въ себя европейской культурой, развиваются въ юношѣ первые зародыши того историческаго характера, съ которымъ и выступаетъ онъ на свою блестящую арену. Война старинѣ объявлена, и объявлена разомъ на всѣхъ пунктахъ, — всѣмъ проявленіямъ отечественнаго быта. Только одною традиціей воспользовался Петръ для борьбы; это—традиція всемогущей власти, сосредоточившейся въ его рукахъ. Но и этою традиціей великій царь пользуется не какъ восточный падишахъ для удовлетворенія прихотей своего личнаго или семейнаго эгоизма, но какъ европейскій диктаторъ, для котораго на первомъ планѣ стоитъ благо народа, ввѣрившаго ему свою судьбу. „Вы не должны помышлять, говорилъ Петръ своимъ войскамъ въ знаменитомъ приказѣ передъ полтавскимъ боемъ, — что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное... А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила-бы только Россія въ славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего“. Окруженный подъ Прутомъ турецкими войсками, онъ—если вѣрить преданію—поручаетъ сенаторамъ избрать, въ случаѣ его смерти, изъ своей среды достойнѣйшаго наследника. Онъ казнитъ, наконецъ, собственнаго сына, убѣдившись въ томъ, что его упорствование разрушитъ все сдѣланное отцомъ. Ясная и благородная цѣль руководитъ всѣми его дѣйствіями и въ служеніи этой цѣли онъ является первымъ слугою, первымъ работникомъ. Не для потѣхи и маскарада вооружается онъ топоромъ на саардамской верфи: нѣтъ! жажда труда проникла глубоко весь его нравственный и физическій орга-

низмъ, и ему невозможно было-бы жить безъ работы также точно, какъ безъ пищи и воздуха. Мозоли, дѣйствительно, не сходять съ его могучихъ и неустанныхъ рукъ; роскошь ему противна, и каждая копѣйка трудовыхъ народныхъ денегъ дорога ему по собственному, тяжкому опыту въ работѣ. Кафтавъ изъ недорогого сукна, безъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній; починенные сапоги; одноколка; простой почти грубый обѣдъ, приправленный рюмкою водки и стаканомъ пива — вотъ все, что нужно лично самоотверженному подвижнику; вотъ все, что отдѣляетъ онъ для себя за свою хлопотливую, трудовую жизнь. Но за это скромное вознагражденіе онъ поспѣваетъ всегда и всюду: онъ отличный полководецъ и хорошій плотникъ, искусный морякъ и усердный токарь, немножко медикъ и хирургъ, издатель книгъ и первый въ Россіи журналистъ. Онъ умѣетъ говорить и съ простымъ поденщикомъ, и съ государственнымъ чловѣкомъ, и съ ученымъ иностранцемъ; для всѣхъ ихъ онъ одинаково доступенъ, хотя не всѣ другіе умѣютъ добраться до него, когда онъ, сидя на корабельной мачтѣ, устраиваетъ тамъ свои импровизированныя аудіенціи и проситъ чопорнаго посла познакомиться съ употребленіемъ веревочной лѣстницы. Недостатки и пороки этого историческаго гиганта (скрывать ихъ нечего, и они довольно расписаны нашими исторіографами - Корытниковыми) принадлежать вѣку и той средѣ, въ которой приходилось ему развиваться; его великія достоинства и заслуги принадлежать почти всецѣло его чуткому уму, его богато-одаренной натурѣ. Нельзя было Петру воздержаться отъ жестокостей противъ стрѣльцовъ, — въ которыхъ онъ видѣлъ вооруженныхъ защитниковъ ненавистнаго ancien régime, — когда стрѣleckіе бердыши не пощадили его родного дядю и поднимались уже надъ головами его самого и его матери; мудрено было не увлечься черезъ край прерогативами власти, когда вокругъ себя онъ видѣлъ или рабскую, пассивную покорность, или дикіе взрывы изувѣрства. Диктаторъ по власти, добровольно отказавшійся отъ азіатскаго раболѣпія своихъ подданныхъ, европейски-образованный чловѣкъ, энциклопедистъ въ различныхъ отрасляхъ знанія, поучающій народъ всему, отъ цыфры и грамоты до высшихъ научныхъ сферъ — какава это сильная и привлекательная личность и на сколько серьезныхъ опросовъ на-

талкиваетъ она „въ настоящее время, когда“... мы снова плетемся шагкомъ въ хвостъ европейскихъ народовъ, снова любимся собственными болячками, снова фыркаемъ на прогрессъ и общественное развитіе и встрѣчаемъ опять всякаго человѣка, отдѣлившася отъ табуна по своему образу мыслей, старомъ погудкомъ, которую встрѣчали москвичи до-петровскаго времени басурманакѣмца, забредшаго случайно на православныя улицы изъ своей отиѣтой слободы. „Шишь на кокуй! шишь кокуй!“ остроумно кричали бородачи сконфузившемуся „брадобрѣйцу“ и почти тоже кричать нынѣ обрѣтыя Петромъ старовѣры всѣмъ неосторожнымъ новаторамъ.

Изъ огорченій, которыя Петръ претерпѣлъ при жизни, едва-ли хоть одно равняется тому, которое современная російская литература заставляетъ переносить его по смерти, и можно смѣло сказать, что если духъ Петра носится доселѣ надъ созданнымъ имъ Петербургомъ, то онъ не скажетъ спасибо ни г. Погосскому, ни г. Алферьеву, взявшимся за оцѣнку его исторической дѣятельности.

Наша „юбилейно-петровская“ литература, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась къ „виновнику торжества“ съ ловкостью почти военнаго человѣка. Ни одного живого нерва не подиѣтили эти историкъ въ страстно-подвижной фигурѣ великаго царя, ни одного драматическаго мотива не уловили въ крутомъ разрывѣ съ старинной! Все сдѣлалось такъ просто, обыденно, и казенно въ ихъ вяломъ и безжизненномъ изложеніи, лишенномъ красокъ и силы. Спасибо хоть Петру Исаичу Вейнбергу, извѣстному переводчику и издателю сочиненій Берне и Гейне: онъ выручилъ насъ, удостовѣривъ своихъ варшавскихъ слушателей, что современная Россія идетъ неуклонно по стезѣ петровой, что великій Петръ олицетворился, такъ сказать, въ каждомъ современномъ россиянинѣ, и что намъ ничего больше не остается, какъ купить себѣ зеркало и созерцать въ немъ свой... и петровъ образъ. Это, по крайней мѣрѣ, сильно и смѣло сказано. Дай Богъ здоровья Петру Исаичу и „генеральскій чинъ“, какъ говаривалъ полковникъ Скалозубъ. А то что, напр., говорятъ намъ г.г. Алферьевъ и Погосскій? Первый утверждаетъ, что „удачный выборъ дядекъ“ (это не Никиты-ли Зотова, надъ которымъ все-народно потѣшался Петръ Великій?) рѣшилъ судьбу Петра, и не

будь умныхъ дядекъ, не было-бы и умнаго питомца. Затѣмъ узнаемъ мы, что Петръ „дѣйствовалъ иногда сурово, но всегда былъ справедливъ“, что въ стрѣлцкомъ бунтѣ онъ „дѣйствовалъ съ твердостью и раскрылъ многія козни“, что царевна Софія учинила противъ него „преступныя дѣянія“ и получила мзду по заслугамъ, что Петръ заботился о „внутреннемъ устройствѣ государства“ и пр. и пр. Читаешь все это и думаешь: зачѣмъ понадобилось г. Алферьеву перелгать и безъ того не цвѣтистую прозу г. Иловайскаго на стертый, какъ старый пятиалтынный, языкъ канцелярской докладной записки? зачѣмъ понадобилось перепечатывать, „съ дозволенія автора“, забытые стишки г. Бенедиктова, въ которыхъ о Петрѣ говорится слѣдующимъ бурлацкимъ тономъ:

На Руси, немножко (?) дикой,
И не то, чтобъ очень встарь,
 Былъ на царствѣ царь великій,
Ухъ! какой громадный (!) царь.

Но если произведеніе г. Алферьева пахнетъ *штатскимъ* духомъ канцелярской записки, то г. Погосскій, наоборотъ, являетъ въ себѣ стараго „твердо-грамотнаго“ служаку, который бывалъ въ туретчинѣ, и въ польскомъ походѣ и, маракуя кое-что по печатнымъ книжкамъ, стряпаетъ изъ этихъ книжекъ и изъ обрывковъ чужихъ розказней нѣчто совершенно особенное, пропитанное бужетомъ мелочной лавочки и солдатской казармы. Въ повѣтствованіи г. Погосскаго Петръ имѣетъ видъ браваго ефрейтора, который, хотя и любилъ „повоевать съ Ивашкой Хмѣльницкимъ“ (стр. V), но по пословицѣ: „два угодыя въ немъ“, въ то-же время отлично исполнялъ свои обязанности и былъ „обожаемъ своимъ войскомъ“. Кромѣ того, какъ „человѣкъ высокой души, онъ горячо любилъ мать, жену (не Евдокію-ли Федоровну?), семью свою (въ томъ числѣ и царевича Алексѣя Петровича)“ и пр. и пр. Такой-же казарменный пошибъ замѣчается и въ остроумничаньи автора. Такъ, напр., рассказавъ ненужный анекдотъ о томъ, какъ „хмѣльной матрость“ далъ мудрый совѣтъ Петру—отливать пушки изъ колоколовъ во время войны съ Карломъ XII—и получилъ за то въ награду право пить на царскій счетъ во всѣхъ кабакахъ, авторъ продолжаетъ:

«Дѣло», № 7.

4

„Дали матросу билетъ (т. е. билетъ на входъ въ кабаки); сняли колокола и стали лить пушки. Обошелъ матросъ всё кабаки; отлили 242 пушки. Стали отливать послѣднюю 243-ью, напился матросъ послѣдній разъ: отлили пушку и матросъ померъ, ибо дѣлу пришелъ конецъ“. Неправда-ли, какъ это игриво и характеристично для оцѣнки личности Петра, которому, вѣроятно, всё счастливыя мысли подсказывались „хитлыми матросками?“

О гг. Божеряновѣ и Купріяновѣ мы считаемъ приличнымъ совсѣмъ умолчать, посоветовавъ только обоимъ имъ поупражняться нѣсколько побольше въ правилахъ русскаго словосочиненія прежде, чѣмъ выступать на литературное поприще. Советъ нашъ въ особенности можетъ пригодиться г. Купріянову, который сооружаетъ, напр., такія удивительныя фразы: „Царь, зная невѣжество своего народа, вынужденъ былъ иногда для просвѣщенія онаго прибѣгать къ угрозамъ, и что (!!) и высшіе сановники, въ то время, нуждались въ просвѣщеніи, доказываетъ слѣдующій примѣръ“ и пр. Далѣе слѣдуетъ примѣръ, который ровно ничего не доказываетъ, такъ-какъ все дѣло состоитъ въ томъ, что боярину Салтыкову данъ былъ по ошибкѣ усиленный приемъ лекарства, вслѣдствіе чего больной умеръ: — случай, который можетъ произойти съ самымъ просвѣщеннымъ въ мірѣ человекомъ.

Сравнительно лучше и дѣльнѣе написана книжка г. Сорокина: „Разказы о Петрѣ Великомъ“, но только *сравнительно*, — не болѣе. Авторъ, безъ грубыхъ ошибокъ (замѣтимъ ему, однако, въ скобкахъ, что *зерню* назывались въ старину *не карты*, а кости, и что стольникъ былъ не *вышнимъ*, а скорѣе *низшимъ* придворнымъ чиномъ) и довольно складно рассказываетъ о наиболѣе выдающихся дѣлахъ Петра Великаго, при чемъ обнаруживаетъ даже нѣкоторую способность отличать важное отъ неважнаго. Но опять-таки только *нѣкоторую*, потому что, вмѣсто подробнаго описанія потѣшныхъ ученій и морскихъ забавъ Петра Великаго, полезнѣе было-бы дать читателямъ сколько-нибудь стройную, связную картину русской старины до-петровскаго времени, почерпнувъ ее въ главныхъ чертахъ хоть изъ общезвѣстныхъ сочиненій Костомарова и Забѣлина. Заслуги Петра тѣсно связаны съ тою средою, въ которой довелось ему дѣй-

ствовать; степень напряженности его реформаторских стремлений объясняется изъ того-же прошлаго, съ которымъ ему надо было считаться; какъ-же тутъ обойтись безъ подробнаго и, по возможности, картиннаго сопоставленія? Между тѣмъ, въ замѣнъ этого г. Сорокинъ даетъ намъ на трехъ страничкахъ, что-то въ родѣ предисловія подъ названіемъ: „Какъ жили на Руси до Петра Великаго“, и въ этомъ предисловіи нѣтъ ни одной специально-русской черты до-петровскаго прошлаго. Безцвѣтно и по готовому шаблону росписываетъ г. Сорокинъ, что неприглядна, дескать, была до Петра жизнь городскихъ обывателей, а деревенскаго сословія еще хуже, что ученыхъ не было вовсе, что „*дорогъ тоже не было никакихъ*, а просто ѣздили цѣликомъ“ (тутъ авторъ, очевидно, увлекся и хватилъ черезъ край), что горѣли часто села и города, что „безчисленныя толпы нищихъ, изувѣченныхъ *мерзкими болѣзнями*, шатались по всей Россіи“ и пр. и пр. Изъ всего этого набора словъ не получаете ровно никакого цѣльнаго впечатлѣнія, и реформа Петра не создается читателемъ, какъ неизбежно вытекающая изъ условій и потребностей своей эпохи. Все сказанное г. Сорокинымъ можетъ быть примѣнено одинаково и къ Тибету, и къ землѣ каффровъ и, пожалуй даже, къ новѣйшей Ирландіи, гдѣ тоже нищихъ-то, и притомъ изувѣченныхъ всякими болѣзнями, не занимать стать. Наконецъ, книжкѣ г. Сорокина вредитъ еще и ея „маленько-мужицкѣй“ стиль съ разными, мнимо-народными словечками и оборотами. Этимъ *стилемъ* авторъ хотѣлъ, вѣроятно, угодить народному вкусу, но сильно ошибся: издавна замѣчено, что какъ дѣти не любятъ, такъ называемыхъ, дѣтскихъ книгъ и предпочитаютъ имъ книги для взрослыхъ, написанныя простымъ и доступнымъ языкомъ, такъ и народъ терпѣть не можетъ авторовъ, наряжающихся „для подвоху“ въ мужицкѣй zipунъ и полушубокъ. Говорите съ народомъ правильной и выразительной русской рѣчью, не вставляя въ нее этихъ постороннихъ заплатъ,—и народъ пойметъ васъ и будетъ вамъ благодаренъ.

Послѣдняя брошюра, о которой приходится говорить намъ, принадлежитъ г. Шалфееву и составляетъ лекцію, прочитанную авторомъ въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Эта послѣдняя брошюра, по достоинству, должна быть поставлена первой, хотя часовая лекція не давала возможности г. Шал-

фееву распространиться объ серьезномъ предметѣ и развить обстоятельнѣе всѣ мысли, только слегка намѣченныя имъ. Но, тѣмъ не менѣе, личность Петра освѣщена авторомъ правильно, и коротенькая брошюрка читается легко и съ удовольствіемъ, такъ-какъ г. Шалфеевъ говоритъ въ ней своимъ настоящимъ, а не поддѣльнымъ языкомъ, и выражаетъ осмысленную симпатію къ преобразованію.

Чѣмъ начали, тѣмъ и кончимъ: грустно, очень грустно, что русская литература, вызванная къ жизни Петромъ Великимъ, оказалась безсильною создать что-нибудь, болѣе достойное и приличное для его двухсотлѣтняго юбилея...

— й. .

НОВАЯ КНИГА.

Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Изданы академикомъ П. Пекарскимъ. Спб. 1872 г.

Покойный Арсеньевъ принадлежалъ къ той приспомятой плеядѣ профессоровъ александровской эпохи, которые впервые низвели университетскую науку изъ области заоблачныхъ высотъ въ сферу чисто русскихъ, общественныхъ вопросовъ. Уничтоженіе крѣпостного права, реформа суда и финансовъ, свобода печати и преобразование коренныхъ государственныхъ законовъ на основаніи принциповъ, выработанныхъ политическою жизнію Европы—таковы были главные предметы лекцій этихъ профессоровъ. Но «Столпы» попятнаго движенія, въ родѣ Шишкова и Магницкаго, не могли, конечно, простить этимъ людямъ ихъ смѣлой честности, и почти все подобныя преподаватели въ продолженіи всей своей дѣятельности подвергались самымъ безсостыднѣйшимъ инсинуаціямъ и преслѣдованіямъ со стороны ретроградовъ. Арсеньевъ еще въ 1812 г. навлекъ на себя личное неудовольствіе профессора Заблоцкаго отказомъ отъ женитьбы на его родственницѣ, и это обстоятельство долго имѣло весьма неблагоприятныя для него послѣдствія (стр. 11). Когда Арсеньевъ издалъ свой учебникъ географіи,—первый по времени порядочный учебникъ въ Россіи,—то Заблоцкій и его прихвостни въ своихъ журнальныхъ рецензіяхъ забросали его наглою бранью и доносами. Они выставляли, напр., на видъ, что Арсеньевъ упомянулъ объ Аррасѣ, какъ о «мѣстороженіи ужаснаго Робеспьера.» Въ «Статистикѣ» Арсеньева злостныя критики также откопали нѣсколько зловредныхъ мѣстъ, какъ, напр., «весь классъ непронизващій въ политико-экономическомъ отношеніи

совершенно ничтоженъ: онъ есть тягостное бремя для государства.» «Къ непроезжаемому классу—говорить рецензетъ—причисляеть сочинитель дворянство, духовенство, гражданскихъ и военныхъ чиновъ, войско сухопутное и прочихъ. И такъ, духовенство молитвами своими низводящее свыше благословеніе на нивы и поученіями своими назидующее земледѣльца въ добронравіи, трезвости и трудолюбіи; дворянство, своимъ надзоромъ и попеченіемъ руководствующее и направляющее трудъ земледѣльца; судія, защищающій его отъ обидъ и притѣсненій; гражданскіе и военные чины, обороняющіе безопасность его и спокойствіе—всѣ сіи почтенныя сословія суть тяжкое бремя для государства!» Мастеръ сыскныхъ дѣлъ по учебной и литературной части, Магницкій, разобралъ арсеньевскую статистику по ниточкамъ и на каждой страницѣ ея открылъ неблагонамѣренныя идеи. Чтобы познакомить читателей съ живымъ характеромъ тогдашняго университетскаго преподаванія, мы сообщимъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статистики съ полицейскими примѣчаніями Магницкаго.

— «Въ Россіи не только терпимы всѣ вѣры, но каждая пользуется равными правами и равною защитою правительства.—*Примѣчаніе Магницкаго*: Все сіе ложно и злоумышленно!»

— «Крѣпостность земледѣльцевъ есть великое препятствіе для улучшенія состоянія земледѣлія»—*Прим. Магницкаго*: «Всѣ статьи о крѣпостныхъ людяхъ такъ возмутительны, что не требуютъ въ семъ отношеніи никакихъ примѣчаній. На нихъ можно сдѣлать только одно—о безсовѣстности или невѣжествѣ автора: по всей Европѣ классъ хлѣбопашцевъ несчастіе и крѣпостіе нашихъ.»

— «Для поощренія къ большей дѣятельности и къ большому произведенію нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская свобода, единый истинный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности»—*Прим. Магницкаго*: «И такъ; вотъ чего хочетъ г. Арсеньевъ: неограниченной ни чѣмъ гражданкой свободы, т. е. *революціи!*»

— «Образованіе всей массы народа есть главнѣйшая основа всего просвѣщенія. Оно идетъ, конечно, весьма медленно, но за то, утвердившись одинъ разъ, продолжается гораздо долѣе, такъ что уже нельзя остановить постоянного его ходу».—*Прим. Магницкаго*: «Здѣсь г. Арсеньевъ высказалъ свою тайну. Образованіе народа, имъ желаемое, таково, что какъ скоро его допустить, то и унять уже не можно; какъ назвать его иначе, какъ не революціею?»

— «Только правленія деспотическія не имѣютъ коренныхъ зако-

новъ, на которыхъ утверждается цѣлость всякаго благоустроеннаго государства.» — *Прим. Магницкаго*: «Статья сія примѣчательна потому, что относится прямо къ намъ, ибо на той-же страницѣ въ примѣчаніи говорится, что у насъ, по мнѣнію Шлецера, два коренныхъ закона, ограждающіе власть монарха.»

— «Есть примѣры въ исторіи российской, что нѣкоторые государи одолжены престоломъ выбору.» — *Прим. Магницкаго*: «Если-бы авторъ сей книги прочелъ внимательно тѣхъ лѣтописцевъ, которые говорятъ о сихъ выборахъ, то онъ узналъ-бы, что государи сіи одолжены престоломъ не просто выбору, но *явному избранію Божію*».

— «Сколько-бы ни казалась раздѣленною власть верховная, все предполагается, что одно только лицо въ монархіи, монархъ имѣетъ полную волю именовъ всѣхъ хотѣть и даже принуждать къ исполненію своей воли, будучи самъ ни мало не ограниченъ.» — *Прим. Магницкаго*: «Открыто противъ самодержавія!» (69—78).

Подобныя инсинуаціи профессора-сыщика на г. Арсеньева и на другихъ порядочныхъ профессоровъ повели, наконецъ, за собою знаменитое слѣдствіе надъ петербургскимъ университетомъ, руководимое Руничемъ. Отъ профессоровъ отобрали лекціи, а отъ студентовъ ихъ тетрадки. Все это сопровождалось такими скандалами, которые возмущали даже официальныхъ людей. Уваровъ писалъ Александру: «Въ XIX вѣкѣ, въ двадцатый годъ царствованія вашего величества, въ тридцати шагахъ отъ дворца ночью осмѣливаются компрометировать честь учрежденія, основаннаго в. в.—вомъ, угрожать мирнымъ студентамъ отдачею въ солдаты, тюрьмой, Сибирью, вымогать отъ нихъ смѣшныя клятвы» (стр. 29). Затѣмъ начался извѣстный судъ надъ профессорами, о которомъ читатель, конечно, уже знаетъ. Весь городъ былъ возбужденъ этимъ преслѣдованіемъ мирнаго убѣжища науки. Рунича и Магницкаго, говоритъ Арсеньевъ, «съ ихъ сателлитами огласили вездѣ обскурантами, гасильщиками просвѣщенія, насъ величали мучениками за науку и за правду. До сихъ поръ въ городѣ мало знали объ университетѣ, весьма мало интересовались его судьбами; теперь многіе сторонніе къ дѣлу люди хотѣли знать всѣ подробности *суда нечестивыхъ*, какъ называли они судъ надъ нами. Вообще вся просвѣщенная публика принимала живое участіе въ судьбѣ нашей» (стр. 35). Къ счастью профессоровъ, какъ это бывало и всегда, не всѣ учебныя заведенія были подчинены министерству просвѣщенія и поэтому не во всѣхъ нихъ господствовала реакція обскурантовъ. Арсеньева съ радостью приняли въ инженерное училище.

Матеріалы, собранныя Арсеньевымъ, не бесполезны для лицъ, занимающихся русской исторіей; нѣкоторые-же изъ нихъ съ интересомъ прочтутся и не специалистами. Таково, напр., дѣло о гр. Скавронскомъ (1735 г.), показывающее, какъ легко сочинялись у насъ государственныя преступленія. Скавронскій, отличавшійся, какъ извѣстно, очень скорбной головой, однажды за обѣдомъ въ пьяномъ видѣ разболтался съ своей прислугой, что если-бы онъ былъ императоромъ, то разослалъ-бы «по всѣмъ городамъ указы, чтобъ всякаго чина людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ имѣется». За это «Скавронскому нещадное наказаніе шлетъми учинено и освобоженъ» (108—114). Капитанъ фонъ-Массау за худые отзывы о русскомъ народѣ сосланъ въ Охотскъ (стр. 332). Сержантъ Первовъ въ пріятельской бесѣдѣ разсказалъ легенду, пояснявшую, почему «первой чарки прежде хозяина никогда не пьютъ.» Петра Великаго, говорилъ онъ, хотѣли отравить на одномъ пиру ядомъ, подсыпаннымъ въ водку. Но хозяинъ, злоумышлявшій на жизнь Петра, принужденъ былъ выпить прежде всѣхъ,—и его разорвало. «Знать-де съ этого первая-то чарки прежде хозяина и не пьютъ.» За разсказъ этой легенды Первовъ «бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей посланъ въ Сибирь на житье вѣчно» (стр. 336). Раскольникъ Павловъ (1737 г.), добровольно заявившій полиціи свои фанатическія мнѣнія, былъ пытанъ нѣсколько разъ, съ цѣлью обратить его на путь истинный. Когда отъ пытокъ онъ сдѣлался болѣнъ, то гр. Остерманъ, кв. Черкасскій, Волинскій и Ушаковъ присудили его къ смерти: «въ пристойномъ мѣстѣ отсѣчь ему голову и потомъ мертвое его тѣло, обшивъ въ рогожу, бросить въ пристойномъ-же мѣстѣ въ рѣку. И того-же дня помянутому раскольникъ Павлову смертная казнь учинена въ застѣнкѣ, по полудни въ 8 часу, и мертвое его тѣло въ той ночи въ пристойномъ мѣстѣ брошено въ рѣку. А кто при ономъ исполненіи были, тѣмъ о неимѣніи о томъ разговоровъ сказанъ ея и. в. указъ съ подпискою» (стр. 132).

Петровскій Сборникъ, изданный „Русскою Стариною“ 30 мая 1872 года. (Оттискъ VI книжки „Русской Старины“ 1872 г.).

Безпристрастнѣйшій историкъ, г. Семевскій, когда вы публиковали въ газетахъ о выходѣ «Петровскаго Сборника», то вамъ слѣдовало-

бы или объявить объ его содержаніи, или по крайней мѣрѣ, обозначить, что это ничто иное, какъ 6 № «Русской Старины», только въ другой оберткѣ и подъ другимъ заглавіемъ. Теперь-же всякій имѣетъ полное право обвинить васъ въ самой неблаговидной спекуляціи. Предположите, что всѣ подписчики «Русской Старины» выпишутъ этотъ сборникъ и такимъ образомъ за удовольствіе имѣтъ въ двухъ экземплярахъ 6 № журнала заплатятъ лишнихъ 1 р. 25 к., да еще за пересылку. Ругнуть вѣдь васъ!.. Впрочемъ, брань на восту не виснетъ и вы смѣло можете даже восхвалять себя по этому поводу какъ честнѣйшаго издателя. Вонъ «С. Петербургскія Вѣдомости», въ которыхъ, по ихъ словамъ, сотрудничаютъ «честнѣйшіе» адвокаты и публицисты, спекулируютъ-же на защитѣ г. Варшавскаго отъ обвиненій его въ эксплуатаціи рабочаго люда при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Доказывая, что г. Варшавскаго не слѣдуетъ устранять отъ постройки дорогъ, снотворная газета г. Корша даже гордится этимъ: защищаю дескать свободу вѣроисповѣданій, ибо Варшавскій—еврей! Русская пресса усовершенствовалась до того въ либерализмъ и дотога приучилась къ изворотливости «честнѣйшихъ» адвокатовъ, что можетъ защитить какую угодно *жидовскую* спекуляцію во имя либеральнаго принципа свободы вѣроисповѣданій, подобно тому, какъ Катковъ съ К^о строчитъ постоянно свои доклады во имя свободы слова. Спекулируйте, господа, спекулируй «Русская Старина,»—на то и щука въ морѣ, чтобы караси не дремали...

Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ VIII, Спб. 1871 г.

30 іюля 1767 г. открыла свои засѣданія въ Москвѣ извѣстная коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія. «Наказъ», въ духъ котораго должна была дѣйствовать коммиссія, привелъ въ восторгъ и изумленіе всѣ либеральныя и европейскія умы того времени; отсюду неслись восторженныя похвалы либерализму сѣверной Семирамиды. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ совѣщаній этой «законодательной коммиссіи», собравшейся при такихъ неслыханно-благопріятныхъ условіяхъ: Европа ждала отъ Россіи совершенно новаго, вполне гуманнаго кодекса, въ основаніи котораго положены были «права челоуѣка». Но скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. «Наказъ», изумившій всю Европу, попалъ въ «законодательную ко-

миссію» уже далеко не въ томъ видѣ, какъ онъ первоначально былъ задуманъ. Благородные и либеральные россияне, которымъ показывала его Екатерина II, несмотря на весь свой либерализмъ, усмотрѣли въ «Наказѣ» нѣчто крайне опасное для своего личнаго благосостоянія, потому усердно принялись, какъ, напр., графъ Никита Ивановичъ Панинъ, запугивать императрицу, что-де подобными правилами можно «разрушить зданіе», — выраженіе совершенно равносильное современному «потрясенію основъ». Не знаю, на сколько повѣрила императрица этимъ запугиваніямъ, поняла или нѣтъ она настоящіе ихъ мотивы, но только извѣстно, что «Наказъ» представленъ былъ депутатамъ въ измѣненномъ и урѣзанномъ видѣ. Несмотря на такое несочувствіе и явное недоброжелательство къ своимъ либеральнымъ идеямъ со стороны лицъ, въ которыхъ императрица надѣялась встрѣтить поддержку, она все-таки не отступила отъ своего плана, и комиссія для сочиненія новаго проекта уложенія была собрана и открыта торжественно съ подобающими сему случаю рѣчами: «Боже, сохрани, чтобы по окончаніи сего законодательства, былъ какой-нибудь народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было-бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю», говоритъ сама императрица въ «Наказѣ». «Отъ васъ, говорилъ депутатамъ отъ лица императрицы, кн. Голицинъ, — отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы, очи ихъ на васъ обращены».

Весь IV томъ «Сборника Русскаго Историческаго общества» наполненъ записками о тридцать одномъ засѣданіи комиссіи, которыя, главнѣйшимъ образомъ, были посвящены законамъ о дворянствѣ; но полученные отъ нихъ результаты были, къ крайнему удивленію «всѣхъ подсолнечныхъ народовъ», вовсе не тѣ, какихъ-бы можно было ожидать отъ исполненія «Наказа», — они чуть не явно противорѣчили ему. Депутаты отъ дворянства поднимали вопросы и рѣшали ихъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ тѣмъ либеральнымъ тенденціямъ, тому духу, которымъ былъ проникнутъ весь «Наказъ». Въмѣсто составленія законовъ, въ основаніи которыхъ легла-бы гуманность, уваженіе къ личности, къ правамъ челоуѣка, какъ того требовалъ «Наказъ», они поставили на первый планъ свои сословные интересы, реакціонныя притязанія на первенство передъ всѣми прочими сословіями и одержали верхъ; за ними осталось и крѣпостничество, и вольность дворянства и множество другихъ привилегій. Желающихъ знать, какимъ образомъ это произошло, отсылаемъ къ IV тому «Русскаго Историческаго общества».

25 сентября 1767 г. въ комиссіи начали читать законы о купечествѣ. Въ изданныхъ до сихъ поръ документахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного наказа, даннаго горожанами своимъ представителямъ, нѣтъ также никакихъ свѣденій о томъ, какъ производились городскими сословіями выборы этихъ представителей, кромѣ столицъ, въ которыхъ граждане старались выбирать преимущественно дворянъ-домовладѣльцевъ, да и то изъ тѣхъ, которые посильнѣе, повліятельнѣе, напр., въ Петербургѣ городскимъ головою былъ избранъ оберъ-комендантъ Николай Ивановичъ Зиновьевъ, а депутатомъ графъ А. Г. Орловъ. Изъ этого уже одного факта можно видѣть, насколько наши граждане поняли цѣль законодательнаго собранія и какъ сочувственно отнеслись къ прогрессивнымъ стремленіямъ Екатерины II, и это еще въ Петербургѣ, гдѣ все-таки они имѣли болѣе возможности понять сущность дѣла, которую могъ объяснить тотъ-же графъ Орловъ или генералъ-полиціймейстеръ, подъ руководствомъ котораго происходили выборы. Въ провинціяхъ дѣло шло, конечно, еще хуже; въ Енисейскѣ, напр., выбрали депутатомъ дворянина Самойлова по злобѣ на него жителей, которымъ хотѣлось его сбыть куда-нибудь съ рукъ (Истор. Этюды Шашкова, стр. 72). Трудно сказать, чѣмъ казалась нашему гражданскому курятнику эта комиссія, но громадное большинство общества отрещивалось отъ нея, какъ отъ наказанія, ниспосланнаго свыше. Одна мысль о томъ, что ихъ зовутъ обсуждать законы, уже приводила ихъ въ неописанный ужасъ; они очень хорошо помнили, чѣмъ въ недавнія времена пахло обсужденіе не только закона, но даже какого-нибудь дѣйствія правительства, и вотъ, они выбирали депутатовъ «по злобѣ» и, скрѣпя сердце, со страхомъ и трепетомъ, послѣ долгаго раздумья, подписывали инструкціи, ожидая себѣ кары за сочиненіе инструкцій, какъ за крайне-вольнодумный поступокъ.

При совершенномъ отсутствіи данныхъ, мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣденій о томъ, что за люди были депутаты отъ городскихъ сословій, и чѣмъ инымъ, кромѣ «злобы», руководилось общество, выбирая ту или другую личность въ представители законодательнаго собранія.

Во время чтенія законовъ о дворянствѣ депутаты отъ городовъ держались въ сторонѣ; большинство ихъ молчало и только болѣе смѣлые рѣшались нарушить это торжественное молчаніе и подать голосъ въ пользу той или другой скромной реформы... Были, впрочемъ, и такіе храбрецы, которые напускались на дворянскія привилегіи изъ-за сѣины какого-нибудь дворянина-депутата. Протестуя противъ со-

вершеной замкнутости дворянскаго сословія и требуя, согласно указамъ Петра Великаго, чтобъ дворянство давалось не только однимъ происхожденіемъ, но и государственною службой, депутатъ отъ города Рузы высказалъ слѣдующія, по тому времени крайне вольнодумныя, мысли: «что-же касается до потомковъ дворянъ, то полагаю, что лишить ихъ вовсе этого достоинства, не принимая въ уваженіе заслугъ ихъ предковъ, было-бы несправедливо и неодобрительно; но и совсѣмъ оставить его по наслѣдству въ вѣчное потомство будетъ и того несправедливѣе». Сказавъ это, депутатъ, видимо, испугался своего радикализма и поспѣшилъ смягчить свое мнѣніе тѣмъ, что предложилъ по «заслугамъ и чину всякаго распространить его дворянство на нѣсколько колѣнъ, такъ, напр., для штабъ и оберъ-офицеровъ довольно было бы, если онъ самъ будетъ дворянинъ, его дѣти и внуки; для чиновъ генеральскихъ распространить дворянское достоинство на ихъ правнуковъ» и т. д. (Сбор. Русск. Истор. общества т. IV).

Дворянство, состоявшее изъ людей все-таки болѣе или менѣе развитыхъ, знакомыхъ съ европейскими порядками, несмотря на прорывавшіяся иногда мнѣнія, совершенно нелѣпыя, дикія, держало себя съ нѣкоторымъ тактомъ; оно разсуждало о своихъ правахъ, основывая ихъ на легально-исторической почвѣ и подтверждая примѣрами изъ западно-европейскаго законодательства; купцы-же, не имѣя ровно никакого понятія о правѣ, понимали однакожъ, что такое значить привилегія, и потому, вовсе не касаясь законовъ о купечествѣ и торговлѣ, пустились безстыдно плакаться на свое будто-бы бѣдственное положеніе и кланчить себѣ, въ ущербъ другимъ сословіямъ, разныя монополіи.

Программа дѣятельности городскихъ депутатовъ была довольно широкая; имъ, между прочимъ, предоставлялось рѣшать вопросы о судѣ и расправѣ, о правахъ купечества, о службѣ купцовъ, всѣ законы о мастеровыхъ и ремесленникахъ, о налогахъ на торговлю, о вексельномъ правѣ и проч., т. е. предстояла полная возможность поднимать тѣ вопросы, которые съ трудомъ разрѣшаются только въ настоящее время, — вопросы о самоуправленіи и самосудѣ. Нельзя думать, чтобы въ то время городскія сословія были вполне довольны своимъ положеніемъ: въ глазахъ дворянства они были тоже, что и крестьяне: тѣлесное наказаніе прилагалось къ нимъ такъ-же, какъ и ко всякому другому смертному, неогражденному отъ него чиномъ или дворянскимъ происхожденіемъ; однимъ словомъ, купцы несли тоже тяжелое ярмо, какъ и простой народъ, съ тою

только разницей, что отъ многого могли откупаться своимъ богатствомъ. Но такія вещи, какъ самоуправленіе, имъ даже неизвѣстны были и по имени; нѣсколько поколѣній, воспитанныхъ въ патриархальномъ духѣ, отучили ихъ отъ всякаго проявленія независимости, отъ всякой самодѣятельности, никому изъ нихъ даже и въ голову не приходило подумать о возможности избавиться отъ чиновничьей опеки и потому, всё существенно важныя вещи въ законахъ они обходили полнымъ молчаніемъ, «не нашего-де ума дѣло»,—и только по старой привычкѣ къ барскимъ подачкамъ старались себѣ выканючить монопольныя привилегіи. Поставивъ цѣлю запасть этими привилегіями, они даже не слушали, какіе законы предлагались имъ для исправленія, и въ продолженіи всѣхъ своихъ засѣданій христарадничали о расширеніи своихъ личныхъ и сословныхъ правъ. Такъ, напр., въ засѣданіи 13 ноября читался вексельный уставъ, а купцы толковали преимущественно о запрещеніи производить торговлю разнымъ лицамъ, не принадлежащимъ къ купеческому званію.

Большинство депутатовъ отъ городскихъ сословій, если только не всё, явились въ комиссію, не имѣя ровно никакого понятія о предстоящихъ имъ занятіяхъ; у нихъ, правда, были инструкціи или указы, составленные также безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ всякаго сознанія, для чего они написаны. Другіе поступили еще проще: такъ-какъ сами за «скудоуміемъ» никакихъ нуждъ и желаній у себя найти не могли, то и позаимствовали ихъ у другихъ, переписавъ слово въ слово какой-нибудь наказъ изъ сосѣднихъ городовъ, показавшійся имъ позабористѣе. Сначала, во время чтенія законовъ о дворянствѣ, они учились, присматривались, какъ дѣло дѣлается и только, какъ мы видѣли выше, очень немногіе осмѣливались заявить свое скромное мнѣніе. Но, наконецъ, пришла и имъ очередь выступить на сцену. Увидѣвъ, какую львиную порцію изъ всѣхъ правъ и преимуществъ отдѣлило себѣ дворянство, они просвѣтлѣли духомъ и вся цѣль, вся задача комиссіи представилась имъ ничѣмъ инымъ, какъ раздачею лакомыхъ кусочковъ. «Ну-ка и мы попробуемъ», рѣшили господа депутаты отъ городскихъ сословій, и на первый-же разъ заявили просьбу о дозволеніи имъ владѣть крѣпостными людьми. Первымъ ходатаемъ по этому дѣлу явился депутатъ отъ г. Тары Петръ Бѣкишевъ, который, распространившись насчетъ заведенія купцами фабрикъ и заводовъ, какъ-бы мимоходомъ, упомянулъ и о томъ, что для процвѣтанія ихъ, нужно купцовъ «жаловать дозволеніемъ покупать потребное число людей и дачею земель». Нѣкоторымъ изъ депутатовъ такой предлогъ для покупки людей, какъ фабрики и заводы,

показался недостаточнымъ, и они стали ссылаться на малолюдство. Депутатъ отъ г. Уфы, Подъячевъ (стр. 98), жаловался, что купечество находится принужденнымъ исправлять всякія домашнія нужды наемными разнаго званія людьми за большую плату, которыхъ современемъ, почему-то, и вовсе нельзя будетъ достать. Другіе выражаются еще откровеннѣе; напр., депутатъ отъ г. Яранска прямо находить, что крѣпостной человекъ для купца не въ примѣръ сподручнѣе наемныхъ, «которые, во время пребыванія своего въ наймѣ, зная, что они не крѣпостные и потому не имѣя никакого страха, дѣлають всякія своевольства и причиняють хозяевамъ много хлопотъ» (стр. 77). Даже депутатъ однодворцевъ елецкой провинціи почему-то въ этомъ вопросѣ заблагоразсудилъ стать на сторону купцовъ и нашелъ, что «купцамъ необходимо имѣть дворовыхъ людей» причѣмъ очень наивно замѣчалъ, что изъ этого вреда никому не предусматривается, и, наконецъ, чтобы придать болѣе вѣса своему заявленію, закончилъ его слѣдующимъ трагическимъ примѣромъ: «Часто случается, что извозчикъ (вольвонаемный), примѣтя, что у купца есть деньги, оставляетъ его коварнымъ образомъ на дорогѣ; случается, что другихъ и умерщвляютъ. Когда-же купцамъ разрѣшено будетъ имѣть дворовыхъ людей, то они избѣгнутъ подобныхъ бѣдственныхъ случаевъ» Депутаты отъ разныхъ казачьихъ войскъ также просили позволенія поселить на отведенныхъ имъ земляхъ крѣпостныхъ людей.

Эти притязанія новыхъ кандидатовъ на рабовладѣльчество показываютъ степень умственного развитія депутатовъ отъ городскихъ сословій, но въ комиссіи всѣ эти толки вызвали довольно серьезныя возраженія со стороны дворянства. Возраженія дворянъ были составлены очень ловко; нисколько не касаясь ни самаго принципа крѣпостного права, ни исключительнаго права дворянства владѣть крѣпостными людьми,—они только толковали о совершенной его бесполезности для купцовъ, а слѣдовательно, и для государства. Депутатъ отъ любимскаго дворянства, Толмачевъ, возражая по поводу фабрикъ, приводитъ даже слова «Наказа» (стр. 253), что нужно «избѣгать случаевъ, чтобы не преводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (ст. 90). Другой дворянинъ (стр. 105) усматриваетъ въ этомъ даже положительный вредъ для государства: «купецъ купить деревни и начнетъ жить получаемыми съ нихъ доходами; тогда вмѣсто ожидаемой отъ него пользы онъ сдѣлается бесполезнымъ и даже тягостнымъ членомъ общества»; и мало еще этого, продолжаетъ тотъ-же депутатъ,—покупка крѣпостныхъ лю-

дѣй, я полагаю, вредна для самого купечества, потому что капиталисты, владея людьми, не будутъ имѣть нужды ни въ прикащикахъ, ни въ сидѣльцахъ, а въ должности эти будутъ употреблять крѣпостныхъ; чрезъ это недостаточное купечество лишится способа придти со временемъ въ лучшее состояніе».

Собственно-же противъ крѣпостничества возстали только два депутата: отъ бахмутскаго и самарскаго полковъ, Тышковичъ, и депутатъ отъ казаковъ хоперской крѣпости, Андрей Алейниковъ. Первый возсталъ нѣкоторымъ образомъ уже противъ самаго принципа крѣпостничества и высказалъ это въ слѣдующей сентиментальной тирадѣ: «Въ минувшіе вѣка народъ русскій по высочайшей власти укрѣпленъ былъ за помѣщиками. Слѣдствіемъ этого укрѣпленія было то, что дѣти отлучались отъ своихъ родителей, лишались сродственниковъ и продавались по всему государству, гдѣ только могъ отыскаться покупщикъ. Какъ горько это родителямъ! Какъ много проливается отъ этого горячихъ слезъ! Но такъ-какъ во всей Европѣ нигдѣ нѣтъ такихъ законовъ, по которымъ-бы дозволялось христіанскія души, отлучая отъ родственниковъ, продавать, то я и осмѣливаюсь представить высокопочтенному собранію мое нижайшее мнѣніе: не будетъ-ли соблаговолено по надлежащимъ разсмотрѣніи, отмѣнить означенную продажу, которая не только въ Европѣ, но и въ азіатскихъ странахъ нигдѣ не водятся» (стр. 222). Такое либеральное заявленіе было однакожъ, со стороны крѣпостниковъ, оставлено безъ возраженій. Совсѣмъ не та участь постигла депутата хоперскихъ казаковъ Алейникова. «Ежели закономъ постановлено будетъ, заявлялъ онъ, поманутымъ лицамъ (т. е. купцамъ и приказнымъ) покупать крестьянъ, то тогда слѣдуетъ всѣмъ казакамъ и малороссійскому народу дать тоже дозволеніе»; но осуществленіе такого проекта онъ находить невозможнымъ, между прочимъ, и потому, что «кушцы будутъ имѣть у себя нѣсколько крѣпостныхъ дворовыхъ, которыхъ, употребляя безъ пощады во всякія домашнія работы, приведутъ въ крайнее отчаяніе, и тѣ здоровые люди будутъ бѣгать, грабить и проч., а потому онъ, Алейниковъ, предлагаетъ «всѣхъ людей, которыхъ главные командиры бывшихъ слободскихъ полковъ уже поселили на казачьихъ земляхъ, описать на ея императорское величество» (стр. 170).

Въ сущности мнѣніе Алейникова казалось-бы безобиднѣе мнѣнія Тышковича; вовсе не отвергая крѣпостнаго права, онъ только указывалъ въ немъ стѣсненіе для казаковъ и подтверждалъ это очень слабыми аргументами; но другіе депутаты видно знали, что за человѣкъ Алейниковъ и что за мысли скрываетъ онъ за своимъ скромнымъ

заявленіемъ. Ироническое его выраженіе о всеобщемъ владѣніи крѣпостными мѣтко попало въ цѣль и возбудило противъ него цѣлую бурю. Ему принялись возражать и казачьи депутаты, и дворяне, и даже шляхетство нѣжинскаго и батуринскаго повѣтовъ; къ послѣднему поголовно присоединились всѣ депутаты малороссійской провинціи. Въ засѣданіи 12 декабря (стр. 369) Алейниковъ въ довольно длинномъ своемъ возраженіи отлично разбиваетъ всѣ доводы своихъ противниковъ крѣпостниковъ, большею частію ссылаясь на мѣстные условія. Однихъ обличаетъ онъ въ наглое захватѣ казачьихъ земель, другихъ въ корыстолюбіи, однимъ словомъ, выводитъ на свѣжую воду нечистыя побужденія крѣпостниковъ и срываетъ съ нихъ маску государственной необходимости, бѣдности, заслугъ, юридическихъ основаній, которою они прикрывались для приличія. «Я несогласенъ, говоритъ онъ, возражая на мнѣнія казачьихъ депутатовъ,—чтобы полковымъ командирамъ, за отличныя ихъ службы дозволено было покупать крестьянъ и крѣпостныхъ, дворовыхъ людей, ибо никакого отличія въ ихъ службѣ я не признаю. Во время сраженія съ непріателемъ рядовые казаки такую-же кровію вѣчаются, какъ и предводители, но рядовые производятъ больше дѣйствія. Мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ, и не больше-ли будетъ предосужденіе всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высокославной комиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ-же христіанъ, какіе и мы сами». Затѣмъ послѣ выписокъ подходящихъ мѣстъ изъ «Наказа», онъ требуетъ, на основаніи его, совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права во всѣхъ казачьихъ и малороссійскихъ земляхъ. Мы нарочно привели здѣсь почти всѣ пренія о крѣпостничествѣ, чтобъ выяснитъ, насколько общій характеръ комиссіи соотвѣтствовалъ духу «Наказа», удивившаго Европу. Здѣсь среди многочисленнаго собранія въ числѣ депутатовъ отъ дворянъ были, конечно, люди, какъ выражались тогда, «напоенные принципіями», были почитатели и поклонники Вольтера и энциклопедистовъ, были конечно и масоны, и никто изъ нихъ, ни одинъ человекъ не возмущался фактомъ наглого, совершенно безправнаго посягательства купцовъ на чужую личность, ни одинъ голосъ со стороны тогдашней интеллигенціи не возвысился въ пользу несчастнаго раба. Всѣхъ умнѣ, гуманнѣ и смѣлѣе оказался какой-то хоперскій казакъ, который прямо бросилъ горькую, но справедливую укоризну, въ лицо всему законодательному собранію, но голосъ его, какъ и слѣдовало ожидать, остался голосомъ вопіющаго

въ пустынь; всё благородные дворяне, философы и масоны преспокойно проглотили обиду и, какъ ни въ чемъ ни бывало, перешли къ очереднымъ дѣламъ.

Другой не менѣе лакомый кусокъ, находящійся между прочимъ и въ рукахъ дворянъ, увидѣло городское сословіе въ фабрикахъ и заводахъ. Первый пустилъ въ ходъ этотъ вопросъ депутатъ отъ рыбо-слободскаго купечества Алексѣй Поповъ, который сначала начинаетъ золотить приподносимую имъ дворянству пиллюлю. «Благородное дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества и несетъ на себѣ драгоцѣнное имя дворянина. Поэтому входитъ въ такія коммерческія занятія, какъ, напр., фабричныя, заводскія и разные торговые промыслы, дворянамъ по ихъ званію несвойственно» (стр. 11), а слѣдовательно, нужно (стр. 39) «существующія фабрики и горные заводы, на основаніи постановленій Петра Великаго, предоставить купечеству». Другой депутатъ находитъ эту мысль весьма основательною и прибавляетъ (стр. 48), что «заводы и фабрики надлежитъ *безъ изъятія* оставить купечеству». Третій согласенъ, пожалуй, и на изъятія, но лишь съ тѣмъ, чтобы дворяне заводили такія фабрики, какихъ еще не существуетъ. «Нашъ народъ русскій въ семь случаевъ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока раскроша въ самыя мелкія крупинки, смѣшаютъ ихъ съ пескомъ или съ землей и совсѣмъ растеряютъ» (стр. 51). Примѣръ такихъ «крупинокъ» онъ указываетъ въ полотняныхъ и суконныхъ фабрикахъ. «Едва только бѣдные суконные фабриканты послѣ многолѣтнихъ страданій и огромныхъ затратъ начали получать плоды трудовъ своихъ, какъ дворяне, позавидовавъ тому, такія-же фабрики стали заводить» (тамъ-же). Депутатъ отъ г. Серпейска, не взирая на то, что другіе депутаты отъ городовъ непремѣннымъ условіемъ процвѣтанія фабрикъ ставили крѣпостной трудъ, укоряетъ дворянъ, что рабочіе на ихъ фабрикахъ работаютъ безденежно и потому ужъ изъ этого, непостижимо, какимъ образомъ, выводитъ, что помѣщикъ-фабрикантъ при такихъ условіяхъ неизбежно войдетъ въ долгъ, не зная секрета, какъ вести фабрику, разорить ее. Все это клонится къ тому, что «не будетъ-ли признано нужнымъ для пользы государственной разрѣшить заводить фабрики только однимъ купцамъ» (стр. 96). Всѣ эти притязанія были, конечно, нелѣпы, не основывались ни на какомъ здоровомъ основаніи, даже сами депутаты отъ городовъ, вѣроятно, хорошо сознавали всю ихъ нелѣпость и потому особенно горячо ихъ и не отстаивали, тѣмъ болѣе, что тутъ приходилось имѣть дѣло съ дво-

„Дѣло“, № 7.

ряпами, съ которыми побиться было не легко. Другое дѣло было тогда, когда пошла рѣчь собственно о торговлѣ, которой дворяне не особенно интересуются; тутъ нѣкоторымъ образомъ соперниками-конкурентами купечеству являются крестьяне, съ которыми церемониться нечего, да и сами они, вѣроятно, смолчатъ передъ разсужденіями достопочтеннаго купечества, какъ оно, въ свою очередь смалчивало и преклонялось передъ дворянствомъ. Такъ, или очень похоже на то, думали депутаты отъ городовъ и начали свои заявленія, въ которыхъ жадность и наглость сего почтеннаго сословія екатерининскаго времени дошла до геркулесовскихъ столбовъ. Они потребовали такой торговой монополіи, что больше, несмотря на все свое желаніе, нѣтъ невозможно было выдумать, гдѣ-бы еще поприжать съ этой стороны простого человѣка. Они требовали, чтобы никто, кромѣ купцовъ, не смѣлъ ничѣмъ торговать и кромѣ записанныхъ въ цехъ ремесленниковъ заниматься ремесломъ, угрожая за несоблюденіе этого громаднымъ штрафомъ. Они требовали, чтобы единственно только купцы могли имѣть въ городахъ лавки, амбары, погреба, постоянные дворы, дома, сады, огороды и домовыя бани и все это безъ платежа поземельныхъ и другихъ оброковъ; требовали даже, хотя и не исключительно для себя, земель для хлѣбопашества и пастбы скота. Относительно-же торговли крестьянъ, мнѣнія ихъ не разошлись, а, такъ сказать, нѣсколько раздѣлились. Одни, напр., полагали возможнымъ дозволить крестьянамъ продавать сельскія произведенія, т. е. хлѣбъ, медъ, воскъ и т. п., въ рыночные дни въ розницу всякаго званія людямъ только до полудня, послѣ чего крестьяне должны были уже продавать все привезенное ими оптомъ, а нѣкоторые добавляли при этомъ «и однимъ только купцамъ». Другіе и въ этомъ полуденномъ срокѣ видѣли подрывъ своей коммерціи и безъ церемоніи предлагали обязать крестьянъ продавать сельскія произведенія только купцамъ, безъ всякаго для кого-бы то ни было исключенія. Нѣкоторые усмотрѣли громадный для себя вредъ даже въ томъ, что крестьянинъ иногда скушаетъ у другихъ крестьянъ хлѣбъ и проч., продаетъ все это въ городѣ. Они просили строжайше запретить, чтобы крестьяне при отъѣздѣ изъ своихъ деревень, у другихъ ничего для перепродажи не скупали и чрезъ то не возвышали-бы цѣнъ на всякіе деревенскіе товары. Мало этого, купцы готовы были даже ѣсть другъ друга и требовали, чтобы въ известномъ городѣ запрещено было торговать всѣмъ иногороднимъ купцамъ, въ подрывъ мѣстнымъ.

Всѣ эти свои требованія они мотивировали, конечно, самымъ главнымъ образомъ государственной пользой, которая будто-бы не

соблюдается теперь въ Россіи, когда многіе земледѣльцы вмѣсто того, чтобы оставаться при своемъ жребіи и умножать хлѣбопашество, покидаютъ вовсе земледѣліе и вступаютъ въ торговыя дѣла (стр. 42). Одинъ депутатъ не постыдился даже утверждать, что въ случаѣ дозволенія крестьянамъ торговли они будутъ торговать чуть не поголовно и затѣмъ «занимающихся хлѣбопашествомъ останется весьма малое число. Отъ этого значительное количество пашенной земли останется впустѣ» (стр. 92). Вмѣстѣ съ этими указаніями, купечество вопило о своей бѣдности и конечномъ разореніи, что будто-бы крестьяне, торгуя въ розницу своими произведеніями, отнимаютъ у нихъ, бѣдныхъ купцовъ, послѣдній кусокъ хлѣба. «Итакъ, говоритъ депутатъ Поповъ (ст. 31), если это все будетъ утверждено, то купечество неминуемо придетъ въ разореніе». «Что-же будетъ тогда», весьма наивно спрашиваетъ онъ, «когда закономъ всякому дозволено будетъ торговать?» Депутатъ отъ г. Вологды дошелъ даже до того, что отъ розничной крестьянской торговли всѣмъ купцамъ придется даже бѣжать изъ отечества. «Крестьяне, забывъ страхъ Божій и государственные законы, торгуютъ какъ сущіе купцы и нагло чинятъ подрывъ коммерціи и что купцамъ ужъ до того дошло, что, оставя свое купечество, они принуждены уѣзжать въ другія страны» (стр. 185). Богъ-вѣсть, какихъ ужасовъ насулилъ-бы еще вологодскій депутатъ, если-бы не былъ приостановленъ маршаломъ, замѣтившимъ ему, что онъ ужъ очень зарпортовался.

Всѣ депутаты, не имѣя для подтвержденія своихъ притязаній ровно никакихъ достаточныхъ данныхъ, выводили свои права только изъ того соображенія, что такъ-какъ дворянство за свою службу и пролитіе крови за отечество приобрѣло большую честь, пользуется жалованьемъ и проч., то и купечество за службы гражданскія и разныя городскія отягощенія слѣдуетъ *пожаловать торговыми*. Относительно послѣдняго постоянно ссылаются на указы Петра Великаго, которые только и составляютъ единственную опору и доказательство всѣхъ заявленныхъ ими правъ и требованій.

Конечно, немного нужно было знаній, чтобы отвѣчать депутатамъ отъ городовъ на всѣ предложенныя ими недѣлости, и потому отвѣтами этими не затруднились не только депутаты отъ дворянъ, но и крестьяне и казаки—даже депутаты различныхъ инородцевъ—чувашъ, мордвы, татаръ, башкиръ, тарханцевъ, которые подтвердили свои возраженія фактическими данными, вовсе незамѣчающимися у купцовъ. Такъ кн. Щербатовъ на жалобы послѣднихъ, что крестьяне отняли у нихъ всю торговлю, возражаетъ (стр. 63): «Съ удивленіемъ

слышу такое заявленіе и притомъ сдѣланное купцомъ. Ежели русское купечество, котораго считается съ небольшимъ двѣсти тысячъ, а изъ этого числа едва-ли найдется сорокъ тысячъ торгующихъ, и если къ нимъ прибавить такое-же количество тѣхъ, которые неправильно занимаются торговлей, что составить восемьдесятъ тысячъ, — могло наполнить всѣ отрасли пространной торговли, то какъ-же Голландія, которая имѣетъ въ себѣ столько-же купцовъ, сколько и жителей, можетъ вести свою торговлю? Затѣмъ Щербатовъ уже окончательно срѣзываетъ купцовъ, упоминая о тѣхъ-же указахъ Петра, на которые они такъ любили ссылаться. «Отвѣчали-ли русскіе купцы пожеланіямъ объ нихъ Великаго монарха?» спрашиваетъ онъ. «Учредили-ли они конторы въ другихъ государствахъ, имѣютъ-ли корреспондентовъ для узнанія, какіе куда потребны товары и въ какомъ количествѣ, посылали-ли они своихъ дѣтей учиться торговлѣ? Нѣтъ! Они ничего этого не сдѣлали». Такъ, на жалобы купцовъ, что крестьяне и проч. разночинцы отнимаютъ у нихъ всѣ способы къ торговлѣ, депутатъ уфимскаго казачьяго войска иронически спрашиваетъ, что-же, напр., башкирцамъ искать купцовъ для продажи имъ оптомъ своего товара, когда въ уфимскомъ уѣздѣ, кромѣ городовъ Уфы и Табынска, нѣтъ ни торговъ, ни ярмарокъ, да и самого-то купечества очень ужъ мало, а въ степь ему ѣздить, пожалуй, и не заблагодарсудится. На всѣ эти возраженія депутаты отъ городовъ не отвѣчали ни слова, да собственно говоря и отвѣчать-то было нечего, потому что всѣ требованія ихъ не подкрѣплялись никакими фактическими данными, а появились сначала въ данныхъ имъ наказахъ, а потомъ и въ комиссіи такъ себѣ съ дуру, наудачу, — куда кривая не вынесеть!...

Наряду съ этими заявленіями, которыми наполнено почти $\frac{3}{4}$ разбираемой нами книги, иногда шли толки и о другихъ вещахъ, тоже касающихся коммерціи, какъ напр., о векселяхъ, но шли, конечно, такъ-же бозтолково, какъ и всѣ прочія, и точно также не привели ни къ какому результату. Въместо того, чтобы начать дѣло прямо съ разсмотрѣнія самой сущности вексельнаго права и его практическаго примѣненія въ Россіи, они начали спорить о формахъ; одинъ предлагалъ, что о каждомъ заключеніи займа или перевода по векселю, нужно публиковать въ газетахъ, другой находилъ достаточнымъ записку векселя у нотариуса. Одни вовсе отвергали вексель, какъ заемное обязательство, и предлагали оставить его только для переводовъ за границу; другіе опять-таки, не понимая сущности вексельнаго права, смѣшивали его съ заемными письмами, росписками и проч. Одинъ дворянинъ, Похвисневъ, находя всѣ формы займа по документамъ,

вѣроятно, унизітельными для благороднаго шляхетства, предложилъ учредить (стр. 295) обязательства, именуемая *честный билетъ*, — «такой родъ обязательства, кажется, приличествуетъ первому государственному сословію, у котораго честь должна быть во всемъ основаніемъ и руководствовать имъ во всякихъ случаяхъ». Это похоже было-бы нѣсколько на древнее, но драгоцѣнное выраженіе: *да будетъ мнѣ стыдно...* Рвеніе депутатовъ къ формальности коснулось даже самаго изданія вексельнаго устава. Депутатъ Анцифровъ предложилъ нѣкоторую часть его напечатать *золотыми буквами!*

Изъ другихъ болѣе существенно важныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ этой сессіи, былъ вопросъ о привилегіяхъ остзейскаго населенія; нѣмцы оказались вполне довольны своимъ положеніемъ и, не принимая ровно никакого участія въ преніяхъ русскихъ депутатовъ, только заявили желаніе о подтвержденіи своихъ привилегій, чѣмъ, впрочемъ, русскіе почему-то остались недовольны и нѣсколько разъ заявляли, что нужно всѣ нѣмецкія привилегіи отмѣнить и «сочинить законы одинаковые для всѣхъ Ея И. В.—ва подданныхъ народовъ» (стр. 330). Къ нѣмцамъ-же присталъ и депутатъ отъ г. Кіева, желавшій оставить за Кіевомъ пожалованное ему въ 1544 году польскимъ королемъ Сигизмундомъ магдебургское право. Изъ русскихъ остались вполне довольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ только два депутата: одинъ отъ г. Бѣлозерска, другой отъ Каргополя; оба они заявили слово въ слово, что «купечество останется весьма довольно, ежели почтенной комиссіи заблагоразсудится новыми законами о купечествѣ и торговлѣ подтвердить установленія и указы блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, премудраго государя императора Петра Великаго, съ тѣмъ однако-же прибавленіемъ, чтобы присутствующимъ въ магистратахъ и ратушахъ быть до подозрѣнія (?) на жалованьи и для отличія отъ прочаго купечества носить шпаги» (стр. 216).

Ужь, кажется, что можетъ быть скромнѣе этого желанія бѣлозерско-каргопольскихъ депутатовъ оптимистовъ; жалованье, да и то до какого-то «подозрѣнія», и шпаги,—то и другое дать можно было бы безъ всякой обиды для кого-бы то ни было; но и это желаніе вызвало возраженіе со стороны одного жолчнаго дворянина, обидѣвшася или блаженною тупостью ничего нежелающихъ депутатовъ, или ихъ посягательствомъ на шпаги. «Всѣмъ извѣстно», говорилъ жолчный депутатъ — «что по прежнимъ законамъ виадавшіе въ преступленіе розыскивались чрезъ пытки», почему онъ и проситъ маршала сиро-

сить бѣлозерскаго депутата, «неужели онъ желаетъ, чтобъ и это наказаніе осталось при ихъ одномъ сословіи, такъ-какъ онъ просить сохранить купечеству прежніе законы» (стр. 217). Но маршалъ далъ дѣлу другой оборотъ, и всѣмъ довольный депутатъ избавился къ счастью отъ столь щекотливаго вопроса о вѣщей чести купечества. Любителемъ шпагъ и другихъ отличій оказался не одинъ простодушный бѣлозерецъ. Депутатъ отъ г. Тары тоже требуетъ, «чтобъ тѣмъ купцамъ, которые были въ магистратахъ судьями, дать въ силу магистратскаго регламента шляхетство, а тѣхъ, которые имѣютъ фабрики и заводы, наградить чинами» (стр. 171). Мало того, пошениіе купечествомъ шпагъ поднимается даже до важности государственнаго вопроса. Нѣмцы, видя русскаго купца безъ шпаги, оказываютъ ему пренебреженіе, обращаются съ нимъ свысока, какъ съ своимъ слугою, считаютъ унизительнымъ говорить съ русскимъ купцомъ, и все это, по завѣренію депутата Глинкова, происходитъ будто-бы единственно оттого, что русскій купецъ «безъ шпаги, и следовательно, не имѣетъ чести» (стр. 95)! Почему онъ и проситъ комиссію буквально «о пожалованіи русскому купечеству чести», для прославленія государства. Съ этиимъ мнѣніемъ о купеческой чести, видимо, нѣсколько разошелся другой купеческій депутатъ отъ г. Яранска. Признавая, нѣкоторымъ образомъ совершенно отвергаемую купеческую честь, онъ жалуется только на то, что больно мало ужъ положено купцамъ за безчестье, а именно смотря по гильдіи, отъ семи до пяти рублей. «Поэтому купечество находится въ крайнемъ пренебреженіи и опасности, для устраниенія чего онъ и полагаетъ повысить плату за безчестье отъ 50 до 150 рублей, а за увѣчье вдвое» (стр. 78). На этомъ вопросѣ намъ опять придется встрѣтиться съ двумя своими знакомыми, возстававшими противъ крѣпостнаго права, поборниками истиннаго *egalité*, депутатами Тошквичемъ и Алейниковымъ. Первый рѣшительно несогласенъ на уплату за безчестье по имущественному цензу, «потому-что всякій гражданинъ долженъ быть въ одинаковой степени чести и, по моему мнѣнію, каждому гражданину должно платить равномѣрно, какъ за безчестье, такъ и за увѣчье» (стр. 102). Алейниковъ, находя, «что денежное взысканіе за безчестье неспростойно для всего государства, предложилъ, чтобы вмѣсто онаго не токмо купцовъ, но и всѣхъ безъ изъятія, за безчестье подвергать *тѣлесному наказанію*, несмотря при томъ ни на какое достоинство» (стр. 122).

Кромѣ этихъ вопросовъ во всѣхъ засѣданіяхъ, ни о чемъ другомъ почти не говорилось; нѣкоторые депутаты, правда, пробовали заво-

дѣть рѣчи о тяжести разныхъ службъ, налагаемыхъ на городскія сословія, объ учрежденіи новыхъ торговъ, о новыхъ путяхъ сообщенія; депутатъ отъ коммерцъ-коллегіи заговорилъ было даже объ учрежденіи въ иностранныхъ торговыхъ городахъ агентовъ, консуловъ и факторовъ, но всѣ эти вопросы, какъ превышающіе понятія большинства городскихъ депутатовъ, не вызвавъ ни съ чьей стороны ни одобреній, ни возраженій, такъ и остались единичными заявленіями.

14 декабря, 1767 г., маршалъ Бибиковъ, достаточно наслушавшись краснорѣчія российскихъ законодателей, въ чрезвычайно коротенькой рѣчи похвалилъ депутатовъ за усердіе и объявилъ: «по высочайшей волѣ самодержицы нашей, сей день окончили мы наши засѣданія въ здѣшнемъ престольномъ градѣ» (стр. 382), не упомянувъ ни слова ни объ ожиданіяхъ императрицы, ни о «подсолнечныхъ народахъ», на которыхъ узнаывали депутатамъ при открытіи засѣданій комиссія. Человѣкъ, незнакомый ни съ нашей исторіей, ни съ духомъ Россіянъ, прочитавши матеріалы, собранные въ IV и VIII т. «Сборника Русскаго Историческаго Общества», поневолѣ задумается и задастъ себѣ вопросъ: что-же это такое сама комиссія, учрежденная для проекта новаго уложенія? Это былъ неудачный экспериментъ, произведенный надъ русскимъ человѣкомъ. Дѣло было просто вотъ въ чемъ. Императрица, энергическая, пылкая, легко и вполне увлекающаяся, была одной изъ самыхъ горячихъ поклонницъ философовъ XVIII вѣка. Увлеченная ихъ блестящими теоріями о правахъ человѣка, о равенствѣ, о господствѣ разума, она задумала немедленно примѣнять ихъ къ дѣлу въ своемъ государствѣ и написала «Наказъ», приведшій однихъ въ восторгъ, а другихъ въ негодованіе. Но при этомъ императрица совершенно упустила изъ виду умственное состояніе тѣхъ, для кого она писала Наказъ. Она не сообразила, что громадное большинство ея подданныхъ не въ состояніи не только понять, но даже и прочитать ея «Наказа», она не подумала о томъ, что предоставила право обсуждать и писать законы, согласно «Наказу», не философамъ, а полу-дикарямъ, неимѣющимъ никакого понятія о законодательствѣ, понимающимъ подъ именемъ закона только повелѣніе верховной власти. И именно этотъ самый взглядъ такъ хорошо и выразился во всѣхъ заявленіяхъ нашей буржуазіи. Доселѣ ихъ самихъ, ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ судили, охраняли и опекали постороннія лица, по ихъ мнѣнію, предназначенныя для этого самой судьбой; ихъ-же дѣло было только повиноваться всѣмъ распоряженіямъ власти безпрекословно и въ случаяхъ ужъ какихъ-нибудь очень стѣснительныхъ мѣръ, только просить объ ихъ отмѣ-

нѣ. Всякое отягощеніе въ ихъ глазахъ считалось не иначе, какъ фатальнымъ несчастіемъ, всякая льгота, хотя-бы и вызванная общими государственными потребностями, принималась, какъ милость, какъ даръ. Обо всѣхъ этихъ измѣненіяхъ они не имѣли другого понятія, кромѣ личнаго отношенія гнѣва и милости къ нимъ властей предрѣжащихъ. Призваніе ихъ къ составленію законодательства показалось имъ ничѣмъ инымъ, какъ спросомъ: «всѣмъ-ли, старички, довольны, не нуждается-ли въ чемъ-нибудь», и они, отвѣтивши стереотипнымъ «всѣмъ довольны, ваше высокоблагородіе, очень благодарны», принялись выгружать передъ правительствомъ свои личныя нужды, нисколько не думая ни объ интересахъ другихъ, ни объ интересахъ самого правительства, руководясь только единственно своими частными интересами и разсчитывая не на основательность требованій, не на возможность ихъ удовлетворенія, но единственно на то, что на милость образца вѣтъ. Ну, и конечно, при такомъ взглядѣ на дѣло ничего другого нельзя было ожидать, кромѣ того, что вышло.

Неговоря ужъ о тогдашнемъ темномъ времени,—даже и теперь, если-бы насъ, по отдѣльности каждое сословіе, пригласили, по грѣхамъ нашимъ, сочинять законы, то трудно ручаться, чтобъ не были заявлены тѣ-же самыя требованія, какъ и при блаженной памяти императрицѣ Екатеринѣ. Относительно дворянъ книга г. Серебрицкаго, «Крестьянское Дѣло» даетъ понятіе о томъ, какъ современно, сообразно съ духомъ времени мысляло наше дворянство; а буржуазія то и дѣло, даже безъ всякаго вызова, заявляетъ свои претензіи, ни въ чемъ неуступающія заявленіямъ депутатовъ отъ городовъ екатерининской комиссіи. Давно-ли, кажется, кяхтинское купечество предсказывало гибель всему государству, если ему не дадутъ монополіи чайной торговли; давно-ли сибирскіе купцы просили себѣ на откупъ весь туруханскій край; а года два тому назадъ одинъ изъ комерсантовъ, ораторъ вольно-экономическаго и другихъ обществъ, просилъ уступить ему во временное пользованіе весь сѣверъ Россіи, ходатайствуя при этомъ еще о казенномъ пособіи; что-же касается мундировъ, шпагъ и т. п. атрибутовъ купеческой чести, то объ нихъ я полагаю и поминать нечего; стоятъ въ праздничный день заглянуть въ соборъ любого губернскаго города, чтобъ встрѣтить десятки этихъ видимо *честныхъ* комерсантовъ...

Итакъ, столь громко и блистательно начатая комиссія оказалась просто-на-просто мыльнымъ пузыремъ; риторское обращеніе «къ подсолнечнымъ народамъ» не произвело никакого эффекта, да и самымъ подсолнечнымъ народамъ было ужъ не до нашей комиссіи, скоро ихъ

вниманіе привлекло къ себѣ другое зрѣяще; одинъ изъ нихъ самъ собою, безъ всякихъ наказовъ отъ кого-бы то ни было, принялся устривать свое дѣло, положивъ въ основаніе своихъ дѣйствій принципы, близкіе къ тѣмъ, какіе были высказаны въ Наказѣ, и получилъ совершенно иные результаты, чѣмъ наша злополучная комиссія.

Еврейская бібліотека. Историко-литературный Сборникъ. Томъ II.
Спб. 1872 г.

Въ свое время «Дѣло» высказало свое мнѣніе о первомъ томѣ «Еврейской Библіотеки» и коснулось мимоходомъ тѣхъ общихъ цѣлей, преслѣдованію которыхъ посвящено это изданіе. Съ появленіемъ второго тома, составляющаго отчасти продолженіе перваго, эти цѣли настолько выяснились, что мы можемъ теперь произнести о нихъ окончательное сужденіе и дополнить нашъ прежній отзывъ еще нѣсколькими замѣчаніями, которыя могли-бы опредѣлить наши критическія отношенія къ еврейскому вопросу.

Основываясь на отзывахъ журнальной критики, весьма радушно встрѣтившей первый и второй томъ «Библіотеки», мы съ своей стороны ожидали найти въ ней органъ дѣйствительно полезный для дѣла еврейскаго народа или, по меньшей мѣрѣ, любопытный для всѣхъ читателей безъ разлічія. Къ сожалѣнію, наши ожиданія относительно второго тома не оправдались, и что-бы ни говорила критика и всѣ панегиристы бібліотеки, но въ нашихъ глазахъ это одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій нашей литературы, рѣшительно неимѣющее права на особенное вниманіе читателей. Не говоря уже о чисто-литературныхъ достоинствахъ ея статей, стоящихъ ниже всякой критики, насъ въ особенности поражаетъ мелочность преслѣдуемыхъ ими тенденцій и изумительное убожество мысли. Самая постановка еврейскаго вопроса, какъ его понимаетъ «Еврейская бібліотека», по меньшей мѣрѣ, странна и возбуждаетъ невольное недоумѣніе. Она находитъ положеніе еврейскаго народа неудовлетворительнымъ и совершенно справедливо видитъ причину этого въ его гражданской несправедливости съ христіанскимъ населеніемъ, которая постоянно служила источникомъ многочисленныхъ бѣдствій для обѣихъ сторонъ. Другимъ серьезнымъ зломъ для еврейскаго народа авторы статей «Библіотеки» единодушно считаютъ его невѣжество и недостатокъ общечеловѣческа-

го образованія. Но, соглашаясь, по крайней мѣрѣ, на словахъ, что для правильнаго рѣшенія еврейскаго вопроса необходимо прежде всего бороться противъ, этихъ двухъ золь, они, однако, усердно стараются оправдать вытекающія отсюда послѣдствія. Въковой мракъ, окружавшій бытъ еврейскаго народа, дикія притѣсненія и насилія со стороны христіанъ, его религіозно-племенная замкнутость, наконецъ, общія экономическія неурядицы въ пріютившей его средѣ—все это не могло, конечно, остаться безъ вліянія на евреевъ и неизбѣжно отражалось на ихъ характерѣ, къ которому, какъ извѣстно, привито столько антипатичныхъ свойствъ. Зная причины, которыя способствовали развитію этихъ свойствъ, мы можемъ только сожалѣть еврейскій народъ и стараться извлечь его путемъ рациональныхъ реформъ изъ того грязнаго омуту нравственной пошлости, которая насквозь успѣла проникнуть его племенное существо. Но кому-же придется въ голову отрицать эти свойства, кто станетъ утверждать, что невѣжественная, загнанная и забитая масса еврейскаго населенія служить образцомъ общественной нравственности и политической честности, что всюду, куда ни бросала ее злая судьба, она распространяла собой довольство и счастье? Но если это такъ, откуда-же могли взяться условія для развитія въ еврейскомъ народѣ такихъ драгоценныхъ чертъ, гдѣ та благопріятная обстановка, подъ вліяніемъ которой воспитывается народъ съ такими качествами? Исторія показываетъ, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ только евреямъ удавалось съ грѣхомъ пополамъ найти для себя пріютъ, не только не было такой благопріятной обстановки, но, напротивъ, было множество подавляющихъ и неотразимо-гибельныхъ моментовъ, которые должны были сдѣлать и, дѣйствительно, сдѣлали свое дѣло. Но авторы статей, помѣщенныхъ во второмъ томѣ «Еврейской Библіотеки», упорно отрицаютъ это. До сихъ поръ вообще характеръ этихъ статей былъ чисто-апологическій и хвалебный до смѣшнаго, такъ что послѣ прочтенія ихъ невольно приходитъ на умъ, въ чемъ-же собственно состоитъ еврейскій вопросъ и къ чему всѣ эти проектируемыя авторами реформы, если у евреевъ и безъ того все такъ мягко и гладко? Г. В. Леванда въ своей статьѣ: «Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи» дошелъ до такого абсурда, что серьезно утверждаетъ, будто крестьяне богатѣютъ, дѣлаются здоровѣе и *даже красивѣе* (!) отъ одного лишь присутствія между ними евреевъ. «Въ губерніяхъ, отведенныхъ для постояннаго жительства евреевъ, говорятъ онъ, — лучшимъ благосостояніемъ сельское сословіе пользуется въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ еврейскій элементъ сильнѣе, и на-

оборотъ—крестьяне бѣднѣ тамъ, гдѣ число евреевъ меньше» (стр. 358). Сей-же г. Леванда чрезъ нѣсколько строкъ далѣе впадаетъ въ умилительно-идиллическое настроеніе и съ любовью останавливается на картинѣ сельскаго довольства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, которое для него тѣмъ отраднѣе, что оно есть созданіе—чего-бы вы думали?—сожителства съ евреями. Почему вы встрѣчаете въ селахъ кievской губерніи рослый, здоровый и красивый народъ? Потому, отвѣчаетъ г. Леванда, что тамъ живутъ евреи. Почему этотъ народъ одѣвается чисто и опрятно? Потому, что на него дѣйствуетъ заразительно примѣръ евреевъ, тѣхъ самыхъ евреевъ, которые во всѣхъ мѣстахъ своей постоянной осѣдлости заражаютъ самый воздухъ, которымъ они дышутъ, какъ, напримѣръ, въ городахъ западнаго края и въ Царствѣ Польскомъ. Но этого мало. Представьте себѣ, что даже и «веселыя малороссійскія пѣсни», и «красавицы крестьянки, чернобрывыя малороссіянки, въ красныхъ и желтыхъ чобіткахъ, на мѣдныхъ подковахъ», все это есть дѣло еврейской изобрѣтательности. Однако, пощадите, г. Леванда; вѣдь вы скоро станете утверждать, что малороссіянки и плодятся-то въ кievской губ., съ радости, что видятъ евреевъ. Впрочемъ, г. Леванда, кажется, не прочь и отъ этой мысли, ибо онъ, напр., доказываетъ, что тамъ, гдѣ еврейскій элементъ значителенъ, тамъ и народонаселеніе быстро возрастаетъ. Въ херсонской губерніи народонаселеніе увеличилось за 4 г. на 12,62%, въ минской приращеніе дошло до 13,50%, а въ другихъ южныхъ, юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ народонаселеніе рѣдко увеличивалось менѣе, чѣмъ на 3,82%, и почти всегда болѣе, чѣмъ на 6,7 и 8%. Но въ губерніяхъ, гдѣ евреевъ мало или вовсе нѣтъ, высшій предѣлъ приращенія за такой-же періодъ времени достигаетъ 8% и то только въ уфимской губерніи, во многихъ-же случаяхъ народонаселеніе за эти 4 года не измѣнилось или даже убыло на 1,13%, какъ, напр., въ петербургской губерніи. Эти факты заимствованы изъ «Статистическаго Временника» и мы охотно соглашаемся, что они справедливы и должны, конечно, имѣть свое объясненіе, но, разумѣется, не въ той наивной подтасовкѣ, къ которой счелъ нужнымъ прибѣгнуть г. Леванда. Вѣдь слѣдуя этой курьезной логикѣ, связывая несоединимое и разнообразное, мы дойдемъ до чудовищной глупости. На улицѣ пошелъ дождь послѣ того, какъ упала палка, стоявшая въ углу моей комнаты: ясно, заключаетъ отсюда г. Леванда, что дождь пошелъ вслѣдствіе паденія палки. Поймите, г. Леванда, что я не отрицаю того, что шелъ дождь и упала палка, но между простымъ констатированіемъ

этих фактовъ и сочетаніемъ ихъ въ причину и дѣйствіе лежитъ непроходимая пропасть. Никто не сомнѣвается въ томъ, что въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ народъ плодится сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ имперіи, справедливо также и то, что тамъ много евреевъ, хотя все-таки несравненно меньше, чѣмъ въ западномъ краѣ, но вѣдь эти два факта совершенно не зависятъ одинъ отъ другого и вовсе не стоятъ между собой въ причинной связи. Причина сравнительно быстрѣйшаго размноженія народоваселенія всегда и вездѣ одинакова и обыкновенно заключается въ большемъ достаткѣ, въ болѣе выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ южныхъ губерній, что съ своей стороны зависитъ отъ болѣе успѣшнаго земледѣлія, котораго евреи чуждаются, какъ извѣстно, до сихъ поръ. Впрочемъ, не этой только причиной объясняется фактъ плодовитости южнаго и юго-западнаго населенія. Не маловажную роль играетъ тутъ еще и то несомнѣнное обстоятельство, что евреи, сами по себѣ, чрезвычайно способны къ размноженію и, такимъ образомъ, повышаютъ собой общій процентъ приращенія. Очень можетъ быть, что русское населеніе упомянутыхъ губерній само по себѣ не особенно плодовито, но въ общемъ статистическомъ итогѣ оно кажется таковымъ, благодаря сожителству съ евреями. Въ сѣверо-западномъ краѣ, который кишитъ евреями и въ то-же время считается одной изъ самыхъ бѣдныхъ частей имперіи, населеніе сильно размножается, съ чѣмъ совершенно согласенъ и г. Леванда. Но, очевидно, въ этомъ случаѣ бѣлорусское населеніе, само по себѣ, даетъ ничтожный процентъ приращенія и, по всей вѣроятности, онъ понижался-бы, если-бы не евреи. Въ могилевской губерніи процентъ приращенія нееврейскаго населенія такъ незначителенъ, что весьма многочисленный тамъ еврейскій элементъ могъ поднять этотъ процентъ лишь на 1,64. Мы не нашли прямого указанія на эти факты въ «Статистическомъ Временникѣ» и не выдаемъ ихъ за непреложно-справедливые, но еще менѣе подтверждаются имъ соображенія г. Леванды, которыя можно объяснить только слѣпотою его узкаго патріотизма.

Нельзя не остановиться еще на одномъ мнѣніи г. В. Леванды объ эксплуатаціи евреями христіанскаго населенія. Г. Леванда, не задумываясь, отрицаетъ эту эксплуатацію и говоритъ, что это опять-таки черная клевета недоброжелателей евреевъ. Но никогда и нигдѣ мы еще не встрѣчались съ такой удивительной системой аргументаціи, какъ та, къ которой прибѣгаетъ г. Леванда, чтобы доказать справедливость высказаннаго имъ положенія. «Допустимъ на время, говорить г. Леванда, что евреи, на самомъ дѣлѣ, эксплуатируютъ христі-

анское населеніе и захватываютъ въ свои руки все мѣстное богатство. Но, если-бы это было и такъ, то во-первыхъ, думаетъ г. Леванда, въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды, «такъ-какъ евреи вѣдь не иностранцы, которые обогащаются у насъ и затѣмъ вывозятъ свои капиталы изъ Россіи, а свои-же люди, русскіе вѣроподданные, и *никуда изъ Россіи не спрячутся*» (стр. 353). За этотъ одинъ перлъ, г. Леванда, благодарные сыны Израїля должны воздвигнуть вамъ монументъ и начертать на немъ золотыми буквами ваше изреченіе. Напрасно мы стали-бы рыться въ трущобныхъ трактатахъ буржуазныхъ экономистовъ и отыскивать тамъ для оправданія эксплуатаціи болѣе наивнаго замѣчанія, чѣмъ то, которое позволилъ себѣ высказать г. Леванда. Впрочемъ, мы не желаемъ набрасывать тѣнь на чистоту его намѣреній и думаемъ, что и здѣсь онъ напроказничалъ, вдохновленный тѣмъ-же патріотизмомъ, который уже подвинулъ его на столько нелѣпостей. Поймите, г. Леванда, что ваше утѣшеніе никому не годится и походить на то, какъ если-бы вы сказали въ утѣшеніе школьнику, подвергшемуся тѣлесному пстязанію: «не плачь и не унывай, вѣдь розга никому не спрячется, она всегда будетъ съ тобой и, мало по малу, ты къ ней привыкнешь и обтерпишься». Тѣмъ-то и невыносима, тѣмъ-то скверна и безнадежна эксплуатація евреевъ, что они, русскіе вѣроподданные, «никуда изъ Россіи не спрячутся», а ежечасно будутъ подтачивать ея благосостояніе. Вѣдь, согласитесь, г. Леванда, что, чѣмъ меньше эксплуататоровъ, тѣмъ лучше, и удерживать ихъ въ предѣлахъ государства, значить насильно держать волковъ въ овчарнѣ ради того, чтобы, накормивши ихъ досыта, укротить ихъ хищность. Теперь уже все согласны, что тѣ нищенскія крохи, которыя падаютъ со стола эксплуататора, только засоряютъ желудокъ меньшей братіи и не обезпечиваютъ ей безпрепятственнаго удовлетворенія самыхъ жгучихъ физиологическихъ потребностей. Даже расходъ простой мышечной силы, идущей на созданіе богатствъ самихъ эксплуататоровъ, не пополняется этими крохами. Накопая богатства въ однихъ рукахъ насчетъ общаго благосостоянія, эксплуатація не только не обогащаетъ, но прямо убыточна для тѣхъ, при помощи которыхъ совершилось это накопленіе. Разъ накопились богатства въ однихъ рукахъ, разъ явился на божій свѣтъ эксплуататоръ и выдѣлялся изъ рабочей массы, какъ ея естественный антагонистъ, и онъ перестаетъ уже приносить пользу, живетъ-ли онъ въ томъ государствѣ, гдѣ обогатился или за его предѣлами. Мало того, онъ положительно наноситъ вредъ общему благосостоянію страны, если онъ остается въ центрѣ своего первоначальнаго обогащенія

и неутомимо продолжаетъ свою дѣятельность. А вѣдь въ большинствѣ случаевъ такъ и бываетъ, потому что дѣятельность эксплуататора не знаетъ никакой узды ни со стороны вѣшной, ни тѣмъ болѣе, со стороны своей совѣсти. Поэтому-то, г. Леванда, и приходится желать, чтобы русскіе еврей-эксплуататоры не оставались, но непременно прятались изъ Россіи. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, Россія потеряетъ, если г. Варшавскій «спрячется» на острова Тихаго океана и перестанетъ строить у насъ желѣзныя дороги. Мы не думаемъ, мы полагаемъ даже, что не расчетливо сожалѣть и о тѣхъ милліонахъ, которые онъ увезъ-бы съ собой, какъ отступную премію или налогъ за добровольное отреченіе отъ дальнѣйшей дѣятельности, не расчетливо потому, что за каждый часъ его пребыванія пришлось-бы расплачиваться новыми милліонами и новыми бѣдствіями. Но г. Леванда полагаетъ, что чѣмъ долѣе будетъ продолжаться эта эксплуатация, тѣмъ лучше. Это, конечно, оригинально и вполне патріотично.

Послѣ такой аргументаціи для насъ, однако, не совѣтъ понятно, почему г. Леванда старается снять съ евреевъ обвиненіе въ эксплуатациі, когда ему такъ легко уже признать ее законной и, пожалуй, даже необходимой. Поступи онъ именно такъ, ему не пришлось-бы дѣлать такихъ невѣроятныхъ потугъ для опроверженія этого общезвѣстнаго факта, плодомъ которыхъ явилась все-таки новая неаппетитная пость. Въ доказательство того, что еврей вовсе не эксплуататоры, г. Леванда указываетъ на ихъ бѣдность, «ибо, говоритъ онъ, — результаты эксплуатации должны выразиться въ обогащеніи эксплуататоровъ, при явномъ ущербѣ для интересовъ эксплуатируемыхъ» (стр. 352). Что касается послѣдняго, то это, конечно, безусловно справедливо, хотя и не совѣтъ-то вяжется съ воззрѣніями г. Леванды на эксплуатацию, въ которой онъ не видитъ и особенной бѣды для эксплуатируемыхъ. Но что эксплуатация непременно должна выражаться обогащеніемъ эксплуататоровъ, это я думаю, никому не придетъ въ голову, кромѣ г. Леванды. Напротивъ, чѣмъ разнуданнѣе эксплуатация, тѣмъ болѣе истощаются источники обогащенія и, въ концѣ концовъ эксплуатирующей становится почти такимъ-же бѣднякомъ, какъ и эксплуатируемый. Доказательствомъ могутъ служить евреи сѣверо-западнаго края, гдѣ они довели свою эксплуатацию до ужасающихъ размѣровъ и въ то-же время чрезвычайно бѣдны. Думаете-ли вы, г. Леванда, что бѣдность, которую терпятъ эти евреи, ослабляетъ въ нихъ жажду наживы и барышей? Напротивъ, эта жажда усиливается и въ погонѣ за барышами нерѣдко растрачиваютъ они послѣднія крохи своего состоянія. Здѣсь все пускается въ ходъ:

наглый обманъ, уточненнѣйшія системы надувательства, отдача денегъ подъ самыя жидовствующіе проценты, спиванье крестьянъ водкой отвратительнѣйшаго качества и т. д. Страсть къ легкой, туенядческой наживѣ доходитъ въ еврейхъ западнаго края до того, что она часто омрачаетъ ихъ благоразуміе и свойственную имъ осторожность. Вы встрѣтите тамъ евреевъ, которые, видя васъ въ первый разъ, и едва узнавши, что вы нуждаетесь въ кредитѣ, мигомъ осадятъ васъ своими предложеніями и станутъ наперерывъ предлагать вамъ заемъ, забывая даже объ обезпеченіи предлагаемаго займа. Сначала васъ поражаетъ эта необыкновенная предупредительность, но потомъ, когда дѣло доходитъ до условій и процентовъ, достигающихъ невѣроятныхъ цифръ, какъ, напр. 600 и 700, вы поймете, въ чемъ тутъ дѣло.

Продолжая развивать свою дѣтскую апологію еврейства, г. Леванда не перестаетъ высказывать положенія, одно курьезнѣе другого, обходя всѣ правила логики и послѣдовательнаго мышленія. Впрочемъ, мы встрѣчаемъ это почти у всѣхъ авторовъ статей «Еврейской Библіотеки». Подтасовка фактовъ, самая жалкая и безхитростная, произвольныя и дикія сближенія, софизмы и натянутые силлогизмы разсыяны почти на каждой страницѣ. Иначе, конечно, и не можетъ быть, потому что цѣль, поставленная «Еврейской библіотекой», сама по себѣ, ложная и не можетъ быть достигнута путемъ естественной, здоровой аргументаціи. Можно представить себѣ, каковы, въ самомъ дѣлѣ статья, наполняющія эту «Библіотеку», если статья г. Леванды должна быть поставлена все-таки несравненно выше всѣхъ остальныхъ. Насъ примираетъ нѣсколько съ этимъ курьезнымъ публицистомъ уже то, что онъ избралъ темой своихъ размышленій предметъ серьезный, заслуживающій полнаго вниманія, стараясь доказать необходимость образованія между евреями земледѣльческаго класса. Увлечшись нелѣпой защитой своихъ соплеменниковъ, онъ, конечно, ничего не доказалъ и обнаружилъ совершенное непониманіе даже того еврейскаго вопроса, для разрѣшенія котораго онъ считаетъ себя призваннымъ. Несмотря на это, статья г. Леванды имѣетъ и достоинство, правда, совершенно безличное, но за то рѣдко встрѣчающееся у его почтенныхъ сотоварищей. Это, содержательность и—все таки, какое-бы то ни было, порываніе къ мысли,—качество, которое приходится дорого цѣнить, послѣ прочтенія другихъ статей, гдѣ уже нельзя обрѣсти ни единой мысленки. Но за то вы найдете тамъ вѣчныя указанія на даровитость еврейской расы съ неизбѣжными ссылками на Спинозу, Гейне, Берне, Лассала, Мендельсона и даже Рахели, хотя половину этихъ именъ нужно исключить, ибо лица,

которымъ они принадлежать, только потому и велики, что, вырвавшись изъ узкой сферы еврейства, зажали міровую, обще-человѣческую жизнь. Тамъ-же встрѣтите вы избытка, вѣсѣмъ надобившія жалобы на нетерпимость къ евреямъ и умышленно-враждебное отношеніе къ нимъ со стороны христіанъ. И вѣсь эти жалобы поочередно подвергаются кропотливѣйшему разслѣдованію со всей утомительною проницательностью и крючкотворствомъ подъячихъ. Г. Стасовъ, напр., перечисливъ вѣсь достоинства евреевъ, наконецъ, сталъ говорить объ ихъ красотѣ и глубокомысленно ставить на видъ, что „вся Европа истари наполнена образцами красавцевъ и красавицъ изъ среды евреевъ». Экая, подумаешь, заслуга предъ цивилизаціей и обществомъ! Ставъ на эту точку зрѣнія, не мѣшало-бы г. Стасову произвести анатомическое изслѣдованіе надъ евреями и разрѣшить для скептиковъ вопросъ: человекъ-ли—еврей? Въ этомъ было-бы несравненно болѣе смысла, чѣмъ въ его соображеніяхъ по поводу постройки еврейской синагоги въ Петербургѣ. Неужели нужно знать русскимъ читателямъ, которымъ главнымъ образомъ и посвящена «Еврейская бібліотека», по словамъ ея издателя, ужели имъ нужно знать, что петербургская синагога должна быть построена въ арабско-мавританскомъ стилѣ, а не въ романскомъ, готическомъ или оріентальномъ; ужели читатели могутъ раздѣлять сѣлованія г. Стасова на то, что собранныя на постройку 200 или 250 тысячъ не достигнутъ, къ крайней его скорби, полтора милліоновъ или утѣшенія, что нужно-де примириться съ горькой судьбой и воспользоваться тѣмъ, что есть. Въ этомъ тонѣ написана вся статья г. Стасова, которая заканчивается подробнымъ описаніемъ существующихъ въ Европѣ синагогъ, и объ одной изъ нихъ онъ говоритъ, заключая свои мысли: «это освѣщеніе, эти восточныя формы, эти краски, эта восточная красота и прелесть глубоко дѣйствуютъ на каждаго входящаго въ этотъ еврейскій соборъ, зажигаютъ мысль (?) и чувство неслыханными ощущеніями, и наполняютъ горячую надежду, что не погибъ еще вѣсѣмъ народъ, когда-то великій и славный, и что изъ созерцанія такого новаго созданія выйдетъ еще не мало новыхъ загорѣвшихся жаждою дѣятельности и творчества талантовъ» (стр. 973). И эта чепуха говорится совершенно серьезно, отъ этой синагоги ожидается что-то великое, имѣющее чуть не міровое значеніе; ее проектируютъ люди мысли, поставившіе себѣ задачей просвѣтленіе еврейскаго разума и обращеніе его на путь общечеловѣческихъ интересовъ. Чтожъ, въ добрый часъ, господа!.. Воздвигайте синагоги вмѣсто школъ, если вамъ мало еще вашего религіознаго фанатизма и невѣжества, раскапы-

вайте библейскую старину и талмудическую ветошь, если вы недостаточно еще ступѣли и изолировались отъ всего человѣческаго, если вамъ рѣжетъ глаза еще какой-нибудь лучъ свѣта. Но вы должны знать, что пока вы копааетесь въ своей ямѣ и преслѣдуете мелкія цѣли отжившаго юдаизма, до васъ нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла здравомыслящимъ людямъ. И безъ того слишкомъ много у насъ тормазовъ, задерживающихъ теченіе современной мысли, слишкомъ много мертвящихъ ее элементовъ, чтобы откликаться на замогильный призывъ вашего мертваго слова. Мы желали-бы знать, кто изъ русскихъ читателей, сколько-нибудь цѣня время, не закроетъ послѣ первой-же страницы статью г. Альберта Ревиля «О еврейхъ и юдаизмѣ временъ возникновенія талмуда», трактующую съ педантической сухостью о такихъ событіяхъ, которыя по своей отдаленности заслуживаютъ скорѣе быть предметомъ эпическихъ сказаній; чѣмъ серьезнаго историческаго изслѣдованія. Неудивительно, конечно, если всю эту сушь проглотитъ ученый раввинъ, комментирующій всю свою жизнь какое-нибудь слово изъ комментарія на комментарий по поводу ничтожнѣйшаго изреченія талмуда, но нужно быть чрезвычайно наивнымъ, чтобы приподносить эту *еврейскую науку*, какъ ее величаютъ ея двигатели, русскимъ читателямъ. Г. Левъ Гордонъ также вообразилъ почему-то, что его «Обзоръ современной еврейской литературы» имѣетъ право на вниманіе русскихъ читателей. Но какъ интересна эта современная литература, можно судить по тому, что ее, исключительно, наполняютъ: богословская исторія еврейскаго народа г. Фиана, «Ира и Зебодія» рассказъ о единоборствѣ въ средѣ филистимлянъ двухъ знаменитыхъ полководцевъ въ присутствіи ратниковъ; журналъ «Гекармель», въ которомъ изслѣдуется отношеніе талмуда іерусалимскаго къ талмуду вавилонскому, наконецъ, изданіе какого-то общества «Мекице-Нирдадимъ», что на русскомъ языкѣ значитъ: «пробуждающіе дремлющихъ», хотя этому обществу, разъясняющему книги древнихъ экзегетовъ, приличнѣе было-бы назваться «усыпляющимъ безсонныхъ».

Самымъ живымъ явленіемъ въ еврейскомъ сборникѣ, но, къ сожалѣнію, только по формѣ, а не по содержанію, нужно считать романъ г. Л. Леванды: «Горячее время», содержаніе котораго взято изъ польскаго возстанія 1862 года. Рѣшительное слово объ этомъ романѣ мы отлагаемъ до его окончанія, теперѣ-же замѣтимъ только, что онъ представляетъ собой весьма вѣрную характеристику современнаго еврейства во всей его непривлекательной наготѣ и антипатичности. Авторъ, очевидно, задался совершенно иными цѣлями, —

напротивъ, онъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы защитить евреевъ и горько плачется на беззащитность и горькую долю своихъ соплеменниковъ. Его герой, Саринъ, долженъ изображать собой титана-преобразователя, челоѣка новой мысли и новаго дѣла, носящаго въ груди своей горячее призваніе къ великой миссіи возрожденія еврейскаго народа. Но этотъ титанъ преслѣдуетъ, однако, очень узенькія задачи, онъ нейдетъ далѣе обрусѣнія евреевъ, но говоритъ о своей дѣятельности въ присутствіи покорной ватаги своихъ учениковъ, работяшно внимающей каждому слову своего маэстро, свысока, съ спокойной важностью мудреца, и дѣйствуетъ не безъ нѣкотораго макіавелизма, того грошоваго макіавелизма, который такъ напоминаетъ въ немъ крючкотворствующаго «аблаката». 1862 годъ былъ годомъ испытанія для евреевъ сѣверо-западнаго края и царства польскаго. Бурныя событія этого времени показали имъ всю непрочность и двусмысленность ихъ политическаго положенія и заставляли ихъ высказаться на чистоту въ ту или другую сторону. До тѣхъ поръ евреи, какъ извѣстно, жили съ поляками душа въ душу, дѣлили горе и радость совмѣстнаго существованія, и если-бы какими-либо судьбами осуществились затѣи поляковъ, они не имѣли-бы болѣе искреннихъ и преданныхъ друзей, чѣмъ евреи. Но съ перваго момента борьбы, затѣянной поляками, можно было навѣрное предсказать полнѣйшую неудачу ихъ предпріятію. Масса еврейскаго населенія понимала это, но, трусливая и колеблющаяся, она то боялась открытаго разрыва съ поляками, то трепетала, съ другой стороны, мести правительства. Въ этотъ-то моментъ нерѣшительности и трусливаго метанія изъ стороны въ сторону на арену политической дѣятельности выступаетъ герой Саринъ. Положеніе дѣлъ было не очень замысловатое: евреи могли просто заявить о своей преданности правительству и открыто встать подъ его защиту. Но благородная душа Сарина гнушалась простотою такой сдѣлки, и хотя каждый шагъ его обличалъ, что ему въ сущности нѣтъ никакого дѣла ни до Россіи, ни до Польши, но онъ вдругъ заговорилъ съ патетическимъ жаромъ о необходимости для евреевъ имѣть отечество, разумѣется, достойное ихъ прошедшаго. Отечествомъ этимъ и должна быть сильная, побѣждающая Россія. Съ этой-то цѣлью и домогался Саринъ сближенія евреевъ съ русскими, оставаясь въ то-же время добрымъ союзникомъ Польши. О результатахъ этой стратегіи и всѣхъ ея перипетіяхъ мы поговоримъ, когда окончится романъ.

Быть можетъ, нашъ отзывъ о «Еврейской Библіотекѣ» покажется черезчуръ рѣзкимъ ея издателю и составителямъ, которые, пожалуй,

причтутъ насъ къ недоброжелателямъ еврейскаго народа. Да, они будутъ совершенно правы, если дѣло идетъ о той народности, которая отыскала удовлетвореніе всѣмъ сторонамъ своего духа въ отжившемъ памятникѣ той первобытной эпохи, когда еще не зарождалась культурная жизнь, и ради какого-нибудь талмуда отеклась отъ всякаго участія въ движеніи общечеловѣческаго прогресса, — если это та народность, которая не знаетъ принципа мірового братства и общественной солидарности, но, сжатая въ тѣсный кружокъ своихъ одноплеменниковъ, съ идиотическимъ упорствомъ гнѣтъ въ своей мрачной средѣ, откуда она, какъ изъ берлоги, выходитъ только на добычу и охоту за своими ближними. Мы горячо желаемъ уничтоженія этой народности, коснѣющей въ невѣжествѣ и мертвенной апатіи ко всему живому и современному, приниженой нравственно и матеріально, но еще болѣе принижующей и давящей ту среду, гдѣ она находитъ себѣ случайный пріютъ. Безъ сомнѣнія, много зла причинило евреямъ христіанское населеніе, лишивъ ихъ гражданской равноправности, вслѣдствіе чего они необходимо должны были все болѣе и болѣе удаляться въ узкую сферу своей религіи. Но за это отчужденіе и за свою замкнутость евреи сторицей отплатили своимъ притѣснителямъ. Современность ихъ отталкивала и отнимала отъ нихъ даже юридическое право на существованіе, и они, со всею жадностью людей, томимыхъ голодомъ, впились въ свою традиціонную религію и держались за нее, какъ за свое единственное достояніе, — благо она служила имъ также и гражданскимъ кодексомъ. Талмудъ, какъ сборникъ религіозныхъ постановленій и вѣрованій, не имѣетъ, конечно, серьезнаго значенія, но нужно имѣть въ виду, что въ то же время онъ регламентировалъ всѣ гражданскія отношенія евреевъ, даже тѣ, какія когда-либо возникнутъ въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Въ этомъ-то и заключается вопіющая негѣпость талмуда и главная причина того, почему для еврейской народности, какъ таковой, вѣчный и безпредѣльный общечеловѣческій прогрессъ есть въ сущности религіозная ересь. Понятно, что при этихъ условіяхъ не было никакой необходимости въ образованіи, если оно не имѣло въ виду разъясненія казуистики талмуда. Слѣдовательно, сближеніе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, ихъ активное участіе въ міровой цивилизаціи необходимо влечетъ за собою смерть еврейской народности. Поэтому первымъ шагомъ къ этому сближенію должно служить ослабленіе вѣры въ непереложность талмуда, — по крайней мѣрѣ, гражданскую и политическую; — путемъ распространенія въ массѣ еврейскаго народа общечеловѣческаго образованія и предоставленія ему всѣхъ гражданскихъ правъ, кото-

рыши пользуются христіане. Но проповѣдывать это сближеніе и желать сохраненія еврейской народности, какъ этого домогается «Еврейская Библіотека», поднимать на свѣтъ животрепещущей современности весь старыи хламъ древняго юдаизма, составляющаго основу еврейской народности, мы считаемъ нелѣпымъ и неумѣстнымъ. Къ чему послужитъ это? Развѣ на что-нибудь пригодится намъ, людямъ дня, или вамъ невозвратимая пора вашего прошедшаго, быть можетъ и славнаго когда-то, но навсегда схороненнаго въ глубокихъ нѣдрахъ всемірной исторіи? Цѣлыхъ 15 столѣтій уединенной, замкнутой жизни еврейскаго народа могутъ служить, кажется, вполне достаточнымъ доказательствомъ того, что его культура отдѣлена непроходимой стѣной отъ общечеловѣческой жизни. Слѣдовательно, сближеніе съ евреями на почвѣ ихъ религіозной гражданственности и библейскихъ традицій немыслимо, и воскрешать ихъ для русскихъ и евреевъ одинаково бесполезно и нелѣпо. Не во имя вашей народности и вашего прошедшаго готовы мы протянуть вамъ братскую руку и съ искреннимъ соболѣзнованіемъ къ вашему несчастному положенію ополчиться на защиту вашихъ человѣческихъ правъ. Мы должны дѣйствовать въ собственныхъ интересахъ, потому что, распространяя среди темной массы еврейскаго населенія образованіе, стараясь, чтобы всѣ люди были равноправны, чтобы не было ни утѣснителей, ни утѣсенныхъ, мы отнимемъ отъ евреевъ всякій стимулъ и даже средства творить намъ же зло. При этихъ лишь условіяхъ исчезнетъ узко-племенное чувство *моихъ* и *твоихъ* и окрѣпнетъ сознаніе, что только въ солидарности и тѣсномъ единеніи лежитъ истинное счастье народовъ, а тѣмъ болѣе членовъ одного и того-же государства.

НЕОТЛАГАЕМАЯ РЕФОРМА.

(МОИМЪ ТОВАРИЩАМЪ.)

I.

Странный, вопіющій контрастъ представляетъ намъ современная европейская жизнь. Съ одной стороны неудержимо рвущаяся впередъ человѣческая мысль, — съ другой реакціонное ея движеніе; тамъ стоитъ Бисмаркъ, какъ олицетвореніе грубой физической силы, здѣсь Дарвинъ, какъ представитель прогрессирующей идеи; съ одной стороны только-что потухшія развалины и еще необсохшія слезы побѣжденнаго, оскорбленнаго и ограбленнаго народа Франціи, — съ другой общее желаніе облегчить участь побѣжденнаго и вырвать изъ рукъ голода и смерти нѣсколько напрасныхъ жертвъ; съ одной стороны господствуетъ пушка, — съ другой школа и госпиталь. Въ одно и то-же время человѣчеству какъ будто хочется погубить какъ можно больше людей и какъ можно больше спасти ихъ отъ безполезныхъ страданій и смерти. Въ послѣднемъ случаѣ царицей дня является спасительная гигиена. Лучшіе иностранные и русскіе медицинскіе журналы наполнены статьями о рациональномъ устройствѣ госпиталей, о введеніи новыхъ системъ, о радикальныхъ преобразованіяхъ въ содержаніи больныхъ, о доставленіи имъ всѣхъ средствъ къ спасенію жизни. Въ этомъ направленіи дѣятельно работаетъ европейская мысль и благотѣльно дѣйствуетъ на насъ. Какъ ни вяло, какъ ни медленно обращается среди насъ всякая новая и реформирующая мысль, какъ ни велики преграды для ея осуществленія, но я мы начинаемъ сознать, что болѣе рациональная и гигиеническая обстановка общества есть первое условіе его успѣшнаго труда и ма-

теріяльнаго благополучія. Это сознаеть и большинство представителей земства, хотя и не умѣетъ справиться съ своей задачей. Оно прожило свои семь лѣтъ хилаго дѣтства и ему пора переимѣнить свои зародышевые молочные зубы на постоянные. Теперь ни для кого не тайна, что земство за все время своего существованія не могло справиться съ своими двумя, самыми главными, выдающимися заботами, — съ школой и народнымъ врачеваніемъ. Еще школа мѣстами представляетъ что-то общающее, что-то похожее на жизнь и дѣятельность, она начинается устанавливаться; земская-же медицина нигдѣ ничего не дала, не сдѣлала, не установила, не выработала. Напротивъ того. Ни на что земство не обратило всего своего вниманія такъ усердно, какъ на медицину, ни на что оно не накинулось такъ сознательно, какъ на медицину и ни въ чемъ такъ мало не успѣло, ни въ чемъ оно не обнаружало такъ сильно своей несостоятельности, какъ въ дѣлѣ устройства земской медицины.

Самарская губернская земская больница представляетъ тому рѣзкій характеристическій образецъ и мы рѣшились представить этотъ очеркъ не съ цѣлью обличительною, не съ намѣреніемъ дѣлать упреки, не для порицаній, но съ цѣлью указать средства и пути, какъ устроить дѣло рационально и при какихъ условіяхъ оно можетъ двигаться впередъ. До послѣдняго времени губернской земской больницей управлялъ одинъ изъ членовъ губернской управы и былъ полномостный ея господинъ. Ему строго подчинялся поставленный имъ-же смотритель въ хозяйственномъ отношеніи, а въ медицинскомъ ему-же подвластны были нѣсколько врачей. Съ своими нуждами врачи должны были обращаться къ смотрителю, который все-таки съумѣлъ повести дѣло такъ, что отбилъ у врачей всякую охоту обращаться къ нему. И дѣло больницы шло до невѣроятности плохо. На гигиеническую обстановку больницы не было обращено никакого вниманія. Служба врачей ограничивалась тѣмъ, что они являлись въ опредѣленные часы, обѣдали свои отдѣленія, продиктовывали фельдшерамъ рецепты и исчезали. Дежурство врачей заключалось въ томъ, что дежурный врачъ оставался лишній часъ и давалъ совѣты приходящимъ больнымъ. Больше ничего отъ врачей не требовалось. Все остальное какъ-будто было не ихъ уже дѣло. Каждый ординаторъ зналъ свою спеціальность: хирургъ дѣлалъ операціи, акушеръ возился съ бабами и такъ далѣе. Все шло врозь, не было никакой солидарности. Обстановка и положеніе больного было самое незавидное. Первое условіе мало-мальски порядочной больницы — воздухъ дошелъ до возможнаго минимума и вентиляція почти не было никакой. Въ то вре-

мя, какъ больница можетъ помѣстить въ себѣ всего отъ 150 до 180 больныхъ, полагая по 1,200 куб. футовъ воздуха на каждого больного, скопленіе больныхъ въ больницѣ доходило до 350; такъ-что при такомъ скопленіи больныхъ воздухъ положительно былъ невыносимъ, ну и задыхались. Въ больницѣ нашей вовсе не рѣдки примѣры, гдѣ совершенно неожиданно для врача иной больной, представляющій, повидимому, ничего особенно болѣзненного, ходитъ, ѣсть, пьетъ и вдругъ возьметъ да и умретъ. И вскрытіе ничего особеннаго не обнаруживаетъ...

Вентиляція—просто мифъ. Форточки—которыхъ никогда открытъ нельзя, потому-что холодно и два-три каміна на всю больницу, состоящую изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ корпусовъ. Пища была безукоризненно плоха. Больной обыкновенно получалъ спартанскую похлебку поутру, то-есть овсянку, на обѣдъ онъ получалъ чашку щей или супу съ кусками разваренной говядины и тарелку гречневой каши. Чай допускался только въ видѣ исключенія, какъ милость. Молоко всегда доставлялось разжиженное, разведенное, самаго низкаго качества. Ко всему этому добавлялись два фунта хлѣба большею частію чернаго, ржаного. Всѣ остальные ингредиенты, какъ вино, лимонъ и тому подобное допускались чуть не въ микроскопическихъ дозахъ. И даже эта пища была-бы подходяща, могла-бы служить хотя отчасти въ пользу больного, если-бы она была сносно приготовлена. Но приготовленіемъ пищи занимался не поваръ, а двѣ бабы, ничего несмыслящія въ кулинарномъ искусствѣ. И жалобы со стороны больныхъ на пищу были ежедневны, постоянны, неотвязчивы. Больные доходили до такой *дерзости*, что во время визитаціи тыкали ординатору подъ самый носъ кусокъ говядины, твердый, какъ подошва, съ негодованіемъ и злобой. По всей больницѣ не было ни одного ножа и ни одной вилки, такъ-что больные получали вываренную говядину изъ супа въ кускахъ и должны были разрывать ее зубами. Ножи и вилки не допускались чисто изъ экономическихъ расчетовъ. На питье шла вода, но она никогда не очищалась отъ постороннихъ примѣсей. Квасъ и пиво употреблялись, какъ роскошь. Постель больного состояла изъ двухъ матрацовъ, нижняго, набитаго соломой, и верхняго, набитаго мочалами. Затѣмъ подушка, набитая тѣмъ-же, но скомканная отъ времени и твердая какъ кирпичъ. Это покрывалось простыней и кусокъ сукна служилъ одѣяломъ. Кровать желѣзная. На ней были расположены три узенькія дощечки, подвижныя и тонкія. Тюфяки собственною тяжестью не могли-бы принять равномернаго положенія на такихъ шаткихъ основахъ, но когда къ этому присоединялось тифозное тѣло

или какой-нибудь другой безпокойный организмъ, то образовывались немедленно выемки, впадины и больному стоило большого труда при-
норавливаться къ такому измѣчивому ложу. Спокойнымъ-же оста-
ваться на такой койкѣ нѣтъ и не было никакой физической-возмо-
жности, потому-что клопы буквально заѣдали больныхъ. Нѣкоторые
больные всю ночь только тѣмъ бывало и занимаются, что давятъ
клоповъ. Самые тюфяки представляли собою верхъ безобразія: за-
пачканный и запятанный тикъ, наполненный нѣсколькими комьями
полусгнившей соломы или вонючими, пропитанными всякими мѣзмами
мочадами. Тюфяки почти никогда не провѣтривались, сколько на
нихъ ни лежалъ-бы больной и только послѣ смерти больного ихъ
выбрасывали на время на воздухъ, такъ-что иногда иной тюфякъ
лежалъ подъ больнымъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякаго провѣтри-
ванія или очищенія. Бѣлье на больныхъ мѣнялось разъ въ недѣлю и
въ послѣднее время представляло какое-то жалкое отреще, какія-то
непристойныя лохмотья; большею частію грязное, сальное, отврати-
тельного вида и запаха. И форма его какая-то ужъ больно рутин-
ная. Допотопные колпаки, вѣроятно, сохранились лишь въ нашей боль-
ницѣ. Притомъ бѣлье почти вовсе не сортировалось, такъ-что бѣлье
сифилитиковъ, тифозныхъ и другихъ заразительныхъ больныхъ пе-
ремѣшивалось съ остальнымъ. Толстые суконные халаты еще кой-
куда годились, но такъ называемая дворянская палата и женское от-
дѣленіе пользовались особенной привилегіей носить халатъ изъ зеленой
байки. Насколько это соответствуетъ требованіямъ гигиены, можно видѣть
уже изъ того, что самый законъ запрещалъ употребленіе зеленыхъ
тканей, потому-что въ зеленыхъ краскахъ часто содержится мышьякъ
или ярь мѣдianка. Разъ въ двѣ недѣли больные моются въ банѣ.
Ишь, правда, позволяется умывать лицо и руки ежедневно, но это
крайне затруднительно, потому-что полотенцы, салфетки, мосовые
платки и тому подобныя принадлежности въ самомъ незначительномъ
количествѣ хранились лишь для образца въ цейхгаузѣ и до больныхъ
не достигали. Но разъ въ двѣ недѣли баня была обязательна. Из-
вѣстно, какъ русскій человекъ любитъ баню, а потому онъ никогда
не упуститъ случая пользоваться ею, хотя-бы тутъ пришлось рис-
ковать жизнью. И дѣйствительно, рисковали; потому-что больные
отправлялись въ баню въ своихъ легкихъ халатинкахъ, безъ ша-
покъ, безъ шубы, безъ теплыхъ валенокъ и, распаривши тѣло въ
душной банѣ, возвращались съ голыми ногами въ больницу, несо-
мнѣнно на какой холодъ. Да и въ банѣ-то удавалось лишь обмыться
и попариться, но никакъ не обтереть свое грѣшное тѣло, а такъ-

таки на мокрое тѣло и надѣвалось тутъ-же только-что сброшенное грязное бѣлье. Кто читалъ «Записки изъ Мертваго Дома» г. Достоевскаго, тотъ конечно, никогда не забудетъ тюремную баню, отъ которой недалеко ушла баня самарской больницы.

Уходъ за больными былъ ниже всякой критики. Вся прислуга состояла изъ отставныхъ солдатъ, привыкшихъ все дѣлать по командѣ и пока начальство тутъ на глазахъ, а какъ только начальство съ глазъ долой, ее не удержишь ничѣмъ, а тамъ больные хоть пропадай. Положительно не кому было подать тяжелому больному ложку воды или лекарства, а такая роскошь, какъ сдѣлать припарки или примочки, въ большинствѣ случаевъ достигалась съ величайшимъ трудомъ и при особенныхъ хлопотахъ. Нечего прибавлять, что неопрятность была повсемѣстная. Тамъ мокро, тутъ налито; тараканы и пруссаки во всѣхъ уютныхъ углахъ; да и вообще, повсюду было довольно грязненько. Правда, сама больница, какъ старое ветхое зданіе, располагала къ такой нечистотѣ; но отсутствіе женской прислуги и женскаго присмотра увеличивало все эти неблагоприятныя обстоятельства. Все это, конечно, еще больше ухудшало положеніе больного. Выздоровливающимъ и поправляющимся просто некуда было дѣваться. Ни прогуливаться не гдѣ, ни посидѣть и отдохнуть не на чемъ, кромѣ кровати. Не было ни скамейки, а тѣмъ менѣе какого нибудь удобнаго кресла, на которомъ больной могъ-бы отдохнуть послѣ продолжительнаго лежанья. Дезинфекція—почти равнялась нулю. Экскременты скоплялись въ выгребныхъ ямахъ, откуда они извлекались разъ или два раза въ недѣлю, остальное-же время они оставались здѣсь на мѣстѣ, распространяя нестерпимое зловоніе безъ всякой дезинфекціи. Ночное освѣщеніе ограничивалось керасиномъ низкаго качества, также наполнявшимъ больничныи воздухъ неприятнымъ запахомъ. Что мудренаго послѣ всего этого, что смертность въ больницѣ доходила до 13% на сто.

Нельзя сказать, чтобы чисто-хозяйственныя принадлежности больницы были вполне удовлетворительны. Такъ на кухнѣ вся посуда была крайне мизерная. То нѣтъ шумовки, то недостаетъ терки или сита. Но это еще куда ни шло. Но для насъ просто непонятны такого рода упущенія: въ больницу ежедневно доставлялось молоко по утру и тогда-же раздавалось больнымъ. Для храненія его гдѣ нибудь не было ни соответственной посуды, ни приличнаго помѣщенія. Но большинство больныхъ требовало, чтобы имъ давали кипяченое молоко, потому что сырое скоро киснетъ и портится. Оказалось, что это желаніе можетъ быть выполнено лишь условно. Кухня такъ была

устроена, что въ одно время зажарить говядину и вскипятить молоко не было никакой возможности. Но такъ какъ обѣдъ необходимо раньше всего приготовить, то лишь по окончаніи обѣда можно было приступить къ кипяченію молока. И вотъ, нѣкоторые больные, оставленные на молочномъ леченіи, ни какъ не могли дожидаться молока раньше 4 часовъ послѣ обѣда. Каково положеніе-то! Для насъ такого рода упущеніе просто непонятно. Также непонятно для насъ и то обстоятельство, что при больницѣ, существующей на одномъ и томъ-же мѣстѣ уже нѣсколько лѣтъ, нѣтъ и не было ни погреба, ни кладовой, гдѣ можно было-бы хранить въ запасѣ сахаръ, чай, керасинъ, вино и тому подобное. Такіе предметы потребленія больница должна закупать годовыми пропорціями на нижегородской ярмаркѣ, откуда доставка въ Самару стоитъ сущую бездѣлицу и тѣмъ она можетъ соблюсти весьма выгодную экономію. Повторяемъ, что такія упущенія въ нашихъ глазахъ просто не простительны.

Нельзя упрекать врачей въ равнодушія къ такому ненормальному положенію вещей. Дѣло объясняется простымъ недоразумѣніемъ. Всѣ ихъ гигиеническія указанія принимались за вѣшательство въ хозяйственное управленіе, въ которомъ отвергалось всякое ихъ право на компетентность. А потому врачи терпѣли въ большинствѣ случаевъ полное фіаско, когда они хотѣли провести какую-нибудь мѣру. Мы укажемъ хотя на одинъ весьма оригинальный казусъ. Ужъ больно надоѣли врачамъ жалобы больныхъ на дурное приготовленіе пищи. Врачи просили замѣнить вахтера, распредѣлявшаго пищу, хорошимъ поваромъ. Но вахтеръ получалъ всего 9 руб. въ мѣсяцъ жалованья, поварь-же требовалъ 15 и вотъ прибавка шести рублей грозила врачамъ отказомъ въ ихъ ужъ черезъ чуръ справедливой просьбѣ. Тогда старшій врачъ и одинъ ординаторъ выпросили позволеніе добавлять эти шесть рублей изъ своего жалованья и только этимъ путемъ добились таки повара: такъ больница, расходующая ежегодно 50 тысячъ рублей сереб., боялась превысить расходъ на шесть рублей, чтобы тѣмъ улучшить пищу на нѣсколько тысячъ больныхъ, пользующихся втеченіи года. Кто послѣ этого упрекнетъ земство, что оно не бережетъ народныхъ денегъ?!

Мечтать о какихъ нибудь научныхъ улучшеніяхъ, о какой нибудь командировкѣ врачей съ научною цѣлью, или съ цѣлю усовершенствованія больничной обстановки было-бы дерзостью. Общественное мнѣніе вовсе не было расположено въ пользу такихъ преобразованій. Идти въ больницу значило обречь себя на вѣрную смерть. Нисколько

нестѣсняясь, намъ прямо въ глаза рѣшались говорить откровенно: «да, я не то что свою прислугу, но и собаки своей не пошлю къ вамъ въ больницу». Такіе отзывы глубоко оскорбляли и причиняли боль...

Такъ плохо тянулось дѣло нѣсколько лѣтъ. Посѣтившіе больницу въ разное время компетентные и высокіе посѣтители, какъ лейбъ-медикъ Карель и казанскій окружной медицинскій инспекторъ докторъ Севастьяновъ остались очень недовольны больницей. Все это вынудило сознание, что управленіе больницей и вообще завѣдываніе хозяйственной частью крайне несостоятельно и указывало на необходимость реформы, но единственно возможный исходъ—отдать дѣло въ болѣе компетентныя руки. Мы не станемъ здѣсь повторять тѣхъ темныхъ слуховъ, которые разносила стоустая молва, будто такіе или иные изъ соподчиненныхъ лицъ эксплуатировали больницу, будто разные служащіе пользовались десятью процентами изъ суммы, расходуемой на предметы потребленія. Очень и очень вѣроятно, что все это крайне утрировано и преувеличено, и какъ обстоятельство юридически бездоказательное, оно не имѣетъ особеннаго значенія. Но оставивъ въ сторонѣ эти мелочи, мы вправѣ предполагать, что и описанная нами больничная неурядица очень губельно должна была отзываться на подвижномъ ея составѣ, т. е. на больныхъ. Оставалось одно—сознаться въ своей несостоятельности и передать дѣло болѣе свѣдущимъ людямъ.

Повторяемъ, что мы пишемъ эту статью вовсе не съ обличительной цѣлью и не съ намѣреніемъ попрекнуть кого-бы то ни было. Если-бы мы имѣли это въ виду, статья наша носила-бы совершенно иной характеръ. Нами руководитъ въ данномъ случаѣ совершенно иное желаніе. Мы хотимъ совершившійся фактъ санкционировать общественнымъ сознаниемъ, введенный порядокъ упрочить общественнымъ мнѣніемъ, общественной совѣстью, въ виду его несомнѣнной полезности. Притомъ мы очень хорошо знаемъ, что наша больница вовсе не представляетъ собою исключенія. Напротивъ вѣроятіе всего, что большинство губернскихъ больницъ ведутъ свое дѣло также глупо и неразсчитливо, въ ущербъ земству и народу. А потому предпосланное нами описаніе служить намъ лишь мотивомъ для выясненія тѣхъ научныхъ основъ, на которыхъ должно неизблемо покоиться больничное дѣло. И вотъ почему мы находимся вынужденными пуститься въ нѣкоторыя, быть можетъ, скучныя, подробности.

II.

Въ большомъ городѣ больница—это отдѣльный, обособленный міръ съ чрезвычайно разнообразнымъ, разнохарактернымъ населеніемъ, съ своимъ особымъ кодексомъ понятій, вѣрованій, взглядовъ, обычаевъ, привычекъ. Втеченіи года здѣсь перебиваетъ нѣсколько тысячъ народа, тутъ живущаго, подчасъ дебоширствующаго, хворающаго, выздоравливающаго, но, главнымъ образомъ, умирающаго. Ежедневное, постоянное ея населеніе, включая сюда всю прислугу, фельдшеровъ, учениковъ и ученицъ, и всѣхъ служащихъ, не менѣе 300. Хотя потребности этой массы людей повидимому легко обобщить, но тѣмъ не менѣе онѣ на-столько разнообразны и подчасъ противорѣчивы, что нужна многолѣтняя опытность, особая добросовѣстность и извѣстная степень личнаго теплаго отношенія къ дѣлу, чтобы удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ. Присматриваясь къ жизни больничной съ извѣстной долей вниманія, легко прійти къ тому убѣжденію, что въ жизни ея на первомъ планѣ фигурируютъ, главнымъ образомъ, два процесса: административный и чисто-гигиеническій. Собственно врачеванію, леченію мы вполне сознательно отводимъ второстепенное значеніе.

Мы переживаемъ весьма поучительную эпоху общественныхъ реформъ. Въ качествѣ свидѣтелей мы присутствуемъ при различныхъ преобразованіяхъ нашего соціального быта. Какими бы результатами въ будущемъ ни сопровождались эти преобразованія, но они все-же лучше мертвящаго застоя. Совершенно вѣрно, что всякая реформа находила у насъ сочувствіе лишь въ ограниченномъ числѣ образованнаго меньшинства, между тѣмъ какъ большинство встрѣчало враждебно всякую реформу. Вѣрно и то, что для преобразовательныхъ плановъ нужны и хорошіе исполнители ихъ; у насъ ихъ оказалось мало, даже меньше, чѣмъ можно было думать, но не въ этомъ дѣло. Всякая реформа осуществляется легко и успѣшно только тамъ, гдѣ ей содѣйствуетъ самый общественный механизмъ. Возьмите Америку. Никому такъ не завидуютъ европейскія общества, какъ ей. Но было-бы безразсудствомъ полагать, что въ Америкѣ всякій гражданинъ гений, гигантъ, человекъ прогрессивнаго, либеральнаго направленія, заклятый врагъ всего дурнаго и вѣрнѣйшій стражъ свободы. Напротивъ того, въ Америкѣ, вѣроятно, не меньше самыхъ дурныхъ элементовъ, не меньше гадкихъ людей, чѣмъ во всякомъ иномъ

европейскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣ Америка блаженствуетъ, и блаженствуетъ единственно въ силу своихъ благотворныхъ учреждений. Ни одно изъ нихъ не можетъ похвалиться особеннымъ подборомъ гениальныхъ исполнителей, ни одно не можетъ похвастать слишкомъ яркими свѣтилами. Но каждое изъ нихъ идетъ именно на-столько удовлетворительно, насколько расширена сфера его прогрессивнаго и либеральнаго развитія. Правда, многое зависитъ отъ личности, но отъ личности зависятъ лишь характеръ большаго или меньшаго успѣха даннаго предпріятія. Самое-же предпріятіе, самое дѣло скорѣе зависитъ отъ характера учрежденія, чѣмъ отъ личности. Самыя выдающіяся и прогрессивныя личности ничего ни подвѣляютъ при дурныхъ учрежденіяхъ; напротивъ того, самыя посредственныя личности, при хорошемъ учрежденіи, принесутъ очень много пользы. Вотъ почему мы стоимъ за характеръ и духъ учреждений, увѣренные, что они выработаютъ и подготовятъ сами себѣ подходящія личности, созрѣютъ и станутъ на прочную ногу съ теченіемъ времени, къ которому какъ разъ кстати и подоспѣютъ требуемые люди. Итакъ, съ одной стороны учрежденія безъ хорошихъ личностей не могутъ дать всей той доли пользы, которую отъ нихъ вправѣ ожидать, съ другой стороны еще справедливѣе то, что какъ-бы люди ни были хороши, но при отсутствіи хорошихъ учреждений, дѣятельность ихъ съужена, сдавлена и совершенно бесплодна. Слѣдовательно, на-сколько нужно одно, на-столько-же необходимо и другое. Съ чего-же начать? Съ чего хотите, лишь-бы не стоять. Есть у васъ хорошее учрежденіе, подыскивайте къ нему хорошихъ людей и дайте имъ въ руки дѣло; оно въ ихъ рукахъ пойдетъ успѣшно. Чувствуете вы потребность въ какомъ-нибудь нововведеніи, не останавливайтесь передъ тѣмъ, что у васъ нѣтъ необходимыхъ для его осуществленія гениевъ и хлопчите о разрѣшеніи нововведенія, потому что оно навѣрное само создастъ себѣ подходящихъ дѣятелей.

Земство призвано къ самоуправленію, въ довольно, впрочемъ, скромныхъ размѣрахъ. Но съ перваго-же разу оно обнаружило, что оно понимаетъ свою дѣятельность слишкомъ узко и нераціонально. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оно стремилось проявить направленіе, противное своему основному принципу. Въ отведенной ему сферѣ дѣятельности оно хотѣло господствовать вполне деспотически. Не имѣя предъ собою готовыхъ образцовъ самостоятельнаго и независимаго самоуправления, вѣрное тысячелѣтнимъ традиціямъ, въ которыхъ оно выросло, воспиталось и окрѣпло, общество сразу не могло отрѣшиться отъ вѣковыхъ пріемовъ, унаслѣдованныхъ изъ стари и органически связанныхъ со

всѣмъ его существомъ, а потому оно ухватилось за самоуправленіе совершенно своеобразно. Оно, конечно, вполне поняло всю важность этого принципа, но за то въ предѣлахъ своей власти оно не терпѣло уже никакихъ проявленій самостоятельности и независимости, оно не допускало отъ людей, призываемыхъ къ себѣ на службу, и тѣни самоуправленія и впало въ тяжкій первородный грѣхъ. Оно, какъ Алеко Пушкина, для себя лишь хотѣло воли, но всякой посторонней воли оно знать не хотѣло и слышать о ней. не желало. И дѣло шло по прежнему казенному порядку. Само призванное для устранения неудобствъ и недостатковъ прежняго порядка, земство отказалось отъ него лишь въ общихъ формахъ своей сферы дѣятельности, въ частныхъ-же отрасляхъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ своего круга вѣденія оно явилось самымъ рьянымъ, самымъ горячимъ поклонникомъ и послѣдователемъ прежняго бюрократическаго порядка. Вотъ гдѣ земство ошиблось въ своихъ расчетахъ и не поняло своего назначенія; и вотъ почему оно терпѣло такіа чувствительныя неудачи въ лучшихъ своихъ стремленіяхъ, вотъ почему оно вовсе не оправдало тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя по справедливости на него возлагались.

Какъ только земство вступило въ свои права, первой его заботой было охраненіе народнаго здравія. Извѣстная часть этой отрасли была предоставлена его усмотрѣнію, центральная-же больница въ губернскомъ городѣ была возложена на земство, какъ необходимая повинность. Въ другихъ уѣздныхъ городахъ земство вправѣ было устроить больницы и пригласить врачей, или оно могло отказаться отъ этой обузы, отъ этой роскоши; центральную больницу въ губернскомъ городѣ оно обязано было принять въ свое вѣденіе и правительство сохранило за собою право контролировать это послѣднее учрежденіе. Какъ-же повело земство это дѣло? Самымъ рутиннымъ казеннымъ путемъ. Больницей завѣдывалъ обыкновенно одинъ изъ членовъ управы и былъ ея полный хозяинъ, какъ прежде ею управлялъ членъ приказа. Земство само приглашало и увольняло врачей по своему личному вкусу, ничѣмъ инымъ не руководствуясь. Во главѣ управленія больницы стоялъ смотритель, чиновное лицо, приглашаемое земствомъ и поставленное какъ противовѣсъ группѣ врачей. Его контролировало само земство и онъ являлся лицомъ облеченнымъ довѣріемъ несравненно большимъ, чѣмъ всѣ врачи вмѣстѣ взятыя. Заявленія врачей онъ воленъ былъ принимать и не принимать во вниманіе и, если врачи чего нибудь желали выпросить въ интересѣ больныхъ, то они должны были уметь подъѣзжать заискивающимъ тономъ къ господину

смотрителю. Но жалобы больных бывали подчас назойливы и если кто изъ врачей не желалъ оставаться равнодушнымъ къ справедливымъ требованіямъ своихъ больныхъ и настойчиво требовалъ ихъ выполненія, то онъ приобреталъ ту незавидную репутацію, которая одна способна парализовать всякую энергію. « Это безпокойный человѣкъ » — становилось иногда равносильнымъ признанію сумасшедшимъ и онъ могъ надѣяться дожить до того, что никто не станетъ обращать вниманія даже на рѣзкія его требованія. Кончалось тѣмъ, что обыкновенно врачи уступали и дѣлались простыми исполнителями медицинскихъ формальностей, диктовали рецепты. Этимъ ограничивалась ихъ дѣятельность. Малѣйшее ихъ вмѣшательство въ хозяйственное управленіе, въ гигиенической строй, въ существенный бытъ больницы, считалось посягательствомъ на права смотрителя, на высокое значеніе члена управы. Одна эта щекотливость способна была породить бездну зла и злоупотребленій.

Самое положеніе врачей было крайне шаткое и неопредѣленное. Дѣятельность ихъ цѣнилась не по достоинству и полезности ея, а по умѣнью врача уживаться съ людьми, каковы-бы они ни были. Эту дѣятельность контролировали люди не компетентные и притомъ временные, выборные, смѣняемые, что дѣлало положеніе врачей не вѣрнымъ и, въ лучшемъ случаѣ, могло лишь деморализировать отношенія къ земству. Когда человѣкъ чувствуетъ себя въ зависимости отъ доброй воли посторонняго лица, онъ можетъ ограничивать свою дѣятельность тѣмъ, что постарается всячески лишь объ одномъ — нравиться этому лицу; въ противномъ случаѣ, если это человѣкъ самостоятельный, онъ уйдетъ, хотя-бы отъ этого пострадало любимое имъ дѣло. Ничего нѣтъ печальнѣе, когда оцѣнка людей совершается посторонними личностями, несвѣдущими, непосвященными въ спеціальное дѣло и апатичными. Какъ-бы ни былъ энергиченъ и честенъ человѣкъ, ему пріятно, когда дѣятельность его идетъ обществу въ прокъ и когда его оцѣниваютъ по заслугамъ. Простое хорошее мнѣніе — лучшее для него поощреніе. Но если онъ встрѣчаетъ полнѣйшее равнодушіе, мало того, — полнѣйшее игнорированіе всей его дѣятельности, хоть онъ тутъ стѣну лбомъ прошибай, онъ охладѣваетъ въ своемъ рвеніи, энергія его ослабѣваетъ, она можетъ даже погаснуть. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими цѣнителями являются все-таки эксперты той-же спеціальности. Но до сихъ поръ земство этого не допускало. Оно было увѣрено, что оно само всегда лучше пойметъ и оцѣнитъ врачей. Но такъ-какъ оно само не можетъ быть вездѣущимъ и такъ-какъ постоянно торчатъ въ больницѣ и некогда, и не представляетъ особеннаго удовольствія, то смотритель былъ главнымъ воротиломъ всѣхъ этихъ дѣлъ.

Такъ или иначе, но онъ являлся тайнымъ агентомъ и наблюдателемъ за отправленіемъ больничной дѣятельности врачей. А это породило лишь взаимное недоверіе между врачами и смотрителемъ съ одной стороны и между врачами и земствомъ съ другой стороны. Кто при этомъ не вспомнить прежнюю приснопамятную систему, основанную и державшуюся на взаимномъ недоверіи служащихъ по одному вѣдомству. И цѣль не достигалась, уходила на задній планъ, и дѣло не подвигалось, не клеилось, не давало должныхъ и ожидаемыхъ результатовъ. — Земство сознало несостоятельность этой системы и рѣшилось допустить и въ дѣлѣ земской медицины известную долю своего основного принципа, — самоуправления. Земство поняло неудовлетворительность прежняго, казеннаго порядка и охотно согласилось на рациональныя преобразованія. Теперь врачи при самарской земской больницѣ, въ числѣ пяти, представляютъ организованное цѣлое, самостоятельный центръ, завѣдующій всѣми дѣлами больницы подъ общимъ контролемъ управы. Врачи составляютъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ старшаго врача. Совѣтъ врачей пользуется въ дѣлахъ внутренняго управленія больницы почти полной самостоятельностью безъ участія управы и завѣдуетъ какъ административной, такъ и гигиенической обстановкой; не говоря уже о чисто-лечебной. Такъ смотритель больницы, его помощника, и всѣ, вообще, служащіе приглашены и определены совѣтомъ врачей и находятся въ исключительной зависимости отъ совѣта. Это одно совершенно измѣнило прежній рутинный строй и устранило массу прежнихъ неудобствъ. Совѣтъ врачей вѣдаетъ теперь весь административный порядокъ больницы и несетъ ответственность за него. Это заставляетъ его входить во всѣ подробности и мелочи больничной жизни, что придаетъ административному внутреннему порядку свой особенный колоритъ, весьма выгодный для больныхъ. Теперь врачи полные хозяева больницы; и желаніе каждаго изъ нихъ, прорѣшенное совѣтомъ, приводится въ исполненіе немедленно; такъ что всякое упущеніе, подмѣченное кѣмъ-либо изъ врачей, легко устраняется безъ всякой посторонней процедуры. Прежде всего совѣтъ врачей опредѣлялъ точнѣе и выяснилъ свои обязанности. Для этого онъ положилъ собираться, по крайней мѣрѣ, три раза въ недѣлю въ свою дежурную комнату, гдѣ и совершаются всѣ его совѣщанія и обсужденія; съ первой-же минуты своего существованія для совѣта врачей стало ясно, что онъ вступаетъ въ новую роль, что на немъ теперь лежитъ серьезная нравственная ответственность и очень важная забота. Сразу стало ясно, что теперь не на кого

сворачивать вину въ томъ или другомъ случаѣ, что врачъ теперь не можетъ быть равнодушнымъ зрителемъ разныхъ недостатковъ, что участіе его должно выразиться постоянною и неустанной личной работою. А потому совѣтъ убѣдился, что съ его стороны необходимъ постоянный и бдительный надзоръ за ходомъ дѣла и въ силу этого онъ устанавливалъ полное суточное дежурство, привлекая къ этой тяжелой обязанности всѣхъ своихъ членовъ, не исключая и старшаго врача. Прежде бывало врачи утромъ обойдутъ свои корпуса въ сопровожденіи своихъ фельдшеровъ, отдадутъ кое-какія свои чисто-медицинскія распоряженія и уходятъ. То-же повторялось и вечеромъ, но не всѣми и несравненно рѣже. Случись съ кѣмъ-либо изъ больныхъ что-нибудь ночью, напр., кровотеченіе и на всю больницу оставался одинъ фельдшеръ, подчасъ далеко неудовлетворительный. Да его и не разбудишь ни за что на свѣтѣ, да его подчасъ и не отыщешь. И случались иногда пренепріятныя исторіи... Хотя и раньше добывались отъ врачей постоянного суточного дежурства, но врачи какъ-то отлынивали. Сибирское земство нашлось вынужденнымъ назначить своимъ врачамъ за каждое дежурство по 2¹/₂ руб. сер. суточныхъ и устроило имъ особую дежурную комнату, — комнату, которая обошлась въ 500 руб. Самарскіе-же врачи сами поняли необходимость этого порядка и, безъ всякихъ новыхъ вознагражденій, по своей доброй волѣ согласились въ интересѣ дѣла исполнять эту довольно тяжелую обязанность. Говоримъ тяжелую потому, что оставаться сутки, а главное ночевать въ больницѣ тутъ-же бокъ о бокъ съ разными больными, подвергаться ежечаснымъ требованіямъ (тѣмъ болѣе, что нѣтъ даже отдѣльнаго помѣщенія), по нѣскольку разъ ночью прерывать свой сонъ и, вообще, проводить это время довольно тревожно — все это вовсе не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Значитъ, обстоятельства были слишкомъ серьезны, когда они вызвали со стороны врачей такое добровольное обязательство. И дѣйствительно. Совершенно инымъ духомъ повѣяло по больницѣ; подчиненныя личности сдѣлались несравненно внимательнѣе къ исполненію своихъ обязанностей. Всѣ и всегда на своихъ мѣстахъ. По первому зову является необходимая помощь. А какъ это важно — пойметъ всякій, кому приходилось нуждаться въ немедленной медицинской помощи.

III.

Какъ-бы ни были гуманны отношенія, какъ-бы ни были люди сами по себѣ хороши, но извѣстная доля дисциплины, организаціи, порядка необходима. Мы видимъ, что могущественную нѣкогда Францію подавила Пруссія единственно силою своей организаціи, хорошо установленнымъ порядкомъ. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ больничное, тамъ, гдѣ ежеминутно рѣшается вопросъ о жизни и смерти человѣка, всякая мелочь, повидимому, неизбѣжная въ обыденной жизни никакого особеннаго значенія, въ больничномъ дѣлѣ получаетъ особенную важность... Строгое экономическое раздѣленіе труда, опредѣленіе количества труда и экономически соответственное вознагражденіе—принципъ, отъ котораго нельзя отступать ни на шагъ ни въ какомъ общественномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ больничномъ. И этотъ принципъ принять и по возможности проведенъ совѣтомъ врачей во всемъ административномъ строѣ самарской больницы. До сихъ поръ на фельдшеровъ возлагались всевозможныя обязанности при довольно скудномъ вознагражденіи. Совѣтъ врачей пришелъ къ тому убѣжденію, что дѣятельность фельдшеровъ необходимо ограничить чисто-медицинскими обязанностями. Фельдшера обязаны доставлять своимъ больнымъ прописанныя и приготовленныя аптекаремъ лекарства, смотрѣть за тѣмъ, чтобы больные правильно употребляли ихъ, провѣрить температуру больныхъ, готовить тѣ вещества, которыя должны подвергнуться химическому изслѣдованію и совершать надъ больными тѣ мелкія операціи, какія назначены врачемъ, какъ напимѣръ, поставить банки, пьевки, мушку, горчичникъ и проч., и проч. Всѣ другія обязанности отъ нихъ отошли. Нельзя сказать, чтобы совѣтъ врачей сразу выполнилъ всѣ условія формулированнаго нами выше принципа; напротивъ, того, совѣтъ вполнѣ сознаетъ, что вознагражденіе фельдшерамъ довольно скудно и не превышаетъ 200 руб. въ годъ, но увеличеніе вознагражденія пока выходитъ изъ предѣловъ власти совѣта и таковыя желанія совѣта должны быть предварительно обсуждены и санкціонированы земскимъ собраніемъ. А потому удовлетвореніе этого условія впереди, въ ближайшемъ будущемъ.

IV.

Рутинный порядокъ и субординація, господствовавшіе даже въ гражданскихъ госпиталяхъ, имѣли чрезвычайно много отталкивающаго. Казарменный видъ самыхъ зданій и административно-господскій характеръ подавлялъ простаго человѣка. Онъ терялся среди этой чуждой ему обстановки. Куда больной ни обращалъ своихъ взоровъ, предъ нимъ стояло начальство, которому онъ, пожалуй, и не смѣлъ *докладывать* о своихъ недугахъ. Робость въ отвѣтахъ—отличительная черта больныхъ въ нашихъ официальныхъ больницахъ. Больному положительно было неловко. Въ цѣлой больницѣ не было ни одной живой души, которая отнеслась-бы сочувственно, приняла-бы не официальное, а простое человѣческое участіе въ его судьбѣ. Это такой чувствительный недостатокъ въ нашихъ больницахъ, что многія другія стороны больничной обстановки теряютъ свое значеніе и какія-бы вы ни захотѣли ввести улучшенія, они не достигнутъ цѣли, пока не будетъ устраненъ этотъ недостатокъ. Придать больницѣ семейный, домашній оттѣнокъ, значить во многомъ улучшить положеніе больного и сдѣлать самую больницу менѣе отталкивающею. Но такой характеръ больницѣ можетъ придать лишь женщина. Значеніе ея и вліяніе въ этомъ случаѣ очень благотворны и ничѣмъ не замѣнимы. Опытномъ послѣдняго времени дознано, что уходъ за больными только тогда и хорошъ, когда онъ въ рукахъ женщины. Совѣтъ врачей рѣшился воспользоваться этимъ несомнѣннымъ опытомъ и женскій элементъ занялъ самое почтенное и видное мѣсто въ административной системѣ управленія нашей больницей. Такъ какъ больница наша состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій (числомъ 6), то совѣтъ врачей пригласилъ въ каждое отдѣленіе особую надзирательницу, которая тутъ-же живетъ въ отдѣленіи и завѣдуетъ всѣмъ, что касается до ухода за больными. У каждой надзирательницы въ распоряженіи шкапъ съ бѣльемъ, у нея на рукахъ сахаръ, чай и вино. Она контролируетъ доброкачественность пищи, хлѣба, обѣда; она смотритъ за чистотой въ палатахъ, за тонкой печей, ей во всемъ подчинена прислуга, которая также на половину состоитъ изъ женщинъ—сидѣлокъ и мужчинъ чернорабочихъ. Словомъ, надзирательница—полная хозяйка въ своемъ отдѣленіи. Она постоянно тутъ. Больные къ ней обращаются во всѣхъ своихъ нуждахъ; они отдають ей на сохраненіе свои завѣтныя вещи, деньги, ей они передають

свою последнюю волю, къ ней обращаются за совѣтомъ и отъ нея единственно больные могутъ встрѣтить ту драгоценную ласку, въ которой они больше всего нуждаются и которой больше всего дорожить. Надзирательница въ каждомъ отдѣленіи—кладъ нашей больницы, краеугольный камень всѣхъ нашихъ преобразованій. Положительно утверждаемъ, что сестры милосердія не могутъ идти съ ними въ параллель и не въ силахъ выдержать съ ними конкуренціи. Сестры милосердія носятъ на себѣ характеръ пѣтизма и напоминаютъ больному о загробной жизни; надзирательница—приковываетъ больного къ жизни здѣсь, на землѣ, и вселяетъ ему отрадную надежду на выздоровленіе. Сестра милосердія является ex officio и не вправѣ ничѣмъ распорядиться. Надзирательница — олицетвореніе постоянной заботы о больномъ.

Пищу больнымъ назначаетъ всегда самъ врачъ, но надзирательница контролируетъ эту пищу, она сама питается той-же порціей и по этой части непосредственно сноится опять съ женщиной, помощницей смотрителя, специально завѣдующей кухней и больше ничѣмъ. Теперь врачъ совершенно спокоенъ. Онъ увѣренъ, что больные его подъ хорошимъ присмотромъ. Въ то время, какъ прежде больные оставались на произволъ судьбы, теперь за каждымъ ихъ движеніемъ слѣдитъ зоркій глазъ близкой имъ женщины. Въ интересѣ надзирательницы, чтобы больные оставались ею довольны, въ противномъ случаѣ она рискуетъ потерять мѣсто... Такимъ образомъ административная часть распределена довольно равномерно. Сторожъ, сидѣлка, фельдшеръ, надзирательница, смотритель, его помощница, врачъ и, наконецъ, совѣтъ врачей. Каждый на своемъ мѣстѣ, у каждого своя доля, никто другому не мѣшаетъ, каждый знаетъ свою специальную часть. Нигдѣ не видно подавляющаго начальства, потому что высшая инстанція—совѣтъ—какъ коллегіальное учрежденіе, по самому существу своему теряетъ деспотическую власть. Поэтому каждый чувствуетъ себя свободнѣе въ отправленіи своей обязанности и при такой системѣ уклоненія еще рѣзче выступаютъ и указываютъ прямо и непосредственно на виновное лицо, которое тутъ-же немедленно и даетъ отвѣтъ. Бывало прежде больной не получитъ пищи и вы не добьетесь толку ни отъ кого, кто тутъ виноватъ. Всѣ всегда были правы, виновные не отыскивались и больной часто оставался безъ обѣда, хотя вы лично отдавали приказаніе накормить его. Теперь это невозможно. Теперь всѣ и все на лицо. Повторяемъ, что только съ введеніемъ такой адми-

нистративной системы сдѣлались возможными чисто-гигиеническія и врачебныя преобразованія.

V.

Самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ введенію преобразованій по больницѣ въ широкихъ размѣрахъ совѣтъ встрѣтилъ въ весьма ту-помъ и неподатливомъ обстоятельстве—въ *смытъ*. Управа, передавая совѣту врачей больницу въ административномъ и хозяйственномъ отношеніи, повѣсила надъ ними Дамокловъ мечъ—смыту, отъ которой совѣтъ не вправѣ отступить ни на шагъ. Эта смыта, этотъ денежный вопросъ оказался страшнымъ испытаніемъ для совѣта. Вамъ говорятъ: вотъ вамъ среднее число больныхъ такое-то и на содержаніе всей больницы со всѣми ея атрибутами втеченіи года 50,000 руб. сер. Хорошо; но для больницы и постепеннаго ея улучшенія этого мало. А улучшенія необходимы. Безъ нихъ не стоитъ браться за дѣло. Сколько ни бились, все-таки добились того, чтобы допустить улучшенія, но лишь въ предѣлахъ смыты. Смыта-же сама по себѣ не представляетъ широкаго поприща для дѣятельности. Сдѣлаемъ маленькое сопоставленіе. Въ нижнетагильскомъ заводѣ пермской губерніи существуетъ на счетъ г. Дежидова больница на 75 кроватей, да въ другихъ заводахъ двѣ-три маленькія больницы. При нихъ два врача. Домъ подъ больницей, аптекой, квартирой врача — собственность владѣльца и на наемъ ничего не тратится. Содержаніе тамъ, конечно, вдвое дешевле, чѣмъ въ такомъ приволжскомъ городѣ, какъ Самара. И заводъ тратитъ на все это ежегодно до 30,000 р. сер. Въ Самарѣ подъ больницу нанимаются старыя, ветхія, казарменныя зданія, что ежегодно стоитъ съ ремонтровкой до 7,000 р. Число больныхъ доходитъ до 350, и какъ *minimum* 200. При больницѣ пять врачей; содержаніе вдвое дороже; и все это вмѣстѣ взятое обходится въ 50,000 руб. сер. Судите сами, какъ совѣтъ врачей долженъ быть смѣтливъ, чтобы справиться съ такой смытой. Мы говоримъ, что при существующемъ порядкѣ смертность въ нашей больницѣ выше нормы, но что съ улучшеніемъ положенія больного можно уменьшить смертность. Намъ на это отвѣчаютъ: «Это мы знаемъ, мы знаемъ, что вы можете уменьшить смертность на половину, но вы отъ насъ потребуеете вдвое больше денегъ, а мы ихъ вамъ дать не можемъ...» Слѣдовательно, поступайте какъ знаете. Но

изъ смѣты—ни, ни!—Позвольте, но вѣдь эдакъ нельзя, вѣдь эдакъ не значить уже повѣсить лишь Дамокловъ мечъ, это просто значить отсѣкать если не голову, то, по меньшей мѣрѣ, руки. Представьте, если-бы вамъ кто-нибудь сдалъ на руки какое-нибудь учрежденіе и всѣ относящіяся къ нему принадлежности, да на содержаніе его даль-бы вамъ назначенную сумму, вы, конечно, не затруднились-бы нисколько вести хозяйство. Но намъ сдали больницу, доведенную до весьма плачевной степени нищеты; ни бѣлья, ни мебели, нѣтъ бочки для очистки воды, нѣтъ лучшихъ современныхъ инструментовъ, нѣтъ ни одного хорошаго вентилятора; въ кухнѣ нѣтъ сита, шумовки, негдѣ молока вскипятить, нѣтъ тюфяка порядочнаго, нѣтъ цѣлаго халата; больница вѣчно переполнена массой больныхъ отъ 200 до 300, а вамъ говорятъ, что изъ смѣты нельзя выходить ни на волосъ. Но совѣтъ врачей не остановился и передъ этими геркулесовскими столбами; онъ настаивалъ на измѣненіи прежнихъ порядковъ и кой-чего добился. Дѣло началось съ пищи. Мы выше сказали, что она была самая неудовлетворительная. Но почему и какую, на самомъ дѣлѣ, играетъ роль пищи въ больничномъ вопросѣ? Утверждаемъ, что самую важную. Но... маленькое отступленіе. Что такое общественная гигиена? Общественная гигиена въ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ государствахъ представляетъ собою строго выработанную систему принциповъ, возведенныхъ въ науку, а въ нѣкоторыхъ государствахъ застоя общественная гигиена есть ничто иное, какъ мечтаніе пустое. Даже въ германскихъ университетахъ общественная гигиена на второмъ планѣ. У насъ она едва-ли существуетъ. Спросите любого студента, оканчивающаго наши медицинскіе факультеты, какъ нужно вести больничное дѣло и мы ручаемся, что девять-десятыхъ стануть въ тупикъ и не сдумаютъ отвѣтить на заданный вопросъ, потому что на университетской кафедрѣ объ этомъ почти нѣтъ и рѣчи. Медицинскій факультетъ научаетъ насъ лечить съ грѣхомъ по поламъ, но какъ обставить больного, на что обратить преимущественное вниманіе, какъ вести дѣло леченія, когда оно представляется въ сложныхъ размѣрахъ—это не нашего ума дѣло—это дѣло начальства. Про то оно знаетъ. Скажите на милость, къ какимъ результатамъ, къ какимъ обобщеніямъ пришло вѣковое существованіе нашихъ огромныхъ госпиталей, больницъ, лазаретовъ? Одна лишь чисто-медицинская часть разработана и чуть-ли не однимъ лишь Пироговымъ и только. А возьмите Европу и даже «такъ низко павшую Францію». Ну, тамъ, конечно, не то. Одни *Annales d'Hygiène publique* чего стоятъ. И нельзя сказать, чтобы у насъ не было цѣннаго матеріала. Напро-

тивъ того, подчасъ у насъ весьма поучительный матеріалъ. Но какъ-то наша прыть и храбрость выростають гдѣ-нибудь въ чужихъ людяхъ, а у себя дома превращаются въ сущую труху. Такъ, напр., укажемъ на слѣдующій фактъ. Въ 1814 г. русскія войска, стоявшія въ Парижѣ, имѣли свои собственные госпитали и въ то время, какъ французскіе хирурги теряли одного изъ пяти оперированныхъ, русскіе хирурги одного изъ 7 или даже изъ 13 и это потому, что французы держали своихъ больныхъ на строгой діетѣ, а русскіе питали своихъ больныхъ хорошо и всячески поддерживали ихъ силы. Знаменитый французскій хирургъ Мальгенъ впоследствии принялъ и усвоилъ русскую систему ухода за больными, но почему-же эта система не была принята въ Россіи? ¹⁾

VI.

Было время, когда на больного смотрѣли, какъ на печестивый сосудъ, въ который вѣдраны всякія тлѣтворныя матеріи и все лечение сводилось къ тому, чтобы вытурить тѣмъ или инымъ способомъ всѣ эти худые соки изъ его организма. На этомъ основаніи пускался въ ходъ цѣлый арсеналъ смертоносныхъ орудій, какъ кровопусканіе и разнаго рода крововызвлеченія, приставлялись цѣлыя арміи піявокъ, банокъ, напускали мушки, горчишники, словомъ, все лечение имѣло характеръ ослабляющій, извуряющій, истощающій и такое лечение вдобавокъ сопровождалось строжайшей діетой, немногимъ уступавшей абсолютному голоду. Но вотъ проходятъ годы и въ нашихъ больницахъ ланцетъ рѣдко пускается въ дѣло, піявки дохнутъ тысячами безъ употребленія, банки пускаются въ ходъ лишь по требованію больныхъ и то по старой памяти, а строгая абсолютная діета, лечение голодомъ, такъ-называемая нѣмецкая *Hungersuc* потеряла всякій кредитъ и не выдерживаетъ научной критики. Наши промышленные и торговые центры представляютъ въ своихъ низшихъ сферахъ, въ убогихъ слояхъ населенія весьма незавидную породу. Недостатокъ питанія вообще и хорошей пищи въ особенности, тѣсныя и душныя жилища, излишество во всѣхъ возможныхъ эксцессахъ, злоупотребленіе спиртными напитками и постоянный усиленный трудъ при самой неблагоприятной обстановкѣ — всѣ эти условія произво-

¹⁾ Schätz. Etudes sur les hôpitaux sous tente Стр. 248. Annales d'Hygiène publique. Octobre 1870. 70-e Numéro.

дять весьма хилое, изнуренное, истощенное, ослабленное физически населеніе, которое легко узнать по блѣдному землистому цвѣту кожи, по жалкому выраженію лица, краснорѣчиво заявляющему о своей безпомощности, о безвыходности своего положенія. Эти-то слои общества и доставляютъ наибольшій контингентъ въ наши больницы.

Ежедневно въ наши больницы поступаютъ больные, въ которыхъ, по строгому и тщательному изслѣдованію, вы не находите никакихъ особенныхъ патологическихъ измѣненій. На вопросъ: «чѣмъ вы больны?» они даютъ весьма вѣрный и характеристическій отвѣтъ «весъ не могу». И дѣйствительно, такой субъектъ *весъ не можетъ*. Всѣ физиологическіе процессы его организма готовы совершать свое отправленіе вполне нормально; организму не недостаетъ лишь хорошаго питанія и хотя въ немъ нѣтъ особенной специальной болѣзни, которую можно было-бы окрестить какимъ-нибудь латинскимъ терминомъ, но болѣзненность его организма несомнѣнна. Ничего нѣтъ мудренаго, что у такого субъекта не тутъ, такъ тамъ заболитъ и боль эта вовсе не классическій ревматизмъ или аристократическая подагра, а просто боль отъ истощенія силъ, отъ недостатка питанія. Все леченіе такихъ больныхъ должно быть сведено на улучшенное питаніе. Если мы прибавимъ, что наши больницы переполнены именно такими больными, то вопросъ о больничной пищѣ для больныхъ получаетъ свою несомнѣнную важность и подобающее значеніе. Притомъ научныя изысканія послѣдняго времени представляютъ весьма вѣскія и цѣнныя данныя для опредѣленія количества и качества пищи, которая нужна для возстановленія силъ организма, для возвращенія и вознагражденія тѣхъ потерь, какія утратилъ организмъ дыханіемъ, движеніемъ и въ особенности физическимъ трудомъ. Основываясь лишь на этихъ данныхъ и не имѣя подъ рукой никакихъ строго больничныхъ указаній, совѣтъ врачей рѣшилъ ввести новую систему питанія больныхъ, систему соответственную средствамъ больницы и хоть сколько-нибудь удовлетворяющую научнымъ требованіямъ.

Кромѣ того совѣтъ врачей ни на минуту не терялъ изъ виду національныхъ особенностей. Въ принципѣ было рѣшено, что больные должны ежедневно получать плотную питательную пищу, состоящую преимущественно изъ азотистыхъ веществъ. Для достиженія этой цѣли необходимо каждому ежедневно потреблять фунтъ мяса и два фунта хлѣба. За исключеніемъ немногихъ тяжелыхъ больныхъ, остальные получаютъ ежедневно тарелку супу или щей и жаркое или котлеты, — двѣ порціи, которыя разнообразятся по днямъ и по временамъ года. Обѣдаютъ больные въ 1 часъ дня. Прежній ужинъ и завтракъ,

состоявшіе изъ овсяной похлебки, отмѣнены вовсе и вмѣсто нихъ большыя получаютъ утромъ и вечеромъ чай: по $\frac{1}{2}$ золотника чаю и по 4 золотника сахару въ сутки. Такимъ образомъ, устранены нѣмецкіе водянистыя супы и замѣнены національнымъ русскимъ напиткомъ—чаемъ, составляющимъ для больныхъ ничѣмъ незамѣнимое наслажденіе. Количество ежедневно потребляемой говядины дѣлится поровну и худшая часть съ костями идетъ на приготовленіе супа или щей, а лучшая половина подъ жаркое. Отварная говядина изъ супа обливается соусомъ изъ хрѣна и раздается больнымъ лишь по ихъ просьбѣ по назначенію врача, «сверхъ порціи», кому недостаточно питаніе изъ двухъ блюдовъ. Овсяный супъ и кисель даются лишь больнымъ, страдающимъ разстройствомъ желудка и отказывающимся отъ плотной пищи. Кромѣ того почти всѣ больные получаютъ ежедневно кружку молока въ 4 стакана, тоже по предписанію врача.

Сверхъ порцій и для разнообразія допускаются гречневая и манная каша, компотъ, печенныя яблоки, яйца, куриный супъ и проч. Такимъ образомъ теперь вовсе не рѣдкость встрѣтить больного, который втеченіи сутокъ получаетъ утромъ и вечеромъ чай, кружку молока, на обѣдъ чашку супу, котлету, говядину подъ хрѣномъ, два фунта хлѣба, бутылку пива, да въ добавокъ иной разъ три унца воронцовскаго краснаго вина. И это вполне достаточно и очень хорошо возстановляетъ и поправляетъ силы больного, такъ-что многіе больные, благодаря одному только питанію, безъ содѣйствія всякихъ постороннихъ лекарствъ выздоравливаютъ и оставляютъ больницу съ благодарностью. Кто не знакомъ съ выраженіемъ «по положенію», тотъ миновалъ самую тяжкую историческую эпоху, тотъ не испыталъ того препятствія, тѣхъ преградъ, предъ которыми опускались руки и становилось въ тупикъ самое искренне стремленіе къ добру. Бывало прежде вы вправѣ были предложить одинъ вопросъ: какъ кормятъ больныхъ? — и вамъ отвѣчали: «по положенію». На этомъ обрывались всякія возраженія, соображенія и намѣренія «По положенію» дѣлало безсильными всякія жалобы и не допускало улучшеній. Въ нашей же больницѣ и больные, и врачи почти совершенно довольны новой системой питанія. Кухней всецѣло завѣдуетъ помощница смотрителя, въ полномъ распоряженіи которой поваръ и нѣсколько стряпухъ. Надзирательницы-же распределяютъ пищу между больными, контролируютъ ее, все негодное бракуютъ и слѣдятъ за строгимъ исполненіемъ предписаній врача. Нельзя сказать, чтобъ теперь никогда не слышно было жалобъ со стороны больныхъ на неудовлетворительность пищи. Напротивъ того, такъ-какъ большинство боль-

ныхъ теперь знакомо съ требованіями врачей и ихъ отношеніями къ больничному дѣлу, то сами больные стали нѣсколько взыскательнѣе и какъ только иной разъ обѣдъ плохо приготовленъ, какъ только въ лапшу попадаетъ тухлое яйцо, тотчасъ поднимается гвалтъ, по всей больницѣ идетъ изслѣдованіе и принимаются всякія мѣры къ устраненію повтореній подобныхъ недосмотровъ. При этомъ считаемъ долгомъ присовокупить слѣдующее нелишенное интереса замѣчаніе. При прежней системѣ кормленія больныхъ и при прежнемъ управленіи содержаніе больного ежедневно обходилось въ 17 съ долями копеекъ, новая-же система, несмотря на радикальныя преобразованія и на существенныя улучшенія, обходится въ 16 съ долями коп., такъ-что не только нѣтъ дефицита, но еще съэкономизировано до половины копѣйки.

Дамокловъ мечъ въ образѣ смѣты не могъ не произвести своего дѣйствія на нервную впечатлительность совѣта врачей. Она, сія смѣта служила и служить для насъ такимъ-же пугаломъ, какъ прежде казенное «по положенію». Чтобы наша система питанія не казалась лишенной всякаго основанія и чисто произвольной, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя, подтверждающія хотя отчасти вѣроятіе нашихъ предположеній. До настоящаго года больница наша вовсе не выписывала иностранныхъ журналовъ, трактующихъ объ общественной гигиенѣ, потому-что всякія санитарныя улучшенія были невозможны, а потому и такіе журналы были-бы бесполезны. Съ настоящаго-же года выписаны *Annales d'Hygiène publique*, и когда мы получили этотъ журналъ за прошлый 1871 годъ, мы были крайне рады, встрѣтивъ въ немъ статьи, касающіяся интересующаго насъ здѣсь вопроса. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ статья доктора Гюссона (*Husson*), члена академіи, о системѣ питанія больныхъ въ парижскихъ госпиталяхъ ¹⁾. Изъ этой статьи мы убѣдились, что система, пріятая нами въ нашей больницѣ, весьма близка къ современнымъ требованіямъ гигиены. Мы позволимъ себѣ нѣкоторыя подробности. Прежде чѣмъ опредѣлить количество и качество пищи, потребной для больного, говоритъ Гюссонъ, необходимо предварительно установить норму количества и качества пищи, необходимой для поддержанія силъ и здоровья здороваго взрослого человѣка. Изысканія многихъ ученыхъ приводятъ къ тому заключенію, что для этой цѣли какъ *minimum* необходимо около 2 килограммовъ. Нѣсколько лѣтъ

¹⁾ *Annales d'Hygiène publique et de Médecine légale. Régime alimentaire pour les malades des hôpitaux, par Husson. Tome 35. 1871.*

тому назадъ докторъ Гюссонъ издалъ сочиненіе о питаніи Парижа, въ которомъ представлены довольно вѣрныя указанія на то, какое должно быть среднее количество съѣстныхъ припасовъ для каждаго индивида въ средѣ большого городского населенія. Здѣсь, конечно, приведена къ одному итогу пища огромнаго населенія, въ которомъ встрѣчаются все состоянія—отъ нищаго рабочаго до богатаго обжоры, отъ изысканнаго гастронома до бѣдняка, питающагося гнилой рыбой. Какъ бы то ни было, но приведа къ одному знаменателю всю провизію Парижа, получимъ на каждаго потребителя среднее количество, около 2 килограммовъ, которое распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) хлѣба 494 грамма, 2) говядины 199 грам., 3) дичи 27 граммовъ, 4) рыбы 35 грам., 5) масла и сыру 40 грам., 6) яицъ 23 грам. Итого самой существенной пищи 848 граммовъ. За тѣмъ: 7) пирожнаго 13 грам., 8) тѣста для пироговъ 10 грам., 9) сахару 20 грам., 10) конфетъ 6 грам., 11) кофе, шоколаду 11 грам., 12) разныхъ плодовъ 617 грам., 13) овощей 374 грамма, 14) апельсиновъ и лимоновъ 16 грам., 15) разныхъ приправъ, трюфелей 21 грам., 16) мороженаго 49 грамъ. Итого существенной вмѣстѣ съ несущественной 1 килограммъ и 925 граммовъ—почти 2 килограмма или 4 фунта. Отсюда видно, что для нормальнаго питанія всякаго взрослого человѣка можно ограничиться первыми 6 ингредиентами, весомъ въ 848 граммовъ, что немногимъ больше $1\frac{1}{2}$ фунтовъ. Ясно, что это лишь средняя норма, и то, какъ невозможное minimum. Но вотъ тоже весьма интересныя данныя. Посмотримъ, что съѣдаетъ въ Парижѣ холостой рабочій на свое жалованье, на свой заработокъ. Сообразно средствамъ онъ можетъ съѣсть въ день килограммъ хлѣба, отъ 200 до 250 грам. говядины или $1\frac{1}{2}$ фунта, вина 75 сантиметровъ, супу литръ и овощей 50 сантиметровъ. Основываясь на этомъ, въ парижскихъ госпиталяхъ теперь введено распределеніе пищи для нормальнаго питанія такого рода: хлѣба 480 граммовъ, супу или бульоновъ 680 граммовъ, мяса 180 граммовъ, овощей 330 граммовъ и вина 400 граммовъ. Итого 2 килограмма и 70 граммовъ или больше 4 фунтовъ. Отсюда ясно, что питаніе больныхъ въ парижскихъ госпиталяхъ не только лучше, чѣмъ въ нашей больницѣ, но несравненно лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ больницахъ Европы. Уже одно то, что тамъ всякіе супы и бульоны на второмъ планѣ, а на первомъ планѣ говядина, жаренная на вертелѣ, чего мы никакъ добиться не можемъ, потому то обстоятельство, что тамъ за норму принято давать всякому больному ежедневно опредѣленную порцію вина, — между-тѣмъ, какъ у насъ вино дается лишь по

предписанію въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ; такая комбинація ставитъ питаніе въ парижскихъ госпиталяхъ неизмѣримо выше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Притомъ необходимо принять во вниманіе способъ приготовленія. Несомнѣнно, что хлѣбъ въ парижскихъ госпиталяхъ таковъ, какого нигдѣ больше нѣтъ. И вотъ почему оказывается количество хлѣба въ 480 граммовъ, т. е. около фунта вполне достаточнымъ. Питаніе во всѣхъ подробностяхъ до того удовлетворительно и разнообразно, что больной не съѣдаетъ и этого количества хлѣба, такъ-что хожалки и сестры милосердія собираютъ ежедневно цѣлыя кучи объѣдковъ. Прежде въ нашей больницѣ больные очень часто просили прибавки хлѣба, что ясно свидѣтельствовало о плохомъ питаніи; теперь больные, состоящіе у насъ на первой скоромной порціи, никогда почти не просятъ прибавки хлѣба; тѣ-же, которые великимъ постомъ перешли на постную пищу, довольно, впрочемъ, скудную, стали просить о прибавкѣ хлѣба, на который они, повидимому, и налегаютъ, и съѣдаютъ его, такимъ образомъ, болѣе 3 фунтовъ въ день. Замѣчательно, что въ Парижѣ нѣтъ никакихъ скорбутныхъ порцій, которыми такъ любили щеголять наши госпитали рутиннаго характера.

Докторъ Гюссонъ приводитъ интересныя свѣденія о питаніи въ другихъ европейскихъ госпиталяхъ. Такъ въ Лондонѣ среднее количество хлѣба, которое достается каждому больному, равняется всего 360 грамм. или тремъ четвертямъ фунта. И въ то время, какъ въ парижскихъ госпиталяхъ количество хлѣба, который несравненно лучше англійскаго, доходитъ до 750 граммовъ или 1½ фунтовъ, въ англійскихъ оно не превышаетъ 450 граммовъ, т. е. никогда не доходитъ даже до полного фунта. Количество мяса въ лондонскихъ госпиталяхъ почти такое-же, какъ въ парижскихъ и равняется 180 граммамъ жаренаго или 360 граммамъ сыраго. Но и тутъ большая разница. Въ то время, какъ въ парижскихъ госпиталяхъ подается говядина или жареная на вертелѣ, или отварная, въ англійскихъ она или духовая, или жареная на угольяхъ. Но кромѣ этого въ англійскихъ госпиталяхъ отпускается картофелю до 220 грамм., аррарута или риса, и чаю съ молокомъ въ видѣ напитка. Все-таки сверхпорціонныя предписанія, столь частыя у французовъ, очень скудны у англичанъ и сюда относятся котлеты, бифтексъ, вино. Впрочемъ, англичане во всемъ коммерчески-хитрый народъ и достоверно извѣстно, что во многихъ госпиталяхъ больные вынуждены доставать себѣ на свой счетъ недостающее имъ для надлежащаго пита-

нія. У насъ это немислимо, потому-что наши больницы наполняютъ большею частію безпріютная голь.

Среднее количество хлѣба въ нѣмецкихъ госпиталяхъ равняется 400 граммамъ. Въ берлинской Charité оно доходитъ до 750 грамм. или 1 1/2 фунта. Количество-же мяса равняется 260 грамм., даже нѣсколько больше, чѣмъ въ парижскихъ госпиталяхъ. Но и въ германскихъ госпиталяхъ нѣтъ обыкновенія жарить говядину на вертелѣ; тамъ тоже употребляютъ духовую и потомъ ее приправляютъ рисомъ, овощами, вареными плодами или разнообразными мучными блюдами. За то въ германскихъ госпиталяхъ въ большомъ ходу всевозможные супы, начиная отъ возмутительной овсянки и оканчивая супомъ изъ пива. Какъ напитокъ, тамъ тоже господствуетъ пиво, вино-же дается лишь какъ лекарство. Но какъ въ Германіи, такъ и во Франціи врачи пользуются полной свободой назначать своимъ больнымъ сверхъ порцій что угодно, говядину, дичь, вино, всякія легкія блюда и разныя деликатесы. Въ Брюсселѣ больной получаетъ 600 граммовъ хлѣба и 200 граммовъ приготовленной говядины. Обыкновенный напитокъ—пиво.

Но когда иностранцы сообщаютъ свѣденія о Россіи, они невольно возбуждаютъ улыбку своею наивностью. «Въ московской Маріинской больницѣ, говоритъ Гюссонъ, — употребляется два фунта ржаного хлѣба и 400 граммовъ мяса, т. е. меньше фунта. Это значитъ «по положенію». Пиво, говоритъ Гюссонъ, — тамъ потребляемое, очень легкое и нѣсколько кислотоватое, оно извѣстно подъ общимъ названіемъ «квасъ»».

Изъ этого краткаго и бѣглаго очерка легко усмотрѣть, что въ питаніи больныхъ господствуютъ тѣ-же принципы, какъ и въ питаніи здоровыхъ и что вся суть вертится около двухъ главныхъ ингредиентов: хлѣба и говядины, причемъ необходимо возможно большее разнообразіе въ разнаго рода приправахъ и видоизмѣненіяхъ какъ этихъ двухъ ингредиентов, такъ и другихъ веществъ, входящихъ въ составъ пищи больныхъ. Только такая разнообразная комбинація можетъ удовлетворить всѣмъ фізіолого-патологическимъ настроеніямъ человѣческаго организма.

VII.

Если питаніе играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ содержанія больныхъ, то и питье также имѣетъ весьма немаловажное значеніе. Вода, какъ напитокъ, должна удовлетворять нѣкоторымъ гигиеническимъ условіямъ, чтобы соответствовать своему назначенію и идти въ пользу, а не во вредъ. Если обратить вниманіе на то обстоятельство, что многія заразительныя болѣзни могутъ передаваться отъ одного отдаленнаго пункта до другого текучими водами, то сдѣлается понятнымъ вопросъ о томъ, какую воду употреблять въ питье. По наслѣдованіямъ Петркана (Pétréquin) ¹⁾, вода должна гигиенически удовлетворять тремъ условіямъ. Во-первыхъ, она должна имѣть извѣстную температуру, во-вторыхъ, она должна содержать опредѣленное количество воздуха и въ-третьихъ, она должна быть лишена извѣстной доли неорганическихъ солей. Еще Гиппократъ сказалъ, что «первое гигиеническое условіе воды, употребляемой какъ питье, должно заключаться въ томъ, чтобы она была свѣжа лѣтомъ и умѣренной температуры зимой». Въ этомъ отношеніи можно назвать такую воду удовлетворительной, которой температура колеблется между 10 и 12 градусами Цельсія, когда она содержитъ отъ 30 до 35 кубическихъ сантиметровъ воздуха и когда количество минеральныхъ веществъ равняется отъ 10 до 30 сотыхъ грамма на 100. Совершенный предрасудокъ, будто-бы вода тѣмъ лучше, чѣмъ она чище. Напротивъ того, такъ-какъ вода является въ нашъ организмъ вовсе не для того, чтобы выполнять какую-то чисто-механическую роль, но она имѣетъ значеніе, какъ растворяющее средство и содѣйствуетъ главнымъ процессамъ нашего организма — эндосмосу и диффузіи, то хорошая вода должна содержать опредѣленное количество газовъ и нѣкоторыхъ солей въ растворѣ. Строго говоря, воды нашихъ рѣкъ, особенно-же Волги, не удовлетворяютъ вполнѣ ни одному изъ этихъ условій. Лѣтомъ онѣ очень нагрѣваются, зимой онѣ черезчуръ холодны и, смотря по временамъ года, онѣ содержатъ такое количество постороннихъ примѣсей, какъ неорганическихъ, такъ въ особенности-же органическихъ, что мы получаемъ какую-то муть, весьма вредную для питья. Такъ и чувствуешь, что такая мутная вода ложится тяжелымъ камнемъ на желудокъ. Совѣтъ врачей обратилъ

¹⁾ Annales d'Hygiène publique et de Médecine légale. Janvier 1872, 75 Numéro. Recherches sur les eaux potables etc. par Pétréquin. P. 76—101.

свое особенное вниманіе на это важное обстоятельство и завелъ нѣсколько бочекъ съ двойнымъ дномъ; въ промежутокъ между двумя днами вода просачивается сквозь толстый фильтръ, состоящій изъ холста, сукна и толстаго слоя угля съ пескомъ и гальками, такъ-что теперь у насъ въ больницѣ вода довольно сносная.

VIII.

Все, до сихъ поръ нами описанное — бѣда поправимая. Пища худая — стоять нѣсколько понатужиться, попржаться и пища будетъ лучше, воду все-же можно очистить, но есть такія обстоятельства, которыя врачъ не въ силахъ устранить, хоть будь онъ семи пядей во лбу. Эти обстоятельства, если они существуютъ въ силу пресловутаго «по положенію», представляютъ ничѣмъ непреодолимыя препятствія. Самое выдающееся изъ такихъ обстоятельствъ безспорно количество и качество воздуха, нужнаго для каждаго больного. Теперь уже положительно дознано, что скопленіе больныхъ въ плохо провѣтриваемыхъ палатахъ, раздѣляемыхъ узкими, душными и темными корридорами, можетъ повлечь за собою поразительную смертность. Мы напомнимъ читателю исторію Калькутской пещеры, гдѣ, въ пространство, имѣвшее всего 18 квадратныхъ футовъ, втиснули 146 человѣкъ. Менѣе, чѣмъ черезъ часъ многіе начали бредить, чрезъ 4 часа уже многіе умерли, а по истеченіи 11 часовъ изъ 146 человѣкъ осталось въ живыхъ всего 23 человѣка и тѣ вынесли опасную горячку. Но окно пещеры было открыто и часовые подавали плѣннымъ чрезъ него воды. И все-таки скопленіе при удушливомъ воздухѣ повлекло за собою самую страшную смертность. То-же, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, можетъ повториться въ больницахъ, гдѣ допускаютъ до крайняго скопленія больныхъ. А потому самая существенная потребность всякой больницы, самое главное условіе ея раціональной обстановки — безспорно воздухъ. Все остальное вмѣстѣ взятое не имѣетъ такого значенія, какъ одно это условіе, отдѣльно взятое. Пусть въ больницѣ пища и содержаніе больныхъ будутъ безукоризненны, пусть врачи ея будутъ первые искусники въ мірѣ, но пусть при этомъ въ ней будетъ недостатокъ въ хорошемъ воздухѣ—и такая больница самая несчастная, такая больница — обитель смерти. Пусть, наоборотъ, въ больницѣ пища будетъ не особенно удовлетворительна, пусть ея врачи будутъ изъ самыхъ плохенькихъ, но пусть въ ней будетъ просторъ чистому воздуху—и больница, вопреки вся-

кимъ другимъ невгодамъ, обезпечена отъ чрезмѣрной смертности. Мы видѣли выше, какъ хороша пища и какъ хорошо содержаніе больныхъ въ парижскихъ госпиталяхъ, а все-таки тамъ смертность, въ среднемъ ея итогѣ, доходить до 14 на сто, почти вдвое, чѣмъ въ нашихъ мизерныхъ больницахъ, и это единственно потому, что парижскіе госпитали, несмотря на всѣ усовершенствованныя системы вентиляціи, не могутъ, не въ силахъ доставить своимъ больнымъ чистаго воздуха. Воздухъ, застоявшійся въ больницахъ, въ высшей степени смертоносенъ. Воздухъ прослужившій въ больницѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, долженъ выйти въ отставку, потому-что въ больницѣ воздухъ долженъ быть чистый, безпорочный, свободный отъ всякихъ міазмъ, гнили и нечистотъ. Если лучшія современныя учрежденія видятъ свое благо въ постоянномъ обновленіи своего состава и въ провѣтриваніи своей атмосферы, то объ обновленіи воздуха въ больницахъ и говорить нечего. На этомъ пунктѣ совѣту врачей пришлось подвергнуться самому тяжкому испытанію.

По ученію лучшихъ современныхъ гигиенистовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, изъ коихъ мы назовемъ Мишель Леви, Мотарда, Жакме, Эдмондъ Паркса и нашего знаменитаго Пирогова;— по ученію этихъ-то корифеевъ науки, количество воздуха, потребное для каждаго больного, какъ *minimum*, можетъ быть допущено въ 1,200 кубич. футовъ. Мишель Леви въ своихъ статьяхъ о новой барачной системѣ въ *Annales d'Hygiene* требуетъ даже до 4,000 кубич. футовъ воздуха на каждаго больного. Если придерживаться этого принципа, если полагать хотя-бы, какъ *minimum*, 1,200 куб. футовъ, то въ нашей теперешней больницѣ можетъ помѣститься лишь 150 больныхъ. Если мы дойдемъ до крайности и допустимъ по 1,000 куб. футовъ воздуха на больного, то въ ней можно уложить всего 180 больныхъ. Но она «по положенію» предназначена на 250 больныхъ, а зимой скопленіе доходитъ до 330 и во всю зиму не было меньше 300. Значитъ на каждаго больного приходилось менѣе 500 кубич. футовъ воздуха.

Совѣтъ врачей, вступивъ въ свои права, съ перваго-же момента сильно сталъ побаиваться этого скопленія и увѣдомилъ кого слѣдуетъ о необходимости принять какія-либо мѣры. Но намъ отвѣтили, что мы занимаемся *пустяками и что никто никогда и не думалъ на насъ возлагать отвѣтственность за увеличенную смертность...* Трудно повѣрять, до какого цинизма можетъ дойти самообожаніе эгонистовъ. У насъ руки опустились. Тѣмъ не менѣе мы рѣшились не приходить въ отчаянье и устранить зло, насколько

это будетъ въ нашихъ силахъ. Для этого прежде всего рѣшились установить сколько-нибудь сносную вентиляцію. Не только камни по цѣлымъ днямъ топили, но надзирательницамъ поручено было наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ печи затапливались рано утромъ и чтобы въ нихъ поддерживалось горѣніе вплоть до вечера и только на ночь закрывались трубы. При этомъ раза два-три въ день раскрывались форточки. Такимъ образомъ, установилась постоянная тяга и постоянный обмѣнъ воздуха. Уже одно это улучшило качество воздуха значительно. Затѣмъ было введено вспрыскиваніе карболовой водой, что устранило зловоніе, и еще болѣе улучшило воздухъ. Но объ этомъ мы скажемъ ниже. Одной изъ лучшихъ мѣръ для предупрежденія зла съ самаго начала казалось—не допустить до скопленія больныхъ. Но эта мѣра на практикѣ встрѣтила самыя серьезныя, самыя плачевныя препятствія.

Извѣстно, что за помощью въ больницы прибѣгаетъ самый несчастный людъ. Совсе ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ народѣ живетъ совершенно справедливое предубѣжденіе противъ больницъ. Это предубѣжденіе вполне оправдывается наукой и опытомъ. Далеко не рѣдкость, что въ больницахъ, въ силу скопленія больныхъ, подчасъ иные совсѣмъ здоровые люди заражаются въ ней господствующими заразительными болѣзнями и преждевременно умираютъ. И вообще всякій больной, который вступаетъ въ больницу, единственно въ силу одного этого обстоятельства, рискуетъ своею жизнью несравненно больше, чѣмъ если-бы онъ оставался дома.

Пртомъ мы лично убѣдились, что нежеланіе, неохота простолюдиновъ вступать въ больницу основывается на чисто-экономическихъ соображеніяхъ ихъ соціального быта. Такъ на предложеніе поступить въ больницу крестьянинъ вамъ отвѣчаетъ: «не отъ кого»; хозяйство его домашнее такъ сильно зависитъ отъ его личнаго присутствія и отъ присутствія его жены, что уйти въ больницу на двѣ, три недѣли значитъ разорить, разстроить свое хозяйство: не кому за скотомъ присмотрѣть, не кому совершить всѣ тѣ тяжелыя работы, въ которыхъ протекаетъ вся жизнь крестьянина. И вотъ иной съ радостью пошелъ-бы въ больницу, чтобы отдохнуть и полечиться, но экономическое его положеніе грозитъ ему самыми чувствительными пертурбаціями его хозяйства и онъ вынужденъ отказаться отъ предлагаемой ему помощи. Не безызвѣстно, конечно, всякому, какъ велики запасныя капиталы нашего крестьянина, чтобы часть употребить на поправленіе своего здоровья. Единственный его запасной капиталъ — это его здоровье...

Но есть такой несчастный людъ, которому положительно некуда дѣваться и который волей-не-волей вынужденъ рисковать своею жизнью. Скептики, сомнѣвающіеся въ существованіи въ Россіи пролетаріата, прогулялись-бы по больницамъ въ губернскихъ городахъ и легко могли-бы убѣдиться, что населеніе этихъ больницъ преимущественно и состоитъ изъ людей четвертаго сословія. Вы, напримѣръ, говорите иному больному, что «ваше болѣзненное состояніе такого рода, которое требуетъ пребыванія въ возможно лучшемъ, чистомъ воздухѣ и вступать съ такою болѣзнію въ нашу больницу значить рисковать жизнью», а больной вамъ на это отвѣчаетъ: «что-жь дѣлать! мнѣ рѣшительно некуда больше дѣваться, примите, Христа ради!» При такой аргументаціи больница теряетъ всякое право на отказъ.

Въ каждой губернской больницѣ существуетъ такъ-называемая дворянская палата. Ее населяютъ большею частію выгнанные изъ службы несчастные чиновники самаго послѣдняго сорта, спившіеся съ кругу приказные и неужившіеся съ Марсомъ отставные военные. Такая дворянская палата—сущее наказаніе больницы и вѣчная мука врачамъ. Кромѣ того, что ни они сами и никто другой за нихъ ничего никогда не платитъ—между-тѣмъ, какъ съ мужика плату взыщутъ,—претендательность ихъ истощаетъ самое гуманное терпѣніе. Всѣ больные держатъ себя болѣе или менѣе прилично, ведутъ себя скромно, но если вдругъ въ больницѣ случилась драка, попойка, поднялся гвалтъ, открылось воровство — будьте увѣрены, что это произошло въ дворянской палатѣ.

Большинство больныхъ въ дворянской палатѣ не страдаетъ особенными болѣзнями, но попробуйте заикнуться, что «вамъ де не мѣшало-бы выписаться», какъ немедленно дворянинъ вамъ заявитъ, что у него и ломота, и боль въ груди, и сильнѣйшій ревматизмъ, что онъ не спитъ по ночамъ и что удалять человека въ такомъ болѣзненномъ состояніи изъ больницы и притомъ зимой, въ такой холодъ, просто варварство. Прежніе врачи въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ своего рода пыткамъ. Старшій врачъ являлся въ образѣ Торквемоа и такимъ больнымъ лѣпилъ мушки, натиралъ ихъ кротоновымъ масломъ и такъ или иначе, но выживалъ ихъ изъ больницы. Иногда дворянская палата является положительно несносной въ отставаніи своихъ правъ. Положимъ, что всѣ мѣста въ больницѣ заняты и что свободны два, три мѣста въ дворянской палатѣ. Вы туда положите настоящаго больного, какого нибудь мѣшанина. Будьте покойны, что дворяне его оттуда выживутъ, онъ жизни своей не радъ станетъ, его загрызутъ и

полубольной—онъ просто удереть. Случалось во время переполненія дворянской палаты класть дворянъ среди простого люда, но и тогда происходили весьма неприятыя столкновенія. Такъ однажды сосѣдъ демократъ заявилъ, что у него украли 5 руб.; обыскали лежавшаго тутъ дворянина и нашли *нечаянно* попавшіе къ нему пять рублей; такъ что врачамъ подчасъ приходится разыгрывать роль и мировыхъ судей, полицейскихъ приставовъ и тому подобное. Не оберешься съ этимъ привилегированнымъ убожествомъ всякихъ хлопотъ. Отсюда видно, что вопросъ объ удаленіи нѣкоторыхъ мнимыхъ больныхъ практически чрезвычайно трудно разрѣшается. Еще запутаннѣе становится этотъ вопросъ, когда дѣло касается солдатъ оставныхъ, безсрочно отпускныхъ. Мы уже выше указали, что къ намъ поступаетъ множество больныхъ, представляющихъ особенныхъ патологическихкихъ процессовъ, которые сразу можно было-бы окрестить какии-нибудь латинскимъ техническимъ терминомъ. Это просто люди истощенные и безкровные до нельзя. Наибольшій контингентъ этого сорта больныхъ намъ и доставляетъ военное сословіе, какъ настоящее, такъ и отслужившее. За то какъ они умѣютъ умирать. Возьмемъ хоть одинъ годъ, именно прошлый 1871. Втеченіи этого года въ нашей больницѣ лечилось 1138 человекъ военныхъ и изъ нихъ умерло 156 человекъ или 13,7 на сто, между тѣмъ какъ общая смертность въ больницѣ не превышала 8 на сто.

Какъ-бы то ни было, но вопросъ о недопущеніи до скопленія больныхъ, о гигиеническомъ распредѣленіи *количества* воздуха между больными остается у насъ вполне *открытымъ* и не только не исчерпаннымъ, но едва задѣтымъ. Совѣтъ врачей поэтому сосредоточилъ все свое вниманіе на *качествѣ* его, на удаленіи всего того, что можетъ портить воздухъ. Съ этой цѣлью бѣлье чаще мѣняется. Запасъ его значительно увеличенъ, палаты провѣтриваются, дезинфицируются и т. д. И теперь воздухъ сдѣлался несравненно лучше, чѣмъ въ былыя времена. Этимъ однакожь наши преобразованія не ограничились. Весьма важную роль въ обстановкѣ больного играетъ его койка. Выше мы описали, какъ наша больничная койка была неудовлетворительна. Она состояла изъ двухъ матрацовъ, которые почти никогда не провѣтривались, были пропитаны всякими миазмами и испареніями, портившими воздухъ; матрацы помещались на двухъ-трехъ щепкахъ, легко раздвигаемыхъ, причеиъ тѣло больного попадало въ разныя впадины, глубокія, какъ пучина морская. Но если больной и ухитрялся кое-какъ примѣнить, приспособить свое грѣшное тѣло къ этой углой койкѣ, то все-таки

ему не давали ни на минуту покоя мириады клоповъ. Совѣтъ врачей какъ-бы волшебствомъ устранилъ всѣ эти неудобства. Доски заиѣнены веревочными переплетами; нанятъ особый, специальный сторожъ, который только тѣмъ и занятъ, что ежедневно утромъ выбрасываетъ по 25—30 постелей на воздухъ и вечеромъ снова ихъ вноситъ. Цѣлый день онѣ, такимъ образомъ, провѣтриваются, выколачиваются и очищаются. Кромѣ того каждый день утромъ и вечеромъ всѣ постели обрызгиваются посредствомъ пульверизаторовъ растворомъ карболовой кислоты по золотнику на фунтъ воды. Эти обрызгиванія очень важны и чрезвычайно для насъ дороги. Они, съ одной стороны, содѣйствуютъ очищенію воздуха, съ другой стороны, служатъ сильнѣйшимъ противоядіемъ противъ клоповъ, мокриць, таракановъ, блохъ. Прошла тяжелая, скучная зима, и въ нашей жалкой, убогой больницѣ спали спокойно и не жаловались на пожираніе ихъ заживо клопами. Въ этомъ нашъ абсолютный прогрессъ...

Мы не говоримъ о многихъ другихъ улучшенияхъ, не столь крупныхъ съ виду, но очень цѣнныхъ для благосостоянія больного. Сложный механизмъ больничнаго дѣла требуетъ особенной заботливости во всѣхъ его мелочахъ, во всѣхъ его подробностяхъ. И нельзя сказать, чтобъ все это легко обошлось совѣту врачей. Слишкомъ много потратилъ онъ на все это драгоценнаго времени; не обошлось безъ споровъ, препирательствъ, увлеченій, не избѣгли простибельной въ такихъ дѣлахъ горячки. Кое-когда пробѣгало облачко взаимнаго неудовольствія, но время сгладило, примирило, утвердило стремленіе впередъ...

Еще пару словъ. Мы хорошо понимаемъ, что на устахъ нѣкоторыхъ скептиковъ пробѣжитъ злобная улыбка, что врачи-де занялись не своимъ дѣломъ: хозяйство вовсе не ихъ ума дѣло. Поспѣшимъ успокоить столь отрадную для нашихъ скептиковъ недовѣрчивость. Какъ-только совѣтъ врачей всталъ на свои ноги, какъ-только онъ почувствовалъ свои силы, онъ тотчасъ-же подумалъ объ улучшеніи и чисто-медицинской части. Небывалая вещь: совѣтъ врачей, вскорѣ по своемъ возникновеніи, командировалъ одного изъ своихъ членовъ, именно своего хирурга, на нѣкоторое время въ Петербургъ для закупики инструментовъ, изученія новыхъ способовъ нѣкоторыхъ операций, ознакомленія съ устройствомъ новыхъ госпиталей. Совѣтъ врачей предложилъ управѣ выдать ему на эту поѣздку 300 р., и управа благосклонно исполнила просьбу врачей, хотя эта сумма не значится въ смѣтѣ. Командировка эта, это провѣтриванье нашего брата имѣетъ весьма драгоценное свойство во всѣхъ отношеніяхъ, особенно-же въ научномъ.

Итакъ, больница всѣми своими преобразованіями и улучшеніями обязана исключительно новому учрежденію — совѣту врачей.

Мы далеки отъ мысли утверждать, что мы достигли полного совершенства и что намъ ничего больше не остается желать. Напротивъ того, съ каждымъ днемъ открываются новыя прорѣхи, обнажаются новыя язвы. Одно лишь время залечить эти язвы, а пока мы накладываемъ заплаты на наше рубище. Но мы на пути къ развитію и, если наше юное самоуправленіе не будетъ подорвано, дѣло пойдетъ прогрессивно впередъ. Одно намъ досталось въ утѣшеніе, именно убѣжденіе, что дѣло больницы можетъ подвигаться успѣшно только при личномъ участіи врачей, на правахъ извѣстной доли самоуправленія.

Но если до сихъ поръ шло плохо больничное дѣло въ одномъ изъ богатѣйшихъ и промышленныхъ центровъ Приволжья, если мѣстные врачи чувствовали себя подавленными чрезмѣрною и неопредѣленною зависимою отъ земства, если положеніе больничныхъ врачей было крайне шатко, то положеніе дѣла и врачей въ уѣздныхъ трущобахъ было и есть несравненно хуже. Тамъ сфера ихъ дѣятельности до сихъ поръ остается чѣмъ-то случайнымъ, загадочнымъ, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ постановленій, которыми гарантировалась бы потребность въ нихъ для народа; положеніе ихъ тамъ самое шаткое и ничѣмъ необезпеченное, и отношенія ихъ къ земству самыя неточныя, неудовлетворительныя. Земская медицина цѣлыхъ губерній не пришла до сихъ поръ ни къ какимъ обобщеніямъ, не выработала ничего научнаго, ничего спеціальнаго. Нѣтъ медицинской статистики, нѣтъ медико-топографическихъ описаній, нѣтъ установленнаго распредѣленія медицинскихъ силъ и экономическаго раздѣленія медицинскаго труда, нѣтъ руководящихъ принциповъ; всѣ идутъ врозь, кто въ лѣсъ, кто по дрова. И пока такое ненормальное состояніе будетъ тянуться, до тѣхъ поръ не будетъ правильно-организованной земской медицины, и несмотря на то, что ежегодно тратятся десятки и сотни тысячъ, населеніе все-таки подчасъ остается безъ медицинской помощи или она равняется нулю. Чтобы подвинуть дѣло впередъ, чтобы вывести его изъ ненормальнаго *statu quo*, чтобы освободить его отъ прежняго казеннаго строя и вдохнуть въ него новую жизнь, необходимо придать земской медицинѣ цѣлой губерніи и всей Россіи характеръ извѣстной доли самоуправленія; необходимо поставить земскую медицину цѣлой губерніи въ такія-же отношенія къ земству, въ какія теперь сталъ совѣтъ врачей къ нему. Этому вполне удовлетворитъ проектированный нами съѣздъ земскихъ вра-

чей цѣлой губерніи, который долженъ выработать свою собственную организацію, организацію земской медицины, характеръ опредѣленныхъ и точныхъ отправленій своей служебной и соціальной дѣятельности. Такой съѣздъ еще больше, еще сильнѣе выразитъ все выгоды опредѣленного и легальнаго самоуправления земской медицины и ему, основанному на выборномъ началѣ, легче, сподручнѣе, доступнѣе будетъ главная цѣль — гарантировать народу своевременную и полезную медицинскую помощь. Въ умахъ и сердцахъ врачей живетъ самая справедливая надежда, что лишь этимъ путемъ, путемъ самоуправления, учрежденіемъ съѣзда и его развитіемъ и организаціей, они оправдаютъ какъ свое собственное призваніе, такъ и полезность земскихъ учрежденій вообще.

В. Португаловъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Приговоръ третейскаго суда по алабамскому дѣлу. — Вліяніе его на президентскіе выборы въ Соединенныхъ штатахъ. — Союзъ Гриви съ демократами. — Успѣхъ президентской кандидатуры Гриви. — Мистрисъ Вудгаль объявлена кандидатомъ въ президенты. — Дѣвушка-полковникъ. — Благородная дѣятельность Дугласа въ пользу уничтоженія рабства. — Смѣна всѣхъ чиновниковъ вмѣстѣ со смѣной президента. — Неудобства этой системы. — Административные грабежи и мошенничества. — Подкупы. — Бездѣйствіе общественнаго мнѣнія въ виду испорченности администраціи. — Отсутствие въ американскомъ чиновникѣ качествъ гражданина. — Необходимость коренной административной реформы въ Соединенныхъ штатахъ. — Сильное развитіе пьянства. — Дурная пища и скука, какъ причины пьянства. — Азартная игра. — Ханжество. — Спиритизмъ. — Секта ревивалей. — Пробудители. — Концертъ-монстръ въ Бостонѣ. — Джемсъ Гордонъ Беннетъ. — Его дебюты въ журналистикѣ. — Принципы его издательской дѣятельности. — Реклама изъ побоевъ. — Громадный доходъ газеты «Herald». — Чего недоставало Беннету для полной его популярности. — Джемсъ Фискъ. — Онъ начинаетъ свою карьеру конюхомъ въ звѣрянцѣ. — Странствующій торговецъ. — Подраччикъ. — Виржевой игрокъ. — Мошенничество en grand. — Князь эрійскій. — Нашла коса на камень. — Столкнувшіеся поѣзды. — Спекуляція на золото. — Директоръ театра. — Полковой командиръ. — Адмиралъ. — Убіиство Фиска. — Его похороны.

Третейскій судъ въ Женевѣ постановилъ свое рѣшеніе по алабамскому дѣлу. Онъ утвердилъ за Соединенными штатами право только на прямыя убытки, которые обусловливались непосредственно дѣйствіями рабовладѣльческихъ корсаровъ, вышедшихъ изъ англійскихъ портовъ. Всѣмъ памятно, какое сильное волненіе и негодованіе произвело въ Англіи извѣстіе, что Соединенные штаты предъявили суду свое требованіе вознагражденія за косвенные убытки, сумма которыхъ простиралась до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ долларовъ. Извѣстно также, что это требованіе едва не повело къ уничтоженію вашинг-

тонскаго трактата. Понятно теперь, почему англичане ликуютъ и рѣшеніе третейскаго суда считаютъ равносильнымъ рѣшительной побѣдѣ, одержанной ими надъ американцами. Конечно, общественное мнѣніе Англіи высказалось-бы иначе, если-бы Соединенные штаты не предъявили своего притязанія на вознагражденіе за косвенные убытки. Если-бы Соединенные штаты ограничились требованіемъ однихъ прямыхъ убытковъ, и судъ точно также, какъ и теперь, присудилъ-бы ихъ американцамъ, англичане, навѣрное, подняли-бы сильный ропотъ и обвинили-бы свое министерство въ недостаткѣ предусмотрительности. Теперь-же они радуются, тѣмъ болѣе, что самая сумма прямыхъ убытковъ, высчитанная американцами, будетъ нѣсколько уменьшена, если вѣрить англійскимъ газетамъ. Джонъ Буль любитъ потроговаться и неохотно вынимаетъ деньги изъ кармана.

Мы вполне раздѣляемъ радость англичанъ, конечно, не по финансовымъ побужденіямъ, что дѣло окончилось такимъ, а не другимъ способомъ. Мы раздѣляемъ радость тѣхъ американцевъ, которые, говоря, что «худой миръ лучше доброй ссоры», торжествуютъ мирное окончаніе алабамскаго дѣла. Мы убѣждены, что такое окончаніе спора произвело радость во всемъ цивилизованномъ мірѣ, который почувствовалъ особенно сильное нерасположеніе къ войнѣ послѣ кровавой дуэли между экс-императоромъ Наполеономъ III и императоромъ Вильгельмомъ, сопровождавшейся пагубными послѣдствіями для побѣжденной Франціи и, по всей вѣроятности, готовящей большія затрудненія въ будущемъ для побѣдительницы — объединенной Германіи. Описавъ эти печальныя событія, историкъ и философъ съ облегченнымъ сердцемъ прибавятъ, что во второй половинѣ XIX столѣтія не всѣ націи раздѣляли убѣжденіе, что сила господствуетъ надъ правомъ, что были между ними и такія, которыя, руководствуясь здравымъ смысломъ, находили, что мирное соглашеніе путемъ международнаго суда, во всякомъ случаѣ, разумнѣе и выгоднѣе, чѣмъ самая побѣдоносная война. Соединенные штаты имѣетъ право на политѣйшую симпатію со стороны всѣхъ людей, кому дорого благо человечества, за то, что они безъ всякаго протеста приняли рѣшеніе суда, постановленное не въ ихъ пользу, не согласное съ требованіями, предъявленными ихъ правительствомъ. За свое достойное поведеніе во всемъ этомъ дѣлѣ народъ Соединенныхъ штатовъ заслуживаетъ еще большую признательность, чѣмъ даже за побѣду свою надъ рабовладѣльцами. И каково-бы ни было мнѣніе на счетъ личныхъ качествъ и дѣятельности нынѣшняго президента Соединенныхъ штатовъ Гранта, но каждый изъ насъ долженъ признать, что онъ, какъ officialный

представитель американскаго народа, теперь, въ роли умнротворителя двухъ націй, приобрѣлъ еще большую славу, чѣмъ въ бывшее время, какъ побѣдитель при Ричмондѣ, подавившій окончательно возстаніе рабовладѣльцевъ.

Но и въ Соединенныхъ штатахъ, какъ и вездѣ, есть шовинисты; они недовольны дѣйствіями президента въ алабамскомъ дѣлѣ. Они кричатъ, что Грантъ измѣнилъ національному дѣлу Соединенныхъ штатовъ, что онъ выказалъ непростительную слабость и унизилъ свою страну предъ Англіей. Шовинистовъ не мало въ Соединенныхъ штатахъ и, очень вѣроятно, что достойное поведеніе Гранта въ алабамскомъ дѣлѣ скорѣе уменьшило, чѣмъ увеличило шансы новаго выбора его въ президенты. Впрочемъ, до сихъ поръ еще онъ имѣетъ за себя громадное большинство. Но не надо забывать, что главные силы партій еще не выступили на поле избирательной борьбы и силы конкурентовъ Гранта съ каждымъ днемъ увеличиваются, а его въ той-же мѣрѣ, конечно, уменьшаются.

Президентскіе выборы играютъ чрезвычайно важную роль въ жизни Соединенныхъ штатовъ. Конституція этой страны даетъ огромную личную власть президенту и онъ, во время своего четырехлѣтняго управленія, всегда имѣетъ возможность измѣнить политику въ ту или другую сторону. Вотъ почему задолго еще до самыхъ выборовъ начинается агитація партій и дѣятельность президента подвергается строгой безошадной критикѣ. Сторонники президента не остаются въ долгу и разбираютъ по косточкамъ, какъ общественную дѣятельность, такъ даже и частную жизнь всѣхъ лицъ, выставившихъ себя кандидатами на президентство.

То-же самое происходитъ теперь: сторонники Гранта бьютъ его конкурентовъ, тѣ въ свою очередь выскиваютъ все, что можетъ повредить Гранту въ общественномъ мнѣніи. Что касается лично насъ, то, хотя мы вполне уважаемъ заслуги Гранта, и предпочитаемъ его Грили, самому серьезному изъ его конкурентовъ, мы, какъ уже было заявлено нами, раздѣляемъ мнѣніе той партіи въ Соединенныхъ штатахъ, которая и четырехлѣтній терминъ президентства считаетъ слишкомъ длиннымъ и находитъ, что для страны будетъ несравненно полевиѣ, если президентскіе выборы будутъ происходить черезъ годъ или-же ни въ какомъ случаѣ не больше, какъ черезъ два, причемъ управляющій президентъ не можетъ быть снова выбранъ на слѣдующій терминъ ранѣе извѣстнаго числа лѣтъ, которые онъ проведетъ въ качествѣ обыкновеннаго гражданина.

Самымъ опаснымъ конкурентомъ для Гранта является Горасъ Гри-

ли. Къ характеристикѣ Грили, съ которой уже знакомы ваши читатели, намъ остается прибавить очень немногое. Грили — ультрапротекціонистъ, хотя принадлежитъ къ числу людей, собственными усиліями достигающихъ извѣстнаго благосостоянія. Сынъ рабочаго земледѣльца, онъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, прибылъ въ Нью-Йоркъ почти безъ гроша денегъ и съ весьма недостаточнымъ образованіемъ; своимъ развитіемъ, своимъ вліяніемъ, своимъ богатствомъ онъ обязанъ лишь своей несокрушимой энергіи и неустанному труду. Ловкимъ веденіемъ дѣла, онъ поставилъ свою газету «New York Tribune» такъ высоко, что она стала самымъ популярнымъ органомъ прессы въ средѣ людей убѣжденныхъ, и расходится теперь къ 300,000 экземплярахъ. До сихъ поръ общественная дѣятельность Гораса Грили была вполне честная, чего нельзя сказать теперь, когда онъ для достиженія своей цѣли сталъ употреблять средства далеко не безукоризненные. Четыре года тому назадъ онъ съ поразительной энергіей ополчился на противниковъ избранія Гранта въ президенты; теперь-же, когда онъ увидѣлъ, что съ нѣкоторой вѣроятностію самъ можетъ рассчитывать на выборъ въ президенты, онъ съ такой-же энергіей нападаетъ на Гранта и его сторонниковъ. Расчетъ Грили былъ очень простъ. Партія демократовъ (приходится называть ее этимъ официальнымъ именемъ, хотя гораздо правильнѣе звать ее рабовладѣльцами) окончательно потрясена побѣдой Гранта, законами, даровавшими право голоса неграмъ, а также скандалами, которыми сопровождалась дѣятельность муниципальных властей Нью-Йорка, поголовно принадлежавшихъ къ демократической партіи и уличенныхъ въ самое наглое мошенничество и грабежъ общественной казны. Но если, послѣ этихъ поражений, партія демократовъ слишкомъ слаба, чтобы провести своего кандидата на предстоящихъ президентскихъ выборахъ, она еще достаточно сильна, чтобы поддержать своими голосами кандидата, котораго выставитъ часть республиканской партіи, отдѣлившаяся отъ своей партіи. (Республиканскую партію вѣрнѣе называть аболиціонистской). Грили прежде всего употребилъ энергичскія усилія, чтобы раздѣлить республиканскую партію, въ чемъ и успѣлъ. Ревностный защитникъ освобожденія негровъ, — онъ, который нападалъ на Линкольна за то, что тотъ рѣшился на это освобожденіе только тогда, когда возмущившіеся рабовладѣльцы начали съ правительствомъ ожесточенную войну, — онъ является теперь кандидатомъ на президентство отъ партіи рабовладѣльцевъ; объявляетъ себя ея официальнымъ представителемъ. Конвентъ демократовъ въ Цинцинати призналъ его своимъ кандидатомъ; но большинство рабовладѣль-

цевъ долго еще колебалось объявить своимъ представителемъ чело-
вѣка, который нѣкогда былъ самымъ ожесточеннымъ ихъ врагомъ.
Но политики, т.-е. самые опытные и искусные люди въ партіи, упо-
требили всѣ возможныя усилія, чтобы заставить демократическую
партію признать своимъ представителемъ новаго союзника. «Демо-
краты, вамъ дается въ руки неожиданный случай... Слѣдуетъ вос-
пользоваться имъ и вы низвергнете господствующую партію въ мо-
ментъ ея высшаго преобладанія... Не бойтесь, Грили настолько де-
мократъ, насколько намъ это нужно...» Такъ писали въ демократиче-
скихъ газетахъ, а экс-генералъ рабовладѣльческой арміи Борегаръ, Тай-
лоръ, Гэйсъ, Адамсъ собирали громадныя митинги, на которыхъ предла-
гали своей партіи признать Грили своимъ кандидатомъ. Въ то-же время,
когда демократы раздумывали, Грили въ своей газетѣ «Tribune»
напечаталъ цѣлый рядъ писемъ сенаторовъ Сомнера, Трумбуля и пред-
водителя нѣмецкой партіи Карла Шурца, въ которыхъ они объявляли,
что совѣсть запрещаетъ имъ больше поддерживать такую деспотиче-
скую и такую испорченную администрацію, какъ администрація Гран-
та и что они не подадутъ своихъ голосовъ за теперешняго прези-
дента.

Въ послѣднее время въ Европѣ получены слѣдующія телеграммы
изъ-за океана.

Нью-Йоркъ, 9-го іюля: Національный конвентъ демократической
партіи собрался въ Балтиморѣ. На немъ присутствовали депутаты
всѣхъ штатовъ. Предложеніе поддерживать президентскую кандидатуру
Гораса Грили было принято съ большимъ энтузіазмомъ; правда, про-
тивъ него явились живыя возраженія, но, вообще, оппозиція была не-
значительна по числу поданныхъ за нее голосовъ.

Балтимора, 10 іюля: Демократическій конвентъ, послѣ первой
баллотировки, призналъ Гораса Грили своимъ кандидатомъ на прези-
дентство.

Нью-Йоркъ, 11 іюля: Назначеніе Гораса Грили кандидатомъ на
президентство было принято съ большимъ энтузіазмомъ во всей странѣ.
Въ главныхъ городахъ въ честь этой кандидатуры звонили въ коло-
кола и стрѣляли изъ пушекъ.

Послѣ всѣхъ этихъ заявленій, Гораса Грили можно признать серьез-
нымъ соперникомъ Гранта и, по всей вѣроятности, серьезная борь-
ба произойдетъ только между ними двумя. Изъ прочихъ кандидатовъ,
успѣхъ которыхъ несравненно сомнительнѣе, мы остановимся на г-жѣ
Викторіи Вудгалъ, выставленной кандидатомъ на президентство митин-
гомъ социальныхъ реформаторовъ, и мулатъ Фредерикъ Дугласъ,

который тѣмъ-же митингомъ объявленъ кандидатомъ въ вице-президенты. Конечно, партія гражданской и политической эмансипаціи женщинъ дѣлаетъ все возможное, чтобы поддержать эти кандидатуры. Болѣе дѣятельные изъ ея членовъ разъѣзжаютъ по городамъ Соединенныхъ штатовъ и собираютъ митинги, основываютъ новыя газеты, издають книги и пр. Интересно соединеніе этихъ двухъ кандидатуръ: женщины и мулата, т. е. представителей двухъ фракцій, которыя добиваются многихъ правъ, до сихъ поръ еще не предоставленныхъ имъ закономъ. Нигдѣ дѣвушка не пользуется такой значительной свободой, какъ въ Соединенныхъ штатахъ, но потому-то, можетъ быть, нигдѣ она такъ энергически не хлопочетъ о расширеніи ея политическихъ и гражданскихъ правъ, какъ въ американской республикѣ.

У мистриссъ Викторіи Вудгалъ есть сестра, чрезвычайно мужественная дѣвица, миссъ Клефлинъ, которой удалось пріобрѣсти большую симпатію негровъ. Она избрана полковникомъ 85 полка національной гвардіи въ Нью-Йоркѣ, сформированнаго почти исключительно изъ негровъ. Въ этомъ полку 900 солдатъ; 650 изъ нихъ не могли пріобрѣсти себѣ необходимую обмундировку; они объявили, что выберутъ своимъ полковникомъ всякаго, кто согласится принять на себя расходы на ихъ полное обмундированіе. Миссъ Клефлинъ рѣшилася произвести эту значительную затрату и была избрана полковникомъ при восторженныхъ рукоплесканіяхъ своихъ новыхъ подчиненныхъ. Она благодарила свой полкъ рѣчью, въ которой сказала о правахъ женщинъ, о Жаннѣ Даркъ, о требованіяхъ рабочихъ, о высокой наемной платѣ квартиръ, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и пр. ¹⁾ Такимъ образомъ къ женщинамъ, медикамъ, ученымъ, педагогамъ, адвокатамъ, банкирамъ и др. присоединилася женщина-полковникъ, и съ этихъ поръ въ Соединенныхъ штатахъ военное поприще, по крайней мѣрѣ, по выбору, открыто для женщинъ.

Такъ-какъ мы уже упомянули о Фредерикѣ Дуглазѣ, то воспользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательно хорошемъ человѣкѣ, умномъ публицистѣ, превосходномъ ораторѣ, имя котораго неразрывно связано съ именами Линкольна и Джона Броуна. «Древность сдѣлала-бы изъ него героическую личность. Его жизнь похожа на легенду; она составляетъ эпопею изъ жизни американскаго

¹⁾ Эта норма допущена законодательствомъ штата Нью-Йорка. Грантъ, желая имѣть за себя большее число голосовъ, хлопочетъ, чтобы этотъ честный законъ сдѣлался закономъ общимъ для всего союза.

рабства», говорить о немъ его біографъ, негръ Мельвилъ Блонкуръ, котораго гваделупскіе негры избрали своимъ представителемъ во французское національное собраніе.

Дугласъ мулатъ; онъ происходитъ отъ бѣлаго и негритянки. Его воспитала бабушка. Его мать, работница на плантаціяхъ, для того, чтобы видѣть своихъ дѣтей, принуждена была дѣлать взадъ и впередъ около пятидесяти верстъ. Но и это утѣшеніе было у нея отнято, когда ей пришлось работать на другой, болѣе отдаленной фермѣ. Она умерла вдали отъ своихъ дѣтей въ то время, когда маленькому Фредеріку было только 8 лѣтъ. «Точно она умерла въ морѣ, во время плаванія, говоритъ Дугласъ въ своихъ мемуарахъ:—никто не зналъ, гдѣ ея могила... къ чему ставить крестъ или надгробный памятникъ надъ могилой рабыни-негритянки!?» Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти матери Фредерикъ былъ отосланъ въ Балтимору для прислуги въ домѣ одной изъ дочерей своего господина, недавно вышедшей замужъ. Онъ нашелъ въ мистриссъ Андъ—запомнимъ это имя, которое несравненно болѣе достойно, чтобы о немъ не забыли, чѣмъ имена многихъ генераловъ и министровъ, — онъ нашелъ въ ней покровительницу, благосклонность которой къ нему дошла до того, что она выучила его читать, хотя законы штата строго воспрещали дѣлать такую поблажку рабамъ. Но вскорѣ мужъ этой благородной дамы узналъ о такомъ нарушеніи законовъ и «философіи» рабства; онъ страшно перепугался и поспѣшилъ водворить порядокъ, но было уже слишкомъ поздно. Юный ученикъ обладалъ уже талисманомъ, который послужилъ ему не только къ завоеванію себѣ свободы, но впоследствии помогъ ему приобрести самыя высшія знанія. Научившись читать, онъ самъ, безъ посторонняго указанія, выучился писать и счисленію. Въ это время ему пошелъ семнадцатый годъ. Непреодолимая жажда все изучить, все знать развила въ немъ самыя благородныя чувства. Онъ сталъ думать, сталъ размышлять... Такія качества въ рабѣ не могли нравиться его господину, который поспѣшилъ отъ него избавиться, отдавъ его въ наемъ нѣкому Ковэю, извѣстному за удивительнаго укротителя негровъ, въ головахъ которыхъ зародится идея о свободѣ. Какъ-то разъ Ковэй бросился на Дугласа съ намѣреніемъ его ударить. «Остановитесь! закричалъ юный Фредерикъ, — если вы меня ударите, я вамъ отвѣчу тѣмъ-же!» Началась борьба; рабъ осилилъ и поверженный господинъ взмолилъ о пощадѣ. Эта побѣда могла-бы дорого стоить Дугласу; по всей вѣроятности, его застѣкли-бы до смерти. Не желая подвергнуться такой участи, онъ бѣжалъ. Онъ достигъ Нью-Йорка, откуда переселился въ

Нью-Бедфордъ, гдѣ женился и два года жилъ тяжелымъ ремесломъ рабочаго конопатчиба.

Въ 1841 году (ему тогда было 24 года), въ Нантуки, онъ своей рѣчью открылъ засѣданіе анти-рабовладѣльческаго конвента и своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ наэлектризовалъ все собраніе. На этомъ митингѣ Дугласъ былъ сдѣланъ агентомъ аболиціонистскаго общества въ Масачусетсѣ.

Съ этого времени Дугласъ сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ освобожденія своихъ братьевъ и, благодаря таланту, его проповѣдь вездѣ сопровождалась успѣхомъ. Онъ объѣхалъ всѣ штаты Новой Англіи, и въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, гдѣ онъ останавливался, онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ доказывалъ необходимость уничтоженія невольничества. Въ 1845 году онъ напечаталъ свою «Автобіографію» и отправился въ Англію, гдѣ аболиціонисты приняли его съ энтузіазмомъ. Два года онъ пробылъ въ Англіи и объѣхалъ ея главнѣйшіе города, вездѣ пропагандируя свою идею освобожденія рабовъ. Въ 1847 году онъ возвратился въ Соединенные штаты и не замедлилъ доказать, что его энергія нисколько не ослабла; на трибунѣ по прежнему раздавался его могучій голосъ; въ аболиціонистскихъ газетахъ по прежнему печатались его страстныя статьи въ защиту угнетенныхъ. Въ 1855 году онъ сдѣлалъ новое изданіе своей «Автобіографіи», подъ заглавіемъ: «Мое рабство и мое освобожденіе», и эта книга имѣла блистательный успѣхъ.

Во время войны съ рабовладѣльцами, доставившей торжество его задушевной идеѣ, Дугласъ работалъ, если возможно, съ еще большей энергіей и неутомимостью, чѣмъ прежде, и перомъ, и живымъ словомъ. Его два сына, въ качествѣ волонтеровъ, поступили въ дѣйствующую армію. Этому благородному человѣку удалось, наконецъ, порадоваться, что цѣль, къ осуществленію которой была направлена вся его дѣятельность, наконецъ, осуществилась: рабы были освобождены и получали политическія и гражданскія права американскихъ гражданъ.

Въ 1866 году Дугласъ, принявъ на себя защиту дѣла освобожденныхъ негровъ, вступилъ въ борьбу съ президентомъ Андрью Джонстономъ и побѣдоносно отрицалъ жалкіе софизмы, которыми президентъ думалъ доказать рановременность дарованія освобожденнымъ невольникамъ избирательныхъ правъ. Вскорѣ за этимъ Дугласъ былъ избранъ вице-президентомъ республиканскаго конвента въ Филадельфіи. Одинъ изъ представителей, присланныхъ въ конвентъ юж-

ными штатами, счелъ себя скандализированнымъ тѣмъ, что бывшій невольникъ удостоенъ такой высокой чести.

«Да, вы правы: въ этомъ конвентѣ я представляю черную расу. Мои волосы, форма моего носа слишкомъ очевидно указываютъ мое происхождение. Но, съ другой стороны, я представляю также бѣлую расу, что также не подвержено сомнѣнію: прочтите демократическія газеты и вы тамъ найдете, что небольшой долей таланта, какая у меня оказывается, я обязанъ тому обстоятельству, что въ моихъ венахъ течетъ частица крови бѣлой расы. Насколько я могу судить по собственному опыту и по гармоніи двухъ расъ, которыя существуютъ въ моей личности, я могу васъ увѣрить, что нѣтъ никакой причины опасаться, что когда-нибудь возникнетъ борьба между двумя расами въ нашемъ политическомъ и социальномъ тѣлѣ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Дугласъ сдѣлался редакторомъ «New National Era», одного изъ самыхъ искреннихъ и самыхъ честныхъ органовъ американской прессы. Въ 1868 году Бичеръ-Стоу посвятила ему нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ книгѣ «Men of our Times» (люди нашего времени); а республиканская партія одно время предполагала выставить его кандидатомъ въ вице-президенты Соединенныхъ Штатовъ.

Дугласъ такъ симпатиченъ и столько оказалъ услугъ, что многіе желаютъ видѣть его президентомъ Соединенныхъ Штатовъ скорѣе, чѣмъ Гранта, который къ тому-же уже отбылъ четырехлѣтній терминъ, и, конечно, несравненно охотнѣе, чѣмъ Грили, ренегата своей партіи, человека честнаго между плутами и далеко небезукоризненнаго между людьми честными.

Перемена президента въ Соединенныхъ Штатахъ оказываетъ на ходъ государственныхъ дѣлъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ перемена царствующей династіи въ европейскихъ государствахъ потому, что вмѣстѣ съ президентомъ переменяются всѣ чиновники отъ перваго до послѣдняго. Въ Европѣ-же смѣна династій, смѣна министерствъ очень мало вліяютъ на ходъ административной машины, такъ-какъ большая часть чиновниковъ остается на своихъ мѣстахъ. Во Франціи, напримѣръ, гдѣ въ послѣдніе сорокъ лѣтъ произошло нѣсколько послѣдовательныхъ смѣнъ системъ управленій, можно еще найти чиновниковъ, которые начали службу при Карлѣ X, продолжали ее при

Люи-Филиппъ, при второй республикѣ, при президентствѣ принца Наполеона, при второй имперіи, при республикѣ 4 сентября и, наконецъ, служащихъ и теперь при республикѣ Тьера. Имперіи, республики и монархіи проходятъ во Франціи, а канцеляріи остаются нетронутыми; время отъ времени народъ подымается, желая измѣнить ненавистную ему политическую и экономическую систему, но восторжествуетъ-ли возстаніе или оно будетъ подавлено, перья одинаково скрипятъ въ канцеляріяхъ и водятъ ихъ по бумагѣ одни и тѣ же лица.

Въ Соединенныхъ штатахъ, напротивъ, смѣна президента сопровождается смѣной рѣшительно всѣхъ чиновниковъ. «Населеніе нашей страны, пишетъ одинъ анонимный писатель Соединенныхъ штатовъ, — раздѣлено на двѣ партіи, которыя жѣруются своими силами при каждыхъ президентскихъ выборахъ и, такимъ образомъ, борются между собой за преобладаніе. Какъ только сдѣлается извѣстнымъ, на чьей сторонѣ осталась побѣда, побѣдившая партія немедленно отставляетъ всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ на мѣста существовавшихъ правительствомъ и замѣщаетъ ихъ своими сторонниками. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ введеніемъ въ дѣйствіе новой политической системы, правительство необходимо должно произвести перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи; но сущая негѣпость и даже неблаговидно отстранять отъ должностей людей способныхъ и дѣльныхъ изъ числа второстепенныхъ агентовъ администраціи, каковы, напримѣръ, почтмейстеры, сборщики податей, почтальоны, лоцмана, смотрителя надъ разными работами въ портахъ и пр. Перемѣна всѣхъ безъ исключенія чиновниковъ, начиная съ министровъ и посланниковъ до послѣдняго зажигающаго маяка, зависитъ вполне отъ президента и, такимъ образомъ, онъ является безусловнымъ распорядителемъ судьбы сорока тысячъ человѣкъ. Правда, назначеніе на нѣкоторыя должности должно быть утверждено сенатомъ; но почти не бывало примѣра, чтобы сенатъ отказалъ въ своемъ утвержденіи... Напротивъ, президентъ во всякое время можетъ смѣстить чиновника и никому не отдаетъ въ томъ отчета. Если чиновникъ не понравится президенту или которому-нибудь изъ его секретарей, онъ получаетъ такую записку: «Имѣемъ честь увѣдомить васъ, что мы не находимъ необходимости удерживать васъ на службѣ». Послѣ этого чиновнику остается нахлобучить свою шляпу и удалиться. Никакое объясненіе не принимается; чиновникъ не можетъ даже требовать, чтобы ему сказали, за что именно онъ удаленъ отъ должности...

Легкость смѣны чиновниковъ привела къ тому, что въ Соединен-

ных штатах чиновник хлопочетъ не о томъ, чтобы своей службой угодить публикѣ, — онъ заботится только попасть въ тактъ своему ближайшему начальнику. Если онъ съумѣетъ достигнуть этого, тогда онъ можетъ себѣ позволить очень многое, потому что контроль надъ его дѣйствіями крайне слабъ. Отъ него требуется только одно, чтобы онъ всѣми возможными средствами поддерживалъ вліяніе партіи, которая назначила его на эту должность. Безцеремонное обращеніе съ казной извиняется чиновнику, если онъ не доводитъ дѣла до публичнаго скандала. Въ Соединенныхъ штатахъ очень рѣдки примѣры увольненія чиновниковъ за то, что они переложили деньги изъ казенныхъ сундуковъ въ свои карманы; если это сдѣлано ловко и газеты не подняли шума, «начальникъ покачаетъ головой, замѣтитъ, что надо-же и честь знать, — тѣмъ дѣло и кончится». «Мы слишкомъ богаты, чтобы обращать вниманіе на подобные пустяки», говорятъ янки и успокоиваются на этомъ. Каждый чиновникъ, поэтому, старается получить съ своего мѣста какъ можно болѣе дохода, точно онъ арендуетъ какую-нибудь ферму: онъ знаетъ, что недолго будетъ занимать свое мѣсто. Каждая партія, держа власть въ своихъ рукахъ, старается какъ можно болѣе эксплуатировать ее въ свою пользу: сегодня наслаждается она, завтра придетъ чередъ ея противниковъ. «У насъ нѣтъ чиновниковъ, говорятъ въ Соединенныхъ штатахъ: — у насъ есть только *политики*, распоряжающіеся чиновничьими мѣстами».

Вотъ эти-то *политики* послѣ каждаго президентскихъ выборовъ располагаютъ всѣми чиновничьими мѣстами, если выборы оказались въ пользу ихъ партіи. Они сажаютъ на мѣста своихъ родственниковъ и приближенныхъ, а лучшія изъ нихъ занимаютъ сами. Эти *политики* стоятъ очень дорого Соединеннымъ штатамъ, они эксплуатируютъ общественное дѣло въ свою личную пользу, распоряжаются съ полной безцеремонностью общественными и государственными фондами и нерѣдко оканчиваютъ свою дѣятельность крупнѣйшимъ скандаломъ. Большая часть газетъ находится у нихъ въ рукахъ, про администрацію и говорить нечего, такъ-какъ всѣ административныя учрежденія наполнены ихъ родственниками и клиентами. Они составляютъ изъ себя чрезвычайно прочную, искусно устроенную организацію; каждому члену этой организаціи дается особое дѣло: одинъ занятъ неграми, другіи — ирландцами, третій — нѣмцами, четвертый нибѣтъ дѣло исключительно съ лавочниками, пятый съ духовенствомъ и т. д. Вездѣ у нихъ есть свои люди, есть своя тайная полиція; въ рѣшительный моментъ все готово къ ихъ услугамъ: и газеты, и кабаки,

и разныя увеселительныя заведенія и лавки, и мастерскія. Ученые, подметальщики улицъ, священники, матросы, купцы, рабочіе — всѣ идутъ на назначенный пунктъ и горой стоятъ за дѣло своихъ *политиковъ*. Все находится въ рукахъ этихъ *политиковъ*, они заправляютъ ходомъ государственныхъ дѣлъ и своей системой личной протекціи вносятъ развратъ и безчестность въ администрацію. Во всѣхъ углахъ Соединенныхъ штатовъ можно услышать горькія жалобы на безчестность чиновниковъ, на безсовѣстное направленіе, которое даютъ ходу дѣлъ сами *политики*. Въ Соединенныхъ штатахъ на чиновниковъ смотрятъ теперь непріязненно, и честные люди избѣгаютъ чиновничьей службы; наконецъ, самимъ *политикамъ* невыгодно и даже опасно держать ихъ на службѣ, потому что они выносятъ соръ изъ избы. При такомъ направленіи административная машина Соединенныхъ штатовъ своимъ устройствомъ и дѣятельностью стала походить на биржу: та-же игра, то-же плутовство, тотъ-же азартъ, тотъ-же развратъ, тѣ-же печальныя послѣдствія.

Такое положеніе администраціи необходимо должно привести ихъ къ радикальной реформѣ, которая смететъ всю старую ветошь и введетъ совершенно новый строй, основанный на иныхъ началахъ; или же приведетъ къ неожиданной катастрофѣ, къ разложенію. Политика эксплуатаціи, которой слѣдуетъ теперь администрація Соединенныхъ штатовъ, всегда приводитъ къ матеріальному и моральному банкротству. Поразительный примѣръ этого представляетъ имперія Наполеона III, которая началась грабежемъ; утвердилась плутовскими банковыми операціями; разграбила лѣтній дворецъ въ Пекинѣ; предприняла нецѣлѣсную мексиканскую экспедицію только для того, чтобы дать возможность Морни и его кліентамъ положить нѣсколько милліоновъ франковъ въ свои карманы; которая, послѣ пораженій при Виссамбургѣ и Вертѣ, рѣшалась безстыдно лгать, увѣряя публику, что пруссаки понесли страшное пораженіе въ кровавой битвѣ, — и чѣмъ-же она кончила?—полнѣйшимъ разложеніемъ и смертью. Поразительный примѣръ гибели бонапартовской имперіи на будущее время станетъ историческимъ примѣромъ того, что безнравственность въ политикѣ приводитъ къ самымъ гибельнымъ результатамъ. Конечно, какъ воздухъ, которымъ дышетъ человѣкъ, заключаетъ въ своемъ составѣ углекислоту, гибельную для дыханія въ большомъ количествѣ, такъ и политическое тѣло можетъ вынести безъ особаго вреда для себя довольно значительную дозу безнравственности. Но если, по словамъ пословицы, нельзя злоупотреблять добродѣтелью, тѣмъ болѣе нельзя злоупотреблять порочною; и несомнѣнно, что въ группѣ

государствъ, подобно тому, какъ въ группѣ отдѣльныхъ личностей, хуже всѣхъ будетъ тому, кто всѣхъ безнравственнѣе. Конечно, въ Соединенныхъ штатахъ теперь еще нельзя найти даже и признаковъ разложенія, но не надо забывать, что американцы, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону двигаются несравненно быстрѣе, чѣмъ другія націи, и кто знаетъ, что случится съ ними, если они не примутъ рѣшительныхъ мѣръ противъ страшнаго зла, деморализующаго ихъ администрацію!

Такъ говорятъ Соединеннымъ штатамъ ихъ истинные друзья, которые видятъ грозящую опасность и желаютъ предупредить ее. Несомнѣнно, что если только народъ Соединенныхъ штатовъ захочетъ, онъ легко можетъ, имѣя власть въ рукахъ, радикально реформировать свою испорченную администрацію, но необходимо, чтобы онъ захотѣлъ сдѣлать это серьезно, и не захотѣлъ слишкомъ поздно.

«Наша гражданская служба, говорятъ въ Соединенныхъ штатахъ, — представляетъ учрежденіе, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Она не подчинена никакой системѣ; въ ней царствуетъ полнѣйшій произволъ. Для занятія какой-либо должности, кромѣ судейской, не требуется никакой предварительной подготовки, достаточно принадлежать къ торжествующей партіи, чтобы занять самую высшую административную должность. Эта система, заключающаяся въ отсутствіи всякой системы, открыла доступъ къ административнымъ должностямъ всякимъ невѣждамъ, всякимъ мошенникамъ, и привела только къ тому результату, что чиновники у насъ составляютъ самый испорченный классъ населенія. Административная испорченность — это ахиллесова пятка нашей республики.»

Знаменитая поговорка Андрью Джэксона «To the victor the spoils» (т. е. побѣдителю мѣста и деньги) логично и пагубно привела къ лихоимству и симоніи. *Политики* стали торговать мѣстами; за свой голосъ и политическое вліяніе стало возможно получать у нихъ мѣста, дающія деньги. Можно представить себѣ, какая торговля идетъ теперь, чтобы обезпечить успѣхъ кандидатуры Грили, такъ какъ съ этимъ успѣхомъ связана раздача всѣхъ административныхъ должностей новымъ претендентамъ. *Политики*, въ рукахъ которыхъ находится раздача должностей, уже намѣтили, кому достанется какое мѣсто. Подобно тому, какъ это дѣлается на биржѣ, они продаютъ акціи предпріятія, существующаго только на бумагѣ. Депутаты, сторонники кандидата, разъѣзжаютъ по городамъ и фермамъ и даютъ письменныя обѣщанія, что «если такой-то подастъ голосъ за такого-то кандидата, то въ случаѣ избранія этого кандидата прези-

дентомъ, вотировавшій получить такое-то мѣсто.» Тотчасъ-же послѣ выбора президента онъ является къ его секретарямъ, показываетъ письмо и получаетъ мѣсто. Приобрѣтеніе письма стояло ему не мало денегъ и не удивительно, что, получивъ мѣсто, онъ постарается съ лихвою возратить свои расходы.

Административное воровство обратилось въ хроническую болѣзнь въ Соединенныхъ штатахъ и оно уже никѣмъ не порицается. Напротивъ, воръ въ иныхъ случаяхъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Известный мошенникъ Твидъ только тогда былъ избранъ сенаторомъ, когда о немъ стали говорить, какъ о знаменитомъ грабителѣ. Чудовищный грабежъ нью-іоркскаго муниципалитета, составленнаго изъ демократовъ, тогда только подвергся осужденію, когда дѣйствія этого муниципалитета произвели публичный скандалъ. Булокъ, губернаторъ штата Георгія, укралъ цѣлый милліонъ долларовъ; всѣ знали объ этой кражѣ, однакожь позволили ему спокойно уѣхать въ Нью-Іоркъ, гдѣ онъ зажилъ на широкую ногу и имѣетъ обширный кругъ знакомства. Штаты обратились теперь въ сатрапіи и служатъ для обогащенія губернаторовъ и главнѣйшихъ чиновниковъ. Уже пора честнымъ гражданамъ въ Соединенныхъ штатахъ съ должной энергіей приняться за дѣло и избавить страну отъ новтorenія возмутительныхъ продѣлокъ, подобныхъ слѣдующимъ:

Въ 1866 году штатъ Алабама, имѣющій одинъ милліонъ населенія, заключилъ заемъ въ пять милліоновъ долларовъ на военныя издержки. Наступилъ миръ, этотъ долгъ былъ выплаченъ, но въ 1871 году алабамцы узнаютъ, что они должны теперь 24 милліона долларовъ. Пять лѣтъ мирнаго времени упятерили сумму ихъ долга, заключеннаго на военныя издержки. Откуда взялся такой чудовищный дефицитъ? Онъ произошелъ отъ того, что пришлось значительно увеличить какъ число чиновниковъ, такъ и жалованье имъ, которые не замедлили, каждый въ своей сферѣ, увеличить общественные расходы.

То-же самое въ южной Каролинѣ, имѣющей 706,000 жителей. Долгъ этого штата въ 1860 году простирившійся до 14-ти милліоновъ долларовъ, возросъ въ 1865 году до 20, а въ 1871 году до 30-ти милліоновъ; слѣдуетъ прибавить, что въ этотъ періодъ съ 1860—1871 годъ расходъ на жалованье чиновникамъ возросъ съ 124,000 до 582,000 долларовъ. Всѣ эти безотрадныя факты заимствованы нами изъ статьи американскаго корреспондента газеты «Allgemeine Zeitung».

Со всѣхъ сторонъ въ Соединенныхъ штатахъ раздаются требованія

радикальной реформы. Каждая партія заявляетъ объ этомъ и дѣлаетъ изъ реформы боевое оружіе противъ своего противника. Республиканцы, поддерживающіе Гранта, безпрестанно твердятъ о безобразіяхъ, совершенныхъ нью-іоркской муниципальною администраціей, въ составъ которой входили исключительно представители демократической партіи. Въ свою очередь демократы не остаются въ долгу; они также толкуютъ о мошенничествахъ господствующей теперь партіи и называютъ нѣсколько именъ людей, къ несчастію, довольно близкихъ къ Гранту, у которыхъ также рыльце въ пуху. Испорченность администраціи — такова тема многочисленныхъ рѣчей Шюрца и Трумбула, которыми они поражаютъ Гранта. Офіціально президентъ осуждаетъ злоупотребленія своей администраціи и предлагаетъ конгрессу и сенату принять какія-нибудь мѣры для ослабленія этого зла; но ни для кого не тайна, что люди близкіе къ президенту противятся всякой серьезной реформѣ въ этомъ направленіи. Куртисъ, напримѣръ, высказываетъ такое мнѣніе, что для чиновника, занимающаго мѣсто съ жалованьемъ отъ тысячи до трехъ тысячъ долларовъ, достаточно знать читать, писать, немного грамматики и орфографію! Генераль Бутлеръ въ другой нѣсколько формъ повторяетъ поговорку Джексона и замѣчаетъ, что мѣста чиновниковъ слѣдуетъ давать не какимъ-нибудь ученымъ педантамъ, а большинству народа; другими словами, что они всецѣло принадлежатъ торжествующей партіи. Сенаторъ Мортонъ идетъ далѣе всѣхъ: онъ утверждаетъ, что «нигдѣ не существуетъ такихъ честныхъ и способныхъ чиновниковъ, какъ въ Соединенныхъ штатахъ». Подобныя-же слова повторялись и въ законодательномъ собраніи Наполеона III-го, когда оппозиція требовала реформъ въ законодательствѣ о префектахъ и судебномъ вѣдомствѣ. «Подумали-ли вы, господа, о томъ, чего вы требуете? отвѣчалъ въ такомъ случаѣ Руэ, Морни или Бильо.—Вы затрогиваете администрацію и магистратуру, которымъ завидуетъ вся Европа!» Слѣдственная комиссія о подрядахъ, которые утверждались министрами второй имперіи, дала теперь ясное понятіе, какова была эта образцовая администрація!

Въ ежемѣсячной политической хроникѣ невозможно подробно разобрать важный вопросъ о чиновничествѣ, составляющій одинъ изъ самыхъ значительныхъ отдѣловъ соціальной науки; не менѣе трудно въ подобной статьѣ точно формулировать теоріи административной реформы, применимой во всѣхъ странахъ вообще и въ частности въ Соединенныхъ штатахъ.

Между неподвижностью французскаго чиновника, который остается неизмѣнно агентомъ политической власти, въ какой-бы формѣ она ни

выразилась, и непрочнымъ существованіемъ американскаго чиновника, зависимаго отъ случайностей каждаго президентскихъ выборовъ, по-видимому, громадное разстояніе. Французскій чиновникъ крѣпко сидитъ на своемъ мѣстѣ. Американскій-же чиновникъ въ одно и то-же время и слишкомъ, и недостаточно обезпеченъ отъ случайностей. Онъ слишкомъ обезпеченъ отъ случайностей потому, что самый худшій изъ чиновниковъ можетъ рассчитывать почти навѣрное, что пока его партія будетъ держать власть въ своихъ рукахъ, онъ будетъ благоденствовать и не потеряетъ мѣста даже и въ томъ случаѣ, если дѣйствія его далеко не безукоризненнаго свойства. Но онъ слишкомъ мало обезпеченъ, потому что дѣльный и честный чиновникъ хорошо знаетъ, что пройдетъ четыре года и если его партія будетъ побѣждена, его непремѣнно поговятъ въ отставку.

Однакожь французская и американская системы, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, имѣютъ одну общую черту, дающую имъ поразительное сходство. И при той и при другой системѣ чиновникъ подчиняетъ свои служебныя обязанности существующей политикѣ. Правда, во Франціи чиновникъ считаетъ себя агентомъ абстрактнаго правительства, а въ Америкѣ онъ служитъ той или другой партіи; но ни въ той, ни въ другой странѣ чиновника нельзя назвать свободнымъ гражданиномъ въ настоящемъ значеніи этого слова: онъ—существо вполне безправное передъ лицомъ своего начальника. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почти безотвѣтственъ за свои дѣйствія. Но тамъ не можетъ быть истинной нравственности, гдѣ нѣтъ дѣйствительной и непрерывной отвѣтственности. Безотвѣтственный чиновникъ легко впадаетъ въ самодурство, его дѣйствія отличаются безшабашнымъ произволомъ и имѣютъ характеръ полнѣйшей испорченности.

Административная реформа должна клониться къ тому, чтобы чиновникъ, при исполненіи административныхъ обязанностей, не забывалъ, что онъ гражданинъ и человекъ, отвѣтственный за свои поступки. Получая приказанія центральной власти, онъ долженъ приводить ихъ въ исполненіе съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ нуждамъ людей, которыхъ они касаются. Но чтобы онъ могъ одинаково удовлетворять требованіямъ центральной власти и общественнаго мнѣнія, не слѣдуетъ слишкомъ стѣснять его личную инициативу; необходимо, чтобы его права вполне соответствовали его обязанностямъ. Въ Соединенныхъ штатахъ общественное мнѣние слишкомъ недостаточно влияетъ на чиновника. Оно, правда, полагаетъ предѣлы его злоупотребленіямъ, но, къ сожалѣнію, за этими предѣлами остается еще слишкомъ много мѣста произволу и испорченности.

Въ дѣйствительности, общественное мнѣніе въ Соединенныхъ штатахъ относится слишкомъ снисходительно къ лихоимству и казнокрадству чиновниковъ, обогащающихся на счетъ частныхъ лицъ, обществъ и государства. Главнѣйшая забота американцевъ состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ. Чѣмъ-бы ни пріобрѣтались деньги: отдачей-ли внаймы церковей, научными знаніями, торговлей бакалейными товарами, продажей свиней и, наконецъ, даже отправленіемъ должности чиновника для американца все равно, лишь-бы только они пріобрѣтались. Деньги, по словамъ Веспасіана, не имѣютъ запаха; американцы раздѣляютъ это мнѣніе и не любятъ доискиваться, откуда взялись онѣ у извѣстнаго человѣка. Поэтому нерѣдки случаи, что одинаковымъ уваженіемъ общества пользуются какъ директоръ таможи, такъ и ловкій контрабандистъ. Если какой-нибудь торговецъ объявляетъ себя банкротомъ и становится имъ дѣйствительно, его презираютъ, но если онъ, объявивъ себя банкротомъ, выкинетъ какую-нибудь ловкую мошенническую штуку и станетъ еще богаче, его кредитъ нисколько не упадетъ. Пусть чиновникъ лихоимствуетъ сколько ему угодно, лишь-бы онъ щипалъ курицу такъ ловко, чтобы она не кричала, — на него не станутъ обращать никакого вниманія, но если онъ настолько неловокъ, что не умѣетъ хоронить концы въ воду и дастъ себя изловить или слишкомъ публично скандализируетъ себя плутовствомъ, — его не пощадятъ.

Надобно отдать справедливость американцу, что если онъ пріобрѣтетъ деньги, онъ умѣетъ ими распорядиться лучше всякаго другого. Нигдѣ въ Европѣ нельзя встрѣтить такія крупныя жертвы частныхъ лицъ на госпитали, университеты, музеи, первоначальныя школы, какъ въ Соединенныхъ штатахъ. Здѣсь деньги пріобрѣтаются легко, также легко отдаются они на полезныя предпріятія. Но пока американецъ не пріобрѣтетъ денегъ, и очень много денегъ, онъ скупъ и жаденъ. На сколько американецъ жаденъ къ пріобрѣтенію денегъ, настолько онъ неумѣренъ въ пищѣ; онъ ѣстъ много, такъ много, что его желудокъ съ трудомъ перевариваетъ массу съѣденнаго и выпитаго. Въ сочиненіи г-жи Олимпіи Одуардъ «Voyage aux Etats-Unis» (по правдѣ сказать, книжонкѣ весьма посредственной) находится слѣдующее интересное мѣсто, которое даетъ нѣкоторое понятіе о вкусѣ американцевъ:

«Американецъ не имѣетъ никакого понятія о поваренномъ искусствѣ. Всѣ блюда, которыя онъ употребляетъ въ пищу, плохо приготовлены и нездоровы. Сущъ совершенно неизвѣстенъ въ Америкѣ. Если вы станете настаивать, чтобы его вамъ приготовили, вамъ по-

ладутъ или кипяченую воду, въ которой плаваютъ стручья кайенскаго перца, или-же горячую воду, съ вареными устрицами, сильно приправленную чернымъ перцемъ. О хорошемъ жаркомъ нечего и думать. Говядина плохого качества и всегда плохо зажарена. А то подадутъ вамъ курицу въ нѣсколькихъ перемѣнахъ: курица подь бѣлымъ или краснымъ соусомъ; курица просто вареная; курица жареная. Во время обѣда подаются нѣсколько сортовъ весьма тяжелыхъ пирожковъ и знаменитый горячій хлѣбъ, вынутый прямо изъ печи (въ Соединенныхъ штатахъ мало булочныхъ, большинство печеть хлѣбъ у себя, на дому). Салатъ подается безъ всякой приправы; зелень посыпаютъ солью и перцемъ и ѣдятъ ее въ натуральномъ видѣ. Американцы очень любятъ сырую капусту. Прибавьте ко всему, что всѣ эти кушанья запиваются молокомъ и замороженнымъ лимонадомъ! Не трудно понять, что американцы, при такой системѣ питанія, вѣчно страдаютъ желудочными болями. Какой-же желудокъ вынесетъ подобное нелѣзное питаніе?»

Ко всему этому надо прибавить, что американецъ ѣсть быстро; онъ вѣчно торопится. Точно также, какъ пищу физическую, онъ принимаетъ и пищу интеллектуальную. И здѣсь онъ торопится, и здѣсь онъ думаетъ больше о количествѣ, чѣмъ о качествѣ. Сдѣлавъ какую-нибудь хорошую аферу, онъ спѣшитъ въ Европу и посвящаетъ мѣсяца три на путешествіе по ней. Въ это короткое время онъ желаетъ отдохнуть, наслаждаться, знакомиться съ европейской цивилизаціей, съ европейскимъ искусствомъ и кончаетъ, разумеется, тѣмъ, что устаетъ. Онъ совершенно разочаровывается, осмотрѣвъ съ одинаковымъ интересомъ милосскую Венеру и пушку Крупа; посѣтивъ въ одинъ и тотъ-же день мазасскую тюрьму, смоляной заводъ, политехнической институтъ и кладбище отца Лашеза; объѣхавъ въ Европѣ все, что стоитъ видѣть, начиная отъ лондонскихъ доковъ и кончая Везувіемъ; увидѣвъ массу зоологическихъ, этнографическихъ, геологическихъ, минералогическихъ и другихъ коллекцій; осмотрѣвъ на скоро знаменитыя галереи, гдѣ собраны лучшія картины и статуи старинныхъ и новѣйшихъ художниковъ и скульпторовъ. Онъ увидѣлъ слишкомъ много для того, чтобы составить объ этой массѣ какое-нибудь ясное понятіе. Американецъ страстно желаетъ знать какъ можно больше, онъ торопится узнавать, торопится жить; многіе изъ американцевъ умираютъ не живя; они проходятъ жизнь чуть не со скоростію локомотива, который летитъ съ поразительной быстротой мимо городовъ, селъ, луговъ, лѣсовъ, пустынь; летитъ въ опредѣленные часы, съ опредѣленной скоростію. Недостатки американцевъ—

недостатки народа молодого; съ теченіемъ времени они, конечно, исчезнуть и замѣнятся другими недостатками, свойственными болѣе зрѣлымъ народамъ. Есть-ли народъ, у котораго не было-бы вовсе недостатковъ? У всѣхъ есть свои недостатки, но у многихъ-ли есть добродѣтели, которыми отличается американскій народъ, и которыя возвели его на высокую степень цивилизаци и обезпечили ему благосостояніе, превосходящее благосостояніе всѣхъ прочихъ народовъ на землѣ!

Такъ-какъ мы заговорили о дурныхъ сторонахъ жизни американскаго народа, скажемъ кстати о безобразномъ пьянствѣ, которое наноситъ страшный ущербъ Соединеннымъ штатамъ, какъ въ моральномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Употребленіе извѣстныхъ напитковъ всегда находится въ прямомъ соотношеніи съ употребленіемъ извѣстной пищи, и знаменитая поговорка Саварэна: «Скажи мнѣ, что ты ѣшь; и я скажу тебѣ, что ты пьешь» — вполне основательна. Американцы ѣдятъ плохо; въ болѣе глухихъ мѣстахъ постоянной пищей служитъ свинина во всѣхъ видахъ, въ особенности очень горячіе, но плохо выпеченные пироги со свининой. Послѣ такого обѣда невольно является необходимость выпить стаканъ ликеру, водки, джину или виски. Люди, получившіе привычку къ очень крѣпкимъ напиткамъ, легко дѣлаются пьяницами; въ Соединенныхъ штатахъ выпивается поразительное количество алкоголя: на каждого жителя (считая женщинъ и старыхъ и ребятъ) приходится около двухъ ведеръ въ годъ. Такая пропорція превышаетъ потребление алкоголя во Франціи почти въ 10 разъ, въ четыре раза потребление его въ Германіи, и болѣе, чѣмъ вдвое потребление въ Россіи (тоже слишкомъ чрезмѣрное), Швеціи и Бельгіи. Цифра потребления алкоголя въ Соединенныхъ штатахъ взята нами изъ сочиненія доктора Люнье, въ которомъ онъ разсматриваетъ степень вліянія алкоголическихъ напитковъ на увеличеніе числа случаевъ сумасшествія и самоубійства. По изслѣдованіямъ этого медика оказывается, что въ послѣдніи двадцать лѣтъ, когда потребление алкоголическихъ напитковъ во Франціи почти удвоилось, цифра сумасшествій и самоубійствъ отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ увеличилась противъ средней нормы прежняго періода для мужчинъ на 59%, для женщинъ на 54%. Дѣти отъ родителей, употреблявшихъ спиртные напитки, рождаются или идиотами или одержимыми англійскою болѣзнію, и 50% изъ нихъ остаются слабыми и немощными всю жизнь. Цифры, выведенныя Люнье для Франціи, возбуждаютъ опасенія; но если по этому расчету опредѣлить цифры для Соединенныхъ штатовъ, онѣ могутъ привести

въ ужасъ; въ этотъ періодъ потребление алкоголя въ Соединенныхъ штатахъ учетверилось и, если вѣрить защитникамъ карательныхъ законовъ противъ пьянства, здѣсь одинъ пьяница приходится на 9 человекъ населенія.

Лучшіе люди въ Соединенныхъ штатахъ заняты теперь страшнымъ вопросомъ о пьянствѣ; они стараются отыскать какое-нибудь радикальное средство для ослабленія этого, постоянно усиливающагося зла. Прежде всего составилось множество обществъ трезвости, члены которыхъ дали клятву ни подъ какимъ видомъ не употреблять ни водки, ни вина, ни даже пива. Они приобрѣли настолько вліянія, что въ нѣкоторыхъ штатахъ добились изданія закона, запрещающаго продажу спиртныхъ напитковъ не только въ воскресенье, но и въ другіе дни... Что-жъ изъ этого воспослѣдовало? А то, что любители спиртныхъ напитковъ, не имѣя уже возможности покупать ихъ, обратились къ опиуму и стали употреблять его на манеръ китайцевъ, т. е. курить. Въ номерѣ бостонской газеты «Daily Evening Transcript», вышедшемъ 19 мая 1872 года, сообщаютъ, что пагубная привычка курить опиумъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливается въ самомъ образцовомъ изъ штатовъ союза, въ Массачусетсѣ. Докторъ Оливье въ своемъ докладѣ совѣту общественнаго здоровья, говорить, что невозможно точно вычислить цифру курителей опиума, но что, во всякомъ случаѣ, цифра эта довольно значительная.

Точныя изслѣдованія доказываютъ, что кромѣ пищи въ Соединенныхъ штатахъ не менѣе важнымъ поводомъ къ пьянству служитъ скука, поражающая американцевъ, чрезмѣрно занятыхъ погоней за приобрѣтеніемъ денегъ. Всю недѣлю янки неутомимо хлопочетъ о наживѣ, приходитъ воскресенье—и пуританское ханжество запрещаетъ ему всякое развлеченіе и гонитъ его насильно въ церковь для выслушанія проповѣди. Для уменьшенія сильныхъ страданій при операціяхъ и другихъ случаяхъ медики употребляютъ средства, приводящія нервы въ безчувственное состояніе. Пьянство принадлежитъ къ подобнымъ средствамъ; къ нему и прибѣгаютъ люди, которыхъ одолеваетъ страшная скука; въ воскресные и праздничные дни въ Соединенныхъ штатахъ идетъ почти повальное пьянство: пьютъ въ городахъ, пьютъ въ селахъ; пьютъ мужчины, пьютъ женщины. Пьянство представляетъ собою симптомъ болѣзненнаго разстройства всего соціальнаго организма; чтобы уничтожить пьянство, необходимо устранить его причины, которыя такъ-же разнообразны, какъ разнообразны причины скуки и страданій. Главнѣйшая причина скуки, конечно,

заключается въ пуританскомъ и методистскомъ ханжествѣ. Лучшее лекарство противъ него открытіе хорошихъ театровъ. Другая серьезная причина пьянства заключается въ дурномъ столѣ; противъ этого лучшее средство—выписать хорошихъ французскихъ поваровъ, которые образуютъ себѣ подобныхъ знатоковъ изъ мѣстныхъ жителей. Выписалъ же нью-іоркскій муниципалитетъ изъ Лондона воробьевъ, которыхъ напустилъ въ свои огромные парки и скверы, — выписалъ онъ ихъ для развлечения, то почему-же ему не устроить школу кулинарнаго искусства, которая должна принести несомнѣнную пользу. Американецъ скучаетъ, потому-что нѣтъ необходимаго разнообразія въ его жизни; каждый занятъ пріобрѣтеніемъ денегъ и исполненіемъ религіозныхъ формальностей, поэтому его жизнь крайне монотонна. Излечите американцевъ отъ ихъ хронической болѣзни—скуки, и вы вмѣстѣ съ тѣмъ излечите ихъ отъ пагубнаго пьянства.

Та-же разъѣдающая скука побуждаетъ американцевъ бросаться въ азартную игру. Къ ней пристращаются не только мужчины, но даже и женщины. Всѣ игроки признаются, что игра возбуждаетъ въ нихъ не особенно пріятныя волненія, такъ-какъ приходится вѣчно оставаться въ проигрышѣ, но лучше волноваться хотя-бы и не совсѣмъ пріятно,—говорятъ они,—чѣмъ вовсе не волноваться. Проигрышъ-же въ свою очередь заставляетъ обращаться къ самому дѣйствительному въ этомъ случаѣ лекарству — къ употребленію крѣпкихъ напитковъ; человекъ напивается и забываетъ о своемъ горѣ. Новый Орлеанъ—истинное Эльдorado игроковъ въ рулетку и ландскнехтъ. То-же самое Бруклинъ подлѣ Нью-Йорка; въ немъ 1,017 конторъ различныхъ лотерей и 163 игорныхъ дома, которые, по словамъ газеты «Ausland» приносятъ своимъ хозяевамъ ежегоднаго дохода около 45 миліоновъ рублей.

Управляющая буржуазія и пѣтисты въ Соединенныхъ штатахъ слишкомъ погрязли въ рутинѣ, чтобы могли понимать значеніе этихъ симптомовъ. Для доказательства мы представимъ извлеченіе изъ отчета о засѣданіи бостонскаго муниципальнаго совѣта, 5 іюня этого года. Рѣчь зашла о томъ, можно-ли разрѣшить открывать бібліотеки въ воскресные дни. Тринадцать церквей и религіозныхъ ассоціацій протестовали противъ такого «оскверненія праздничнаго дня». Ихъ ораторы представляли вѣчное возраженіе, что чтеніе—работа, а біблія запрещаетъ работать по воскресеньямъ. Одинъ альдерменъ заявилъ тогда, что онъ дастъ тысячу долларовъ тому, кто покажетъ въ бібліи мѣсто, гдѣ говорится о запрещеніи работать въ воскресенье... Другой альдерменъ сослался на рѣшеніе судьи Бижелюу, который по-

становилъ, что написаніе завѣщанія въ воскресенье не составляетъ нарушенія закона... Послѣ долгихъ преній собраніе рѣшило, что вопросъ не изслѣдованъ еще достаточно, и что оно выскажетъ свое окончательное рѣшеніе въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій; это засѣданіе уже должно было состояться, но его результатъ намъ пока неизвѣстенъ. И такія пренія происходили въ самомъ просвѣщенномъ городѣ въ Соединенныхъ штатахъ, — томъ самомъ городѣ, который называютъ американскими Афинами!

Не надо забывать, что въ Соединенныхъ штатахъ церковь отдѣлена отъ государства. Это, однакожъ, не мѣшаетъ тому, что здѣсь въ каждомъ большомъ городѣ есть нѣсколько проповѣдниковъ, играющихъ такую-же значительную роль въ направленіи общественныхъ дѣлъ, какую играетъ итальянскій или французскій епископъ у себя въ отечествѣ. Въ Соединенныхъ штатахъ именно люди религіозные, желавшіе имѣть возможно большую свободу для своихъ сектъ, настаивали на отдѣленіи церкви отъ государства, и это отдѣленіе не только не уменьшило власти духовенства, напротивъ, даже увеличило ее. Американцы вообще религіозны, гораздо религіознѣе европейцевъ, вотъ почему тамошнее духовенство не противилось отдѣленію церкви отъ государства: оно не опасалось, что потеряетъ вліяніе. Въ Европѣ дѣла идутъ иначе: въ Англіи, во Франціи, въ Австріи и въ Италіи духовенство всеми возможными средствами противится отдѣленію церкви отъ государства, опасаясь, что потерявъ свое официальное положеніе, оно потеряетъ все свое вліяніе на прихожанъ.

Скука, какъ мы замѣтили выше, составляетъ обычное явленіе въ Соединенныхъ штатахъ; она побуждаетъ гражданъ свободной республики искать лекарства противъ нея въ разныхъ излишествахъ. Та-же скука заставляетъ американца развлекаться разнымъ мистическимъ вздоромъ и возводитъ его на степенъ религіи и философскаго мышленія. Даже въ императорскомъ Римѣ, во время его крайняго упадка; даже въ Византіи, въ самыя худшія времена ея существованія нельзя найти примѣра болѣе нелѣпаго суевѣрія, болѣе грубаго спиритизма, какъ тотъ, который уже двадцать лѣтъ процвѣтаетъ въ Соединенныхъ штатахъ подъ именемъ Spirit rapping (стучащій духъ). Этотъ спиритизмъ представляетъ собою любопытный примѣръ человѣческаго безумія. У краснокожихъ существуютъ болѣе разумныя и менѣе грубыя понятія о душѣ и о духѣ, чѣмъ у спиритовъ, къ которымъ причисляютъ себя самыя фэшенбельныя леди и джентльмены въ Филадельфіи и Вашингтонѣ. Надо изумляться, какъ много глупостей дѣлаютъ эти господа, какія огромныя деньги тратятъ они на вызы-

ваніе духовъ. Черезъ своихъ медіумовъ они узнаютъ все таинственное, неизвѣстное, темное въ теологiи, въ космогонiи, въ геологiи, въ астрономiи, въ исторiи до-историческихъ временъ. Они разговариваютъ съ пророками и мудрецами древности: съ Моисеемъ, Орфеемъ, Платономъ, Езекииломъ; а также съ какими-то фантастическими лицами: Градассо, Урнaso, Карду и Калигорантомъ. За всякой мелочью они обращаются къ тому или другому духу; когда установилась мода носить женщинамъ шиньоны, онѣ обратились къ духамъ за совѣтомъ: должно-ли слѣдовать новой модѣ, или-же чесать волосы по прежнему? Чѣмъ туманнѣе и страннѣе отвѣтъ духа, тѣмъ большую вѣру ему придаютъ, что, впрочемъ, вполне естественно. Нравственная природа американца отравляется его однообразными занятіями въ такой-же мѣрѣ какъ физическая нездоровыми и плохо приготовленными кушаньями. Накой-нибудь бакалейщикъ или торговецъ желѣзнымъ товаромъ, которому опротивѣло его постоянное и единственное занятіе считать деньги, страстно привязывается къ всякимъ мистическимъ теоріямъ, и чѣмъ онѣ нелѣпнѣе, страннѣе, чѣмъ труднѣе объяснить ихъ, тѣмъ съ большей охотой онѣ ихъ принимаетъ. Въ нихъ нельзя отыскать ничего матеріальнаго, а это-то ему и нужно, потому что все матеріальное, основанное на разчетѣ, ему надоѣло до крайности.

Только этимъ страстнымъ желаніемъ познакомиться съ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, что-бы составляло совершенную противоположность съ обыденнымъ, надоѣвшимъ до смерти, можно объяснить появленіе такой секты, какъ Revival (воскресіе), представляющей примѣръ чудовищной религіозной экзальтаци, ставшей теперь почти исключительной принадлежностью Соединенныхъ штатовъ; — экзальтаци, отдающейся въ Англія только какъ слабое эхо; — той экзальтаци, ужасные примѣры которой представляетъ Европа въ средніе вѣка и нѣсколько позже. Секта ревивалей имѣетъ одинаковые источники своего происхожденія, какъ секты: бичующихъ, камизары, конвульсіонеры св. Медарда, какъ пляска св. Витта.

Исторія такого патологическаго явленія, какъ секта ревивалей, чрезвычайно интересна. Въ нынѣшнемъ обзорѣни мы не станемъ ея касаться и остановимся только на новѣйшихъ фактахъ, съ которыми мы ознакомились изъ послѣднихъ нумеровъ американскихъ газетъ.

«Прошлая суббота была праздничнымъ днемъ въ церкви доктора Куйлера въ Бруклинѣ. Сто десять человекъ въ этотъ день были приняты въ общину святыхъ (ревивалей); они послужили началомъ новой жатвы. вмѣстѣ съ вновь присоединенными эта церковь счи-

таетъ теперь 1,540 членовъ. Въ воскресенье табернакль (скинія завѣта) мистера Тэльмега усилилась пятьюдесятью новыми членами. Но самой замѣчательной побѣдой нашей церкви въ нынѣшній сезонъ было присоединеніе къ ней экипажа корабля «Кэтъ Давенпортъ». Капитанъ Дунканъ, сынъ капитана Дункана, хорошо извѣстнаго плимутской церкви, по этому поводу пишетъ намъ слѣдующее:

«Обращеніе началось съ плотника, которому евангельскія истины преподаль боцманъ, членъ церкви матросовъ на Екатерининской улицѣ. Вслѣдъ затѣмъ небесное откровеніе снизошло на всѣхъ; весь экипажъ, до одного человѣка, проникся чувствомъ раскаянія, смѣшаннымъ съ довѣріемъ и страхомъ. Разговоръ принялъ чисто религіозный характеръ. По чистой совѣсти я могу утверждать, что съ этой минуты ни съ однихъ устъ не сорвалось ни одного ругательства. Дольше всѣхъ сопротивлялся старшій лейтенантъ, но и онъ, наконецъ, былъ побѣжденъ послѣ общей торжественной молитвы; во всеуслышаніе заявилъ и онъ о своемъ обращеніи. Почти всѣ люди экипажа подписали свое присоединеніе къ обществу трезвости».

Въ одной американской духовной газетѣ напечатанъ слѣдующій протестъ достопочтеннаго отца Бэкона:

«Весьма дурно, когда тѣ, кто желаетъ получить откровеніе, обращается за нимъ къ пробудителямъ (пророки ревивалей) по ремеслу. Откровеніе должно произойти естественнымъ путемъ. Кто обращается за нимъ къ посреднику, тотъ поощряетъ шарлатанство и увеличиваетъ число обманщиковъ. Пробудитель просто-на-просто обманщикъ; онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ обладаетъ мистическимъ даромъ и служить посредникомъ, принимающимъ откровеніе. Между тѣмъ религіозное откровеніе, какъ и все хорошее въ мірѣ, исходитъ только отъ Бога и, слѣдовательно, не можетъ быть дѣломъ искуснаго фокусника. Никакая человѣческая философія не въ силахъ объяснить пути и средства, съ помощью которыхъ не только единичный грѣшникъ, но и сотни и тысячи грѣшниковъ разомъ раскаяваются въ своихъ прегрѣшеніяхъ и обращаются къ Богу... Во всемъ этомъ есть священная тайна, въ которую не должны виѣшиваться скоморохи и дѣлать изъ этого свое ремесло. Хвастовство, что «они не получили никакого образованія»—правда это или нѣтъ, это все равно—не можетъ служить рекомендаціей для человѣка, берущаго на себя столь деликатную обязанность, полную громадной ответственности... Подобные люди пишутъ себѣ рекламы въ газетахъ и легковѣрные имъ вѣрятъ. Мы дожили теперь до отвратительнаго феномена, называющагося «мальчикъ, говорящій проповѣдь». Мальчуганы являются передъ много-

численной публикой въ блистательно освѣщенныхъ газомъ залахъ и проповѣдуютъ; публика внимательно слушаетъ ихъ, точно у нея нѣтъ другого болѣе полезнаго дѣла... Мало этого: всякій несчастный только потому, что имѣетъ какойнибудь замѣтный физическій недостатокъ — слѣпъ, хромъ или безрукій—можетъ легко прослыть за человека, одареннаго способностями замѣчательнаго проповѣдника. И этотъ несчастный, вмѣсто того, чтобы скрывать свои недостатки отъ общества, вращаясь въ кругу близкихъ людей, напротивъ, взбирается на пьедесталъ и показываетъ ихъ огромной публикѣ точно выставляя на показъ необычайную красоту или изумительную добродѣтель. Въ иныхъ мѣстахъ для признанія проповѣдническихъ способностей нужно только не принадлежать къ мужескому полу. Здѣсь отъ проповѣдника не требуется ни знанія, ни краснорѣчія, ни мудрости, ни опыта. Достаточно быть дамой или дѣвицей, быть молодой, имѣть длинные волосы, а еще лучше имѣть такой профиль, что если смотрѣть съ правой стороны онъ будетъ казаться греческимъ, а съ лѣвой—римскимъ. Имѣющая такія качества можетъ смѣло рассчитывать, что люди могутъ повѣрить, что Богъ ея устами глаголетъ свою волю и простые смертные обязаны внимательно выслушивать все, что она провозгласитъ имъ своимъ нѣжнымъ, тоненькимъ голоскомъ, такъ какъ въ ея словахъ они найдутъ небесное откровеніе...»

Но разсужденія о положеніи религіознаго вопроса въ Соединенныхъ штатахъ могутъ завести насъ слишкомъ далеко. Ограничимся тѣмъ, что мы сказали и обратимся къ текущимъ событіямъ. Однимъ изъ такихъ событій былъ концертъ-монстръ, устроенный мистеромъ Жильморомъ въ Бостонѣ, въ которомъ между прочимъ принимали участіе сто священниковъ разныхъ исповѣданій и служили въ одно время.

Этотъ концертъ, который, по словамъ газетъ, вполне удался, но о которомъ мы еще не имѣемъ подробныхъ извѣстій,—есть произведеніе чистѣйшаго янкинизма, типичнаго американизма. Если вѣрить объявленію, «цѣлью этого концерта должно быть соединеніе въ общемъ торжествѣ всѣхъ знаменъ, всѣхъ христіанскихъ и цивилизованныхъ націй, которыя общимъ гимномъ воздадутъ благодарность Господу за прогрессъ истины (?) и хвалу за всеобщій миръ (?). Это обширное собраніе людей разныхъ націй послужитъ средствомъ для

заключенія новыхъ сдѣлокъ и для скрѣпленія старыхъ; благодаря этому собранію коммерческія предриятія получаютъ сильный толчекъ (?)... Это между-народное торжество окажетъ также замѣтное религіозное вліяніе. Большая часть музыки, которую стануть пѣть, содержитъ въ себѣ божественные звуки аллилуи, Те Deum'a и лютеровскаго хора... Это торжество произведетъ на искусство самое счастливое впечатлѣніе... †

• Никогда еще не собирали въ одномъ мѣстѣ такого громаднаго количества музыкантовъ, пишутъ въ одной газетѣ. Въ 1791 году въ Англіи былъ составленъ концертъ изъ 500 голосовъ и 500 инструментовъ. Въ 1836 году Мендельсовъ собралъ въ Дюссельдорфѣ 316 пѣвцовъ и 220 музыкантовъ. Въ 1859 году въ концертѣ въ Кристалльномъ дворцѣ участвовали 300 инструментовъ и 2,700 голосовъ. Въ 1862 году соединялись вмѣстѣ 4,000 голосовъ и 500 музыкальных инструментовъ; въ 1866 году—5,000 голосовъ и 500 инструментовъ; въ 1869 году—10,000 голосовъ и 1,000 инструментовъ.

• Въ 1872 году въ Бостонѣ должны соединиться 20,000 пѣвцевъ и 2,000 самыхъ опытныхъ въ свѣтѣ музыкантовъ, въ томъ числѣ тридцать военныхъ оркестровъ и 1,000 скрипокъ. 150 лучшихъ музыкантовъ Соединенныхъ штатовъ будутъ состязаться съ 150 лучшими артистами Европы и, наконецъ, національную пѣсню споютъ все присутствующіе на праздникѣ, которыхъ, вѣроятно, будетъ не менѣе 100,000 человекъ. Замѣтнѣйшей пьесой въ концертѣ будетъ хоръ кузнецовъ изъ оперы «Трубадуръ»; во время исполненія этого хора сотни кузнецовъ будутъ бить въ тактъ своими молотами по наковальнямъ, а огромные колокола, приводимые въ дѣйствіе паровой машиной, будутъ звонять изо всей мочи.»

Последнія телеграммы изъ Америки сообщаютъ, что все обѣщанія, данныя мистеромъ Жильморомъ, были точно выполнены. Самый шумный восторгъ публики произвела марсельеза, исполненная оркестромъ французской республиканской гвардіи съ акомпаниментомъ тысячи скрипокъ, всякихъ другихъ музыкальных инструментовъ, нѣсколькихъ тысячъ голосовъ и баттарей пушекъ. Можно судить, какой громъ вышелъ изъ этой смѣси! Телеграфъ не сообщаетъ намъ, сколько беременныхъ женщинъ разрѣшилось отъ этого грома; однакожь, можно смѣло предположить, что такихъ случаевъ было не мало, такъ-какъ, по всей вѣроятности, между публикой была не одна сотня беременныхъ женщинъ.

Народъ юный, американцы, подобно дѣтямъ, любятъ производить страшный шумъ, и считаютъ его спасительнымъ средствомъ отъ одо-

лѣвающей ихъ мертвящей скуки. Въ одно и то-же время самый молодой и отчасти варварскій, самый передовой и отчасти отсталой членъ человѣческой цивилизованной семьи, американскій народъ находитъ особую прелесть въ излишествахъ, его болѣе всего поражаютъ всевозможныя крайности. Въ музыкѣ ему особенно нравятся рѣзкіе звуки; въ живописи его поражаютъ только яркіе цвѣта; въ Соединенныхъ штатахъ нѣтъ настоящихъ художниковъ, но есть хорошіе каррикатуристы. Когда знаменитая французская актриса Рашель пріѣхала въ Соединенные штаты и стала давать представленія, ее сбѣгались смотреть не какъ замѣчательную драматическую артистку, а какъ пѣвицу, соперницу Дженни Линдъ (о чемъ было объявлено въ газетахъ антрепренерами); репутацію пѣвицы Рашель приобрѣла за то, что на одномъ вечерѣ въ 1848 году продекламовала, а потомъ спѣла (конечно, далеко не музыкально) марсельезу.

Американцы считаютъ только то предпріятіе вполне удавшимся, о которомъ много говорятъ. Американцы не охотно даютъ деньги на сомнительныя предпріятія, но если они имѣютъ въ виду, что предпріятіе получить извѣстность, ихъ не останавятъ никакіе расходы. Жильморъ нашелъ массу акціонеровъ для своего бостонскаго предпріятія. Дастъ это предпріятіе барышъ, они, конечно, будутъ рады; потерпятъ убытокъ—и нисколько не опечалятся, потому что будутъ вполне удовлетворены, читая газетные отзывы о ихъ чудовищномъ концертѣ. Они упьются чтеніемъ статей, въ которыхъ фельетонисты съ умиленіемъ описываютъ это чисто американское празднество и заканчиваютъ свое описаніе такимъ патетическимъ возгласомъ: «нигдѣ и никогда не было видано ничего подобнаго!» (1)

При всемъ томъ американцы твердо идутъ къ своей цѣли, ихъ способность къ труду, ихъ энергія изумительны; съ каждымъ днемъ ихъ голосъ приобретаетъ все больше и больше значенія и, можетъ быть, черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ, они станутъ вліять на ходъ дѣлъ въ Европѣ, и ихъ представители получатъ первенствующее значеніе въ европейскіхъ конгрессахъ. Есть темныя стороны въ жизни американцевъ, но несравненно больше свѣтлыхъ. Здравый умъ и знанія во время подскажутъ имъ, какое лекарство необходимо для излеченія ихъ хроническихъ болѣзней, и они навѣрное примутъ его, какъ-бы оно ни было горько на вкусъ!

1) По послѣднимъ извѣстіямъ, затѣя Жильмора дала убытокъ въ 250,000 долларовъ.

Недавно умеръ Джемсъ-Гордонъ Беннетъ, знаменитый издатель газеты «New York Herald». Онъ пользовался большою извѣстностью и смылъ за персону весьма важную. Многие относились къ нему съ презрѣніемъ, но еще большее число его соотечественниковъ ему завидовали и удивлялись. Пока его имя еще не предано забвенію, пока о немъ говорятъ и друзья и враги, остановимся и мы надъ его свѣжей могилой и посмотримъ, что это былъ за человѣкъ.

Несмотря на то, что Беннетъ, и по своей дѣятельности, и по своему личному характеру, можетъ считаться американцемъ изъ американцевъ, онъ былъ шотландецъ по происхожденію. Впрочемъ, его предки были французы; они переселились въ Шотландію въ то время, когда Людовикъ XIV сталъ жестоко гнать протестантовъ; не желая измѣнить своей протестантской религіи, Беннеты предпочли удалиться изъ Франціи и отыскали себѣ новое отечество въ Шотландіи, гдѣ вполне ассимилировались. Джемсъ-Гордонъ Беннетъ былъ бѣденъ; онъ получилъ свое воспитаніе въ школахъ, имѣвшей специальное назначеніе готовить пасторовъ. Беннетъ готовился тоже въ пасторы, но когда ему исполнилось двадцать шесть лѣтъ, онъ вдругъ почувствовалъ нерасположеніе къ этой карьерѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ овладѣло убѣжденіе, что на родинѣ едва-ли ему удастся пробить себѣ дорогу. Не долго раздумывая, онъ рѣшился эмигрировать въ Соединенные штаты. Онъ высадился въ Бостонѣ и, получивъ мѣсто корректора газеты при одной типографіи, дебютировалъ такимъ скромнымъ положеніемъ въ журналистикѣ. Скопивъ нѣсколько долларовъ, онъ попытался пустить ихъ въ торговые обороты, но на первомъ-же шагѣ оборвался. Тогда онъ снова обратился къ журналистикѣ и на этотъ разъ вошелъ туда уже не какъ корректоръ, а какъ корреспондентъ. Его правдивыя и остроумныя корреспонденціи изъ Вашингтона были замѣчены и, такимъ образомъ, онъ приобрѣлъ себѣ нѣкоторое имя въ журнальномъ мірѣ. Онъ былъ честолюбивъ и потому придавалъ своей извѣстности гораздо большее значеніе, чѣмъ она стояла, и рѣшился основать свою газету. Сначала онъ основалъ одну, потомъ другую, обѣ подъ знаменемъ демократической партіи, но обѣ онѣ провалились. Онъ однакожъ не пришелъ въ отчаяніе и вскорѣ привялся за третью. Въ это время, въ 1833 г., ему было уже сорокъ лѣтъ отъ роду. Богатый опытомъ, но бѣдный матеріальными средствами (онъ имѣлъ всего 400 руб.), онъ сталъ издавать «New York Herald». Газета придерживалась идей демократической партіи, но не была, въ строгомъ смыслѣ, органомъ этой партіи; она служила интересамъ самого Джемса-Гордона Беннета и ничѣмъ дру-

гимъ. «Я завишу только отъ самого себя», объявлялъ онъ съ гордостью.

«Первые нумера «Herald'a» были крайне плохи и по своему содержанию, и по своему наружному виду, говорить «Saturday Review», — откуда мы заимствуемъ большую часть нашихъ свѣденій о Беннетѣ. Въ первое время своего существованія «Herald» былъ весьма непристойнымъ ежедневнымъ памфлетомъ, который печатался украдкой въ какомъ-то погребѣ и набирался шрифтомъ, позаимствованнымъ безъ согласія хозяина въ ближайшей типографіи. Газета печаталась на грязной бумагѣ, и текстъ ея состоялъ изъ описанія разныхъ скандаловъ, изъ оскорбительныхъ отзывовъ о разныхъ лицахъ, изъ сквернословія, изъ брани; но за то она продавалась крайне дешево и сразу приобрѣла себѣ множество читателей. Беннетъ получилъ довольно хорошее образованіе, онъ могъ быть вполне *джентльменомъ* и если употреблялъ въ своихъ статьяхъ языкъ грубый, ругательный, и избиралъ отталкивающія темы для статей своей газеты, онъ дѣлалъ это исключительно въ видахъ спекуляціи. Какъ человѣкъ чисто-коммерческой, или, по его словамъ, какъ человѣкъ безъ предразсудковъ, онъ рѣшился выпускать изъ своей лавочки тотъ товаръ, на который находился покупатель. Если-бы Беннетъ въ то время убѣдился, что существуетъ большій спросъ на литературу съ моральнымъ направленіемъ, онъ не задумался-бы внести его въ свою газету. Во время одной изъ коммерческихъ паникъ, которая періодически посѣщаютъ Нью-Йоркъ, Беннетъ придумалъ штуку, съ помощью которой приобрѣлъ много денегъ. Онъ объявилъ, что намѣренъ напечатать два списка торговцевъ: въ одномъ онъ помѣститъ людей вполне состоятельныхъ; въ другомъ — сомнительныхъ, которые могутъ прекратить платежи. Торговцы встревожились, всякому захотѣлось попасть въ списокъ состоятельныхъ; большинство изъ нихъ поспѣшили къ Беннету и внесли ему приличный выкупъ. Штука Беннета напоминаетъ продѣлку въ подобномъ-же родѣ Мираса въ Бордо. Мирасъ въ то время еще не пользовался извѣстностью и жилъ бѣдно. Желая во что-бы то ни стало приобрести деньги, онъ объявилъ, что намѣренъ каждое воскресенье сообщать имена умершихъ втеченіи недѣли, а также имена медиковъ, которые ихъ лечили. Понятно, что медики поспѣшили откупиться.

Послѣ нѣсколькихъ продѣлокъ въ подобномъ-же родѣ, «Herald» оставила свой погребъ и перешла въ болѣе удобное помѣщеніе. Дверь и окна ея конторы выходили на улицу. Беннетъ приобрѣлъ для газеты шрифтъ; придалъ ей болѣе красивую внѣшность; самое содержа-

не газеты нѣсколько измѣнилось, въ ней стали рѣже попадаться брань и сквернословіе; однимъ словомъ, придавъ ей кажущуюся благопристойность. Въ сущности «Herald» осталась тѣмъ-же, чѣмъ она была и прежде. По прежнему въ ней описывались грязные кабацкіе скандалы, по прежнему она забиралась въ тѣ области частной жизни, которыхъ не позволить себѣ касаться ни одинъ честный органъ печати, но она настолько облагодобрилась, что ее теперь уже могли читать въ буржуазныхъ семействахъ. Буржуа вообще большіе охотники до газетъ съ скромнымъ содержаніемъ, но они требуютъ, чтобы все было облечено въ приличныя формы и выражено языкомъ не слишкомъ циничнымъ. Беннетъ понялъ, чего желаетъ его публика и повелъ дѣло съ большой выгодой для своего кармана. Онъ отвелъ въ своей газетѣ извѣстное мѣсто политическому отдѣлу, который представлялъ собою ея благопристойный элементъ; здѣсь читатель, желающій знать, что дѣлается въ политическомъ мірѣ, находилъ всѣ новыя извѣстія. Но Беннету было извѣстно, что его газету покупаютъ не для этихъ извѣстій, которыя печатаются и въ другихъ, болѣе солидныхъ органахъ печати; ему было извѣстно, что она расходуется хорошо только потому, что имѣетъ отдѣлъ, котораго нѣтъ въ другихъ газетахъ; на этотъ-то отдѣлъ, которому давалось скромное заглавіе «Новости», онъ и обратилъ особенное вниманіе и, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ его чрезвычайно полнымъ. Сюда входили всякія извѣстія, касающіяся торговаго и финансоваго міра, сюда заносились всѣ скандальныя происшествія, всякія чрезвычайныя событія; здѣсь-же печатались рекламы, за которыя издатель получалъ хорошія деньги. Беннетъ постарался составлять возможно полнѣе „Справочный листокъ“, что также не мало способствовало распространенію газеты. Беннетъ довелъ издательскую спекуляцію до совершенства и не мудрено, что у него явились подражатели даже въ Европѣ, напримѣръ, во Франціи Вильмессанъ съ своимъ «Фигаро», а также издатель «Gaulois» и «Paris Journal», но эти органы кокотокъ и кокодесовъ перешли тѣ границы, которыхъ держался издатель «Herald'a» и наполняли столбцы своихъ газетъ лишь циничной болтовней и клеветами самаго грязнаго свойства. Образцы подобныхъ изданій находятся, конечно, и въ другихъ странахъ, но мы пока умолчимъ объ нихъ... чтобы гусей не раздражить.

«Herald», принявъ приличную наружную оболочку, не сдѣлался оттого нравственнѣе, честнѣе и искреннѣе, опять-таки не потому, чтобы Беннетъ ложь предпочиталъ истинѣ, — нѣтъ, а просто оттого, что онъ желалъ угодить вкусу публики, требующей «ново-

стей», какъ можно больше—«Новостей». «Намъ нужны новости и только однѣ новости»—вотъ девизъ, который принялъ Беннетъ для своей газеты. И только въ ловкой эксплуатаціи «новости» слѣдуетъ искать причину непомѣрнаго успѣха «Herald'a». Правильно или ложно извѣстіе—не въ этомъ дѣло, главное надо стараться сообщить его раньше другихъ; если оно представляетъ особенный интересъ, о немъ стануть говорить, и каждый непременно прибавить, что его сообщилъ «Herald». Если-же оно окажется ложнымъ, всегда можно оговориться, что редакція была введена въ заблужденіе своимъ корреспондентомъ, которому она не могла не вѣрить, такъ какъ до сихъ поръ онъ всегда сообщалъ только извѣстія, точно имъ провѣренныя и разслѣдованныя. Или-же можно отдѣлаться молчаніемъ, авось никто не потребуетъ объясненія.

По мнѣнію Беннета, газета, желающая имѣть успѣхъ, должна быть выраженіемъ народныхъ инстинктовъ и никогда не высказывать убѣжденій, противныхъ убѣжденіямъ большинства. «Самая возвышенная мудрость, самое поразительное развитіе, говорилъ онъ,—не въ силахъ уравновѣсить громадную тяжесть массъ...» «Повѣрьте мнѣ, писалъ онъ въ первомъ номерѣ «Herald'a»,—что меня никогда не упрекнутъ въ томъ, что я служу интересамъ какого-нибудь меньшинства!» И Беннетъ сдержалъ свое слово. Втеченіи своей, почти сорокалѣтней журнальной дѣятельности онъ постоянно льстилъ всѣмъ предразсудкамъ, всѣмъ заблужденіямъ большинства, былъ постояннымъ защитникомъ той партіи, которая господствовала въ данный моментъ. Если случалось, что по недоразумѣнію, онъ поддержалъ мнѣніе, неутвержденное большинствомъ, онъ спѣшилъ поправиться и яростно нападалъ на того человѣка или на ту идею, которую защищалъ вчера. Если-же его упрекали въ такомъ легкомысліи, онъ смѣялся добродушнымъ смѣхомъ и спрашивалъ: «скажите-же мнѣ, что такое истина?»

Когда Беннета упрекнули въ томъ, что онъ торгуется словомъ, что его газета такое же коммерческое предпріятіе, какъ какой-нибудь лабазъ или пивная лавка, онъ отвѣчалъ съ горюстью: «Да, я торгую мыслями и чувствами; я продаю интеллектуальныя истины; я торгую оптомъ, мои дѣла процвѣтають, и я богатѣю съ каждымъ днемъ». Беннету, конечно, слѣдовало быть послѣдовательнымъ до конца и не толковать объ интеллектуальныхъ истинахъ, которыхъ онъ и не думалъ продавать, а сказать по-просту, что онъ торгуется диффамациями, непристойностями и клеветой. Ставя выше всего соб-

ственный интересъ, онъ постоянно взывалъ къ самымъ низкимъ инстинктамъ большинства, возбуждалъ его страсти и зависть и потакалъ самымъ безумнымъ его требованіямъ.

Раздражая такимъ образомъ страсти рабовладѣльцевъ и обманывая ихъ, насколько они желали быть обманутыми, Беннетъ употребилъ все зависящія отъ него средства, чтобы помѣшать мирному разрѣшенію спора между абolicіонистами и рабовладѣльцами. Ради собственныхъ выгодъ Беннетъ не остановился передъ ужасами гражданской войны. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые употребляли все усилія, чтобы разжечь ее. Когда-же побѣжденный югъ склонился передъ своими побѣдителями, Беннетъ уже давно печаталъ похвальныя оды этимъ побѣдителямъ.

Беннетъ, неуважавшій никакихъ заслугъ, никакой славы, совершенно безразлично относился къ собственной репутаціи и всему на свѣтѣ предпочиталъ кошелекъ съ золотомъ. Зная, или, по крайней мѣрѣ, предполагая, что онъ знаетъ, цѣну общественнаго мнѣнія, онъ предпочиталъ имѣть скорѣе худую, чѣмъ хорошую репутацію, желалъ лучше достигнуть извѣстности, какова-бы она ни была, чѣмъ уваженія, потому-что извѣстность производитъ шумъ, заставляетъ много говорить о себѣ, а съ уваженія барыша немного. Онъ позорилъ другихъ съ безпримѣрной наглостью, но также любилъ, чтобы и его позорили, и если долгое время не появлялось въ печати противъ него оскорбительныхъ отзывовъ, онъ платилъ значительныя деньги и отзывы снова появлялись. Онъ постоянно заботился, чтобы говорили о немъ и объ его газетѣ, и какъ дурную славу легче купить, чѣмъ хорошую, то о немъ и объ его газетѣ несравненно чаще печатались ругательства, чѣмъ похвала. Онъ тщательно заносилъ въ свою газету все случаи, когда онъ получалъ оскорбленія словомъ и дѣломъ. «Вчера, когда я проходилъ по Валь-Стритъ, пишетъ онъ въ своей газетѣ,—съ цѣлю провѣрить нѣкоторыя свѣденія, которыя должны были войти въ сегодняшній номеръ «Herald'a», я столкнулся съ Джемсомъ-Ватсономъ Вэббомъ, который, проворчавъ нѣсколько по всей вѣроятности не лестныхъ для меня прозвищъ, которыхъ я однакожъ хорошенъко не разслышалъ, притиснулъ меня къ каменной лѣстницѣ и напалъ на меня съ яростію и свирѣпостію, по истинѣ демонскими. Вослѣдовала драка; она стоила мнѣ царапины и потери трехъ пуговицъ, стоимостію 15 копеекъ. Съ своей стороны, я разорвалъ моему противнику сверху до низу превосходный скюртукъ, за который онъ навѣрное заплатилъ рублей 50. Кромѣ того я нанесъ ему та-

кой сильный ударъ въ лицо, что, надѣюсь, вышибъ ему по крайней мѣрѣ два его адскіе зуба, которые застряли въ его ненасытной глоткѣ. Отсюда прямой выводъ: я остался въ барышахъ на 49 рублей 85 коп.»

Въ другой разъ Беннетъ былъ презрѣдно побитъ на улицѣ одной особой прекраснаго пола. Черезъ нѣсколько часовъ на всѣхъ улицахъ Нью-Йорка красовалось объявленіе, напечатанное крупнымъ шрифтомъ: «Джемсъ-Гордонъ Беннетъ побитъ женщиной!! Подробности можно прочесть въ «Herald'ѣ». Биографъ Беннета рисуетъ патетическую картину, какъ побитый редакторъ «Herald'a» сидитъ въ своей конторѣ, окруженный сотрудниками и секретарями. Ему досталось на порядкахъ; обвязанный и обложенный пластырями, онъ рассказываетъ своимъ внимательнымъ слушателямъ всѣ подробности происшествія и, потирая руки, прибавляетъ: «это дастъ намъ добрый барышъ, хорошее вознагражденіе!»

И дѣйствительно, онъ получалъ хорошій барышъ, и получалъ его постоянно, такъ-что когда онъ умеръ, дѣла газеты находились въ самомъ блистательномъ положеніи. Контора ея помѣщалась въ великолѣпномъ дворцѣ, собственномъ домѣ Беннета, и стоимость газеты опредѣлялась суммой въ 6 и даже въ 7,000,000 рублей. Она приносила громадные доходы и имѣла корреспондентовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, которымъ платилось содержаніе, равное содержанію знаменитаго тенора или посланника. Недавно еще парижская газета „Kappel“, сообщая о смерти одного изъ парижскихъ корреспондентовъ газеты „Herald“, Кросса, замѣтила, что Беннетъ платилъ ему 12,000 рублей въ годъ содержанія. Въ Парижѣ у „Herald'a“ не одинъ корреспондентъ, а, кажется, три.

Людамъ, подобнымъ Беннету, для которыхъ безразлично понятіе о добрѣ и злѣ, которые не останавливаются ни передъ чѣмъ, которые отбрасываютъ, какъ ненужный хламъ, честность и долгъ,—такимъ людямъ живется очень легко, жизнь для нихъ крайне упрощается; если у нихъ притомъ голова въ порядкѣ и они имѣютъ способность отыскивать источники для удовлетворенія своихъ далеко не скромныхъ желаній,—они приобрѣтаютъ блистательное положеніе въ свѣтѣ. Многіе историческіе дѣятели держались и держатся той-же системы поведенія, какой держался Беннетъ. Въ характерѣ Юлія Цезаря, Наполеона, Фридриха II, Талейрана, Бисмарка, Морни, Пальмерстона, Жирардена, Вильмеса, Пуле-Кэртъе найдется не мало чертъ, общихъ съ характеромъ Беннета. Сердце у нихъ, по выраженію од-

ного писателя, сидитъ въ желудкѣ. Ихъ можно во всемъ обвинить, только не въ чувствительности; страданія людей не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія, они твердо и рѣшительно идутъ къ цѣли и горе тому, кто вздумаетъ преграждать имъ путь. Американскіе шекеры, бонзы и въ послѣднее время нѣмецкіе послѣдователи идей философовъ Гартмана и Шопенгауэра учатъ, что добродѣтель дана человѣку на несчастіе. Люди удачи, для которыхъ все средства хороши, лишь-бы имъ самимъ было хорошо, должны согласиться съ истиной этого ученія. Евнухи всегда толсты и жирны, кожа у нихъ бѣлая и лоснящаяся, — а отчего? да потому, что они избавлены отъ всякихъ заботъ и страстей, ведутъ жизнь тихую и спокойную; они не знаютъ мученій любовника, тревогъ супруга, нѣжной привязанности отца семейства; все ихъ наслажденіе заключается въ обжорствѣ, въ самомъ элементарномъ наслажденіи, которое удовлетворить чрезвычайно легко. Спокойно живетъ евнуху, но еще спокойнѣе людямъ, которые считаютъ все дозволеннымъ, если только въ результатѣ будетъ ихъ собственное благополучіе. И Гартманъ, и Фонтенель, и смотритель серала, и Беннетъ согласны въ томъ, что любовь — смѣшное безуміе, что желаніе справедливости — бесплодное мечтаніе, что природа дала человѣку хитрость, конечно, для того, чтобы онъ имѣлъ въ виду лишь одно свое я.

Беннетъ умеръ спокойно, въ своей кровати, достигнувъ старости и обладанія милліонами; онъ пользовался уваженіемъ и значеніемъ, которыхъ нелѣпо отрицать; къ нему прибѣгали за совѣтами, искали его протекціи; его обѣды славилась на весь Нью-Йоркъ, у него была одна изъ самыхъ лучшихъ картинныхъ галерей въ Соединенныхъ штатахъ, а также великолѣпнѣйшій, богатѣйшій птичникъ, въ которомъ онъ любилъ проводить по нѣсколькимъ часамъ въ день съ своими любимыми птицами, что показывало, что онъ питалъ склонность къ простымъ нравамъ и вкусамъ. Беннетъ будетъ служить образцомъ и примѣромъ будущей генераціи.

Но Беннетъ имѣлъ слишкомъ спокойный нравъ и ему слишкомъ легко удалось составить себѣ карьеру, чтобы онъ могъ когда-нибудь сдѣлаться народнымъ героемъ. Правда, онъ возбуждаетъ и будетъ еще долго возбуждать нѣкоторое удивленіе, смѣшанное съ завистью, но въ его жизни недостаетъ драматическаго элемента, который воспла-

меняетъ воображеніе и возбуждаетъ симпатію и страстное удивленіе толпы. Въ жизни Джемса Фиска, убитаго полгода тому назадъ и убійца котораго до сихъ поръ еще не былъ судимъ, встрѣчается именно этотъ элементъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Беннетъ былъ прежде всего человѣкомъ мысли; Фискъ—дѣйствія; оба они одинаково были одарены хитростью и плутовствомъ, но Фискъ проявлялъ свои способности съ большимъ блескомъ и съ большею наглостію. Беннетъ былъ неподобный стратегикъ и медленно, годъ за годомъ, приводилъ въ исполненіе свой планъ. Фискъ, напротивъ, дѣйствовалъ рѣшительно, налетомъ, о планѣ онъ мало заботился. Онъ началъ свою жизненную карьеру съ еще меньшими средствами, чѣмъ Беннетъ, и быстро достигъ богатства. Онъ былъ еще молодъ и находился на верху благополучія, когда его внезапно сразила пуля убійцы. Такой конецъ возвысилъ его еще болѣе во мнѣніи его почитателей. До этихъ поръ Фиска считали очень счастливымъ авантюристомъ, но убійство сдѣлало изъ него трагическую личность, героя.

Банкиръ, полковникъ, адмиралъ, директоръ театра и желѣзной дороги, Джемсъ Фискъ, подобно королю Мюрату, дебютировалъ на жизненной аренѣ въ качествѣ конюха. Его обязанностию было чистить клѣтки въ звѣринцѣ укротителя звѣрей Фан-Амбурга. Впоследствии Фискъ рассказывалъ, сколько труда, усилій и интригъ онъ долженъ былъ употребить, чтобы перейти съ этого мѣста на должность продавца билетовъ въ звѣринецъ. Восемь лѣтъ онъ хлопоталъ о полученіи столь желаннаго мѣста, но продержался на немъ не долго. Хозяинъ замѣтилъ, что новый кассиръ нечистъ на руку, и отказалъ ему.

Фиску тогда было 28 лѣтъ отъ роду. Онъ сдѣлался странствующимъ торговцемъ; сначала онъ переходилъ изъ деревни въ деревню пѣшкомъ, нося ящикъ съ товарами на своей спинѣ; потомъ онъ приобрѣлъ повозку и осла. Онъ торговалъ различной мелочью и преимущественно женскими туалетными принадлежностями. Черезъ нѣсколько лѣтъ бостонскій фабрикантъ, у котораго Фискъ забиралъ товары, пораженный постояннымъ возрастаніемъ его торговыхъ оборотовъ, предложилъ ему вести эту торговлю въ товариществѣ съ его домомъ. Это случилось во время гражданской войны. Фискъ тотчасъ же взялъ огромные подряды для сѣверной арміи, и въ то-же время занялся контрабандной поставкой припасовъ для южанъ. Онъ вскорѣ забралъ въ руки всѣ дѣла товарищества; перепуганные товарищи посѣшили отдѣлаться отъ него, выплативъ ему болѣе 80,000 рублей.

Съ этими деньгами Фискъ отправился въ Нью-Йоркъ, пустился въ биржевыя спекуляціи и въ нѣсколько дней потерялъ все свое состояніе.

Фискъ раззорился въ августѣ 1867 года, а въ октябрѣ того-же года у него было состояніе въ 1,700,000 рублей. «Черезъ три мѣсяца, говорилъ онъ своимъ друзьямъ, — я буду имѣть дворецъ въ Нью-Йоркѣ или меня засадятъ въ тюрьму». Онъ бросилъ свои кости и ему выпалъ дворецъ.

Въ это время одинъ изъ нью-іоркскихъ богачей Вандербильтъ, почти полный собственникъ центральной нью-іоркской желѣзной дороги, вздумалъ приобрести также эрійскую линію. Въ его распоряженіи находился свободный капиталъ въ 13 милліоновъ рублей. Самое простое средство заполучить эрійскую дорогу, лучше сказать, сдѣлаться директоромъ, распорядителемъ ея движенія, было, конечно, скупить всѣ акціи, которыя только были въ обращеніи на биржѣ. Вандербильтъ началъ скупать ихъ, и, разумѣется, онъ быстро поднялись въ цѣнѣ. Между тѣмъ, онъ сталъ замѣчать, что, по мѣрѣ того, какъ онъ скупалъ акціи, ихъ являлось все большее и большее количество въ обращеніи. Ему стало ясно, что его планъ угадали, и что у него есть соперники, которые не желаютъ допустить его распоряжаться дѣлами общества и пользуются его спекуляціей для своего обогащенія. Всю эту кашу заварилъ Фискъ, который, при пособіи своего пріятели Гульда, втерся въ административный совѣтъ эрійской желѣзной дороги и, подъ его прикрытіемъ, произвелъ весьма выгодную операцію, имѣвшую, впрочемъ, большое сходство съ выпускомъ въ обращеніе фальшивыхъ банковыхъ билетовъ. Фискъ пустилъ на биржу 50 тысячъ фальшивыхъ акцій, которыя всѣ скупилъ добрякъ Вандербильтъ. Хотя этому выпуску акцій была придана нѣкоторая законная форма, однакожъ дѣло произвело такой скандалъ, что нью-іоркскій судъ далъ приказъ объ арестѣ Фиска. Узнавъ объ этомъ, Фискъ бѣжалъ изъ Нью-Йорка, конечно, захвативъ съ собой приобретенныя спекуляціей деньги, которыя онъ обратилъ въ акціи эрійской дороги. Онъ удалился въ Нью-Джерсей, конечный пунктъ эрійской дороги, гдѣ находились ея магазины и заводы. Нью-Джерсей не подчиненъ юрисдикціи нью-іоркскаго суда; здѣсь Фискъ могъ проживать спокойно, тѣмъ болѣе, что административный совѣтъ избралъ его директоромъ-распорядителемъ. Устроившись въ Нью-Джерсеѣ, онъ послалъ Гульда, съ которымъ вмѣстѣ плутовалъ, въ Адъбани, чтобы въ тамошнемъ судѣ добиться признанія правильнымъ выпускъ дополнительныхъ (какъ онъ

назывались) акцій. Гульдъ взялъ съ собою 150,000 рублей. Онъ возвратился назадъ съ пустымъ кошелькомъ, но добился признанія дѣйствій Фиска законными. Фискъ тотчасъ-же возвратился въ Нью-Йоркъ и съ торжествомъ былъ встрѣченъ административнымъ совѣтомъ, гдѣ у него были враги. Теперь Фискъ былъ признанъ безспорнымъ распорядителемъ эрійской желѣзной дороги; онъ забралъ изъ канцеляріи совѣта всѣ книги, которыхъ у него не доставало въ Нью-Джерсеѣ, и устроилъ канцелярію совѣта въ собственномъ домѣ.

Примирившись съ штатомъ Нью-Йоркомъ, Фискъ или, какъ его теперь называли, князь эрійскій, затѣялъ ссору съ Альбани, который только-что его оправдалъ. Принявъ за основу своихъ операцій эрійскую линію, которой онъ распоряжался самовластно, несмотря на оппозицію своихъ товарищей, имѣя въ своемъ завѣдываніи 15,000 человекъ служащихъ, Фискъ захотѣлъ удвоить свою власть, замѣнивъ Вандербильта въ управленіи центральной дорогой.

Фискъ былъ хитре и ловче Вандербильта; вмѣсто того, чтобы скупать акціи центральной дороги, онъ задумалъ наложить свою руку на боковую сускеганакскую линію, куда онъ тоже успѣлъ уже втереться въ качествѣ члена комитета, понизить на ней тарифъ настолько, чтобы можно было этимъ поставить въ затруднительное положеніе центральную дорогу, и потомъ войти съ нею въ переговоры, лучше сказать, предложить ей ультиматумъ. Къ несчастію для Фиска, председательствующій директоръ сускеганакской линіи держалъ сторону Вандербильта, а потому и не захотѣлъ входить въ соглашеніе съ Фискомъ. Тогда Фискъ и Гульдъ пустили въ ходъ судебную власть. Они сошлись съ однимъ судьей въ Нью-Йоркѣ; обвинили передъ нимъ директора въ какомъ-то отступленіи отъ закона и добились приговора, которымъ директоръ лишался своихъ президентскихъ правъ. Председательствующій директоръ отвѣчалъ распоряженіемъ судьи въ Альбани, запрещавшимъ членамъ комитета собираться въ отсутствіи президента. Объ этомъ распоряженіи въ тотъ-же вечеръ узнали въ Нью-Йоркѣ. Не теряя ни минуты, Фискъ и Гульдъ отправились къ своему пріятелю судѣ, уговорили его сдѣлать постановленіе о секвестрованіи сускеганакской линіи и о назначеніи двухъ временныхъ администраторовъ для управленія ея дѣлами. Въ какой-нибудь часъ новое распоряженіе было составлено, подписано и, вообще, облечено въ законную форму. Замѣтите, что здѣсь дѣло шло о собственности въ нѣсколько милліоновъ рублей! Въ тотъ-же вечеръ Фискъ, конечно, назначенный временнымъ администраторомъ, съ экстреннымъ поѣз-

домъ уѣхалъ въ Альбани въ сопровожденіи цѣлой кучи пріятелей. Фискъ рассчитывалъ на слѣдующее утро вступить въ управленіе дорогой. Къ его несчастію, судья въ Альбани предугадалъ хитрость, на которую пустился Фискъ; онъ также издалъ постановленіе о взятіи подъ секвестръ сускеганакской дороги и о назначеніи временнаго администратора, который тотчасъ-же и вступилъ въ отправленіе должности. Когда Фискъ съ своими друзьями утромъ явился въ контору, ему деликатнѣйшимъ манеромъ указали на дверь. Фискъ вступилъ въ переговоры черезъ окно и наговорилъ множество любезностей своимъ противникамъ. Это случилось въ субботу; противники рѣшили заключить перемиріе на одинъ день, но въ понедѣльникъ снова вступить въ борьбу. Фискъ полетѣлъ въ Нью-Йоркъ, чтобы посоветоваться съ своими адвокатами и съ пріятелемъ судьей.

Въ понедѣльникъ утромъ обѣ враждующія партіи сошлись въ конторѣ; каждая заручилась распоряженіемъ, что можетъ употребить въ дѣло полицейскую силу. Но понятно, что альбинская полиція была на сторонѣ противниковъ Фиска и онъ нашелся вынужденнымъ удалиться. Уже готовился выйти изъ Альбани поѣздъ, чтобы по всей дорогѣ отдать приказъ не исполнять распоряженій, которыя будутъ присылать изъ Нью-Йорка. Фискъ полетѣлъ на телеграфъ и далъ приказъ немедленно послать поѣздъ изъ Нью-Йорка и на дорогѣ отдать приказаніе, чтобы никто не смѣлъ слушаться распоряженій изъ Альбани.

Оба поѣзда встрѣтились въ тунелѣ; въ одномъ ѣхало 800 человекъ, въ другомъ 450: локомотивы столкнулись и одинъ изъ нихъ сошелъ съ рельсовъ. Служащіе на обоихъ поѣздахъ выскочили изъ вагоновъ и вступили между собой въ рукопашную. Сторонники Фиска были побиты, они бѣжали и оставили поѣздъ въ рукахъ своихъ противниковъ, которые съ торжествомъ привели его въ Альбани.

Дѣло приняло чрезвычайно серьезный оборотъ. Губернаторъ штата счелъ нужнымъ вмѣшаться и отдалъ приказъ, чтобы каждый изъ противниковъ распоряжался только тѣми станціями, которыми онъ распоряжался до начала борьбы; къ ослушникамъ его приказанія онъ пригрозилъ примѣнить дѣйствіе военнаго закона.

Съ этого времени обѣ партіи продолжали борьбу, но не лично, а посредствомъ своихъ адвокатовъ. Созвали собраніе акціонеровъ, которое должно было рѣшить, на чьей сторонѣ право. Акціонеры, понимая, что имъ трудно будетъ тягаться съ компаніей зрійской желѣзной дороги, которая обладаетъ громадными капиталами и своей

конкуренціей можетъ убить ихъ предпріятіе, — благоразумно рѣшили продать дорогу компаніи Гудсонскаго канала, достаточно богатой чтобы не бояться эрйцевъ. Но та и другая стороны заявили множество претензій и дѣло все-таки было доведено до суда; оно окончилось только въ 1871 году. Высшій судъ Соединенныхъ штатовъ окончательно оправдалъ Фиска, которому не пришлось даже платить убытковъ.

Самой грандіозной изъ всѣхъ спекуляцій Фиска была спекуляція его на золото въ сентябрѣ 1869 года. Пользуясь вздорожаніемъ монеты, которое явилось послѣдствіемъ чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ во время гражданской войны, Фискъ задумалъ скупить всю золотую монету, находящуюся въ обращеніи. По этому поводу онъ вступилъ въ заговоръ съ своими пріятелями, они скупили огромное количество золота и потомъ стали продавать его по неизмѣрной цѣнѣ. Послѣдствіемъ этой гнусной спекуляціи, вѣроятно, были бы многочисленныя банкротства, но правительство, напуганное всеобщей паникой, пустило въ обращеніе все золото, какое было въ его распоряженіи и, конечно, понизило на него цѣну. Суровые экономисты вознегодовали на это вмѣшательство, однакожь правительство не обратило вниманія на ихъ ропотъ и предупредило пагубный кризисъ.

Фискъ, разумѣется, былъ связанъ тѣснѣйшими узами съ нью-іоркскимъ муниципальнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ демократовъ, который ознаменовалъ свое управленіе чудовищной кражей общественныхъ денегъ и находится теперь подъ судомъ. Фискъ не былъ членомъ совѣта и не попалъ-бы подъ судъ, но извѣстно, что онъ пользовался очень хорошо при постройкѣ ратуши.

Фиску показалось мало властвовать на биржѣ и онъ добился, что его выбрали директоромъ оперы. Извѣстно, что банкиры питаютъ слабость къ балеринамъ, а балерины любятъ банкировъ. Фискъ ревностно занялся оперой и балетомъ.

И этимъ не удовольствовался Фискъ; его манили къ себѣ военныя почести. Тѣмъ-же путемъ, какъ и миссъ Клефлинъ, онъ достигъ, того, что его выбрали полковникомъ 9-го полка милиціи. Онъ обмундировалъ на свой счетъ весь полкъ и хотя былъ весьма плохой кавалеристъ, купилъ самую дорогую лошадь, какую только могъ найти, и на этомъ скакунѣ, убраннымъ въ богатую сбрую, одѣтый самъ въ пеструю одежду, залитую золотомъ и серебромъ, онъ гордо пародировалъ передъ своимъ полкомъ, представляя изъ себя довольно комическую фигуру.

Онъ былъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе 12 іюля 1871 года, въ день глупаго возмущенія ирландцевъ противъ глупой манифестаціи оранжистовъ. Полкъ Фиска тоже собрался и подошелъ къ дому своего командира. Фискъ, какъ былъ, безъ сюртука, безъ панталонъ, съ розой, приколотой къ его рубашкѣ одной балериной, вышелъ съ саблей въ рукѣ къ своимъ солдатамъ и, потрясая ею, закричалъ съ энтузіазмомъ: «впередъ! впередъ!» Подавая примѣръ своимъ солдатамъ, онъ зашагалъ впереди ихъ, не замѣчая, что одѣтъ не совѣтъ прилично; обуреваемый благородной ревностію, онъ шагалъ такъ быстро, что далеко опередилъ свой полкъ, такъ-что потерялъ его совѣтъ изъ виду и, конечно, поспѣвшиль возвратиться домой. Вскорѣ между солдатами распространился слухъ, что ихъ полковникъ раненъ. Цѣлый день во всемъ Нью-Йоркѣ толковали о полученной Фискомъ ранѣ; когда-же на другой день узнали истину, то большинство рѣшило, что Фискъ очень умный человекъ. Популярность его усилилась еще болѣе.

Интересна также его военная экспедиція въ Бостонъ. Ему пришла фантазія свезти свой полкъ въ этотъ городъ въ день годовщины великой битвы. Пріѣхавъ туда, онъ выстроилъ свой полкъ и, окруженный свитой, большинство которой состояло изъ балеринъ, повелъ его по улицамъ города. Впереди шла полковая музыка и играла веселыя аріи. Было воскресенье; бостонскій муниципалитетъ вознегодовалъ, что музыка осмѣливается играть въ такой день. Тотчасъ-же былъ отряженъ парламентаръ къ Джиму (такъ солдаты, а за ними и нью-іоркцы называли Фиска) съ требованіемъ, чтобы онъ немедленно удалился изъ города. Джимъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ объявилъ, что онъ съ своимъ полкомъ прибылъ сюда съ единственною цѣлію помолиться на могилахъ храбрыхъ героевъ, защитниковъ отечества. Онъ повернулъ къ кладбищу, музыка заиграла похоронный маршъ. На кладбищѣ полковой священникъ произнесъ короткую проповѣдь. Джимъ, преклонивъ колѣни, перемигивался съ своими спутниками, которыя закрывались вѣерами, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Фиску надоѣло быть только полковникомъ и онъ надѣлъ адмиральскій мундиръ. Онъ устроилъ свою собственную небольшую паровую флотилію и повелъ ее въ Гудсоновъ заливъ, куда вошелъ съ музыкой, бенгальскимъ огнемъ и сжегъ на берегу богатый фейерверкъ.

Фискъ не былъ скупъ, его скорѣе можно было назвать мотомъ; онъ пригоршнями бросалъ золото, которое ему такъ легко доставалось. Его щедрость доставила ему большую популярность и онъ былъ

истиннымъ королемъ Нью-Йорка. Когда Фискъ въ сопровожденіи богато-разодѣтыхъ дамъ, въ своей коляскѣ, запряженной четверкой великолѣпныхъ лошадей, показывался на бульварахъ, его встрѣчали аплодисментами и криками «ура!» а женщины изъ оконъ махали ему своими платками. Газеты на другой день описывали его прогулку, восхищались нарядами сопровождавшихъ его дамъ, восторгались бриллиантами, которыми были унизаны его руки. И популярность Джимма росла все болѣе и болѣе.

И вдругъ по городу пронесся слухъ: «Джимъ убить!» Убийцей Фиска оказался его воспитанникъ и соперникъ по любви, Стоксъ. Живя въ домѣ своего патрона и пользуясь его полной довѣренностью, Стоксъ имѣлъ случай часто входить въ сношенія съ его любовницами. Онъ влюбился въ одну изъ нихъ и встрѣтилъ взаимность. Въ рукахъ этой любовницы находилась инеяма, компрометирующія Фиска, и онъ опасался разстаться съ нею. Она уговорила Стокса украсть книги, касавшіяся управленія эрійской дороги, послѣ чего они вмѣстѣ уѣхали въ Нью-Джерсей. Оттуда она писала своему прежнему любовнику, угрожая опубликовать письма, а книги представить въ судъ. Но Фиска трудно было напугать. Онъ отвѣчалъ обвиненіемъ передъ судомъ Стокса въ заговорѣ противъ существующаго порядка вещей. Стоксъ, возбужденный гнѣвомъ своей любовницы и мстью, пріѣхалъ въ гостиницу, въ которой въ то время находился Фискъ, назвалъ его по имени, Фискъ обернулся и Стоксъ нанесъ ему смертельный ударъ по головѣ.

Съ того дня прошло шесть мѣсяцевъ, а убійцу до сихъ поръ еще не судили. Телеграфъ недавно извѣстилъ насъ, что судъ, наконецъ, предписалъ произвести разслѣдованіе относительно управленія Фискомъ дѣлами эрійской желѣзной дороги.

Тѣло Фиска было выставлено въ оперѣ. Мѣстопробываніе смѣха и радости обили чернымъ бархатомъ съ серебряными слезами. На сценѣ, гдѣ еще такъ недавно Джимъ весело перебѣгалъ изъ одной кулисы въ другую, расточая любезности прекраснымъ нимфамъ, теперь возвышался огромный катафалкъ. Фискъ лежалъ въ гробу въ полной формѣ полковника, его шага и знаки адмиральскаго достоинства лежали подлѣ въ видѣ трофеевъ.

Погребальное шествіе сопровождали тысячи народа. За гробомъ вели коня Фиска, покрытаго траурной попоной; далѣе шелъ полкъ покойнаго, музыка играла похоронный маршъ; всѣ музыкальные инструменты были обвиты чернымъ крепомъ.

На кладбищѣ пасторъ, заливаясь слезами, прерывистымъ голосомъ произнесъ рѣчь, которой прощался съ покойнымъ отъ имени города, отъ имени отечества, отъ имени его товарищей по оружію, отъ имени его братьевъ по Христу. Потомъ тѣло опустили въ могилу, а могилу прикрыли надгробнымъ камнемъ.

«Намъ не дѣлаетъ чести, что подобные люди возможны между нами», замѣтила одна изъ нью-іоркскихъ газетъ, говоря о Джемсѣ Фискѣ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому пер., д. Гаоо № 13.)

**Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія**

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благо-
свѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДѢЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въстѣ ст. Т. Гексли: «Бритики Дарвина», общаго, какъ прило-
женіе къ 3-му выпуску, редакція наша возможнымъ издать отдѣльную книжку
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а ино-
городныхъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Редакц. журнала „ДѢЛО“.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.
съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц.
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изда-
ніе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писа-
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—
за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ.

Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта

Комедія всемірной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ только-что вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны—97-мъ часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунт.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ слѣдующія книги:

Политическіе этюды Жака Лефрени. (Исторія Франціи Политическіе портреты. Очерки политическихъ событій въ различныхъ странахъ). Въ 2-хъ томахъ, около 40 печат. листовъ. Цѣна 3 р. безъ перес.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюль Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р. безъ перес.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ книгъ. Пересылка считается особо.

У КНИГОПРОДАВЦА

Н. А. ШИГИНА,

Въ С.-Петербургъ, по Большой Садовой ул., въ д. Пажескаго
Е. Н. В. корпуса, № 5.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Соч. С. С. Шашкова.

Русскія реакціи.—Поучительная исторія о нѣмцахъ. — Рабство въ Сибири.—Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи.—Россійско-американская компанія.—Иркутскій погромъ въ 1758—1760 гг. 2 т. въ 8-ю д. л., болѣе 40 печ. лист. Спб. 1872 г. Цѣна за 2 т. 2 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи 3 р.

ШВЕЙЦАРІЯ И ШВЕЙЦАРЦЫ.

Соч. Вильяма Гепворта Диксона съ присоединеніемъ его же статьи:

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЦЮРИХЪ.

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Михайлова и Н. И. Шульгина. Спб. 1872 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой во всѣ города Россіи 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. Горный народъ.—II. Сен-Готардъ.—III. Альпійская страна.—IV. Борьба за существованіе.—V. Дождь и утесы.—VI. Германцы и кельты.—VII. Общины.—VIII. Общинныя власти.—IX. Общинное управленіе.—X. Кантоны и полу-кантоны.—XI. Кантональное устройство.—XII. Кантонъ Цюрихъ.—XIII. Чистая демократія.—XIV. Революція.—XV. Народныя побѣды.—XVI. Союзъ.—XVII. Союзный договоръ.—XVIII. Иезуиты.—XIX. Богомолье.—XX. Монастырь и кантонъ.—XXI. Келья св. Мейнрада.—XXII. Освященіе четокъ.—XXIII. Послѣдніе бенедиктинцы.—XXIV. Борьба церквей.—XXV. Школа.—XXVI. Демократія въ школѣ.—XXVII. Женева.—XXVIII. Первоначальныя школы.—XXIX. Среднія учебныя заведенія.—XXX. Школа и армія.—XXXI. Защита страны.—XXXII. Армія.—XXXIII. Въ полѣ.—XXXIV. Новый походъ.—XXXV. Результатъ.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЦЮРИХЪ: I. Первоначальныя школы.—II. Городскія школы.—III. Среднія учебныя заведенія.—IV. Женскія школы.—V. Политехнический институтъ.

БАСТИЛІЯ.

СЪ ЕЯ ОСНОВАНІЯ ДО РАЗРУШЕНІЯ.

**Тайны Бастиліи.—Ея арестанты.—Пытки.—Процессы.—
Побѣги.**

Историческій очеркъ заключенія въ Бастиліи, страданія во время заключенія, судебныхъ процессовъ: Обрію, Де-Монтагю, Дезессара, кардинала Балю, епископа д'Арокура, графа Сень-Поля, д'Арманьяка, Пойе, дю-Бура, Монморанси, Коссе, Бюсси д'Амбуаза, Розьера, Дегрена, Гарлея, герцога Вирона, графа д'Оверня, принца Конде, г-жи д'Анкрь, Бассомьера, Жарса, Фука, принца де-Рогана, герцога Люксембурга, графа Дюбюнуа, герцога Ришелье, Вольтера, Латюда, Ла-Шолоте, Прево, Дюмурье, Лянге, Тавернье и другихъ.

**Сочиненіе А. Арнульда, Альфонза дю-Пюжоль и Огюста
Маке.**

Спб. 1872 года. Цѣна 3 руб. 50 коп., вѣсовыхъ за 2 ф.

Съ 1-го января 1872 года за пересылку книгъ гг. иногородныхъ покорнѣйше прошу прилагать въ слѣдующемъ размѣрѣ: на разстояніи до 300 верстъ—3 коп. съ фунта, до 400 верстъ—4 коп., до 500 верстъ—5 коп. съ фунта и т. д., прогрессивно.

ФР. ШПИЛЬГАГЕНА:

В П Е Р Е Д ъ.

Романъ въ двухъ частяхъ, перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1871 г.
Цѣна 2 руб.

ности. — Реклама побоевъ. — Громадный доходъ газеты «Herald». — Чего недоставало Беннету для полной его популярности. — Джемсъ Фискъ. — Онъ начинаетъ свою карьеру конюхою въ звѣрицѣ. — Странствующій торговецъ. — Подрядчикъ. — Биржевой игрокъ. — Мошенничество en grand. — Князь эрійскій. — Нашла коса на камень. — Столкнувшіеся поѣзды. — Спекуляція на золото. — Директоръ театра. — Полковой командиръ. — Адмиралъ. — Убійство Фиска. — Его похороны.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасеа, № 13)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ

ЗАПИСКИ ВОЕННАГО.

Беллетристическіе очерки изъ военнаго быта.

Л. К. Гирса.

(автора „Старой и Юной Россіи“).

Цѣна 1 р. 60 к. безъ пер., съ перес. 1 р. 80 к.

Подписчикамъ на журналъ «Дѣло» и книгопродавцамъ дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны.

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ
СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Перев. съ англійскаго подъ редакціею Благосвѣтлова.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третьему выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной какъ приложение къ 3-му выпуску, редакция наша возможнымъ издать отдѣльную книжку съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а иногороднихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ какой бы то ни было мѣстности — деньгами или почтовыми марками.

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала Дѣло въ 1872 году и 2) объ изданіяхъ редакціи журнала Дѣло; 3) отъ книжнаго магазина Н. А. Шигина.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1872 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи, въ
Троицкомъ переулкѣ, домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гостин-
ному двору, №№ 18, 19 и 20.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловь-
ева, бывшій Базунова, на Страстномъ
бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн	15 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и
Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 15 1964~~

~~345 974~~

Widener Library

3 2044 079 301 917